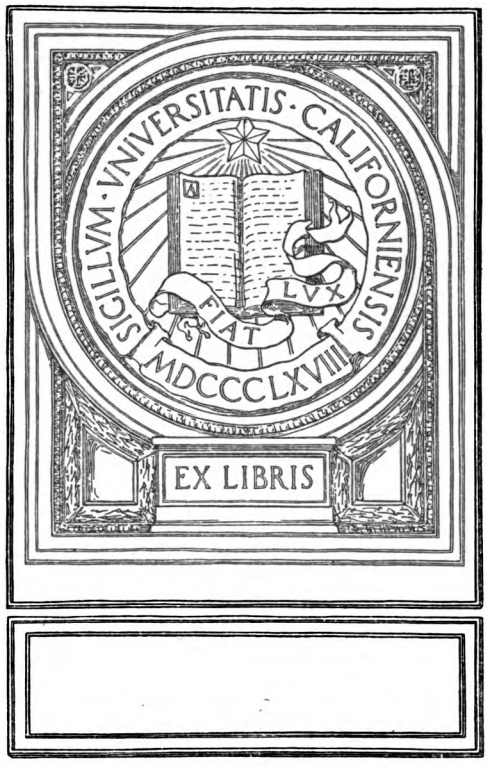
1817-2
cu.8.
1896-VIII



Годъ V-й. № 8-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ЮНОШЕСТВА

И

САМООБРАЗОВАНІЯ.

АВГУСТЪ

1896 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1896.

Printed in Soviet Union

СОДЕРЖАНІЕ.

стр.

1. ПИСЕМСКІЙ. **Ив. Иванова.** (Продолженіе). 1
2. СТИХОТВОРЕНІЕ. ПОЭТЪ. **П. Я.** 36
3. БОГОМОЛЬЕ (Картинки минувшаго). **В. Савихина.** 37
4. ЗА АТЛАНТИЧЕСКИМЪ ОКЕАНОМЪ. Путевыя впечатлѣнія Людвига Кржи-вицкаго. Переводъ съ польскаго **В. Чепинского.** (Окончаніе). 74
5. СЭРЪ ДЖОРЖЪ ТРЕССЕДИ. Романъ **Гемпфри Уордъ.** Переводъ съ англійскаго **А. Анненской.** (Продолженіе) 104
6. УЧЕНІЕ ОБЪ ЭНЕРГІИ И ЕГО РОЛЬ ВЪ ФИЛОСОФІИ (Къ 50-лѣтію профессорской дѣятельности Вилльяма Томсона). **М. Ю. Гольдштейна.** . 145
7. СПАСЕНІЕ ДУШИ. **Е. Гёнтингтонъ.** (Съ англійскаго). Пер. **Л. Давыдова** 160
8. ОЧЕРКИ ПО ИСТОРІИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ. Проф. **П. Н. Милюкова.** (Продолженіе) 170
9. ПО НОВОМУ ПУТИ. Романъ. Часть третья. (Продолженіе). **Д. Мамина-Сибиряка** 202
10. ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ ВСЕЛЕННОЙ. Космологическія письма **Герм. Клейна.** Перев. съ третьяго нѣмецкаго изданія К. Пятницкаго. (Продолженіе). 221
11. СТИХОТВОРЕНІЕ. ЗОЛОТОИСКАТЕЛИ. **С. О—ца.** 256
12. РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. **На родинѣ.** Съ Всероссійской выставки въ Нижнемъ-Новгородѣ.—Грандіозный проектъ.—Кабинетъ уголовнаго права.—Проказа на югѣ Россіи.—Новая сѣверная линія желѣзной дороги.—**Н. А. Потѣхинъ.** (Некрологъ). 258
13. **За границей.** Гаррістъ Бичеръ-Стоу, авторъ «Хижины дяди Тома».—Развитіе литературы въ Чехіи.—Итальянская народная поэтесса Ада Негри.—Австралія и Новая Зеландія 271
14. **Изъ иностранныхъ журналовъ.** «Contemporary Review» 281
15. ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) ОСНОВНЫЯ ИДЕИ ЗООЛОГІИ ВЪ ИХЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ РАЗВИТІИ СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ ДО ДАРВИНА. (La philosophie zoologique). **Эдмона Перье.** Переводъ съ франц. доктора зоологіи **А. М. Никольскаго** и **К. П. Пятницкаго.** 163
16. 2) ПОДЪ ИГОМЪ. Романъ изъ жизни болгаръ наканунѣ освобожденія. **Ивана Вазова.** Переводъ съ болгарскаго. 171
17. 3) ИСТОРІЯ ЦИВИЛИЗАЦІИ. **Г. Дюкудрэ.** Средніе вѣка. Переводъ съ французскаго **А. Позенъ,** подъ редакціей **Д. А. Коропчевскаго** . . . 219
18. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ».—Беллетристика.—Публицистика.—Русская исторія.—Юридическія науки.—Антропологія.—Естествознаніе.—Новости иностранной литературы.—Новыя книги, поступившія въ редакцію 1
19. ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Годъ V-й. № 8-й.

МІРЪ БОЖІЙ

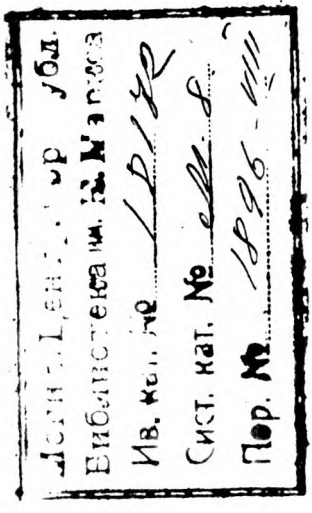
ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ЮНОШЕСТВА

И

САМООБРАЗОВАНІЯ.



АВГУСТЪ

1896 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1896.

Дозволено цензурою 21-го іюля 1896 года. С.-Петербургъ.

UNIV. OF
CALIFORNIA

AP50
M47
1896:8
MAIN

СОДЕРЖАНІЕ.

стр.

1. ПИСЬМСКІЙ. Ив. Иванова. (Продолженіе). 1
2. СТИХОТВОРЕНІЕ. ПОЭТЪ. П. Я. 36
3. БОГОМОЛЬЕ (Картинки минувшаго). В. Савихина. 37
4. ЗА АТЛАНТИЧЕСКИМЪ ОКЕАНОМЪ. Путевыя впечатлѣнія Людвига Кржи-вицкаго. Переводъ съ польскаго В. Чепинскаго. (Окончаніе). 74
5. СЭРЪ ДЖОРЖЪ ТРЕССЕДИ. Романъ Гемпфри Уордъ. Переводъ съ англійскаго А. Анненской. (Продолженіе) 104
6. УЧЕНІЕ ОБЪ ЭНЕРГІИ И ЕГО РОЛЬ ВЪ ФИЛОСОФІИ (Къ 50-лѣтію профессорской дѣятельности Вилльяма Томсона). М. Ю. Гольдштейна. . 145
7. СПАСЕНІЕ ДУШИ. Е. Гёнтингтонъ. (Съ англійскаго). Пер. Л. Давыдова 160
8. ОЧЕРКИ ПО ИСТОРІИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ. Проф. П. Н. Милюкова. (Продолженіе) 170
9. ПО НОВОМУ ПУТИ. Романъ. Часть третья. (Продолженіе). Д. Мамина-Сибиряка 202
10. ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ ВСЕЛЕННОЙ. Космологическія письма Герм. Клейна. Перев. съ третьяго нѣмецкаго изданія К. Пятницкаго. (Продолженіе). 221
11. СТИХОТВОРЕНІЕ. ЗОЛОТОИСКАТЕЛИ. С. О—ца. 256
12. РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. На родинѣ. Съ Всероссійской выставки въ Нижнемъ-Новгородѣ.—Грандіозный проектъ.—Кабинетъ уголовнаго права.—Проказа на югѣ Россіи.—Новая сѣверная линія желѣзной дороги.—Н. А. Потѣхинъ. (Некрологъ). 258
13. За границей. Гарріетъ Бичеръ-Стоу, авторъ «Хижины дяди Тома».—Развитіе литературы въ Чехіи.—Итальянская народная поэтесса Ада Негри.—Австралія и Новая Зеландія 271
14. Изъ иностранныхъ журналовъ. «Contemporary Review» 285
15. ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) ОСНОВНЫЯ ИДЕИ ЗООЛОГІИ ВЪ ИХЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ РАЗВИТІИ СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ ДО ДАРВИНА. (La philosophie zoologique). Эдмона Перье. Переводъ съ франц. доктора зоологіи А. М. Никольскаго и К. П. Пятницкаго. 163
16. 2) ПОДЪ ИГОМЪ. Романъ изъ жизни болгаръ наканунѣ освобожденія. Ивана Вазова. Переводъ съ болгарскаго. 171
17. 3) ИСТОРІЯ ЦИВИЛИЗАЦІИ. Г. Дюкудрэ. Средніе вѣка. Переводъ съ французскаго А. Позенъ, подъ редакціей Д. А. Коропчевскаго . . 219
18. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ». Беллетристика.—Публицистика.—Русская исторія.—Юридическія науки.—Антропологія.—Естествознаніе.—Новости иностранной литературы.—Новыя книги, поступившія въ редакцію 1
19. ОБЪЯВЛЕНІЯ.

884278

Писемскій.

(Снимокъ съ дагерротипа, сдѣланнаго 2-го апрѣля 1846 г., хранящагося въ Румянцевскомъ музеѣ въ Москвѣ).

Могил. Центр. Гор. Публ.
Библиотека им. К. Маркса
Ив. кат. № 18172
Сист. кат. № М. 8.
Пор. № 1896-VIII

ПИСЕМСКІЙ.

*(Продолженіе *).*

VIII.

Писемскій въ автобіографіи такъ повѣствуетъ о своемъ дѣтствѣ.

«По разсказамъ, я росъ очень болѣзненно въ раннемъ дѣтствѣ и ужасно капризничалъ: то у меня являлась страсть сосать сафьяновые башмаки, то требовалъ грязной воды, въ которой меня мыли, то требовалъ куска, который отецъ проглотилъ; былъ даже, говорятъ, лунатикъ, такъ что меня лавливали входящимъ на чердакъ».

Эта нервозность и странная склонность ребенка къ неэстетическимъ прихотямъ отнюдь не случайныя и мимолетныя явленія. Явно болѣзненные задатки дѣтскаго возраста разовьются, и нервная система никогда не придетъ въ равновѣсіе, напротивъ, съ годами душевное состояніе Писемскаго будетъ принимать все болѣе мрачные и зловѣщіе оттѣнки, а не чистоплотные дѣтскіе вкусы останутся, будто предзнаменованіемъ позднѣйшихъ, крайне реалистическихъ тенденцій въ искусствѣ и слишкомъ положительныхъ стремленій въ пріятностяхъ жизни...

Ни природная психологія, ни инстинктивные вкусы Алексѣя Ѳеофилактовича не встрѣтили съ самаго начала энергическаго отпора и не подверглись ни малѣйшему воспитательному исправленію. Изъ многочисленнаго потомства родителей Писемскій остался единственнымъ сыномъ и сталъ, по его словамъ, «божкомъ для отца и матери, да, сверхъ того, еще для двухъ тетокъ, барышень Шиповыхъ». Всѣ женщины въ высшей степени баловали мальчика и сосѣди говорили, что у него не одна мать, а три.

Въ результатѣ ребенку предоставлена полная свобода. Онъ можетъ сколько угодно ѣздить верхомъ, уѣзжаетъ въ лѣсъ за нѣ-

*) См. «Міръ Божій», № 7, іюль 1896 г

сколько верстъ отъ усадьбы, предается во время прогулокъ шалостямъ своей фантазіи, одновременно увлекается охотой, встаетъ рано по утрамъ, безъ конца бродитъ въ лѣсу, живетъ здѣсь цѣлыми днями.... Естественно, у юнаго наѣздника и охотника развивается чувство самостоятельности, особенно притязательнаго, чисто дѣтскаго, но тѣмъ болѣе настойчиваго—достоинства.

Алексѣй Феофилактовичъ, очевидно, былъ самъ своимъ главнѣйшимъ воспитателемъ. Нельзя, конечно, отрицать благодѣтельныхъ вліяній природы на живую художественную натуру мальчика, высоко слѣдуетъ цѣнить и нравственный ростъ личности, хотя бы даже съ самыхъ юношескихъ лѣтъ, но ребенокъ съ нервной, крайне прихотливой организаціей нашего героя безусловно нуждается въ пристальномъ руководительствѣ извнѣ. Мечты среди лѣсной глуши, красивое гарцованіе на лошади, смѣлыя охотничьи экскурсіи—все это, несомнѣнно, взвинчиваетъ и даже укрѣпляетъ природныя задатки—силы, энергіи, пробуждаетъ смутные творческіе образы въ душѣ будущаго художника. Но эти образы могутъ навсегда остаться безотчетными, сила не пріобрѣтетъ ясной сознательной цѣли, если молодой умъ не будетъ подвергнутъ строгому искусу знанія и мысли, если первоначальные годы будутъ заполнены праздной игрой самодовольной фантазіи. Въ результатѣ можетъ выработаться человѣкъ безсильный—и въ самый зрѣлый періодъ жизни—считаться съ повелительными запросами времени и общества, способный только или замкнуться въ исключительно личный міръ исконныхъ, безсознательно развившихся сочувствій и отрицаній, или, что еще печальнѣе, столь же стихійно протестовать противъ непонятыхъ и непродуманныхъ явленій.

Писемскій съ дѣтства сталъ именно на этотъ опасный путь. Совершенно независимый въ воспитаніи, онъ столь же мало былъ подчиненъ и умственнымъ вліяніемъ. «Учиться меня особенно не пудили,—разсказываетъ онъ,—да я и самъ не очень любилъ учиться». Несомнѣнно, болѣзненность и нервность ребенка должны были заставить родителей осмотрительнѣе относиться къ вопросу объ ученьѣ. Но врядъ ли этотъ мотивъ явился причиной крайне небрежнаго ранняго образованія будущаго писателя. Ему, по крайней мѣрѣ, свободно разрѣшалось читать книги, менѣе всего подходившія къ нервной организаціи малолѣтняго читателя. Съ особенной «страстью» читались романы, было поглощено большинство романовъ Вальтеръ Скотта, «Донъ-Кихотъ». Это довольно обычное дѣтское чтеніе, но ребенокъ пошелъ гораздо дальше, прочелъ такіе продукты французской литературы, какъ *Жильблазъ*, *Хромой бѣсъ* и даже *Фоблазъ*. Дѣтскихъ книгъ, есте-

ственно, юный читатель «терпѣть не могъ»: онъ уже привыкъ чувствовать себя взрослымъ не по лѣтамъ.

Что касается собственно образованія, оно почти отсутствовало. «Наставники у меня были очень плохіе и все русскіе», сообщаетъ самъ авторъ. Изъ языковъ ему преподавался лишь одинъ латинскій, новые языки, столь распространенные въ старинной помѣщичьей средѣ, остались для Писемскаго чуждыми на всю жизнь. И любопытно, чуждыми не потому, чтобы онъ не желалъ выучиться, а просто иностранные языки не усвоивались его способностями, онъ быстро забывалъ все, что случалось узнать въ этой области... Фактъ не крупный, но весьма краснорѣчивый въ общемъ нравственномъ складѣ своеобразной природы нашего писателя.

Писемскій въ дополненіе къ автобіографіи ссылается на исторію дѣтства Павла Вихрова. Здѣсь перечисляются учителя, просвѣщавшіе Алексѣя Ѳеофилактовича: приходскій дьяконъ, — онъ занимался ежедневно часа по два, его смѣнилъ разстрига попъ, вскорѣ уволенный за крайне неумѣренное пьянство, наконецъ, «старичокъ», странствующій учитель помѣщичьихъ дѣтей. О гувернанткахъ и гувернерахъ не было и помину, и авторъ романа находитъ здѣсь очень выгодную сторону въ воспитаніи своего героя. Для него не изобрѣтались causeries, ему не читались дѣтскія книжки и вообще «ничто какъ бы не лелѣяло и не поддерживало въ немъ дѣтскаго возраста, а скорѣе игра и ученіе все задавали ему задачи больше его лѣтъ».

Это, повидимому, невинное и даже справедливое замѣчаніе въ дѣйствительности чревато весьма двусмысленнымъ содержаніемъ. Несомнѣнно, Писемскій въ эпоху возникновенія романа *Люди сороковыхъ годовъ*, т. е. въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, былъ склоненъ въ высшей степени идеализировать «свое дѣтское ученье на мѣдныя деньги» и въ болѣе «европейскомъ» воспитаніи видѣлъ только забавныя и отрицательныя черты. Онъ не хотѣлъ признать, что рядомъ съ глупыми causeries русскія дѣти, по крайней мѣрѣ, счастливо одаренныя, усвоивали первые начатки образованности въ строгомъ смыслѣ слова, даже при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, какія, напримѣръ, сопровождали дѣтство Пушкина или Тургенева,—знакомство съ иностранными языками открывало юной мысли двери въ болѣе пространный и свѣтлый міръ, чѣмъ русскія деревенскія и притомъ крѣпостническія будни. Никто не станетъ отрицать, что заграничные выходцы, педагоги-авантюристы приносили часто непоправимый вредъ русскому просвѣщенію и даже семейнымъ нравамъ, но въ человѣческой исторіи и жизни ни одного явленія нѣтъ безъ тѣней и ни одного пред-

мета безъ изнанки. Такъ и въ европейскомъ воспитаніи русскихъ дворянскихъ поколѣній. «Попы-разстриги» и «старички», т. е. Кутейкины и Цыфиркины отнюдь не совершеннѣе Вральмановъ, и только личныя богатыя дарованія мѣшали русскимъ воспитанникамъ выходить изъ рукъ подобныхъ воспитателей достойными дѣтищами Простаковыхъ и Скотининыхъ.

Но даже и эти дарованія, съ самаго начала лишенныя культурной выработки, не устраняли самыхъ странныхъ чувствъ и инстинктивныхъ предразсудковъ. Примѣръ, тотъ же Писемскій.

Онъ, по словамъ одного изъ его близкихъ знакомыхъ, испытывалъ «родъ органическаго отвращенія къ иностранцамъ», и не могъ побѣдить этого чувства во всю жизнь. «Присутствіе иностранца», говорилъ Писемскій, «дѣйствуетъ на меня уничтожающимъ образомъ! Я лишаюсь спокойствія духа и желанія мыслить и говорить. Пока онъ у меня на глазу, я подвергаюсь чему-то въ родѣ столбняка и рѣшительно теряю способность понимать его» *).

Разсказчикъ правъ, признавая въ этихъ словахъ извѣстное преувеличеніе, но въ то же время отголоски и совершенно искренняго чувства... Законно ли и даже просто естественно ли подобное чувство у одного изъ даровитѣйшихъ писателей XIX вѣка? И возможно ли при такихъ настроеніяхъ безпристрастное и, слѣдовательно, возможно правдивое отношеніе художника-сатирика ко многимъ важнѣйшимъ явленіямъ русской жизни? Не грозитъ ли это «органическое отвращеніе къ иностранцамъ» распространить свою власть и на «иностранное» или только кажущееся таковымъ? А вѣдь подлинныхъ и кажущихся иностранныхъ идей и отраженій на русской почвѣ необозримое море, какъ же справится съ нимъ человѣкъ, неизлѣчимо заболѣвающій даже отъ одного «присутствія иностранца»?

И задатки этой, какъ увидимъ, въ полномъ смыслѣ роковой болѣзни существовали въ самомъ организмѣ будущаго писателя. Они по существу отнюдь не представляли безнадежнаго недуга, совершенно неспособнаго поддаться излѣченію. Это ничто иное, какъ расовая, рѣзко національная натура Писемскихъ, дѣвственная московская почва. При тщательномъ уходѣ и разумныхъ внѣшнихъ воздѣйствіяхъ къ ней возможно было привить побѣги другой культуры. Художественная и, слѣдовательно, чуткая и воспріимчивая природа ребенка ручалась за успѣхъ. Но она не встрѣтила никакихъ дѣйствительно культурныхъ вліяній, крѣпла

*) Анненковъ въ статьѣ *А. Ф. Писемскій, какъ художникъ и простой человѣкъ.*

и развивалась по своимъ собственнымъ влеченіямъ и инстинктамъ, къ мощному полносочному стволу не дѣлали никакихъ прививокъ, и впослѣдствіи плоды окажутся на рѣдкость здоровыми и крупными, но имъ будетъ не доставать изящества въ формѣ и тонкости во вкусѣ.

Да, Писемскій пережилъ свое дѣтство «дичкомъ» и въ нравственномъ, и въ умственномъ отношеніи, въ своемъ родѣ «естественнымъ человѣкомъ» со всѣми его достоинствами и недостатками. Врожденная нервность, несомнѣнно, должна была до извѣстной степени исчезнуть среди приволья деревенской жизни, среди полной свободы дѣтскихъ игръ и развлеченій, и молодой организмъ физически развивался при самыхъ счастливыхъ обстоятельствахъ, не стѣсняемый никакими внѣшними преградами, не направляемый даже какими-то ни было воспитательными и образовательными вліяніями. На ребенка, конечно, производило впечатлѣніе обожаніе родителей, такіе взрывы материнской нѣжности и отцовской любви, какіе описаны въ разсказѣ *Батька*, не проходятъ безслѣдно для всякаго и они особенно врѣзались, очевидно, въ память будущаго писателя, если онъ много лѣтъ спустя умѣлъ, такъ ярко и задушевно рисовать сцены изъ своего дѣтства. Но какъ бы ни были трогательны и глубоки *сердечныя* впечатлѣнія, они безсильны образовать умъ и воспитать характеръ. Напротивъ, ихъ исключительное преобладаніе можетъ крайне печально отразиться на энергіи мысли и нравственной стойкости. И до-школьное дѣтство Писемскаго именно отличалось обиліемъ волненій чувства, воображенія, себялюбивой мечтательности и невозбранной прихотливости.

Если «игра и ученье», по словамъ Писемскаго, «все задавали ему задачи больше его лѣтъ», эти задачи касались скороспѣлой игры воображенія и слишкомъ отважныхъ капризовъ, въ родѣ молодечества юнаго героя въ разсказѣ *Батька* на деревенскомъ базарѣ. Самыхъ существенныхъ задачъ—расширеніе умственнаго кругозора путемъ доступныхъ ребенку научныхъ свѣдѣній и общихъ идей и воспитаніе сознательнаго отношенія къ себѣ и окружающей жизни—этихъ задачъ не задавали будущему писателю ни игры, ни чтеніе, ни его родители и учителя.

Наше выраженіе—«сознательное отношеніе» не слѣдуетъ понимать въ преувеличенномъ смыслѣ. Мы хотимъ просто указать на вдумчивость, извѣстные невольные запросы на счетъ повседневной дѣйствительности, вполнѣ свойственные дѣтскому возрасту и характеризующіе, напримѣръ, ранніе годы Тургенева.

Ничего подобнаго мы не видимъ ни въ автобіографическомъ разсказѣ Писемскаго, ни въ исторіи дѣтства Павла Вихрова. На-

противъ, намъ прямо говорятъ, что болѣе или менѣе сознательный взглядъ, вообще простая способность *замѣчать* крестьянскую жизнь были совершенно недоступны Вихрову-ребенку. Только уже студентомъ, проѣзжая на вакаціи къ отцу, онъ «увидѣлъ» искони знакомый, но не вѣдомый для него—міръ...

Все значеніе этого факта возстанетъ предъ нами, когда мы вспомнимъ о рѣшительномъ вліяніи именно дѣтскихъ впечатлѣній Тургенева на его позднѣйшую литературную дѣятельность, на его «Аннибалову клятву» и даже на его такъ-называемое западничество. Въ домѣ Писемскихъ, положимъ, не было госпожи въ родѣ Варвары Петровны, но сущность крѣпостного быта, столь впослѣдствіи поразившая студента Вихрова, существовала во всей неприкосновенности, и ея-то не почуялъ, даже инстинктомъ, *четырнадцатилѣтній* юноша, прожилъ свое дѣтство и отрочество—свободное и безпечальное, будто «поле перешелъ», и явился въ первое учебное заведеніе счастливымъ дворянскимъ недорослемъ.

IX.

Писемскій въ 1834 году поступилъ во второй классъ Костромской гимназіи. Въ романѣ подробно описана разлука новаго гимназиста съ отцомъ. Полковникъ Вихровъ не могъ удержаться отъ рыданій, впалъ въ отчаяніе, обнимая въ послѣдній разъ сына, а сынъ, «по крайней мѣрѣ, съ мѣсяцъ тосковалъ»... Это было, вѣроятно, первое испытаніе, выпавшее на долю избалованнаго мальчика. Началось ученье и пошло довольно удачно. Вскорѣ не замедлили сказаться природныя художественныя наклонности Алексѣя Ѳеофилактовича. Ученье отступило на задній планъ предъ актерскими и театральными увлеченіями, умственное развитіе обнаружилось въ очень раннихъ попыткахъ писательства.

Первое посѣщеніе театра—величайшее событіе въ школьной жизни Писемскаго. Оно съ чрезвычайными подробностями описано въ романѣ. Потомъ слѣдовало устройство домашняго театра и въ первомъ же спектаклѣ, въ пьесѣ «*Казакъ-стихотворецъ*», герой нашъ игралъ комическую роль попа Прудіуса и превзошелъ всѣхъ другихъ исполнителей-товарищей. Успѣхъ окончательно заполонилъ душу юноши. Онъ теперь воображаетъ себя великимъ актеромъ, занимается декламаторскимъ и сценическимъ искусствомъ, принимается даже за фортепьянную музыку, безпрестанно посѣщаетъ театръ,—вообще, совершается настоящій разгулъ эстетическихъ страстей. Натура человѣка начинаетъ обрисовываться яркими и вполнѣ опредѣленными чертами.

Естественно, одновременно съ поклоненіемъ театру, у Писемскаго проявляется столь же сильное врожденное стремленіе къ самостоятельному творчеству. Это очень громко для гимназиста, но, во всякомъ случаѣ, будущій авторъ блестящихъ литературныхъ произведеній обнаруживается очень рано. Уже въ пятомъ классѣ учителя словесности признаютъ его «прекраснымъ стилистомъ», а въ слѣдующемъ году возникаетъ первое твореніе—*Черкешенка*, еще годомъ позже—*Чугунное кольцо*.

Событія эти происходили въ концѣ тридцатыхъ годовъ, когда въ русскомъ романѣ и въ русской поэзіи царилъ самый выспренній романтизмъ въ стилѣ Марлинскаго и Бенедиктова. Наивный, общедоступный и въ то же время эффектный, пестрый и героическій, этотъ жанръ сводилъ съ ума юныхъ читателей и въ особенности читательницъ, и врядъ ли какой юноша эпохи могъ спастись отъ чарующаго повѣтрія. Стóитъ припомнить разсказъ Тургенева о собственномъ романтическомъ азартѣ и о чувствѣ негодованія, съ какимъ будущій геніальный художникъ встрѣтилъ безпощадный приговоръ Бѣлинскаго надъ кумиромъ современнаго искусства. И Тургеневъ, помимо увлеченія Бенедиктовымъ, принесъ и другую, болѣе существенную жертву на алтарь жестокаго романтическаго вдохновенія, написавъ цѣлую драму въ модномъ духѣ.

И совершенно также начинало большинство другихъ даровитыхъ поэтовъ, захваченныхъ въ молодости тридцатыми годами, или еще болѣе ранней эпохой. Что касается публики, она и въ слѣдующее десятилѣтіе еще не могла равнодушно видѣть поблекшихъ лавровъ Марлинскаго, и особенно въ провинціи, по исконному закону внимающей издали отголоскамъ столичнаго шума.

Писемскій отнюдь не могъ избѣгнуть общаго порядка, и его первыя произведенія неминуемо являлись копіями съ чужихъ образцовъ, и наивностью содержанія и громогласіемъ стиля, несомнѣнно, оставляли позади даже произведенія учителей. Величайшіе подвиги и нечеловѣческія страданія совершались, конечно, непремѣнно на Кавказѣ. Самыя имена героевъ должны знаменовать исключительныя доблести, герой *Чугуннаго кольца*—казакъ—прямо назывался *Ятвасъ*, т. е. *я васъ*! Героиня—губернская дама, безгранично влюбленная въ героя, но, по кольцу ея, *онъ* признаетъ въ *ней* свою родную сестру. Въ заключеніе, для героя—кавказскія горы и ущелья, для героини—монастырь.

Мотивъ, слѣдовательно, совершенно шаблонный и ни одною чертой не обязанный личной фантазіи юнаго сочинителя. Но есть кое-что и весьма любопытное и даже оригинальное въ замыслѣ повѣсти, какъ бы скудны ни были наши свѣдѣнія объ ея содержаніи.

Любопытно прежде всего, что дѣйствіе открывается въ губернскомъ городѣ, въ захолустной провинціи, а не въ петербургской гостиной и не на кавказскихъ водахъ. Это довольно смѣло для послѣдователя Марлинскаго: по обычной психологіи всѣхъ подражателей—и въ особенности романтическихъ—сцену и среду слѣдовало бы выбрать поживописнѣе, потеатральнѣе, чѣмъ «бесѣдка на губернскомъ бульварѣ».

Если бы этотъ фактъ стоялъ одиноко, онъ бы, пожалуй, и не заслуживалъ нашего вниманія. Но онъ находится въ полнѣйшемъ соотвѣтствіи со всей художественной дѣятельностью и психологическими пріемами нашего автора. Писемскій явится необычайно полнымъ бытописателемъ русской провинціи, это излюбленное царство его сатирической музы и именно на захолустныхъ сценахъ онъ будетъ изучать отраженія модныхъ столичныхъ спектаклей. Губернскіе салоны и губернскіе, а часто и уѣздные «рауты»— обычныя поприща демоническихъ опустошеній, производимыхъ жестокими и одновременно комическими героями Писемскаго. Онъ, такъ сказать, понизилъ гамму русскаго романтизма во всѣхъ его проявленіяхъ, и впослѣдствіи мы оцѣнимъ смыслъ и значеніе этого безусловно оригинальнаго пріема...

Нельзя ли послѣ этого заключить, что даже и размашистая повѣсть семиклассника гимназиста невольно выказала основную склонность авторскаго таланта—живописать болѣе мелкій и несомнѣнно болѣе реальный міръ, чѣмъ «центры просвѣщенія» въ свѣтскомъ смыслѣ слова? Самъ авторъ говоритъ, что оба юношескія творенія отличались «больше стилемъ»: «такъ какъ я въ нихъ описывалъ такія сферы, которыя совершенно были для меня невѣдомы»... Это признаніе совершенно справедливо относительно кавказскихъ пейзажей и казацкихъ нравовъ, но, можетъ быть, его слѣдуетъ ограничить на счетъ «губернскаго города» и губернской героини? Мы знаемъ, Писемскій-гимназистъ былъ уже очень хорошимъ актеромъ. Но вѣдь это немыслимо безъ тонкой, развитой наблюдательности, и въ особенности въ комическихъ роляхъ, болѣе удачныхъ въ исполненіи Алексѣя Ѳеофилактовича. Мы знаемъ и изъ другого источника, что именно наблюдательности, и какъ разъ въ области мелкихъ, прозаическихъ явленій, у нашего гимназиста было достаточно.

Въ романѣ *Люди сороковыхъ годовъ* разсказывается, какъ Павелъ Вихровъ совершилъ своего рода гражданскій подвигъ. Инспекторъ гимназіи и въ то же время учитель словесности достигъ своего положенія крайне предосудительными путями, поставивъ дѣло такъ, что директоръ принужденъ былъ выдать за него свою дочь и

оказывать ему, разумѣется, покровительство. Эту исторію Павелъ Вихровъ узналъ отъ преподавателя математики и уже давно пылалъ «глухой и затаенной ненавистью» къ недостойному начальнику. Передъ экзаменами инспекторъ далъ тему для сочиненія—*Великій человѣкъ*. Вихровъ испросилъ разрѣшеніе, вмѣсто великаго человѣка, изобразить *случайнаго человѣка*, и написалъ сатиру на ненавистнаго учителя... Только математикъ едва отстоялъ своего любимца и спасъ отъ исключенія изъ гимназіи.

Этотъ фактъ, если онъ цѣликомъ относится къ самому Писемскому, несравненно краснорѣчивѣе, чѣмъ актерскіе подвиги и романтическія повѣсти. До такой степени заинтересоваться явленіемъ изъ окружающей жизни, такъ умѣть ярко и рѣзко изобразить его въ отрицательномъ свѣтѣ, долго носить негодованіе въ сердцѣ и именно литературной ученической работой воспользоваться для изліянія накипѣвшаго чувства, эти черты не повторяются въ біографіяхъ русскихъ писателей. Правда, довольно обычно отрицательное отношеніе даровитыхъ питомцевъ къ своимъ школьнымъ воспитателямъ: достаточно вспомнить, напримѣръ, лицейскія эпиграммы Пушкина. Но только у Писемскаго это отношеніе приняло такую энергическую и обдуманную форму, притомъ совершенно соотвѣтствующую основному направленію его литературнаго таланта. Сатирикъ, въ высшей степени искренній, безпощадный и притомъ съ реальными жизненными запросами сказался одновременно съ романтикомъ-фантазёромъ. Романтизмъ, очевидно, былъ увлеченіемъ внѣшнимъ, наноснымъ, данью духу времени,—изъ самыхъ нѣдръ души нашего героя былъ другой творческій ключъ. И именно этой струѣ предстояло расти и въ недалекомъ будущемъ безслѣдно поглотить юношескій приподнятый лиризмъ.

То же самое и въ личной жизни Писемскаго. Одновременно съ литературными опытами въ стилѣ романтизма у юноши неизбѣжно должно было явиться стремленіе самому пройти роль интереснаго трагически влюбленнаго героя. И подобныхъ автобіографическихъ спектаклей, дѣйствительно, разыгрывалось немало. Краткое замѣчаніе автобіографіи о романахъ съ кузинами, въ исторіи Павла Вихрова подтверждается весьма пространными повѣствованіями о любовныхъ увлеченіяхъ героя, и самъ Писемскій заявляетъ, что онъ неоднократно описывалъ романическія страданія своей молодости въ романахъ. Одна кузина является въ лицѣ Мари, героини романа *Люди сороковыхъ годовъ*, другая—Софи въ романѣ *Взбаломученное море*. Это были платоническія интриги съ восторженными мечтами и лирическими изліяніями. Но вся эта слишкомъ

эфирная поэзія быстро улетучилась, слишкомъ она противорѣчила положительной натурѣ нашего героя, и прекраснодушныя иллюзіи уступили мѣсто вполнѣ реальному приключенію, даже слишкомъ реальному на строгій нравственный взглядъ. Мы скоро встрѣтимся съ этимъ эпизодомъ и увидимъ любопытнѣйшее явленіе: *реальный фактъ* не только завладѣетъ будущимъ писателемъ, но подчинитъ себѣ даже его *идеальные* и *идейные* восторги предъ извѣстнымъ направленіемъ современной общественной мысли, инстинкты молодого организма покроютъ собой всѣ теоріи и практическіе выводы одного изъ сильнѣйшихъ литературныхъ теченій нашего вѣка.

Подобный результатъ мы могли бы, впрочемъ, предугадать на основаніи и гимназическихъ лѣтъ Писемскаго. Въ гимназіи онъ пробылъ съ 1834 по 1840-й годъ, т. е. съ четырнадцати лѣтъ по двадцатый, и въ тѣ самые годы, когда въ русской литературѣ происходилъ настоящій переворотъ, протекалъ первый московскій періодъ—критики Бѣлинскаго. Положимъ, гимназіи тридцатыхъ годовъ менѣе всего могли вызвать у юношей интересы вообще къ какой-либо живой умственной работѣ, даже университеты, какъ мы достовѣрно знаемъ изъ біографій Лермонтова, Тургенева, Бѣлинскаго и ихъ современниковъ, отнюдь не выполняли этого назначенія. Но самое печальное положеніе оффиціальнаго преподаванія не помѣшало будущимъ русскимъ дѣятелямъ литературы собственными силами отыскивать источники свѣта и за стѣнами казенныхъ храмовъ науки создавать настоящія святилища личнаго умственнаго труда и развитія.

Такъ происходило не только въ университетахъ. Мѣщанинъ Никитинъ, запертый въ казематахъ бурсы, ухитряется доставать книги, читать ихъ тайкомъ, подъ угрозой подвергнуться исключенію, переживаетъ на сѣновалахъ и въ «чуланахъ» тѣ самыя чудныя минуты, какія, по словамъ Гоголя, выпадаютъ «молодому сердцу» русскаго юноши даже «гдѣ-нибудь на четвертомъ этажѣ» при чтеніи «свѣтлой страницы вдохновеннаго русскаго поэта»...

Но это, можетъ быть, слишкомъ удачныя случайности, хотя ихъ и очень много. Вспомнимъ другую среду, несравненно менѣе чуткую и восторженную, лицейскихъ товарищей Пушкина, не отдѣльныхъ единицъ, а сплошную массу. Въ лицеѣ при Пушкинѣ наука находилась, безъ сомнѣнія, въ худшемъ состояніи, чѣмъ въ Костромской гимназіи при Писемскомъ. Литературныя творенія лицеистовъ, не исключая и Пушкина, не свидѣтельствуютъ даже о *романтизмѣ* авторовъ въ вопросахъ любви и поэзіи... И все-таки, въ тѣхъ же самыхъ царскосельскихъ садахъ, видѣвшихъ

столько идиллій въ новѣйшемъ французскомъ жанрѣ, раздавались безпрестанно весьма любопытныя рѣчи. Рыцари разныхъ «Наташъ», оказывалось, прочитывали множество всевозможныхъ книгъ не только въ овидіевскомъ родѣ, знали французскихъ авторовъ XVIII-го вѣка, горячо увлекались ими и, конечно, не вина самихъ читателей, если увлеченія не всегда были основательны и разумны. У юношей не было руководителей, школа ограничивалась только мѣрами запрета и пресѣченія, и тѣмъ, разумѣется, только раззадоривала молодую любознательность, оставляя ее на распутьи.

Для насъ важенъ фактъ самостоятельнаго возбужденія мысли у молодежи, не выносящей изъ аудиторій никакого умственнаго и научнаго капитала. Этотъ фактъ знаменуетъ всю новѣйшую исторію нашего просвѣщенія и, сколько бы отрицательныхъ явленій мы ни открыли здѣсь, положительные результаты перевѣсятъ всѣ открытія.

Атмосфера личной независимой умственной работы сама по себѣ въ высшей степени нравственно-возбуждающая среда. Пусть не всѣ, попавшіе въ такую среду, одинаково достойны и способны пользоваться ея благами, но за то только именно здѣсь и возможно развитіе дѣйствительно сильныхъ и оригинальныхъ натуръ. Безъ университетскихъ кружковъ въ тридцатые и сороковые годы врядъ ли выступили бы на тернистомъ крайне смутномъ пути тогдашней литературы столь энергическіе, по истинѣ рыцарственные и необычайно искусные борцы. Оружіе изощрялось и силы крѣпли въ университетскіе годы, но почва для подобнаго въ высшей степени сложнаго нравственнаго процесса подготовлялась раньше, на первыхъ ступеняхъ умственнаго развитія, въ домѣ, въ пансіонахъ, въ гимназіяхъ или даже въ бурсахъ.

Ничего похожаго на эту столь обычную исторію русскаго юноши тридцатыхъ годовъ мы не находимъ въ жизни Писемскаго. Самые пылкіе молодые годы онъ переживаетъ среди чистыхъ художественныхъ развлеченій, поэтическихъ любовныхъ волненій, обнаруживаетъ въ то же время недюжинный реалистическій взглядъ на окружающую дѣйствительность, но мы ни единаго слова не слышимъ объ умственной, идейной жизни юноши. Для насъ было бы особенно поучительно узнать, какія области мысли особенно привлекали будущаго писателя, какіе авторы «жгли» его сердце, какія просто книги наполняли его школьные досуги? Это было бы тѣмъ любопытнѣе, что нашъ герой называетъ себя «большимъ фразёромъ» какъ разъ при поступленіи въ университетъ. Въ чемъ же собственно заключалось это фразёрство? Какія темы заставляли двадцатилѣтняго молодого человѣка пускаться въ краснорѣчіе?

Ни на одинъ изъ вопросовъ мы не находимъ отвѣта ни въ автобіографіи, ни въ романѣ Павла Вихрова, и должны ограничиться предположеніемъ. Все «фразёрство» Алексѣя Ѳеофилактовича, по своему нравственному значенію, не стояло выше его «романтизма». И то, и другое являлось безсознательнымъ или модноподражательнымъ порывомъ юношескаго возраста, не «влекло къ послѣдствіямъ», и въ сущности не захватывало самой натуры будущаго писателя. Романтизмъ остался простой кукольной игрой школьнаго легкомыслія, краснорѣчіе—безсодержательной и безплодной болтовней вкривь и вкось, можетъ быть, и съ очень громкими словами, но безъ всякаго живого личнаго интереса, даже безъ рудинскаго искренняго увлеченія красивыми идеями и фразами. Потому что Рудину его «артистическій» талантъ, на ряду съ минутами самоуслажденія, принесъ не мало и горя, сталъ источникомъ настоящей жизненной драмы. У Писемскаго фразёрство исчезло изумительно быстро, будто утренній сонъ, и герой нашъ изъ краснорѣчиваго гимназиста окончательно превратился въ трезваго студента. Это даже и не было превращеніемъ, а просто отпала случайно приставшая романтическая пыль отъ костюма, гдѣ она совсѣмъ была не на мѣстѣ.

Въ 1840 году Писемскій поступилъ на математическій факультетъ московскаго университета. Начался послѣдній періодъ его «ученичества», самый рѣшительный для его умственнаго развитія и самый поучительный для насъ, изучающихъ психологію человѣка и художника.

X.

Молодой человѣкъ, съ громаднымъ литературнымъ талантомъ, съ преобладающими художественными вкусами, избираетъ область университетской науки, менѣе всего соотвѣтствующую и таланту, и наклонностямъ. Даровитѣйшіе писатели эпохи проходятъ словесныя науки, какъ бы плохо эти науки ни преподавались въ университетахъ сороковыхъ годовъ. Тотъ же интересъ къ словесности наполняетъ и товарищескія бесѣды студентовъ. Именно здѣсь вырабатываются идеи новой критики, здѣсь готовится грозный философскій и эстетическій арсеналъ противъ схоластики. Вообще, литература для людей сороковыхъ годовъ обильнѣйшій духовный питомникъ, ихъ высшее утѣшеніе въ настоящемъ и самая пламенная надежда въ будущемъ. Впослѣдстіи они художественное творчество и литературную критику съумѣютъ превратить въ единственное необычайно обширное прибѣжище всевозможныхъ идей—

философскихъ, общественныхъ и даже политическихъ. Эстетика сольется съ публицистикой, литературные вопросы пріобрѣтутъ жгучій критическій смыслъ, и этотъ процессъ начнется задолго до выступленія новой молодежи на общественную сцену. Уже въ студенческихъ литературныхъ опытахъ скажется необычайно сильная и смѣлая гражданская струя. Она будетъ невольнымъ выраженіемъ отзывчивыхъ молодыхъ сердецъ, не результатомъ какихъ-либо партійныхъ преднамѣренныхъ стремленій, не отвлеченной политикой, а именно—естественнымъ крикомъ благороднаго инстинкта. Этотъ фактъ заслуживаетъ особеннаго нашего вниманія. Признать его—значитъ освѣтить совершенно другимъ свѣтомъ такъ-называемое «западничество» молодежи сороковыхъ годовъ, чѣмъ принято у ея старыхъ и новѣйшихъ противниковъ.

При всемъ обиліи западныхъ идей и европейскихъ книгъ, поглощенныхъ этой молодежью, у нея отъ начала до конца оставалось нѣчто свое, ни откуда не навѣянное и въ то же время самое существенное, безъ чего было бы не мыслимо никакое «западничество». Европейскія идеи только давали готовыя формулы для заранѣе существовавшихъ чувствъ и настроеній. Этимъ объясняется страстность увлеченія западными системами, общественными и философскими.

Европейскіе авторы для лучшихъ представителей русскаго молодого поколѣнія играли ту самую роль, какую приходится выполнять, положимъ, мужицкимъ ходокамъ. Крестьянская масса, превосходно сознавая нужды и потребности, очень рѣдко умѣетъ ясно и точно формулировать ихъ, въ особенности когда вопросъ идетъ не о «хлѣбѣ единомъ». Для этого требуется немалый навыкъ—обобщать факты, переводить отдѣльныя явленія на связную, болѣе или менѣе отвлеченную рѣчь и, что еще труднѣе, открывать основной смыслъ ихъ и дѣлать логическія заключенія. Для подобнаго процесса можетъ просто «не хватить словъ» у самаго умнаго знатока дѣйствительности, и ему поневолѣ приходится прибѣгать къ помощи людей, подчасъ, можетъ быть, и не столь основательно знающихъ *подробности*, но за то умѣющихъ осмысливать ихъ и сообщать имъ цѣльность и убѣдительность. Потому что, по неотразимому закону человѣческаго разума, на насъ рѣшительное практическое дѣйствіе производятъ не отдѣльные факты, а общая основа ихъ, извлеченный изъ нихъ жизненный смыслъ. И пока этого извлеченія нѣтъ, борьба однихъ частныхъ примѣровъ съ другими можетъ длиться сколько угодно и оставаться совершенно безплодной. Это одинаково справедливо и относительно великихъ общественныхъ вопросовъ и, сравнительно, мелкихъ явленій, напримѣръ, характеровъ отдѣльныхъ личностей.

Обратимся къ молодежи сороковыхъ годовъ. Она, въ большинствѣ, дѣти дворянъ-помѣщиковъ, являлась въ университеты съ единодушными и вполнѣ опредѣленными представленіями о строѣ русской общественной жизни. Достаточно было обладать просто чуткимъ гуманнымъ сердцемъ и наблюдательностью, чтобы оцѣнить по достоинству самую основу этой жизни—крѣпостное право. Потомъ, требовался отнюдь не исключительный запасъ вдумчивости и доброй воли, чтобы уразумѣть безчисленныя многообразныя язвы, обязанныя своимъ процвѣтаніемъ основному недугу. Наконецъ, нужна только молодая здоровая кровь, чтобы немедленно явились и выводы въ результатѣ всѣхъ впечатлѣній, наблюденій и думъ. Выводы будутъ весьма рѣшительные, туманные, наивные, но смыслъ ихъ не можетъ подлежать сомнѣнію, потому что именно къ данному случаю можно бы примѣнить нѣкоторую перифразу знаменитаго декартовскаго изреченія: «я *чувствую*, слѣдовательно я *мыслю*».

И достовѣрнѣйшіе факты вполнѣ подтверждаютъ наше разсужденіе, и ихъ столько, что мы даже затрудняемся въ выборѣ.

Прежде всего въ біографіяхъ даровитѣйшихъ людей сороковыхъ годовъ непремѣнно встрѣчается одинъ и тотъ же мотивъ: юношескій героизмъ, страстная жажда выполнить «призваніе» и непремѣнно на опредѣленномъ пути — народнаго блага и просвѣщенія. У нѣкоторыхъ эти стремленія сказываются очень рано, совершенно независимо отъ какихъ-либо книгъ и теорій. У Тургенева, напримѣръ, важнѣйшимъ матеріаломъ для будущихъ «западническихъ» идей и произведеній послужили личныя наблюденія въ дѣтствѣ надъ крестьянской жизнью и семейныя преданія о крѣпостникахъ родичахъ. Ясно, западныя «либеральныя книжки» явились только зернами, падавшими на благодарную землю, и даже не зернами, а скорѣе живительной влагой, ускорившей ростъ и зрѣлость раннихъ дѣтскихъ и юношескихъ всходовъ.

Если перевести наше сравненіе на болѣе точный языкъ, окажется слѣдующее. Западные философы и публицисты представляли общія идеи и законы для явленій, отлично извѣстныхъ русскимъ читателямъ, осмысливали частности и уясняли смутныя вожделѣнія благородно-настроенныхъ юношескихъ сердецъ. На Западѣ давно были выработаны *идеи* человѣческаго достоинства, общественной равноправности, личной свободы, гражданской справедливости.

До какой степени книжное «западничество» играло только служебную роль въ нравственномъ и общественномъ воспитаніи русской молодежи, доказывается любопытнѣйшимъ эпизодомъ изъ жизни геніальнаго поэта эпохи.

Мы говоримъ о Лермонтовѣ. Поэтъ совершенно неповиненъ въ философскихъ увлеченіяхъ своихъ товарищей по московскому университету, не принималъ даже внѣшняго участія въ ихъ словесныхъ междоусобицахъ, но пережилъ еще болѣе стремительные героическіе порывы и плодомъ ихъ была юношеская драма, преисполненная личными воспоминаніями автора и юношескимъ негодованіемъ на то же крестьянское рабство и помѣщичьи неправды. Въ сердцѣ поэта, очевидно, глубоко запечатлѣлись опыты дѣтства и первой молодости и самыя свѣжія извѣстія о нѣмецкой философіи и французскомъ парламентѣ не могли прибавить ничего новаго къ непосредственнымъ порывамъ его «гнѣва и страсти».

То же самое и съ Бѣлинскимъ. Едва поступивъ въ университетъ, будущій критикъ сочиняетъ трагедію и самъ объясняетъ психологію своего сочинительства и, вмѣстѣ съ тѣмъ, даетъ подлиннѣйшую характеристику вообще настроеній современной молодежи.

Вотъ, слѣдовательно, *сердце*, *душа*, первоисточники либерализма и общественныхъ протестовъ людей сороковыхъ годовъ. И замѣчательно, «западничество», европейскія идеи въ ихъ частномъ видѣ, часто даже понижали эти чувства и подрывали энергію протеста. Напримѣръ, у того же Бѣлинскаго, гегельянскія увлеченія, въ особенности пресловутое изреченіе, чреватое всяческими кривотолками, софизмами и практической двусмысленностью, произвело-было самый зловѣщій нравственный переворотъ, примирило его съ «разумной» дѣйствительностью и грозило превратить въ не менѣе прекраснодушнаго философа и «патріота», какимъ былъ въ нѣдрахъ прусскаго государства самъ «великій учитель». Только опять отнюдь не двусмысленное дыханіе реальной жизни разсѣяло философическіе туманы и утвердило геніальнаго критика на его славномъ пути.

Этотъ процессъ излѣченія прошли и другіе русскіе гегельянцы, ни на минуту не отказавшись отъ своихъ молодыхъ стремленій. Тургеневъ, напримѣръ, и слышать не хотѣлъ о философскихъ упражненіяхъ, когда-то высокочтимыхъ берлинскихъ пророковъ, но «Аннибалова клятва» осталась для него священной. Другіе старые гегельянцы, въ родѣ Боткина, горячо привѣтствовали поворотъ Бѣлинскаго къ живой русской дѣйствительности, къ реальнымъ практическимъ мотивамъ въ статьяхъ. Очевидно, «западники» послѣ первыхъ слишкомъ стремительныхъ увлеченій иноземными идеями оставили за собой только то «западное» достояніе, какое соотвѣтствовало ихъ жизненнымъ задачамъ. А эти задачи были поставлены не гегельянствомъ и не французской публицистикой іюльской эпохи, а самыми наглядными условіями русскаго

народнаго быта и русскаго общества. Идеалы юношей, несомнѣнно, могли принимать подчасъ весьма неосмотрительныя и даже нелогическія направленія. У старшихъ поколѣній вопросъ о крѣпостномъ правѣ не находилъ иныхъ рѣшеній, кромѣ чувствительныхъ надеждъ на помѣщичьи сердца и дворянское просвѣщеніе. И четверть вѣка спустя это рѣшеніе все еще будетъ казаться вполнѣ удовлетворительнымъ и защищаться людьми развитыми и гуманными. Естественно, молодежь, разрѣшавшая вопросъ, въ драмахъ и стихотвореніяхъ, не могла обнаружить особенной государственной мудрости, не могла именно въ *отвѣтахъ*. Но постановка самаго вопроса, изображеніе житейскихъ порядковъ, вызвавшихъ вопросъ и освѣщеніе ихъ идеями и фактами европейской гражданственности, — все это какъ нельзя болѣе естественныя и самобытныя проявленія *сердца* и *души* русской молодежи сороковыхъ годовъ. Житейскіе порядки были такого свойства, что даже фонвизиновскій Правдинъ даетъ жестокій урокъ «злонравнымъ» помѣщикамъ. Но то, что Правдину казалось исключеніемъ и *частнымъ* случаемъ, тамъ полвѣка спустя не менѣе здравомыслящіе люди увидятъ *общее* зло. И взглядъ новыхъ Правдиныхъ, выигравши въ широтѣ, выиграетъ и въ проницательности и нисколько не проиграетъ въ трезвости, такъ какъ онъ по прежнему будетъ основываться на вполнѣ положительныхъ фактахъ и честномъ отношеніи къ нимъ.

Ясно, слѣдовательно, сколько безусловно реальной, жизненной и практической силы въ мечтахъ и идеяхъ людей сороковыхъ годовъ. Эта жизненность переживаетъ и отметаетъ съ теченіемъ времени все чисто-отвлеченное, безпочвенное, кабинетное, что сначала могло казаться въ высшей степени привлекательнымъ въ европейскихъ системахъ. Въ результатѣ отъ «западничества» въ русской художественной литературѣ и критикѣ остается вполнѣ сознательное стремленіе къ насущнымъ преобразованіямъ національной жизни, воодушевленное обще-культурными идеалами цивилизованныхъ народовъ. Отказаться отъ этихъ идеаловъ было бы немыслимо, разъ, по выраженію Тургенева, русскіе признаются и дѣйствительно являются *genus europaeum*.

Всѣ наши замѣчанія необходимы для правильной оцѣнки важнѣйшаго періода въ умственномъ и общественномъ развитіи Писемскаго. Мы знаемъ глубокій почвенный складъ его натуры, знаемъ его врожденное стихійное уклоненіе отъ всего ненаціональнаго, точнѣе ненароднаго, въ древне-московскомъ смыслѣ слова. Гимназія не внесла ни малѣйшаго диссонанса въ первоначальный душевный міръ, прибавила только «фразёрство». Теперь будущему писателю

предстояло подвергнуться усиленнымъ внѣшнимъ вліяніямъ, онъ вступалъ въ горнило разнообразнѣйшихъ идей, горячихъ споровъ, могущественныхъ направленій... И это былъ рѣшительный шагъ: за стѣнами университета немедленно открывалась дѣятельность писателя и гражданина.

XI.

Въ автобіографіи Писемскій очень опредѣленно выражается о результатахъ своего университетскаго ученья. Здѣсь каждая строчка драгоцѣнна и полна гораздо болѣе глубокаго смысла, чѣмъ можетъ показаться на первый взглядъ.

«Въ 1840 году я кончилъ курсъ гимназіи и поступилъ въ университетъ, будучи большимъ фразёромъ, и въ этомъ случаѣ я, благодарю Бога, что избралъ математическій факультетъ, который сразу же отрезвилъ меня и сталъ пріучать говорить только то, что самъ ясно понимаешь».

Эти строки писались много лѣтъ спустя послѣ событій, въ періодъ почти полнаго упадка популярности автора, во время или безпощадныхъ нападокъ критики, или еще болѣе оскорбительнаго замалчиванія. Естественно, тонъ воспоминаній выходилъ нѣсколько нетерпимымъ и рѣзкимъ, когда вопросъ шелъ объ идеяхъ и людяхъ извѣстнаго направленія. Въ благодареніи Богу, несомнѣнно, звучитъ это чувство. Еще яснѣе оно сказывается въ романѣ, посвященномъ университетской жизни автора. Но такое явленіе было возможно при единственномъ условіи, если сороковые годы дѣйствительно не оставили у Писемскаго никакой сочувственной памяти. Иначе одно фразёрство не могло бы его настроить столь энергично.

Кто не бываетъ фразёромъ въ извѣстный возрастъ? Тургеневъ, напримѣръ, въ высшей степени страдалъ этимъ порокомъ, жестоко осмѣялъ его въ лицѣ Рудина, но не могъ совершенно оторвать отъ своего сердца прошлаго и пощадилъ, даже увѣнчалъ своего униженнаго героя. Очевидно, у Писемскаго не было ни малѣйшихъ основаній къ пощадѣ и снисхожденію, и онъ необычайно рѣзко и безповоротно покончилъ съ «людьми сороковыхъ годовъ».

Математикѣ, если только она должна была «отрезвить» нашего автора, не предстояло большой работы. Молодой студентъ обладалъ вполнѣ достаточной трезвостью. Теперь предстояло совершенствовать познанія. По этой части, заявляетъ Писемскій, университетъ далъ ему «немного». Правда, въ романѣ говорится

о свѣдѣніяхъ изъ естественной исторіи: студентъ «узналъ жизнь земного шара—какимъ образомъ онъ образовался, какъ на немъ произошли рѣки, озера, моря»... Подобныя свѣдѣнія, конечно, очень полезны, но даже самый разсказъ о нихъ звучитъ наивностью и врядъ ли они могли особенно расширить общій идейный кругозоръ юноши. Важнѣе его интересъ къ иностранной литературѣ. Этотъ интересъ въ сильной степени долженъ былъ задерживаться незнакомствомъ читателя съ иностранными языками, но все-таки Писемскій «познакомился съ Шекспиромъ, Шиллеромъ, Гёте, Корнелемъ, Расиномъ, Жанъ-Жакомъ Руссо, Вольтеромъ, Викторомъ Гюго и Жоржъ Зандомъ».

Въ этомъ перечнѣ имена Корнеля и Расина можно бы опустить: по русски ихъ произведеній существовало крайне мало и потомъ весь складъ ихъ творчества вполнѣ противорѣчитъ вкусамъ читателя и никакого существеннаго вліянія на его личное міросозерцаніе или искусство оказать они не могли. Еще съ бо́льшимъ основаніемъ тоже самое можно сказать о Вольтерѣ и Руссо. Они слишкомъ европейцы, да еще философскаго XVIII-го вѣка, чтобы отъ чтенія ихъ, во всякомъ случаѣ, очень немногочисленныхъ твореній въ русскихъ, далеко не совершенныхъ, переводахъ остались какіе-либо слѣды въ мысляхъ Писемскаго. И мы этихъ слѣдовъ не встрѣчаемъ ни въ одномъ изъ его сочиненій. Что касается Виктора Гюго, — при реторическомъ, эффектно приподнятомъ стилѣ романтическаго поэта, нашъ трезвый читатель могъ испытывать въ лучшемъ случаѣ только недоумѣніе. Подобное впечатлѣніе долженъ былъ производить и Шиллеръ. Правда, онъ «увлекъ» Вихрова, «какъ поэтъ человѣчности, цивилизаціи и всѣхъ юношескихъ порывовъ». Но именно «порывы» и не входили въ программу трезваго математическаго воспитанія ума и характера. Въ лучшихъ проповѣдяхъ Шиллера, при всемъ ихъ благородномъ содержаніи, «фразёрства» не меньше, чѣмъ въ лирикѣ и драмахъ Гюго. А потомъ по сочиненіямъ Шиллера Вихровъ учился нѣмецкому языку: мы знаемъ, какъ оканчивались подобныя предпріятія Писемскаго. Если вопросъ заключался въ языкѣ, можно смѣло поручиться, что знакомство будущаго русскаго писателя съ Шиллеромъ оказалось весьма поверхностнымъ.

Дальше Шекспиръ, Гёте и Жоржъ Зандъ. Первые два, несомнѣнно, должны были заинтересовать Писемскаго просто со стороны искусства и силы творчества. Но подвинуть его міросозерцаніе, заронить въ молодой умъ искры общественныхъ идеаловъ врядъ-ли могъ и геніальный психологъ англійской драмы XVI-го вѣка, и чистый нѣмецкій художникъ, убѣжденный фи-

листеръ новаго времени. Наконецъ, самъ авторъ подчеркиваетъ дальнѣйшее развитіе своихъ художественныхъ наклонностей, подробно разсказываетъ о своихъ артистическихъ подвигахъ, какъ онъ прослылъ среди студентовъ безподобнымъ чтецомъ, а роль Подколесина въ пьесѣ Гоголя «*Женитьба*» сыгралъ, «по мнѣнію тогдашнихъ знатоковъ театра», лучше Щепкина. Этимъ успѣхомъ Писемскій очень дорожилъ. Впослѣдствіи онъ подробно описалъ приснопамятный спектакль въ разсказѣ «*Комикъ*», тщательно отмѣчая отдѣльные моменты исполненія и впечатлѣнія зрителей. Прекраснымъ чтецомъ Писемскій остался навсегда, но замѣчательнаго актера изъ него не вышло. Московскій успѣхъ единственный на его сценическомъ поприщѣ, и не успѣхъ, конечно, важенъ, а устойчивость гимназическихъ увлеченій Писемскаго. Онъ и въ университетѣ сохранилъ художественные вкусы и, несомнѣнно, они играли рѣшающую роль въ литературныхъ сочувствіяхъ будущаго писателя.

Много лѣтъ спустя Писемскому случилось написать критическую статью о второй части «*Мертвыхъ душъ*». Здѣсь совершенно ясно изложена весьма несложная эстетика автора и она въ настоящее время любопытна для насъ именно потому, что безусловно подтверждаетъ наши соображенія на счетъ прочитанныхъ Писемскимъ авторовъ.

Писемскій возстаетъ съ особенной энергіей противъ двухъ, по его мнѣнію, нехудожественныхъ пріемовъ сочинительства: противъ *напряженности*, т. е. крикливаго, фальшиваго романтизма, стремленія поэтовъ «сказать больше своего пониманія», «выразить страсть, которая сердцемъ не пережита», и противъ преднамѣренности, «напередъ составленнаго правила». Истинный поэтъ «беретъ изъ души только то, что накопилось въ ней» и что «требуетъ изліянія въ ту или другую сторону». Слѣдовательно, простота и непосредственность творчества—таковы принципы Писемскаго.

Ни одинъ изъ перечисленныхъ имъ поэтовъ, кромѣ Шекспира и отчасти Гёте, не подходитъ подъ это опредѣленіе. Искусственность авторъ еще могъ бы простить, напримѣръ, Гюго и Шиллеру за ихъ идеи, но въ идеяхъ-то именно и таится преднамѣренность,—порокъ, уже безусловно владѣющій Вольтеромъ. Слѣдовательно, и университетское чтеніе не могло отразиться на Писемскомъ прочными умственными вліяніями, за единственнымъ весьма замѣчательнымъ исключеніемъ. Впрочемъ, собственно объ *исключеніи* здѣсь не можетъ быть рѣчи, такъ какъ вліяніе оказалось не совсѣмъ *умственнымъ*, скорѣе *чувственнымъ*.

*

Одна изъ главъ въ романѣ «*Люди сороковыхъ годовъ*» называется *Жоржъ Зандизмъ*. Вопросъ, повидимому, идетъ объ одномъ изъ самыхъ популярныхъ направленій французской литературы въ XIX вѣкѣ, и не одной только литературы. Глава направленія, даровитая писательница, въ теченіе многихъ лѣтъ представляла съ необычайной силой и страстностью смѣну разнообразнѣйшихъ общественныхъ идей. Въ началѣ только защитница свободы женскаго сердца и человѣческаго достоинства своего пола, потомъ одна изъ отважнѣйшихъ послѣдовательницъ новыхъ демократическихъ идеаловъ. Въ жоржъ-зандизмѣ, слѣдовательно, воплотилась далеко не одна лишь проповѣдь такъ-называемой «свободной любви». Это было бы слишкомъ грубымъ и недостойнымъ представленіемъ объ одной изъ искреннѣйшихъ идеалистокъ нашего времени. Въ высшей степени несчастная въ брачномъ союзѣ, Жоржъ Зандъ, естественно, не могла не излить своихъ личныхъ тяжкихъ обидъ и униженій въ первыхъ романахъ и логически пришла къ истинамъ, по существу отнюдь не новымъ въ европейской литературѣ и вовсе не революціоннымъ въ области нравственности. Всѣ проповѣди Жоржъ Зандъ на счетъ брака и любви исходили изъ очень скромнаго и вполнѣ благонамѣреннаго принципа, извѣстнаго даже русскому Стародуму. Этотъ мудрецъ бѣдствія современной семьи объяснялъ тѣмъ, что «при нынѣшнихъ супружествахъ рѣдко съ сердцемъ совѣтуются». Распространите *права сердца* одинаково на мужчинъ и на женщинъ и вы получите философію *Индіаны*, *Жака*, вообще всего *жоржъ-зандизма* перваго романтическаго періода.

Но есть и второй, вызванный къ жизни іюльскими событіями. Здѣсь «Женскій вопросъ» отступаетъ на задній планъ, и неутомимая писательница всѣ силы свои посвящаетъ съ этихъ поръ «соціальному вопросу» и съ той же самой поэтической стремительностью, съ какою раньше живописала прелести независимаго чувства и романическаго счастья, теперь она воспѣваетъ доблести народной души и преимущества демократическаго общественнаго строя.

И въ этой новой поэзіи, какъ и въ прежней, не мало наивныхъ, слишкомъ непосредственныхъ восторговъ, чисто женскаго невѣдѣнія желѣзныхъ законовъ и условій человѣческой психологіи и внѣшней дѣйствительности. Но самая эта наивность ручалась за искренность лирически-настроеннаго автора, и въ личной жизни представлявшаго одно изъ гуманнѣйшихъ и сердечнѣйшихъ явленій своего времени. Отсюда безпримѣрно быстрая и блестящая слава Жоржъ Зандъ и вліяніе ея проникновеннаго творче-

ства на всѣ литературы, одинаково на публицистовъ, критиковъ и художниковъ. Среди русскихъ Бѣлинскій и Тургеневъ вписали свои имена во главѣ поклонниковъ Жоржъ Зандъ, оба, въ разныя времена и по разнымъ поводамъ — одинъ какъ публицистъ, другой какъ человѣкъ—представили восторженныя характеристики писательницы. Теперь, оказывается, и Писемскій въ эпоху студенчества поддался чарамъ *жоржъ-зандизма.*

Въ чемъ же для него заключались эти чары? Вопросъ получаетъ исключительный интересъ, такъ какъ жоржъ-зандизмъ единственное европейское вліяніе, признанное лично нашимъ писателемъ.

Когда Павелъ Вихровъ сдѣлался «окончательнымъ и самымъ искреннимъ *жоржъ - зандистомъ*», жоржъ - зандизмъ переживалъ второй періодъ своего развитія, соціальный и политическій. Жоржъ Зандъ изъ провозвѣстницы женской эмансипаціи превратилась въ апостола соціальной справедливости. Она усердно и съ обычнымъ пыломъ погрузилась въ изученіе теорій, наполнявшихъ необычайнымъ шумомъ всю эпоху іюльской монархіи, и съ изумительной скромностью отдала свой художественный талантъ на служеніе новымъ идеямъ. Романы попрежнему быстро слѣдовали одинъ за другимъ и именно они заставили Бѣлинскаго провозгласить Жоржъ Занда «первой поэтической славой современнаго міра»— какъ разъ въ началѣ сороковыхъ годовъ.

Павелъ Вихровъ знаетъ о существованіи этихъ произведеній Жоржъ Зандъ, но ему извѣстны и другія—внушенныя писательницѣ ея семейными отношеніями. Теперь вопросъ, какъ нашъ герой и, слѣдовательно, самъ Писемскій, отнесся къ тому и другому теченію *жоржъ-зандизма?*

Въ романѣ разсказывается очень подробно и внимательно исторія героя съ m-me Фатѣевой, женщиной — несчастливой въ брачной жизни и измѣняющей мужу во имя стремленія любить. Вихровъ въ судьбѣ этой госпожи усмотрѣлъ «сходство съ героинями Жоржъ Зандъ», но раньше этихъ соображеній онъ успѣлъ самъ влюбиться въ m-me Фатѣеву. Сходство, слѣдовательно, было подмѣчено не безъ лукаваго внушенія личнаго чувства. На это, впрочемъ, указываетъ и авторъ: Вихровъ сталъ фанатическимъ жоржъ-зандистомъ одновременно съ своимъ собственнымъ приключеніемъ, и именно приключеніе явилось исходнымъ моментомъ для извѣстныхъ общихъ настроеній, на сколько они касались жоржъ - зандизма. Не будь романа съ m-me Фатѣевой, Вихровъ, по всей вѣроятности, замедлилъ бы съ своими восторгами предъ французской писательницей. А теперь «со всей горяч-

ностью юноши онъ понялъ всю справедливость и законность протестовъ этой писательницы и, припоминая различные случаи изъ русской жизни, онъ видѣлъ, до какой степени у насъ во всѣхъ слояхъ общества женщина угнетена, лишена правъ, Богъ знаетъ за что обвиняется».

Подобныя настроенія, несомнѣнно, пережилъ и самъ авторъ. Въ автобіографіи онъ говоритъ о личной «реальной любви», «поглотившей» его по окончаніи университета. Ее-то онъ и изобразилъ сначала въ *Боярщинѣ*, а потомъ въ исторіи Вихрова съ m-me Фатѣевой. Въ первомъ романѣ герой Шатиловъ—личность, по представленію автора, совершенно отрицательная и по автобіографическому значенію не можетъ идти въ сравненіе съ Павломъ Вихровымъ. Мы встрѣтимся съ ней впослѣдствіи,—для нашего вопроса достаточно подробностей и въ романѣ «*Люди сороковыхъ годовъ*».

Вдохновленный m-me Фатѣевой на пути къ жоржъ-зандизму, Вихровъ устремился до крайнихъ предѣловъ, увлекся, очевидно, и соціальными произведеніями. «Жоржъ Зандъ», кричитъ онъ своему товарищу Невѣдомову, «дала міру новое евангеліе, или лучше сказать, прежнее растолковала настоящимъ образомъ!..»

Это очень сильно и было бы подъ стать любому русскому идеалисту, искреннему и восторженному. Но относительно Вихрова дѣло стоитъ не такъ просто. Только-что приведенное восклицаніе имѣетъ въ высшей степени оригинальный смыслъ, не самъ по себѣ, а въ намѣреніяхъ автора. Они, конечно, неизмѣримо для насъ важнѣе, чѣмъ приключеніе и рѣчи Вихрова. Они бросаютъ истинный свѣтъ, во-первыхъ, на жоржъ-зандизмъ самого Писемскаго, потомъ окончательно рѣшаютъ вопросъ объ его положеніи среди «людей сороковыхъ годовъ» и, наконецъ, устанавливаютъ истинный характеръ какихъ бы то ни было идейныхъ настроеній высоко-даровитаго художника.

Нѣкоторый намекъ на участь жоржъ-зандизма въ личныхъ чувствахъ Писемскаго можно видѣть изъ заявленія автобіографіи, что его «реальная любовь» не удовлетворяла ни его родныхъ ни его «собственную совѣсть». Вотъ, слѣдовательно, въ чемъ дѣло: жоржъ-зандизмъ, подсказанный легкомысленной интрижкой и низведенный, въ силу такого внушенія, къ «блаженству» «реальной любви», всегда рисковалъ найти своего врага въ совѣсти. И совѣсть, конечно, имѣла всѣ права возстать на борьбу съ подобнымъ «блаженствомъ». Но совершенно другой вопросъ, имѣлъ ли основаніе счастливый рыцарь m-me Фатѣевой свою «реальную любовь» отождествить съ сущностью идей французской писатель-

ницы, вообще какого бы то ни было юнаго героя обозвать «жоржъ-зандистомъ» только потому, что первая встрѣчная чужая жена ему открыла свои объятія?

Инымъ подобное упрощенное толкованіе одного изъ самыхъ сложныхъ явленій европейской мысли можетъ показаться несправедливымъ и, во всякомъ случаѣ, неосновательнымъ. Но для Писемскаго другого толкованія прямо не существуетъ. Это совершенно ясно изъ романа, изъ характеровъ и положеній людей сороковыхъ годовъ.

На основаніи вполнѣ достовѣрной исторіи мы составили свои представленія о нѣкоторыхъ изъ *дѣйствительныхъ* людей этихъ годовъ, и можемъ убѣдиться, что. при всей математической трезвости взглядовъ Писемскаго-студента, эти люди имѣли право на его вниманіе. Можетъ быть, ихъ рѣчи и литературныя увлеченія и не всегда были трезвыми,—отнюдь нельзя сказать того же про ихъ сердца и души, про ихъ органически-необходимое и жизненно-послѣдовательное отношеніе къ современной русской дѣйствительности, въ особенности къ вопросу народной жизни. Предположимъ, что Писемскій не встрѣтилъ этихъ людей ни въ университетскихъ аудиторіяхъ, ни въ московскомъ обществѣ. Но самое *отношеніе*, такъ сказать, *духъ времени* ускользнуть не могъ съ горизонта его наблюдательности, если только была малѣйшая нравственная почва у будущаго писателя для воспріятія этого *духа*, для отзывчивости на это *отношеніе*.

Предъ нами громадная картина съ цѣлой толпой людей и подъ ней необычайно завлекательная и многообѣщающая подпись: *Люди сороковыхъ годовъ*. И притомъ, на картинѣ въ толпѣ виднѣется фигура и самого автора... Подойдемъ же ближе къ полотну и разглядимъ внимательно его свѣтъ и тѣни.

XII.

Одинъ изъ людей, пережившихъ сороковые годы, менѣе всего восторженный, по преобладающимъ художественнымъ наклонностямъ и практическому скептицизму сильно напоминающій Писемскаго, незадолго до смерти такъ выражался о давно минувшемъ:

«Еслибъ вы знали, какое это было славное время!..»

Такъ восклицалъ Воткинъ, отнюдь не мечтатель и даже не идеалистъ. Напротивъ у болѣе вѣрныхъ представителей идеалистической эпохи, онъ своими эпикурейскими и комфортабельно-эстетическими настроеніями даже въ области идей безпрестанно вызывалъ недоумѣніе, а подчасъ и болѣе рѣзкія чувства. И вотъ

этотъ-то человѣкъ не могъ безъ волненія вспоминать о «славномъ времени». И понятно почему.

Боткинъ въ молодости пережилъ тѣ же увлеченія, какія наполняли то муками сомнѣнія, то восторгами вѣры душу Бѣлинскаго и его товарищей. И для него Гегель былъ «фетишемъ» и онъ портилъ кровь и разстраивалъ нервы въ честь «разумнаго» и «дѣйствительнаго». А потомъ онъ не переставалъ *наблюдать* и *сознательно оцѣнивать* дальнѣйшую исторію своего поколѣнія, нравственную и въ особенности литературно-общественную. Онъ могъ не внести ни единой капли личной дѣятельной мысли въ современное движеніе, но онъ не могъ проглядѣть его успѣховъ и его общаго значенія; а главное, съ точки зрѣнія простого пониманія внѣшнихъ условій, не могъ не отдать справедливости даже тѣмъ усиліямъ и жертвамъ, какимъ онъ не могъ сочувствовать или раздѣлять по слишкомъ консервативному складу своей натуры.

Въ послѣдніе годы жизни, обозрѣвая пройденный путь и сравнивая результаты съ исходнымъ моментомъ, Боткинъ говорилъ: «Еслибъ мнѣ въ то время кто-нибудь сказалъ, что я доживу до чего-нибудь подобнаго, я бы не повѣрилъ»...

Для насъ эти заявленія и въ особенности настроенія, ихъ вызвавшія, любопытны, потому что они принадлежатъ самому положительному и уравновѣшенному человѣку сороковыхъ годовъ. Отзывы Боткина мы безошибочно можемъ приписать простому чувству справедливости и историческому смыслу.

Писемскій сочинялъ свой романъ много лѣтъ позже юношескихъ впечатлѣній. Молодость и ея треволненія были далеко позади, въ такихъ случаяхъ почти у всякаго является невольная идеализація прошлаго, нѣкоторое нѣжное чувство къ невозвратному. Такъ бываетъ даже у самыхъ простыхъ смертныхъ и относительно самаго заурядnаго прошлаго. Чего же мы должны ждать отъ талантливаго писателя, вызывающаго въ своей памяти «сороковые годы»?—ждать послѣ того, какъ даже Боткинъ умилялся при воспоминаніяхъ объ этой эпохѣ.

Писемскій очень гордился громаднымъ количествомъ героевъ, дѣйствующихъ въ его романахъ. Онъ насчитывалъ, что «вывелъ» до восьмисотъ лицъ и «все дрянь какую!»—прибавлялъ авторъ съ свойственной ему силой выраженія. Въ число этой «дряни», съ самыми легкими оговорками, можно отнести и почти всѣхъ героевъ романа *Люди сороковыхъ годовъ*.

Во главѣ стоитъ Павелъ Вихровъ. Мы знаемъ его *жоржзандизмъ*—въ теоріи, на практикѣ онъ еще низменнѣе и банальнѣе. Исторія юнаго студента съ m-me Фатѣевой—печальная лѣ-

топись безволія, личнаго ничтожества, малодушія и даже неразумія. Послѣ медоваго мѣсяца рыцарь рѣшительно не знаетъ, что дѣлать ему съ собой и съ своей дамой. Правда, дама на рѣдкость пуста и не развита, но у нея есть, по крайней мѣрѣ, органическая сила, способность считаться съ своими, хотя бы и очень не возвышенными увлеченіями. У Вихрова нѣтъ даже простого сознанія личнаго достоинства, приличествующаго мужчинѣ. Онъ, со всѣми своими художественными инстинктами и съ жоржъ зандизмомъ, производитъ впечатлѣніе жалкое и трагикомическое рядомъ съ своей возлюбленной только потому, что та сильная особь своего пола. Нравственное худосочіе, умственное верхоглядство и сплошь дящійся нервозъ—таковъ нашъ герой въ личныхъ дѣлахъ, главный представитель людей сороковыхъ годовъ.

Можно ли послѣ этого вспомнить *подлинныхъ* людей той же эпохи и именно въ той же области личныхъ дѣлъ и чувствъ? Можно ли, напримѣръ, позволить какое-либо сравненіе теоретическаго и практическаго жоржъ-зандизма Вихрова съ идеями дѣйствительныхъ романтиковъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ о любви, о счастіи, объ увлеченіи?

Тамъ—отъ начала до конца—господствуетъ сознаніе неотвратимаго нравственнаго долга. *Идея* должна лежать въ основѣ каждаго проявленія духовнаго міра человѣка и воодушевлять каждый шагъ его даже интимной жизни. Любовь не источникъ счастья во что бы то ни стало, а прежде всего сильнѣйшій мотивъ нравственной отвѣтственности человѣка предъ своимъ «призваніемъ» и предъ судьбой любимой женщины. Любовь—новое побужденіе работать и совершенствоваться. Ея не достоинъ тотъ, кто самъ по себѣ, безъ внѣшней опоры и безъ женскаго сочувствія, не имѣетъ достаточно силъ нести бремя жизни и выполнить свое назначеніе.

«Потребность любви должна быть вызвана не бѣдностью души, которая, чувствуя свою нищету и будучи недовольна собой, ищетъ кругомъ себя помощи, любовь должна выходить изъ богатства нашего духа, исполненнаго силы и дѣятельности и отыскивающаго въ самой любви только новую, высшую, полнѣйшую жизнь».

Эти изреченія Станкевича—не фразы; при всей ихъ юношеской, выспренней наивности, они «проводятся въ жизнь» и въ личныхъ молодыхъ романическихъ исторіяхъ Бѣлинскаго, и того же Станкевича мы найдемъ факты, пожалуй, даже превосходящіе искренностью и идеальностью порывовъ самую теорію. Даже Рудинъ усиливается остаться на высотѣ современной морали, донимаетъ ею сначала Лежнева и предметъ его увлеченія, а по-

томъ самъ въ исторіи съ Натальей, при всей своей жалкой и въ изображеніи автора даже комической роли, онъ обнаруживаетъ несомнѣнные отголоски искренней боязни предъ нравственной отвѣтственностью за чужое счастье.

Павелъ Вихровъ, навѣрное, не испугался бы взять подъ руку влюбленную дѣвушку, испить «чашу наслажденій», и потомъ изобразить послѣдовательно драматическія сцены на мотивъ тоски, разочарованія, душевной растерянности и даже отчаянія, т. е. повторить исторію въ стилѣ какого-нибудь Павла Кирсанова или, въ лучшемъ случаѣ, Лаврецкаго,—исторію романтика и эстетика, и отнюдь не идеалиста и мыслителя сороковыхъ годовъ.

Это сродство Вихрова съ «старенькими романтиками», по выраженію Базарова, простирается и на болѣе существенные вопросы, чѣмъ любовь,—на его «народничество».

Мы знаемъ,—герой нашъ только со временъ студенчества сталъ замѣчать темныя и сомнительныя стороны крестьянскаго быта, и авторъ совершенно опредѣленно указываетъ на силу, открывшую, наконецъ, глаза Вихрову.

«Вслѣдствіе разнаго рода гуманныхъ идей и мыслей, которыми герой мой напитывался отовсюду въ своей университетской жизни, онъ въ настоящій пріѣздъ свой въ деревню сталъ присматриваться къ быту народа далеко иначе, чѣмъ смотрѣлъ прежде». Дальше объясняется, что Вихровъ раньше мужиковъ «зналъ больше по отношенію къ боярамъ, какъ полковникъ о нихъ натолковалъ ему». Теперь взглядъ рѣзко измѣнился и, повидимому, совершенно въ разрѣзъ съ внушеніями отца. «Тутъ онъ началъ понимать, что это были тоже люди, имѣющіе свои собственныя желанія, чувствованія, наконецъ, права».

Это—необыкновенно сильно, подъ стать самому убѣжденному народолюбцу сороковыхъ годовъ. По крайней мѣрѣ, лучше бы не могъ выразиться даже Тургеневъ, тѣмъ болѣе, что и предъ Вихровымъ проходятъ эффектнѣйшія фигуры мужиковъ, *людей* въ полномъ смыслѣ слова.

Напримѣръ, Иванъ Алексѣевъ по уму и благородной внѣшности стоитъ половины баръ. Онъ отказывается отъ господскихъ подачекъ, насмѣшливо относится къ барскимъ «милостямъ». Даже крестьянки проявляютъ юморъ по поводу неожиданныхъ щедротъ молодого панича... Вихровъ невольно восклицаетъ—«гордый, грандіозный народъ!» И такой народъ въ рабствѣ! Да, Вихрову приходитъ на мысль и это соображеніе...

Можно подумать, чего же лучше? Авось, юный герой, «вслѣдствіе разнаго рода гуманныхъ идей и мыслей», серьезно и вдум-

чиво станетъ присматриваться къ народной жизни и вступитъ на излюбленный путь своихъ лучшихъ современниковъ, начнетъ искать жизненнаго соприкосновенія и сближенія съ крестьянской массой? Но наше «авось» одно изъ самыхъ основательныхъ. Вихровъ, дѣйствительно, не прочь потолковать съ мужиками, кое-что подглядѣть въ ихъ быту и кое-что сообщить имъ. Но что и какъ? Вотъ изумительный образчикъ сношеній Вихрова съ народомъ.

«Водочки я никогда не велю вамъ лѣтомъ давать, потому что она содержитъ въ себѣ много углероду, а углеродъ нуженъ, когда мы вдыхаемъ много кислороду; кислородъ же мы больше вдыхаемъ зимой, когда воздухъ сжатъ».

На эту рѣчь Вихрова слѣдуетъ отвѣтъ:

«— Это точно-съ!» — «почему-то согласились съ нимъ нѣкоторые мужики»,—поясняетъ уже авторъ.

Еще одна сцена. Вихровъ въ церквѣ въ праздничный день и наблюдаетъ за мужиками. Плодъ наблюденій слѣдующій:

«Не лучше ли бы было», думалъ Павелъ съ горечью въ сердцѣ, глядя, какъ всѣ они съ усердіемъ молились, «чѣмъ возлагать надежды на невѣдомое существо, они выдумали бы себѣ какой-нибудь трудъ поумнѣй, или выдумали бы себѣ другое соціальное положеніе»?..

Философія, очевидно, стоитъ научно-популярнаго разсужденія... И это называется «гуманными идеями и мыслями»! Можно подумать,—онѣ навязаны подобному кавалеру именно съ той цѣлью, чтобы вмѣстѣ съ нимъ оказаться въ смѣшномъ положеніи, во всякомъ случаѣ, утратить въ глазахъ довѣрчиваго читателя всякое обаяніе.

И это впечатлѣніе, повидимому, вполнѣ правильно. Противъ Вихрова выведенъ студентъ Невѣдомовъ, юноша странный, отчасти юродивый, но на немъ всецѣло почіетъ авторское благоволеніе.

Невѣдомовъ щеголяетъ въ монашескомъ подрясникѣ, его комната убрана человѣческими костями и евангеліемъ, диванъ устроенъ въ видѣ гроба. Всѣ эти причуды не простой больной капризъ. Невѣдомовъ—большой эстетикъ, идеалистъ и философъ пессимистическаго направленія. Автору онъ симпатичнѣе всѣхъ другихъ героевъ утонченной художественностью натуры и тонкимъ пониманіемъ искусства, независимо отъ его цѣлей и содержанія. Невѣдомовъ занимается переводомъ шекспировскихъ пьесъ и ведетъ литературныя бесѣды явно за счетъ автора.

И вотъ этотъ-то Невѣдомовъ прежде всего уничтожаетъ жоржъ-зандизмъ Вихрова, не романтическій, а, что особенно важно, общественный. Когда Вихровъ восторженно отозвался о Жоржъ Зандъ,

какъ соціальной проповѣдницѣ, «Невѣдомовъ потупился и нѣсколько времени не отвѣчалъ. Онъ, кажется, совершенно не ожидалъ, чтобы Вихровъ когда-нибудь сказалъ подобный вздоръ».

Такъ изображаетъ сцену авторъ. Правда, Вихровъ хватилъ черезъ край въ *словесномъ изъявленіи* своего восторга, но въ романѣ нѣтъ никакой оговорки на этотъ счетъ. Мало этого, Невѣдомовъ, съ художественной точки зрѣнія, прямо уничтожаетъ Жоржъ Зандъ второго періода ея дѣятельности, и уничтожаетъ по чрезвычайно для насъ любопытному соображенію. Здѣсь Невѣдомовъ, такъ же какъ и въ художественныхъ инстинктахъ, сливается съ личностью самого автора.

«При всемъ богатствѣ и поэтичности ея воображенія», говоритъ Невѣдомовъ о Жоржъ Зандъ, «сейчасъ же видно, что она сближалась съ разными умными людьми, наскоро позаимствовала отъ нихъ многое и всѣми силами души стремится разнести это по Божьему міру; а ужъ это не художественный пріемъ».

Ясно, для Невѣдомова вопросъ не въ томъ, что и какъ человѣкъ «разноситъ по Божьему міру», хотя мысли могутъ быть очень хорошія и полезныя и человѣкъ будетъ ихъ разносить вполнѣ искренне и убѣжденно,—все это неважно: вопросъ, не «позаимствовалъ» ли ихъ проповѣдникъ отъ другихъ, хотя бы и умныхъ людей? Разъ, его можно заподозрить въ способности учиться у другихъ, вмѣсто того, чтобы все самому открывать, онъ въ глазахъ Невѣдомова погибшій человѣкъ.

Нашъ выводъ отнюдь не преувеличенный. Мы встрѣтимъ множество фактовъ и совершенно откровенныхъ заявленій самого Писемскаго, подтверждающихъ наше представленіе о логикѣ Невѣдомова.

И мы должны были этого ожидать. Логика Невѣдомова ничто иное, какъ результатъ изображеннаго нами раньше міросозерцанія писателей извѣстнаго типа. Подражательность, позаимствованіе, повтореніе съ чужихъ словъ—предметы ихъ «органическаго отвращенія», и достаточно только тѣни, призрака ненавистнаго порока, эти писатели уже во всеоружіи гнѣва и страсти. Мы впервые встрѣтились съ этой психологіей у Писемскаго по поводу идей сороковыхъ годовъ. Передъ нами сравнительно блѣдное явленіе, впослѣдствіи намъ придется стать лицомъ къ лицу со всею силой авторской сатиры негодованія,—истина останется все та же.

Нравственное пораженіе Вихрова не ограничивается сценой на тему жоржъ-зандизма. Авторъ хочетъ намъ показать, что всѣ вообще идеи Вихрова, попавшія въ его голову извнѣ, привились на исключительно эгоистической почвѣ. Жоржъ Зандъ онъ сталъ

поклоняться ради m-me Фатѣевой. Другая женщина, кузина Мари, въ началѣ романа равнодушная къ влюбленному кузену, потомъ примѣрная жена и мать, возмущаетъ до глубины души самолюбиваго юношу.

Вихровъ начинаетъ пламенѣть нѣжностью къ свободнымъ женщинамъ, ненавидѣть «нравственныхъ», все время,—спѣшитъ замѣтить авторъ,—мѣтя въ кузину Мари. «Ему вдругъ нестерпимо захотѣлось пересоздать людскія общества», читаемъ мы и, конечно, въ эту же минуту, теряемъ всякое уваженіе къ подобному реформатору исключительно pro domo sua. И опять эстетикъ и идеалистъ Невѣдомовъ подавляетъ нашего героя. Онъ возмущается дѣйствительно возмутительнымъ поступкомъ одного изъ товарищей съ бѣдной дѣвушкой, но Вихровъ, въ эмансипаціонномъ азартѣ, кричитъ ему:

«— Щепетильный вы нравственникъ и узковзглядный брезгливецъ!»

И такъ, обезьянство и личный разсчетъ,—вотъ нравственная почва «гуманныхъ идей и мыслей» у Вихрова, смѣхотворное неразуміе и легкомысліе—практическія качества подобнаго идеалиста.

Но Невѣдомову мало Вихрова. Онъ, при всей своей скромности и преобладающей наклонности къ художественнымъ созерцаніямъ, изрекаетъ смертный приговоръ цѣлому направленію, исторически связанному вообще съ людьми сороковыхъ годовъ, западничеству. Рѣчь его не многословна, но она бьетъ въ самый центръ, отсѣкаетъ, такъ сказать, голову у всѣхъ западниковъ. «Какое высокое дарованіе Бѣлинскій, а и того совсѣмъ сбили съ толку; послѣднее время пишетъ все это, видно, съ чужого голоса, раскидался во всѣ стороны».

Опять, слѣдовательно, бѣда въ «позаимствованіи»: разъ можно сослаться на «чужой голосъ», и всѣмъ доказательствамъ конецъ. Вопросъ рѣшенъ. Но въ данномъ случаѣ, дѣло гораздо сложнѣе, чѣмъ съ жоржъ-зандизмомъ Вихрова. Невѣдомовъ не хочетъ знать этой сложности, потому что такъ хочетъ авторъ, во что бы то ни стало жаждущій срѣзать Бѣлинскаго.

Дальше въ романѣ упоминается о знаменитомъ письмѣ Бѣлинскаго къ Гоголю, слѣдовательно, отзывъ Невѣдомова разсчитанъ на всю литературную дѣятельность Бѣлинскаго, не на раннюю только. Письмо, конечно, не встрѣчаетъ благосклонности у нашего автора, но зачѣмъ онъ допускаетъ фактическую передержку относительно *критическихъ статей* Бѣлинскаго? Именно въ сороковые годы, съ первой же половины, Бѣлинскій и сталъ освобождаться отъ «чужихъ голосовъ». Уже въ статьѣ о русской ли-

тературѣ въ 1840 году и онъ защищаетъ французскую литературу отъ нѣмецкихъ художественныхъ теорій, т.-е, начинаетъ разрывъ съ идолами своей молодости, быстро становится столь же реалистическимъ, русскимъ критикомъ, какимъ Гоголь былъ художникомъ и послѣдовательностью, и жизненностью своихъ толкованій гоголевскихъ произведеній наводитъ ужасъ на самого автора.

Процессъ этотъ совершался Бѣлинскимъ съ обычной страстностью и искренностью, и Невѣдомовъ проглядѣлъ его смыслъ и цѣль только потому, что герою Писемскаго по натурѣ чужда страстность въ идеяхъ общественнаго содержанія. Она ему инстинктивно *подозрительна* и это въ лучшемъ случаѣ. Въ болѣе энергическіе моменты Невѣдомовы ради «чужого голоса» и «художественнаго пріема» не пощадятъ въ противномъ лагерѣ ни одного проблеска, просто не сочтутъ нужнымъ замѣтить свѣтъ рядомъ съ тѣнями.

Конецъ Невѣдомова именно таковъ, какой возможенъ только при самыхъ отчаянныхъ условіяхъ дѣйствительности. Сначала этотъ «честнѣйшій и поэтичнѣйшій человѣкъ» скрывается въ монастырь, сжигаетъ даже переводы шекспировскхъ произведеній, а потомъ гибнетъ таинственной смертью,—надо понимать, самоубійствомъ. Вихровъ напутствуетъ его такими словами:

«Слишкомъ идеаленъ, слишкомъ поэтъ былъ; онъ не могъ жить и существовать на свѣтѣ»...

Очевидно, Невѣдомовъ не нашелъ ни единой точки опоры въ окружающемъ мірѣ для своего духовнаго бытія, и его участь—краснорѣчивѣйшій приговоръ этому міру. Лучшимъ изъ людей сороковыхъ годовъ оказывается трагическій и обездоленный человѣкъ; кто переживаетъ тѣ самыя настроенія и вступаетъ на тотъ самый путь, какіе искони характеризируютъ эпохи упадка умственнаго и нравственнаго. Возможно ли было бы изобразить подобный исходъ писателю, сохранившему хотя бы тѣнь личнаго сочувствія къ минувшему?..

Но вѣдь, скажете вы, романъ *Люди сороковыхъ годовъ*, отнюдь не памфлетъ, даже не сатира, онъ, по тону, не можетъ идти даже и въ сравненіе съ *Взбаломученнымъ моремъ*... Есть же, слѣдовательно, въ его содержаніи нѣчто положительное, хотя бы отчасти идеализированное авторомъ?

Да, есть, и эта идеализація не менѣе поучительна, чѣмъ и авторская сатира.

XIII.

Со словъ Невѣдомова мы знаемъ, что Писемскій-студентъ не признавалъ западниковъ и порицалъ Бѣлинскаго именно—выразителя общественныхъ идеаловъ. Бѣлинскій, какъ чуткій *художественный* критикъ, несомнѣнно былъ симпатиченъ Невѣдомову и, слѣдовательно, Писемскому. Этотъ фактъ даже прямо былъ удостовѣренъ на юбилеѣ Писемскаго, въ 1875 году *). Но Бѣлинскій извѣстнаго *идейнаго* направленія въ глазахъ нашего автора являлся только проповѣдникомъ съ «чужого голоса». Судить такъ, можетъ быть, при поверхностномъ взглядѣ и естественно. Бѣлинскій состоялъ въ лагерѣ «западниковъ», т. е. учениковъ Европы. Но рядомъ съ западниками существовала другая партія, провозглашавшая себя подлинно-національной и исторически-почвенной, славянофилы. Они, несомнѣнно, подписались бы подъ словами Невѣдомова по адресу своего противника. И такъ, можетъ быть, среди людей сороковыхъ годовъ будетъ пощажена, по крайней мѣрѣ, одна партія?

Оказывается, менѣе всего. Противъ западниковъ у автора есть Невѣдомовъ—*художественная натура*, противъ славянофиловъ Заминъ, двойникъ *здравомыслящаго, мудраго* Макара Григорьева, только съ нѣкоторымъ образованіемъ. Вотъ его отзывъ о славянофилахъ:

«Былъ, братъ, я у этихъ господъ; звали они меня къ себѣ: баре добрые, только я вамъ скажу, ни шиша нашего простого народа не понимаютъ: пейзанчики у нихъ все въ головѣ, ей Богу! а не то, что нашъ мужичекъ, съ деготькомъ, да съ лукомъ».

Вотъ *свой* голосъ *настоящаго* народолюбца! «Направленіе» Замина, на первый взглядъ, вполнѣ разумное—онъ хочетъ имѣть дѣло съ дѣйствительнымъ мужичкомъ, безъ всякихъ прикрасъ... Но что же дальше? Будетъ ли этотъ мужикъ признанъ совершенствомъ или потребуются нѣкоторые новые шаги по поводу «деготька и лука»? Съ точки зрѣнія Замина врядъ-ли. Мужикъ достаточно хорошъ, какъ онъ есть, и мощный воплотитель «деготька и лука»—Макаръ Григорьевъ, своего рода деревенскій буржуа, прямо магнитизируетъ Замина своей мудростью и добродѣтелями. Взгляды, точнѣе, инстинкты ловкаго и энергичнаго мужика-хозяина для Замина выше всякихъ идей и міросозерцаній.

*) Одинъ изъ ораторовъ, лично близкій Писемскому, Алмазовъ, говорилъ: «На эстетическія его теоріи имѣли большое вліяніе критическія статьи Бѣлинскаго». Ср. критико-біографич. очеркъ г. Венгерова «А. Ѳ. Писемскій». Спб. 1884 г., стр. 37.

Именно прямолинейный реализмъ и признаніе жизни такою, какая она есть, въ этомъ весь символъ народническихъ чувствъ Замина. Онъ даже, по молодости лѣтъ, идетъ дальше Макара Григорьева. Тотъ, прошедшій тяжелый путь мужицкой карьеры, большой скептикъ на счетъ своего брата. По его мнѣнію, мужика слѣдуетъ неослабно держать въ ежовыхъ рукавицахъ, иначе немедленно начнется притворство, обманъ, заносчивость: «мы, вѣдь, мужики—плуты!»... Заминъ этого не думаетъ, онъ готовъ замереть въ созерцаніи перваго встрѣчнаго Ваньки только потому, что тотъ прямо изъ деревни. Это, конечно, не западничество и даже не славянофильство, хотя бы славянофилы и воображали «пейзанчиковъ». Искать въ мужикѣ «пейзанчика» значитъ разсчитывать на болѣе или менѣе культурные задатки его жизни, на извѣстную долю красоты и поэзіи въ его бытѣ, или, по крайней мѣрѣ, на какія бы то ни было, хотя бы и крайне смутныя, стремленія мужика къ культурѣ, красотѣ и поэзіи. Смѣшно, конечно, представлять обывателей русскихъ деревень въ томъ видѣ, въ какомъ они являлись, напримѣръ, воображенію Екатерины II при перепискѣ ея съ французскими философами или ея взорамъ при путешествіи среди потемкинскаго маскарада. Но цѣнить «дегтёкъ и лукъ», какъ неотъемлемые признаки коренной русской самобытности и даже «мудрости» — значитъ оставаться въ предѣлахъ первобытнаго инстинкта и лишать себя права сознательно и практически считаться съ крестьянской дѣйствительностью.

Самъ авторъ, конечно, не раздѣляетъ наивныхъ восторговъ Замина, но настроенія этого героя для него безконечно милѣе, чѣмъ «идеи и мысли» Вихрова. Несчастный идеалистъ и мыслитель безпрестанно попадаетъ въ забавное и жалкое положеніе, Заминъ до конца сохраняетъ роль простого симпатичнаго и дѣльнаго малаго. Для характеристики авторскаго отношенія къ герою очень любопытна сцена *художественныхъ* подвиговъ Замина. Мы знаемъ, вопросъ этотъ особенно близокъ авторскому сердцу и видѣли, какъ былъ увѣнчанъ эстетикъ Невѣдомовъ.

Заминъ въ другомъ родѣ художникъ. Онъ вмѣстѣ съ товарищемъ изображаетъ разныя пресмѣхотворныя штучки: напримѣръ, какъ рѣжутъ свинью, а собака за нее богу молится, потомъ громъ и молнію... Вихровъ послѣ этихъ спектаклей проникновенно восклицаетъ:

«Да, это смѣхъ настоящій, честный, добрый!»...

Теперь припомните отзывъ Невѣдомова о Жоржъ Зандъ, его идею о «нехудожественномъ пріемѣ», и сравните съ лаврами Замина, вы поймете, что̀ значитъ художество безъ вмѣшательства

«умныхъ людей». Заминъ, изображающій пантомиму изъ цирка, симпатичнѣе, чѣмъ какіе угодно писатели, разъ ихъ можно заподозрить въ «позаимствованіи» у «умныхъ людей» «идей и мыслей».

Для полноты картины въ романѣ выводится студентъ, долженствующій соотвѣтствовать извѣстному, въ высшей степени распространенному типу людей сороковыхъ годовъ; спорщикъ и полемистъ Саловъ... Но что это за личность! Онъ въ восторгѣ отъ статей Бѣлинскаго, и въ то же время самый низкій негодяй, какого только могъ видѣть московскій университетъ въ своихъ стѣнахъ. Онъ и шуллеръ и кутила, и безчестный должникъ, и донъ-жуанъ отвратительнѣйшаго сорта, однимъ словомъ преступникъ—и притомъ убѣжденный и нахальный—чуть-ли не по всѣмъ статьямъ уголовнаго кодекса. И вотъ этому-то господину поручено вести полемику на темы сороковыхъ годовъ. Онъ на спѣхъ подчиталъ какую-то книгу Конта и готовится рѣзать всѣхъ «гегелистовъ»...

Авторъ, конечно, рисуетъ въ должномъ свѣтѣ доблести молодца, но любопытно, что у автора не нашлось другого философа и діалектика изъ студенческаго кружка и непремѣнно Заминъ долженъ восторгаться Бѣлинскимъ, а Невѣдомовъ отвергать того же Бѣлинскаго.

Мы отнюдь не намѣрены производить слѣдствіе «съ пристрастіемъ» надъ авторской совѣстью на основаніи рѣчей и дѣйствій его героевъ. Этотъ пріемъ совершенно не допустимъ въ литературной критикѣ, и именно наша литература знаетъ одинъ изъ печальныхъ опытовъ въ этомъ направленіи: статьи Писарева о Пушкинѣ, основанныя на невѣроятномъ отождествленіи поэта съ героемъ его произведенія... Надо думать, — подобный казусъ больше никогда не повторится въ исторіи русской критики. Но дѣло не въ крайностяхъ и пристрастіяхъ, а въ законномъ стремленіи всякаго читателя, на основаніи характеровъ, положеній и міросозерцаній героевъ, проникнуть въ личныя настроенія и личную психологію ихъ творца. Это путь очень опасный и скользкій, каждый шагъ требуетъ великой осмотрительности, но онъ законенъ и возможенъ.

Художественное творчество тѣснѣе, чѣмъ какая-либо другая человѣческая дѣятельность, связано съ нѣдрами нравственнаго міра дѣятеля. Поэтическое воспроизведеніе дѣйствительности—*самый внутренній процессъ*, если такъ можно выразиться, изъ всѣхъ процессовъ мысли и сердца, и если даже для научнаго и отвлеченнаго сочиненія, направленнаго на человѣческую личность и общество, объективизмъ — цѣль врядъ ли достижимая,

для творческой фантазіи и чуткаго сердца художника—этотъ идеалъ даже и не существуетъ. Всѣ разговоры о научномъ, безстрастномъ и безличномъ искусствѣ—contradictio in adjecto: это значило бы требовать солнца безъ свѣта, жизни безъ движенія. Вопросъ только въ глубинѣ и разносторонности личности художника и въ его писательскомъ темпераментѣ. Въ зависимости отъ этихъ данныхъ, личность откровеннѣе или сдержаннѣе сказывается въ своихъ созданіяхъ, и ея проявленія проще или сложнѣе. Поэтому возстановить личность Шекспира по его драмамъ, конечно, несравненно труднѣе, чѣмъ, напримѣръ, личность Шиллера, но и то и другое одинаково возможно. И нѣкоторыя черты шекспировскаго нравственнаго міра съ перваго же взгляда столь же ясны, какъ и смыслъ такъ-называемаго «шиллеровскаго идеализма». Разница лишь въ томъ, что «шиллеровскій идеализмъ» можно очертить вѣрной и твердой рукой съ одного пріема, а у Шекспира—за нѣкоторыми ясными чертами, въ родѣ патріотизма, религіозной терпимости, личной и общественной гуманности, скрывается еще цѣлый міръ идей и чувствъ, и пути къ нимъ, несомнѣнно, трудны и сбивчивы.

Писемскій не принадлежитъ къ столь сложнымъ натурамъ и творчество его на каждомъ шагу утрачиваетъ спокойствіе и уравновѣшенность. Мы увидимъ одинъ изъ излюбленныхъ пріемовъ его, даже совсѣмъ «не художественный»: вводить въ разсказъ собственную особу съ публицистическими изліяніями и безпрестанно сообщать свои собственныя впечатлѣнія на счетъ того или другого эпизода въ романѣ. Но и безъ этихъ отступленій самыя комбинаціи лицъ и эпизодовъ достаточно краснорѣчивы и мы до сихъ поръ могли убѣдиться, что авторъ даже иной разъ тратитъ слишкомъ много средствъ для освѣщенія одного и того же вопроса. Такъ, по поводу сороковыхъ годовъ мы уже знаемъ, на сколько невысоко авторъ цѣнитъ обѣ партіи и какъ сурово смотритъ на статьи Бѣлинскаго. Но ему еще понадобилось записать въ число *восторженныхъ* читателей критика именно Салова. Потомъ, намъ извѣстно, какъ подозрительно авторъ относится къ «мыслямъ и идеямъ», съ одной стороны онѣ — эхо «чужаго голоса», съ другой—яркій уборъ для эгоизма и безнравственности. Примѣръ—главный герой Вихровъ. Но есть и другой—Плавинъ. Онъ такъ выражается о крѣпостномъ правѣ:

«Прежде признаюсь, когда я жилъ ребенкомъ въ деревнѣ, я не замѣчалъ этого, но потомъ вотъ, пріѣзжая въ отпускъ, я увидѣлъ, что это страшная вещь, ужасная вещь!.. Человѣкъ вдругъ съ его душой и тѣломъ отданъ въ полную власть другому чело-

вѣку и тотъ можетъ имъ распоряжаться больше, чѣмъ самъ царь, чѣмъ самый безусловный восточный властелинъ, потому что тотъ все-таки будетъ судить и распоряжаться на основаніи какихъ-нибудь законовъ или обычаевъ, а вы тутъ можете къ вашему крѣпостному рабу врываться въ самыя интимныя, сердечныя его отношенія, признавать ихъ или отвергать»..

Не правда-ли очень краснорѣчиво? Но вы подождите восхищаться. Послушайте, какъ другой герой принимаетъ эту сатиру и проповѣдь.

«А!—какъ до самого-то коснулось, такъ не то заговорилъ,—подумалъ Вихровъ». И онъ правъ. Плавинъ возсталъ противъ крѣпостничества послѣ того, какъ мамаша разстроила у него романъ съ крѣпостной дѣвушкой... Либерализмъ Плавина, слѣдовательно, одного происхожденія съ жоржъ-зандизмомъ Вихрова.

Кажется, достаточно ясно? Да, пока мы не потребуемъ отъ автора рѣшительныхъ отвѣтовъ: что же, въ самомъ дѣлѣ, зло или благо крѣпостное право, и если зло, то слѣдуетъ ли его устранить? И литература—«съ гуманными мыслями и идеями» дѣйствительно «не хужественный пріемъ», «чужой голосъ», подчасъ очень опасный и двусмысленный, или, напротивъ, источникъ просвѣщенія и общественнаго сознанія?

До сихъ поръ мы видѣли побитыми всѣхъ вообще идеологовъ и распространителей какихъ бы то ни было воззрѣній, увѣнчанными оказались только объективный эстетикъ и стихійный мужиколюбъ. Но авторъ въ теченіе всего романа занимается на столько жгучими и существенными темами, что читатели имѣютъ полное основаніе ожидать отъ него точныхъ представленій. На только-что указанные два вопроса не можетъ быть двухъ отвѣтовъ, сколько бы оговорокъ и ограниченій авторъ ни счелъ необходимыми. Это тѣмъ болѣе справедливо, что романъ создавался много лѣтъ спустя не только послѣ идей и увлеченій сороковыхъ годовъ, но и послѣ осуществленія многихъ мечтаній идеалистической эпохи. При такихъ условіяхъ автору, надо полагать, было не трудно додуматься до опредѣленнаго смысла когда-то пережитыхъ впечатлѣній.

Обращаемся къ роману.

Ив. Ивановъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПОЭТЪ.

1.

Ночью-ль лепечетъ дитя,
Въ колыбели играя;
Дѣдъ-ли вздыхаетъ, грустя,
О быломъ вспоминая;

Кроткая-ль свѣтитъ слеза
Въ часъ вечерней молитвы;
Въ сердцѣ-ль заходитъ гроза
Съ жаждой мести и битвы,—

Все онъ умѣетъ постичь:
Передастъ его лира
Лепетъ, и думу, и кличъ...
Повелитель онъ міра!

2.

Оттого моя арфа безмолвна виситъ,
Что плита гробовая на сердцѣ лежитъ,
Что израненъ я весь, что безсиленъ мой гнѣвъ,
И звучалъ бы, какъ плачъ похоронъ, мой напѣвъ.

Но придетъ онъ, я жду, вдохновенный пророкъ:
На челѣ его будетъ терновый вѣнокъ,
На рукахъ и ногахъ неповинная кровь,
А на вѣщихъ устахъ пѣснь про жизнь и любовь!

П. Я.

БОГОМОЛЬЕ.

(Картинки минувшаго).

I.

Августъ въ началѣ былъ... У дѣда Назара совсѣмъ поспѣлъ крыжовникъ на огородѣ,—до того поспѣлъ, что его совсѣмъ стало мало... Поспѣлъ горохъ въ полѣ,—то-то время хорошее! И хоть въ Назаровъ крыжовникъ ходить положенья намъ не было, а въ горохъ было положенье ходить только одинъ день за все время, въ Большой Спасъ, и ѣсть его въ этотъ хорошій праздникъ сколько душа захочетъ... Да мы, ребята, такъ придумали, что и въ крыжовникъ забѣгали, и въ иные дни заползали въ горохи, лишь съ разными хитростями—будто идешь «такъ зря» по дорожкѣ среди ярового поля, да обглядишься кругомъ: нѣтъ ли бабы или мужика на примѣтѣ, изогнешься дугой и шмыгъ съ дороги на гороховую полосу, заляжешь на ней какъ въ раю, и до того налакомишься отборными стручьями, что еле встанешь, еле до деревни дойдешь; входишь въ околицу словно шаръ изъ гороха... отойдешь маленько,—опять бѣжишь въ горохи... Воля!—всѣ большаки деревенскіе съ ранняго утра въ поле ушли, дожинаютъ остатки ржи; чуть виднѣются люди вдали ржаного поля,—сгибаются—разгибаются, то и есть жнецы. Мужики въ разброску: которые снопы съ поля возятъ, которые на гумнахъ работаютъ, вѣютъ обмолоченное, отбирая лучшія зерна на сѣмяна, свѣжіе снопы сажаютъ въ ригахъ на сосновые колосники, чтобы просушить ихъ, а съ четвертаго пѣтуха—молотятъ. Гдѣ мужика нѣтъ—баба работаетъ, а гдѣ и бабы лишней не стало—подростокъ умный хозяйствуетъ!

И я тоже совсѣмъ умный былъ, а все еще въ родѣ дурачка состоялъ: за снопами въ поле не ѣздилъ, не просушивалъ ихъ, зерна не вѣялъ—все бабушка дѣлала, а я только помогалъ бабкѣ да носилъ въ амбаръ чистыя зерна, насыпая ихъ въ мѣшокъ по

три мѣры... И дивилась бабушка силѣ моей трехмѣрной; дивились ребята, а я радовался въ душѣ...

Захотѣлось опять горошка поѣсть, иду за околицу—въ яровое поле... Бѣжитъ изъ поля къ околицѣ Мишка Козелъ.

— Погоди!—говоритъ Мишка, равняясь со мной близъ околицы,—погоди, я бабкѣ твоей скажу—ты въ горохъ идешь!..

— Ой, не лги, Мишка... Это я не въ горохъ собрался, а воронье гнѣздо бѣгу поглядѣть въ Углище... Да я бабки-то своей и не боюсь шибко! А вотъ ты изъ гороха бѣжишь,—ишь стручья въ рукѣ! Я скажу всѣмъ... Еще я на своей полосѣ ѣлъ горохъ, а ты прошлый разъ ѣлъ на Амосовой... Вотъ—погоди я скажу про тебя Амосу!..

— А по затылку хочешь?

— А ты хочешь?

— Ну-ка, тронь... Ну-ка!..

Я наступилъ къ Козлу ближе; въ душѣ у меня заиграло.. Козелъ отступилъ отъ меня подалѣ.

— Эге!..—кричалъ я, заготовляя кулакъ на драку,—незалюбилось? Ужъ коли тебѣ въ затылокъ охота, ты и стой смирно... Эге, Козелъ окаянный!..—И я скакнулъ на Козла въ родѣ зайца.

Мишка пустился бѣжать вдоль улицы, онъ зналъ хорошо, что кулаки у меня крѣпкіе—можжевеловые... А я зарадовался въ душѣ, повернулся и пошелъ въ поле ястребомъ. И видно въ полѣ: на зелени гороховыхъ полосъ человѣчки есть... Тутъ голова, тамъ голова, тамъ... а вонъ тамъ и двѣ вмѣстѣ! Вѣрно, братъ съ сестренкой, али два пріятеля задушевныхъ.

— Эй!..—кричу я толстымъ мужичьимъ голосомъ,—кто въ горохѣ сидитъ?..—И вдругъ ни одной головы не стало, одна зелень гороховая стелется по землѣ, да яровые на волнистомъ полѣ желтѣются, колышутся во всю ширь свою отъ теплаго вѣтра, и словно нѣтъ живой души на раздольѣ, словно одинъ стою, живулюбуюсь, радуюсь душой на желтыя дали!..

Уродилъ Господь жито высокое, овесъ высокій, уродилъ горохъ, гречку,.. И на толокно будетъ, и на кашу, на кисели, на блины, на кокоры!.. Будемъ всю зиму ѣсть съ бабушкой да съ мамушкой, да съ теткой Груфеной.

— А гдѣ же ребята? Эй—кричу я опять:—это я, братцы, не бойтесь меня, кажите головы изъ гороха...

Нѣтъ никого... И долго нѣтъ никого и тихо. Гляжу: кучка ребятокъ совсѣмъ въ другой сторонѣ виднѣется, гдѣ не только гороха, а и овса не засѣяно... И все далѣ-далѣ уходятъ ребята, оглядываются къ моей сторонѣ: будто они и не они вовсе. На

брюхѣ уползли съ версту,—отъ грѣха прочь... Самъ я оглядѣлся кругомъ, старичкомъ изогнулся и юркнулъ съ дороги на гороховое раздолье, улегся плашмя... Господи, какъ хорошо! говорилъ я себѣ:—эхъ, кабы мнѣ гороховымъ царемъ сдѣлаться...

Да прошла недѣля и горохъ сжали.

Около этого времени стали по вечерамъ заходить въ избу нашу старухи орѣховскія: Филимониха, Назариха, баба Груня: самыя главныя пріятельницы моей бабки—Авдотьи Петровны Зубчиковой. Межъ старухами шла рѣчь про божественное. Стали сговариваться онѣ пойти въ дальній Успенскій погостъ — помолиться пресвятой Богородицѣ. Изъ рѣчей я узналъ, что тамъ и «печера» есть и образъ святой-явленный. И я чутко сталъ вслушиваться во всякое слово старушечье, и самъ помаленьку наполнялся божественнымъ.

— Не все намъ, бабы, думать про хозяйство свое,—говорила Назариха,—надо поберечь и душу, и вспомнить Мать-Богородицу. Она, Заступница, къ намъ изъ Ерусалимъ-града пришла; а намъ-то всего сорокъ верстъ пройти... Идти надо, бабы!

— Идти, идти, родненькія! — поддакнула Груня;—вѣдь пока живы, по тѣ поры и молиться надо, умремъ — не дадутъ помолиться. Я и корову свою оставлю, и избу запру, а пойду... Придетъ смерть: и корова, и изба на деревнѣ останутся, а грѣхи на тотъ свѣтъ пойдутъ вмѣстѣ. Встанешь ты этакъ передъ судомъ небеснымъ... а грѣхи-то стѣной кругомъ, и не видно будетъ души Владыкѣ небесному, и Онъ скажетъ: «Нѣтъ здѣсь души! А соръ грѣшный заметайте въ сѣру горячую!»

И пойдетъ разговоръ... Про судъ Божій, про грѣхи тяжкіе, про чудеса земныя, про милость небесную, да такъ все хорошо, складно-ясно... Такъ близко къ хорошимъ людямъ милость Господня, что только не лѣнись человѣкъ, бери ее да помни Владыку небеснаго. А какъ помнитъ человѣкъ Владыку небеснаго: и его никто не обидитъ, и онъ никого зломъ не тронетъ, и все дается ему, все спорно идетъ, и на душѣ у того человѣка весь вѣкъ ясно...

Морщинистыя лица старухъ прояснятся, словно молодѣютъ онѣ отъ такихъ разговоровъ диковинныхъ, словно подъ сѣрой кожей ихъ—наша ребячья душа разжигается.

Глядя на старыхъ, слушая про диковины, я самъ разгорался пуще душой, до края переполнялся божественнымъ, и словно видѣлъ передъ собой ту дорогу далекую, ту печеру святую. И думалъ я: эхъ, кабы мнѣ быть старухой... И я бы сейчасъ пошелъ помолиться Пресвятой Богородицѣ! Охъ-бы хорошо прой-

ти въ одной артели со старыми бабами? То-то бы я намолился, на ихнюю сторону наглядѣлся, ихняго бы попа и дьячка послушалъ!..

Ушли изъ избы старухи, да не сразу все порѣшили, уговорились еще разъ скопиться. А въ моей головѣ ужъ зашло-заходило все новое. И ужъ коли что зайдетъ мнѣ въ голову,—вонъ колотушкой не вышибешь... Еще бы отецъ, тотъ бы, пожалуй, вышибъ на часъ, да отца дома не было; а бабкѣ своей я такіе подведу лясы, что и не поперечитъ она.

— А скажи мнѣ, бабушка, какая такая печера есть въ томъ погостѣ?—спросилъ я на утро, видя, что бабка моя совсѣмъ въ добромъ духѣ и дѣла большого нѣтъ на рукахъ: колеса у телѣги дегтемъ намазываетъ, а я подаю ей мазилку...

— А печера, дите,—это откуда пришла-явилась заступница. Это, вишь-ли, такая нора въ горѣ: однимъ концемъ выходитъ она въ Успенскій погостъ, а другимъ въ Ерусалимъ-градъ выходитъ. И человѣку въ нее идти можно до самаго озера, — есть такое озеро подземельное, а ужъ за озеро хода нѣтъ... А баютъ, что прежніе люди до самого Ерусалима ходили печерой, и назадъ приходили; да Богородица запретила путь. Пошелъ, вишь, пьяный одинъ...

— Къ Богу-то, бабушка!

— Да вотъ... къ Богу. Вѣдь всякіе люди, дитятко, есть на свѣтѣ!.. Иному хоть ризу надѣнь на плечи, а онъ все свое наровитъ, худое... И окуня, и всякую иную рыбицу съѣстъ въ посту, и вина натрескается.

— Это дураковой породы, бабушка?

— Да ужъ, стало быть, дураковой, дите... Ужъ, стало быть, одолѣетъ грѣхъ человѣка, засядетъ бѣсъ на него, засядетъ и куда хошь поѣдетъ!.. Охъ, Филатка, силенъ бѣсъ поганый; только глупъ ты—не понять тебѣ этого.

— А ты про печеру, бабушка... Какъ старинные люди ходили туда, вотъ я и пойму все!

— Ну, и вотъ... и ходили. Стоитъ разгородка на серединѣ: кто не молился—туда направо идетъ, а кто помолился сюда направо идетъ. А въ глубинѣ-то молебны служатъ, и святая вода стоитъ въ озерѣ.

— Какъ же, бабушка, въ разныя стороны идутъ, а направо?..

— Экой ты какой, дуракъ Филатка! ужъ такое тамъ заведенье.—Не мы съ тобой порядки тамъ заводили... И ужъ за тѣмъ подземельнымъ озеромъ хода нѣту; тамъ ужъ и свѣча сама-собой тухнетъ, и будто гудитъ что въ темени... Баютъ: одинъ стари-

чекъ захотѣлъ попытать Божью силу, зажегъ свѣчку и пошелъ за озеро, а только и до сей вотъ поры о немъ слуха нѣту... А сперва-то и попы не знали того, что есть ходъ въ печерѣ. Да объявилась странница и научила пустить въ нее зайца. Ну, и пустили зайца... А три года прошло—слухъ дошелъ, что заяцъ тотъ выскочилъ въ Ерусалимѣ. Послѣ зайца — странникъ одинъ прошелъ со свѣчей, а потомъ и другіе старики пошли, и старушки. Давно это было, дите,—можетъ, тыща годовъ прошло.

— Бабушка, а я думаю: охъ, — хорошо коли и нынѣче тамъ кто живой побываетъ?

— Хорошо, дите!.. И грѣховъ тому сбавится. И наслушается и наглядится тамъ на хорошее. Вотъ и меня бабы сманиваютъ туда... Всѣмъ намъ охота чтобы грѣховъ поубавилось.

— Идти надо, бабушка.

— Идти?.. Ай, внучекъ, это ты хорошо сказалъ! Вѣдь и у меня это же сидитъ въ головѣ: «Поди, баба, помолись Богородицѣ; грѣховъ у тебя тучей скопилося, а годы старые—на закатѣ!..»

— Бабушка, а коли собираться задумала, и меня имай вмѣстѣ!.. У меня тоже четыре грѣха накоплено...

Бабка положила въ горшокъ мазилку дегтярную, распрямилась, подняла кверху брови, чтобы сдѣлать глазамъ шире мѣсто, и зорко поглядѣвъ на меня, спросила:

— А какіе у тебя грѣхи, дитятко? Покайся мнѣ...

— Эхъ,—думалъ я,—вотъ хорошо подошло... узнаетъ про грѣхи бабушка, и пойдемъ мы съ ней и отмолимъ... — Я, бабушка, воровскимъ манеромъ весь постъ въ горохи ходилъ... А вечеромъ въ дѣдовъ Назаровъ кружовникъ на брюшкѣ ползаю: кружовникъ-то у дѣда, какъ медъ... А еще... стояло у тебя винцо въ подпольѣ, я и винца отвѣдалъ...

— Какъ ты отвѣдалъ, дите...

— Э, бабушка, вѣдь я ловкій?.. Залѣзъ я въ подполье: вижу—стоитъ на завалѣ бутылка съ винцомъ, я и думаю самъ себѣ: А ну-ко-ся я попробую винца изъ бутылки? Да взялъ вотъ этакъ за горло ее, да вотъ этакъ въ ротъ... И сразу возвеселило меня отъ винца!.. А послѣ я зазвалъ Яшку Терехова въ подполье и мы пили съ Яшкой...

— Кайся, кайся...

— А еще я, бабушка, барана неподобнымъ словомъ бранилъ. Баранъ-то нашъ въ вороты не шелъ, все хотѣлъ къ Тереховымъ овцамъ идти, тутъ я—хвать палку да палкой его, да неподобнымъ словомъ, да опять палкой, да еще хуже—словомъ!.. А еще... Я отъ тебя потихоньку сметану ѣлъ... А еще...

— Э, бра-атъ, какой ты есть у меня!..—перебила мои покаянія бабушка. И я не успѣлъ увернуться, какъ уже волосы мои очутились въ костяныхъ рукахъ бабки, и что-то грузное больно упало мнѣ на спину, еще разъ упало...

— Бабушка, — раскаивался я, — я во вѣки вѣковъ не буду больше!..

— Нѣтъ, окаянный, врешь!..—кричала бабка, отжаривая меня вгорячахъ дегтярной мазилкой... — за эти грѣхи тебя не этакъ надо, а вотъ какъ!.. вотъ какъ надо!.. Не воруй Назаровъ кружовникъ, не ходи въ горохъ, не срами свою бабку... Во́-какъ тебя надо!.. Не пей вина... Вотъ я тебя какъ отжарю!.. Вотъ какъ отзвоню, распомажу!.. Не ѣшь тайнымъ манеромъ сметаны, шельмецъ... А я-то, грѣшница, все на твою мать думала, да на Груфену думала... Вотъ тебѣ—за сметану... Вотъ какъ! Э-вотъ-какъ!..

— Бабушка ласковая,—кричалъ я,—обливаясь слезами,—кинь драку свою... Я замолю у Бога. Я тебя во вѣки-вѣковъ слушать стану... Вѣдь всѣ ребята такъ дѣлаютъ!..

На мое счастье тетка Груфена подошла къ избѣ, отбила меня отъ ярой бабки... Побѣжалъ въ поле я, и помазанный отъ шеи до пятокъ дегтемъ, въ бредовомъ кустѣ просидѣлъ по поздняго вечера. И все чудилось мнѣ, что бабка бѣжитъ изъ деревни: ухватъ въ одной рукѣ, мазилка въ другой, — до самой смерти хочетъ меня докалачивать...

Да прошла ночь и позабылось все,—бабушка у меня была добрая, только сердцемъ горячая.

А вечеромъ опять старушечье скопище, опять разговоръ про святое. И ужъ знать отъ битья пошло счастье мнѣ: и тетушка Груфена, и мамушка замолвили обо мнѣ бабкѣ слово...

— Возьми и Филата съ собой,—сказала мамушка,—пущай погоститъ у тетки. Моей сестрѣ поклонъ снесете, и заночуете тамъ. Она тоже Успенью Богородицѣ празднуетъ и всѣмъ угоститъ васъ до́-сыта...

А такъ и было: въ той сторонѣ, куда собрались старухи на богомолье, мамушкина родная сестра—Аксинья была вышедши замужъ за мельника. И хоть за далью мѣста, наши не водили съ теткой Аксиньей дружбы большой, и мамушка тамъ была только два раза, да къ этому разу такъ хорошо подошло, что лучше и нарочно не выдумать!..

Мамушкинъ разговоръ совсѣмъ ободрилъ меня. Я племянникъ родной, по моей роднѣ и бабкѣ побольше почета дадутъ. На мельницу погляжу—какая она; и на всѣ мѣста ихнія... А мѣста всякія разныя я люблю.

— Бабушка,—заговорилъ я при всей роднѣ, — имай меня помолиться угодникамъ!.. Сколько горя я видѣлъ, какъ жилъ дома батюшка, битья всякаго, разнаго... Сама ты къ Гаврилѣ старостѣ бѣгала жалиться за меня. А Богу я помолюсь тамъ отъ чистаго сердца: и за тебя, и за мамушку, и за тетушку. И коли ты умрешь скоро, вотъ я какъ поминать тебя стану: «Помяни, Господи, бабушку мою Авдотью Петровну Зубчикову во царствѣ своемъ золотомъ, посади ее ближе къ праведникамъ: къ Флору и Лавру, къ Алексю Божьему человѣку, къ Николаю угоднику».

Полюбились мои слова бабушкѣ.

— Это ты хорошо, дите...—говорила она,—спасибо! Этакъ и въ родительскую субботу помянутъ не всякаго. Дьяконъ и тотъ поминаетъ хуже покойниковъ: Калину—Марину, Филарета—Стратилата, Дарью—Марью, а про рай и про угодниковъ ни словечка.

— Я еще и не этакъ съумѣю, бабушка,—говорилъ я бойко,—я смогу и складнѣе. Ты только попробуй, возьми меня...

— Да и не добѣжать тебѣ!—говорила упрямая бабка.—Нуко-сь ты на серединѣ дороги завалишься? А мнѣ на крикушкахъ не снести этакого...

— Да я, бабушка, и самъ снесу кого хочешь! Коли я коня распрягаю, коли я три мѣры ржи ношу изъ гумна въ амбаръ — въ гору... Коли я Ѳедьку Молоткова побилъ, коли я съ версту на одной ногѣ проскакаю, а на конѣ стоймягой иной разъ ѣзжу?..

— Да вѣдь туды сорокъ верстъ!

— А и пущай сорокъ, бабушка. И Богъ-то поглядитъ на насъ, скажетъ...

— Ну, инъ-ладно... Возьму на пробу.

II.

Еще до нашего выхода изъ Орѣховой оставалось дня три, а я уже весь ушелъ думами въ дорогу хорошую; и на яву и во снѣ мнѣ видѣлось все «тамошнее», а въ серединѣ видѣній—печера святая съ удобнымъ, лишь запретнымъ ходомъ въ Ерусалимъ градъ Господень. И хоть немного мы съ бабушкой знали о градѣ Ерусалимѣ, а все же въ головѣ моей онъ представлялся дивомъ-дивнымъ изъ всего того, что на свѣтѣ есть: тамъ Христа распяли, тамъ и воскресъ Христосъ. А свѣтъ Божій я только и зналъ пока, что наша деревня Орѣхова, да село Заянье, да еще три-четыре смежныхъ деревеньки. Недаромъ я рвался душой туда—дальше, гдѣ и мѣста невѣдомыя, и люди незнаемые, и святости Господней побольше нашего.

И хоть говорила про запретный путь бабушка, да другое мнѣ стало думаться; стало думаться, что теперь-то и будетъ самое подходящее побывать мнѣ черезъ печеру въ святомъ городѣ Ерусалимѣ, поглядѣть на него, помолиться.

— Господи, подсоби мнѣ на это!..—молился я образу. И уже отчетисто видѣлъ и себя, и бабку свою въ печерѣ у подземельнаго озера: стоимъ мы съ нею на обрывистомъ берегу его, бурлитъ святая вода ключемъ, плаваютъ святые окуни; свѣчи въ рукахъ у насъ восковыя, горятъ огнемъ яснымъ; молимся. Стоитъ батюшка со крестомъ, дьяконъ съ кадильницей, дьячекъ съ книгой, а кругомъ, что лѣсомъ—народомъ обставлено! Тутъ я кинулся въ озеро и поплылъ къ «той» дорогѣ... Заахалъ народъ въ одинъ голосъ, заахалъ батюшка, дьячекъ, дьяконъ; а бабушка вопитъ громче всего народа: воротись, Филатка, не спокидай меня на старости въ чужомъ мѣстѣ!..

А мнѣ ужъ и бабку не жаль, никого не жаль стало. Весь я въ Бога ушелъ, а горитъ у меня въ рукахъ свѣча восковая, горитъ свѣча и не гаснетъ! А самъ все иду... иду... иду три года и три дня ровно, и вышелъ сразу на свѣтлое мѣсто... Стоитъ на высокой горѣ святой городъ, и все церкви-церкви... Кресты золотые переливаютъ на церквахъ яснымъ сіяніемъ, колокола звонятъ перезвоны. Народъ ерусалимскій ходитъ по улицѣ съ крестами и херувимами, поетъ молитвы и молится. И я запѣлъ молитву, самъ крещусь на всѣ стороны, на всѣ стороны кланяюсь, поминаю въ царствѣ небесномъ родителей: дѣда Герасима, дѣда Захара, бабушку Маланью, Дарью, Марью пропавшую, младенцевъ—Петра и Никифора, и всѣхъ нашихъ орѣховскихъ сродниковъ. И даетъ мнѣ ерусалимскій батюшка просвиру большенную, въ родѣ сайки, — и иду я съ просвирой въ рукахъ въ нашу деревню Орѣхову...

III.

Утро Успенскаго кануна въ хлопотахъ прошло незамѣтно. Сборы въ дальнюю дорогу, чужой погостъ, чужіе люди, и печера и мельница... Чуть свѣтъ забрезжилъ, а ужъ баба Назариха пришла къ намъ въ избу готовая по дорожному. Бабушка вынимала изъ укромныхъ угловъ праздничные наряды: башмаки, сарафанъ, коленкоровую рубаху, платъ цвѣтной темный. Достали и мнѣ рубаху—розовую, сапоги съ закорюченными носами, шапку съ полированымъ козыремъ... Передо мной словно алый туманъ стоялъ, а въ душѣ—попрыгунчики.

На солнечномъ восходѣ вышла наша артель изъ Орѣховой: я, бабка моя, Груня, Филимошиха и Назариха,—первая баба-ходокъ на деревнѣ Орѣховой; да и остальныя бабки хорошо выглядѣли и рѣзво шагали къ деревенской околицѣ. Всѣ сряжены по праздничному, у каждой съ харчами узелокъ про запасъ, дубинка; у бабушки кожаные башмаки въ рукѣ, на ногахъ — берестовые; у Груни тоже; двѣ другія старухи босикомъ идутъ, а берестовые башмаки и чулки гарусные въ рукахъ держутъ... У меня крючконосые сапоги вздѣты на ольховую палку и черезъ плечо перекинуты. Дорогой только дурачки въ сапогахъ идутъ, а умные босикомъ ходятъ,—такъ говорила бабушка,—потому что нога доморощеная, а за сапоги деньги заплачены.

Выйдя въ поле, мы помолились на небеса и пошли вдоль изгородей, мимо кустовъ, перелѣсковъ. Я взбирался на всякій высокій бугоръ, на всякій камень, забѣгалъ впередъ, отставалъ сзади, не зная, куда дѣваться отъ бодрости,—въ душѣ у меня словно два ходуна расхаживали... А бабки старыя идутъ себѣ тихо—ровно, то словомъ обмолвятся, то про себя ведутъ думы, лица у всѣхъ такія хорошія, ясныя. Угомонился и я маленько, видя, что по дорогѣ все то же идетъ... поля, перелѣски, кочки, камни да кусты бредовые, вересковые. А еще погодя не весело сдѣлалось и жаль стало ребятишекъ орѣховскихъ, ужъ еле успѣваю за бабьей артелью, ужъ и отставать началъ... Въ поясницѣ заболѣло, въ ногахъ одубѣло. Ужъ и Господа Бога и пресвятой Богородицы не захотѣлось мнѣ, домой захотѣлось...

— Ты чего отстаешь, Филатка?—сказала бабушка.

— Да я, бабушка, раздумалъ идти... Пусти меня домой лучше. Гляди, я и ногу накололъ хворостиной, и по камню ковырнулъ пальцемъ!..

— Теперь ужъ, братъ, иди, коли взялся. Семнадцать верстъ отшагали, поздно теперь домой поворачивать. Ты иди, какъ мы... и хорошо будетъ; а Пречистая намъ засчитаетъ все,—увидитъ съ небесъ, скажетъ: «Вотъ идутъ старые, а впереди-то малый бѣжитъ!» Вотъ скоро и на отдыхъ засядемъ. Тутъ и двадцать верстъ будетъ. Пирожка тебѣ дамъ, яичка. Тамъ и святой ключь кипитъ у горы,—водицы попьешь холодной, и сейчасъ у тебя силы прибавится, ума прибавится.

Успокоенный бабушкой, обрадованный вѣстью о животворной водицѣ, я позабылъ недуги свои, и опять полетѣлъ впереди нашей артели дружной, и все дальше рвался впередъ, чтобы примѣтнѣе было Пресвятой Богородицѣ.

Не жарко свѣтило солнышко, то выглянетъ на часокъ, то

опять захоронится въ бѣлыя облаки. Дорога пошла съ горы на гору; деревни стоятъ вдоль дороги, народъ глядитъ на насъ изъ окошекъ, и мы идемъ—глядимъ на окошки.

Выступила впереди крутая поросшая мелкимъ лѣсомъ гора. Подивился я, глядя на эту гору: отчего она поднялась такъ? Я зналъ, что когда муку сѣетъ бабушка, то мука подъ рѣшетомъ на манеръ ровнаго пригорка ссыпается. Ужъ не сѣяли-ли и тутъ съ небесъ святые угодники?

Мы близко подошли къ горѣ. Подъ горой, близъ дороги, сидѣли кучками незнакомые мужики, а больше бабы и молодицы, — сидятъ — отдыхаютъ, хлѣбцемъ закусываютъ, разговоры говорятъ потихоньку. Поклонились мы народу и тоже сѣли на травку.

Закусили мы съ бабушкой пирожка съ окунемъ, на прибавку я съѣлъ два яичка. Поднялись наши старушки, дорожный обѣдъ святой водицей запить—пошли вверхъ къ ключу... Такая луночка крохотная, и будто пляшетъ вода въ этой лункѣ и бѣжитъ внизъ къ дорогѣ крохотнымъ ручейкомъ, межъ зеленой травы, межъ вереска, перекатываясь отъ камешка къ камешку. Вода холодная, свѣтлая. Прилегъ я надъ ключемъ, испилъ водицы, и слышу сейчасъ—побѣжала святая вода по жилкамъ и по суставамъ, и силы и ума мнѣ прибавилось.

Сѣли у ключа бабки. А мнѣ съ большого ума захотѣлось побыть на верху горы, поглядѣть съ ея маковки нашу деревню Орѣхову. Полѣзъ я, хватаясь руками за молодыя лѣсинки, упрѣлъ—употѣлъ весь, оглянулся съ вышины на бабку свою, а бабка внизу съ ворону кажется, весь народъ съ ворону... И самъ я будто на стѣнѣ повисъ—и подо мной круча и надо мной круча.

— Эй, парнекъ, зачѣмъ лазишь тамъ!—кричалъ кто-то снизу;—оборвешься—шею вонъ вывернешь...

— Ты у меня завсегда, Филатка, колѣны выкидываешь,—ворчала бабушка,—чего тебѣ на Божьей горѣ занадобилось?

— А я, бабушка, хотѣлъ свѣтъ поглядѣть съ горы... Я и на тебя поглядѣлъ: ты какъ ворона сидишь и носъ—этакъ—книзу... Хе-хе!.. Ты поди-ко погляди съ горы, бабушка, а я сяду...

— Перестань, Филатъ!

Закопошились добрые люди: одна кучка, другая, третья, и всѣ потянулись впередъ по дорогѣ. Пошла и наша артель. Теперь я не забѣгалъ впередъ, а шагалъ нога въ ногу съ бабой Назарихой. И чѣмъ дальше мы шли, мѣста краше дѣлались: куда ни кинешь взглядъ—вездѣ хорошо ему, и передаетъ взглядъ все увидѣнное хорошее на душу... И я, забывъ все отъ радости, запѣлъ малиновымъ голосомъ:

Зеленая рощица
Всю ночку шумѣла,
А я, молодешенька,
Всю ночку не спала...
Всю-то ночку я не спала,
Дружка поджидала!

— Что ты!.. Что ты, Филатка!—закричали разомъ всѣ мои спутницы:—въ божье мѣсто идешь и экую пѣсню затягиваешь?..

Я устыдился.

Передъ нами завиднѣлась синяя стѣна лѣса. Жилье пропало. Лѣсъ, какъ говорила Груня, разросся на девять верстъ въ поперечникѣ, на сорокъ въ длинникѣ... Идемъ по лѣсной дорогѣ: съ боковъ береза бѣлая прямая, высокая съ зелеными маковками; то пойдетъ въ перемежку вѣтвистая ель, сосна въ два обхвата, съ огромными лапами. Тихо въ лѣсу. Дорога словно просѣка вдаль уходитъ и кажется на концѣ узкой щелью.

Идутъ старухи гуськомъ, упираются на дубинки, нѣтъ-нѣтъ словцомъ перекинутся. Кто-то аукнулъ позади насъ, понеслось то ауканье широкимъ гулкимъ раскатомъ на всѣ разныя стороны. Я крикнулъ: эй!.. И мое побѣжало, раскатилось, волной хлестнулось на разныя стороны... зеленѣютъ муравыя лужайки, мелькнетъ лужица водяная, словно зеркальце въ муравомъ ободкѣ, грибъ покажется изо мха большой—бурый, какъ шляпа поповская, а кругомъ дѣтки маленькіе красноголовенькіе.

— Эхъ, славно бы кошель захватить!—говорилъ я себѣ, сшибая хворостиной грибы. А по верху лѣса дремучаго, по зеленымъ густымъ маковкамъ шумитъ глухо вѣтеръ. И все гуще лѣсъ, и словно вечеретъ вокругъ... Того и жди: выскочитъ медвѣдь изъза могучей лапчатой ели, встанетъ на заднія лапы: «мя-мя-мя!..» и ну, ломать нашу артель богомольную?.. Глядь, а ужъ бабки наши почти изъ вида ушли по дорожкѣ... Догоняю старухъ, опять храбро сдѣлалось на душѣ, и медвѣдь уходитъ изъ памяти.

А дорога лѣсная будто къ небу пошла: все выше, выше переднимъ концомъ поднимается. Охъ, недолго пути и по лѣсу, и по дорогѣ!..

Да, зарѣдѣлъ лѣсъ, показались близъ дороги дровяныя укладки,—жилье значитъ близко. А мы все выше да выше взбираемся, и когда пришли на самое высокое мѣсто, остановились всѣ, стали мѣсто оглядывать. Народъ сидѣлъ близъ дороги; которые по задн насъ шли, вытягивались изъ лѣса и всѣ опять садились на отдыхъ. Въ пройденной сторонѣ тучею залегъ синій лѣсъ до самаго края небеснаго, и сами мы на это мѣсто высокое будто пришли изъ-за небеснаго края!.. А впереди, по неоглядной низинѣ

раскинулось озеро синее, за озеромъ церковь виднѣется: высокая-бѣлая, съ синими головами, съ горящими на вечернемъ солнцѣ крестами!.. Большое село вокругъ церкви разсыпалось. А вдаль совсѣмъ—еще, еще туманныя деревни виднѣются... Рѣка большая течетъ изъ озера, то тамъ, то — вонъ тамъ блеститъ она широкой свѣтлой полосой между береговъ и кустарниковъ.

Весь богатый погостъ лежалъ передъ нами. И, Господи, какъ хорошо намъ было глядѣть-любоваться всѣмъ. Эко, жилого мѣста у Бога сколько намъ грѣшнымъ отмѣряно!..

Въ десятый разъ уже крестились наши старухи на церковь бѣлую; крестился и я, глядясь на синія головы, на кресты.

— Господи, — говорилъ я себѣ,—церковь-то какъ хорошо стоитъ въ раю словно... Вѣрно, это на землѣ самое расхорошее мѣсто, вѣрно, и попъ тутъ святой живетъ. Эхъ бы пожить тутъ намъ съ бабушкой, съ мамушкой да съ теткой Груфеной?.. А озеро-то!.. Ишь, вонъ въ ту сторону и края ему не видно, къ небу ушло.. И, вонъ, мужикъ плыветъ на челнѣ тоже къ небу. Вотъ бы хорошо и мнѣ поплыть съ мужичкомъ этимъ къ небу?

Чувства мои захлебнулись; и посидѣть я забылъ, вертѣлъ головой въ ту, въ эту сторону... Не то клубокъ закатился подъ ложечку, не то всплескомъ незримой волны въ грудь ударило. Экія мѣста широкія-хорошія, Господи!.. И забылись сами собой мои прежнія выдумки: на яву-то лучше Божьи чудеса обозначились...

— Эхъ, братцы мои—ребята Сенькины Миколай да Гаранька, эхъ, Яшка Тереховъ, Васька Холодный, Мишка Козелъ, вы и не знаете про меня... А я вотъ стою, вокругъ-то народъ честной, а вонъ озеро, а вонъ церковь Господня бѣлая-голубая!..

Въ лучахъ закатывавшагося солнца спустились мы съ нагорья въ низину, къ селу пришли: село со всѣхъ сторонъ наполнялось молельщиками, со всѣхъ сторонъ тянулись они къ серединѣ, къ церкви, а тутъ уже и безъ того было тѣсно.

На площади, передъ оградными воротами, такая работа идетъ, какой и не видѣлъ я,—гремятъ молотки, визжатъ пилы, звенятъ топоры; люди въ бѣлыхъ фартукахъ бѣгаютъ изъ стороны въ сторону, таскаютъ тесъ, драницу, вбиваютъ колья въ землю, кругомъ холстиной затягиваютъ. Говоръ-шумъ, словно вѣтеръ бѣжитъ по лѣснымъ маковкамъ.

Наши старухи порѣшили ночевать на селѣ,—устали, не захотѣли съ нами идти къ нашей теткѣ Аксиньѣ на мельницу. Мы съ бабушкой стали разспрашивать у людей, какъ пройти намъ къ теткѣ на мельницу, да все пришлые были люди...

Идетъ по улицѣ мужичекъ; догадались мы, что это настоящій мужичекъ здѣшній.

— Эй, добрый человѣкъ, — окликнула его бабушка: — а гдѣ намъ съ Филаткой къ теткѣ Аксиньѣ попасть на мельницу?

— Здѣсь, бабушка, двѣ Аксиньи-мельничихи!.. Одна за Ягоромъ Косымъ, другая за Ѳомой живетъ. Тутъ три мельницы на рѣкѣ: Иванъ Иванычъ мелетъ, Ѳома Панфилычъ мелетъ, а еще дальше Ягоръ Косой мелетъ. Здѣшняя рѣка водяная.

— Ѳому, батюшка, Ѳому намъ надо. За Ѳомой Аксинья-то наша.

— А ежели за Ѳомой, то валяй, бабушка, вдоль рѣки, все вдоль рѣки жарь... Упрешься потомъ въ лядину—валяй лядиной. Увидишь пячеру — мимо! Иванъ Иванычъ тутъ мелетъ. А тутъ рѣка въ родѣ кочерги изогнется... ты по кочергѣ, все по кочергѣ валяй!.. А тутъ дорога заломится, тутъ и увидишь мельницу. Это и будетъ Ѳома Панфилычъ...

— Спасибо, добрый человѣкъ, за указку...

— Не стоитъ, бабушка. Дѣло житейское, самимъ намъ люди показывали.

И пошли мы съ бабушкой. А ночная темь все гуще со сторонъ на нашу дорогу осаживаетъ, а дорогѣ словно и края не будетъ... Изморился я, хоть садись на загорбокъ къ бабушкѣ, да гляжу и у бабки ноги туды-сюды путаютъ... Кабы не дубинка въ рукѣ у старой,—садись подъ сосну у дороги и голоси, какъ молодая вдовица!..

Подошли къ мельницѣ Ивана Иваныча: въ горницахъ горятъ огни праздничные; на крыльцѣ народъ, у крыльца народъ, а внутри горницъ все гудитъ глухимъ гудомъ...

Печера показалась налѣво за невидной въ ночи рѣкою: чаковня темная. Помолились мы съ бабушкой, родителей своихъ помянули, и опять пошли. И ужъ тутъ я ничего примѣчать не сталъ,—глаза едва глядѣли на ночь, ноги подгибались... Сапоги мои давно несла бабушка. Я заплакалъ...

— Шагай, шагай, кормилецъ!—ободряла меня старуха: — это для Бога; Богъ труды любитъ.

Совсѣмъ было темно, когда пришли мы къ теткѣ на мельницу. Двѣ большія избы, разгороженныя широкими сѣнями, были освѣщены свѣчами, народомъ полнехоньки. Народъ все чистый, и господа есть: въ жилеткахъ сидятъ, штаны на выпускѣ; какія-то барыни сидятъ съ господами, безъ повойниковъ и волосы расчесаны не по нашему, и сарафаны совсѣмъ не по нашему! Заробѣли мы съ бабушкой... Тетка едва признала насъ запыленыхъ. А когда признала—встрѣтила по хорошему, усадила на лавку, спросила про

мамушку, про тетку Груфену, про батюшку. А мы и сами не знали про батюшку: что онъ дѣлаетъ въ Питерѣ?

Теткѣ Аксиньѣ было годовъ тридцать пять: видная такая, широкая, говоритъ степенно—по нашему, руками разводитъ какъ попадья, одно слово — мельничиха!.. Бездѣтной вдовицей вышла она за Ѳому. И самъ дядя Ѳома полюбился мнѣ: высокій, съ окладистой бородой, глаза бойкіе — сѣрые. Онъ былъ годовъ на двадцать старѣе тетки и отъ покойной жены имѣлъ пять дочерей, да сына Игнашку. Игнашка года на три былъ постарѣ меня, и мы сейчасъ же съ нимъ дружбу затѣяли; да тутъ тетка позвала насъ съ бабушкой и другихъ гостей въ заднюю избу ужинать. А намъ бы съ бабушкой хоть и безъ ужина, только бы прилечь поскорѣе...

Легли мы съ бабушкой на полу, на соломкѣ, а по соломкѣ простынями устелено; рядомъ съ нами еще и еще легли люди; а которые важные, тѣхъ на лавкахъ устроили...

Свѣча потухла давно... Все тихо. Только въ той избѣ суета слышна, разговоры обрывчатые...

— Ты спишь, Филатка?—спросила у меня шепотомъ бабушка.

— Сплю!.. А что, бабушка?

— О-хти, все-ль то тихо въ нашей деревнѣ? думаю...

— Тихо, бабушка...

— Ну, дай Господи! Сейчасъ вотъ и я засну... Воскреснетъ Богъ и раскачаются враги ево... Яко таетъ воскъ отъ лица-огня, тако!.. Благослови, Богородица, на сонъ, старую... Спи, Филатка!

Когда я проснулся утромъ, бабушка моя уже сидѣла на лавкѣ: на ногахъ башмаки кожаные, на головѣ платъ цвѣтно темный. И я одѣлъ сапоги.

Посадили насъ за столъ, дали чаю и ситника. Кто не боялся Бога, тотъ пилъ чаекъ съ ситнымъ, а кто боялся—воды не бралъ въ ротъ, и бабушка моя не брала въ ротъ воды,—грѣхъ до обѣдни. А я три куска ситнаго съѣлъ, и чаекъ распивалъ съ дутьемъ—съ фырканьемъ, пока тетушка не сказала мнѣ: «не полно-ли тебѣ пить, желанный, не разболѣлось бы брюхо»...

— Ничего, тетушка,—отвѣтилъ я простодушно,—мнѣ бы хоть и еще столько. Я четырнадцать огурцовъ съѣлъ вчера, да и то ничего... А чай—вода рыжая.

Кругомъ послышался хохотъ... Я взглянулъ на бабушку: лицо сердитое, не глядитъ на меня, какъ чужая. И тутъ же вспомнилъ про четырнадцать огурцовъ, что сорвалъ вчера въ огородѣ, и съѣлъ потихоньку отъ бабушки... Эхъ, да бояться-то теперь нечего, сказалъ я себѣ потихоньку, при честномъ народѣ мазилкой меня не отвозитъ, а послѣ и совсѣмъ позабудетъ!..

Поднялись гости съ лавокъ, помолились на образа, пошли въ церковь.

Мельница, гдѣ жила тетушка, была выстроена отъ жилья деревенскаго версты за двѣ, на красивомъ мѣстѣ, на берегу рѣки, что вытекала изъ озера; и огороды и пахота—все лежало вкругъ мельницы, и я сейчасъ догадался, что теткѣ моей лучше всѣхъ людей живется на свѣтѣ: и мѣсто хорошее, и мельница, и земля своя подъ окошкомъ!..

А стоило поглядѣть черезъ рѣку: горы, горы—одна другой выше, одна другой краше. Противъ мельницы стояла самая высоченная съ вострой и чистой маковкой. Шагая по дорогѣ къ селу, я разъ десять оглядывался на это диво Господне, собирался послѣ обѣдни взобраться на вострую маковку, и коли достану ткнуть палкой въ небо...

Игнашка совсѣмъ мнѣ сталъ задушевнымъ пріятелемъ, про все ихнее разсказывалъ мнѣ, пока мы шли къ селу по дорогѣ. Я сразу разобралъ, что Игнашка въ родѣ меня по уму, и проходимецъ, какихъ нѣту у насъ на Орѣховой. И я сталъ держать умъ на разумѣ, чтобы пріятель Игнашка не просмѣялъ меня. Я, братъ, тоже и самъ проходимецъ, говорилъ я въ мысляхъ пріятелю: меня сразу тоже не облапошишь!..

— А какія щуки живутъ въ нашей рѣкѣ,—говорилъ мнѣ Игнашка,—съ ногу!..

— Неужто съ ногу!—дивился я, такъ какъ отъ роду этакой длинной рыбы не видывалъ.—У насъ живетъ въ водѣ рыба окунь, да рыба—плотва...

— Э,—говорилъ Игнашка,—а у насъ всякой рыбы тьма-тьмущая,—и головли, и язи живутъ вотъ какіе!..

— Язи? А кто—язи?

— А язи—тоже рыба! А есть еще языва звѣри... они за нашей мельницей. Ужо-ко я тебѣ покажу, какія козы въ горахъ, Ужъ я двухъ и изъ ружья застрѣлилъ...

— О-о?..—Я почувствовалъ, что умъ мой еще больше становится: есть на свѣтѣ рыба—язь, и звѣрь—языва, о которыхъ до этого я и отъ бабки своей не слышалъ. То-то будетъ чѣмъ похвастать ребятамъ Орѣховскимъ!

— А еще какіе звѣри водятся въ вашихъ мѣстахъ?—спрашивалъ я у Игнашки.

— Э, братъ,—говорилъ Игнашка, потряхивая головой,—звѣри есть у насъ всякіе. И лоси, и медвѣди, и зайцы. И левъ былъ, да мужики изловили его въ желѣзо...

— Неужто левъ—правда?

*

— Ей-Богу! за деревней Лужки поставили мужики желѣзо въ снѣгу, хотѣли волка поймать, а левъ-то шелъ мимо, да и цапъ ногой въ то желѣзо!.. Шапокъ понашили мужики изо льва-то...

— Ну,—думалъ я,—теперь я ребятъ нашихъ совсѣмъ огорошу!.

Тутъ синее озеро необъятной ровной ширью кинулось на встрѣчу моему взгляду. Ярче вчерашняго бѣлѣлась въ лучахъ яснаго солнца церковь, краше всѣ мѣста выглядѣли. И вездѣ народъ движется, къ церкви тянется. А вонъ и тычекъ горы за рѣкою съ котораго вчера вечеромъ мы оглядѣли всю округу.

Заблаговѣстили. Всѣ мужики сняли шапки, всѣ закрестились набожно и скорѣе зашагали къ божьему дому. Передъ церковью гудъ-гудѣлъ. Даже богатырскій гулъ колокола не совсѣмъ ясно слышался, заглушаемый гуломъ народнаго говора и базара...

— Людей-то! людей-то!—дивился я, оглядываясь кругомъ,— вѣрно со всего свѣта сошлись они?..—И какое-то особенное чувство непонятное мнѣ, но большое охватило меня...

Еще куда далеко до церкви, а ужъ намъ съ бабушкой и ходъ заперли. И нашихъ старушекъ Орѣховскихъ не видать нигдѣ, только и виднѣются намъ спины да сапоги, да затылки...

Отошли мы въ сторонку съ бабушкой, встали на колѣнки и замолились на синія церковныя головы: «Господи, помилуй насъ бѣдныхъ; Господи, прости наши согрѣшенья великія!» И весь народъ кругомъ молится, тихо въ народѣ... Только съ бѣлой колокольни льются широкой рѣкой мѣдныя волны дружнаго перезвона, да нѣтъ-нѣтъ пробѣгутъ мимо уха напѣвы божественные, изъ оконъ церкви вѣтромъ подхваченные...

Вся грудь огнемъ разгорается, и словно силы больше и ума больше. — Господи, — шепчутъ губы, — какъ хорошо все устроено!..

Стоитъ на колѣнахъ бабушка, не глянетъ ни въ одну сторону, только глядитъ она полными слезъ глазами на церковныя головы, на кресты золотые, и сама все крестится, причитаетъ, да кланяется головой въ песокъ сѣрый.

Болтается флагъ на высокой жерди, красный, будто рубаха кумачная. Дымятъ самовары. И ужъ много людей заходило взадъ-впередъ по базару, и какія-то дѣвки пьютъ сладкій сбитень!..

Сманилъ и я бабку свою попить сбитня, купить орѣшковъ да пряничковъ; пошли и мы вдоль базара, да все дорого, поперекъ пошли—тоже все дорого; ужъ у конца купила мнѣ бабушка на копѣйку горячаго-сладкаго сбитня, сама на грошь выпила, купила еще на двѣ копѣйки пряниковъ, мужикъ ссыпалъ мнѣ ихъ съ совка прямо въ пазуху,—теперь хоть и обѣдни не надо, хоть и домой къ нашимъ ребятамъ орѣховскимъ!

Колыхнулся народъ, подался всей силой въ сторону, еще въ сторону... Гулко пронеслись по воздуху святые напѣвы. Показался саженный серебряный крестъ, фонарь на черной палкѣ, съ желтымъ мигающимъ огнемъ въ серединѣ, замотались — затрепетали на древесахъ расшитые золотомъ хоругви, заблестѣли на попахъ, на дьяконахъ ризы серебряныя... Несутъ мужики на носилкахъ образъ явленный Успеніе Богородицы; ручьемъ хлынулъ народъ подъ носилки. Кричали блажные и порченые: «бѣсы, что сидѣли внутри у нихъ, взбутаражились,—нелюба имъ, окаяннымъ, царица небесная!»—говорила мнѣ послѣ бабушка.

Какой-то бородатый мужикъ руками машетъ, кричитъ, порядки устраиваетъ... Самому мнѣ захотѣлось проползти на колѣнкахъ подъ образомъ, чтобы отъ всякихъ грѣховъ очиститься. Двинулись мы впередъ съ бабушкой, да нажало со стороны народомъ, и понесло, понесло насъ въ другую сторону... И все схоронилось отъ глазъ; лишь нѣтъ-нѣтъ донесется обрывокъ хоровой молитвы и въ мигъ топотъ-гулъ заглушитъ его; мотнется вдали цвѣтная хоругвь, блеснетъ серебряный крестъ, и все пропадетъ опять. Уперся во что-то народъ, колыхнулся грузно, остановился.

— Эко, людей-то! людей-то, Господи!..—говорилъ я, взобравшись на березу и крестясь правой рукой, а лѣвой держась за стволину. И ужъ тутъ я ясно увидѣлъ сверху, что собрался народъ со всего свѣта бѣлаго,—все головы, головы, головы!..

— Не свались Филатъ, съ древа!..—говорила мнѣ бабка снизу.—Тебѣ, пожалуй, тамъ хорошо видать?

— Хорошо, бабушка... Полѣзай и ты сюда къ маковкѣ?

— Мнѣ и тутъ хорошо, дите.

Да понималъ я, что бабушкѣ, можетъ статься, только въ душѣ хорошо, а глазами она не видитъ праздника, и жмутъ ее набожные мужики со сторонъ.

Забылъ я про бабку... Глаза мои уставились черезъ головы народа, черезъ мостъ рѣчной, въ темное устье святой печеры: много-много горитъ тамъ восковыхъ свѣчей въ желтыхъ пузатыхъ подсвѣчникахъ, отдаетъ въ бѣлой фигурчатой ризѣ явленнаго образа: словно солнце разсыпалось въ дребезги, а все горитъ... пышетъ зноемъ разливчатымъ, дрожитъ, мельче того разсыпается!

Стоятъ-служатъ нарядные батюшки, дьякона, дьячки-пѣвунцы; а надъ ними высокой бурой стѣной стоитъ берегъ, и тамъ—почти къ самому облаку, по береговому обрыву растутъ березы зеленыя-бѣлыя... ну, а—дунетъ вѣтеръ большой, и полетятъ березы съ подоблачной на поповскія головы?.. Да все крѣпко у

Бога придѣлано,—стоятъ березы, качаютъ тихо маковками, любуются праздникомъ.

Часовня подъ обрывомъ видна, и крестъ на ней, какъ и на нашей Орѣховской, стоитъ криво... А къ ушамъ такъ и доноситъ по воздуху задушевный гулъ пѣнія.

И молился я, глядясь на темное устье, на розливъ огней, на кривой крестъ, и чуяла душа, что примѣчаетъ меня Богородица, слушаетъ... И, Господи, какъ хорошо-радостно! Такой я крохотный передъ народнымъ скопищемъ, передъ бурымъ обрывомъ, а вотъ, понимаю тоже... и сердце во мнѣ играетъ!..

— Бабушка, у тебя взыграло сердце?—крикнулъ я сверху на радостяхъ, да бабка меня не слышала: только цвѣтъ алый на платкѣ ея былъ наружѣ, а сама она вся въ людяхъ затерялася!.;

Когда служба закончилась, хлынулъ народъ къ селу, на базаръ; ручьями хлынулъ въ разныя стороны... по всѣмъ мѣстамъ двигалось голубое, синее, желтое, алое, земля кругомъ стонетъ!

И мы приложились къ образу, купили свѣчу и вошли вглубь печеры къ подземному озеру. Попили святой водицы изъ озера, помолились на черную воду. Я глянулъ черезъ озеро въ темную глубь, откуда начиналась дорога въ Іерусалимъ, и вся моя прежняя удаль развѣялась...—Господи, прости мое согрѣшенье! молился я, глядя въ темную сторону заозерья, гдѣ чуялось что-то невѣдомое, молчаливое, и откуда несло сырымъ холодомъ. Я оглядѣлъ низко нависшій песчаный сводъ печеры, песчаныя стѣны, крохотное озеро, и вышелъ, крестясь, позади бабки на вольные воздухи. Зашли и въ часовню, и тамъ помолились на старые образа, и не пошли къ селу на ярмарку, къ теткѣ Аксиньѣ пошли. Я взялся за пряники...

— Не ѣшь, Филатка!—сказала мнѣ бабушка;—пряники домой понесемъ, а у тетки поѣдимъ разнаго...

Вошли мы съ бабушкой въ сѣни,—гулъ-говоръ кругомъ, всѣ лавки гостями усожены; пріискали мы уголокъ близъ печки, сѣли—отдыхать стали, поглядывать на людей незнакомыхъ. Да и мы не послѣдніе здѣсь: я племянникъ!

Къ большему углу поставлено два стола, еще столъ рядомъ, столы покрыты бѣлыми скатертями, хлѣба нарѣзано грудами, крашеныя желтыя ложки лежатъ рядами, въ чашкахъ моченые грибы со сметаной, огурцы посоленые, на блюдѣ—рыбы, и на серединѣ стола, какъ сердце у человѣка въ нутрѣ, стоитъ штофъ съ виномъ!

— Покорно прошу гостей дорогихъ хлѣба-соли откушать для праздника!—сказалъ Ѳома, кланяясь на всѣ стороны и развелъ ши-

роко руками.—Чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ во славу Успенія Богородицы. Садитесь, любезные! Садись къ столу, бабушка; садись, племянникъ!—сказалъ дядя, повертываясь и въ нашу сторону.

Гости стали усаживаться. Протянули дядины дочери намъ по колѣнямъ шитые ручники. Мнѣ достался такой почетъ за столомъ, какого бы мнѣ и думой не выдумать въ деревнѣ Орѣховой. Не то сами хозяева подсунули меня, не то самъ я отъ себя залѣзъ и очутился на самомъ тычкѣ «большого угла» за столомъ, гдѣ садится самая пѣна... рядомъ съ толстымъ купцомъ, рядомъ съ волостнымъ старшиной... Толстый купецъ оказался гораздо выше того—объявился писаремъ изъ нашего уѣзднаго города, гдѣ становой живетъ, все начальство, котораго мы такъ боялись съ бабушкой: сейчасъ зашибетъ, аль усадитъ...

— Фу-ты, съ какими мнѣ довелось сидѣть рядомъ!—раздумывалъ я, оглядывая снизу вверхъ и старшину, и важнаго писаря.—Ужо-ко своимъ ребятамъ похвастаю, да не повѣрятъ, черти!..

А писарь, будто и не человѣкъ совсѣмъ, а бочка пивная... Господи, думалъ я: ишь, какъ его расперло отъ городской вольготности! Пожалуй, пряниковъ однихъ съѣлъ онъ ящикъ, да орѣховъ возъ... Вотъ бы и мнѣ въ городѣ пожить маленько, да съ этакимъ бы брюхомъ къ ребятамъ придти, вотъ бы ловко?.. А самъ все пуще разглядываю толстяка, и не вижу ничего кругомъ, и не слышу. И волостного забылъ. Волостной голова и у насъ есть—Архипомъ зовутъ, а этакого,—обойди всю окружную,—не выкопаешь!

Рубаха на писарѣ бѣлая; жилетка изъ синихъ цвѣтовъ—бархатная; часы на двухъ цѣпяхъ держутся; лицо важное, широкое, на манеръ рѣшета; и ни усовъ, ни бороды на лицѣ—все ножницами обрито... какъ баба! А заговоритъ, что труба о-о-о!.. И еще поглядѣть мнѣ хочется на сосѣда, да и страхи берутъ: а вдругъ не залюбитъ и пожалится на меня становому? Я сталъ на другихъ глядѣть.

Волостной, бородатый видный мужикъ, тихонько разговаривалъ съ сосѣдомъ своимъ рыжимъ ласковымъ старичкомъ, величая его Иваномъ Ѳедорычемъ. Видно было, что и Иванъ Ѳедорычъ былъ не Сидоръ въ нашей компаніи... Онъ былъ волостной судья, какъ потомъ я разслышалъ.

А дядя Ѳома—извѣстный человѣкъ по погосту: изъ маленькаго мужичка сдѣлался большимъ мельникомъ, одворицу, какъ яицо, завелъ круглую, мельницу на берегу рѣки выстроилъ, запрудилъ камнями, бревнами широкую рѣку!.. И вотъ собрались къ дядѣ на праздникъ самые—что есть—отборные, только насъ съ бабушкой не отбирали въ Орѣховой!..

Тетка поставила на столы щи въ четырехъ муравленныхъ чашкахъ. Ѳома снялъ штофъ со стола сталъ обносить гостей чарой, началъ съ толстаго писаря. Писарь поздравилъ дядю, тетку, всѣхъ гостей съ праздникомъ, выпилъ чару и не поморщился. Стали другіе пить.

И мнѣ очередь подошла...

— Ну-ко, любезный племянникъ,—сказалъ Ѳома, поднося мнѣ рюмку съ виномъ:—выпей!

— Я не потребляю, дядюшка, этого...—сказалъ я, краснѣя и потупляя глаза въ ерша на столѣ.

— Ничего, выпей!..

— Отъ роду въ ротъ не беру, дядюшка... А ужъ теперь не стоитъ и починать. Вино грѣхъ пить!

Волостной засмѣялся. Я примѣтилъ, что всѣ глядятъ на меня: «Чей, молъ, такой, откудова? И въ красной рубахѣ, и вина не пьетъ!» Я закраснѣлъ пуще, застыдился совсѣмъ. Гляжу на бабушку: сидитъ у конца стола, глаза книзу опущены, какъ невѣста...

Ѳома разъ пять обошелъ вкругъ столовъ, штофъ пустѣлъ раза три, да на смѣну ему несли новый. Разговоры хорошіе пошли за столомъ.

— На-ко, молодчикъ, пивцомъ угостись!—сказалъ мнѣ Иванъ Ѳедорычъ, что сидѣлъ о-бокъ съ волостнымъ головою, и кружка съ пивомъ очутилась въ рукахъ моихъ.

Потянулъ я черезъ носокъ изъ кружки,—свободнѣе сдѣлалось на душѣ, еще потянулъ—и больше свободнѣе! Теперь ужъ и на сосѣда-писаря глядѣть не опасно. И захотѣлось мнѣ разсказать ему про нашу деревню... Я совсѣмъ близко придвинулся къ писарю и сталъ разглядывать пристально синіе цвѣты на жилетѣ: такіе цвѣты отмѣнные, что въ нашемъ мѣстѣ—ни въ огородѣ, ни на болотѣ не растутъ этакіе. А цѣпи? Вотъ оно—золото... думалъ я, ишь—какое!.. И не утерпѣлъ я—потрогалъ рукой, пощупалъ за золото.

— Ты что, малютка, балуешь!—сказалъ мнѣ писарь.

— Я не балую, дядюшка... Я гляжу, какой ты хорошій! А сколько теперь часовъ? Вотъ бы хорошо поглядѣть сейчасъ!

Писарь разсмѣялся и вынувъ изъ кармана часы, показалъ мнѣ:

— Гляди!—сказалъ онъ.

Я закинулъ глаза на часы, глядѣлъ—глядѣлъ, не узнать—сколько?

— Я не ученъ къ этому, дядюшка,—сказалъ я, опять застыдившись:—у насъ по солнцу часы узнаютъ: ежели солнце прямо сто-

итъ въ небесахъ—обѣдать пора, коли криво—работай, а коли за лѣсъ закатится—спать ложимся.

— Вотъ какъ у васъ придумано!—сказалъ, смѣясь, писарь,—а у меня—четыре часа теперь!

— Фу, сколько... А давай-ко, поглядимъ въ середину?

— Въ середину нельзя глядѣть, тамъ колесо ходитъ... Еще въ колесо попадешь не умѣвши,—хе-хе!—И писарь посадилъ въ карманъ свои часы самоходы.

Разговоръ гудѣлъ на все застолье; только дѣвицы тихонько переговаривались, загребая ложками изъ чашки яишницу. Заглядѣлся я на дѣвицъ: одна другой наряднѣе, одна другой хорошѣе. Эхъ, славно, если бы и мнѣ такую женку подцѣпить гдѣ?—сказалъ я самъ себѣ и случайно взглянулъ на бабушку. Сидитъ бабка, вслушивается въ рѣчь сосѣдки своей, сухощавой купчихи, которая и рукой разводитъ, бровями моргаетъ и ложкой съ яичницей управляется. Только не слышно мнѣ за голосами, про что разсказываетъ купчиха бабушкѣ. Покачала головой бабка моя, усмѣхнулась, сама про что-то разсказываетъ,—вѣрно про нашу деревню Орѣхову.

А дядя все ходитъ съ зеленымъ штофомъ въ рукѣ, подчуетъ гостей, проситъ, кланяется...

— Кушайте, гости дорогіе!—говорилъ Ѳома,—все отъ Бога намъ послано, а и праздникъ сегодня Господній... Андрей Лукичъ, ну-ко еще штучку одну для веселости?

— Не могу, душа... Много доволенъ!..

— А ты вотъ эту только...

— Сытъ!.. Спасибо!..

— Да вѣдь это не густое... Оно по костямъ пойдетъ!..

— Ну, ужъ быть такъ, для костей выпью!..—И Андрей Лукичъ, черный круглолицый щеголь, выпилъ чару изъ зеленаго штофа и утеръ усы полотенцемъ. Ѳома пошелъ дальше...

— И вотъ такъ-то, братушенька мой, все и вышло!..—услышалъ я обрывокъ рѣчи Ивана Ѳедорыча, которую онъ велъ съ головою:—шевельни мыслей своей, обсуди? А я и судья самъ, а разсудить не умѣю... Другихъ разсуждаю, а какъ дошло самому и сѣлъ! Духомъ сѣлъ,—понимаешь? А ужъ старъ я, ужъ на силу свою нѣтъ надежды...

— Да, отецъ,—сказалъ голова,—со шпинька, значитъ, соскочилъ парень!.. А ужъ это нашему брату—худо; ужъ это что!..

— Иванъ Ѳедорычъ, что притуманился?—сказалъ дядя Ѳома, подходя къ судьѣ и держа въ рукахъ кружку съ пивомъ.—На-ко, выпей свѣженькаго, да похвали пивовара! Самъ варилъ я...—Ѳома подалъ кружку Ивану Ѳедорычу.

Старичекъ потянулъ черезъ край, еще потянулъ и передалъ кружку мнѣ черезъ самого голову; самъ голова не изъ пьющихъ былъ. Я потянулъ изъ носка и передалъ кружку писарю; писарь сталъ наливать изъ носка кружки въ хрустальный стаканъ...

Къ Ивану Ѳедорычу, внутри у меня возгорѣлось дружелюбное чувство за то, что онъ мнѣ другой уже разъ такой почетъ отдавалъ, а вѣдь людей судитъ!.. И попадись мы теперь въ судъ съ бабушкой, пожалуй, легче намъ будетъ?..

— Ну, что каково пивцо?—спрашивалъ Ѳома у судьи.

— Доброе пиво, Ѳома Панфилычъ! Вину не устоять съ этимъ пивомъ. Только, вотъ, братушенька мой, ни вино, ни пиво, не веселятъ мое скорбное сердце... Праздникъ Божій въ погостѣ,— всѣ люди радуются, а у меня въ сердцѣ—горе!—Судья махнулъ рукой и опустилъ къ груди голову.

— Это ты все про давешнее?—говорилъ Ѳома:—да буде тебѣ грустить,—взвеселися!..

— Взвеселися?.. Нѣтъ, братушенька, не могу!..—говорилъ судья, и у него, отъ выпитаго вина и пива, выступила на лицо яркая краска.—Нѣтъ, Ѳома Панфилычъ, буду грустить скорбно, пущай и онъ понимаетъ... Каяться буду міру!.. Я люблю каяться...

— Вотъ, добрые люди,—сказалъ Иванъ Ѳедорычъ, оглядывая все застолье:—не всѣ знаете вы—чей я, кто я здѣсь?.. А я судья здѣшней волости; вотъ и голова нашъ рядомъ... А будемъ разбирать такъ: живу я на свѣтѣ тихонько, чужого не заграбастываю, сужу правильно,—и Бога люблю, и всѣхъ на землѣ... Будь какая ни на есть скотина, я и ту уважаю, потому и корова и овца— все отъ Бога! А Богъ свое дѣло знаетъ. Такъ ужъ я понимаю,— такого меня уродили... И съ сосѣдями у меня зла нѣту; коли застрянетъ что между нами, я сейчасъ и иду: «такъ и такъ, человѣкъ Христовъ, давай разсудимся хорошенько, найдемъ корень злой и выдернемъ его изъ нашего промежутка»... И разберемъ все, и все у насъ по старому, по хорошему повернется. Въ этомъ примѣрѣ я и сына своего пріучалъ жить на свѣтѣ... Говорю: «сынъ мой, коли ты по этой дорогѣ пойдешь — не будетъ хуже! Твой отецъ во всю жизнь и курицу не обидѣлъ, а не только сироту, аль вдовицу. А ежели, говорю, ты по другой дорогѣ пойдешь: сперва обидишь ты курицу... Послѣ того тебѣ и человѣка обидѣть захочется, а послѣ и меня съ матерью, а тамъ — нечистый подыметъ тебя и на Бога!..» Теперь другая статья: «Ежели ты сколотилъ копѣйку... Береги копѣйку, — она хорошая штука, а только умно съ ней надо!.. Потому, она и зло, и добро есть. И образъ святой купить можно, и судью нѣкотораго купить можно!..»

Иванъ Ѳедорычъ умолкъ на часокъ, какъ бы собирая силу въ себѣ, и, оглядѣвъ опять всѣхъ, сказалъ:

— А какъ поглядишь кругомъ—грустно! Шибаютъ люди деньгами зря на разныя стороны, ажно жалость беретъ... Такъ ли надо? Трудиться надо, помнить отца небеснаго, приберечь—приласкать всякаго: будь хромой, слѣпой, безъязыкій,—всѣ они сыны Божьи. А возьмемъ мы еще статью: потерялъ человѣкъ страхъ Божій, законъ въ сердцѣ, почитать людей не охота, а тутъ ужъ и себя почитать зазорно... Тутъ ужъ только мамона съ раскрытой пастью, гибель душевная! И бѣда главная, что назадъ-то повернуть тяжко, почитай что и совсѣмъ поворота нѣту, а все глубже пойдетъ въ моровую язву. Вотъ, теперь, добрые люди, я и добрался до самаго параграфа!.. Возьмемъ къ примѣру: сынъ родной у кого-нибудь живетъ на чужой сторонѣ, капиталъ зашибаетъ, чтобы домой посылать старикамъ, чтобы было и дому, и имъ поуютнѣе. Да приходитъ вѣсть: «сынъ твой—за недѣлю мѣста—ухлопалъ на мамону свою тридцать цѣлковиковъ! И ободранъ весь, и зашибленъ»... Хорошо это? А вѣдь, кормильцы мои, сынъ-то мой!.. И ужъ я ли не берегъ его, не училъ его... да, значитъ, есть другая наука на свѣтѣ,—поклоненіе идолу... Изъ своей-то значитъ души, теперь онъ посадилъ идола и мнѣ въ душу: «веселись, отецъ!»

Всѣ сидѣвшіе за столомъ безмолвно слушали рѣчи Ивана Ѳедорыча, бабка моя такъ и ѣла его глазами: и ей полюбились умныя рѣчи. Ухъ, сколько принесемъ всякихъ разностей въ деревню Орѣхову!

— Кабы не принесъ мнѣ вчера сватъ Ефремъ вѣстей этихъ, я можетъ сію бы минуту плясалъ на серединѣ избы, пѣлъ бы... Потому, тоски я до этого удара немного сносилъ на сердце.

— Твоего бы сына, старикъ, надо по аракчеевски—палочьемъ... вотъ бы и взялъ онъ умъ въ зубы!..—сказалъ писарь.

— Нѣтъ, батюшка,—отвѣтилъ судья:—хоть ты и умный человѣкъ, а послѣднее это дѣло, собачное!.. Не буду я скотомъ-живодеромъ на старости... А вотъ лучше поживу, подумаю маленько, да и поѣду туды—глядѣть въ корень... Вотъ я что сдѣлаю!..—И Иванъ Ѳедорычъ вдругъ пріосанился, и лицо его взвеселилось...

На столъ принесли четыре сковороды обжареной въ яицахъ свинины. Новая кружка пива пошла въ кругъ стола. Опять заговорили всѣ. Писарь сталъ разсказывать про охоту, какъ голодали они на охотѣ, убили волка и хотѣли зажарить его съ голодухи...

— Э, чортъ какой!..—думалъ я, глядя на писаря,—вѣрно онъ и бабку свою не почитаетъ, и въ Бога не вѣруетъ?.. Э—чортъ!..

Тутъ скамьи задвигались, гости повставали со своихъ мѣстъ, замолились на образа какъ въ молебенъ, и стали благодарить хозяйку, хозяина.

Погодя, писарь и два городскихъ купца спать захотѣли; ихъ повели въ другую избу. Другіе гости сидѣли на лавкахъ, иные вышли на улицу. Иванъ Ѳедорычъ присѣлъ въ уголокъ и сидѣлъ безмолвно. Дядины дочки и другія дѣвицы стрекотали сороками, суетились чего-то... Опять я заглядѣлся на нихъ; и ужъ тутъ мнѣ совсѣмъ захотѣлось жениться... Сѣлъ бы я на телѣгу съ бабкой, съ женкой, и пріѣхалъ бы въ деревню Орѣхову, на диво всѣмъ бабамъ, мужикамъ и ребятамъ!

Ѳома вынулъ изъ мѣшка скрипку, потренькалъ на струнѣ перстомъ, повинтилъ, дернулъ поперекъ струнъ шмыгалкой, еще дернулъ и запилилъ на разныя стороны. Духъ у меня захватило... такой игры нигдѣ я не слыхивалъ: будто соловей сидитъ въ скрипкѣ, насвистываетъ, жаворонокъ подтягиваетъ ему, снѣгирь подпѣваетъ обоимъ имъ...

Голова у Ѳомы на бокъ склонена, самъ стоитъ на серединѣ избы, скрипка на плечѣ лежитъ, правая рука поводитъ шмыгалкой.

— То-то хорошо-то!..—говорилъ я себѣ.— Кой ловкачъ дядя-мельникъ,—кобы и мнѣ мельникомъ быть со скрипкой?.. Сейчасъ бы я заигралъ на скрипкѣ и пошелъ бы къ нашимъ ребятамъ, а оттуда бы къ дѣвкамъ, и все бы шмыгалкай-то вверхъ да внизъ, такъ и этакъ, а перстами бы въ переборку... И запѣлъ бы свою любимую:

Не во времячко—ни весной, ни осенью:
Теплымъ лѣтомъ,—въ пору сѣнокосную,—
Машенька косу бросила!..
Косу бросивши—гулять пошла
Черезъ рѣченьку въ Ямску слободу,
Въ Ямску слободу—хмѣльну сторону!..

И я не сводилъ глазъ со скрипки, забылъ и бабку свою, что сидѣла довольная у порожка, и деревню Орѣхову... Да тутъ хорошія думы мои перебилъ Иванъ Ѳедорычъ, мой любимый. Всѣ повернулись къ нему, и я повернулся. Онъ пѣлъ подъ скрипку:

Ты воспой—воспой, младъ жавороночекъ,
Ты воспой весной надъ проталиной!..
Ты подай голосъ черезъ шумный боръ,
Черезъ шумный боръ, черезъ темный лѣсъ,
Черезъ степь широку—въ Москву каменну!..
На Москвѣ сидитъ добрый молодецъ,
Добрый молодецъ—сынъ отеческій...
На Москвѣ сидитъ... во стѣнѣ сидитъ!..
Онъ не день сидитъ, онъ не два сидитъ

Въ стѣну крѣпкую замуравленный...
Похудѣлъ онъ весь, посѣдѣлъ онъ весь!..

Куда веселость подѣвалась въ праздничной горницѣ,—все замолкло. Бабушка моя сидѣла, опустивъ голову, выставивъ наружу изъ-подъ повойника ухо... Писарь и два купца съ нимъ неслышно показались въ дверяхъ изъ сѣней, и они вернулись послушать пѣсню; иные гости—съ улицы—сквозь раскрытыя окна глядѣли внутрь горницы.

Скрипка дядина такъ и стонала порой... Самъ Ѳома, казалось мнѣ, ничего не видитъ, не слышитъ, — весь ушелъ въ музыку. А Иванъ Ѳедорычъ скрипкѣ подхватываетъ, дыхнуть не даетъ струнамъ, разливается жаворонкомъ... Лицо его все такое жъ печальное, и поетъ онъ тихо... Глаза глядятъ куда-то сквозь растворенное окно. Да и тихій голосъ такъ ладно со скрипкой шелъ, что у меня сердце захватывало.

А Иванъ Ѳедорычъ все поетъ... Гляжу я: у бабки слезина катится по щекѣ,—знаю я, отчего слезина: своя жизнь вспомянулась, про которую и мнѣ, въ зимніе вечера, сказывала она. Не сладкая-то была жизнь!—Покойнички-дѣтушки, безхлѣбицы, барщины съ колотушками, домашнія нелады, пропавшая дочка Машенька, мой отецъ—забритый въ солдаты, своя молодость, свое ребячество легкое... И слезинки по щекамъ все чаще-чаще катятся... Вотъ-вотъ заголоситъ старая, какъ на могилкахъ о Троицѣ:

Разступитесь, пески желтые сыпучіе.
Ты раскройся, гробовая доска, надъ матушкой!
Ты услышь меня, рòдна матушка, сиротушку,
Ты услышь меня, батюшка ласковый,
Услышьте, пташки вешніе-дѣтушки малыя!..
Пожалѣйте меня, горькую сиротушку:
Ай, что измаялась я, изболѣлася,
Изболѣлася, изъ силушки-то вонъ выбилась!..

И всѣ другіе гости слушаютъ пригорюнившись. За то хилый Иванъ Ѳедорычъ оживѣлъ за всѣхъ: краска бѣжитъ по лицу, рукой разводитъ, качается изъ стороны въ сторону, въ ладъ пѣснѣ, глаза огнями отсвѣчиваютъ и пуще-зорче глядятъ въ закрытое окно на лѣсистыя горы... А пѣсня льется все:

Взвейся-взвейся ты, младъ жавороночекъ,
Выше облака—къ небу синему,
Тамъ воспой-воспой солнцу красному:
Ты взойди-взойди, красное солнышко,
Въ вышь небесную неизмѣрную,
Загляни лучемъ въ Москву каменну,
Освѣти-пригрѣй стѣну крѣпкую...

Скрипка замолкла, оборвалась пѣсня... Теперь ужъ и мнѣ дошло по бабкину,—поплакать тянуло, да слезы зажало въ горлѣ. Писарь захлопалъ ладошками, вѣрно и ему было горько...

Тутъ наскочилъ изъ саней Игнашка и толкнувъ меня въ локоть, сказалъ:

— Пойдемъ-ко, Филатъ, я тебѣ покажу что́...

Мы побѣжали къ рѣкѣ. Черезъ рѣку запруда устроена: наколочены бревны, толстыя доски заложены, груды камня, — по одной сторонѣ почти сухо въ рѣкѣ, за то по другую сторону запруды — огромное озеро... То и жди — прорветъ черная вода запруду мельничную, затопитъ-зальетъ все разомъ и унесетъ насъ съ Игнашкой въ глубокіе омуты!..

Хожу по высокой запрудѣ боязливо, выглядываю дивы мельничныя... Подъ колесо заглянулъ: эко страшилище! Попадись, кажется, въ этакое—не только косточекъ, волоса не останется!..

— Игнашка, неужто такое колесо мужики сладили?..—сказалъ я невольно, хоть и самъ хорошо зналъ, что, кромѣ мужика, никто на землѣ колеса не сдѣлаетъ... Да такъ подошло у меня отъ праздничной всячины: уже другой день жилъ я на свѣтѣ какой-то другою жизнью, и потерялся я... А тутъ еще экое колесо виситъ на четырехгранномъ дубовомъ брусѣ!.. И я сталъ потихоньку пятиться-пятиться...

— Да ты не бойся! Чего бояться?—кричалъ Игнашка.—Всегда такія колеса на мельницахъ. Развѣ у васъ нѣту мельницы?..

— Есть у насъ мельница съ крыльями... А только мы дома мелемъ муку на жернахъ, въ подпольѣ!..

— Да съ крыльями и не бываетъ мельницы, мельница съ колесомъ всегда...

— А вотъ бываетъ!... Неужто я тебѣ лгать буду, коли мельница-то изъ нашихъ окошекъ видна: на горѣ, далеко-далеко, и все машетъ крыльями...

— Ой, лгешь?..

— А, ей-Богу!..

— А хочешь я пущу воду подъ колесо?

— Что ты, бра-атъ.,. Этакъ и насъ замелетъ!..

— Гляди... я затворъ подниму!

И страшно мнѣ и поглядѣть хочется... Стою близъ колеса, а ноги дрръ-дрръ-дрръ!.. Поднялъ затворъ Игнашка, нырнула съ шумомъ вода подъ него, колесо дрогнуло... шевельнулось, пошло-пошло, загудѣло, забрызгало на всѣ стороны... Тряслась-амбарушка-мельница, въ серединѣ ея слышался гудъ и грохотъ. А вода подъ колесомъ пуще мечется-пѣнится, дубовыя лопасти сер-

дито загребаютъ ее, мнутъ подъ собой... Забѣжали съ другой стороны: реветъ, стонетъ вода, боронами бѣлыми взмыленными изъ-подъ колеса вырывается, бѣжитъ въ сто ручьевъ черезъ камни, въ черные омуты, что залегли немного подаль подъ широкими ветлами...

Въ серединѣ мельницы все ходуномъ идетъ: сами-собой жерны кружатся, брусья вертятся, барабаны подпрыгиваютъ, шестерни погромыхиваютъ. Не хватаетъ только котла съ кипучей сѣрой да грѣшнаго мужика нагишемъ въ котлѣ, а то бы совсѣмъ адъ кромѣшный!..—Охъ, не одна вода тутъ способница,—говорилъ я себѣ,—тутъ и самъ нечистый способствуетъ... плечемъ подталкиваетъ, ничего, что святая печера близко!

Гляжу на огромныя пыльныя паутины, вслушиваюсь въ дрожанье и грохотъ мельницы, присматриваюсь въ темные закоулки—вотъ-вотъ выставится откуда-нибудь рожа поганая, скажетъ: «А, такой-сякой, тебя-то и надо мнѣ!..» Разомъ смолкло все... шестерни-колеса остановились.

— Эй ты, Игнашка!—послышался голосъ съ улицы,—ты чего, шельмецъ, портишь жерны! Вонъ выходи, песъ, изъ мельницы.

То Ѳома кричалъ, онъ и затворъ опустилъ въ рабочемъ желобѣ.

— Да вѣдь жито засыпано!—оправдывался Игнашка,—жито мололи...

— Я те дамъ жито! Вонъ! Кто мелетъ въ этакой день, дурачина?

Мы побѣжали черезъ запруду. Ѳома, покачиваясь, направился къ дому, да обернулся и погрозилъ рукой въ нашу сторону.

— А пойдемъ, братъ, Игнашка, вонъ на ту гору,—сказалъ я, указывая на ту гору, которая еще утромъ такъ показалась мнѣ вышиной своей.

— Да чего тамъ...

— На горѣ-то? Эхъ, ты, братъ, все видно съ горы-то, вотъ чего... Люблю я горы высокія. Лѣсъ люблю, поле, а горы—лучше.

— А ты умѣешь стрѣлять изъ ружья?

— Эко!—сказалъ я, прихвастнувъ,—я, братъ, такъ жарю изъ ружья,—куда те!.. И хоть въ натурѣ я только издали ружье видѣлъ, да слышалъ, какъ палятъ изъ него. Но мнѣ не хотѣлось осрамиться передъ Игнашкою чужестранцемъ: все не умѣю да не знаю, анъ, вотъ и изъ ружья палю, знай нашихъ, орѣховскихъ!..

— Погоди коли такъ,—сказалъ простодушно Игнашка,—я сейчасъ за ружьемъ сбѣгаю... У насъ два ружья есть. Я тоже ловко палю. Попробуемъ, кто ловче?

Игнашка побѣжалъ по запруду, къ дому.

— Убѣжать развѣ мнѣ сейчасъ въ деревню Орѣхову?—ска-

залъ я себѣ,—а то осрамлюсь, пожалуй... Да какъ безъ бабки бѣжать? Да и бѣжать надо черезъ запруду сперва, а ужъ по запрудѣ бѣжитъ Игнашка, саженное ружье на плечѣ, мѣдная пороховница въ рукѣ...

— Вотъ оно, ружье! — кричалъ мнѣ Игнашка, — только въ плечо отдаетъ сердито, коли крѣпко держать не будешь въ рукахъ, такъ те и хлобыснетъ по плечу, а то и въ лобъ тяпнетъ...

— Хоть бы его въ вѣкъ и на свѣтѣ не было!..—говорилъ я себѣ, печально глядя на ружье...

Мы покарабкались въ гору: Игнашка впереди, я позади него. И гдѣ бы мнѣ по сторонамъ глядѣть, оглядывать все хорошее, я только гляжу на ружье окаянное... Взобрались на вершину горы, гдѣ бы «весь свѣтъ» оглядывать, а у меня торчитъ ружье въ самомъ зрачкѣ, дуломъ въ носъ упирается... И стрѣльнуть разокъ хочется, и страхъ беретъ: а, ну-ко самого до самой смерти застрѣлитъ? Вишь, оно и въ плечо, и въ лобъ попадаетъ, коли не держать крѣпко...

— Да,—рѣшилъ я, — не посрамимся: умирать, такъ умирать, все едино! Пущай бабка плачетъ обо мнѣ, пущай голоситъ на могилкѣ, а ужъ не поддамся Игнашкѣ!.. И сразу мнѣ храбро стало.

Игнашка засыпалъ въ дуло ружья мѣрку пороху, дроби, пакли, забилъ все накрѣпко шомполомъ, наложилъ на курокъ пистонъ.

— На-ко,—сказалъ онъ мнѣ, подавая ружье,—дунь!

— Нѣтъ, братъ, ужъ валяй ты перво...

— Ну, ладно, я перво. А ты повѣсь вонъ на тотъ кустъ, подъ горой шапку свою...

— Нѣтъ, братъ, ужъ лучше ты повѣсь шапку...

— Ну, ладно! Я повѣшу шапку, только валяй ты перво. Потомъ ты повѣсишь свою—я буду перво?...

— Нѣтъ, братъ, ужъ валяй ты перво...

Игнашка разставилъ ноги, уперся ложей въ плечо, постоялъ—погадалъ: брякъ!.. Дымъ-огонь выскочилъ изъ ружья, меня оглушило, дымомъ пахучимъ обняло, а ничего,—хорошо...

Игнашка опять зарядилъ ружье.

— Теперь валяй ты!—сказалъ онъ.

Я взялъ ружье въ руки: грузное такое, неспособное... какой дуракъ выдумалъ этакое? Лучше, кабы и совсѣмъ ружья не было на землѣ!.. Да ружье было... и надо было стрѣлять изъ него, а то засмѣетъ Игнашка. Я сталъ цѣлить куда-то въ рѣку...

— Эй, Филатка, погоди стрѣлять?—крикнулъ Игнашка:—дай я и впрямь шапку повѣшу на кустъ, и ежели попадешь ты—твоя взяла значитъ, а не попадешь—свою вѣшай!

— Ладно!—согласился я. Скажи мнѣ Игнашка, что и рубаху, и сапоги надо вѣшать, ну, что жъ такое? И повѣсилъ бы все на сучекъ, ужъ коли такъ туго подошло-съѣхалось! А ужъ тамъ пущай бабка со мной что хочетъ подѣлаетъ,—хоть нагишемъ ведетъ на Орѣхову...

Повѣсилъ Игнашка шапку свою на кустъ подъ горою, бѣжитъ въ сторону отъ куста, кричитъ мнѣ радостно:

— Засмаливай, братъ Филатка!..

Разставилъ и я ноги на манеръ двухъ разсошекъ, приложилъ ложе ружья къ плечу крѣпко, уцѣпился перстомъ за собачку, сталъ мѣтить въ шапку... И стало мнѣ тутъ жалко шапку свою... шапка питерская, съ полированымъ козырькомъ, а прострѣлитъ ее проходимецъ Игнашка, придется безъ шапки идти домой. Эхъ, хоть бы дядя Ѳома увидалъ насъ съ ружьемъ, закричалъ бы: «Что вы дѣлаете, мошенники? Бросьте ружье самострѣльное!..» Да тихо около дома за мельницей, не видитъ Ѳома дѣло наше... А дуло идетъ то въ ту сторону, то въ другую, и будто кустъ ходитъ, и шапка Игнашкина на кустѣ пляшетъ... Эхъ, прощай, моя шапка хорошая!.. Да и самому мнѣ, можетъ статься, конецъ сейчасъ: брякнетъ ружье изъ другого конца—прямо въ сердце мнѣ...

— Чего же ты стоишь раскарякой? Засмаливай! — кричалъ Игнашка.—Аль ты изъ дубинки стрѣлять умѣешь?.. Ха-ха-ха!...

— Шапки твоей не вижу...

— Да вонъ шапка виситъ на кустѣ... Дёргай!..

Ходитъ ружье... Вижу я: не то шапка виситъ подъ горой, не то корова, аль мельница?.. Брякъ!.. Живъ!.. Слава те, Господи! Только въ плечо ударило. Стою весь въ дыму, будто въ облакѣ. Радостно на душѣ.

Бѣжитъ Игнашка къ шапкѣ, кричитъ что-то. Бѣгу и я... Хвать рукой, а у шапки только козырекъ остался, да маленько околыша!.. Цѣлая горсть дроби проскочила въ тулейку, разнесла ее въ мелочи. Игнашка ахнулъ отъ горя и опустилъ голову... И я ахнулъ, чуть вѣря своимъ глазамъ, своей ловкости!..

Игнашка сталъ глядѣть на меня съ укоромъ и съ удивленіемъ, держа въ рукѣ лохматую шапку,—глядѣлъ на шапку. И я сталъ глядѣть, да и глядѣть было нечего. Вотъ бы нашихъ орѣховскихъ ребятъ подвести, вотъ бы они поглядѣли!

— А хочешь, я тебѣ за шапку въ затылокъ лещей насажаю?—сказалъ сердито Игнашка.—Я думалъ, ты нарошно будешь, мимо стрѣльнешь... А еще въ гости пришелъ! Хочешь, надаю лещей?..

— Не трогай, Игнашка, коли живъ хочешь быть?—закричалъ

и я, разгорячась: — я, братъ, и самъ лютъ драться; въ мочалу тебя изомну, въ дугу загну ребры... У меня мосталыжки въ кулакѣ березовыя... Во—кулакъ у меня... Я разъ съ мужикомъ подрался: мужикъ-то меня за вихоръ хотѣлъ, а я—какъ развернусь, какъ лизну его въ ухо!.. Мужикъ-то бѣжать, а я...

Игнашка опѣшилъ.

— А гдѣ ты этакъ стрѣлять выучился?—заговорилъ Игнашка прежнимъ, хорошимъ голосомъ.—У насъ и батя такъ хорошо не умѣетъ...

— Эко, гдѣ выучился?—говорилъ я:—самъ узналъ! Я на дудкѣ на сосновой учился... Ты дайка мнѣ порохъ сюда, я еще стрѣльну; дай-ко я заряжу своими руками...

— Вотъ пороховница и мѣрка...

Поднялись мы опять на першину горы; засыпалъ я въ дуло мѣрку пороху, забилъ паклей, наложилъ пистонъ, — бацъ!... Теперь ужъ никакихъ страховъ нѣтъ, на душѣ радостно; кругомъ головы синій дымъ.—Эхъ, какой я стрѣляка!

Тутъ меня охватило мое любимое: сталъ я оглядывать съ горы разныя стороны; пестрыя дали кругомъ лежатъ, широкая рѣка подъ крутымъ берегомъ извивается, скрывается за пригорьями; деревни виднѣются, зеленѣютъ лѣски, большой лѣсъ синѣетъ на краю неба, синѣетъ озеро, бѣлѣетъ церковь Господня, дороги стелются по полямъ... Радостно-радостно на душѣ.

— Господи,—говорю,—кабы жить на этой маковкѣ: построить бы избу, перетянуть коня, коровъ сюда изъ Орѣховой, наладить бы съ крыльями мельницу?.. То-то бы замолола! Тутъ другое запало въ голову: развѣдаетъ заянскій попъ Илія, что я шапку прострѣлилъ насквозь, не помѣтивши... А коли хорошенько прицѣлюсь?.. Ой, назначитъ меня попъ застрѣльщикомъ. И пошло, и пошло въ головѣ...

Игнашка что-то кричитъ съ запруды, да я не слышу... Мнѣ мерещится, что въ Крещенье уже не кузнецъ-Ванька будетъ стрѣлять изъ пушки на водосвятіи, а я буду... Пушка такая маленькая, съ локотокъ длины, когда стрѣляютъ изъ нея, то ее къ полѣну привязываютъ... Всѣ люди стоятъ кругомъ, стоитъ попъ Илія надъ прорубью съ крестомъ въ рукѣ, стою я близъ пушки съ фитилемъ въ рукѣ... Крестъ погружаютъ во Іордань; я прикладываю фитиль къ дыркѣ,—трахъ!.. И гремитъ выстрѣлъ пушкинъ на всю окружную; вороны испугались—закаркали. Сама пушка вмѣстѣ съ полѣномъ въ сугробъ ускочила. «Чей такой?»—спрашиваютъ чужія дѣвки у бабъ, сами оглядываютъ меня... «А это холостякъ Орѣховскій,—говорятъ дѣвкамъ бабы:—Авдотьи Зубчи-

ковой внукъ Филатка!.. Онъ и шапку прострѣлилъ на Успенскомъ погостѣ, у мельника...»

Будто въ туманахъ ясныхъ спускаюсь съ горы, отыскиваю Игнашку за мельницей. Пошли мы съ нимъ вдоль рѣки, къ чужой—Ивановой мельницѣ. Да какъ погляжу я на голову Игнашкѣ, смѣхъ беретъ: висятъ лоскуты на всѣ стороны!..

Да Игнашка-то богатый былъ, деньги у него въ карманѣ лежали,—рубль! Пошли мы въ село, купили новую за полтину, напились сбитню, поѣли пряниковъ... А мои—лежали у меня въ пазухѣ для запаса.

Ужъ темнѣть стало; ужъ не такъ людно на базарѣ, какъ днемъ было... Густыя толпы разошлись, помолившись и нагулявшись, въ разныя стороны; купцы и аршинники убирали свои палатки, возы были навалены досками и кольями, остатками товаровъ непроданныхъ; только два сбитенщика ходко торговали на площади, около нихъ ходили кучками молодицы, ребята, ѣли сайки, сбитнемъ запивали. На жерди еще виднѣлся кумачный флагъ, да и онъ словно постарѣлъ, опустился. Бѣлая церковь стоитъ одиноко: ни звона, ни пѣнія... Стоитъ себѣ за бѣлой оградой, словно думы раздумываетъ... На селѣ пѣсни слышны, голоса разные, игра гамоній... Да ужъ притомило меня, не до села мнѣ было...

Игнашка тянулъ меня за рукавъ. Побѣжали мы съ нимъ изъ села; по дорогѣ забѣжали въ печеру: темно совсѣмъ внутри, холоднымъ воздухомъ несетъ пуще, и гдѣ-то, будто въ глубинѣ земной: «чукъ! чукъ!..» Жутко... И часовня стоитъ, повитая сумерками, и лѣсъ стоитъ, чернясь, на бурой стѣнѣ... и все дремлетъ... И весь народъ, что заполонялъ и мостъ рѣчной, и луговину широкую, дремлетъ вѣрно?.. Все будто сонъ какой!..

Въ хоромахъ мельника, Ивана Ивановича, гудъ-гудитъ, изъ оконъ яркій свѣтъ выбивается; слышны и стукотня, и гармонь, и разговоры, и пѣсни. Экое веселья хорошее! Завернули мы съ Игнашкой въ хоромы шумныя.

Въ большой горницѣ все по поповски разубрано: уставлены окна цвѣтами, лавокъ нѣтъ — стулья; четыре свѣчки горятъ на вышкахъ; вся горница была полна народа. Все барыни сидятъ на стульяхъ да господа разные: въ бѣлыхъ рубахахъ, какъ у толстаго писаря, въ пиджакахъ, штаны на выпускъ; у барынь—платья до самаго пола, волосы на головѣ въ сѣткахъ, и дядины дочери тутъ гуляютъ, и другіе гости дядины видны. У одного барина такая гармонь на колѣняхъ,—день глядѣть на нее, не налюбуешься до сыта: вся серебромъ раздѣлана, позолочена, клапаны костяные, и колоколецъ, и молотокъ сверху, голоса что жа-

воронки поютъ-разливаются, и молотокъ зудитъ по колокольцу... Будто въ раю!..

А на серединѣ горницы пляшутъ... Толстый писарь, мой сосѣдъ за столомъ у Ѳомы, летаетъ изъ угла въ уголъ кубаремъ, ухвативъ за бока дочку дядину... И другіе также летаютъ изъ стороны въ сторону, ногами откалываютъ. Полъ гнется; ходуномъ ходитъ горница.

Я и ротъ разинулъ... Никогда я такой пляски не видывалъ; да такой и нѣтъ пляски. У насъ ежели мужики начнутъ, такъ сами ее и доплясываютъ, а коли дѣвки, такъ дѣвки и доплясываютъ, а никогда, чтобы плясалъ мужикъ съ бабой! И наша пляска самая настоящая.

Тутъ другую пляску затѣяли, еще больше заплясало народу. Толстый писарь за главнаго коновода, размахиваетъ руками, бочкой впередъ, ногами размолачиваетъ, самъ кричитъ: «Во—лянсе!.. Соль-те дамъ! Турни!..» Тьфу ты, лѣшій!.. Уродитъ же Богъ доку этакую: и часы есть, и бабку не почитаетъ свою, со становымъ валандается, волка ѣсть можетъ, и волянсе... Эхъ, кабы мнѣ быть турнеемъ?...

Въ другой сторонѣ какой-то мужикъ-щеголь пляшетъ съ самой мельничихой, и тоже не поддается толстому писарю, на своей половинѣ распорядокъ ведетъ, кричитъ: «Сельдя—дамъ! Сельдя—дамъ!.. Турни де сюда... Турни де сюда, безтолковые дьяволы!..»

Тутъ я признался себѣ, что наша орѣховская пляска похуже будетъ...

— Эхъ,—думалъ я сидя на стулѣ:—кабы и мнѣ пройтись этакъ? Только сперва надо дома на гуменномъ одоньѣ попробовать, одонье просторное... Обхвачу снопъ соломы, заиграю на губахъ въ музыку, закричу: «Волянсей, бабка, соль де дама!.. Турни де сюда, ближе къ ригѣ!..» И почнемъ оба съ бабушкой валянся раздѣлывать. И въ другое Успенье сами придемъ сюда коноводами-плясунами... А писарь-то, писарь-то!.. Ишь—на!.. Ишь, какія колѣны, мошенникъ, выкусываетъ!..

А писарь и впрямь такія штуки раздѣлывалъ, такъ ловко и брюхомъ и ногами вывертывалъ напослѣдки, танцуя передъ дядиной дочерью, что кругомъ все зашумѣло отъ удовольствія... И у меня задрыгали ноги, зазудѣло въ душѣ,—такъ бы и выскочилъ весь на середину горницы, противъ писаря, и ну дробить, вычеканивать!.. Сторонись, молъ, народъ, дай ходъ внуку бабину!.. Да въ сапогахъ у меня незадача: носки загнулись крючками, а каблуки тяжелы...

Давно была ночь, а ни ѣсть, ни спать не хочется,—все бы

глядѣлъ на пляску да слушалъ музыку. Гляжу: сидитъ отъ меня недалечко дѣвочка, на глазъ—одногодокъ мнѣ, платьице розовенькое, бровки темныя, темная коса съ красной ленточкой, сама тоненькая, бѣлыя ручки на колѣняхъ положены, глядитъ на веселье, и у самой лицо такое веселое. Гляжу я больше на дѣвочку, гляжу... и глазъ мнѣ отводить отъ ней не хочется, и въ душу заходитъ мнѣ что-то особенное, чего никогда на ней не было...

— Вотъ—хорошая!—говорилъ я себѣ, глядя съ боку на дѣвочку:—этакой краше и въ свѣтѣ нѣтъ,—первая!.. Игнашка... А, Игнашка!.. Поди сюда... Чья это такая сидитъ на стулѣ?..

— Да это Катька! Сестра Ивана Иваныча, мельника здѣшняго; а тебѣ на что знать?

— Да такъ, братъ Игнашка...

— У Ивана Ивановича двѣ сестры,—пояснилъ Игнашка:—одна въ уѣздѣ замужемъ за купцомъ,—вонъ та, что у комода сидитъ въ голубомъ вся; а эту зовутъ Катериной, двѣнадцатый годъ ей, а и читаетъ и писать знаетъ...

— Да я и самъ и пишу, и читаю...

— Ой, врешь!...

— А ей-Богу!... Я такъ ловко читаю, что дьячекъ хуже... а пишу... Вотъ, дай-ко мнѣ карандаша, аль пера?..

— Пера нѣту...

— Ну, я на пескѣ покажу тебѣ завтра, напишу хворостиной... А коли книга есть—почитаю.

— Книги нѣту... А только, врешь ты,—ты читать не умѣешь!..

— А вотъ, спроси у бабки моей, она тебѣ скажетъ. Еще у меня школа была зимой—я учитель!.. Вотъ только, пожалуй, батюшка нынче меня въ Питеръ затребуетъ... А то, я такъ ребятъ учу ловко, что всѣ бабы хвалятъ меня.

Игнашка разсмѣялся, махнулъ рукой недовѣрчиво и отошелъ отъ меня подалѣ... А я и радъ былъ; ужъ теперь я не вертѣлъ головой кругомъ, а не отводилъ глазъ отъ Кати...

— Эхъ, бабка, въ какія мѣста ты завела меня,—говорилъ я себѣ:—и люди другіе, и дѣвочка какая хорошая, ишь, глаза-то какіе, ишь—бровь? Обойди у насъ всю Заянщину, такой нѣту!.. Буду жить здѣсь до старости, и все глядѣть буду...

Нащупалъ я за пазухой прянички... Вотъ бы пряникомъ ее поманить?.. Да стыдно. А тутъ вспомнилъ я, что завтра надо будетъ идти въ деревню Орѣхову, и сладкая радость разсыпалась, будто ежъ у меня подъ душой заворочался... не охота идти! Хоть бы и деревни Орѣховой не было, и ребятъ тамошнихъ! А самъ

бы я сидѣлъ на этомъ мѣстѣ недвижно до старости, все глядѣлъ бы...

Праздникъ заканчивался.

— Домой!.. Пора домой идти!—слышались голоса дочекъ дядиныхъ. Гости прощаться стали. Черезъ малый часокъ мы уже шли шумной гурьбой по мягкой дорогѣ, среди ночной темени, къ дядѣ на мельницу. Писарь былъ съ нами.

— Хорошо-ли у насъ, Филатка?—спрашивали меня дядины дочери.—Аль у васъ лучше?

— Хорошо!..—говорилъ я:—у насъ такого обихода еще не затѣяно.. И гармони у насъ такой нѣту...

IV.

Бабушка ужъ спала на соломкѣ... Да проснулась и она, когда я сталъ укладываться съ ней рядомъ.

— Гдѣ, Филатъ, загулялся?—спросила она сквозь сонъ.

— На мельницѣ, бабушка. Такая пляска была,—куды-те!.. Четыре свѣчки горѣли; а гармань—во какая!.. Поживемъ здѣсь, бабушка, еще денька два?..

— Не мели дурь, Филатка...

— Мнѣ домой не охота...

— Замолчи, дуракъ! Аль у насъ хуже? У насъ свой праздникъ скоро. И коли ты захочешь яишницы,—я запеку тебѣ, коли другого чего захочешь—и другого настряпаю... Спи теперь. Воскреснетъ Богъ, и... Сейчасъ и я,—такъ засну хорошо, какъ умру... А завтра соберемся пораньше и зашагаемъ; теперь ужъ наши бабы спятъ дома. Ой, Филатка, измаялась я за сей день, не рада и празднику, всѣ кости расшевелило. И все—чужіе, чужіе... Одна радость, что помолилась усердно Богу. Спи.

Да не вдругъ я заснулъ... Минувшій день, людный, шумливый, радостный, ясной картиной развернулся передо мной среди избной тишины и тьмы. То Катя, то плясунъ-писарь близъ чуются; то будто слышится гулъ скрипки дядиной, грохотъ мельницы, пѣсня Ивана Ѳедорыча... А самъ я стою на горѣ высокой, ружье въ рукѣ, гармонь, Катя рядомъ со мной, вся въ розовомъ... А внизу—подъ горой—Питеръ стоитъ, Іерусалимъ, и бѣгаютъ по луговинѣ ребята орѣховскіе...

И, словно, переношусь на крыльяхъ въ деревню Орѣхову. Стою въ своемъ гумнѣ на одонье. Бабка на чуркѣ сидитъ, на колѣняхъ у ней гармонія съ колокольцами... Обхватываю снопъ овсяный, изъ одного конца въ другой иду по гумну на одной ногѣ,

на двухъ, на трехъ словно... И ужъ вовсе не дотрагиваюсь пятками до одонья—пола гуменнаго землянаго, а кружусь въ воздухѣ... Бабка сидитъ на чуркѣ, наигрываетъ. А ужъ я присядкой иду... по нашему, по орѣховски!.. Напротивъ меня сынъ старосты—Гаврила Семенычъ, — пляшетъ Гаврила, полы кафтана развѣваются въ стороны, руки въ боки уставлены. Сотскій Микифоръ вбѣгаетъ въ гумно, позади него Амосъ Арьтемьичъ, Ванька Громовъ,— всѣ идутъ по одонью присядками. А бабушка звенитъ въ колокольцы, нажариваетъ во всѣ басы-пищики:

«Не могу, не могу,
Не могу, могу--могу,—
Ступилъ комаръ на ногу!..»

Съ ранняго утра заслышался говоръ въ задней избѣ, скрипка дядина заиграла. На старый хмель подбавили новаго, и пошло веселье широкое!

Зашевелились на соломкѣ и на лавкахъ ночлежники; встали и мы съ бабушкой, помылись, помолились на образа. Тетка посадила насъ завтракать.

А утро на улицѣ такое хорошее — тихое, солнце такъ и разсыпается брызгами яркими по росистымъ берегамъ рѣки, и ни одного облачка въ синемъ небѣ...

Цѣлый хороводъ дѣвицъ и парней пришелъ изъ ближнихъ деревень къ дядиной мельницѣ. Писарь-толстякъ потиралъ руки отъ радости. Дядины дочери нарядились всѣ по вчерашнему. Съ сосѣдней мельницы тоже завидѣлась на дорогѣ гурьба цвѣтная, и межъ нею платьице розовое... Защемило у меня въ сердце...

— Лучше бы ужъ и не видать ничего, и не слышать,—говорилъ я въ умѣ, а коли видать—все показывай! И зачѣмъ манила меня сюда бабка старая? Не смани она, и хорошо бы у меня на душѣ было...

— Бабушка,—упрашивалъ я старуху,—поживемъ еще хоть денекъ одинъ? Вишь, и тетка Аксинья упрашиваетъ насъ: погостите!

— Тетка это баетъ намъ съ тобой для блезиру... У ней своихъ гостей много.

— Нѣтъ, бабушка, она говоритъ отъ сердца... Ты разсуди: въ кои-то вѣки зашли мы сюда, да и домой сейчасъ? А потомъ я тебя на своемъ хребтѣ донесу до Орѣховой...

— Не мели, дура!

— Ей-Богу, бабушка! Ты думаешь: я не смогу? Я встану на четвереньки, въ родѣ коня, а ты и сядешь...

— Тьфу, дуракъ!.. Да гдѣ ты видалъ въ свѣтѣ этакое?..

— А мы, бабушка, пріѣдемъ съ тобой первыя...

— Перстань! Навязала тебя мнѣ нелегкая сила, вотъ и майся теперь. Собирайся, пострѣлъ!

— Дай, братъ Игнашка, мнѣ порошку на прощанье?—сказалъ я потихоньку Игнашкѣ:—какъ вернусь я домой, захочу стрѣльнуть при ребятахъ... Да и волкъ изъ нашего стада барана унесъ, пожалуй, и въ него стрѣльнуть надо...

— А у тебя есть ружье?

— Есть... У насъ два ружья есть въ деревнѣ; одно-то безъ дула... А въ умѣ и самому мнѣ не вѣрится, что Олешка Митинъ дастъ мнѣ ружье... Придется дѣлать свое. Да это бѣда не великая, только бы порохъ былъ,—ружье можно изъ палки выдолбить.

— На!—говорилъ Игнашка, отсыпая мнѣ въ карманъ двѣ мѣрки,—чтобы и ребятамъ стрѣльнуть, и по волку... Только остерегайся, не подходи къ горячему,—пыхнетъ!..

— Эко, братъ, дуракъ я, что ли? Дай-ко ужъ и дроби мнѣ. Эхъ, да не надо дроби; дроби я самъ изъ камня надѣлаю...

Тетка навязала намъ въ узелъ пирога, яицъ, яблоковъ; пошла проводить насъ.

Со слезами на глазахъ прощался я, уходя; да не по теткѣ, не по дядѣ болѣла душа. Жаль было мѣста хорошаго: горъ высокихъ, хоровода веселаго, что развернулся цвѣтистой лентой, огородилъ всѣ дядины хоромы широкія. Катя стояла рядомъ со мной—краше вчерашняго, пригожѣе утра солнечнаго...

— Прощай!—сказалъ я отрывисто, подойдя совсѣмъ близко къ Катѣ:—мы съ бабушкой домой идемъ..

Катя глянула на меня, усмѣхнулась.

— Я бы и еще пожилъ здѣсь, да не даетъ мнѣ жить бабка...

— Прощай... Приходи къ намъ въ другое Успенье!

Я что-то хотѣлъ сказать и не могъ... Ощупывалъ за пазухой прянички, да подарить ихъ Катеринушкѣ стыдно. Да и Игнашка тутъ,—засмѣетъ.

Подошла бабка лютая... потянула меня силой отъ хоровода.

— Прощай!—говорилъ я, оглядываясь на Катю, и храбрости у меня прибавилось: все бы сказать теперь можно. Да немного пришлось оглядываться — первый пригорокъ скрылъ всѣ картины хорошія, а другіе пригорки и косогорки надбавили: и голоса, и скрипка,—все стихло...

Тетка проводила насъ съ полверсты и вернулась. Подошли мы опять къ печерѣ святой. Сквозныя ворота на замокъ заперты, тихо внутри... Тихо кругомъ; лѣсъ зеленый стоитъ на песчаной

стѣнѣ недвижно; широкая рѣка будто спитъ, а солнце такъ и осыпаетъ насъ лучами ласковыми...

Бабушка опустилась на колѣни; и я опустился. И долго, и усердно молились мы, глядясь внутрь печеры... Всю мы родню помянули умершую, помолились за всю живую; проползли на колѣнцахъ по святымъ мѣстамъ—до часовеньки, помолились и на часовеньку, поклонились кресту кривому. Встали, и пошли спокойные, радостные къ деревнѣ Орѣховой.

Да не долга была радость моя о Богѣ. Въ головѣ представлялось все то, что осталось у мельницы. Даже порохъ въ карманѣ не могъ разогнать моей грусти. Въ душѣ заслонило заслонкою, въ глазахъ сѣткою...

— Чего ты, Филатка, пѣсню не споешь давно?—заговорила бабушка, упираясь на березовую палку.—Затягивай!..

— Не поется, бабушка...

Шли-шли по дорогѣ, измаялись, всѣ ноги выломали... Ужъ и ни деревень чужихъ, ни горъ—глядѣть неохота... Завечерѣло со всѣхъ сторонъ; туча черная поднялась въ небо, блеснула по тучѣ крючковатая молнія.

Шагаемъ, изъ силъ выбиваемся...

Гляжу: чернѣетъ на горѣ деревня Орѣхова. И прежнее любовное чувство къ ней зашевелилось во мнѣ. Что-то наши ребята подѣлываютъ?

В. Савихинъ.

ЗА АТЛАНТИЧЕСКИМЪ ОКЕАНОМЪ.

ПУТЕВЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ ЛЮДВИГА КРЖИВИЦКАГО.

Переводъ съ польскаго **В. Чепинскаго.**

*(Окончаніе *).*

11 сентября, Чикаго, Memorial Art Palace (дворецъ искусствъ).

Зала переполнена вверху и внизу. Сомнѣваюсь, нашлось ли бы тамъ мѣсто хоть для одного еще лица. Булавка, брошенная съ хоровъ, навѣрное не упала бы на полъ, а оказалась бы на чьей-нибудь спинѣ. Въ толпѣ поднимается буря рукоплесканій. Въ дверяхъ показывается пестрая группа людей, которой и конца не видно, медленно подвигается среди моря человѣческихъ головъ и съ важностью направляется къ эстрадѣ, гдѣ ее ожидаютъ ряды креселъ. Туники пурпуровыя, желтыя, голубыя, зеленыя, бѣлыя, однимъ словомъ—самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ: можно подумать, что это рой мотыльковъ; на головахъ покрышки самой разнообразной формы, а изъ подъ чалмъ, шапочекъ, касокъ, чуть ли не съ конскими хвостами, выглядываютъ лица самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ: вотъ изъ подъ чалмы улыбается деликатный бронзоваго цвѣта профиль послѣдователя браминизма, а вотъ темныя лица цейлонскихъ буддистовъ, въ серединѣ движутся монгольскіе типы учениковъ Конфуція, рядомъ съ арійцемъ шествуетъ негръ, рядомъ съ епископомъ греко-восточнаго обряда виднѣется методистка и черный фракъ представителя спенсеровскаго агностицизма. Во главѣ этой группы выступаетъ какой-то человѣкъ въ пурпурѣ—это кардиналъ Гиббонсъ изъ Балтиморы. Лицо у него съ дипломатическимъ выраженіемъ и безмолвное, какъ мраморъ. Не видно на немъ того увлеченія, какое мы замѣчаемъ у буддистовъ. Пестрая толпа доходитъ до эстрады и разсаживается: монгольскіе и индусскіе мотыльки занимаютъ первый рядъ кре-

*) См. «Міръ Божій», № 7, іюль 1896 г.

селъ, невыразимое блаженство разлито на ихъ лицахъ; фраки скрываются въ заднихъ рядахъ—среди неумолкаемаго грома рукоплесканій. Изъ органа, помѣщеннаго наверху, льются мощные звуки религіознаго гимна; публика, стоя, машетъ платками и хоромъ поетъ. Первый возвышаетъ голосъ Бонней, президентъ комитета съѣзда.

Религіозный парламентъ открылся. Въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ въ теченіе многихъ сотенъ тысячъ лѣтъ родъ человѣческій мыкается на земномъ шарѣ, собрались въ одномъ мѣстѣ представители самыхъ разнообразныхъ исповѣданій. До сихъ поръ они знали въ отношеніи другъ къ другу только костры преслѣдованія. Но современная эпоха, перекидывая между самыми отдаленными уголками земного шара мостъ взаимнаго обмѣна, ослабляетъ прежнюю ненависть. Въ вихрѣ всемірнаго сближенія прежде всего начали смѣшиваться мертвые продукты, а затѣмъ и идеи. Наконецъ, на американской землѣ собрались послѣдователи самыхъ разнообразныхъ обрядовъ, чтобы общими силами выработать «сравнительную теологію». Составители проекта—деисты чистой воды—вышли изъ того положенія, что каждая религія заключаетъ въ себѣ частицу истины, но ни одна не обнимаетъ всей истины, что при совмѣстныхъ усиліяхъ можно вылущить настоящее зерно и отдѣлить его отъ мякины. Они надѣются, что религіозный сеймъ будетъ провозвѣстникомъ новой эпохи въ исторіи человѣчества—той эпохи, когда общая религія чистаго деизма выдѣлится изъ существующихъ нынѣ вѣрованій. Осуществятся ли ихъ пророчества—это не важно; но несомнѣнно то, что этотъ съѣздъ дѣйствительно является піонеромъ новой эпохи въ отношеніяхъ человѣка къ человѣку. Еще полвѣка тому назадъ такой съѣздъ былъ бы немыслимъ даже на американской почвѣ, и сомнительно, былъ ли бы онъ возможенъ тогда въ какомъ-нибудь другомъ мѣстѣ. Неужели епископъ Дунаевскій соблаговолилъ бы сидѣть рядомъ съ браминомъ, неужели согласился бы онъ на то, чтобы раздаваемыя имъ благословенія были поставлены на одну доску съ благословеніями непонскаго ламы?

Послѣ г-на Боннея возвышаетъ голосъ кардиналъ Гиббонсъ, потомъ говорятъ представители двухъ протестантскихъ сектъ, греко-восточный архіепископъ съ острова Занте, индусскіе философы, послѣдователь Конфуція и еще кто-то, и еще кто-то. Первые ораторы очень осторожны въ своихъ словахъ, но представители экзотическихъ религій не знаютъ дипломатическихъ ухищреній и даютъ волю тому, что лежитъ у нихъ на сердцѣ. Во всякой религіи есть достаточно фальши и зерно правды—эта мысль звучитъ все яс-

Вчѣе. сѣ рѣчи, осторожныя и неосторожныя, дипломатическія и менѣе взвѣшивающія слова, расплываются въ морѣ изліяній на тему общечеловѣческаго братства, превозносятъ заслугу составителей проекта, обращаются съ сердечнымъ поздравленіемъ къ представителямъ другихъ исповѣданій, подчеркиваютъ значеніе даннаго торжества, какъ зари, предшествующей будущему, болѣе великолѣпному, нежели сегодняшній день. А толпы, собравшіяся въ залѣ? Если ораторы, появляющіеся на трибунѣ, считаются еще съ правилами дипломатіи, то зрители вполнѣ отрѣшились отъ этого искусства кривить душою.

15-го сентября, Чикаго, City.

Пишу подъ впечатлѣніемъ разговора съ членомъ антропологическаго съѣзда, составившимъ себѣ довольно громкое имя въ научномъ мірѣ. У американскихъ ученыхъ бываютъ иногда дикія идеи. Если бы кто-нибудь высказалъ подобные взгляды у насъ, то его, пожалуй, провозгласили бы мальчишкой. Этотъ ученый прямо заявилъ, что человѣчество накопило слишкомъ много знанія, но слишкомъ мало распространило его результаты. Мы копимъ факты за фактами, какъ скупецъ червонцы, забывая, что деньги существуютъ лишь для того, чтобы доставлять намъ всякія удобства и удовольствія жизни. Самая главная задача настоящаго времени это не дальнѣйшее накопленіе научныхъ частностей, недоступныхъ для массы, а «демократизація» ихъ среди обширныхъ слоевъ населенія. Естественнымъ образомъ нашъ разговоръ переходитъ на *University Extension Movement*—движеніе, имѣющее въ виду распространеніе университетскаго образованія, т.-е. организующее въ Америкѣ подвижные университетскіе курсы. При каждомъ университетѣ возникаетъ множество такихъ филій, которыя доставляютъ народнымъ массамъ знаніе въ формѣ очень доступной, но не лишенной систематическаго характера. Руководящіе кружки издаютъ силлабусы, гдѣ помѣщается подробная программа данной области знанія для самоучекъ, высылаютъ кочующихъ съ мѣста на мѣсто лекторовъ, которые, пріѣхавъ въ какую-нибудь мѣстность недѣли на двѣ, въ нѣсколько лекцій въ сжатой формѣ излагаютъ основныя положенія данной отрасли наукъ и завязываютъ переписку, благодаря которой желающіе могутъ письменно пользоваться совѣтами спеціалистовъ. Мой собесѣдникъ разсказываетъ мнѣ о популяризаторскомъ вѣдомствѣ, существующемъ при мѣстномъ университетѣ. По городу разбросаны разные «центры», гдѣ можно записываться на лекціи, получать необходимыя указанія, переговариваться съ кандидатами. Какъ

разъ передъ нами лежитъ газета *U. E. World*, т.-е. «Міръ распространенія университетскаго образованія». Лицо, съ которымъ я веду разговоръ, беретъ ее въ руки, находитъ тамъ списокъ такихъ очаговъ и читаетъ. Въ городѣ, находящемся у озера Мичигана, есть около тридцати такихъ учрежденій. Они разбросаны также въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ по всему штату, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ возникли и болѣе обширные союзы, какъ, напр., сѣверный Иллинойскій. Однимъ словомъ, популяризаторское вѣдомство при чикагскомъ университетѣ стоитъ во главѣ сотни такихъ очаговъ для распространенія высшаго образованія. Каждый университетъ ведетъ дѣло пропаганды на свой собственный счетъ, хотя ни одинъ не можетъ сравняться въ этомъ отношеніи съ филадельфійскимъ. Популяризаторское университетское движеніе развивается сильно, гласность предупреждаетъ въ немъ выходки того или другого изъ иниціаторовъ, общественный контроль дѣлаетъ невозможнымъ всякій непотизмъ. Въ концѣ разговора мой собесѣдникъ предлагаетъ мнѣ лично присмотрѣться къ дѣятельности какого-нибудь подобнаго очага, указывая на учрежденіе имени Ньюберри, какъ на ближайшій пунктъ популяризаторской организаціи.

20-го сентября, Чикаго, City.

Я въ библіотекѣ имени Ньюберри, куда пришелъ съ цѣлью навести справки относительно университетскаго движенія. Вакаціи еще не кончились, а потому занятій нѣтъ. Кто-то сильно жметъ мнѣ руку, радуясь тому, что я заинтересовался этимъ дѣломъ. Съ устъ его слетаютъ не пустыя общія мѣста. Выраженіе его лица свидѣтельствуетъ о томъ, что я имѣю дѣло съ энтузіастомъ, который съ любовью относится къ своей идеѣ. Онъ ведетъ меня въ маленькую комнатку наверху, проситъ садиться—сѣсть не на что. Мы кое-какъ устраиваемся, я усаживаюсь на конторкѣ, хозяинъ мой на пачкѣ книгъ. Но усидѣть онъ не можетъ, такъ волнуетъ его нашъ разговоръ. Каждую минуту онъ вскакиваетъ, чтобы отыскать какой-нибудь свертокъ. Съ видомъ апостола читаетъ онъ отрывокъ изъ одной брошюры:

«Старинная поговорка о всемогуществѣ пера никогда не заключала въ себѣ столько истины, какъ въ настоящее время. Въ средніе вѣка люди проявляли себя физическимъ дѣйствіемъ, при помощи копья и меча. Азбука считалась орудіемъ чернокнижниковъ. Потомъ усилилось вліяніе ораторовъ. Было время, когда пренія въ парламентахъ имѣли больше вліянія, чѣмъ писатели. Теперь миновала эпоха воина и оратора. Въ XIX столѣтіи обращаютъ

вниманіе только на того, чьи читаютъ книжки. Кто принимаетъ участіе въ еженедѣльныхъ упражненіяхъ университетскаго движенія, тотъ пріобрѣтаетъ искусство обнаруживать свою индивидуальность и вліяніе на другихъ».

Кончилъ—и смотритъ, какое впечатлѣніе произвелъ на меня апоѳеозъ популяризаторской дѣятельности. Видно, что эта фразеологія ему очень нравится. Я научился американской вѣжливости, а потому вставляю *all right*! словно ставлю точку въ концѣ предложенія. Дѣло такимъ образомъ улажено. Мы переходимъ къ другимъ деталямъ. Я узнаю, что въ прошломъ учебномъ году, подъ руководствомъ учрежденія имени Ньюберри, состоялось двѣнадцать курсовъ, въ шесть лекцій каждый, и что для посѣщенія ихъ выдано 13.000 билетовъ. Въ концѣ курса всякій желающій могъ сдавать письменный экзаменъ. Хозяинъ мой вынимаетъ изъ ящика гектографированный листъ, это—экзаменаціонные вопросы, касающіеся англійской литературы за послѣднее время или, вѣрнѣе, беллетристовъ — Диккенса, Теккерея и Элліота. Приведу нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ:

... 3. Указать особенности юмора.

5. Отличительныя особенности каждаго изъ этихъ писателей въ изображеніи сценъ деревенской жизни.

6. Какъ надлежитъ понимать цинизмъ Теккерея?

9. Какъ надлежитъ объяснять себѣ кажущееся преувеличеніе характеровъ и описаній у Диккенса?

12. Особенности этихъ беллетристовъ, выражающіяся въ выборѣ героевъ? Какіе общественные слои каждый изъ нихъ задается цѣлью изобразить...

Слушатель имѣетъ у себя отпечатанный силлабусъ, въ которомъ находитъ указанія. Разъ въ недѣлю онъ выслушиваетъ лекцію, въ сжатомъ видѣ излагающую то, о чемъ онъ читалъ. На этой лекціи онъ имѣетъ право представить свою работу на одну изъ темъ, касающихся предыдущей лекціи и перечисленныхъ въ указателѣ.

По окончаніи курса онъ пишетъ у себя дома сочиненія на четыре изъ вышеупомянутыхъ вопросовъ, и все это обходится ему только полтора доллара! Мой энтузіастъ показываетъ мнѣ даже билеты и посвящаетъ меня въ тайны того, какія формы доказательствъ считаются наилучшими. Сумерки уже заглядываютъ въ комнату, а онъ все еще вытаскиваетъ одинъ за другимъ свертки и силлабусы и громко читаетъ.

24 сентября, Чикаго, City.

Когда я захожу въ зданіе, гдѣ совѣщаются послѣдователи самыхъ разнообразныхъ религій, я всегда вижу одно и то же зрѣ-

лище. Въ корридорахъ трудно протолкаться. У дверей, ведущихъ въ залъ, гдѣ происходятъ чтенія, страшная давка. Сотни лицъ ждутъ момента, когда кончится чтеніе и когда двери откроются, чтобы впустить стоящихъ. На стѣнахъ—объявленія о религіозныхъ изданіяхъ, у столиковъ разныя секты суютъ въ руки проходящимъ свои догматы. Въ залѣ такая же тѣснота. Иногда тамъ находитъ себѣ убѣжище истинный энтузіазмъ. Изъ многихъ подобныхъ моментовъ особенно живо помню одинъ. На трибунѣ появился верховный жрецъ японской секты, въ яркихъ и широкихъ одеждахъ, съ митрой на головѣ и съ шинтойской монстранціей въ рукахъ. Онъ началъ доказывать, что человѣчество подобно обществу путешественниковъ, поднимающихся на вершину горы разными дорогами. Каждый взбирается по своей тропинкѣ и видитъ не тѣ виды, какъ другіе, но всѣ, достигнувъ вершины горы, увидятъ то же самое. Точно такъ же въ области религіи различные народы стремятся къ одной и той же истинѣ. Едва успѣлъ онъ кончить, какъ американки ужъ полѣзли на эстраду, чтобы публично принять благословеніе отъ язычника. Японскій верховный жрецъ перецѣловалъ ихъ, и героини отвѣчали на это слезами умиленія, а публика—дружными рукоплесканіями.

25 сентября, Чикаго, City.

Американка заслуживаетъ глубокаго изученія, такъ какъ сильно отличается отъ женщины нашей части свѣта. Въ общественной жизни она играетъ важную роль. Кто-то сдѣлалъ остроумное, но только остроумное замѣчаніе, что американка потому лишь принимаетъ такъ близко къ сердцу общественныя дѣла, что дома она—несносная вѣдьма. Бѣдный мужъ, не зная, что дѣлать съ этимъ ходячимъ воплощеніемъ непокорности, охотно выталкиваетъ жену на общественный форумъ, радуясь, что такою цѣною купилъ себѣ домашнее спокойствіе. Въ данномъ случаѣ не различается причина отъ слѣдствія. Женщина только тогда бываетъ несносна дома, когда утратила добродѣтели своей прабабушки и не хочетъ удовольствоваться тѣмъ узкимъ кругомъ впечатлѣній, какія доставляетъ домашній очагъ. Мужъ, встревоженный проявленіями мятежнаго духа, старается какъ можно меньше сталкиваться съ ними. Впрочемъ, въ данномъ случаѣ не важно, каковы были побудительныя причины, благодаря которымъ американка обладаетъ иными запросами и играетъ иную роль въ общественной жизни. Размѣры добытыхъ ею правъ, занимаемыя ею положенія, исполняемыя ею обязанности—все это ни на іоту не измѣнится отъ отвѣта на вопросъ, кто правъ—острякъ ли, или тѣ, кто держится другого мнѣнія о заморской женщинѣ.

А надо сознаться, что американская женщина далеко ушла отъ нашихъ образцовъ. На скамьяхъ высшихъ учебныхъ заведеній она составляетъ очень значительный процентъ, чуть ли не большій, нежели мужчина. Она преобладаетъ среди педагоговъ, даже на самыхъ высокихъ ступеняхъ мы встрѣчаемъ профессоровъ математики въ юбкѣ. Женщина положительно захватываетъ въ свои руки скипетръ науки и искусства, между тѣмъ какъ мужчина тупѣетъ чувствами, а пожалуй, и умомъ, въ погонѣ за всемогущимъ долларомъ. Рутинерамъ изъ старой части свѣта, которые никоимъ образомъ не могутъ примириться съ мыслью, чтобы женщина вообще была способна къ чему-нибудь такому, что выходитъ изъ сферы кухни и траты денегъ на тряпки, я посовѣтовалъ бы переплыть черезъ Атлантическій Океанъ и присмотрѣться къ тѣмъ общественнымъ отношеніямъ, какія господствуютъ здѣсь. На далекомъ западѣ Америки женщина оказывается еще болѣе дѣльной. Тамъ она уже отвоевала себѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ избирательное право, изъ-за котораго продолжаетъ еще энергично бороться въ другихъ уголкахъ своего отечества. У нея въ распоряженіи имѣются неотразимые аргументы. «Вы даете, — говоритъ она,—право голоса темнымъ и неразвитымъ пришельцамъ, которые часто не умѣютъ пробормотать какъ слѣдуетъ по англійски нѣсколько словъ, не испытываютъ біеній сердца при воспоминаніи о нашемъ прошломъ и не понимаютъ нашихъ культурныхъ потребностей. Тѣмъ не менѣе, эти пришельцы, не имѣющіе ни малѣйшаго понятія о нашей конституціи, судятъ и рядятъ о нашихъ судьбахъ, рѣшаютъ о торжествѣ той или другой партіи, продаваемые своими вожаками, словно стадо барановъ. Между тѣмъ мы вскормлены молокомъ нашего прошлаго, наше сердце бьется сильнѣе, когда мы слышимъ мелодію національнаго гимна. Почему же мы, дочери нашей родины, унижены, а пришельцы возвышены?»

Кто можетъ отвѣтить что-нибудь на это,—пусть выступитъ.

12 октября, въ вагонѣ.

Рѣдко приходилось мнѣ видѣть такую очаровательную мѣстность. Передъ огромнымъ окномъ вагона мелькаютъ домики земледѣльцевъ. Хатки, большею частью, сѣроватаго цвѣта. Надъ ними высятся разныхъ величинъ колодезныя колеса съ крыльями. Нѣсколько дальше, грязно-красноватыя гумна купаются въ полумглѣ, пронизанной лучами утренняго солнца. Каждая мелочь свидѣтельствуетъ о зажиточности. То здѣсь, то тамъ поселеніе утопаетъ въ рощѣ фруктовыхъ деревьевъ, которыя тянутся рядами и окру-

жаютъ постройки, только крыша выглядываетъ изъ зеленой оправы. Еще чаще попадаются поля овощей: на полѣ, гдѣ срѣзана кукуруза, за высохшіе стебли цѣпляется какая-то овощь вродѣ нашей дыни, только ярко-краснаго цвѣта. Можетъ быть, потому-то она и бросается такъ въ глаза, и кажется, будто ее воздѣлываютъ чаще, чѣмъ на самомъ дѣлѣ, что глазъ мой постоянно встрѣчаетъ этихъ уродовъ. Мѣстами сложены на землѣ довольно большія кучи этой красной овощи, повидимому, для продажи. Домики, фруктовыя рощи, поля съ красными и пузатыми дынями усѣхаются намъ и быстро скрываютсн, окутанные чѣмъ дальше, тѣмъ гуще, легкой дымкой утренней мглы. А глазъ ясно видитъ, что то, что остается позади насъ, словно валится внизъ. Это не ошибка, такъ какъ мы поднимаемся на высокую возвышенность, отдѣляющую озеро Чотокуа отъ великой матери водъ—озера Эри. Между озерами распростерся валъ, лишь въ десять англійскихъ миль шириною, хотя разница въ высотѣ озеръ очень значительна: поверхность чотокуанскихъ водъ возвышается на 800 футовъ надъ эрійской пучиной.

Поверхность становится все болѣе волнистой, и недавняя идиллія смѣняется болѣе дикими видами. Овраговъ и холмовъ все больше и больше, все чаще являются они одѣтыми въ естественный и густой лѣсной покровъ. Красоты природы соединились съ усиліями человѣческихъ рукъ и создали изъ этого уголка настоящій садъ, полудикій, полуцивилизованный. И хотя осень наложила уже свою печать на эту мѣстность, хотя сквозь зелень пробивается желтоватый пурпуръ, и мурава устлана листьями, хотя природа, словно сонная, молитъ о покоѣ, но, тѣмъ не менѣе, какая-то особенная прелесть проникаетъ этотъ кроткій, нѣсколько поблеклый пейзажъ. Онъ тѣмъ сильнѣе очаровываетъ туриста, чѣмъ больше солнце разсѣеваетъ саванъ мглы. Вотъ что-то блеснуло передъ нами. Это серебрится вдали Чотокуа, еще окутанное пеленами тумана.

12 октября, Чотокуа.

Мы оставили за собой Мэйвилль, и теперь мы на мѣстѣ, въ той самой Чотокуа, имя которой на крыльяхъ молвы облетѣло весь міръ. Но миновали праздничные дни. Это мы чувствуемъ на каждомъ шагу, ступая по землѣ новыхъ взглядовъ и новыхъ обычаевъ. Съ наступленіемъ сентября водворяется тишина въ этихъ рощахъ и на этихъ берегахъ, гдѣ кипитъ такая оригинальная и шумная жизнь въ іюлѣ и въ августѣ. Мытарь не взялъ съ насъ дани за входъ на землю философско-атлетической ярмарки; намъ

приходится обратиться къ олимпійскимъ играмъ древней Эллады, чтобы найти учрежденія, родственныя ей по духу. Въ самомъ дѣлѣ, нѣсколько недѣль тому назадъ мы увидѣли бы у воротъ цербера. Онъ выдалъ бы намъ карточку на право пребыванія здѣсь, взявъ съ насъ меньшую или большую дань, смотря по тому, сколько времени мы желали бы погостить здѣсь. Но этотъ взносъ обладаетъ многими преимуществами, такъ какъ прежде всего не отличается слишкомъ большими размѣрами: онъ составляетъ лишь два рубля въ мѣсяцъ—сущіе пустяки при дешевизнѣ денегъ въ заморской республикѣ. Это единственная въ своемъ родѣ дань на земномъ шарѣ. Чотокуа придерживается великолѣпныхъ принциповъ: каждый грошъ, нами уплаченный, доставляетъ намъ безчисленное множество выгодъ. Сдѣлавъ этотъ взносъ, мы тѣмъ самымъ пріобрѣтаемъ право на безплатный входъ на ежедневныя публичныя лекціи и концерты, получаемъ возможность принимать участіе въ общественныхъ торжествахъ и въ диспутахъ на собраніяхъ, дѣлаемся гражданами этого своеобразнаго лагеря-университета, расположившагося на террасахъ, которыя покрыты зеленью и освѣжаются дуновеніемъ вѣтерка съ озера и такъ очаровательно глядятся въ воды, словно онѣ влюблены въ собственную красоту.

Къ несчастью, мы пріѣхали сюда не во-время. Шумъ, который царилъ на холмахъ и раздавался въ рощахъ, замеръ; многотысячная толпа, которая на лонѣ природы такъ своеобразно соединила отдыхъ съ обученіемъ, гимнастику ума съ упражненіями мышцъ, жизнь, подчасъ полу-лагерную, съ пріобрѣтеніями цивилизаціи, вернулась опять къ тяжелому будничному тяглу. Въ Чотокуа остались только тѣ, кого приковали къ этому очаровательному уголку условія существованія. Постоянные его обитатели глядятъ на меня съ удивленіемъ, недоумѣвая, чего ради я прикочевалъ въ эти мѣста въ такое время, когда всѣ давно уже улетѣли, и блуждаю, какъ Марекъ *) по аду, по безлюднымъ мѣстамъ и осматриваю пустые залы. Но и эти опустѣвшія мѣста притягиваютъ меня къ себѣ! Они безмолвны, но и въ молчаніи своемъ такъ краснорѣчивы... Я только-что прошелъ мимо изящнаго зданія, служащаго музыкальнымъ заломъ. Оно по своему стилю напоминаетъ мнѣ швейцарскіе домики. Вокругъ него—галлерея, надъ

*) Марекъ—герой легенды, блуждающій по аду и не находящій себѣ товарищей, такъ какъ при жизни, будучи мелкимъ шляхтичемъ, не хотѣлъ знаться съ мужиками и заискивалъ у крупной шляхты, которая его знать не хотѣла. И мужики, и паны не хотятъ говорить съ Марекомъ и въ аду, гдѣ онъ и обреченъ скитаться въ одиночествѣ.

ней мѣстами другая. Это лѣтняя консерваторія, гдѣ занятія ведутся на американскій ладъ, т.-е. такимъ способомъ, который сильно отличается отъ преподавательской рутины въ Европѣ: кромѣ происходящихъ въ залѣ уроковъ музыки и лекцій по ея исторіи, теоріи и о ея вліяніяхъ, залъ беретъ на себя устройство публичныхъ концертовъ и музыкальныхъ процессій во время лагернаго сезона. Прохожу еще мимо другого и третьяго зданія, изъ которыхъ каждое отличается особой архитектурой: одно облеклось въ дорійскія формы, другое напоминаетъ мнѣ костелы въ нашихъ мѣстечкахъ, представляя нѣчто въ родѣ двухъ башенъ, соединенныхъ туловищемъ. И все это купается, т.-е. должно было купаться въ зелени. Еще и теперь трава содержится словно салонный коверъ, деревьямъ нѣтъ числа, и кажется, что поселеніе выстроено въ лѣсномъ паркѣ. Это нѣчто въ родѣ Отвока—множество болѣе или менѣе красивыхъ домиковъ, разбросанныхъ въ лѣсной чащѣ и на берегу озера. Если, давъ волю фантазіи, я мысленно сталъ бы представлять себѣ города далекаго и болѣе счастливаго будущаго, то навѣрно не могъ бы вообразить ихъ въ иномъ видѣ. Здѣсь плодъ разыгравшейся фантазіи становится живою, трепещущею дѣйствительностью. А паркъ не стыдится своего происхожденія. На каждомъ шагу онъ откровенно признается, что былъ когда-то боромъ, по которому проведены улицы и переулки, въ которомъ построены домики и виллы, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ расчищены поляны, и повсюду заведенъ образцовый порядокъ, но безъ насилія надъ проявленіями прежней свободной природы.

Повидимому, безцѣльно брожу я по этому разбросанному и безлюдному городку. Глазъ съ удовольствіемъ погружается въ безпорядокъ, въ которомъ, повидимому, разставлены домики, большею частью деревянные и очень скромные, хотя тамъ и сямъ нѣтъ недостатка въ болѣе роскошныхъ виллахъ. Улицы даже слишкомъ сильно отступаютъ отъ приличной правильности. Зданія расположились на различныхъ разстояніяхъ другъ отъ друга, одни вытянулись въ рядъ на берегу озера, другіе стыдливо скрываются въ лѣсной чащѣ, и каждое соперничаетъ съ другими своею уединенностью и красотою зелени. Улица, пожалуй, слѣдовало бы сказать тропинка, выложенная деревянными мостками, бѣжитъ между деревьями и скрывается въ лѣсу и тамъ змѣеобразно извивается и изворачивается, переходя отъ домика къ домику. Иду по ней. Въ чащѣ, нѣсколько тронутой цивилизаціей, журчитъ ручеекъ, изящный мостикъ изъ древесныхъ стволовъ кокетливо подражаетъ неуклюжимъ формамъ деревенской кладки съ перилами, лѣсная

тишина, здоровый свѣжій воздухъ... Вода тихо плещется внизу, и въ ея журчаніи воображеніе ловитъ отголоски шумныхъ сборищъ, декламацій, переплетающихся съ философскими диспутами и шопотомъ любви. У природы не отняли ея естественныхъ прелестей, не рѣшились оскорбить ее казарменной дрессировкой. Она шалитъ, какъ американскій мальчишка, который можетъ посадить себѣ на лбу безчисленное множество шишекъ, лишь бы только не прошибъ головы. Опершись о перила мостика, я внимательно гляжу, не бѣлѣютъ ли гдѣ-нибудь за деревьями полотняные шатры. Я знаю, что ихъ нѣтъ, но обманываю себя надеждой, что, можетъ быть, увижу какой-нибудь шатеръ, случайно уцѣлѣвшій. Дѣло въ томъ, что этихъ двухсотъ домиковъ, изъ которыхъ состоитъ Чотокуа, оказывается недостаточно для потребностей толпы, наплывающей сюда лѣтомъ изъ отдаленныхъ мѣстностей, да и не всегда они приходятся по вкусу дачникамъ, которые, очутившись здѣсь, желаютъ вволю насладиться природой. Предприниматели сооружаютъ лагери, состоящіе порой изъ цѣлыхъ сотенъ и болѣе шатровъ. На землѣ раскладывается досчатый полъ, надъ нимъ раскидывается непромокаемое полотно, а простой столикъ, желѣзная кровать и кресло-качалка составляютъ всю меблировку. Посреди лагеря стоитъ деревянный баракъ съ верандой: это ресторанъ. Можетъ быть, человѣкъ, привыкшій къ комфорту, былъ бы недоволенъ такимъ лагеремъ, не одинъ изъ нашихъ дачниковъ презрительно и криво улыбнется такому низкому уровню вкусовъ, но американецъ не обращаетъ вниманія на предразсудки, да и не боится простоты. Мѣстная газета даетъ превосходные совѣты: «кто боится маленькихъ неудобствъ, тотъ пусть сидитъ дома!» «Забирайте съ собою самые теплые плэды, такъ какъ озеро расположено на высотѣ 1.200 футовъ надъ уровнемъ моря и тамъ подчасъ бываетъ холодно даже въ августѣ!» Лагерный образъ жизни создаетъ дешевизну, содержаніе обходится лишь въ пять долларовъ въ недѣлю, что соотвѣтствуетъ столькимъ же нашимъ бумажкамъ, принимая во вниманіе степень заработка за моремъ. А тотъ, у кого есть деньги, можетъ найти всевозможныя удобства въ огромномъ отелѣ *Athenaeum*. Люди всякаго званія и положенія, *all sorts and conditions of men*, находятъ въ Чотокуа соотвѣтствующій ихъ зажиточности и ихъ привычкамъ кровъ надъ головой.

Въ заморской культурѣ есть много такого, что изнѣженный дохлякъ назвалъ бы простоватостью. Глазъ часто видитъ шатры въ очаровательныхъ уголкахъ: на берегу озера, въ лѣсной чащѣ, на островкахъ. Если ужъ на то пошло, то не въ одномъ изъ та-

кихъ лагерей, на самой серединѣ, глазамъ можетъ представиться простой костеръ. Это янки проводитъ время на лонѣ природы. Нерѣдко школа располагается недѣли на двѣ, на три подъ открытымъ небомъ, чтобы изучать природу. Рочестерская академія, напримѣръ, переселяется въ лѣсныя дебри на восемь недѣль: одну половину этого времени проводятъ въ лагерѣ мальчики, другую— дѣвушки. Молодежи предписывается проводить все время на свѣжемъ воздухѣ и упражнять свои мускулы. Нѣсколько учителей руководятъ военными упражненіями, гимнастикой, боксированіемъ и обучаютъ плаванію. Здѣсь читаются также систематическія лекціи по геологіи и біологіи, и желающіе могутъ обучаться геодезіи и фотографіи. А иногда тысяча людей и болѣе переселяется въ рощи съ тѣмъ, чтобы погрузиться въ восторженное мистически-религіозное настроеніе: они слушаютъ тамъ проповѣди, поютъ покаянные гимны и вызываютъ въ себѣ трепетъ раскаянія. Иногда въ такомъ *revival* (возрожденіе) принимаетъ участіе до десяти тысячъ человѣкъ.

Вотъ изъ такихъ-то шатровъ и возникла Чотокуа. Еще тридцать лѣтъ тому назадъ эти возвышенности, по которымъ я теперь брожу, были покрыты лѣсами. Кому-то изъ методистовъ эта мѣстность пришлась по вкусу. Онъ пригласилъ сюда своихъ единовѣрцевъ для религіозныхъ размышленій. Рядомъ съ размышленіями происходило здѣсь изложеніе библіи для учителей, занятыхъ въ воскресныхъ школахъ. Собранія подъ открытымъ небомъ повторились на другой и третій годъ, принимая все большіе размѣры, къ изложенію священной исторіи былъ присоединенъ курсъ педагогики. И вотъ, наконецъ, кто-то напалъ на мысль—организовать постоянный союзъ, который подъ названіемъ *Chautauqua Assembly* и былъ внесенъ въ 1873 году въ число актовъ нью-іоркскаго штата. Организація союза довольно проста. Во главѣ его стоитъ управленіе, избираемое владѣльцами чотокуанскихъ земель; президентъ и канцлеръ исполняютъ свои обязанности безвозмездно, а всѣ прочіе члены получаютъ такую плату, какая полагается служащимъ въ родственныхъ учрежденіяхъ; барыши идутъ на поддержаніе, а отчасти и на расширеніе основного капитала. А доходы вовсе не шуточные, такъ какъ въ прошломъ году они составляли около 300.000 рублей на наши деньги! Изъ этихъ суммъ оплачиваются профессора, издается постоянный ежемѣсячный журналъ, а также временный ежедневный органъ лѣтомъ, устраиваются водопроводы, строятся новыя зданія и содержатся въ порядкѣ старыя. Начало было очень скромное. Вмѣсто очаровательнаго городка съ школьными залами бѣлѣли только шатры. Цѣли же

были гораздо уже. Основателямъ этого союза сначала важно было лишь поднять образовательный уровень среди учителей, которые преподаютъ въ воскресныхъ школахъ. Они желали сдѣлать изъ нихъ способныхъ педагоговъ, но главнымъ образомъ—познакомить ихъ съ священной исторіей, Но это учрежденіе скоро приняло болѣе широкіе размѣры. Курсъ, разсчитанный на двѣ недѣли, превратился въ университетъ, дѣйствующій въ теченіе столькихъ же мѣсяцевъ, наука о религіи—въ лекціи по свѣтской наукѣ, шатры—въ залы и лабораторіи. И что еще болѣе замѣчательно, творцы этого дѣла съумѣли поспѣвать за его ростомъ. Возрастъ, который инеемъ осыпалъ ихъ волосы и, быть можетъ, сгорбилъ ихъ фигуру, нисколько не охладилъ ихъ увлеченія, да и не умѣрилъ ихъ полета. Мы уже привыкли къ тому, что тѣ, которые сдѣлали на извѣстномъ пути шагъ впередъ и призвали гдѣ-нибудь что-нибудь къ жизни, этимъ самымъ отказывались отъ дальнѣйшаго прогресса и своимъ упорствомъ вредили торжеству своей собственной мысли. Чотокуанскій союзъ не вѣдаетъ такой окоченѣлости. Его создалъ священникъ-методистъ. Но онъ не испугался ни свѣтской науки, ни позитивизмовъ, ни матерьялизмовъ. Находясь у кормила правленія, онъ постоянно расширялъ область курсовъ и не боялся помощи еретиковъ. Такимъ образомъ современная наука со своими обобщеніями и выводами прорыла себѣ въ Чотокуа широкое русло и проникаетъ въ умы многочисленной толпы дачниковъ. А среди всѣхъ этихъ чудесъ поразительнѣе всего то, что возрастающій съ каждымъ годомъ лагерь, несмотря на то, что его создали сектанты, не только не выкликалъ свѣтской науки, но также не металъ и не мечетъ громовъ по адресу другихъ сектъ. Каждое вѣроисповѣданіе пользуется полной равноправностью въ предѣлахъ чотокуанскихъ земель. Изъ году въ годъ Чотокуа видитъ на своей территоріи религіозные парламенты въ мелкомъ масштабѣ: представители разныхъ сектъ, одинъ за другимъ, всходятъ на одну и ту же трибуну и излагаютъ главные принципы своего исповѣданія передъ слушателями, передъ которыми только-что говорилъ предшественникъ; иногда возникаютъ диспуты, но никогда никто никому не выцарапаетъ глазъ, такъ какъ даже младшіе возрастомъ предлагаютъ свою руку для опоры старцамъ изъ враждебнаго лагеря и вводятъ ихъ на трибуну. Въ Америкѣ распространяется чистый деизмъ, утверждающій, что всѣ ученія представляютъ пути, ведущіе къ одной и той же истинѣ, единой и всеобщей. Эти разные проповѣдники излагаютъ ее съ своей точки зрѣнія, а ужъ дѣло собравшихся оцѣнить, кто изъ нихъ стоитъ ближе всего къ скрытому источнику этой истины.

Чотокуа до сегодняшняго дня не сбросила своей первоначальрой оболочки. Она стряхнула съ себя слѣпой догматизмъ и порвала съ нетерпимостью, но неизмѣнно остается вѣрна религіозному духу. Именно въ эту минуту нахожусь среди самаго яснаго свидѣтельства того, что она началась въ такомъ духѣ. Я въ палестинскомъ паркѣ, расположенномъ параллельно озеру. Американецъ признаетъ наглядность даже при обученіи священной исторіи! Для нагляднаго изображенія библейскихъ событій онъ создалъ огромную модель палестинской земли. Воды озера являются Средиземнымъ моремъ, природному ручью придали направленіе Іордана и заставили его вливаться въ прудъ, представляющій собою Мертвое море. Отъ этой котловины я поднимаюсь вверхъ по мнимому Іордану и, пройдя нѣсколько сотъ шаговъ, оказываюсь передъ возвышенностью. Это гора Гермонъ, съ которой можно обозрѣвать горные хребты и долины Святой Земли, ея города и воды. Скалы, возвышающіяся въ паркѣ, даже происходятъ изъ Ханаана, такъ какъ граниты привезены оттуда. Лѣтомъ бываетъ здѣсь иногда очень шумно, отъ поры до времени сюда приглашаютъ кого-нибудь изъ туристовъ, побывавшихъ въ Палестинѣ. Время его пребыванія здѣсь—праздникъ для дѣтей: онъ водитъ молодое поколѣніе по миніатюрной Святой Землѣ и разсказываетъ о томъ, что видѣлъ собственными глазами. Чаще же дѣлаетъ это учитель. По сосѣдству возвышается музей библейскихъ памятниковъ, а также панорама Іерусалима. Все это вспомогательныя средства для лекцій, читаемыхъ дѣтямъ ежедневно въ *Childrens Temple.* Прибавимъ къ этому стереотипическіе виды, раздачи гравюръ съ описаніями Палестины, ея населенія и обычаевъ, чтеніе вслухъ путешествій по ея территоріи—и тогда будемъ имѣть нѣкоторое понятіе о о чотокуанскомъ методѣ преподаванія священной исторіи.

Чотокуанское святилище. Среди деревьевъ бѣлѣетъ *Hall of Philosophy* (залъ философіи)—легкое, сквозное зданіе на дорійской колоннадѣ. Это мѣсто собраній научно-литературнаго кружка, извѣстнаго подъ сокращеннымъ названіемъ C. L. S. C. (*Chautauqua Literary and Scientific Circle*). Такъ называется организація самообразованія, разбросанная въ видѣ кружковъ по всему Союзу и руководимая центральнымъ управленіемъ. «Домашнія школы»,—гдѣ учатся подростки и 60-ти-лѣтніе старцы, спеціалисты какой нибудь отрасли знанія, желающіе однако познакомиться съ другими областями науки, и простые рабочіе, сидящіе надъ азбукой знанія,—зимою работаютъ въ мѣстахъ своего пребыванія. Лѣтомъ члены «школъ» отправляются на берега озера, въ Alma Mater.

Разумѣется, ѣдутъ лишь немногіе, хотя всѣ мечтаютъ провести недѣли двѣ на берегу озера, окунуться въ господствующую тамъ атмосферу товарищества и заявить о своемъ присутствіи, принявъ участіе въ чотокуанскихъ процессіяхъ. Каждый твердо разсчитываетъ на то, что когда-нибудь совершитъ эту святую поѣздку, какъ только одолѣетъ весь курсъ, и что будетъ выступать въ торжественномъ шествіи вмѣстѣ съ тѣми, которые только-что получили почетные дипломы и въ первый разъ переступаютъ порогъ философскаго святилища. Этотъ день, справляющійся въ августѣ,—самое большое торжество въ лагерѣ. Виллы и шатры украшаются по праздничному, въ рощахъ развѣваются національные флаги со звѣздами, воздухъ гудитъ человѣческими голосами, на пути въ святилище возвышаются тріумфальныя арки, подпорою которымъ служатъ бюсты Платоновъ и Сократовъ, соединенные цѣпями изъ цвѣтовъ. Всѣмъ, что только изобрѣла Европа въ теченіе вѣковъ для приданія блеска шествіямъ, воспользовалась ея дщерь, чтобы увеличить великолѣпіе процессіи. Во главѣ выступаютъ власти чотокуанской республики, за ними въ разноцвѣтныхъ кокардахъ идутъ питомцы прошлыхъ лѣтъ и среди звуковъ лагернаго гимна:

...O happy circle, ever wider
And wider be thy sweep,
Till peace and knowledge fill the heart
As waters fill the deep... *)

—вводятъ новыя толпы товарищей въ святилище, передъ которымъ происходитъ раздача дипломовъ. Иногда отецъ, мать и дѣти одновременно получаютъ такія бумаги съ печатями разныхъ цвѣтовъ, а подчасъ протягиваетъ руку за дипломомъ старикъ, убѣленный сѣдинами. Каждое такое необычное явленіе привѣтствуется громомъ рукоплесканій и громкимъ hear! hear! (слушайте!)

Наконецъ, новые члены посвящены въ философскія мистеріи и получаютъ право участвовать въ собраніяхъ, происходящихъ въ залѣ. Ежедневно, въ восемь часовъ утра, и въ вёдро, и въ ненастье, философы обоихъ половъ стекаются подъ бѣлую колоннаду на ученые диспуты, воскрешающіе традиціи классическихъ Аѳинъ точно такъ же, какъ воскрешаетъ ихъ архитектура зданія, построеннаго по образцу Парѳенона. Многіе лѣнятся вставать къ такому раннему часу, но за то вечеромъ собираются вокругъ «круглаго стола». На призывъ колокола, раздающагося въ рощѣ,

*) ...О счастливоо общество, пусть все обширнѣе и обширнѣе становятся твои размѣры, пока миръ и знаніе не наполнятъ земли, какъ воды наполняютъ океанъ»...

челны пустѣютъ, ряды атлетовъ рѣдѣютъ. Всѣ торопятся на собраніе, открывающееся въ пять часовъ. Скамьи мгновенно занимаются, участники собранія усаживаются на землѣ. Правила скучнаго *savoir vivre'a* забыты, воцарилась товарищеская свобода. Торжество начинается съ пѣнія, потомъ, по вызову предсѣдателя, встаютъ съ мѣстъ тѣ, кто находится въ первый разъ въ святилищѣ, и товарищи привѣтствуютъ ихъ рукоплесканіями, наконецъ, кто-нибудь читаетъ докладъ, за которымъ слѣдуютъ диспуты. Если есть охота, то открывается «пушка вопросовъ». Со всѣхъ сторонъ по направленію къ столу летятъ листки съ вопросами: почему тотъ или другой курсъ излагается въ такомъ, а не въ иномъ порядкѣ? почему въ спискѣ рекомендуемыхъ книгъ помѣщено такое-то и такое-то сочиненіе? Серьезные вопросы переплетаются съ болѣе легкомысленными: спрашиваютъ о цвѣтѣ ленты общества въ такомъ-то году, о цвѣтѣ глазъ или о формѣ носа той или другой знаменитости... Дѣтская шаловливость идетъ рука объ руку съ пользою, почтенное собраніе философовъ не разъ трясется отъ смѣху и награждаетъ невольныхъ остряковъ частыми «hop! hop!» Празднество продолжается до тѣхъ поръ, пока организмъ не заявитъ протеста. Толпа расходится изъ залы, въ которой остаются отголоски прощальнаго пѣнія. Вокругъ святилища на греческихъ треножникахъ пылаетъ огонь, разсѣевая мракъ, кучки горячекъ спорятъ при дрожащемъ свѣтѣ классическаго свѣтильника.

Индѣйцы исчезли изъ этой мѣстности, оставивъ по себѣ воспоминаніе только въ названіи озера. Но обычаи ихъ уцѣлѣли, такъ какъ чотокуанскій лагерь по своему характеру ближе къ жизни краснокожихъ, чѣмъ къ нашей цивилизованной атмосферѣ. Морганъ, говоря объ ирокезахъ, дѣлаетъ замѣчаніе, что «у нихъ мы видимъ то своеобразное явленіе, что каждое дѣйствіе, какъ общественное, такъ и политическое, беретъ свое начало или кончается въ народномъ собраніи». То же самое происходитъ и на берегу озера. Развлеченіе и наука, физическія упражненія и прогулки начинаются и кончаются общимъ собраніемъ. Всѣ, кто преслѣдуютъ общую цѣль или имѣютъ одинакіе вкусы, совѣщаются сообща, образуютъ клубы и создаютъ свою организацію. Тѣ, положимъ, кто хочетъ научиться французскому языку, составляютъ отдѣльный союзъ, который, помимо лекцій, собирается раза два въ недѣлю на французскія собранія. Гдѣ-нибудь на лугу раскладываютъ костеръ, молодежь сидитъ на пняхъ или лежитъ на пледахъ и горячится до поздней ночи, споря о какомъ нибудь грамматическомъ вопросѣ того языка, который начала

усваивать. Порой изучающіе французскій языкъ сходятся въ какомъ-нибудь залѣ, декламируютъ произведенія знаменитыхъ писателей, устраиваютъ любительскіе спектакли, слушаютъ чтенія о литературѣ или о жизни Франціи.

А если ужъ языки, напр., французскій, нѣмецкій, или предметы, какъ политическая экономія, эстетика, имѣютъ свои клубы, то тѣмъ болѣе тѣсная связь возникаетъ между представителями одинаковыхъ интересовъ, желаній и стремленій. Подростки, напр., устраиваютъ собранія раза по два въ недѣлю. Организуясь по образцу законодательнаго корпуса Соединенныхъ Штатовъ, они, согласно съ его уставами, засѣдаютъ, вносятъ билли—это не важно, что билли касаются какой-нибудь мелочи при игрѣ въ мячъ,—и устраиваютъ коммиссіи съ цѣлью выясненія условій общей прогулки. Дѣвочки старшаго возраста дѣлаютъ то же самое. Разсужденія ихъ вращаются вокругъ интересовъ чисто дѣвичьихъ, такъ какъ тамъ, гдѣ выступаютъ на сцену дѣла общечеловѣческія, американка не станетъ избѣгать мужчины, а совѣщается вмѣстѣ съ нимъ. Дѣвичьи собранія представляютъ товарищескіе пріемы или рауты, предназначенные для женскаго пола и носящіе самыя разнообразныя названія. Такимъ образомъ имѣется *a library tea* (библіотечный чай), во время котораго, вѣроятно обсуждается вопросъ о домашнихъ библіотекахъ; *a school girls'-breakfast* (завтракъ учащихся дѣвушекъ)—раутъ, устраиваемый старшимъ поколѣніемъ для подростковъ младшаго возраста; *dulcedomum tea*—прощальное чаепитіе передъ разъѣздомъ изъ Чотокуа. На своихъ собраніяхъ дѣвушки разсуждаютъ о «привиллегіяхъ», подобающихъ сестрамъ и дочерямъ, толкуютъ объ обязанностяхъ хозяйки дома, касаются этики школьной скамьи, разбираютъ даже шансы на успѣхъ общества, ведущаго борьбу съ мигренью. Тамъ нѣтъ того феминизма, который стыдится своей женской природы и желалъ бы не только усвоить себѣ мужское платье, но и обладать инстинктами мужчины. Еще выше въ іерархіи клубовъ стоитъ собраніе женщинъ-матерей, разсуждающихъ о своихъ спеціальныхъ обязанностяхъ. Всего болѣе матеріала доставляетъ воспитаніе дѣтей, затѣмъ слѣдуетъ вопросъ о воздержности и пропаганда трезвости—заговоръ противъ мужей!

Въ теченіе цѣлаго лѣта шумно бываетъ въ Чотокуа отъ большихъ и малыхъ собраній, отъ споровъ и докладовъ, отъ комитетовъ и подкомитетовъ. Совѣщанія происходятъ на языкахъ англійскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ; собранія устраиваютъ велосипедисты, гимнасты, пѣвцы—да кто сочтетъ различные виды спорта! Спорятъ и препираются подростки, дѣти, матери; эконо-

мическія собранія обсуждаютъ общественныя дѣла, философы упражняются въ діалектикѣ. Общественная жизнь бьетъ ключемъ и захватываетъ пришельца въ свой круговоротъ. Наконецъ, вечеромъ, чотокуанцевъ, утомленныхъ наукой и диспутами, ждутъ безплатныя развлеченія. Каждый участникъ лѣтней *Assembly*, уплатившій извѣстную дань при вступленіи на теорриторію этой своеобразной республики, можетъ безплатно посѣщать чтенія и концерты въ амфитеатрѣ. Изящный фасадъ его нѣсколько напоминаетъ архитектуру наиболѣе красивыхъ деревенскихъ храмовъ. Главная часть зданія помѣстилась между двумя башенками. Туловище вытянулось и влѣзло на холмъ, такъ что входъ съ передней стороны на цѣлый этажъ ниже галлереи, находящейся на склонѣ холма. Внутри зданія можетъ помѣститься нѣсколько тысячъ человѣкъ; зданіе сквозное и соединяетъ въ себѣ комфортъ съ простотой. Залъ философіи—святилище для избранныхъ, амфитеатръ же—для всѣхъ пріѣзжихъ. Въ это зданіе стекаются цѣлыя толпы въ разное время дня, утромъ—на религіозные гимны, послѣ полудня—на чтенія. Но всего болѣе людно бываетъ тамъ около времени заката солнца. Тогда въ залѣ происходятъ богословскіе диспуты между приверженцами разныхъ сектъ, устраиваются турниры «силлабированія» *), правильнаго произношенія, стихотворства, или же кто-нибудь даетъ концертъ или читаетъ классическія произведенія англійской литературы, какая-нибудь знаменитость дѣлаетъ докладъ. Не малымъ успѣхомъ пользуются «идеальныя путешествія». Янки любитъ переѣзжать съ мѣста на мѣсто, а когда дѣйствительность ставитъ этому преграды, то онъ желаетъ имѣть хоть иллюзію такихъ переѣздовъ. Поэтому, *ideal trip* знакомитъ его съ мѣстностями, которыхъ онъ еще не видѣлъ. Это чтенія, пользующіяся новѣйшею стереоптическою техникой. При разсказѣ слово является только добавленіемъ къ ряду картинъ, отбрасываемыхъ на полотно стереоптикомъ. Передъ публикой проходятъ одни виды за другими: природа въ своемъ разноцвѣтномъ одѣяніи, произведенія руки человѣческой, созданія искусства, словомъ, что только есть достойнаго вниманія въ описываемой мѣстности—все это по порядку изображается въ ра-

*) «Силлабированіе» играетъ важную роль въ жизни американца. Какой-то острякъ замѣтилъ, что въ англійскомъ языкѣ имя пишется «Іосифъ», а читается «Иванъ». Когда встрѣчаются два незнакомыхъ лица, то они «силлабируютъ» буква за буквой свои имена съ изумительною быстротою. *How do you spell?* т.-е. какъ пишется ваше имя?—спрашиваетъ янки у иностранца, который позабылъ отрекомендоваться такимъ способомъ.

Прим. автора.

зумной и причинной послѣдовательности. Докладчикъ въ своемъ разсказѣ связываетъ однѣ картины съ другими, вдается въ подробности, дѣлаетъ замѣчанія.

Развлеченіями въ амфитеатрѣ обыкновенно кончается день на берегу озера.

Уже больше двухъ часовъ. Утомленный осматриваніемъ пустыхъ мѣстъ, я разглядываю воды озера на солнцѣ. Въ воздухѣ замѣчается осенняя прозрачность, благодаря которой я могу различить очертанія того берега. Поверхность озера тихонько волнуется, словно нѣжась въ теплѣ угасающей осени. Я пробѣгаю записки управленія. Листки на американскій ладъ прославляютъ таборъ-университетъ. Чѣмъ больше кто-нибудь самъ себя хвалитъ, тѣмъ болѣе будутъ оцѣнены его дѣйствительныя заслуги,— это правило американской жизни ясно сквозитъ въ каждой страницѣ; согласно съ нимъ превозносится красота озера, прославляются основатели, разсказываются чудеса о цѣлебныхъ свойствахъ лагерныхъ земель. Надо однако признаться, что для отечества рекламы подобной шелухи здѣсь ужъ вовсе не такъ много,—преувеличеніе теряется во множествѣ указаній и отчетовъ существеннаго характера, которые все болѣе и болѣе яркими красками рисуютъ передо мною этотъ своеобразный плодъ американской культуры. Я поневолѣ удивляюсь неутомимой изобрѣтательности руководителей. Управленіе чотокуанской республики не только руководитъ образованіемъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ самоучекъ—оно основало еще союзы, составленные изъ маленькихъ обывателей—*Chautauqua Young Folk's Reading Union* (чотокуанскій союзъ дѣтскаго чтенія). Ежегодно издается двойная программа для дѣтей—одна для дѣтей моложе двѣнадцати лѣтъ, другая—для болѣе старшаго возраста. Каждый изъ юныхъ участниковъ обязанъ прочесть шесть книжекъ изъ указанныхъ въ программѣ. Въ знакъ своего участія въ лигѣ дѣти носятъ серебряную стрѣлку съ девизомъ *Aim High!* (цѣлься высоко), и послѣ провѣрки того, что они усвоили курсъ, они получаютъ почетный дипломъ и, присутствуя на торжествѣ на берегу озера, идутъ въ толпѣ своихъ товарищей. Комитетъ издаетъ меморандумы, облегчающіе запоминаніе прочитаннаго, а также публикуетъ оффиціальные журналы за каждую четверть, посвященные сообщеніямъ малолѣтнихъ членовъ и ихъ кружковъ.

Подъ сѣнью главной лиги маленькихъ обывателей, словно въ складкахъ материнскаго платья, ютятся двѣ меньшихъ. Изъ нихъ я назову хотя бы *C. T. C. C. (Chautauqua Town and Country Club*—союзный городской и деревенскій клубъ). «Это союзъ дѣ-

тей, которыя желаютъ кое-что изучить, чѣмъ-то сдѣлаться и что-то сдѣлать. Будучи школой и вмѣстѣ съ тѣмъ садомъ, этотъ союзъ включилъ въ число своихъ товарищей животныхъ и растенія, друзья же и книжки служатъ ему руководителями. Въ качествѣ учителей здѣсь фигурируютъ земледѣлецъ, садовникъ, пастухъ, скотница и другія лица, знающія то, что необходимо знать касательно всякаго растенія и каждаго полезнаго животнаго на фермѣ или въ водѣ». Другими словами, если не прибѣгать къ метафорамъ и высокопарной фразеологіи, это кружокъ самообразованія, въ которомъ познаніе живой природы неразрывно связано съ практическимъ приложеніемъ науки въ земледѣліи, скотоводствѣ, пчеловодствѣ и другихъ примыкающихъ къ нимъ отрасляхъ производства. Члены этого кружка зимою читаютъ предложенныя имъ книжки, а лѣтомъ практикуютъ. Все же время, изо дня въ день въ теченіе каждаго изъ слѣдующихъ другъ за другомъ мѣсяцевъ, они должны поочередно вести одинъ изъ метеорологическихъ бюллетеней: записывать въ опредѣленный часъ высоту барометра, отмѣчать направленіе вѣтровъ и облаковъ; въ то же самое время, въ теченіе четверти года, они должны ухаживать за какимъ-нибудь животнымъ или растеніемъ согласно съ данной имъ программой. Мѣстопребываніемъ управленія служитъ ферма въ Нью-Іоркскомъ штатѣ. Въ этомъ именно очагѣ находится справочное бюро—что-то въ родѣ открытой шкатулки. Каждый изъ юныхъ членовъ можетъ посылать сюда вопросы изъ области земледѣлія, садоводства, скотоводства и всегда можетъ получить отвѣтъ отъ того лица, въ вѣдѣніи котораго находится соотвѣтствующая отрасль на фермѣ.

Время не терпитъ. Мнѣ не очень-то улыбается перспектива ночевки въ опустѣвшей и холодной столицѣ вакаціоннаго университета. Поэтому, я покидаю озеро и возвращаюсь къ заламъ. Я направляюсь къ колледжу, но по дорогѣ захожу въ гимназіумъ—зданіе, которое, согласно со своимъ названіемъ, служитъ мѣстомъ для упражненія мускуловъ. Чотокуанцы придаютъ огромное значеніе этому роду—сказалъ бы я—развлеченія, если бы, выражаясь такимъ образомъ, не искажалъ основной мысли. Дѣло въ томъ, что тамъ спортъ пересталъ быть занятіемъ, которому предаются отъ скуки праздные люди, а считается святымъ предписаніемъ гигіены тѣла и ума. Около дюжины мѣстъ для *lawn tennis'a*, нѣсколько мѣстъ для игры въ мячъ, у пристани—множество лодокъ, школы плаванія, верховой и велосипедной ѣзды, игры въ полѣ, боксированье, наконецъ, гимназіумъ пріохочиваетъ людей вялыхъ къ укрѣпленію физическихъ силъ, къ усиленію

жизнеспособности организма и къ подготовленію такимъ образомъ почвы для систематической и здоровой умственной дѣятельности. Каталогъ за этотъ годъ перечисляетъ до 25-ти учителей, которые руководили разными видами физическихъ упражненій. Тѣлесныя упражненія переплетаются съ лекціями, посвященными анатоміи и физіологіи движеній и выясняющими гимнастамъ результаты напряженія каждаго мускула. Стереоптиконъ приходитъ на помощь устному изложенію. Атлеты соединяются въ клубы; одни игроки въ мячъ образуютъ ихъ до десяти. А гдѣ клубы, тамъ, безъ сомнѣнія, есть и соревнованіе. И въ самомъ дѣлѣ, гонокъ и конкурсовъ бываетъ множество въ лѣтнюю пору; такъ, любители игры въ мячъ два раза въ недѣлю устраиваютъ состязанія, причемъ клубы становятся на противоположныхъ метахъ. Праздникъ лодочныхъ гонокъ, а также конкурсъ велосипедистовъ представляютъ собою торжества общественныя. Всякаго рода гимнастика—это общественная обязанность и предписаніе чотокуанской морали.

Красивое, большое зданіе со множествомъ галлерей. Внутри оно залито солнцемъ и свѣтомъ. Это колледжъ! Олимпійцы Стараго Свѣта, быть можетъ, взглянутъ презрительно на кружки самообразованія и раздаваемые дипломы, на лѣтнія развлеченія и спорты, на собранія и доклады. Они могутъ сдѣлать тотъ упрекъ, что эти учрежденія вырабатываютъ дилеттанговъ, которые познакомились съ послѣднимъ словомъ главныхъ отраслей знанія, но не привыкли къ систематическому мышленію и не усвоили себѣ научной методологіи. Такое пренебреженіе къ умственному стяжанію, накопленному не бюрократическимъ способомъ, должно разсѣяться съ того момента, какъ мы вступаемъ въ колледжъ. Самый требовательный мандаринъ, пожалуй, сложитъ оружіе передъ этимъ зданіемъ!

Всѣ институты и заведенія, а стало быть колледжъ и прочіе ведутся согласно съ предписаніями систематическаго школьнаго дѣла. Они даютъ теоретическія знанія, а иногда и практическія свѣдѣнія, за такую дешевую плату, о какой мы не имѣемъ и понятія въ Европѣ. Я полагаю, что къ обученію тамъ относятся серьезнѣе и сердечнѣе, чѣмъ въ нашихъ заведеніяхъ; можетъ быть, тамъ меньше балласта мандаринской эрудиціи, за то тамъ больше пониманія основъ данной науки, знакомства съ ея методами и усвоенія предмета. Какъ бы то ни было, слушатель-любитель долженъ работать не на шутку. Онъ студентъ не въ европейскомъ значеніи слова, онъ не станетъ бездѣльничать въ теченіе цѣлаго года и разстраивать себѣ здоровье во время экза-

меновъ—онъ пріобрѣтаетъ знанія, отдавая себѣ вполнѣ сознательный отчетъ въ своихъ намѣреніяхъ и ничѣмъ не напоминая двѣнадцатилѣтняго подростка, который, какъ молокососъ, учится только ради отмѣтокъ, радуясь, когда на экзаменѣ удастся ему подсмотрѣть вопросъ и получить совершенно имъ незаслуженный дипломъ медика. Онъ кончаетъ заведеніе съ глубокимъ убѣжденіемъ въ томъ, что только теперь началъ учиться и что вся жизнь—непрерывная школа, требующая постоянныхъ занятій. А что всего важнѣе,—«домашняя школа»—это постоянное упражненіе воли и выработка характера. Чотокуанецъ можетъ считать себя дѣломъ своихъ собственныхъ рукъ и зиждителемъ своей судьбы—*master of himself* (господиномъ самого себя), какъ говорятъ здѣсь за моремъ.

12 октября, на озерѣ.

Время близится къ сумеркамъ. Небольшой челнъ разсѣкаетъ воды и везетъ меня въ Мэйвилль. Озеро извивается словно рѣка, длиною въ 20 англійскихъ миль и не болѣе двухъ миль шириною, а по серединѣ оно почти перетянуто. Можетъ быть, отсюда происходитъ его названіе, которое, по мнѣнію нѣкоторыхъ знатоковъ индѣйскаго языка,—другіе даютъ совершенное иное толкованіе—означаетъ: мѣшокъ, перевязанный по серединѣ. Глазъ скользитъ по очаровательнымъ пейзажамъ: растительность роскошная, яркою своею окраской выдающая присутствіе источниковъ, берегъ то болѣе, то менѣе обрывистый, на немъ тѣснятся рощи, одѣтыя въ пурпуръ, благодаря осени и лучамъ заходящаго солнца. Пучина прозрачна, какъ родникъ. Слышится даже самый тихій плескъ воды о лодку—такой глубокій покой царствуетъ кругомъ. И для озера настало время отдыха. Пароходики, которые, нагруженные туристами, разсѣкали его вдоль и поперекъ въ теченіе лѣта, ждутъ у пристани будущаго іюля, и цѣлыя флотиліи яхтъ, ботиковъ и челновъ отдыхаютъ. Электрическій свѣтъ не разсѣеваетъ тьмы, не свѣтятся бенгальскіе огни, какъ, бывало, на праздникѣ «венеціанскихъ ночей». Тихо и пусто, и холодно, даже очень холодно...

Лодка держится береговъ. Отъ материка побѣжали длинныя тѣни, онѣ ложатся на морщинистую поверхность воды и дѣлаютъ холодъ еще чувствительнѣе. Университетская территорія исчезла изъ виду. Воображеніе же продолжаетъ заниматься тѣми явленіями, которыя оттуда ведутъ свое начало. Дѣло въ томъ, что чотокуанская идея нашла себѣ апостоловъ и послѣдователей. На всемъ пространствѣ заморской республики образуются отдѣленія

университета-матери. Все больше распространяются системы самообразованія и организаціи, завѣдывающія имъ при помощи корреспонденціи, а также обычай въ лѣтнюю пору устраивать сжатые курсы. На этотъ разъ насъ интересуютъ лишь дщери *Almae matris*, не отрекающіяся отъ своей родоначальницы. Ихъ, пожалуй, можно насчитать полсотни. Ни одна изъ нихъ еще не сравнялась съ таборомъ-матерью, но каждая работаетъ съ пользою, стараясь возвысить уровень отечественной культуры. Чотокуанцы, которые, вслѣдствіе ли далекаго разстоянія или по другимъ причинамъ, должны отказаться отъ поѣздки на озеро, пытаются въ своей мѣстности затѣять что-нибудь, напоминающее «старую мать» въ миніатюрѣ. Въ далекой Флоридѣ, среди рощъ, на берегу небольшого озера, образовалась южная Чотокуа; другая, помѣстившаяся въ одномъ изъ уголковъ Индіаны на многочисленныхъ островкахъ, устроила у себя точно такую же модель Палестины; «Залъ на пригоркѣ» въ Лэквью (Lakewiew), въ штатѣ Массачузетсъ, есть копія зала философіи. Нѣкоторые таборы собираютъ у себя по двѣ тысячи участниковъ. Люди берутся за дѣло поистинѣ на американскій ладъ. Чтобы обратить свои мечтанія въ дѣйствительность, они не заботятся объ удобствахъ, не отступаютъ передъ многолѣтней работой. Сѣдовласые старцы такъ горячо берутся за дѣло, словно они только-что вступили въ мужской возрастъ. Напримѣръ, чотокуанцы изъ Сентъ-Поля и Миннеаполиса рѣшили устроить таборъ-университетъ на берегу сосѣдняго озера. Для этого избрали очаровательный островъ—скалу, на верху купающуюся въ зелени, а внизу—въ прозрачномъ источникѣ Миннетонки, и полную прелести и привлекательности. Составители проекта собрали митингъ изъ представителей мѣстнаго чотокуанскаго кружка. На митингъ явилось до трехсотъ человѣкъ. Совѣщанія происходили поздно вечеромъ при свѣтѣ лагернаго костра и подъ прикрытіемъ челновъ. А когда обсудили положенія новой филіи и утвердили уставъ, то въ воздухѣ прозвучала мелодія лагернаго гимна *Almae matris*:

...God bless the hearts that beat as one
Though continents apart.
We greet you, brothers, face to face,
We meet you heart to heart!.. *)—

—гимна, провозглашающаго, что Чотокуа не связана ни съ какимъ спеціальнымъ мѣстомъ, и воспѣвающаго товарищество ея членовъ

*) «Да благословитъ Богъ сердца, которыя бьются заодно, хотя ихъ раздѣляютъ материки. Привѣтствуемъ васъ, братья, лицомъ къ лицу, сердца наши идутъ вамъ навстрѣчу!»

и дѣятелей. Нѣкоторыя изъ дщерей нѣсколько измѣнили взглядамъ матери-основательницы. Наприм., Чотокуа въ Монтиглѣ (штатъ Теннесси) обратила гораздо больше вниманія на развитіе товарищеско-общественной стороны жизни. Тамъ разъ въ недѣлю устраивается вечеръ для всѣхъ съѣхавшихся, съ цѣлью развлеченій и обмѣна мыслей, между тѣмъ какъ въ таборѣ-матери жизнь течетъ множествомъ болѣе мелкихъ потоковъ и не вѣдаетъ такого общаго собранія. Для этой цѣли выстроено огромное зданіе, цѣлый день отрытое настежь, оно же служитъ и безплатной читальней.

А такъ какъ у американцевъ нѣтъ недостатка въ честолюбіи, то навѣрно не одинъ изъ этихъ апостоловъ томится надеждою, что съ теченіемъ времени его твореніе, можетъ быть, затмитъ своею славой «старую мать». Но она также что-то не старится. Изъ года въ годъ каждая изъ ея многочисленныхъ дочерей набираетъ силъ, но *Alma Mater* также безостановочно идетъ впередъ. Она мечтаетъ,—да о чемъ она только не мечтаетъ! Она желала бы устроить и въ зимнее время такіе же съѣзды, какъ лѣтомъ, съѣзды для земледѣльцевъ, такъ какъ они не могутъ покидать лѣтомъ земли, которая ихъ кормитъ. Свободные отъ работъ въ тѣ мѣсяцы, когда снѣжный саванъ покрываетъ землю, они могли бы найти въ зимней Чотокуа науку и въ то же время свойственныя этой порѣ развлеченія. Она стремится къ устройству разныхъ музеевъ, напримѣръ, историческаго. Въ рощахъ тогда возвышались бы зданія, и каждое изъ нихъ вмѣщало бы въ себѣ подробную исторію культуры того или другого уголка земного шара. Далѣе, она мечтаетъ о томъ, чтобы расширить Палестинскій паркъ и обнять всю Сирію и даже Египетъ, однимъ словомъ, всѣ мѣста, такъ или иначе связанныя съ священной исторіей. Географія должна имѣть свой собственный музей съ библіотекой, гдѣ бы ученикъ могъ найти модели чудесъ и капризовъ природы, панорамы самыхъ замѣчательныхъ уголковъ, рѣзныя изображенія цѣлыхъ континентовъ. Лингвистика стремится къ тому, чтобы лагерные очаги «нѣмцевъ», «римлянъ» и другихъ народовъ превратились въ цѣлыя поселенія. Изучающій нѣмецкій языкъ будетъ тогда жить въ германскомъ поселеніи, гдѣ нельзя будетъ сказать ни одного слова на другомъ языкѣ, ресторанъ будетъ давать тамъ только нѣмецкія блюда, члены поселенія будутъ ходить въ національномъ нѣмецкомъ костюмѣ и въ своихъ товарищескихъ отношеніяхъ будутъ придерживаться нѣмецкихъ обычаевъ. Гдѣ такъ далеко уходятъ въ своихъ мечтахъ и вѣчно стремятся къ тому, чтобы эти послѣднія осуществились на самомъ дѣлѣ, тамъ нечего опасаться,

что старческая немощь надломитъ силы прежней Чотокуа. Къ тому же, она свободна отъ всякой зависти, и изъ всѣхъ мечтаній ея основателей особенно возвышенной и трогательной представляется мечта о томъ, чтобы Чотокуа перестала быть мѣстной, т. е. связанной съ однимъ только уголкомъ американскаго отечества. Вѣдь гимны даже объ этомъ просятъ Верховное Существо. Пусть идея таборовъ-университесовъ и по образу и подобію *Almae Matris* повсюду создаетъ такія же учрежденія. И желанія эти сбываются. Мы видѣли распространеніе идеи по американскому материку. Она не убоялась даже морскихъ пространствъ! Характерно, что въ то время, какъ наша старая Европа съ недовѣріемъ слушаетъ о чудачествахъ янки въ дѣлѣ просвѣщенія, новые материки покрываются кружками самообразованія и лѣтними университетами. Чотокуанскіе девизы находятъ себѣ тамъ горячихъ сторонниковъ. Въ Капландѣ и Паталѣ, въ Австраліи и Новой Зеландіи, даже въ Гонолулу существуютъ такія организаціи. Въ Японіи молодое поколѣніе, воспитанное въ англійскихъ понятіяхъ, такъ горячо принялось за дѣло, что даже ежемѣсячный журналъ американскаго союза систематически переводится— такая чувствуется въ немъ потребность.

Погрузившись въ свои мысли, я очнулся ужъ около Мэйвилля. Сумерки сгущались, издали мерцали огоньки городка. Я выскочилъ на берегъ, жалѣя, что навсегда долженъ покинуть озеро, и еще болѣе сожалѣя о томъ, что не удалось мнѣ провести хоть недѣли на берегу его въ то время, когда надъ пучиной носился гомонъ лѣтняго университета.

28 октября, на Океанѣ.

Данія тащится медленно. Мысль моя все время паритъ надъ Америкой. Все яснѣе и яснѣе становится для меня та истина, что это благородная и обширная страна, хотя я, дитя Стараго Свѣта, не гожусь для нея. И вся переселенческая интеллигенція, которая такъ насмѣхается надъ тамошними общественными отношеніями, хотя и живетъ въ новой странѣ и почерпаетъ изъ нея средства къ жизни, тѣмъ не менѣе, остается чуждой ей по духу. Я только-что бесѣдовалъ на палубѣ съ однимъ изъ такихъ недовольныхъ, который покинулъ американскій континентъ, успѣвъ сколотить себѣ тамъ двѣ тысячи долларовъ, а пріѣхалъ туда, не имѣя ни гроша въ карманѣ. Теперь онъ чернитъ Америку безъ всякаго сожалѣнія. Все тамъ дрянь и реклама, вездѣ монополія и небрежное отношеніе къ дѣлу! Даже трамваи плохи, такъ какъ слишкомъ мало останавливаются въ мѣстахъ остановокъ, прихо-

дится спѣшить, иначе они уѣдутъ. Потомъ слѣдуетъ минута молчанія, послѣ которой моя двуногая шарманка начинаетъ играть въ другомъ тонѣ. О, янки дѣльный человѣкъ и умѣетъ противостоять всему! Въ числѣ другихъ похвалъ слышу и восхищеніе той ловкостью, съ какою онъ на полномъ ходу вскакиваетъ въ трамваи. Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы придти къ заключенію, что, по своему душевному складу онъ не могъ приспособиться къ лихорадочному темпу тамошней жизни, онъ клевещетъ на страну, въ которой обрѣлъ благосостояніе!

И такъ бываетъ обыкновенно. Простой человѣкъ легко привыкаетъ къ Америкѣ, между тѣмъ какъ интеллигентный эмигрантъ не можетъ примириться съ обычаями новаго отечества. Дѣло понятное, такъ какъ онъ выросъ подъ покровомъ привиллегій. Какихъ бы крайнихъ демократическихъ принциповъ онъ ни держался, природа его все-таки будетъ питать отвращеніе къ учрежденіямъ, согласнымъ съ его принципами. Жена его ворчитъ, что прислуга ѣстъ за тѣмъ же столомъ, что и госпожа; онъ чувствуетъ себя задѣтымъ за живое, когда какой-нибудь паціентъ, будь онъ хоть простой мужикъ, не снимаетъ шляпы въ его комнатѣ, или же въ глаза ему критикуетъ прописанное имъ лѣкарство. Заботливо воспитанный съ колыбели подъ опекою родителей и учителей, привыкшій потомъ ко всякаго рода предостереженіямъ, ограниченіямъ и контролю, онъ не можетъ примириться ни съ принципами *self-help'a*, ни съ принципами свободной конкурренціи.

Въ старой Европѣ, врачъ, едва получивъ дипломъ, имѣетъ уже передъ собою проторенную дорожку. За моремъ дѣло обстоитъ иначе. Потокъ жизни несется съ такой быстротой, что каждый, кто, всплывъ однажды на поверхность, не прилагаетъ систематическихъ усилій къ тому, чтобы удержаться, обреченъ на забвеніе. Европейскій нѣженка погибаетъ въ этотъ водоворотѣ, гдѣ завоеванное положеніе приходится отстаивать кулакомъ. А когда, утомленный, онъ ищетъ удовольствій, то напрасно думаетъ найти ихъ: развлеченія, порожденныя крестьянскимъ духомъ, оказываются слишкомъ грубыми для его изнѣженной души. Вѣдь заморскія развлеченія—это только Мокотовское поле во время пасхи, разбросанное по всей странѣ, пользующееся превосходной техникой, помѣщенное въ мраморныхъ зданіяхъ, но, какъ бы то ни было, все-таки Мокотовское поле. По ту сторону Атлантическаго океана демократъ изъ интеллигенціи убѣдится въ томъ, что въ каждомъ фибрѣ его нервовъ, въ каждой потребности его духа скрывается существо, которое обладаетъ инстинктами совсѣмъ не демократическими.

*

1 ноября, на Каналѣ.

Я вступаю въ разговоръ съ пассажирами такъ называемаго *Zwischendeck'a*, самаго дешеваго отдѣленія на пароходѣ. Тамъ много нашихъ земляковъ, множество евреевъ, нѣсколько чеховъ, словаковъ, оказался даже одинъ боснякъ. Всѣ они бѣгутъ изъ Америки. Застой въ промышленности, который распространяется тамъ въ настоящее время, выгналъ ихъ изъ Новаго Свѣта. Боснякъ прибылъ туда весною, оставивъ свое убогое хозяйство на попеченіе жены. Онъ полгода скитался по Миннесотѣ, не находя работы. Изъ разсказа его видно, что онъ не съумѣлъ пристроиться, такъ какъ не зналъ языка и не имѣлъ земляковъ, которые облегчили бы ему пріисканіе работы. Дошло до того, что женкѣ пришлось занять денегъ и выслать ему на обратный путь. Другіе ѣдутъ на родину съ чистоганомъ, иные навсегда распростились съ Америкой, многіе собираются вернуться туда, когда у *boss'*овъ опять будетъ работа, а двое даже везутъ съ собой кругленькія суммы. Одинъ изъ словаковъ работалъ въ *mine'ахъ* (каменноугольныхъ копяхъ), «rak», т. е. *rock* (каменная глыба) придавилъ ему ногу, поэтому онъ возвращается «къ отцамъ», собравъ въ теченіе пяти лѣтъ 600 долларовъ. Другой, пробывъ лишь $2^1/_2$ года, везетъ 200 долларовъ. Дѣвушка лѣтъ 25-ти, изъ Могильна, была въ услуженіи у «коренныхъ» американцевъ $2^1/_2$ года и, кромѣ гардероба, шляпы, перчатокъ и часовъ, имѣетъ 400 долларовъ. Замужняя женщина изъ подъ Влоцлавка везетъ 300 долларовъ, мужъ ея остался въ Америкѣ еще до весны, она же возвращается въ свое владѣніе, состоящее изъ 6-ти десятинъ. Америка сдѣлала свое дѣло, она научила простыхъ людей прибѣгать къ посредству банка: каждый изъ нихъ имѣетъ при себѣ лишь небольшую сумму, а остальное выслалъ роднымъ при помощи банковаго перевода.

Меня разбираетъ любопытство, съ чѣмъ эти люди возвращаются въ свои захолустья, т. е. съ какими воззрѣніями въ головѣ. Все это народъ смѣлый, умѣющій высказать свою мысль. Отъ мужчинъ труднѣе добиться толку, впрочемъ, непрерывная работа мало давала имъ времени присмотрѣться къ заморской жизни. За то женщины охотно говорятъ о томъ, что видѣли. Въ мозгахъ ихъ скрывается настоящая «контрабанда». Молодая женщина, та самая, что везетъ 300 долларовъ, видала, какъ говорится, виды, хотя ей всего 20 лѣтъ. Америка ей очень нравится. «Мужикъ не смѣетъ тамъ бить своей жены, такъ какъ она можетъ тотчасъ же достать «орантъ» (это должно означать warrant) и—маршъ въ кутузку!» За то мужу новая страна не пришла по вкусу: мужикъ

у «американовъ» только чахнетъ, говоритъ онъ. Она восхищается и тѣмъ также, что тамъ парень не можетъ обидѣть дѣвушки, такъ какъ она можетъ засадить его за рѣшетку и держать тамъ до тѣхъ поръ, пока онъ на ней не женится. Хорошо тамъ за моремъ! Мясо дешево, даже ананасы стоютъ то же, что у насъ яблоки. Впрочемъ, объ американскихъ обычаяхъ она не имѣетъ представленія. Но того, что она знаетъ, достаточно, чтобы внести бродильное начало подъ домашній кровъ. Я съ удовольствіемъ разговариваю съ этой піонеркой женскихъ правъ въ крестьянской хатѣ: будетъ она бунтовать тамъ бабъ, разсказывая имъ объ «орантахъ». Дѣвушка изъ подъ Могильна пробыла $2^1/_2$ года за моремъ и возвращается, такъ какъ желаетъ выйти замужъ за «своего», говоритъ по нѣмецки и по англійски. Она купитъ въ мѣстечкѣ участокъ земли, построитъ на немъ такой домъ, какіе она видѣла въ Кливелендѣ, и вмѣстѣ съ мужемъ откроетъ «салонъ» (т. е. шинокъ). Она видѣла многое; видно, что она служила у зажиточной семьи. Чешка лѣтъ сорока, прожила въ Америкѣ около одиннадцати лѣтъ и везетъ съ собою 2.000 долларовъ; она говоритъ, что замужъ не пойдетъ, такъ какъ не желаетъ слушаться мужика. У нея есть деньги, а съ этимъ, — поясняетъ она,—можно удобно «обойтись и безъ мужа».

5 ноября, на Сѣверномъ морѣ.

Мы въѣхали въ воды Нѣмецкаго моря. Съ одной стороны бѣлѣетъ снѣжный, какъ мѣлъ, англійскій берегъ; съ другой—вырисовывается слегка покрытый мглой берегъ французской земли. Но мысль моя все время остается прикованной къ Америкѣ. Жаль мнѣ, что, не смотря на свое пребываніе тамъ, я, тѣмъ не менѣе, не успѣлъ изучить ее, какъ слѣдуетъ. Я провелъ два мѣсяца въ Чикаго, въ этомъ грязнѣйшемъ городѣ подъ американскимъ солнцемъ. Я останавливался еще на двѣ недѣли, иногда лишь на два дня, въ нѣсколькихъ фабричныхъ городахъ, которые всегда и вездѣ имѣютъ грязный видъ. Вотъ и все мое знакомство со страной! Въ томъ, что это еще далеко не вся Америка, я успѣлъ убѣдиться во время своей кратковременной поѣздки въ Дакоту. Воображеніе мое уносится теперь отъ снѣжной бѣлизны англійскихъ береговъ далеко, далеко, туда на западъ, перелетаетъ черезъ Атлантическій океанъ, пересѣкаетъ земли, пока, наконецъ, не останавливается на этомъ *Far West*, въ головѣ котораго бродятъ разныя сумасбродныя идеи. Развитіе тамъ шагаетъ, какъ королевичъ въ сапогахъ-скороходахъ—сдѣлаетъ одинъ лишь шагъ, а ужъ прошелъ семь миль. «Американскій западъ» началъ циви-

лизоваться самое большее полъ-вѣка тому назадъ. Однакоже въ настоящее время тамъ выростаютъ города, которые смѣло берутся соперничать съ Чикаго. Капиталъ, свободный отъ историческихъ путъ, въ которыхъ онъ своимъ чередомъ стонетъ въ штатахъ, лежащихъ на берегу Атлантическаго океана,—рѣшилъ показать, на что онъ способенъ въ своемъ могуществѣ. Онъ является туда первый и на незанятой землѣ выкидываетъ штуки, для которыхъ ему не хватило простора на востокѣ. Человѣку не приходится разрушать старыхъ построекъ и передѣлывать прежнихъ образцовъ, которые затвердѣли въ той или другой формѣ. Желѣзная дорога опережаетъ поселенца и напередъ рѣшаетъ вопросъ о разселеніи; трамвай возникаетъ раньше города и превращаетъ пустыню въ огромную деревню. Переворотъ особенно великъ въ самой рутинной отрасли человѣческаго труда—въ производствѣ средствъ къ жизни. Мы видѣли пшеничныя степи по рѣкѣ Красной, любовались видами фруктовыхъ лѣсовъ, встрѣчались съ намѣреніями обратить степь въ одинъ огромный хлѣвъ, при которомъ находились бы бойни, разсчитанныя на потребителей со всего земного шара. Вдоль береговъ Тихаго океана капиталистъ выстроилъ «фабрики» рыбнаго промысла; въ Колорадо и Небраскѣ есть фермы, вся площадь которыхъ въ 150 десятинъ раздѣлена на участки и каждая ферма разводитъ по 20.000 породистыхъ мериносовъ. Ближе къ Миссисипи расположились «фабрики» скотоводства. А фермы, существующія на началахъ товариществъ и разводящія страусовъ, черепахъ и пчелъ!.. Это пока лишь заря такъ какъ населенія тамъ еще недостаточно! И у человѣка здѣсь иная физіономія. Въ теченіе цѣлыхъ столѣтій изъ нашей части свѣта переселялись за море энергическіе элементы, готовые на всякую борьбу. Эта антропологическая сила и отсутствіе исторической традиціи создали современное величіе Америки, т. е. запада, лежащаго по берегу Атлантическаго океана. Изъ этихъ территорій въ настоящее время равнымъ образомъ начался отливъ по направленію къ западу. Подборъ энергіи среди совершившагося уже подбора! Уже теперь жители Санъ-Франциско и другихъ очаговъ запада смотрятъ съ сознаніемъ превосходства на востокъ, откуда они вышли. Еще немного—и эти «завоеватели міра» станутъ издѣваться надъ безсиліемъ жителей Бостона и Филадельфіи... Да, тамъ на *Far West* возникаетъ новый очагъ цивилизаціи, зародившійся подъ плодотворнымъ дѣйствіемъ капитала среди совершенной пустыни,—безъ сожалѣнія о прошломъ и безъ рутинныхъ правилъ относительно того, что хорошо и что дурно. Населеніе наскозь проникнуто чувствомъ, что ему принадлежитъ

будущее. Рѣчи, какими насъ встрѣчали въ Дакотѣ, всегда выражали одно и то же: «вчера мы были нулемъ, сегодня мы—сила, смотрите на насъ! А завтра—погодите ужó!» Самомнѣніе—отличительная черта всего американскаго запада.

Такое высокомѣріе въ отдѣльной личности было бы отвратительно; надменность народа хотя не болѣе привлекательна, но свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ чувствуетъ въ себѣ великія силы.

6 ноября, Гамбургъ.

Крики и толкотня на вокзалѣ, присутствіе полицейскихъ, давка у кассы и оплачиванье каждаго фунта багажа сверхъ жалкаго пуда, грошовая бережливость и грошовая жадность, выкрикиванья кондукторовъ, и залы и буфеты разныхъ степеней. Каждая мелочь обличаетъ родную Европу. Но всѣ эти прелести не особенно пріятно дѣйствуютъ послѣ пребыванія за моремъ. Меня беретъ грусть по Америкѣ и по ея *help yourself!*

КОНЕЦЪ.

СЭРЪ ДЖОРЖЪ ТРЕССЕДИ.

Романъ Гемпфри Уордъ.

Переводъ съ англійскаго А. Анненской.

Продолженіе *).

XIII.

Въ одно жаркое іюньское утро, недѣли черезъ четыре послѣ визита въ Кэстль-Лютонъ, Джорджъ Тресседи пришелъ изъ Брукъ-стрита въ Уарвикъ-сквэръ, чтобы получить отъ матери подпись къ одному документу по дѣлу съ Чапецкимъ, и отъ нея пройти прямо въ палату.

Матери не было въ гостиной и, поджидая ее, Джорджъ сталъ разсматривать разныя новыя фотографическія карточки семейства Фуллертоновъ, постоянно появлявшіяся на ея столѣ. Это былъ весьма характерный столъ, заваленный счетами, объявленіями, образчиками всевозможныхъ модныхъ матерій, модными картинками и журналами. Да и вся комната была характерна съ своими претенціозными украшеніями, своей массою мебели, своими безчисленными, сильно прикрашенными портретами лэди Тресседи во всевозможныхъ костюмахъ! Джорджъ оглядывалъ ее съ обычнымъ чувствомъ отвращенія, хотя въ глубинѣ души не могъ не сознаться, что она очень похожа на его собственную гостиную.

Онъ боялся, что мать приготовляетъ ему сцену. Летти подъ разными предлогами отклонила пріѣздъ лэди Тресседи къ нимъ въ Фертъ во время весеннихъ каникулъ, и послѣ ихъ возвращенія въ городъ обѣ лэди еще не встрѣчались. Джорджъ, правда, видалъ за это время мать раза два или три; но и самъ онъ не былъ у нея уже десять дней. Онъ ожидалъ, что найдетъ ее раздраженною и обиженною, и не отрицалъ, что она имѣетъ на это право.

---

*) См. «Міръ Божій», № 6, іюнь 1896 г.

— Здравствуй, Джоржъ,—произнесъ сзади него рѣзкій голосъ, отъ котораго онъ вздрогнулъ, — я думала, что ты забылъ, гдѣ я и живу.

— Простите, матушка, —отвѣчалъ онъ, цѣлуя ее;—но я, право, былъ очень занятъ съ этими двумя комитетами и съ такими важными преніями въ палатѣ.

— О, пожалуйста, не извиняйся. Конечно, если бы не Летти, ты не былъ бы такъ занятъ. Я понимаю.

Лэди Тресседи сѣла на стулъ задомъ къ свѣту и стала нервно расправлять банты на своемъ платьѣ. Что-то въ ея голосѣ поразило Джоржа; онъ пристально посмотрѣлъ на нее.

— Не случилось ли чего-нибудь, матушка? У васъ какъ будто нездоровый видъ.

Лэди Тресседи быстро вскочила съ мѣста и начала расхаживать по комнатѣ, то перебирая руками разныя бумажки, то поправляя картины на стѣнахъ. Джоржъ чувствовалъ себя не спокойно. Что она ему готовитъ? Неужели какія-нибудь новыя признанія? Но, прежде чѣмъ онъ успѣлъ предложить вопросъ, она заговорила съ нимъ.

— Я была бы совершенно здорова, если бы не этотъ жаръ,— капризнымъ голосомъ сказала она.—Пожалуйста, не трогай этой карточки, Джоржъ, что ты все возишься? Разскажи мнѣ что-нибудь новенькое, интересное! Ахъ, опять эти противныя бумаги! Ну, онѣ могутъ немного подождать! Знаешь, въ «Morning Post» пишутъ, что этотъ молодой франтикъ, лордъ Анкотъ, уѣхалъ за границу. Дѣвушку-то, должно, быть просто закупили.

Она опять сѣла въ тѣни и энергично обмахивалась вѣеромъ.

— Боюсь, что не могу разсказать вамъ никакихъ новостей,— улыбаясь отвѣчалъ Джоржъ,—такъ какъ я самъ ничего не знаю. Повидимому, миссисъ Аллисонъ и Максвель придумали какъ устроить дѣло.

— А какъ себя чувствуетъ мать?

— Она тоже уѣхала за границу, въ Вильгельмсбадъ. Она поѣхала вмѣстѣ съ лордомъ Анкотъ.

— Туда, кажется, ѣздятъ съ болѣзнями сердца?—спросила его мать.—Тамъ есть докторъ, который всѣхъ вылѣчиваетъ?

— Да, кажется,—отвѣчалъ Джоржъ.—Не приступимъ ли мы къ дѣлу, матушка? Я принесъ эти бумаги, чтобы вы ихъ подписали, а потомъ мнѣ надо спѣшить въ палату.

Лэди Тресседи не обратила вниманія на его слова. Она опять безпокойно встала и подошла къ окну.

— Какъ тебѣ нравится мое платье, Джоржъ? Нѣтъ, пожалуйста,

не воображай ничего нелѣпаго! Мнѣ его сшила Жюстина, и оно стоило очень дешево.

Джоржъ не могъ удержаться отъ улыбки, тѣмъ болѣе, что онъ почувствовалъ нѣкоторое успокоеніе. Она не стала бы заставлять его любоваться своимъ нарядомъ, если бы хотѣла признаваться въ новыхъ долгахъ.

— Оно замѣчательно молодитъ васъ,—сказалъ онъ, окинувъ критическимъ взглядомъ изящное платье изъ мягкой розоватой матеріи, и затѣмъ подрумяненное, напудренное лицо матери.—Вы удивительный человѣкъ, матушка. А все-таки, должно быть, жаръ дѣйствуетъ на васъ, у васъ утомленные глаза. Вамъ надобно отдохнуть.

Онъ говорилъ съ своимъ обычнымъ беззаботнымъ добродушіемъ, положивъ свою руку на ея.

Лэди Тресседи отшатнулась, повернулась къ нему спиной и стала глядѣть въ окно.

— Часто видаешься ты съ Максвелями?—спросила она, не поворачивая головы.

Джоржъ вздрогнулъ, затѣмъ его поразило, что мать такъ странно ведетъ разговоръ.

— Я видалъ ихъ раза два,—отвѣчалъ онъ неохотно.—Они были вчера вечеромъ у Ардаговъ.

— Ахъ, и вы тамъ были?—рѣзкимъ голосомъ спросила лэди Тресседи.—Ну, конечно, Летти пригласили, какъ твою жену, а ты вѣдь членъ парламента. Лэди Ардагъ моя хорошая знакомая, но обо мнѣ нынче никто не думаетъ; въ прежнее время она всегда приглашала меня.

— Тамъ было много народу и очень жарко,—проговорилъ Джоржъ, не зная, что сказать.

Лэди Тресседи нахмурилась, продолжая глядѣть въ окно,

— Ну, а что? лэди Максвель все такая же нелѣпая, какъ всегда?

— Какъ для кого,—съ улыбкой отвѣчалъ Джоржъ.—Она твердо стоитъ за свои убѣжденія, какъ всегда.

— Кто послалъ миссисъ Аллисонъ на эти воды? Должно быть, Баргемъ. Онъ всѣхъ своихъ паціентовъ туда посылаетъ. Говорятъ, онъ въ стачкѣ съ хозяиномъ тамошней гостинницы.

Джоржъ удивился. Что съ ней случилось? Отчего она говоритъ такими безсвязными фразами и дышетъ такъ коротко?

Вдругъ лэди Тресседи повернулась къ нему:

— Джоржъ!

— Что вамъ, матушка?—Онъ подошелъ къ ней, она схватила его за рукавъ.

— Джоржъ!—въ ея голосѣ послышалось что-то въ родѣ рыданья.—Ты сказалъ правду. Я нездорова. Доктора всѣ дураки. Не говори Летти, а то я никогда не прощу тебѣ.

Джоржъ обнялъ ее одной рукой, но, въ сущности, не очень встревожился. Въ репертуарѣ лэди Тресседи было, увы! нѣсколько ролей. Онъ зналъ, что она играетъ роль больной не хуже, чѣмъ другія

— Васъ утомилъ Лондонъ и эти жары,—сказалъ онъ,—я это сразу замѣтилъ. Вамъ бы надо уѣхать изъ города.

Она посмотрѣла ему прямо въ лицо.

— Ты не вѣришь?—спросила она.

Она вдругъ пошатнулась и посмотрѣла вокругъ какими-то страшно растерянными глазами.

Онъ поддержалъ ее и съ трудомъ довелъ до софы.

— Матушка!—вскричалъ онъ, опускаясь передъ ней на колѣни.—Что съ вами?

Его голосъ и выраженіе совершенно измѣнились. Лэди Тресседи окончательно ослабѣла. Она знакомъ указала ему на маленькій мѣшочекъ, лежавшій на столѣ подлѣ нея. Онъ открылъ его, она достала изъ лежавшей въ немъ коробочки пилюлю и проглотила ее. Мало-по-малу дыханіе ея стало ровнѣе, блѣдность исчезла съ лица ея, и она начала безпокойно двигаться.

— Это ничего,—сказала она какъ будто сама себѣ,—ничего и скоро прошло. Джоржъ, я знала, что ты меня считаешь обманщицей.

Она взглянула на него съ выраженіемъ какого-то жалкаго торжества. Онъ глядѣлъ на нее, продолжая стоять на колѣняхъ охваченный невольнымъ ужасомъ. Послѣ цѣлой жизни притворства, неужели это была истина; въ каждомъ движеніи ея выражалось безпокойство, которое какимъ-то страннымъ образомъ сообщалось и ему.

Онъ настоятельно просилъ ее разсказать ему все откровенно. Оказалось, что это обычная трагическая исторія, хорошо извѣстная въ каждой семьѣ. Неожиданно появившіеся серьезные симптомы болѣзни, визитъ къ врачу-спеціалисту, его приговоръ, его предостереженія.

— Онъ сначала сказалъ, что я должна все бросить и ѣхать за границу въ этотъ самый, какъ его тамъ,—бадъ. Но я прямо объявила ему, что не могу и не хочу. У меня именно теперь масса приглашеній. Онъ сказалъ, что если я останусь дома, я не проживу и двухъ недѣль. Я попросила его дать мнѣ какое-нибудь лѣкарство. Въ концѣ концовъ онъ согласился, и сказалъ, что я могу дѣлать, что хочу, но что онъ меня предупредилъ. Они, въ сущности, всѣ ничего не понимаютъ. Сами сознаются, что лѣчатъ

ощупью. Батти (такъ звали постояннаго врача лэди Тресседи) находитъ, что все это неправда. Онъ понимаетъ, что если меня станутъ держать, какъ больную, я непремѣнно умру. Ну, вотъ видишь, въ чемъ дѣло, мой милый Джоржъ; это все пустяки, я была глупа, что разсказала тебѣ.

И лэди Тресседи постаралась приподняться и сѣсть, глядя на сына съ какою-то досадой. Складки на ея бѣломъ лбу показывали, что она сердится на него за высказанное имъ волненіе, это рѣдкое волненіе, которое она до сихъ поръ никакъ не могла вызвать.

Онъ сталъ упрашивать ее слушаться доктора, отдохнуть, отказаться хоть отчасти отъ своей суетливой лондонской жизни, если она не хочетъ ѣхать заграницу. Лэди Тресседи слушала его съ возраставшимъ упорствомъ и волненіемъ.

— Говорю тебѣ, что я сама знаю лучше докторовъ! — вскричала, она, наконецъ, нетерпѣливо. — Не толкуй объ этомъ, это мнѣ надоѣдаетъ. Ну, слушай! Обѣщай мнѣ ни слова не говорить Летти. Никто не долженъ ничего знать, а она всѣхъ меньше. Я буду жить, какъ всегда. Я надѣюсь провести сезонъ очень весело. Сегодня я приглашена на три раута и на обѣдъ, значитъ, меня еще не совсѣмъ забыли, хотя Летти и считаетъ меня дурой.

Она улыбнулась ему съ гордымъ самодовольствіемъ. Морщины старости рядомъ съ румянами на лицѣ ея и съ ея моложавымъ туалетомъ производили жалкое впечатлѣніе.

— Обѣщай мнѣ,—повторила она,—ни слова ей.

Джоржъ обѣщалъ, но былъ сильно встревоженъ. Пока онъ говорилъ, она снова почувствовала небольшой приступъ боли и принуждена была лечь.

— По крайней мѣрѣ,—попросилъ онъ,—не выѣзжайте сегодня. Дайте себѣ отдыхъ. Хотите, я съѣзжу домой и позову Летти къ вамъ на чай?

Лэди Тресседи сдѣлала гримасу балованнаго ребенка.

— Я думаю, она не пріѣдетъ,—сказала она.—Я знаю, что она съ самаго начала не взлюбила меня. Хотя, если бы не я... ну, да все равно. Да, пожалуй, Джоржъ, позови ее. Если она пріѣдетъ, я, такъ и быть, останусь дома. Мнѣ интересно послушать, что она дѣлала это время. Я буду съ ней очень любезна, ты увидишь!

И взявъ вѣеръ, лэди Тресседи слегка похлопала имъ сына по рукѣ своимъ обычнымъ жестомъ.

Онъ всталъ, такъ какъ, взглянувъ на часы, замѣтилъ, что успѣетъ только наскоро заѣхать къ Летти, чтобы не опоздать въ палату, гдѣ у него было назначено свиданіе съ однимъ изъ избирателей.

— Я мимоходомъ пошлю къ вамъ Жюстину, — сказалъ онъ, взявшись за шляпу,—а вечеромъ Летти разскажетъ мнѣ, какъ вы себя чувствуете.

Лэди Тресседи ничего не отвѣчала. Ея глаза, горѣвшіе какимъ-то скрытымъ возбужденіемъ, слѣдили за нимъ, пока онъ искалъ свою тросточку.

— Джоржъ, поцѣлуй меня!—вдругъ проговорила она не твердымъ голосомъ.

Удивленный и сильно растроганный молодой человѣкъ подошелъ къ ней, опять сталъ на колѣни и обнялъ ее. Онъ чувствовалъ, что она дышетъ быстро и неровно. она слегка оттолкнула его и, протянувъ тонкую руку съ розовыми ногтями, которою она такъ гордилась, она погладила его по щекѣ.

— Хорошо, теперь иди! Знаешь, мнѣ твой фракъ совсѣмъ не нравится. Если бы не твоя замѣчательно хорошая фигура, можно бы сказать, что ты очень худо одѣтъ. Тебѣ надо перемѣнить портного.

Тресседи кликнулъ извозчика и поѣхалъ назадъ въ Брукъ-стритъ. Дорогой онъ не обращалъ вниманія на улицы, по которымъ ѣхалъ. До сихъ поръ онъ не видалъ вблизи смерти. Отецъ его умеръ скоропостижно, когда онъ былъ въ Оксфордѣ, и онъ не потерялъ ни одного родственника, ни одного друга. Какъ это странно! Онъ вдругъ почувствовалъ, что его беззаботное, полупрезрительное отношеніе къ матери совершенно измѣнилось, и никогда не вернется вновь, конечно, если все, что она говорила, правда. Но такіе люди, какъ лэди Тресседи, невольно вызываютъ недовѣріе въ окружающихъ. Какъ-то невозможно, неловко предоставить имъ ту серьезную роль, какую они хотятъ играть. Намъ инстинктивно непріятно думать, что они могутъ стать въ такое же трагическое положеніе, какъ всякій герой или святой.

Летти была дома и готовилась завтракать съ Гардингомъ Уаттономъ, который заѣхалъ къ ней. Услыша голосъ мужа, она вышла на площадку лѣстницы поговорить съ нимъ. Но минуты черезъ двѣ Джоржъ уже быстро вбѣжалъ въ свой кабинетъ, чтобы написать записочку одной родственницѣ матери и попросить ее съѣздить передъ обѣдомъ въ Уарвикъ-скверъ и извиниться за Летти, которая «очень занята». Дѣло въ томъ, что Летти встрѣтила его просьбу съ улыбкой презрѣнія. Господи! она просто завалена всевозможными приглашеніями и дѣлами!

— Мать въ самомъ дѣлѣ больна, — сказалъ Джоржъ настойчиво. Онъ торопился, сердился и долженъ былъ дѣлать усилія надъ собой, чтобы говорить не горячась.

— Мой милый, большой ребенокъ! — она стала на цыпочки, чтобы разгладить его усы,—неужели ты до сихъ поръ не знаешь, какія комедіи способна разъигрывать твоя мать? Ей навѣрно хочется или побранить меня, или услышать объ Ардагахъ, или разсказать мнѣ, какъ *она* веселилась, или что-нибудь въ такомъ родѣ. Нѣтъ, право, я совсѣмъ не могу сегодня передъ обѣдомъ! Я знаю, что мнѣ надобно когда-нибудь съѣздить къ ней, и я съѣзжу непремѣнно.

Она сказала эти слова съ видомъ человѣка, дѣлающаго большую уступку. Джоржъ попытался убѣдить, упросить ее, но напрасно. Летти удивлялась его настойчивости, но упорно стояла на своемъ. Спускаясь съ лѣстницы, онъ слышалъ, какъ она смѣялась вмѣстѣ съ Гардингомъ Уаттономъ. Навѣрно они смѣются надъ наказаніемъ, которому Летти сочла необходимымъ подвергнуть свою свекровь.

Въ палатѣ общинъ передобѣденное время было снова посвящено затянувшимся преніямъ послѣ второго чтенія билля Максвеля. Въ залѣ было многолюдно; одушевленіе и дѣловитость рѣчей служили доказательствомъ общаго подъема духа и широкаго распространенія интереса вызваннаго биллемъ въ парламентѣ и во всей странѣ.

Джоржъ, сидѣвшій около прохода, рядомъ съ предводителемъ своей партіи, смотря въ потолокъ и заложивъ руки въ карманы, слушалъ рѣчи разсѣянно и внутренно возмущаясь. Онъ сказалъ свою рѣчь на третій день послѣ начала преній. Она стоила ему большихъ трудовъ и въ концѣ концовъ показалась ему, сравнительно съ большинствомъ рѣчей даже людей ниже его по уму и образованію, пустымъ и лицемѣрнымъ словоизверженіемъ. Что онъ въ дѣйствительности думаетъ, во что вѣритъ, чего желаетъ? Онъ снова сознался самому себѣ, какъ это было раньше въ Фертѣ, что душа его представляла хаосъ, что у него не было никакихъ убѣжденій ни идейныхъ, ни нравственныхъ; что онъ началъ то, чего не можетъ кончить; что онъ осужденъ потерпѣть неудачу въ своей карьерѣ парламентскаго дѣятеля, какъ онъ потерпѣлъ неудачу въ качествѣ владѣльца копей, какъ онъ потерпѣлъ неудачу...

Онъ подавилъ то горькое чувство, которое возникло въ глубинѣ души его. Но, не смотря на всѣ усилія, онъ не могъ не почувствовать досады при воспоминаніи о томъ, какъ Летти смѣялась съ Гардингомъ Уаттономъ, смѣялась потому, что онъ попросилъ ее о небольшой услугѣ, а она отказала ему.

Однако же она *должна* помочь ему ухаживать за матерью. Какъ нѣжно сталъ онъ думать объ этой безпокойной и непріятной лэди. Онъ случайно обладалъ нѣкоторыми медицинскими знаніями, такъ какъ вопросы объ отправленіяхъ нашего организма и объ опасностяхъ, какимъ онъ подвергается, всегда интересовали его; но эти знанія не приносили ему пользы въ данномъ случаѣ. По временамъ онъ говорилъ самъ себѣ: полторы недѣли, она проживетъ полторы недѣли; а вслѣдъ за тѣмъ ему думалось: «Батти навѣрное правъ; Баргемъ слишкомъ мрачно взглянулъ на дѣло, она можетъ прожить столько же, сколько каждый изъ насъ».

Вдругъ онъ вздрогнулъ, подлѣ него что-то задвигалось.

— Почтенный членъ совершенно невѣрно понялъ меня,—вскричалъ Фонтеной, вскакивая съ мѣста и нетерпѣливо глядя на спикера.

Членъ, говорившій съ правительственной стороны, улыбнулся, надѣлъ шляпу и сѣлъ. Фонтеной произнесъ нѣсколько колкихъ фразъ и заслужилъ громкія одобренія отъ своихъ сторонниковъ и отъ нѣкоторой части либераловъ; онъ опустился на мѣсто съ торжествующимъ видомъ, чувствуя, что хорошо отплатилъ противнику.

— Отлично!—обратился къ нему Джоржъ.—Это было очень остроумно.

Но когда противникъ Фонтеноя снова всталъ и постарался уничтожить впечатлѣніе, произведенное имъ, Джоржъ началъ сомнѣваться, дѣйствительно ли слова Фонтеноя были такъ хороши, и досадовалъ, что поспѣшилъ похвалить ихъ. *Она* сказала бы, что его остроумная выходка была направлена противъ здраваго смысла, противъ гуманности. Онъ началъ представлять себѣ игру ея глазъ, горѣвшихъ негодованіемъ, краснорѣчивое движеніе ея бѣлой руки, дрожавшей отъ волненія.

Давно ли это было? всего одинъ короткій мѣсяцъ прошелъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ гулялъ съ нею по берегу рѣки въ Кэстль-Лютонѣ. Пока вся палата внимательно прислушивалась къ рѣчи одного изъ старѣйшихъ представителей Лондона, возражавшаго Фонтеною, пока Фонтеной, сидѣвшій рядомъ съ нимъ, волновался и что-то ворчалъ про себя, пока налѣво отъ него толпились члены, то входя, то выходя изъ дверей, Тресседи унесся далеко отъ окружающей обстановки, онъ ничего не видѣлъ, ничего не слышалъ кромѣ сценъ, происходившихъ въ отдаленномъ уголку Лондона, кромѣ одной фигуры, принимавшей участіе во всѣхъ ихъ.

Часто ли видался онъ съ ней послѣ Кэстль-Лютона? Раза два въ недѣлю, то въ Ст.-Джемсъ-скверѣ, то въ Эстъ-эндѣ, не

смотря на парламентъ и Фонтеноя, не смотря на массу свѣтскихъ обязанностей въ качествѣ мужа Летти. Странное явленіе представлялъ ея маленькій салонъ въ Эстъ-эндѣ. Это былъ дѣйствительно салонъ, хотя въ салонѣ мадамъ Рамбулье не имѣли понятія о тѣхъ цѣляхъ, какія онъ преслѣдовалъ. Тресседи былъ тамъ однимъ изъ многихъ, но тамъ, какъ и во всѣхъ салонахъ, существовалъ свой собственный интимный кружокъ. Чарльзъ Незби, Эдуардъ Уаттонъ, лэди Маделена Пенли, Ливены, всѣ они то вмѣстѣ, то по одиночкѣ постоянно окружали лэди Максвель, оказывая ей помощь и поддержку. Что же онъ тамъ видѣлъ? Ничего такого, чего бы онъ раньше не зналъ въ теоріи. Подъ вліяніемъ разговоровъ, занимавшихъ общество Максвелей, онъ раза два посѣтилъ Уайтчепель, Миль-эндъ, Гакней, тѣ части города, гдѣ въ каждомъ домѣ и каждомъ дворѣ ютится то домашнее производство, противъ котораго былъ направленъ билль Максвеля.

Онъ осматривалъ нѣкоторыя изъ нихъ въ обществѣ одной молодой лэди, пріятельницы Максвелей, другія съ фабричнымъ инспекторомъ, который сильно стоялъ за билль. Съ фактической стороны онъ не узналъ ничего новаго и почувствовалъ еще бо́льшее уваженіе къ Фонтеною и его друзьямъ, которые не оставили ни одной цифры, ни одной статистической данной безъ обсужденія и изслѣдованія, на бумагѣ, по крайней мѣрѣ. Молодой фабричный инспекторъ очень хотѣлъ уличить его въ незнаніи, въ неправильномъ пониманіи фактовъ, но напрасно: Тресседи былъ вполнѣ знакомъ со всѣми подробностями и условіями производства.

Тѣмъ не менѣе, не смотря на его холодную и невозмутимую внѣшность, для него не прошла даромъ эта замѣна личнымъ наблюденіемъ знаній, почерпнутыхъ изъ книгъ или со словъ другихъ.

Рѣшеніе вопросовъ, предлагаемое этой женщиной, по прежнему, казалось ему сомнительнымъ. Онъ возвращался въ ея странный маленькій домикъ, встрѣчалъ оживленный взглядъ ея глазъ и сразу чувствовалъ себя готовымъ къ борьбѣ. Какъ они спорили! Онъ зналъ, что она менѣе, чѣмъ когда-либо, разсчитывала убѣдить его измѣнить его политической партіи. Она ни минуты не надѣялась, что онъ сдѣлаетъ что-либо въ пользу Максвеля. Онъ не говорилъ Фонтеною о своихъ отношеніяхъ къ ней, ему не хотѣлось, чтобы Фонтеной зналъ ихъ. Но и онъ, и она хорошо понимали, что ихъ знакомство ничѣмъ не грозитъ Фонтеною. А между тѣмъ, она не отворачивалась отъ него. Съ ея точки зрѣнія, онъ долженъ былъ представляться безчувственнымъ, себялюбивымъ гражданиномъ, готовымъ жить въ свое удовольствіе въ то время, какъ его братья гибли. Онъ не вѣрилъ и подсмѣивался; онъ от-

рицалъ приводимые ею доводы; онъ постоянно давалъ сухое и грубое объясненіе всѣмъ явленіямъ. А между тѣмъ, прощаясь съ нимъ, она всякій разъ провожала его какимъ-то странно-нѣжнымъ взглядомъ своихъ прекрасныхъ глазъ. Что это такое? Состраданіе? Какое-нибудь чувство, которое она по женской скромности не можетъ высказать словами? Или, скорѣе, не подозрѣваетъ ли она истину, не подозрѣваетъ ли она, что онъ начинаетъ ненавидѣть собственныя убѣжденія, начинаетъ чувствовать, что быть правымъ вмѣстѣ съ Фонтеноемъ для него ничего не значитъ, а ошибаться вмѣстѣ съ нею было бы наслажденіемъ?

Какая нелѣпость! Онъ сдѣлалъ усиліе, чтобы стряхнуть съ себя эти мысли и успокоить біеніе своего сердца. Онъ точно пробудился ночью подъ вліяніемъ нервнаго ужаса, чувствуя, что его давитъ какая-то тяжелая дилемма, отъ которой онъ не можетъ освободиться, холодная пустота и неудовлетворенность съ одной стороны, несчастіе—съ другой.

Способность, которою онъ всегда обладалъ, безпристрастно обсуждать свои собственныя дѣла—не покидала его. Онъ все видѣлъ въ настоящемъ свѣтѣ безъ самообольщенія. Онъ женился всего три мѣсяца назадъ, а между тѣмъ, ни одинъ посторонній зритель не могъ бы такъ хладнокровно разбирать всѣ послѣдствія этой женитьбы, какъ разбиралъ онъ самъ. Онъ чувствовалъ, что его положеніе и непріятно, и ненормально. Но кто пожалѣетъ его? Онъ самъ создалъ свое несчастіе. Не отнесся ли онъ къ дѣлу брака съ недостойнымъ человѣка легкомысліемъ?

Всѣ личныя особенности Летти, ея манера входить въ комнату, ея мелкія уловки, чтобы обратить на себя вниманіе въ обществѣ, вычурность ея костюмовъ, ея отношеніе къ слугамъ, рѣзкій тонъ при передачѣ какихъ-нибудь скандальныхъ сплетенъ, все это мужъ ея отлично видѣлъ и замѣчалъ. Онъ даже, пожалуй, судилъ ее въ эту минуту болѣе строго, чѣмъ какой-нибудь посторонній наблюдатель. Много, много разъ онъ старался вызвать въ себѣ прежнее чувство увлеченія ея наружностью, но напрасно. Это чувство исчезло и онъ только удивлялся, какъ могло оно существовать. Можетъ быть, это произошло отъ того, что теперь онъ узналъ истинное очарованіе женщины, узналъ, какая атмосфера божественной красоты можетъ окружать ее?

— Слушайте, вы куда пойдете?

Тресседи растерянно взглянулъ на Фонтеноя, вставшаго съ мѣста.

— По моему, теперь было бы кстати пообѣдать,—сказалъ Фонтеной, указывая головой на оратора, которому спикеръ только-что далъ слово.—Пойдете вы? Мнѣ бы хотѣлось поговорить съ вами.

Джорджъ послѣдовалъ за нимъ въ корридоръ. Когда дверь затворилась за ними, они попали въ водоворотъ движенія и разговоровъ. Въ корридорѣ толпился народъ. Всякій или сообщалъ новости, или ловилъ ихъ; въ воздухѣ чувствовалось приближеніе кризиса. Это была пятница, а голосованіе послѣ второго чтенія ожидалось въ понедѣльникъ.

— Какая толпа и какая температура!—сказалъ Фонтеной.— Выйдемъ на террасу.

Они вышли на свѣжій воздухъ и стали прохаживаться взадъ и впередъ; Фонтеной говорилъ своимъ хриплымъ, глухимъ голосомъ о положеніи дѣлъ. Послѣ второго чтенія большинство будетъ за министерство, въ этомъ никогда нельзя было сомнѣваться, хотя Фонтеной былъ увѣренъ, что большинство будетъ незначительно. Но всѣ надежды на коалицію различныхъ элементовъ, которая медленно подготовлялась всю весну, зависѣли вполнѣ отъ дѣятельности комитета, и Фонтеной пустился въ подробные разсчеты результатовъ голосованія отдѣльныхъ поправокъ. По его мнѣнію, билль распадался на три части. Первая, заключавшая лишь не большія измѣненія существующихъ законовъ, вѣроятно, пройдетъ съ несущественными поправками. Во второй заключалось запрещеніе мастеровымъ производить нѣкоторыя работы на дому, въ томъ помѣщеніи, гдѣ они ѣли и спали; относительно ее министерство должно по мнѣнію Фонтеноя потерпѣть пораженіе.

Въ послѣдней статьѣ билля министерство опредѣляло, кто долженъ проводить новую реформу, и возлагало эту обязанность на владѣльцевъ недвижимой собственности. Оно говорило всѣмъ хозяевамъ и арендаторамъ домовъ въ Лондонѣ: если, по истеченіи назначеннаго срока, вы допустите, чтобы извѣстныя работы производились въ стѣнахъ вашихъ домовъ, кѣмъ бы то ни было, даже одинокимъ мужчиной или одинокой женщиной, работающими въ своей собственной комнатѣ, вы будете подвергнуты штрафу и наказанію.

Объ этой статьѣ билля Фонтеной никогда не могъ говорить спокойно. Она представлялась ему несправедливостью противъ класса собственниковъ, и онъ былъ увѣренъ, что если по какой-нибудь счастливой случайности двѣ первыя статьи билля пройдутъ, то около этой послѣдней возгорится самая энергичная борьба.

— Въ этомъ я съ вами не согласенъ, — прервалъ Тресседи его.—Вы, напрасно, предполагаете, что, если они побѣдятъ, то мы тѣмъ съ большей энергіей можемъ бороться противъ статьи о домовладѣльцахъ. Я этого не нахожу.

— Почему вы этого не находите? — съ удивленіемъ спросилъ Фонтеной.

— Потому что всегда есть колеблющіеся, которые готовы признать совершившійся фактъ, а вы знаете, какъ обыкновенно ослабѣваетъ оппозиція къ концу преній. «Максвель одержалъ верхъ въ главномъ пунктѣ, — станутъ говорить, — остальное не имѣетъ значенія». Кромѣ того, многіе либералы, которые будутъ вотировать съ нами по первымъ пунктамъ, не любятъ домовладѣльцевъ. Нѣтъ, не надѣйтесь, что если мы проиграемъ главную битву, мы побѣдимъ въ концѣ.

— Но мы, слава Богу, и не думаемъ проигрывать главную битву, — проворчалъ Фонтеной.—Если бы кто-нибудь другой изъ нашихъ сталъ разсуждать по вашему, я бы зналъ, какъ ему отвѣтить.

Джоржъ ничего не сказалъ. Они нѣсколько минутъ ходили молча, потомъ Фонтеной сказалъ совсѣмъ другимъ тономъ:

— Я все не рѣшался говорить съ вами объ этомъ, Тресседи; скажите, часто видали вы молодого Анкота передъ его отъѣздомъ за границу?

— Да, я встрѣчался съ нимъ нѣсколько разъ въ клубѣ, а одинъ разъ онъ пришелъ ко мнѣ сюда обѣдать.

— И онъ былъ откровененъ съ вами?

— Болѣе или менѣе,—улыбнулся Джоржъ, вспоминая признанія молодого человѣка.

Фонтеной издалъ звукъ: не то вздохъ, не то ворчанье.

— Право, это слишкомъ много, думать не только о своемъ дѣлѣ, но еще о дѣлахъ этого юноши. И такъ странно сложились обстоятельства. Намъ съ Максвелемъ приходится постоянно совѣщаться. Я намедни ходилъ къ нему въ комнату въ палатѣ лордовъ и встрѣтилъ тамъ одного господина, который посмотрѣлъ на меня такими глазами, точно свалился съ облаковъ. Къ счастью, это былъ знакомый, съ которымъ я могъ объясниться, иначе пошли бы всевозможныя сплетни.

— Ну, и что же вы съ Максвелемъ придумали?

— Мы стараемся повліять на молодую женщину. Подкупить ее нельзя, Анкотъ совершеннолѣтній и всегда можетъ предложить больше насъ. Но Максвель отыскалъ ея брата, очень порядочнаго человѣка, какого-то деревенскаго стряпчаго. Кромѣ того, одинъ священникъ имѣетъ на нее вліяніе. Когда на нее находятъ припадки добродѣтели, она исповѣдается у него, Максвель и съ нимъ познакомился.

— А пока Анкотъ въ Вильгельмсбадѣ?

— Да, и ведетъ себя хорошо, какъ мнѣ пишетъ его бѣдная

мать.—Фонтеной вздохнулъ.—Онъ очень испугался, когда доктора отправили ее за границу. Теперь ей лучше, и никто не можетъ предсказать...

— Никто не можетъ предсказать...—повторилъ Джоржъ.

— Хотѣлъ бы я знать,—какъ-то задумчиво проговорилъ Фонтеной, — что значитъ вся эта исторія? Настоящая страсть или комедія?

— Гм, я думаю, комедія,—отвѣчалъ Джоржъ, немного подумавъ.—Мнѣ всегда представляется, что Анкотъ разыгрываетъ роль jeune premier въ пьесѣ собственнаго сочиненія. Вся его жизнь представляется ему рядомъ сценъ, и онъ разыгрываетъ ихъ по всѣмъ правиламъ искусства.

— Нестерпимо!—вскричалъ Фонтеной съ досадой. —И хоть бы онъ не впутывалъ дѣвушку въ свои дѣла. Мы тоже въ свое время не были святыми, но мы не брали себѣ въ повѣренные двадцатилѣтнихъ благовоспитанныхъ дѣвушекъ изъ хорошей фамиліи. Вы, конечно, знаете, почему все общество такъ неожиданно разъѣхалось изъ Лютона-Кэстля?

И онъ разсказалъ ему то же, что Бетти узнала отъ Марчеллы: какъ въ воскресенье, вечеромъ, Анкотъ назначилъ свиданіе молодой дѣвушкѣ, за которой онъ явно ухаживалъ всю зиму, какъ онъ признался ей, что влюбленъ въ актрису, въ женщину, на которой никогда не можетъ жениться, которую мать его не согласится видѣть, но съ которой онъ рѣшился вмѣстѣ жить и вмѣстѣ умереть. Она (Маделена) его другъ, его добрый ангелъ. Она должна идти къ его матери, разсказать ей все и выпросить ему прощеніе. Если она откажется—онъ застрѣлится. Бѣдная молодая дѣвушка, взволнованная, огорченная прилелась еле живая въ комнату миссисъ Аллисонъ...

Джоржъ согласился, что эта исторія до невѣроятности безобразна.

— Я увѣренъ,—прибавилъ онъ, — что Анкотъ сочинилъ все это, какъ оригинальную и эффектную сцену.

— Господи!—вскричалъ Фонтеной,—но тогда это еще въ тысячу разъ отвратительнѣе!

— Конечно,—спокойно подтвердилъ Джоржъ.

— Но зато это подаетъ надежду въ будущемъ. Мнѣ кажется, что если мы придумаемъ для Анкота какую-нибудь эффектную развязку, какой-нибудь пятый актъ, который онъ сочтетъ достойнымъ себя, онъ разыграетъ его безъ сопротивленія.

Фонтеной мрачно улыбнулся, и они нѣсколько минутъ ходили молча.

— Тресседи, не согласитесь ли вы уйти изъ палаты до 11 ча-

совъ?—спросилъ его одинъ изъ членовъ, выбѣгая на террасу со шляпой въ рукѣ. Мнѣ—необходимо отлучиться на нѣсколько часовъ, а до 11-ти не будетъ ничего особенно важнаго.

Джоржъ обмѣнялся нѣсколькими словами съ Фонтеноемъ и согласился *). Лицо его вдругъ оживилось.

Послѣ этого они съ Фонтеноемъ пообѣдали. Когда онъ послѣ обѣда спускался по лѣстницѣ съ террасы, одинъ изъ членовъ парламента, также какъ и онъ, владѣлецъ копей въ Фёртѣ сообщилъ ему, что тамъ всѣ работы пріостановлены.

— Ну, что же! Я очень радъ!—беззаботно отвѣчалъ Джоржъ и прошелъ дальше. Онъ спѣшилъ на поѣздъ.

Быстрыми шагами пошелъ онъ на станцію подземной желѣзной дороги и въ это время совершенно забылъ все, что касалось его копей, хотя, когда онъ проходилъ мимо почтоваго отдѣленія палаты, ему передали цѣлую кучу писемъ и телеграммъ.

Имъ овладѣло мальчишеское нетерпѣніе и оживленіе. Раньше, онъ никакъ не воображалъ, что можетъ быть свободенъ въ этотъ вечеръ. А теперь черезъ полчаса онъ будетъ на Миль-Эндѣ, въ ея оригинальной комнатѣ, будетъ глядѣть на нее, спорить съ нею.

Нѣсколько минутъ спустя, спокойно сидя въ вагонѣ, онъ снова вернулся мыслью къ Летти, къ углекопамъ и къ своимъ денежнымъ затрудненіямъ. Можетъ быть, теперь, пріостановка работъ будетъ ему полезна и нѣсколько обуздаетъ жену его. Что она дѣлала и затѣвала въ Фёртѣ! Онъ покраснѣлъ, лицо его приняло жесткое выраженіе, когда онъ вспомнилъ всѣ ихъ столкновенія за послѣднія двѣ недѣли, ея постоянное посягательство на его кошелекъ, свою слабость, то неудовольствіе и презрѣніе, съ какимъ онъ уступалъ ей, чтобы только не спорить.

Съ какой стати Гардингъ Уаттонъ постоянно у нихъ въ домѣ и постоянно подстрекаетъ Летти на новыя траты, на новыя прихоти? А эта скотина Казединъ? Прилично ли, хорошо ли, что молодая женщина, всего три мѣсяца назадъ вышедшая замужъ, обращала такъ мало вниманія на желанія и вкусы своего мужа, какъ это дѣлала Летти, завязывая дружбу съ человѣкомъ, пользовавшимся такою дурною репутаціей? Джоржу казалось, что онъ бываетъ у нея чуть не каждый день. Летти смѣялась, оправдывалась или бранила своего посѣтителя за глаза; но не прекра-

---

*) Въ англійскомъ парламентѣ существуетъ обычай, по которому членъ какой-либо партіи, не имѣя возможности присутствовать на засѣданіи, отыскиваетъ члена противоположной партіи и уговариваетъ его тоже на время отсутствовать; такимъ образомъ численное отношеніе партій не нарушается.

щала его посѣщеній, хотя Джоржъ ясно давалъ ей понять, что желаетъ этого.

Онъ сидѣлъ одинъ въ ярко освѣщенномъ купе вагона и все время умъ его работалъ съ поразительною ясностью. Холодный свѣтъ, подъ которымъ онъ начиналъ разсматривать свою жену и всѣ ея поступки, имѣлъ въ себѣ нѣчто трагическое.

Куда стремился онъ, чего искалъ въ этомъ Эстъ-Эндѣ? Все его существо отвѣчало: немного сочувствія, немного сердца, немного нѣжности и деликатности души! Ничего больше. Въ прежнее время онъ считалъ за аксіому, что всякая женщина обладаетъ до нѣкоторой степени этими свойствами. Или, можетъ быть, онъ сталъ такъ страстно жаждать ихъ только съ тѣхъ поръ, какъ нашелъ ихъ соединенными въ одномъ существѣ? Онъ прямо поставилъ себѣ этотъ вопросъ. Не слѣдуетъ обманывать самого себя.

Въ Альдгетѣ, выходя на станцію, онъ наткнулся на Эдуарда Уаттона.

— Э, и вы также въ № 20?

— Нѣтъ; сегодня тамъ нѣтъ собранія. Лэди Максвель на митингѣ. Онъ составился какъ-то неожиданно и третьяго дня они упросили ее говорить. Я иду туда. А вы пойдете?

— Конечно.

Уаттонъ посмотрѣлъ на него съ ласковой улыбкой. Вотъ новое доказательство ея силъ; она съумѣла даже этого молодого врача привязать къ своей колесницѣ. Онъ надѣялся, что Летти ничего не имѣетъ противъ этого. Въ сущности, Уаттонъ никогда не былъ близко знакомъ съ своей кузиной Летти и всегда въ тайнѣ удивлялся неожиданной женитьбѣ Тресседи.

XIV.

— Я думаю лучше остановиться здѣсь, — сказалъ Уаттонъ, дѣлая знакъ кондуктору трамвая,—и посмотрѣть, ушли ли они въ самомъ дѣлѣ. или нѣтъ.

Они остановились по срединѣ Миль-Эндърода передъ стѣной, въ которой была калитка. Дѣвочка лѣтъ 15, въ чистенькомъ ситцевомъ платьѣ и передникѣ, отворила имъ. Въ глубинѣ небольшого, мощенаго двора стоялъ старомодный домъ, который Марчелла Максвель купила за годъ передъ тѣмъ, вскорѣ послѣ своего переѣзда изъ дома Артингфордовъ, и гдѣ она устроила свою Эстъ-Эндскую квартиру. Этотъ домъ былъ построенъ около 1750 г. однимъ купцомъ Сити въ видѣ дачи среди полей; позднѣе какая-то благочестивая вдова пристроила къ нему большой низкій залъ

для религіозныхъ митинговъ. Въ этой-то комнатѣ у Марчеллы и собирались ея посѣтители, и Тресседи съ Уаттономъ хорошо знали ее.

Маленькая служанка охотно отвѣчала на ихъ вопросы. Да, на Манксъ-родѣ назначенъ митингъ, и миледи отправилась туда съ лордомъ Незби, лэди Маделеной, Эверардомъ, инспекторомъ, и еще какими-то двумя господами. Она ждетъ барона къ десяти часамъ, и онѣ ночуютъ здѣсь.

— Они говорили, сэръ,—продолжала она, обращаясь къ Уаттону, котораго хорошо знала,—что на митингѣ будетъ много очень грубаго народа.

— О, еще бы, я думаю,—отвѣчалъ Уаттонъ.—Ну, мы поѣдемъ защищать ее.

Дорогой они говорили объ общемъ состояніи округа, и Уаттонъ разсказалъ все, что зналъ о предстоящемъ митингѣ. Во-первыхъ, по его мнѣнію, лэди Максвель не знала, что билль возбуждалъ неудовольствіе въ значительной части Эстъ-Энда; онъ боялся, что предстоящій митингъ явится для нея печальнымъ откровеніемъ.

— Скажите, пожалуста—спросилъ Тресседи,—при чемъ тутъ Незби? Почему онъ принимаетъ участи во всѣхъ дѣлахъ леди Максвель?—Уаттонъ объяснилъ, что за послѣдніе мѣсяцы Незби былъ товарищемъ и помощникомъ обоихъ Максвелей. Друзья считали его пріятнымъ, свѣтскимъ лѣнтяемъ, а между тѣмъ, въ послѣдніе годы Незби употреблялъ все свободное время, остававшееся ему отъ служебныхъ обязанностей, на изученіе политической экономіи и соціологіи. Онъ принималъ участіе въ обслѣдованіи нѣкоторыхъ типичныхъ отраслей производствъ Западнаго Лондона; это обслѣдованіе надѣлало шуму и данныя, собранныя имъ, играли большую роль при преніяхъ по поводу билля Максвеля. Въ то же время Незби не былъ слѣпымъ послѣдователемъ Максвелей. Подъ его юношескою беззаботностью и веселостью скрывался умъ ученаго, котораго больше привлекаетъ самая задача, чѣмъ какое-либо разрѣшеніе ея. У него не было «убѣжденія», какъ онъ самъ сказалъ лэди Бетти, и, по его мнѣнію, лучше было бы не касаться домашняго производства или, во всякомъ случаѣ, уничтожать его не законодательнымъ порядкомъ, а болѣе мягкими и постепенными мѣрами. Максвели отлично знали все это, тѣмъ не менѣе, любили его и довѣряли ему.

Въ настоящее время Незби, повидимому, сдѣлалъ еще шагъ впередъ. Если билль пройдетъ, онъ осуществитъ свой планъ. Онъ былъ очень богатымъ человѣкомъ, независимо отъ маркизата, ко-

торый ждалъ его въ будущемъ, и собирался сдѣлать оригинальное употребленіе изъ своихъ денегъ. Онъ намѣревался устроить синдикатъ съ капиталомъ, приблизительно въ четверть милліона фунтовъ, взять въ свои руки одинъ изъ округовъ Эстъ-Энда, скупить всѣ существующіе тамъ главныя промышленныя заведенія, завести систему новыхъ мастерскихъ, пропорціонально съ количествомъ населенія, и снабжать ихъ работою; рабочіе мастерскихъ будутъ имѣть своихъ представителей въ синдикатѣ; нынѣшніе мелкіе мастерки, раздающіе работу, должны или получать вознагражденіе, или будутъ поглощены новой системой. Съ ихъ стороны нельзя ожидать энергичной оппозиціи.

Тресседи сдѣлалъ нѣсколько недружелюбныхъ замѣчаній на этотъ проектъ: фантазія человѣка, не знающаго законовъ политической экономіи, это только увеличитъ число лицъ, которыхъ разоритъ билль.

— Ну,—сказалъ Уаттонъ,—если билль пройдетъ, явится много желающихъ производить разные опыты, и Незби будетъ однимъ изъ нихъ. Я о томъ же мечтаю, хотя у меня нѣтъ четверти милліона. Вотъ куда намъ надо. Мы, кажется, опоздали; митингъ уже начался. Посмотрите-ка сюда!

Повернувъ на Манксъ-родъ, они увидѣли, что на улицѣ собрался свой собственный большой митингъ. Вѣроятно, комната школы, гдѣ было назначено собраніе, была полна, и тѣ, кому не хватило мѣста, толпились среди улицы.

Проталкиваясь вмѣстѣ съ своимъ пріятелемъ сквозь толпу, Тресседи замѣтилъ среди нея много знакомыхъ типовъ, которые онъ наблюдалъ посѣщая разныя мастерскія Эстъ-Энда, Бау и Степнея.

Когда Тресседи и Уаттонъ подходили къ школьному дому, гдѣ давка была особенно сильна, ихъ, вѣроятно, признали за сторонниковъ Максвеля, послышалась брань и свистки по ихъ адресу, и они съ трудомъ могли протискаться, и то съ помощью полицейскаго. Онъ провелъ ихъ въ переднюю, и затѣмъ, продолжая протискиваться впередъ, они очутились, наконецъ, въ классной комнатѣ. Тамъ стояла такая густая толпа и была такая удушливая атмосфера, что въ первыя минуты Тресседи не могъ сообразить, что такое происходитъ. Наконецъ, онъ увидѣлъ, что Незби говоритъ. Незби очень изящный, тщательно подвитый, выяснялъ общее значеніе билля, свой планъ мастерскихъ и будущее рабочихъ Эстъ-Энда. Онъ описывалъ свой планъ, но такъ, что было неизвѣстно, хвалитъ онъ его или порицаетъ; что касается билля, который онъ сравнивалъ съ прежними фабричными законами, то въ

его изложеніи онъ являлся чѣмъ-то жалкимъ, слабымъ, неопредѣленнымъ, что могло и раззорить Эстъ-Эндъ, и облагодѣтельствовать его.

Когда ораторъ дошелъ до заключительныхъ словъ, Тресседи вдругъ замѣтилъ изящный женскій профиль на платформѣ сзади Незби. Сдержанная улыбка на ея губахъ заставила и его улыбнуться.

— Чего ради позволяютъ они Незби говорить?—съ досадой сказалъ Уаттонъ.—Какая глупость! Онъ все портитъ. Пусть бы онъ давалъ деньги и предоставлялъ другимъ ораторствовать. Посмотрите, его здѣсь никто не понялъ! Видите, какія у всѣхъ лица. Съ кѣмъ это онъ говоритъ?

— Кажется, съ леди Маделеной,—сказалъ Тресседи.—Какіе удивительно рыжіе волосы у этой дѣвушки и какіе оригинальные, какъ будто испуганные глаза! Она похожа на какого-то загнаннаго звѣрка, такъ и хочется погладить ее.

— Ну, кажется, Незби уже погладилъ,—смѣясь сказалъ Уаттонъ.—Посмотрите на нее, она вся расцвѣтаетъ при его приближеніи.

Тресседи вспомнилъ исторію, которую разсказывалъ ему Фонтеной, и подумалъ, что дѣвушки «изъ хорошей фамиліи» скоро находятъ себѣ утѣшеніе. Между тѣмъ, разные члены рабочихъ союзовъ, энергичные и интеллигентные люди въ черныхъ сюртукахъ выходили впередъ и поддерживали то или другое положеніе; ни одинъ изъ нихъ не упускалъ случая высказать нѣсколько неодобрительныхъ замѣчаній на рѣчь Незби. Тресседи мало слышалъ изъ того, что они говорили. Его глаза и мысли были заняты исключительно женщиной, стоявшей налѣво отъ каѳедры. Ея прелестная, исполненная достоинства, фигура производила на него чарующее впечатлѣніе, наполняла его чувствомъ какого-то тревожнаго счастія.

Очнувшись отъ своего очарованнаго сна, онъ съ нетерпѣніемъ обратился къ Уаттону. Долго еще это протянется? Британскіе рабочіе говорятъ необыкновенно пространно. Нельзя ли пробраться къ платформѣ?

Уаттонъ окинулъ взглядомъ толпу и пожалъ плечами.

— Пока еще нельзя.—Говорилъ какой-то старый еврей-рабочій въ пользу билля, потомъ какая-то женщина, содержавшая своимъ трудомъ пьяницу мужа и трехъ дѣтей—противъ билля и, наконецъ, предсѣдательница дала слово леди Максвель.

Она медленно выступила впередъ, оглядываясь во всѣ стороны, какъ бы ища глазами друзей. Она была въ черномъ платьѣ и въ маленькой черной кружевной шляпкѣ, завязки которой были

заколоты булавкой съ небольшимъ брилліантомъ. Тресседи съ наслажденіемъ любовался нѣжной бѣлизной ея лица и рукъ и этой свѣтлой искрой на ея шеѣ, вспыхивавшей при каждомъ движеніи ея. Грязь и физическіе недостатки окружавшей толпы исчезли для него: ея красота уравновѣшивала ихъ.

Онъ сталъ жадно прислушиваться къ звукамъ ея голоса, но мало-по-малу перешелъ отъ ожиданія къ нетерпѣнію, отъ нетерпѣнія къ разочарованію.

Что съ ней? Она какъ-то говорила ему, что не обладаетъ ораторскимъ талантомъ, но онъ не повѣрилъ ей. Она начала хорошо, хотя съ нѣкоторою нерѣшительностью, которой онъ не ожидалъ отъ нея. Но потомъ она какъ-то сбилась, потеряла нить мыслей... Какія негладкія фразы, какая сбивчивость изложенія!

Тресседи и Уаттонъ обмѣнялись взглядами. Если она такъ будетъ продолжать, ее перестанутъ слушать. Сначала ее слушали внимательно, такъ какъ она начала съ изложенія билля и съ защиты его пунктъ за пунктомъ, а половина аудиторіи знала, что она жена лорда Максвеля. Но черезъ десять минутъ общее вниманіе утомилось. На нее просто смотрѣли, потому что она красива и потому что она важная леди. Она поблѣднѣла, Тресседи видѣлъ, что она старается оправиться, но все напрасно. Онъ краснѣлъ отъ досады и волненія, его собственное тщеславіе страдало отъ ея неудачи.

— Слишкомъ длинно, — сказалъ Уаттонъ на ухо Тресседи, — и слишкомъ учено; они не понимаютъ.

Тресседи кивнулъ. Онъ хотѣлъ одного, чтобы все это скорѣе кончилось.

— Посторонитесь! посторонитесь!—кричалъ полицейскій, отстраняя толпу,—пропустите леди!

Тресседи всѣми силами старался протискаться сквозь толпу, держа подъ руку леди Максвель. Незби и леди Маделена отстали отъ нихъ.

— Мы скоро найдемъ извозчика,—говорилъ онъ, наклоняясь къ ней.—Вы, кажется, очень устали. Пожалуста, опирайтесь на меня.

Онъ былъ, въ сущности, благодаренъ толпѣ: она давала ему возможность защищать и поддерживать ее.

Съ помощью полицейскаго имъ удалось выбраться на улицу. Тотъ же полицейскій подозвалъ имъ кэбъ. Лэди Максвель уже занесла ногу на подножку, какъ вдругъ Тресседи почувствовалъ, что мимо него что-то пролетѣло. Раздался легкій крикъ. Стройная фигура впереди него какъ будто пошатнулась.

Тресседи вскочилъ въ кэбъ, поддержалъ ее, и черезъ нѣсколько секундъ горячая лошадь уносила ихъ изъ Манксъ-рода при крикахъ толпы, начинавшей рѣдѣть.

— Васъ зашибли?—спросилъ онъ.

— Да, немного, — слабымъ голосомъ отвѣчала она. — Велите ему, пожалуйста, ѣхать сначала на Миль-Эндъ-родъ.

— Я такъ и сказалъ ему. Не могу ли я сдѣлать что-нибудь, чтобы остановить кровь?

Онъ съ отчаяніемъ посмотрѣлъ на нее. Платокъ и нѣжная ручка, которою она придерживала его на лбу, были залиты кровью.

— Нѣтъ ли у васъ съ собой лишняго шелковаго платка? — спросила она съ легкой улыбкой.

Къ счастью, у него оказался платокъ. Она сняла шляпку и объяснила ему дѣловымъ тономъ, что надобно сдѣлать. Пальцы его дрожали, пока онъ исполнялъ ея приказанія; но во время путешествій онъ пріобрѣлъ нѣкоторую снаровку, и вдвоемъ они наложили повязку довольно сносно. Послѣ этого она отклонилась въ уголъ экипажа, и онъ думалъ, что ей дурно. Онъ молчалъ и съ отчаяніемъ глядѣлъ на ея дрожавшія губы, на ея блѣдныя щеки. Но она не потеряла сознанія и мало-по-малу совершенно пришла въ себя.

— Надѣюсь, — проговорила она, все еще не открывая глазъ,— что другіе прошли благополучно! О, какая неудача, какая неудача! Я боюсь, что повредила Альдусу.

Тонъ, которымъ были сказаны эти послѣднія слова, до глубины души тронулъ Тресседи. Очевидно, она съ трудомъ удерживалась отъ слезъ.

— Они не стоили того, чтобы вы ходили къ нимъ и говорили съ ними. Впрочемъ, шумѣло только меньшинство.

Она не говорила ни слова больше, пока они не подъѣхали къ дому на МильЭндъ-родѣ.

Тогда она обратилась къ нему.

— Я хотѣла ночевать здѣсь, но, я думаю, мнѣ надобно лучше ѣхать домой. Альдусъ, пожалуй, узнаетъ, что были безпорядки. Я оставлю здѣсь записку и поѣду домой.

— Надѣюсь, вы мнѣ позволите проводить васъ. Мы всѣ будемъ безпокоиться, если вы останетесь однѣ именно теперь. Я долженъ быть въ палатѣ не раньше одиннадцати.

Она съ улыбкой кивнула головой въ знакъ согласія; затѣмъ вошла въ домъ, тяжело опираясь на его руку.

Когда она снова вышла на улицу въ сопровожденіи своихъ двухъ маленькихъ служанокъ, перепуганныхъ и удивленныхъ

тѣмъ, что съ ихъ госпожей случилось такое несчастіе, на голову ея былъ накинутъ густой кружевной шарфъ, скрывавшій повязку и придававшій ея блѣдному лицу удивительно трогательный видъ.

— Какъ бы мнѣ хотѣлось увидѣть Маделену, — проговорила она встревоженнымъ голосомъ, стоя подлѣ кэба и смотря вдоль улицы. — Ахъ!

Она увидѣла кэбъ, который быстро ѣхалъ въ ихъ сторону. Когда онъ остановился, оказалось, что въ немъ сидитъ Маделена и лордъ Незби. Маделена почти упала къ ногамъ Марчеллы и страшно перепугалась, когда увидѣла черный шарфъ, обвязанный вокругъ лица ея. Но Марчелла скоро успокоила ее и передала на попеченіе другой леди, жившей въ томъ же домѣ. Затѣмъ она сдѣлала прощальный знакъ рукою Незби, который съ своимъ обычнымъ хладнокровіемъ не предложилъ ни одного вопроса, не сдѣлалъ ни одного замѣчанія, и уѣхала вмѣстѣ съ Тресседи.

— Маделена ночуетъ у меня,—объясняла Марчелла дорогой,— она послѣднее время часто бывала у меня. Но мнѣ не слѣдовало брать ее съ собою сегодня, вечеромъ. Если бы съ ней случилось несчастіе, леди Кентъ никогда не простила бы мнѣ этого. О, все это была ошибка, большая ошибка! Я, кажется, воображала,— какое безуміе!—что я могу принести пользу, произвести эффектъ.

Она закусила губу и на ея бѣломъ лбу появилась морщина. Тресседи чувствовалъ, что сердце ея было полно печали, что нервы ея были потрясены. Послѣ всѣхъ этихъ мѣсяцевъ труда, послѣ всѣхъ изъявленій сочувствія и благодарности, внезапное соприкосновеніе съ грубостью толпы разстроило ее.

У него явилось страстное желаніе утѣшить, успокоить ее.

— Вы не говорили бы объ ошибкѣ, о неудачѣ, если бы вы знали, насколько возможность приближаться къ вамъ, слушать, видѣть васъ—трогаетъ и просвѣтляетъ нѣкоторыхъ людей.

Его щеки горѣли, онъ глядѣлъ на нее смѣло и страстно. Она тоже покраснѣла, и ему казалось, что онъ видитъ, какъ волнуется ея грудь.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! — вскричала она. — Развѣ это возможно, когда я чувствую себя такой слабой, неумѣлой, безполезной. Отчего я не могла лучше говорить! Впрочемъ, это, можетъ быть, и хорошо. Это приготовляетъ къ...

Она не договорила и, высунувшись изъ окна, стала смотрѣть на массу экипажей и лицъ, подъѣзжавшихъ и подходившихъ къ дому лорда-мэра: ея крѣпко сжатыя губы дрожали.

— Къ послѣднему неизбѣжному разочарованію, — вѣроятно, хотѣла она сказать.

— Если бы вы могли знать, какъ тяжело быть не одинаковаго съ вами мнѣнія, — вскричалъ онъ; — какъ тяжело быть обязаннымъ поддерживать иные взгляды.

— О да, пожалуйста, не говорите, я знаю, что вы связаны обязательствомъ,—поспѣшила она перебить его, пугаясь всякихъ личныхъ изліяній.

Они замолчали. Тресседи смотрѣлъ на дома улицы Королевы Викторіи, на свѣтлую лѣтнюю ночь, и досадовалъ, что кэбъ ѣдетъ слишкомъ быстро, что они скоро подъѣдутъ къ рѣкѣ, гдѣ будетъ меньше ѣзды, гдѣ никто не будетъ преграждать имъ дорогу, онъ жалѣлъ о каждой исчезавшей минутѣ.

— Сегодня вечеромъ,—снова заговорилъ онъ, наклоняясь къ ней и стараясь заглянуть въ ея лице,—я убѣдился въ одной вещи, о которой до сихъ поръ не говорилъ вамъ. По крайней мѣрѣ одного человѣка, если это имѣетъ для васъ значеніе, вы заставили чувствовать то, что вы сами чувствуете. Не знаю, благодаренъ ли я вамъ за это. На практикѣ мы, можетъ быть, столь же далеки другъ отъ друга, какъ были и раньше. Но, вступая въ эту политическую игру, я ничего не чувствовалъ, а теперь...

Сердце его билось. Чего бы не сказалъ онъ, безумный юноша, чтобы заставить ее взглянуть на себя, чтобы утѣшить ее въ горѣ!

Но этого было довольно. Она открыла глаза и посмотрѣла на него съ такою ласкою, съ такою благодарностью, что онъ былъ ослѣпленъ.

— Вы очень добры,—сказала она;—впрочемъ, я съ перваго раза почему-то поняла, что вы намъ другъ. Это какъ-то чувствуется, несмотря на разницу въ мнѣніяхъ.

Она произнесла эти немногія слова взволнованнымъ голосомъ; ея волненіе происходило изъ разныхъ источниковъ, которые, въ сущности, не имѣли отношенія къ Тресседи. А между тѣмъ молодой человѣкъ упивался имъ. И все-таки, странное дѣло, не смотря на ея нѣжность и благодарность, между ними возникла какъ бы стѣна. Что-то говорило ему, что больше сказаннаго она никогда ничего ему не скажетъ, что это послѣдній предѣлъ, до котораго она можетъ дойти.

Они проѣхали подъ желѣзнодорожнымъ мостомъ у Чарикъ-Кросса. Луна ярко сіяла надъ темною рѣкою и башни Вестминстера рисовались сѣрымъ силуэтомъ на небѣ, еще позолоченномъ угасавшею зарею.

— Что дѣлалось сегодня передъ обѣдомъ въ парламентѣ? спросила она, глядя на башни.—Ахъ, я и забыла. Смотрите, скоро одиннадцать. Пожалуйста, позвольте мнѣ спустить васъ здѣсь. Я отлично могу доѣхать и одна.

Онъ запротестовалъ, и она согласилась съ снисходительной улыбкой, отъ которой ему стало грустно. Затѣмъ онъ разсказалъ ей о томъ, что происходило въ палатѣ, они стали говорить о назначенной на понедѣльникъ подачѣ голосовъ по группамъ, и о слѣдующемъ рѣшающемъ голосованіи въ комитетѣ; онъ все время чувствовалъ, что ей готовится ударъ, и что онъ долженъ помогать нанести этотъ ударъ. А между тѣмъ, въ этой темѣ было что-то привлекательное. Ни одинъ изъ нихъ не могъ говорить ни о чемъ другомъ.

Около Пель-Меля было много экипажей и имъ пришлось пережидать на углу улицы, которая идетъ къ Ст. Джемсъ-скверу. Тресседи замѣтилъ человѣка, стоявшаго на тротуарѣ. Этотъ человѣкъ улыбнулся, сдѣлалъ удивленное лицо и снялъ шляпу. Лэди Максвель холодно поклонилась ему и тотчасъ же отвернулась. Тресседи узналъ Гардинга Уаттона; но ни одинъ изъ нихъ не произнесъ его имени.

Черезъ нѣсколько минутъ она исчезла въ дверяхъ своего дома. Ея рука нѣжно пожала его руку.

— Я такъ вамъ благодарна!—сказала она,—и Максвель также будетъ очень благодаренъ. Мы скоро увидимся и посмѣемся надъ нашими сегодняшними бѣдствіями.

И она ушла, а онъ стоялъ растерянный, не зная, что дѣлать. Одиннадцать! Куда ему идти? Тогда онъ вспомнилъ, что долженъ идти въ парламентъ, вспомнилъ, что обѣщалъ заѣхать за Летти и отвезти на одинъ поздній балъ. Значитъ, вечеръ не кончился, а еще только начинается. Онъ чуть не смѣялся, садясь снова въ кэбъ.

Между тѣмъ Марчелла прошла черезъ первую переднюю во вторую, большую комнату съ колоннами, которая оставалась въ полумракѣ, не смотря на одиноко горѣвшую свѣчу.

На дальнемъ концѣ ея открылась дверь.

— Альдусъ!

— Ты!

Онъ подошелъ ближе, и она бросилась къ нему. Обнимая ее, онъ почувствовалъ, что она вся дрожитъ. Она въ десяти словахъ разсказала ему, что случилось. Онъ увидѣлъ повязку у нея на головѣ и испугался. Она видѣла, что онъ поблѣднѣлъ, и полюбила его за то еще сильнѣе: она знала, что немногія вещи могли взволновать его до такой степени.

Онъ хотѣлъ провести ее въ библіотеку, гдѣ сидѣлъ за работой, но она отказалась.

— Позволь мнѣ прежде пройти къ Аннетѣ,—сказала она.— У меня маленькая рана, я знаю, что совсѣмъ маленькая, но ее

надо хорошенько перевязать. Мы это отлично устроимъ вдвоемъ. Тогда приходи ко мнѣ. Я за тобой пришлю, мнѣ надобно поговорить съ тобой.

Въ глубинѣ души она немного боялась разговора съ нимъ. Что, если въ газетахъ появится преувеличенный разсказъ о происшествіи, если это въ самомъ дѣлѣ повредитъ ему и въ такую критическую минуту!

Онъ согласился, но настоялъ на томъ, чтобы самому полувести, полунести ее по лѣстницѣ, и она съ наслажденіемъ опиралась на его сильную руку.

Черезъ полчаса она прислала за нимъ. Горничная нашла его въ передней: онъ ходилъ взадъ и впередъ и ждалъ.

Когда онъ вошелъ въ комнату, она лежала на софѣ въ бѣлой шолковой блузѣ. Черныя кружева снова были наброшены ей на голову, и онъ не видѣлъ ничего, кромѣ блѣднаго лица и страстныхъ, робкихъ глазъ, робкихъ только передъ нимъ однимъ въ цѣломъ свѣтѣ. Она съ тревогой взглянула на него. Пока она его ждала, она испытывала какое-то сладострастное удовольствіе, чувствуя, что боится его, боится заслужить его неудовольствіе.

— Ну, теперь разсказывай подробно все, что ты дѣлала,—сказалъ онъ взволнованнымъ голосомъ, садясь подлѣ нея и держа ее за руку; предварительно онъ убѣдился, что рана была незначительна и не оставитъ послѣ себя слѣдовъ.

Она разсказала ему всѣ свои приключенія и съ замираніемъ сердца видѣла, что онъ хмурится. Она положила руку ему на плечо.

— Я въ первый разъ взялась за общественное дѣло, не посовѣтовавшись съ тобой. Я хотѣла спросить у тебя вчера, но мы оба были слишкомъ заняты. Они очень быстро устроили этотъ митингъ и пришли просить меня говорить, когда уже все было готово.

— Да, мы оба слишкомъ заняты,—полупечальнымъ голосомъ проговорилъ онъ.—Мы хлопочемъ, суетимся, волнуемся...

— Ты находишь, что я не должна была говорить именно теперь? Это можетъ повредить тебѣ?

— Я думаю, что нѣкоторыя газеты станутъ сильно толковать объ этомъ инцидентѣ,—съ легкой улыбкой отвѣчалъ онъ.

Въ сущности, его природные инстинкты и вкусъ были возмущены всей этой исторіей. Его жена, жена кабинетъ-министра, выступаетъ въ защиту билля своего мужа, или, какъ скажутъ враги, въ защиту его политическаго существованія на митингѣ въ Эстъ-Эндѣ, передъ толпой всякаго сброда; она подвергаетъ себя грубости черни, подвергаетъ себя ударамъ камней! Это проти-

ворѣчило всѣмъ его традиціоннымъ понятіямъ! Но ему не приходило въ голову навязывать свои мысли женѣ. Женясь на ней, онъ не ставилъ ей никакихъ требованій и скорѣе согласился бы вынести пытку, чѣмъ сколько-нибудь стѣснить ея свободу. Вслѣдствіе этого многіе находили, что онъ слишкомъ слабъ, слишкомъ угождаетъ женѣ; онъ зналъ, что былъ только послѣдовательнымъ. Здравомыслящій человѣкъ не можетъ отдать свое сердце Марчеллѣ, ничѣмъ не поступившись за это счастье.

Она ничего не отвѣтила на его замѣчаніе, но онъ видѣлъ, что она неспокойна.

— Говори мнѣ всегда,—сказала она, положивъ свои пальчики на его руку,—когда ты замѣтишь, что я часто ухожу отъ тебя, что я слишкомъ много занимаюсь другими.

Онъ вздохнулъ, это былъ слабый вздохъ, но онъ кольнулъ ее въ сердце.

— Я былъ здѣсь за часъ до обѣда,—сказалъ онъ,—тебя не было, и домъ показался мнѣ пустымъ. Я хотѣлъ съѣздить за тобой, но мнѣ надобно было прочесть важныя бумаги къ завтрему.—Она знала, что на слѣдующій день назначено совѣщаніе министровъ.—Потомъ мнѣ надобно было дать Саундерсу программу статьи въ отвѣтъ на послѣднія нападки Уаттона, и мнѣ очень хотѣлось переговорить съ тобой. Главное, если бы я зналъ объ этомъ митингѣ, я попросилъ бы тебя не ходить на него. Но я никогда не воображалъ, что ты рѣшишься выступить передъ толпой. Подумай только,—онъ почти грубо прижалъ ея руку къ своимъ губамъ,—что если бы этотъ камень былъ немного тяжелѣе, если бы его бросили немного прямѣе...

Онъ остановился. Слезы навернулись на ея глаза, румянецъ счастья покрылъ ея щеки. Она была благодарна камню, который вызвалъ такое волненіе въ его сердцѣ.

Быть можетъ, какой-нибудь инстинктъ подсказалъ ему, что не слѣдуетъ слишкомъ утѣшать ее такими изліяніями; онъ всталъ съ мѣста и прошелся по комнатѣ.

— Ну, не будемъ больше думать объ этомъ, иначе я могу стать тираномъ и начать говорить, что ты должна и чего не должна дѣлать. Ты *знаешь*, что держишь въ рукахъ двѣ жизни и всѣ планы будущаго, какіе занимаютъ и тебя, и меня. Ты говорила, что Тресседи проводилъ тебя домой?

Онъ повернулся и посмотрѣлъ на нее.

— Да, Эдвардъ Уаттонъ привезъ его на митингъ.

— Но онъ и кромѣ того часто бываетъ у тебя и тамъ, и здѣсь?

— О, да! почти каждую недѣлю послѣ того, какъ мы встрѣтились въ Кэстль-Лютонѣ.

— Странно,—задумчиво проговорилъ Максвель;—онъ все-таки навѣрно подастъ голосъ за Фонтеноя. Его рѣчь къ избирателямъ связываетъ его по рукамъ и по ногамъ.

— О, конечно, онъ подастъ голосъ за Фонтеноя,—сказала Марчелла, безпокойно двигаясь, — но все-таки пріятно заставить его перемѣнить образъ мыслей. Онъ теперь говоритъ совсѣмъ не то, что прежде.

Максвель стоялъ въ ногахъ кушетки и цѣлый рой непріятныхъ мыслей осаждалъ его. Ему понравился этотъ молодой Тресседи въ Кэстль-Лютонѣ, гдѣ онъ съ нимъ познакомился, и ему было отчасти пріятнѣе замѣчать, какъ онъ подпадаетъ очарованію Марчеллы. Но это посѣщеніе ихъ Эстъ-Эндскаго лагеря въ такое критическое время было чѣмъ-то страннымъ и заставляло предполагать слишкомъ сильное вліяніе личности.

Сознаетъ ли она вполнѣ ту силу, которою обладаетъ? Разъ или два во время ихъ брачной жизни Максвель видѣлъ, какъ дѣйствуютъ чары его жены, и испытывалъ нѣкоторое волненіе. «Если бы я былъ на мѣстѣ молодого человѣка, съ которымъ она такъ разговаривала и такъ гуляла,—не разъ говорилъ онъ самъ себѣ,—я бы влюбился въ нее, хотя бы она была двадцать разъ женой другого». Между тѣмъ, все кончалось благополучно; онъ въ душѣ упрекалъ себя въ грубости чувствъ, но не рѣшался сказать ей ни слова по этому поводу. Онъ и теперь не рѣшался. Да и какая нелѣпость! Молодой человѣкъ только-что женился и на разсѣянный, равнодушный взглядъ Максвеля молодая жена его казалась очень миленькой, хорошенькой особой. Его нервы утомлены политическою жизнью, и оттого являются подобныя мысли. Онъ не станетъ тревожить ее ими.

Онъ продолжалъ стоять у ея ногъ; она лежала такая слабая, покорная, нѣжная, глаза ея искали его глазъ, и мало-по-малу всѣ дурныя мысли исчезли изъ его головы, она точно магнитомъ привлекала его къ себѣ.

Она улыбнулась. Онъ сталъ на колѣни подлѣ нея, и она положила обѣ руки ему на плечи.

— Милый,—сказала она, полусмѣясь, полуплача.—Я такъ гадко говорила; тебѣ было бы стыдно за меня. Я не могла заставить митингъ слушать себя. Я не убѣдила ни одного человѣка. Лэди партіи лорда Фонтеноя одержали верхъ. Сначала мнѣ это было очень грустно, грустно изъ-за тщеславія и изъ-за того, что я не могла помочь тебѣ. А теперь я даже очень рада.

— Въ самомъ дѣлѣ?—съ нѣкоторой язвительностью отвѣчалъ Максвель.—А я не только радъ, я въ восторгѣ! Это тебѣ достойное наказаніе!

Она зажала ему ротъ рукой.

— Не мѣшай мнѣ договорить. Я рада потому, что общественная жизнь и успѣхи въ общественной жизни дѣлаютъ человѣка одинокимъ, разлучаютъ его съ близкими. Я теперь вижу, что могло бы случиться. У меня явилась бы новая страсть, которая отравила бы все мое существованіе. Я пріобрѣтала бы тебѣ голоса, но за то наши сердца зачерствѣли бы. Ну, вотъ видишь! Бери меня, какая я есть, брани меня, презирай меня. Я ничтожное созданіе, но я твоя!

Это было смиреніе, вѣроятно, подобное тому, съ какимъ Діана признавалась въ любви пастуху, склоняя къ нему свою божественную голову на Латтіанской скалѣ.

XV.

Джоржъ вернулся въ палату и провелъ въ залѣ съ полчаса, слушая красивую рѣчь члена прежняго либеральнаго кабинета, который ѣдко нападалъ на нынѣшнее торійское министерство.

Между тѣмъ въ курильныхъ комнатахъ и въ корридорахъ стоялъ немолчный гулъ разговоровъ и споровъ по поводу возможныхъ результатовъ предстоящаго голосованія. Тресседи бродилъ среди толпы, какъ тѣнь, равнодушный и задумчивый, стараясь, главнымъ образомъ, избѣжать всякихъ дальнѣйшихъ разговоровъ съ Фонтеноемъ. Въ залѣ онъ или стоялъ у дверей, или садился на одну изъ поперечныхъ скамескъ, чтобы быть подальше отъ предводителя своей партіи.

Около двѣнадцати часовъ онъ поѣхалъ домой, наскоро переодѣлся и отправился туда, гдѣ долженъ былъ встрѣтить Летти. Она уже ждала его и встрѣтила легкимъ упрекомъ; ей хотѣлось поскорѣе попасть на балъ. Дорогой она болтала съ нимъ о томъ, гдѣ провела вечеръ, о лицахъ и нарядахъ, которые видѣла.

— А у тебя, глупый мальчикъ,—смѣясь, прервала она сама себя, похлопывая его по рукѣ своимъ вѣеромъ,—у тебя былъ такой мрачный видъ сегодня утромъ, когда я сказала, что не могу ѣхать къ лэди Тресседи; а знаешь что? она была сегодня на вечерѣ, на вечерѣ, голубчикъ! и какъ одѣта! Миссисъ Уили Смитъ разсказывала мнѣ, что видѣла ее у Веберовъ.

— Очень возможно,—сухо отвѣчалъ Джоржъ;—во всякомъ случаѣ сегодня утромъ она была очень нездорова.

Летти пожала плечами, но ей не хотѣлось дѣлать ему непріятности и пускаться въ споры по этому поводу. Ей нравилось то платье, которое было на ней надѣто, нравилась вся ея собственная фигура, какъ она только что видѣла ее въ зеркалѣ передней, нравился, наконецъ, красивый, изящно одѣтый мужъ, сидѣвшій рядомъ съ нею. Она оглядывала его, натягивая на руки новую пару перчатокъ. Въ послѣднее время онъ былъ сильно поглощенъ этими несносными парламентскими дѣлами, и она представлялась сама себѣ необыкновенно доброй и снисходительной женой, что терпѣла это. Она терпѣла даже то, что онъ ѣздилъ къ лэди Максвель въ Эстъ-Эндъ.

Мысль о лэди Максвель заставила ее разсмѣяться.

— Ахъ, знаешь, Гардингъ такъ смѣшно говорилъ сегодня о Максвеляхъ —обратилась она къ Тресседи самымъ довѣрчивымъ и веселымъ тономъ.—Онъ увѣряетъ, что она страшно всѣмъ надоѣла надоѣло то, что она мѣшается въ дѣла, проповѣдуетъ и все такое, и всѣ осуждаютъ мужа, зачѣмъ онъ не остановитъ ее. Гардингъ говоритъ, что онъ этимъ ничего не выиграетъ, что англичане никогда не позволятъ юбкамъ управлять собой. Да, какъ бы не такъ! Не позволятъ! а все-таки, не въ томъ, такъ въ другомъ они не могутъ не подчиняться юбкамъ!

Она вытянула свою гибкую шею и, повернувъ голову, слегка поцѣловала мужа въ щеку.

Инстинктивно отвѣчая на ея ласку, Джоржъ взялъ ее за руку, но онъ не сказалъ ей тѣхъ любезныхъ словъ, на которыя она разсчитывала. Прежде чѣмъ она начала говорить, онъ хотѣлъ разсказать ей о томъ, какъ провелъ вечеръ, о митингѣ, о томъ, что провожалъ лэди Максвель. До сихъ поръ онъ былъ слишкомъ гордъ и слишкомъ увѣренъ въ себѣ, чтобы скрывать отъ Летти что-либо. И, къ счастью, она относилась спокойно ко всѣмъ его сообщеніямъ. Послѣ возвращенія изъ деревни у нея было такъ много развлеченій, она слышала такъ много комплиментовъ, что ей и въ голову не приходило ревновать. Можетъ быть, въ глубинѣ души молодой мужъ былъ даже нѣсколько обиженъ ея равнодушіемъ.

Но когда она упомянула имя Гардинга у него пропала охота говорить. Позже, послѣ бала, когда они останутся одни, онъ все скажетъ ей, онъ постарается растолковать ей, какого рода женщина Марчелла Максвель. У него даже являлось смутное намѣреніе попытаться упросить лэди Максвель поближе сойтись съ Летти. Если бы она могла передать ей хоть немного своей поэзіи, своей очаровательности—онъ былъ бы доволенъ.

*

Онъ посмотрѣлъ на жену. Она сидѣла подлѣ него погруженная въ пріятныя мысли о своихъ свѣтскихъ успѣхахъ и казалась очень хорошенькой и молоденькой. Его удивляло одно: для чего покрываетъ она свое еще свѣжее личико такимъ толстымъ слоемъ пудры, и вообще весь туалетъ ея представлялся ему слишкомъ изысканнымъ и не довольно скромнымъ. Ихъ взаимныя отношенія начинали вызывать въ немъ странное ощущеніе: личность его какъ будто раздваивалась, и онъ смотрѣлъ на себя и на нее въ качествѣ посторонняго зрителя, недоумѣвая, чѣмъ кончится дѣло. Можетъ быть, это было слѣдствіемъ мало развитого въ немъ чувства нравственности, но онъ не сознавалъ, что какъ мужъ несетъ нѣкоторую отвѣтственность за ея поступки. Онъ смотрѣлъ на нее также, какъ на себя, какъ на совершенно свободную личность, равноправную съ нимъ во всѣхъ житейскихъ отношеніяхъ.

Домъ, въ который они ѣхали, принадлежалъ очень богатымъ людямъ, и Летти съ волненіемъ ожидала котильона.

— Говорятъ, на ихъ послѣднемъ балу принадлежности котильона стоили 800 фунтовъ,—съ жаромъ разсказывала она Джоржу.

— Они всегда все устраиваютъ отлично.

По всей вѣроятности, ожиданіе необыкновеннаго котильона собрало такую массу гостей. Ночь была душная; лѣстница и столовая были наполнены двигавшейся толпой, и Джоржъ провелъ цѣлый часъ, мучительно удивляясь, какъ могутъ люди находить удовольствіе въ такихъ сборищахъ.

Послѣ того, какъ имъ удалось пробраться въ танцовальный залъ, онъ всего два раза, и то мелькомъ, видѣлъ Летти. Въ первый разъ онъ вытянулся во весь свой большой ростъ и поверхъ головъ окружавшей его толпы увидѣлъ, что она сидитъ посреди залы въ креслѣ, держа въ одной рукѣ зеркальце, въ другой кружевной платокъ. Молодые люди становились сзади нея и поочередно смотрѣлись въ зеркальце, а она, смѣясь, стирала платкомъ ихъ изображеніе. Вотъ подошелъ высокій, смуглый мужчина съ черными усами и румяными щеками. Летти на минуту держала платокъ поднятымъ, какъ бы въ нерѣшимости. Джоржъ могъ видѣть, какъ углы ея губъ дрожали отъ смѣха. Затѣмъ, она быстро передала зеркало распорядителю котильона, встала, немного подобрала свое бѣлое платье, музыка весело заиграла, и она понеслась по залѣ съ лордомъ Казединъ въ сопровожденіи остальныхъ танцующихъ паръ.

Джоржъ немного поговорилъ со знакомымъ; протанцовалъ нѣсколько туровъ преимущественно съ молоденькими дѣвушками въ бѣлыхъ платьицахъ, только что начинающими выѣзжать, къ ко-

торымъ онъ обыкновенно не чувствовалъ никакой симпатіи; большую же часть времени онъ провелъ стоя въ углу, прислонясь къ стѣнѣ и отдаваясь какимъ-то смутнымъ обрывкамъ мыслей и образовъ. Все, что онъ видѣлъ и пережилъ въ этотъ вечеръ, проходило передъ нимъ точно въ пестромъ калейдоскопѣ...

Передъ ужиномъ онъ какъ-то очутился около лэди Казединъ, худощавой, молчаливой женщины, глаза которой невольно привлекли его къ себѣ. Онъ повелъ ее къ ужину и сильно скучалъ съ нею. У нея былъ такой видъ, точно ей страшно хочется высказаться, довѣриться кому-нибудь, но на дѣлѣ это было, очевидно, невозможно для нея. Она произносила или односложные отвѣты, или плоскія замѣчанія, и Джоржъ замѣтилъ, что она постоянно безпокойно слѣдитъ за всякимъ движеніемъ въ комнатѣ, за всѣми, кто входитъ и кто выходитъ, что она безпрестанно бросаетъ испуганные взгляды на дверь.

Онъ былъ очень радъ, когда ужинъ окончился. Въ гостиную они должны были проходить по широкимъ сѣнямъ, выходившимъ одною стороною на балконъ и превращеннымъ въ хорошенькій будуаръ. Въ отдаленномъ углу его сидѣла Летти съ Гардингомъ Уаттономъ. Летти смотрѣла прямо передъ собой, щеки ея пылали, брови были сердито сдвинуты. Гардингъ что-то говорилъ ей и, судя по его смѣху, что-то забавное, если не для нея, то для него самого.

Джоржъ усадилъ на мѣсто лэди Казединъ и вернулся, спросить Летти, не пора ли уѣзжать домой. Но онъ нашелъ, что какой-то кавалеръ увелъ ее танцовать, и рѣшилъ проскучать еще минутъ двадцать. Онъ прислонился къ стѣнѣ, зѣвнулъ, и ему представилось, что этотъ вечеръ никогда не кончится. Тутъ къ нему подошелъ одинъ товарищъ по школѣ и университету, и они стали разговаривать, сидя за жардиньеркой съ цвѣтами, которая отдѣляла ихъ отъ входа въ бальную залу. По окончаніи танца изъ двери залы вышла, по обыкновенію, быстрыми и нерѣшительными шагами лэди Казединъ. Она прошла по другую сторону жардиньерки и Джоржъ слышалъ, какъ она сказала кому-то, находившемуся въ комнатѣ.

— Робертъ, карета подана.

Секунда молчанія, затѣмъ грубый голосъ проговорилъ полушепотомъ:

— Чортъ побери твою карету! Убирайся прочь!

— Но, Робертъ, ты вѣдь знаешь, что мы обѣщали заѣхать къ лэди Тюанъ на возвратномъ пути домой.

Грубый голосъ взялъ тонъ еще ниже.

— Чортъ возьми лэди Тюанъ! Я уѣду, когда самъ захочу.

Лэди Казединъ отошла, и Джоржъ видѣлъ, какъ она опустилась въ кресло въ противоположномъ углу будуара, рядомъ съ старымъ генераломъ, преспокойно уснувшимъ въ ожиданіи того времени, когда дочери заблагоразсудятъ увезти его домой. Старый генералъ не обратилъ на нее вниманія, и она сидѣла, играя вѣеромъ, а большіе сѣрые глаза ея блестѣли на блѣдномъ лицѣ.

И Джоржъ, и его пріятель, оба слышали ея разговоръ съ мужемъ. Пріятель сдѣлалъ гримасу отвращенія.

— Какая грубая скотина! А вѣдь они женаты всего четыре мѣсяца. Впрочемъ, ее многіе предупреждали.

— Кто она такая?

— Дочь стараго Уикенса, банкира. Онъ женился на ея деньгахъ и живетъ на ея счетъ. Онъ, кажется, успѣлъ дать ей почувствовать всѣ тѣ мученія, какія можетъ дать супружеская жизнь.

— Такъ скоро?—спросилъ Джоржъ.

— Правда,—засмѣялся пріятель,—супружеская жизнь способна дать слишкомъ много мученій.

— Я готова ѣхать домой,—произнесъ голосъ подлѣ Тресседи.

Что-то въ выраженіи этого голоса удивило его, и онъ быстро повернулся.

— Очень хорошо,—сказалъ онъ, бросая недоумѣвающій взглядъ на жену, которая подошла къ нему подъ руку съ лордомъ Казединомъ.—Я пойду и велю подавать карету.

— Что значитъ манера и выраженіе голоса Летти?—спрашивалъ онъ себя, сбѣгая съ лѣстницы.

Но пока онъ посылалъ за каретой, отвѣтъ на этотъ вопросъ самъ собой пришелъ ему въ голову. Навѣрно, Гардингъ Уаттонъ разсказалъ Летти о ихъ встрѣчѣ въ Пель-Мелѣ, и навѣрно тоже... Онъ сердито пожалъ плечами. Предчувствіе, что придется объясняться и оправдываться, было крайне непріятно. Какъ онъ глупо сдѣлалъ, что не разсказалъ Летти обо всемъ, что произошло въ Эстъ-Эндѣ.

Онъ стоялъ среди небольшой толпы внизу лѣстницы, когда Летти прошла мимо него, отыскивая свою накидку. Онъ улыбнулся ей, но она держала голову прямо, какъ будто не видала его.

Значитъ предстоитъ сцена. Джоржъ чувствовалъ какое-то внутреннее возбужденіе. Можетъ быть, такъ и лучше. Ему очень многое хотѣлось высказать.

Въ то же время семейная сцена Казединовъ усилила его отвращеніе къ той грубости и насилію, которыя часто обусловливаются интимностью супружескихъ отношеній. Пусть будетъ сцена

онъ постарается быть насколько возможно искреннимъ и въ то же время удержать и себя, и ее въ извѣстныхъ границахъ.

— Ты не можешь отрицать, что скрылъ это отъ меня,—сердито кричала Летти.—Я спросила тебя, что дѣлалось въ палатѣ, а ты не сказалъ мнѣ, что весь вечеръ провелъ совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ.

— Это правда,—спокойно отвѣчалъ Джоржъ;—но я не имѣлъ намѣренія ничего скрывать отъ тебя. Ты что-то сказала про лэди Максвель, что помѣшало мнѣ въ то время. Я хотѣлъ разсказать тебѣ все, когда мы вернемся домой.

Они были въ кабинетѣ Джоржа въ первомъ этажѣ, въ комнатѣ, которую Джоржу некогда было меблировать, какъ слѣдуетъ, и на обстановку которой Летти не обращала ни малѣйшаго вниманія. Тресседи стоялъ, прислонясь къ шкафу. Онъ зажегъ одну только электрическую лампу, и при холодномъ свѣтѣ ея глядѣлъ на Летти, сидѣвшую передъ нимъ въ вызывающей позѣ. При неполномъ освѣщеніи комнаты исчезали полутоны ея лица, всѣ черты его казались рѣзче, ея изысканный нарядъ потерялъ свою свѣжесть, ея цвѣты завяли; она какъ будто лишилась всей своей миловидности.

— Я что-то сказала о лэди Максвель?—повторила она съ досадой. — Отчего же я не могу говорить все, что хочу о лэди Максвель? Отчего я не могу смѣяться надъ ней, если мнѣ смѣшно? Всѣ же другіе смѣются надъ ней.

— Далеко не всѣ,—спокойно отвѣчалъ Тресседи. — Я видѣлъ ее сегодня на митингѣ среди бѣдняковъ. Она пыталась сказать рѣчь, но говорила очень дурно. При выходѣ кто-то изъ толпы бросилъ въ нее камнемъ; я нанялъ извозчика и довезъ ее до ея дома въ Ст.-Джемсъ-скверѣ. Гардингъ встрѣтилъ насъ, когда мы ѣхали около сквера. Я случайно былъ подлѣ нея въ ту минуту, когда камень попалъ въ нее. Что же, по твоему, могъ я сдѣлать, какъ не проводить ее домой?

— А зачѣмъ ты туда поѣхалъ? Зачѣмъ не разсказалъ ты мнѣ всего тотчасъ же?

— Зачѣмъ я поѣхалъ?—Тресседи колебался съ минуту и затѣмъ сказалъ:—Я, вѣроятно, поѣхалъ потому, что мнѣ интересно бывать съ лэди Максвель; она великодушна, у нея отзывчивая душа, всякій разговоръ съ ней возбуждаетъ дѣятельность ума.

— Вовсе нѣтъ!—запальчиво закричала Летти.—Ты поѣхалъ, потому что она красива, потому что она самая ловкая кокетка. Она постоянно подъ предлогомъ политики завлекаетъ мужчинъ. Очень многія женщины ненавидятъ и боятся ея.

Она поблѣднѣла и съ трудомъ удерживалась отъ слезъ досады. Ее волновали не столько разсказы Гардинга Уаттона, сколько новая и странная манера обращенія мужа. Она хранила гордое молчаніе въ каретѣ, пока они ѣхали домой, ожидая, что онъ станетъ разспрашивать ее, станетъ объясняться, оправдываться, просить прощенія, какъ онъ обыкновенно дѣлалъ, когда она начинала сердиться на него. Но онъ тоже не говорилъ ни слова, и она не знала, съ чего начать. Какъ только они очутились въ его комнатѣ, ея гнѣвъ разразился, и онъ все еще не думалъ ласкать ее и просить успокоиться. Ея удивленіе соединялось съ тревожнымъ предчувствіемъ. Что такое случилось? Отчего онъ не покоряется, какъ бывало прежде?

На ея отзывъ о Марчеллѣ Тресседи слегка улыбнулся и началъ играть папироской.

— Кто же это ненавидитъ и боится ее?—спросилъ онъ.—О ней часто передаютъ такіе неопредѣленные слухи безъ всякихъ подробностей. Что до меня касается, я этому не вѣрю. Гардингъ, конечно, вѣритъ всему, что говорятъ противъ нея.

Летти съ минуту колебалась; затѣмъ, вспомнивъ сплетни, слышанныя отъ Гардинга, она стала передавать ихъ, называя имена, преувеличивая, присочиняя. Горячность, съ какою она говорила, снова покрыла румянцемъ ея маленькое личико, оно стало краснымъ и пошлымъ.

Тресседи пожалъ плечами, когда она кончила свою обвинительную рѣчь.

— Ну, знаешь, я этому вовсе не вѣрю, думаю, что и Гардингъ не вѣритъ. Лэди Максвель, какъ ты сама разсказала, женщина не во вкусѣ женщинъ. Она лучше ладитъ съ мужчинами, чѣмъ съ женщинами. Всѣ тѣ господа, о которыхъ ты упоминала, личные друзья и въ тоже время сторонники ея мужа. Они поддерживаютъ Максвеля и относятся дружески къ ней. Каждая жена, которая ревнуетъ, должна бы утѣшаться мыслью, что ея мужъ одинъ изъ многихъ.

— Все это отлично; но она добивается власти, и ей все равно, какими средствами пріобрѣсти эту власть. Это опасная интриганка, она злоупотребляетъ своею красотою!

Тресседи, который стоялъ отвернувшись отъ нея, быстро повернулъ къ ней голову, глаза его искрились:

— Ахъ, ты глупое дитя!—медленно проговорилъ онъ,—глупое дитя!

Ея губы задрожали. Она нетвердой рукой поправила мантилью, спустившуюся съ плечъ.

— Очень хорошо! Я не намѣрена оставаться здѣсь и слушать подобные комплименты. Покойной ночи!

Онъ не обратилъ вниманія на ея слова, подошелъ къ ней и положилъ руки ей на плечи.

— Развѣ ты не знаешь,—заговорилъ онъ со странною настойчивостью,—что охраняетъ всякую женщину или, лучше сказать, всякаго мужчину отъ гибельнаго вліянія красоты Марчеллы Максвель? Развѣ ты не знаешь, что она обожаетъ своего мужа?

— Это комедія, какъ и все остальное,—вскричала Летти, силясь освободиться.—Ты прежде самъ тоже говорилъ.

— Прежде, чѣмъ я ее узналъ. Это не комедія; это тайна всей ея жизни.

Онъ вернулся къ шкафу, чувствуя внезапный приливъ горечи.

— Ну, я иду спать,—сказала Летти, вставая.—Если бы ты былъ порядочный человѣкъ, ты долженъ бы хоть выразить сожалѣніе о томъ, что мнѣ приходится узнавать отъ Гардинга Уаттона, гдѣ мой мужъ проводитъ вечера.

Тресседи вспыхнулъ.

— Когда же я скрывалъ отъ тебя, что я дѣлаю?—спросилъ онъ нетерпѣливо.

Летти упорно молчала съ выраженіемъ презрѣнія на лицѣ.

— Это значитъ,—сказалъ Тресседи, напрасно прождавъ ея отвѣта,—что ты не вѣришь моему слову, ты подозрѣваешь, что я и раньше обманывалъ тебя?

Летти продолжала молчать. Его глаза метали искры. Но, вдругъ, онъ почувствовалъ укоръ совѣсти. Онъ снова взялъ свою папиросу и засмѣялся:

— Мы ссоримся точно дѣти,—сказалъ онъ, дѣлая видъ, что ищетъ спичекъ.—Ты очень хорошо знаешь, что я не способенъ къ низкой лжи. И позволь мнѣ увѣрить тебя, дитя мое, что судьба не предназначила лэди Максвель имѣть любовниковъ и что у нея никогда ихъ не будетъ. Но, покончивъ съ этой темой, мы должны поговорить о другомъ.

Онъ снова подошелъ къ ней и дотронулся до ея руки.

— Подобная сцена не могла бы имѣть мѣста между нами, Летти, если бы наши отношенія были вполнѣ правильны; не правда ли?

Ея грудь тяжело вздымалась и опускалась.

— Ахъ, понимаю, ты хочешь отплатить мнѣ тою же монетой и съ своей стороны высказывать жалобы противъ меня.

— Да,—спокойно отвѣчалъ онъ,—мнѣ есть, на что жаловаться. Какъ ты думаешь, почему я началъ ходить къ лэди Максвель?

Почему мнѣ было пріятно разговаривать съ нею въ Кестль-Лютонѣ? Конечно, пріятно быть около красивой женщины, я этого не отрицаю. Но, если бы она была красива, какъ ангелъ, я все-таки не обратилъ бы на нее вниманія. Дѣло въ томъ, что она обладаетъ однимъ даромъ, болѣе рѣдкимъ, чѣмъ красота. И въ тоже время очень простымъ. Этотъ даръ — ея отзывчивость. Всякій чувствуетъ это. Когда говоришь съ ней, видно, что она сочувствуетъ каждому слову, что ея душа готова откликнуться. Именно это и составляетъ ея очарованіе, да, несомнѣнно, именно это.

Онъ началъ свою маленькую рѣчь съ намѣреніемъ быть совершенно честнымъ и искреннимъ, затронуть лучшія струны ея души и своей собственной. Но что-то заставило его остановиться, можетъ быть, неожиданное открытіе, что онъ лицемѣритъ, а можетъ быть, сознаніе, что онъ только ухудшаетъ дѣло.

— Жаль, что ты не говорилъ всего этого раньше,—сказала она, злобно смѣясь,—вмѣсто того, чтобы бранить женщинъ, занимающихся политикой.

Онъ сѣлъ на ручку кресла подлѣ нея и слегка покачивался, заложивъ руки въ карманы.

— Развѣ я бранилъ женщинъ, занимающихся политикой? Впрочемъ, я, по правдѣ сказать, и теперь не люблю ихъ. Не политика, дорогая моя, дѣлаетъ человѣка привлекательнымъ, а его душа. Ну, не станемъ говорить объ этомъ; вернемся къ вопросу объ отзывчивости. Это свойство гораздо болѣе важное, чѣмъ я прежде думалъ. Напримѣръ, что, если бы ты попыталась болѣе интересоваться моею политическою дѣятельностью, чѣмъ интересовалась до сихъ поръ. Что, если бы ты попыталась смотрѣть на наши денежныя дѣла съ моей точки зрѣнія, а не увлекать насъ...— онъ на минуту пріостановился и затѣмъ продолжалъ холодно, пристально глядя на нее:—а не увлекать насъ на путь издержекъ, которыя рано или поздно приведутъ насъ къ раззоренію, поставятъ въ унизительное положеніе. Что, если бы ты придавала побольше значенія моему мнѣнію о людяхъ? Мнѣ не нравится Гардингъ, хотя онъ твой двоюродный братъ, и я, право, не вижу, съ какой стати онъ занимается убранствомъ нашей гостиной и мотаньемъ нашихъ денегъ. Что касается лорда Казедина,—я не особенно строгъ къ людямъ,—но, когда я слышу его голосъ въ нашемъ домѣ, мнѣ хочется взять перваго попавшагося извозчика и уѣхать какъ можно дальше. Я слышалъ, какъ онъ говорилъ сегодня, вечеромъ, съ своей женой, за это одно его стоило бы публично поколотить; вообще бывать часто съ лордомъ Казединомъ, значитъ, не дорожить своею репутаціей.

Его спокойная манера и тонъ, какимъ были сказаны эти слова, еще болѣе раздражали Летти. Она то же сѣла; щеки ея пылали.

— *Весьма* вамъ благодарна! Вы, дѣйствительно, высказались вполнѣ откровенно. Мнѣ очень жаль, что *все*, что я дѣлаю, вамъ не нравится. Вы, вѣроятно, раскаиваетесь, что женились на мнѣ. Но, кажется, я васъ не принуждала. Съ какой стати мнѣ отказываться отъ своихъ друзей? Ты вѣдь очень хорошо знаешь, что не откажешься отъ лэди Максвель?

Она пристально посмотрѣла на него. Ея маленькая ножка била объ полъ. Джорждъ вздрогнулъ.

— Да отъ чего же мнѣ отказываться?—вскричалъ онъ.—Поѣзжай и посмотри сама; поѣдемъ къ ней со мной, постарайся сблизиться съ нею, она будетъ очень рада.

Онъ самъ понималъ, что говорилъ нелѣпость, и что Летти права, принимая слова его съ насмѣшкой.

— Очень благодарна! Лэди Максвель *ясно* показала мнѣ въ Кестль-Лютонѣ, что не желаетъ моего знакомства. Я, конечно, не стану навязываться ей. Но если ты перестанешь ходить къ ней, я, можетъ быть, попробую исполнить твои желанія; хотя, по моему, все, что ты говоришь о лордѣ Казединѣ и о Гардингѣ, нелѣпое предубѣжденіе.

Джоржъ молчалъ. Его волновали, съ одной стороны, упреки совѣсти, говорившей ему, что Летти права въ своихъ подозрѣніяхъ, что онъ виноватъ передъ нею гораздо больше, чѣмъ она воображаетъ, съ другой—досада и презрѣніе къ людямъ, которые могли предположить будто Марчелла Масквель принадлежитъ къ одной категоріи съ другими женщинами, будто ея любовь можно пріобрѣсти обыкновенными способами. Наконецъ, онъ заговорилъ недовольнымъ голосомъ:

— Я не хочу быть невѣжливымъ къ особѣ, которая была всегда добра ко мнѣ и ко многимъ другимъ, къ старымъ друзьямъ, въ родѣ Эдварда Лютона, и къ новымъ, въ родѣ...

— Ей только нуженъ твой голосъ,—перебила Летти съ непріятнымъ смѣхомъ.—Или она кокетка, или ей нуженъ твой голосъ. Иначе, зачѣмъ бы ей оказывать тебѣ такое вниманіе? Она не вашей партіи; ей хочется перетянуть тебя на свою сторону, и это дѣлаетъ тебя смѣшнымъ. Надъ тобой и надъ нею уже многіе смѣются.

Она повернулась къ нему съ гнѣвнымъ движеніемъ. Еще минута и она не устояла бы противъ желанія наговорить ему самыхъ оскорбительныхъ, ядовитыхъ вещей. Но Джоржъ не потерялъ самообладанія.

— Пусть себѣ смѣются,—сказалъ онъ, стараясь говорить беззаботно,—но политическія дѣла не обдѣлываются такимъ способомъ, въ этомъ скоро убѣдишься и ты, и они. Подача голоса не такая простая вещь, какъ кажется.

Съ этими словами онъ всталъ и отошелъ отъ нея. Какъ бывало обыкновенно, гнѣвъ его началъ простывать. Онъ не видѣлъ никакого выхода. Имъ обоимъ придется примириться съ установившимся порядкомъ жизни. Никакія радикальныя перемѣны невозможны. Характеръ людей создаетъ ихъ обстановку, а характеръ нельзя передѣлать.

— Право, я никакъ не воображала, что ты такъ глупъ, и самъ разстроишь всю свою карьеру,—сказала Летти запальчиво, слѣдя воспаленными глазами за всѣми движеніями мужа, за его пальцами, опять вертѣвшими папиросу.—Ну, кажется, мы достаточно поговорили! Не нахожу, чтобы это привело насъ къ чему-нибудь! Тебѣ какъ кажется?..

— Нѣтъ,—холодно отвѣчалъ Джоржъ,—но можетъ быть, со временемъ, мы будемъ болѣе одинаково смотрѣть на вещи. Я не хочу быть деспотомъ, я только высказываю тебѣ свое мнѣніе. Позволь, я снесу твою мантилью.

Онъ подошелъ къ ней съ церемонною любезностью. Летти бросила накидку себѣ на руку и молча отстранила его. Когда онъ отворялъ передъ нею дворъ, она обернулась къ нему и сказала:

— Ты постоянно говоришь мнѣ о моихъ расходахъ, а ты никогда не подумалъ, что долженъ бы вознаградить меня за удовольствіе быть родственницей твоей матери. Ты воображаешь, что я примирюсь съ тѣми непріятностями, какія она мнѣ дѣлаетъ, съ тѣмъ смѣшнымъ положеніемъ, въ какое она меня ставитъ, и позволю ей одной тратить всѣ твои деньги. Предупреждаю тебя, что я на это не согласна. Я сама стану ихъ тратить, чтобы онѣ ей не доставались.

Она понимала, что ведетъ себя, точно злой ребенокъ, но не могла удержаться. Въ первый разъ увидѣла она, что не можетъ ни смирить, ни побѣдить его, и это было для нея нестерпимо.

Джоржъ посмотрѣлъ на нее. Въ первую минуту ему захотѣлось прибить ее, потомъ захотѣлось помириться. Онъ понималъ, что это удастся ему, если онъ постарается. Но у него не хватило силы чувства. Онъ просто сказалъ, повидимому, совершенно спокойно:

— Въ такомъ случаѣ, я постараюсь придумать какой-нибудь способъ, чтобы защитить и себя, и тебя.

Она бросилась въ дверь и почти побѣжала по длинному коридору къ лѣстницѣ; рыданія душили ее. Внезапная мысль поразила Джоржа, слѣдившаго за ней глазами. Онъ бросился за ней, догналъ ее у лѣстницы и крѣпко сжалъ въ объятіяхъ.

— Летти, я обѣщалъ не говорить тебѣ, но я нарушу слово. Не будь слишкомъ жестока, моя дорогая, не сердись. Моя мать умираетъ!

Она пристально посмотрѣла на него, на его раскраснѣвшееся лицо, выражавшее сильное, но сдержанное волненіе. Въ ней блеснуло сознаніе, что онъ, въ сущности, очень добрый, впечатлительный человѣкъ; что, если бы она могла смириться и броситься ему на шею, этотъ вечеръ сталъ бы для нихъ началомъ новой жизни. Но ея гнѣвъ былъ еще слишкомъ силенъ. Она оттолкнула его.

— Это она наговорила тебѣ сегодня утромъ? Въ такомъ случаѣ мнѣ надо поскорѣе ѣхать въ Фёртъ, навѣрно тебѣ очень скоро придется уплачивать новый списокъ долговъ.

Онъ выпустилъ ее, и она слышала, какъ онъ быстрыми шагами вёрнулся въ кабинетъ и заперъ за собою дверь. Она нѣсколько секундъ глядѣла вслѣдъ ему съ торжествующимъ видомъ и затѣмъ побѣжала наверхъ.

Въ ея комнатѣ горничная ожидала ее. Утомленное лицо и мутные глаза Гріеръ ясно показывали, какъ ей непріятно, что ее заставили такъ долго ждать. Но она ничего не сказала, а Летти, которая вообще допускала фамильярное обращеніе прислуги, тоже молчала. Было очевидно, что она разсержена и возбуждена, и, раздѣвая ее, Гріеръ не разъ проницательно оглядывала ее. Она какъ будто слышала, что «они» ссорятся внизу. Какъ жаль, что она чувствовала себя слишкомъ усталой и не сходила подслушать!

Само собой разумѣется, они должны ссориться. Гріеръ довольно безпристрастно относилось къ обоимъ своимъ господамъ. Она не чувствовала никакой привязанности къ своей госпожѣ и не любила сэра Джоржа, зная, что онъ дурного мнѣнія о ней. Но мѣсто было хорошее, и она намѣревалась держаться на немъ до послѣдней возможности; съ этою цѣлью она всячески старалась подлаживаться къ Летти. Въ настоящую минуту расчесывая темные волосы Летти и заплетая ихъ въ косы, она придумала одну вещь, которая очень понравилась ей.

Когда Гріеръ ушла, Летти долго не могла рѣшиться лечь въ постель. Она еще прохаживалась взадъ и впередъ по комнатѣ въ ночной блузѣ, когда слышала стукъ въ дверь; это была Гріеръ.

— Войдите!

— Извините, миледи, сказала Гріеръ державшая что-то въ

рукѣ,—не изъ вашего ли альбома выпала эта карточка? Я нашла ее сегодня, утромъ, на полу, въ уборной сэра Джоржа.

Летти быстро схватила карточку и, не смотря на всѣ ея усилія казаться спокойной, густая краска залила ея за минуту передъ тѣмъ блѣдныя щеки.

— Гдѣ вы это нашли?

— Кажется, подъ столомъ въ комнатѣ сэра Джоржа,—невиннымъ тономъ отвѣчала Гріеръ;—должно быть, кто-нибудь вытащилъ изъ вашего альбома.

— Благодарю васъ,—сказала Летти отрывисто.—Идите спать, Гріеръ.

Горничная вышла, а Летти стояла, держа въ рукахъ карточку.

Дня два тому назадъ, Тресседи былъ у Эдварда Уаттона въ его комнатѣ на Ст.-Джемсъ-стритѣ и увидѣлъ на столѣ Уаттона этотъ портретъ Марчеллы Максвель и ея мальчика, сдѣланный фотографомъ - любителемъ. Поэтическая прелесть изображенія такъ поразила его, что онъ спокойно положилъ портретъ себѣ въ карманъ, а на протестъ владѣльца отвѣчалъ, что, въ качествѣ близкаго друга, тотъ легко можетъ добыть себѣ другой экземпляръ. Уаттонъ засмѣялся и согласился, а Тресседи унесъ портретъ, имѣя честное намѣреніе подарить его Летти въ коллекцію современныхъ «красавицъ», которую она начала составлять.

Подъ вечеръ, собираясь одѣваться къ обѣду, Тресседи вынулъ портретъ изъ кармана. Какое-то инстинктивное побужденіе удержало его передать карточку Летти. Онъ сунулъ ее на верхнюю полку своего гардероба. Черезъ два дня, лакей бралъ передъ завтракомъ второпяхъ платье своего господина, нечаянно уронилъ на полъ карточку и не замѣтилъ этого. Карточка упала за шкафъ, тамъ ее нашла горничная, убиравшая комнату и передала Гріеръ.

Летти поставила карточку на туалетъ и долго разсматривала ее; Марчелла была представлена сидящею подъ кедромъ въ Максвель-Кортѣ; подлѣ нея стоялъ ея сынъ. Красивый уголъ стараго дома составлялъ задній фонъ, и художникъ видимо старался придать общій смыслъ картинѣ; но главное вниманіе зрителя сосредоточивалось на выразительномъ, одухотворенномъ лицѣ матери и на смѣлой, сильной фигурѣ мальчика. Марчелла казалась необыкновенно привлекательной. Это была женщина въ минуту отдыха въ золотую пору жизни, счастливая, но, тѣмъ не менѣе, сознающая, такъ какъ счастье всегда сознательно, что и ей не избѣжать общей доли страданія. Тонкія, красиво очерченныя брови ея говорили о дѣятельной, сильной натурѣ; то же выражали густыя кудри черныхъ волосъ, слегка приподнимаемыя вѣтромъ

Благородная, смѣлая душа, въ то же время проникнутая самыми простыми, самыми человѣчными инстинктами. Такою должна была она являться всякому, кто посмотрѣлъ бы сначала на ея глаза, а потомъ на руку, которою она съ страстною нѣжностью прижимала къ себѣ мальчика.

Летти смотрѣла на портретъ такъ, какъ будто хотѣла проколоть его своимъ взглядомъ. Затѣмъ, она схватила карточку гнѣвнымъ движеніемъ и разорвала ее на двадцать кусковъ. Она разбросала клочки по полу, такъ что они должны были броситься въ глаза всякому, входящему въ комнату. Послѣ этого она легла въ постель и лежала тихо, съ открытыми глазами, отвернувшись отъ двери.

Черезъ часъ въ дверь тихо постучали. Она ничего не отвѣтила, и Тресседи вошелъ. Онъ шелъ осторожно, думая, что она спитъ; вдругъ, она услышала, что онъ остановился и сдержалъ восклицаніе. Она не произнесла ни звука, но по его движеніямъ догадалась, что онъ подбираетъ обрывки съ полу. Затѣмъ, она услышала, что онъ бросилъ ихъ въ корзину подъ письменнымъ столомъ и ждала, притаивъ дыханіе.

Тресседи подошелъ къ окну подальше отъ кровати, осторожно поднялъ занавѣсъ и при свѣтѣ звѣздъ смотрѣлъ на пустынную улицу. Не слыша никакого шума, она рѣшилась взглянуть на него изъ подъ покрывала. Но она ничего не увидѣла. Черезъ нѣсколько времени онъ отошелъ отъ окна и легъ на кровать. Она замѣтила съ огорченіемъ, что не прошло и четверти часа, какъ онъ уже спалъ.

А она не могла заснуть. Ее безпокоило постоянно возвращавшееся чувство, что произошло, что-то непоправимое, то чувство, которое заставляетъ насъ съ удивленіемъ спрашивать себя: какъ это могло случиться? Такъ недавно, два часа тому назадъ ничего этого не было! И мысль цѣпляется за это прошлое, такое близкое и въ то же время такое неизмѣримо далекое, силится вернуть его—напрасно.

Теперь ей казалось, что она начала ревновать съ самой первой минуты, когда она и Джоржъ познакомились съ Марчеллой Максвель. Въ эту ночь она пережила всѣ пытки ревности, ревности, соединенной съ непріятными воспоминаніями. Она всегда полусознательно представляла себѣ, что съ ея стороны было большой добротой согласиться на бракъ съ Джоржемъ Тресседи. Она почти снизошла до него. Во всякомъ случаѣ, у нея были гораздо болѣе честолюбивыя мечты! Она надѣялась, по крайней мѣрѣ, что онъ всю жизнь будетъ восхищаться ею и чувствовать къ ней

благодарность; что, отдавая ему свою хорошенькую особу, она взамѣнъ получаетъ право вполнѣ располагать и имъ, и всѣмъ его состояніемъ.

А теперь ее нестерпимо мучила мысль, что онъ постоянно, начиная съ ихъ медоваго мѣсяца наблюдалъ за нею критическимъ взглядомъ, постоянно сравнивалъ ее съ другою женщиной. Она только въ зеркалѣ видѣла весь процессъ, происходившій въ душѣ его, и ея гордость сильно страдала.

Одна ли только гордость? Безпокойно ворочаясь на постели, мечтая о томъ, какъ наказать Джоржа, какъ унизить лэди Максвель и отомстить ей, она говорила сама себѣ, что не дорожитъ его любовью, что для нея это все равно, что она или заставитъ Джоржа образумиться, или съумѣетъ прожить весело безъ него. На самомъ дѣлѣ она первый разъ въ жизни мучилась и терзалась подъ вліяніемъ сильнаго, страстнаго чувства.

(Продолженіе слѣдуетъ).

УЧЕНІЕ ОБЪ ЭНЕРГІИ И ЕГО РОЛЬ ВЪ ФИЛОСОФІИ.

(Къ 50-лѣтію профессорской дѣятельности Вилльяма Томсона).

De illustris hominibus aut vera aut nihil.

Весь ученый міръ принялъ горячее участіе въ празднованіи 50-ти-лѣтія профессорской дѣятельности одного изъ крупнѣйшихъ физиковъ-философовъ 2-й половины нашего вѣка, Вилльяма Томсона, родившагося въ іюнѣ 1824 года и вступившаго на каѳедру физики въ гласговскомъ университетѣ въ іюнѣ 1846 г. *).

Разумѣется, при такихъ празднествахъ приходится прежде всего дать характеристику дѣятельности привѣтствуемаго лица, что и было сдѣлано большинствомъ европейской печати. Но всѣ подобныя характеристики, въ особенности же юбилейныя, имѣютъ два существенныхъ недостатка: во-1-хъ, характеризуемый дѣятель, оторванный отъ среды, въ которой онъ работалъ совмѣстно съ другими, представляется намъ чѣмъ-то обособленнымъ: мы не въ состояніи уловить той послѣдовательности идей, которая направляла его силы въ ту, а не въ другую сторону; онъ, какъ отдѣльная вѣтвь растенія, не говоритъ намъ многаго о стеблѣ и о корняхъ, на которыхъ онъ выросъ, соками которыхъ онъ питался; во-2-хъ, всякія юбилейныя торжества склонны представить дѣятеля въ нѣсколько декоративной обстановкѣ, сгустить краски его заслугъ и выдвинуть его въ большей мѣрѣ на первый планъ, нежели этого требуетъ безпристрастность.

Вотъ почему настоящая статья, написанная по поводу пятидесятилѣтія профессорской дѣятельности Томсона, озаглавлена не

*) Не мѣшаетъ замѣтить, что теперь праздновалось не 50-лѣтіе научной дѣятельности В. Томсона, а только 50-лѣтіе его профессорской дѣятельности, такъ какъ со дня появленія первой его научной работы протекло 55 лѣтъ. Это видно изъ сборника работъ Томсона, появившагося въ 1884 г. подъ заглавіемъ: «Mathematical and physical papers collected from different scientific periodical from may 1841 to the present time. London 1882—1884.

его именемъ, а тою областью физической науки, въ которой онъ игралъ весьма видную роль.

Пусть читателя не удивитъ, что въ настоящемъ очеркѣ передъ его глазами пройдутъ не миѳологическіе герои, сконцентрировавшіе въ своемъ «я» либо одни блестящія достоинства, либо же одни скверные пороки. Мы имѣемъ здѣсь дѣло съ людьми, обладающими и великими достоинствами, и недостатками,—съ живыми людьми, которые, двигая науку, возвышаясь въ этомъ отношеніи надъ общимъ уровнемъ, обнаруживали въ другихъ отношеніяхъ слабости, составляющія принадлежность людей самыхъ обыкновенныхъ.

Имя Томсона тѣсно связано съ двумя отдѣлами физики. Въ одномъ—именно въ отдѣлѣ электричества, онъ явился изобрѣтателемъ весьма остроумнаго и важнаго прибора (квадрантный электрометръ) и блестящимъ экспериментаторомъ и теоретикомъ. Въ другомъ—въ теплотѣ—онъ явился однимъ изъ крупныхъ физиковъ-философовъ, разрабатывавшихъ ученіе объ энергіи. Вторая сфера дѣятельности Томсона представляется гораздо болѣе для насъ важною въ силу того, что, работая въ ней, Томсонъ споспѣшествовалъ созданію новой физики, строившейся съ 50-хъ годовъ на принципѣ законовъ объ энергіи, расширившихъ кругозоръ человѣчества въ весьма значительной степени.

Ученіе объ энергіи подготовлялось съ большою постепенностью и человѣчество лишь медленно подходило къ нему. Посмотримъ, каковъ этотъ путь.

I.

Въ природѣ мы познаемъ дѣйствующими постоянно два независимыхъ другъ отъ друга фактора: *матерію* и *силу*; мы ихъ считаемъ различными сущностями, отдѣляемъ другъ отъ друга, хотя и не можемъ себѣ представить одной безъ другой.

Существуетъ ли въ дѣйствительности только матерія, или только сила—это вопросъ безполезный до тѣхъ поръ, пока наше изученіе природы нисколько не затрудняется принятіемъ и матеріи, и силы.

Но если мы вдумаемся въ дѣло, если захотимъ дать себѣ отчетъ въ томъ, которая изъ двухъ этихъ сущностей для насъ очевиднѣе, реальнѣе, то, конечно, придемъ къ заключенію, что въ настоящее время для насъ матерія реальнѣе, ощутительнѣе, нежели сила.

Отчего это зависитъ—сказать, конечно, трудно. Быть можетъ, главная причина лежитъ въ томъ, что матерію мы воспринимаемъ

какъ бы непосредственно нашимъ осязаніемъ, между тѣмъ какъ о силѣ преимущественно судимъ по измѣненіямъ матеріи, которыя наблюдаемъ зрѣніемъ, и такъ какъ осязаніе занимаетъ всю поверхность нашего тѣла, а зрѣніе—лишь ничтожную часть этой поверхности, то понятіе о матеріи, быть можетъ, въ силу этого именно болѣе прочно внѣдрилось въ насъ. Если бы, напримѣръ, мы видѣли всѣмъ тѣломъ, а осязали только глазами, то, кто знаетъ, играла ли бы матерія столь первостепенную роль въ нашемъ міросозерцаніи. Впрочемъ, вопросъ этотъ относится къ группѣ вопросовъ физіологической психологіи и можетъ быть оставленъ въ сторонѣ.

Для насъ важно то, что въ исторіи развитія науки ученіе о матеріи развивалось всегда раньше всего другого, и только оно одно въ древнѣйшія времена могло служить основою, на которой строилась точная наука.

Въ исторіи механики это обстоятельство ясно замѣчается. Отвлеченный, чисто математическій или, правильнѣе, геометрическій умъ Архимеда не пошелъ дальше ученія о равновѣсіи (статики), и только спустя много столѣтій, величайшій изъ людей, когда-либо существовавшихъ на землѣ, Леонардо-да-Винчи, намѣтилъ первыя начала науки о движеніи *), приведшей затѣмъ Галилея къ установкѣ механическаго понятія о силѣ, которое уже подготовило великія открытія Ньютона.

XVIII-е столѣтіе, конецъ котораго сказался великимъ переворотомъ въ общественной жизни Европы, весьма примѣчательно и въ отношеніи интересующаго насъ вопроса. Никогда матерія не изучалась съ такою настойчивостью, какъ въ это время. Всѣ французскіе энциклопедисты до такой степени были поглощены матеріей, что, казалось, наука забыла обо всемъ остальномъ, и матеріализмъ процвѣталъ въ полной мѣрѣ. Важнымъ послѣдствіемъ этого матеріалистическаго направленія была установка такъ-называемаго закона вѣчности вещества, экспериментально **) построеннаго трудами Лавуазье. Въ то время, какъ французы занимались матеріей, германцы подготовляли опору для другой сущности—для силы. Общій тонъ германской философіи конца XVIII-го и начала

*) *Libri.* Histoire de sciences mathematiques en Italie. Paris 1838—1841. Классическое сочиненіе по исторіи итальянскихъ математиковъ. Ясное указаніе на знакомство Л.-да-Винчи съ явленіями свободнаго паденія тѣлъ можно прочесть въ приложенныхъ къ 3-му тому отрывкахъ, стр. 212.

**) Я говорю экспериментально потому, что *сознаніе* о томъ, что вещество подчинено этому закону, существовало между учеными, предшествовавшими Лавуазье (Ostwald. Grundriss der allgemeinen Chemie. 1889, стр. 1).

XIX-го столѣтій совершенно обратный—онъ преимущественно идеалистическій; а разъ матерія потеряла свое главенство, разъ умы направлены въ другую сторону, естественно было раньше или позже ожидать обновленія ученія о силахъ. И съ открытіемъ принципа вѣчности матеріи, казалось, счеты съ матеріей покончены. Надо было ожидать новаго направленія. И оно дѣйствительно наступаетъ. Возбужденіе умовъ, сказавшееся во всей Европѣ,—возбужденіе, сильно отразившееся въ политическихъ и общественныхъ событіяхъ 40-хъ годовъ,—не осталось безъ вліянія на науку: философія силы, скрытая въ идеалистическомъ направленіи германскихъ философовъ, нашла, наконецъ, такого же выразителя, какого нашла философія матеріи въ лицѣ Лавуазье.

И какъ Лавуазье, французъ, закончилъ эпоху *крайняго* матеріализма во Франціи открытіемъ закона вѣчности вещества, такъ нѣмецъ, скромный и мечтательный гейльбронскій врачъ Робертъ-Юлій Майеръ въ 40-хъ годахъ закончилъ эпоху столь-же крайняго идеализма открытіемъ *закона сохраненія силы.*

Я говорю «закончилъ»; потому что въ самомъ началѣ 50-хъ годовъ мечтательная Германія, воспитанная на философахъ-идеалистахъ, вдругъ бросаетъ ихъ и, разставшись, въ лицѣ своихъ передовыхъ научныхъ дѣятелей, съ Гегелемъ, Фихте, Шеллингомъ, впадаетъ въ крайній матеріализмъ, рѣзко сказавшійся въ сочиненіяхъ Фогта, Молешотта и другихъ.

Этотъ научный матеріализмъ, охватившій вскорѣ послѣ появленія сочиненія Бюхнера «Kraft und Stoff», Молешотта «Kreislauf des Lebens», Фогта «Physiologische Briefe», всю Европу, вызвалъ весьма рѣзкую борьбу и въ средѣ ученыхъ, и въ средѣ просто образованныхъ людей. Борьба эта, которой слѣдовало бы оставаться въ рамкахъ одной только науки, обострилась до того, что самыя ученія матеріализма были искажены до неузнаваемости. Изъ сферы естественно-научной споръ былъ перенесенъ въ область этики, религіи, и появленіе чисто научнаго сочиненія Дарвина «О происхожденіи человѣка» содѣйствовало только обостренію борьбы. Французская литература конца 60-хъ и начала 70-хъ годовъ наводнилась цѣлою массою статей и брошюръ, авторами которыхъ являлись преимущественно теологи, обвинявшіе послѣдователей матеріализма въ невѣріи, безбожіи и т. п. Хотя борьба эта и была вскорѣ почти закончена, но оставила послѣ себя послѣдствія довольно прискорбнаго характера; она привела къ тому, что у насъ и до сихъ поръ замѣчается неправильное отношеніе къ тѣмъ направленіямъ, которыя называются словами матеріализмъ, идеализмъ. Мало ли еще и теперь имѣется людей, для ко-

торыхъ матеріализмъ представляется синонимомъ чего-то сквернаго, тѣсно связаннаго съ личнымъ эгоизмомъ, а матеріалистъ—человѣкомъ, неспособнымъ чувствовать и наслаждаться красотою поэзіи и проч. Сплошь и рядомъ, вмѣсто того, чтобы сказать о человѣкѣ, что въ его душѣ нѣтъ ни одного идеала, ни одного высшаго стремленія, что онъ готовъ гнуть спину изъ-за того, чтобы получить прибавку жалованья, о немъ говорятъ: «какой матеріалистъ!» Точно также о человѣкѣ, который постоянно живетъ въ сферѣ воздушныхъ замковъ и не замѣчаетъ, что вокругъ него дѣлается, который не соображается съ окружающими условіями, который «не практиченъ», о такомъ человѣкѣ говорятъ: «онъ идеалистъ». Такое непониманіе самаго существа этихъ и подобныхъ терминовъ блистательно сказалось лѣтъ пять тому назадъ во время одного публичнаго засѣданія въ педагогическомъ музеѣ военно-учебныхъ заведеній, въ которомъ трактовался вопросъ о пессимизмѣ въ русской литературѣ. Докладчикъ и его оппоненты дошли даже до того, что Гоголя и Тургенева признали пессимистами, потому что первый описывалъ отрицательные типы, а второй убилъ Базарова на самомъ интересномъ мѣстѣ романа. Съ точки зрѣнія такихъ философовъ, неизвѣстный авторъ веселой пѣсни «Пить шампанское съ друзьями» долженъ быть признанъ философомъ-оптимистомъ и, конечно, въ большей мѣрѣ, чѣмъ всѣ философы-оптимисты, вмѣстѣ взятые.

На самомъ дѣлѣ матеріализмъ или идеализмъ совсѣмъ не могутъ обсуждаться съ точки зрѣнія нравственности и безнравственности. И тотъ, и другой суть только *методы*, при помощи которыхъ мы пытаемся познавать окружающее. Я могу рѣшить уравненіе со многими неизвѣстными и методомъ сравненія, и методомъ подстановки, и методомъ Бэзу. Рѣшится ли кто-либо сказать, что одинъ изъ этихъ методовъ безнравственъ, а другой нравственъ? Можно только говорить, что одинъ методъ удобенъ, хорошъ, цѣлесообразенъ, а другой—нѣтъ, что первымъ методомъ я скорѣе дойду до истины, нежели вторымъ. Вотъ и все. Нападеніе на матеріализмъ, какъ на нѣчто идущее въ разрѣзъ съ нравственностью, говоритъ только о слабой философской подготовкѣ нападающаго. Конечно, на матеріализмъ можно нападать, можно доказывать, что, какъ *методъ*, онъ приводитъ насъ къ ошибочнымъ выводамъ и не даетъ возможности рѣшать тѣ или другіе вопросы, и такія нападки на матеріализмъ заслуживаютъ полнаго вниманія. Съ такой же точки зрѣнія можно нападать и на идеализмъ; но смѣшны будутъ тѣ, которые воображаютъ, будто философъ-идеалистъ непремѣнно фантазеръ, не желающій ничего знать

о томъ, что дѣлается на землѣ. Философъ-идеалистъ обсуждаетъ тѣ же самые вопросы, но только методъ, къ которому онъ прибѣгаетъ, иной; онъ, такъ сказать, подходитъ къ вопросамъ съ другого конца. Вотъ почему въ исторіи развитія наукъ человѣчество переходитъ часто отъ матеріализма къ идеализму. Основанія для обоихъ методовъ были даны, вѣроятно, въ самыя раннія эпохи жизни человѣчества, и оно пользовалось то однимъ методомъ, то другимъ. Добывая помощью котораго-нибудь изъ этихъ методовъ цѣлый рядъ истинъ и видя его плодотворность, человѣчество естественно забывало о другихъ методахъ. Затѣмъ, наступалъ моментъ, когда этотъ методъ уже не могъ дать ничего новаго, не могъ послужить для разысканія отвѣтовъ на новые, все растущіе, научные запросы. Тогда понемногу раздавались голоса противъ этого метода, и человѣчество переходило къ другому, обыкновенно прямо-противоположному; исчерпавъ и его плоды, оно снова возвращалось къ первому, и т. д. Здѣсь то же, что въ волнообразномъ движеніи: вода то становится выше общаго уровня, то ниже его; но волна, сохраняя свой внѣшній видъ, захватываетъ все большій и большій районъ, и въ то время, какъ первоначально, въ мѣстѣ возникновенія ея, только небольшое число частицъ жидкости было охвачено этимъ движеніемъ, въ дальнѣйшемъ, число захваченныхъ частицъ растетъ, и хотя общій видъ волны остается почти такимъ же, но высота ея уменьшается. Въ примѣненіи къ нашему вопросу это соотвѣтствуетъ уменьшенію той пропасти, которая отдѣляла въ древности матеріализмъ и идеализмъ другъ отъ друга. Такого крайняго матеріализма, какой замѣчается, напримѣръ, у Демокрита, такъ же невозможно теперь ждать, какъ невозможно ожидать возстановленія платоновскаго идеализма во всей его чистотѣ; эти два антипода древности понемногу протягивали другъ къ другу руки, и, быть можетъ, уже въ настоящее время коснулись другъ друга кончиками пальцевъ.

Я выше сказалъ, что уже въ 1870 годахъ, а въ особенности 1880 г., начали во всѣхъ концахъ науки, въ особенности біологіи, раздаваться голоса противъ матеріализма. Это уже во многихъ случаяхъ голоса не невѣждъ и фарисеевъ, а серьезныхъ ученыхъ, воспитанныхъ на почвѣ здраваго индуктивнаго метода. Расколъ произошелъ въ собственномъ же лагерѣ: прежніе союзники сдѣлались противниками, и, унесши съ собою все вооруженіе, зная до подробностей пріемы борьбы своихъ соперниковъ, они вступили съ ними въ бой. Матеріалисты дрогнули, но все же до самаго послѣдняго времени держались на всѣхъ занятыхъ ими позиціяхъ, какъ вдругъ... въ нихъ ударили съ той стороны,

съ которой они всего меньше ждали удара. Они готовились къ борьбѣ съ біологами, вся тяжелая артиллерія ихъ была направлена почти исключительно на біологическія позиціи, они были убѣждены, что въ тылу у нихъ—только союзники. И вотъ ударъ именно нанесенъ съ тыла, и нанесенъ лицомъ, со стороны котораго меньше всего можно было ждать измѣны. Ударъ нанесенъ химикомъ, т. е. человѣкомъ, вся жизнь, вся дѣятельность котораго прикована къ матеріи. Натискъ былъ необыкновенно силенъ. И—чудное, поучительное зрѣлище! Весь цвѣтъ, вся краса современной науки отвѣтила на этотъ смѣлый натискъ энергическимъ отпоромъ. Смѣлый противникъ матеріализма отступилъ, но вызвалъ въ рядахъ матеріалистовъ большое смущеніе, тѣмъ болѣе, что онъ отступилъ только временно и, повидимому, собираетъ новыя силы. Судя по выпущенному авангарду, надо думать, что противъ новаго натиска матеріализмъ не устоитъ, и если разрѣшено предсказывать, то я предсказываю, что онъ послѣ этого натиска окончательно погибнетъ. Но пусть читатель не думаетъ, что на почвѣ этого погибшаго матеріализма создастся нѣчто похожее на идеализмъ. Нѣтъ! Создастся нѣчто вполнѣ новое, нѣчто такое, что сольетъ во едино и матеріализмъ, и идеализмъ, и что обратитъ два враждебные лагеря въ одинъ общій лагерь союзниковъ и друзей.

Новый ударъ матеріализму, ударъ, который напоминаетъ грозу, очищающую и освѣжающую застоявшійся душный воздухъ, былъ нанесенъ лейпцигскимъ профессоромъ химіи, однимъ изъ крупнѣйшихъ ученыхъ и наиболѣе смѣлыхъ мыслителей Wilhelm'омъ Ostwald'омъ, бывшимъ воспитанникомъ дерптскаго университета и профессоромъ политехнической школы въ Ригѣ.

Что же принесъ Оствальдъ на замѣну разрушаемаго имъ матеріализма? Онъ принесъ новый методъ изученія природы—методъ *энергетическій*, построенный на началахъ ученія объ энергіи.

Этому новому направленію въ философіи познанія природы я посвящу отдѣльную статью въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ «Міра Божія».

Откуда же появился вдругъ этотъ новый методъ, столь смѣло покушающійся на матеріализмъ? Неужели онъ не зналъ своего зародышеваго состоянія, а явился во всемъ вооруженія, зрѣлымъ и полнымъ силъ, какъ Deus ex machina? Нѣтъ. Этотъ методъ зародился давно, зародился еще при Галилеѣ, развивался очень медленно и, будучи еще только юношей, въ началѣ 40-хъ годовъ, показался въ наукѣ подъ именемъ *закона сохраненія силы*. Въ развитіи этого могущественнаго юноши и принималъ дѣятельное участіе Вильямъ Томсонъ.

Какимъ же образомъ укрѣпился въ наукѣ законъ сохраненія силы, или, какъ его теперь называютъ—*законъ сохраненія энергіи?*

Созданъ, выясненъ, мотивированъ и охваченъ во всѣхъ своихъ направленіяхъ этотъ законъ однимъ человѣкомъ—*Юліусомъ Робертомъ Майеромъ*. И если установку этого закона и его фундамента считать установкою прекраснѣйшаго и обширнѣйшаго зданія современной науки, то архитекторомъ зданія нужно считать Майера, и только его одного. Всѣ остальные ученые были талантливыми, даже если угодно, геніальными рабочими, но только рабочими. Во всей механической теоріи теплоты, на почвѣ которой и обосновался законъ сохраненія энергіи, нѣтъ до настоящаго времени ни одного вывода, который не былъ бы сдѣланъ Майеромъ или, по крайней мѣрѣ, не былъ бы имъ намѣченъ.

Хотя такое утвержденіе далеко не согласно съ господствующимъ мнѣніемъ, но я позволяю себѣ думать, что всякій, прочитавшій въ подлинникѣ работы Майера и работы его сподвижниковъ, скажетъ, что всѣ они, сподвижники, только прочищали дорогу, которую прокладывалъ Майеръ.

Майеръ былъ «простымъ» врачемъ, не былъ нигдѣ профессоромъ и въ маленькомъ городкѣ Гейльброннѣ занимался медицинскою практикою.

Въ 1842 году, въ майской книжкѣ Либиховскихъ «Annalen der Chemie und Pharmacie», (томъ 42, стр. 233) появилась статья Майера, озаглавленная «Bemerkungen ueber die Kräfte der unbelebten Natur» (Замѣчанія о силахъ неодушевленной природы).

Съ первыхъ словъ этой статьи видно, что авторъ ея приступилъ къ дѣлу съ геніальностью новаго Галилея. Онъ начинаетъ съ установки понятія о силѣ.

«Сила, говоритъ онъ, есть причина; а такъ какъ между причиною и ея дѣйствіемъ существуетъ равенство (causa aequat effectum), то ни одинъ членъ и ни одна часть члена этого равенства не можетъ обратиться въ нуль—иначе, конечно, равенство нарушится. Это первое свойство всякой причины мы называемъ ея *неразрушимостью*. Другое существенное и ей принадлежащее свойство заключается въ способности принимать *различныя формы*. Изъ этихъ обоихъ свойствъ получается слѣдующій тезисъ: причины суть количественно *неразрушимые* и качественно *видоизмѣняющіеся* объекты».

Для того, чтобы дать настоящее понятіе о силѣ, Майеръ обращаетъ вниманіе на слѣдующій примѣръ. Тѣло падаетъ. Гдѣ причина паденія тѣла? Въ тѣ времена говорили, а многіе даже скажутъ и теперь, что причина паденія—сила тяжести. Майеръ на

это возражаетъ: тѣло падаетъ съ большой высоты, съ малой высоты, значитъ дѣйствія количественно различны, а причина одна и та же? Если это такъ, то въ такомъ случаѣ причина не равна дѣйствію? Съ другой стороны: сила производитъ дѣйствіе, а сама не измѣняется? Тѣло падаетъ или не падаетъ, сила тяжести остается все тою же? Ясно, что мы здѣсь имѣемъ абсурдъ. Какъ же выйти изъ этого затрудненія? Майеръ говоритъ: для того, чтобы тѣло падало, необходимо его поднятіе, и слѣдовательно, тѣло падаетъ не только потому, что есть сила тяжести но и потому, что есть сила поднятія; свое воззрѣніе на силы въ данномъ случаѣ Майеръ выражаетъ въ такой общей формѣ: пространственная разница между вѣсомыми тѣлами есть сила. Такое выраженіе можетъ показаться, пожалуй, страннымъ: въ самомъ дѣлѣ, какъ это пространственная разница можетъ считаться силою? Но нужно понять воззрѣнія Майера. Когда сила дѣйствуетъ, то и самое ея дѣйствіе есть сила. Такъ, напримѣръ, поднятіе груза есть дѣйствіе нѣкоторой силы; если грузъ находится на данной ему такимъ образомъ высотѣ, то такое его отношеніе есть только иная форма силы. Затѣмъ, грузъ падаетъ, и такъ какъ онъ находится въ извѣстной строго опредѣленной связи съ причиною его паденія, то и эта связь будетъ представлять силу, форма которой порождается поднятіемъ и которая можетъ снова превратиться въ движеніе паденія. Такимъ образомъ, поднятіемъ груза сила поднятія переходитъ въ силу паденія, а эта послѣдняя можетъ перейти въ движеніе. Слѣдовательно, для Майера всѣ эти формы суть только формы проявленія одного и того же объекта—механической силы вообще.

Установивши новое воззрѣніе на силу, Майеръ дальше говоритъ: «Часто мы видимъ движеніе прекращающимся, не производящимъ другого движенія и не вызывающимъ поднятія груза. Чтобы найти въ подобныхъ случаяхъ, что произошло насчетъ исчезнувшаго движенія, необходимо употребить для опытовъ такіе предметы, которые, останавливая движеніе, измѣнялись бы какъ можно меньше сами... Найдено, что во многихъ случаяхъ взамѣнъ исчезнувшаго движенія нельзя обнаружить никакого другого дѣйствія, кромѣ тепла, а для образовавшагося тепла—никакой другой причины, кромѣ движенія; поэтому, положеніе, что тепло происходитъ изъ движенія, мы предпочитаемъ принятію причины безъ дѣйствія или дѣйствія безъ причины».

Развивая дальше вопросъ о соотношеніи между теплотою и движеніемъ, Майеръ говоритъ: «подобно тому, какъ для полученія уравненія между силою паденія и движеніемъ необходимо пу-

темъ опыта найти пространство, пройденное падающимъ тѣломъ въ опредѣленное время, точно также для рѣшенія уравненій между силою паденія и движеніемъ съ одной стороны и теплотою—съ другой, необходимо отвѣтить на вопросъ, «*какъ велико количество тепла, соотвѣтствующее опредѣленному количеству силы паденія или движенія*». Иными словами: мы должны найти, на какую высоту слѣдуетъ поднять грузъ опредѣленнаго вѣса, чтобы его сила паденія была равнозначна согрѣванію массы воды такого же вѣса отъ 0° и до 1°.

Уже самая постановка этой задачи есть величайшій шагъ въ исторіи физики, и за одну эту постановку Майеръ могъ бы считаться истиннымъ основателемъ механической теоріи теплоты. Но онъ этимъ не ограничился. Поставивъ задачу, онъ даетъ ея разрѣшеніе въ нѣсколькихъ словахъ. Не сдѣлавши ни одного опыта, не имѣя въ своемъ распоряженіи даже богатой библіотеки, Майеръ опредѣлилъ, что *паденію нѣкотораго вѣса съ высоты 365 метровъ соотвѣтствуетъ согрѣваніе такого-же вѣса воды отъ 0° до 1°*, т. е. вычислилъ такъ называемый **механическій эквивалентъ теплоты**.

Подводя итоги этой работы, мы получаемъ слѣдующее: во-1-хъ, Майеръ видоизмѣнилъ понятіе силы, давши этому понятію тѣ признаки, которые впослѣдствіи были перенесены на энергію. Майеру не доставало этого термина, и потому онъ все время говоритъ о силахъ; но сила, какъ нѣчто присущее тѣлу, какъ метафизическая сущность, совершенно отлична отъ тѣхъ силъ, о которыхъ говоритъ Майеръ въ вышецитированныхъ мѣстахъ своей статьи; онъ говоритъ только о силахъ, какъ о производителяхъ работы, которыя или уже производятъ ее, или только способны ее произвести. Значитъ, каждому тѣлу при извѣстныхъ условіяхъ присуща способность производить работу, и эту-то способность Майеръ и называетъ силою. Понимая это, мы поймемъ и тѣ нѣсколько темныя опредѣленія силы, о которыхъ говоритъ Майеръ въ своей статьѣ 1842 года. Теперь эта способность къ произведенію работы, по предложенію, уже давно сдѣланному Thomas'омъ Young'омъ, называется *энергіей*, а за самой силой осталось только понятіе о чемъ-то такомъ, что создаетъ энергію, иначе говоря, сила имѣетъ съ философской стороны чисто метафизическій характеръ, а со стороны механической она является понятіемъ производнымъ и выражается либо въ видѣ произведенія массы на ускореніе, либо въ видѣ частнаго отъ раздѣленія безконечно малой энергіи на безконечно малый путь.

Можетъ показаться на первый взглядъ страннымъ, что понятіе о силѣ является (согласно съ только-что сказаннымъ) не первона-

чальнымъ понятіемъ, а производнымъ; мы исторически до такой степени привыкли къ тому, что сила есть понятіе первоначальное и что она поэтому требуетъ наипростѣйшаго опредѣленія, что теперь, когда приходится говорить о силѣ, какъ не о первоначальной сущности, а о чемъ-то производномъ, когда первоначальной сущностью приходится считать энергію, а силу уже считать производною отъ энергіи, мы легко теряемъ почву подъ ногами. Но что дѣлать? Ошибки, созданныя исторіей, укоренявшіяся въ теченіи многихъ вѣковъ, требуютъ, конечно, продолжительнаго времени, чтобы исчезнуть изъ нашего пониманія вещей.

Итакъ, стало быть, Майеръ положилъ начало ученію объ энергіи и объ ея превращеніяхъ; установилъ принципъ сохраненія этой энергіи, какія бы ея превращенія ни происходили, и, наконецъ, показалъ, что теплота есть одна изъ формъ энергіи, причемъ установилъ—*количественную* зависимость между тепловой энергіей и механической работою, отыскавъ *механическій эквивалентъ теплоты*, т. е. то число, которое показываетъ, какую механическую работу можетъ произвести одна единица теплоты, или въ какое количество теплоты обратится прекратившаяся или уничтожившаяся механическая работа.

Цитированная статья Майера содержитъ, однако, всѣ его мысли и выводы въ такой сжатой и конспективной формѣ, благодаря которой авторъ ея не обратилъ на себя надлежащаго вниманія ученыхъ.

Въ 1843 году англійскій физикъ James Prescott Jouile прочиталъ въ собраніи британской ассоціаціи наукъ докладъ, подъ заглавіемъ «On the calorific Effects of Magneto-Electricity and the mechanicol Value of Heat» *) (Тепловые эффекты магнито-электричества и механическое значеніе теплоты). Въ этомъ докладѣ Джоуль пришелъ къ выводу, «*что количество тепла, способное согрѣть 1 фунтъ воды на 1° Фаренгейта, равно и можетъ быть превращено въ механическую силу, способную поднять 838 фунтовъ на высоту 1 фута*».

Дальнѣйшая дѣятельность Джоуля была направлена на провѣрку полученнаго числового результата, такъ какъ при различныхъ способахъ изслѣдованія онъ находилъ механическій эквивалентъ теплоты весьма измѣнчивымъ **). Такая измѣнчивость не позволяла считать механическій эквивалентъ имѣющимъ какое-либо

*) Напечатанный затѣмъ въ журналѣ «Philosophical Magasine» (3) XXIII, 1843 года.

**) Maximum получаемыхъ чиселъ для механическаго эквивалента было 1026 фунтовъ, minimum—587.

значеніе для теоріи теплоты, и надо было во что бы то ни стало рѣшить вопросъ, являются ли эти неодинаковыя числа результатомъ погрѣшностей опыта, или же, дѣйствительно, никакого постояннаго соотношенія между теплотою и механическою работою не имѣется.

Въ 1843 году Джоуль, въ предположеніи, что постоянное соотношеніе существуетъ и что получаемыя неодинаковыя числа суть результатъ экспериментальныхъ ошибокъ, сдѣлалъ цѣлый рядъ выводовъ, которые показываютъ, что мысль о превратимости одной формы энергіи въ другую, была имъ почти также какъ и Майеромъ обдумана до подробностей.

Однако, до тѣхъ поръ, пока ему не удалось получить для механическаго эквивалента теплоты постояннаго, опредѣленнаго числа, до тѣхъ поръ онъ считалъ всѣ свои разсужденія стоящими на шаткой почвѣ. Съ 1843 года и до 1850 г. Джоуль безпрерывно производитъ опыты, пока, наконецъ, ему не удается доказать, что механическій эквивалентъ теплоты есть число постоянное, и что если превратить единицу теплоты въ работу, то она окажется равною 424 килограммометрамъ.

Число, полученное Майеромъ, было 367 килограммометровъ, при чемъ Майеръ пользовался существовавшими въ наукѣ числами, но самъ опытовъ не дѣлалъ; числа эти были не точны; когда же появились точныя изслѣдованія Реньо, касавшіяся газовъ, то, вычисляя на основаніи этихъ новыхъ данныхъ, Майеръ нашелъ механическій эквивалентъ теплоты равнымъ 425 килограммометрамъ.

На первую работу Майера никто изъ физиковъ, повидимому, на обратилъ вниманія. Когда же въ 1843 г. появилась работа Джоуля, то она сдѣлалась весьма скоро извѣстной всему ученому міру.

Зналъ ли Джоуль о работѣ Майера, или нѣтъ, сказать трудно; но есть всѣ основанія предполагать, что Джоуль совершенно самостоятельно пришелъ къ выводамъ о связи между теплотою и механическою работою.

На работу Майера не было обращено вниманія прежде всего потому, что Майеръ былъ простымъ врачемъ, что онъ до появленія своей работы никакого имени въ ученомъ мірѣ не имѣлъ и написалъ ее въ крайне конспективной и нѣсколько тумманной формѣ.

Вопросъ, затронутый Джоулемъ, заинтересовалъ большую часть первоклассныхъ европейскихъ физиковъ. Гельмгольтцъ, Клаузіусъ Томсонъ, Максвелль, Тэтъ—всѣ приняли въ разработкѣ этого вопроса живѣйшее участіе.

Въ 1847 году Гельмгольтцъ выпустилъ въ свѣтъ сочиненіе подъ заглавіемъ «Ueber die Erhaltung der Kraft».

Въ этомъ сочиненіи, не упоминая ни слова о Майерѣ, Гельмгольтцъ ставитъ законъ сохраненія силы, какъ гипотезу, согласную съ нашей познавательной способностью и даже какъ постулатъ. Исходя изъ этого постулата, онъ выводитъ цѣлый рядъ слѣдствій, обобщаетъ этотъ постулатъ въ математической формѣ и съ большимъ изяществомъ примѣняетъ его къ расмотрѣнію цѣлаго ряда физическихъ явленій.

Когда, такимъ образомъ, всѣмъ физикамъ стало ясно значеніе новой теоріи, когда Майеръ самъ убѣдился, что высказанные имъ воззрѣнія и полученный механическій эквивалентъ тепла становятся точками отправленія для новой физики, тогда естественно возникъ споръ о *первенствѣ*. Естественно, каждому изъ участниковъ столь важнаго научнаго переворота не хотѣлось уступить первенство другимъ.

Возникшій споръ всего тяжелѣе отразился на томъ, кому и по времени, и по глубинѣ высказанныхъ воззрѣній принадлежало безспорное первенство, т. е. на Майерѣ.

Ни Джоуль, ни Гельмгольтцъ въ первыхъ своихъ работахъ не упоминали о Майерѣ, и когда онъ напечаталъ, въ 1849 г. (въ газетѣ «Augsburger Allgemeine Zeitung» (14 мая), считавшейся органомъ нѣмецкихъ профессоровъ) маленькую замѣтку, подъ заглавіемъ «Wichtige physikalische Erfindung» (Важное физическое открытіе), въ которой заявилъ о своемъ пріоритетѣ (такъ какъ нѣмецкіе ученые говорили исключительно о Джоулѣ), то ровно черезъ недѣлю (21 мая) въ той же газетѣ появилось возраженіе нѣкоего, только-что получившаго каѳедру, проф. Otto Seyffer'a, который заявилъ, что диллетантскіе и сомнительнаго достоинства труды Майера уже получили надлежащую (отрицательную) оцѣнку въ кругу истинно ученыхъ людей.

За Майера не заступился никто, не заступился даже тотъ самый Гельмгольтцъ, который имѣлъ возможность, хотя бы въ виду замѣтки Майера, прочитать объ его работы, въ особенности работу, вышедшую въ 1845 г. и представляющую богатѣйшій матеріалъ для сужденія о томъ, какъ глубоко былъ Майеромъ охваченъ вопросъ объ энергіи и механической теоріи теплоты.

Будучи человѣкомъ нервнымъ и очень чуткимъ, Майеръ былъ до такой степени потрясенъ этимъ несправедливымъ къ нему отношеніемъ, что заболѣлъ нервной горячкой. Въ припадкѣ бреда, онъ выбросился изъ окна верхняго этажа и настолько повредилъ себѣ ноги, что еще черезъ 25 слишкомъ лѣтъ не могъ вполнѣ свобо дно ходить. Но преслѣдованія, которыя терпѣлъ Майеръ, этимъ не закончились, и послѣ вышеприведенной замѣтки Otto Seyffer'a

со всѣхъ сторонъ пошли разговоры о томъ, что Майеръ страдаетъ умопомѣшательствомъ, что у него бредъ величія и что его idée fixe заключается въ томъ, будто онъ открылъ «какой-то» механическій эквивалентъ тепла. Такъ говорили въ особенности гейльбронскіе врачи, боявшіеся славы своего товарища; и этихъ бѣдныхъ врачей поддерживало, къ сожалѣнію, упрямое замалчиваніе заслугъ Майера со стороны спеціалистовъ, и не только замалчиваніе, но даже неприличное къ нему отношеніе. Всѣ эти некрасивыя выходки повергли Майера въ тяжелое душевное состояніе, которымъ опять же воспользовались «добрые друзья», убѣдившіе родственниковъ великаго человѣка, что его надо посадить въ домъ умалишенныхъ. И вотъ творецъ механической теоріи теплоты оказался въ домѣ умалишенныхъ! Когда онъ сталъ протестовать противъ такого насилія, то главный врачъ больницы, какой-то Zeller, велѣлъ держать его въ смирительномъ креслѣ (Zwangstuhl). Dühring *), познакомившійся съ Майеромъ по поводу своего знаменитаго сочиненія «Критическая исторія общихъ принциповъ механики», говоритъ объ этомъ несчастномъ періодѣ въ жизни Майера:

«Самое ужасное заключалось въ томъ, что, спасая душу Майера отъ помѣшательства, врачи подвергали его тѣло истязаніямъ, при помощи спеціально приспособленныхъ для это инструментовъ. Подробный разсказъ самого Майера объ этомъ еще до сихъ поръ на столько свѣжъ въ моей памяти, что душа моя наполняется чувствомъ величайшей горечи каждый разъ, когда я вспоминаю о немъ. Ужасъ охватилъ меня, когда Майеръ со всѣми подробностями изложилъ мнѣ технику тѣхъ истязаній, которыя ему пришлось перенести отъ всевозможныхъ смирительныхъ тисковъ (einklemmenden und einzwangenden Maschinen). Онъ разсказалъ мнѣ, сколько лѣтъ пришлось ему лѣчиться отъ тѣхъ пораненій, которыя причинены были ему этими механизмами. И все это дѣлалось не потому, что Майеръ буйствовалъ (на что, какъ разъ, онъ, въ качествѣ здороваго человѣка, заключеннаго въ сумасшедшій домъ, имѣлъ бы полное право), а потому, что онъ въ рѣзкихъ и страстныхъ выраженіяхъ протестовалъ противъ совершеннаго надъ нимъ насилія» **).

Въ результатѣ — слухи о сумасшествіи Майера, просидѣвшаго въ домѣ умалишенныхъ почти годъ, распространились повсюду, онъ лишился той медицинской практики, которая давала ему раньше кое-какія средства къ существованію.

*) Neue Grundgesetze zur rationellen Physik und Chemie. 1878, стр. 107.
**) Loc. cit. стр. 108.

Насколько нѣмецкіе ученые игнорировали Майера, видно изъ того, что профессоръ физики въ Берлинѣ, Poggendorff въ своемъ словарѣ по исторіи точныхъ наукъ, вышедшемъ въ 1863 г., говоритъ о Майерѣ: «Кажется, около 1858 г. умеръ въ домѣ умалишенныхъ», а затѣмъ въ концѣ тома дѣлаетъ поправку: «не умеръ (какъ значится въ «Аугсбургской газетѣ») въ 1858 г. въ домѣ умалишенныхъ, но еще (въ 1862 г.) живъ».

О томъ, какъ относились къ Майеру германскіе, англійскіе и французскіе ученые, я скажу въ слѣдующей статьѣ.

М. Ю. Гольдштейнъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

СПАСЕНІЕ ДУШИ.

Е. Гёнтингтонъ.

(Съ англійскаго).

Казарма франклинской дивизіи арміи спасенія помѣщалась въ старомъ кирпичномъ зданіи на одномъ изъ угловъ главной улицы города. Первый этажъ былъ занятъ трактиромъ, подъ названіемъ «Сити», во второмъ находилось портняжное заведеніе, а въ третьемъ этажѣ пріютилась армія спасенія.

Франклинъ былъ однимъ изъ маленькихъ городковъ Западной Америки, являвшихся метрополіей для обширнаго сельскаго округа и служившаго пристанищемъ для эмигрантовъ изъ Скандинавіи. Городокъ кипѣлъ шумной, торговой жизнью, въ которой не было мѣста заботамъ о красотѣ.

На перекресткахъ постоянно толпились праздные люди изъ числа тѣхъ, которые отправились на западъ Америки въ поискахъ за долларами, но затѣмъ не дали себѣ труда собрать ихъ.

Всю ночь улицы кишѣли народомъ—тамъ встрѣчались женщины въ яркихъ платьяхъ, полувзрослые мальчишки, приказчики, ищущіе отдохновенія послѣ тяжелаго трудового дня, пастухи, пріѣхавшіе изъ сосѣднихъ деревень, агенты торговыхъ домовъ, рабочіе изъ Швеціи и Норвегіи, а иногда и рѣдкіе представители какой-нибудь угасающей расы—группы индѣйцевъ, одѣтыхъ въ дешевый европейскій костюмъ, съ длинными развѣвающимися волосами, еще не принесенными въ жертву цивилизаціи. Всѣ они безцѣльно бродили взадъ и впередъ, толкая другъ друга и обмѣниваясь грубыми шутками, до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, не входили въ какой-нибудь дешевый трактиръ или игорный домъ, манившій ихъ своими освѣщенными окнами и раскрытыми дверями.

Въ теченіе семи лѣтъ армія спасенія работала въ этомъ каменистомъ вертоградѣ, и не смотря на частыя перемѣны въ лич-

номъ составѣ солдатъ, барабанный бой ея раздавался неизмѣнно каждую ночь, когда армія стройными рядами выступала на улицу для борьбы съ дьяволомъ, пріютившимся въ сердцѣ человѣка.

Къ нимъ всегда относились если не съ уваженіемъ, то съ небрежной снисходительностью, съ какою относились къ сумасшедшимъ въ болѣе древнихъ цивилизаціяхъ. Въ ясныя ночи имъ случалось собирать около себя цѣлый кругъ слушателей, когда они устраивали свои митинги противъ самаго большого отеля въ городѣ; а когда ихъ посѣщалъ какой-нибудь пріѣзжій полковникъ арміи, или лейтенантъ, въ образѣ привлекательной молодой дѣвушки, умѣющей играть на гитарѣ, то слушатели стекались толпою и жертвовали свои пенни лейтенанту, обходящему ихъ съ тамбуриномъ.

Денежные доходы арміи были очень скудны, но среди бѣднаго и страждущаго населенія города было много лицъ, у которыхъ неопредѣленныя и полузабытыя представленія о небесномъ милосердіи соединялись съ красными мундирами и синими чепцами арміи спасенія.

Осенью 1892 г. армія на нѣкоторое время осталась безъ капитана. Ночные митинги на перекресткахъ зачастую не имѣли другихъ слушателей, кромѣ кучеровъ стоявшихъ здѣсь экипажей, и маленькой неугомонной собаченки, которая бѣгала кругомъ да около молящихся солдатъ, и обнюхивала ихъ пятки.

Въ это время сердца солдатъ были настолько близки къ отчаянію, насколько это допускалось ихъ вѣрой, но въ самый тяжелый моментъ къ нимъ, наконецъ, явился новый капитанъ изъ Англіи, который съумѣлъ оживить интересъ къ религіи флага и барабана.

Новоприбывшая была извѣстна подъ именемъ капитана Грина. Это была очень полная женщина, съ красивымъ румянымъ лицомъ и большими голубыми глазами, ласково смотрѣвшими на мятущееся человѣчество, которое для нея подраздѣлялось на двѣ рѣзко-отграниченныя категоріи—грѣшниковъ и «спасенныхъ».

Она обладала большимъ запасомъ нервной энергіи, даромъ слова и могучимъ голосомъ сопрано, который никогда не измѣнялъ ей и которымъ она смѣло распѣвала всевозможныя мелодіи, не останавливаясь ни передъ какимъ темпомъ и ни передъ какими высокими нотами. Хорошо ли она пѣла, или дурно—это было все равно для капитана Грина, и, какъ она увѣряла, и для Господа, который заботится только о сердцѣ, а не о красотѣ звуковъ.

Подъ ея руководительствомъ дѣла арміи пришли въ цвѣтущее состояніе. Имъ удалось привлечь въ свои ряды новыхъ рекрутовъ,

и между ними одного тромбониста, который много содѣйствовалъ шумности и обаянію ихъ собраній.

Однажды, въ воскресенье армія, по обыкновенію, маршировала вокругъ сквера передъ началомъ послѣобѣденнаго митинга въ своей залѣ. Когда она, вернувшись, подошла къ двери своего помѣщенія, капитанъ Гринъ остановился и строгимъ, но добрымъ взглядомъ окинулъ кучку растрепанныхъ оборванцевъ, столпившихся передъ рестораномъ «Сити».

Здѣсь былъ «грѣхъ» въ его самомъ заманчивомъ видѣ. Къ счастливымъ, хорошо одѣтымъ грѣшникамъ капитанъ относился довольно-нетерпимо, но такія жалкія отребья человѣчества всегда возбуждали ея симпатію. Она опустила свой флагъ и храбро подошла къ оборванцамъ.

— Пойдемте къ намъ, дорогіе мои,—сказала она.—Приходите провести съ нами счастливые часы. Мы будемъ бороться съ адомъ, бороться съ грѣхомъ, изгонять дьявола.—Она закончила вдохновенно:

— Приходите, и будете спасены разъ на всегда.

Тѣ, къ кому она обращалась, не пошевельнулись и, какъ-будто, даже не слыхали ея словъ. Остальная армія взбиралась наверхъ по узкой деревянной лѣстницѣ, продолжая распѣвать ту же пѣснь, которую они пѣли на улицѣ. Звуки ихъ нестройнаго пѣнія доносились внизъ:

Прощай, старый чортъ!
Прощай, старый чортъ!
Прощай!

Потомъ прозвучалъ заключительный аккордъ тромбона. Капитанъ, видя, что приглашенія ея не имѣютъ никакого успѣха, кротко простилась съ компаніей со словами «да благословитъ васъ Богъ», и тоже пошла наверхъ.

Послѣ ея ухода нѣкоторые изъ слушателей начали переминаться съ ноги на ногу, какъ бы желая освободиться отъ чувства какой-то неловкости; одинъ изъ нихъ сердито обругалъ собаку, вертѣвшуюся около него; наконецъ, двое отдѣлились отъ остальныхъ и пошли наверхъ, вслѣдъ за капитаномъ.

Зала, въ которую они вошли, была длинная и узкая, освѣщенная съ сѣверной стороны тремя незавѣшенными окнами.

На одномъ концѣ залы находилась эстрада, занимающая всю ширину комнаты и уставленная двумя рядами стульевъ, на которыхъ сидѣли «солдаты» арміи.

Напротивъ эстрады стояли два ряда скамеекъ, а въ глубинѣ ал ы находилась старинная печь необычайныхъ размѣровъ и формы.

Полъ былъ темный, потрескавшійся, покрытый табачными пятнами. Около печки была сметена горка орѣховыхъ скорлупокъ, а въ углу стоялъ кувшинъ съ водою и мѣдная кружка. Платформа была незатѣйливо убрана пестрыми флагами, а со стѣны на зрителей смотрѣлъ большой портретъ генерала Бутса и двѣ аллегорическія картины, нарисованныя однимъ изъ солдатъ, который въ часы досуга занимался живописью. Первая картина, носящая названіе «Отчаяніе и милосердіе», изображала женскую фигуру, напоминающую древне-египетскія скульптурныя произведенія, утирающую носовымъ платкомъ огромныя слезы, а рядомъ съ нею стоитъ сестра въ синемъ чепцѣ и указываетъ перстомъ на небо. На другой картинѣ, называемой «Вѣчность», была нарисована длинная красная дорога, ведущая вдаль, гдѣ виднѣются три зеленыя пальмы.

Зала была полна почти на половину, когда начался митингъ. Мужчины собрались около печки, женщины заняли переднія скамейки. Среди послѣднихъ находилось несчастное существо съ испитымъ старообразнымъ лицомъ. На ней было длинное пальто изъ коричневаго плюша и фантастическая бѣлая фѣтровая шляпа, украшенная павлиньимъ перомъ. Ея руки безъ перчатокъ были крѣпко стиснуты, какъ будто она находилась въ состояніи напряженнаго, нервнаго ожиданія.

Капитанъ поднялся и запѣлъ пѣсню, которую подхватили солдаты. Во время пѣнія она ходила взадъ и впередъ по эстрадѣ, ударяя въ ладоши въ тактъ музыкѣ, и раскланивалась то въ сторону публики, то въ сторону солдатъ, которые, казалось, находились въ восторженномъ состояніи, подобно дѣтямъ, играющимъ въ какую-нибудь шумную игру. Барабанъ, въ который ударялъ одинъ изъ солдатъ, бывшій въ прежніе дни кузнецомъ, выводилъ мелодію, а тромбонъ и тамбуринъ аккомпанировали ему съ невообразимымъ грохотомъ. За первою пѣснью послѣдовала вторая, затѣмъ третья. Затѣмъ капитанъ прочелъ горячую молитву, потомъ солдаты произнесли нѣсколько рѣчей. Послѣдней говорила молодая норвежская дѣвушка, на лицѣ которой было то смѣшанное выраженіе грусти и экзальтаціи, какое часто бываетъ на лицахъ монахинь. Казалось, она смотритъ на міръ при свѣтѣ внутренней, мистической вѣры, которая освѣщаетъ только духовную сторону жизни, а все остальное оставляетъ въ тѣни. Она говорила со страннымъ акцентомъ и ласковымъ, воркующимъ тономъ, какъ мать, дѣлающая внушеніе своему непокорному ребенку. Глаза ея были устремлены въ одну точку на концѣ залы, надъ головами слушателей.

— О, друзья мои!—говорила она: — Приходите и будете спасены. Отдайте сердца ваши Господу. Я уже получила спасеніе, дорогіе мои, и я счастлива теперь, потому что спасена. Я такъ счастлива, потому что знаю, что такое спасеніе. Діаволъ всегда старается отвлечь васъ отъ пути истиннаго, но Господь спасетъ васъ. Да благословитъ васъ Богъ. Отдайте Господу сердца ваши.

За этой рѣчью опять послѣдовали пѣсни. Воодушевленіе капитана Грина заражало все собраніе. Мрачныя лица оборванцевъ, собравшихся вокругъ печки, точно прояснялись. Когда капитанъ обошелъ собраніе съ тамбуриномъ для сбора денегъ, въ результатѣ получилась крупная сумма въ одинъ долларъ и семь центовъ. Въ награду за такія обильныя пожертвованія, капитанъ объявилъ, что сестра Ли споетъ пѣсню съ гитарою.

Высокая дѣвушка, лѣтъ 19-ти, выступила впередъ съ гитарою въ рукахъ. Она запѣла пріятнымъ, немного дрожащимъ голосомъ пѣсню о томъ, какъ тысячи людей гибнутъ въ грѣхѣ. Ее слушали съ напряженнымъ вниманіемъ. Женщина въ коричневомъ плюшевомъ пальто нѣсколько разъ вытирала слезы во время пѣнія; замѣтивъ это, Христина, норвежская дѣвушка, которая говорила рѣчь въ началѣ собранія, подошла къ ней и шопотомъ заговорила съ ней, положивъ ей руку на плечо. Женщина закрыла себѣ лицо платкомъ и заплакала со сдерживаемыми всхлипываніями. Чистый голосъ молодой пѣвицы продолжалъ свою монотонную пѣсню. Христина шептала на ухо кающейся грѣшницѣ неопредѣленныя, полупонятныя слова о милосердіи и спасеніи. Въ комнатѣ дѣлалось темнѣе по мѣрѣ приближенія сумерекъ. Въ спертомъ воздухѣ носился запахъ раскаленнаго желѣза отъ жарко натопленной печки. Присутствующіе были необыкновенно молчаливы и точно застыли. Измученной женщинѣ казалось, что къ ней нисходитъ какая-то неземная сила, и въ душѣ ея совершается таинственный переворотъ. Христина шептала ей, что сегодня она будетъ «спасена», всѣ ея грѣхи исчезнутъ, она получитъ новую душу, «бѣлую, какъ снѣгъ». Она вѣрила въ ея слова, но не знала только, когда и какъ это чудо совершится, не знала также, почему она въ данную минуту вся дрожитъ и слезы льются изъ ея глазъ. Въ ушахъ ея звучали слова Христины: «Отдайте душу свою Господу, дорогая сестра. Идите къ Нему теперь. Идите къ Нему!»

Пѣсня кончилась. Капитанъ приглашалъ тѣхъ, кто желаетъ получить спасеніе, выступить впередъ. Деревянное кресло было поставлено напротивъ эстрады. Христина обняла «грѣшницу» за талію и тихонько побуждала ее подняться со своего мѣста. За-

крывъ лицо руками, она встала, прошла впередъ и упала на колѣни передъ эстрадой. Тогда солдаты сошли съ эстрады, окружили ее и тоже всѣ опустились на колѣни. Капитанъ началъ молиться. Въ голосѣ ея звучала горячая мольба. Казалось, она вымаливала милосердіе и прощеніе у жестокаго, непреклоннаго судьи, прощеніе и милосердіе для заблудшей души человѣческой. Солдаты прерывали молитву тихими восклицаніями: «Услышь насъ, Господи»! «Смилуйся надъ нами»!

Въ это время съ улицы послышался пронзительный свистокъ, за которымъ послѣдовалъ звонъ колоколовъ, топотъ толпы, звукъ возбужденныхъ голосовъ. Присутствующіе въ залѣ заволновались и обратились къ окнамъ. Наконецъ, двое посмѣлѣе подошли къ дверямъ и быстро вышли изъ залы. Ихъ примѣръ оказался заразителенъ: вскорѣ всѣ обратились въ бѣгство и въ залѣ не осталось никого, кромѣ солдатъ и спасенной грѣшницы.

Свистокъ прозвучалъ снова.

— Второй сигналъ,—невольно пробормоталъ одинъ изъ солдатъ. Пѣніе пріостановилось. Спасенная подняла свое опухшее, заплаканное лицо.

— Пожаръ?—спросила она у Христины.

— Да.

— Гдѣ?

— Кажется, на 31-й улицѣ.

— О, Боже мой!—Спасенная грѣшница быстро поднялась съ мѣста и тоже исчезла за дверью съ быстротой стрѣлы; солдаты переглянулись въ грустномъ недоумѣніи.

— Лейтенантъ!—сказалъ, наконецъ, капитанъ.—Вы могли бы также сойти внизъ и посмотрѣть, гдѣ пожаръ.

Лейтенантъ тотчасъ же повиновался, а его товарищи столпились у оконъ и смотрѣли на улицу, которая была полна черными фигурами, спѣшащими въ одну сторону. Затѣмъ послышался шумъ колесъ, звонъ колокольчиковъ, топотъ копытъ, лай собаки. Пожарная машина пролетѣла по улицѣ, сопровождаемая толпой народа.

Въ это время вернулся лейтенантъ, запыхавшійся и возбужденный.

— Старая централка горитъ!—кричалъ онъ.—Должно быть, будетъ сильный пожаръ.

Капитанъ оглядѣлъ кругомъ пустую залу и надѣлъ свою накидку.

— Пойдемте,—сказалъ она просто, и вся армія отправилась внизъ по узкой лѣстницѣ.

Капитанъ и лейтенантъ пришли послѣдними на мѣсто происшествія. По дорогѣ онѣ обмѣнялись короткими словами.

— Эта Джэнъ Гюббсъ, которая только-что была спасена, жила въ централкѣ,—сказалъ лейтенантъ.—Тамъ сдавались комнаты за дешевую цѣну. Это—настоящій вертепъ. Она жила въ одной комнатѣ съ женщиной, которая прозывалась Дашеръ, Сара Ольсонъ.

— Я знаю ее,—замѣтилъ капитанъ.—Ея имя—Сара Ольсонъ. Бѣдная, грѣшная душа!—Она задыхалась и съ трудомъ произносила слова:—Не идите такъ скоро, лейтенантъ! Вѣдь, вы знаете, я не въ состояніи скоро ходить.

Противъ дома, гдѣ былъ пожаръ, собралась огромная толпа народа. Клубы дыма вырывались изъ главной двери и изъ оконъ второго этажа. Тонкія струйки пламени выбивались наружу. Тротуаръ былъ заваленъ всевозможными предметами домашняго обихода самаго презрѣннаго вида—кроватями, сломанными стульями, трубками, кухонными принадлежностями. Центральный отель, давно уже переставшій быть отелемъ, и служившій теперь пристанищемъ для бѣдноты, много лѣтъ уже не ремонтировался, и теперь всѣ его основанія подкашивались.

— Давно пора ему было рухнуть, — говорилъ кто-то изъ публики.

— Слава Богу, что, наконецъ, мы отъ него отдѣлаемся.

Тѣмъ не менѣе, вольная пожарная команда работала на славу, побуждаемая къ этому не столько желаніемъ спасти полуразвалившееся старое зданіе, сколько жаждою поощренія и аплодисментовъ собравшейся толпы.

Когда капитанъ подошелъ къ пожарищу, онъ замѣтилъ въ толпѣ женщину, одѣтую въ коричневое плюшевое пальто и въ бѣлой шляпѣ съ павлиньимъ перомъ, которая страстно спорила о чемъ-то съ человѣкомъ, охранявшимъ дверь. Узнавъ въ ней свою послѣднюю, заблудшую овцу, обращенную на путь истинный, капитанъ протискался впередъ и услышалъ слѣдующій разговоръ:

— Я говорю вамъ, что она пьяна,—кричала женщина:—пьяна, какъ стелька. Никакія пушки не разбудятъ ея. Ужъ я-то ее знаю. Недаромъ мы прожили вмѣстѣ столько лѣтъ!

Сторожъ равнодушно посмотрѣлъ на нее.

— Нельзя вамъ войти туда,—сказалъ онъ.—Лѣстница какъ разъ и есть самое опасное мѣсто. Она можетъ обвалиться каждую минуту. Пусть себѣ Сара Ольсонъ останется въ своей комнатѣ. Теперь ее, все равно, не спасти.

Женщина произнесла въ отвѣтъ на это нѣсколько крѣпкихъ ругательныхъ словъ, и капитанъ въ душѣ молилъ Бога простить ей эти слова.

— Пустите меня, говорю вамъ!—крикнула она, наконецъ.

Сторожъ схватилъ ее за руки, но она быстро высвободилась и очутилась за дверью.

— Ну, такъ ступай къ чорту!—сказалъ онъ серьезно.—Ничего не подѣлаешь, я за тебя не отвѣчаю. Чистая вѣдьма, эта женщина,—обратился онъ къ слушателямъ.

Между тѣмъ женщина уже исчезла въ наполненной дымомъ внутренности дома.

Капитанъ подошелъ къ сторожу и тронулъ его за рукавъ. Какая-то тѣнь легла на ея ясное лицо.

— Можетъ она пройти наверхъ?—спросила она.

Сторожъ съ любопытствомъ посмотрѣлъ на нее и пожалъ плечами.

— Вся штука въ дымѣ, мадамъ,—сказалъ онъ.—И она пошла наверхъ, гдѣ огонь всего сильнѣе. Все равно, ей не вытащить той—она пьяна и спитъ, какъ мертвая.

Извѣстіе о томъ, что Дашеръ осталась въ горящемъ зданіи и что Джэнъ Гюббсъ отправилась спасать ее, быстро разнеслась среди присутствующихъ. Толпа тѣснѣе собралась около дверей и торжественный шопотъ, вызываемый близостью смертельной опасности, слышался среди шума воды, льющейся изъ пожарныхъ машинъ, треска пламени. паденія досокъ и громкихъ приказаній, отдаваемыхъ начальникомъ пожарной команды. Но, кромѣ капитана и его солдатъ, никто не проявлялъ никакого личнаго интереса къ судьбѣ двухъ женщинъ, жизнь которыхъ въ данную минуту стояла на картѣ.

Прошло пять минутъ. Огонь, который разгорался, главнымъ образомъ, въ задней части зданія, наконецъ, началъ утихать. Лѣстница все еще была цѣла, но ея почти не было видно сквозь облака дыма. Двое пожарныхъ отправились въ поиски за оставшимися въ домѣ женщинами, но такъ какъ они не знали положенія комнаты, то пошли невѣрной дорогой; пламя преградило имъ путь къ лѣстницѣ и они должны были спуститься черезъ окно, по приставной лѣстницѣ.

Нѣсколько разъ въ толпѣ раздавались крики: «вотъ онѣ!» но это была ложная тревога. Прошло еще пять минутъ. Въ толпѣ воцарилось молчаніе. Болѣе нервныя женщины начали плакать. Пожарные еще разъ отправились на поиски за пропавшими женщинами. Вдругъ со стороны сторожей раздались громкія восклицанія. Въ рѣдѣющемъ дыму показались человѣческія фигуры. Первымъ пришелъ пожарный, который несъ на рукахъ Джэнъ Гюббсъ. Руки ея безпомощно повисли; платье на половину обгорѣло, растрепанные волосы падали на лицо. Рядомъ шелъ другой пожарный, который волочилъ за собою молодую женщину въ сѣ-

рой фланелевой кофтѣ, очевидно наскоро накинутой и не застегнутой. Это и была Дашеръ, съ опухшими глазами и краснымъ, тупымъ лицомъ.

Она нехотя шла за пожарнымъ, какъ животное, которое ведутъ противъ его желанія. Дымъ заставлялъ ее кашлять, она поминутно спотыкалась и навѣрное упала бы, если бы ее не поддерживала грубая рука солдата. Когда они подошли къ двери, она встрѣтилась глазами со взглядами сотенъ людей, смотрѣвшихъ на нее, и точно поняла, что, несмотря на опасность, которой она только-что подверглась, эти взгляды не выражали ни сочувствія, ни пріязни. Бѣглая улыбка промелькнула на ея толстыхъ губахъ. Она чуть замѣтно кивнула головой и какъ будто хотѣла сказать всѣмъ:

— Вотъ и я! Вамъ не удалось избавиться отъ меня такимъ манеромъ.

Ея спутникъ отпустилъ ея руку, она пошатнулась и прислонилась къ дереву.

Вниманіе толпы сосредоточивалось уже не на ней, а на Джэнъ Гюббсъ, которую положили на землю, подостлавъ подъ нея два пальто, тотчасъ же предоставленныхъ для этой цѣли кѣмъ-то изъ присутствовавшихъ. Капитанъ поддерживалъ ея голову, а солдаты въ почтительномъ молчаніи стояли кругомъ. На нѣкоторомъ разстояніи отъ нихъ образовался тѣсный кругъ зрителей, которые смотрѣли на происходившую сцену.

— Умерла?—спрашивалъ одинъ громкимъ шопотомъ.

— Влѣзь ко мнѣ на спину, Джэнни, тогда все увидишь,—предлагалъ какой-то подростокъ своему маленькому брату.

— Эта армія спасенія всегда является на всякую свалку.

Женщины старались протолкаться въ передніе ряды.

— Она не очень изуродована,—замѣтила одна изъ нихъ разочарованнымъ тономъ.—Выглядитъ почти какъ здоровая, право.

На другой сторонѣ пожарные разсказывали, какъ они ихъ нашли.

— Онѣ лежали въ маленькомъ корридорѣ, идущемъ въ заднюю часть дома, когда мы нашли ихъ, — говорилъ одинъ изъ нихъ: — Должно быть, онѣ зашли туда и не могли выбраться, потому что былъ слишкомъ густой дымъ. Джэнъ Гюббсъ лежала на плечѣ у той и не могла сдвинуться съ мѣста. А та была совсѣмъ пьяна. Этихъ пьяныхъ ничто не беретъ. Вонъ она, стоитъ себѣ здоровехонька.

— Она приходитъ въ себя! — крикнулъ чей-то возбужденный голосъ изъ толпы, и общее вниманіе тотчасъ же сосредоточилось

на Джэнъ, которая, дѣйствительно, открыла глаза. Она безпокойно обвела ими всѣхъ собравшихся, и, наконецъ, остановила ихъ на красномъ помятомъ лицѣ Дашеръ, которая приблизилась и проливала слезы надъ своимъ другомъ.

— Я вытащила ее!—слабымъ голосомъ сказала Джэнъ, обращаясь къ капитану.

Обычная легкость рѣчи на этотъ разъ измѣнила капитану. Она ничего не отвѣтила и только вытерла слезы, которыя одна за другой текли по ея лицу.

— Я знала, что она нехорошая,—продолжала Джэнъ все болѣе и болѣе слабѣющимъ голосомъ.—Она пошла бы въ адъ навѣрное, а я уже была спасена. Вѣдь, я спасена — правда? — спросила она, вдругъ поддавшись минутѣ сомнѣнія.

— Да, да, дорогая сестра!—отвѣтилъ капитанъ, ласково.—Небо уготовано для васъ, и Христосъ ждетъ васъ тамъ—съ вѣнцомъ.

На лицѣ Джэнъ расцвѣла улыбка. Она опять закрыла глаза и сразу поблѣднѣла.

Солдаты арміи спасенія упали на колѣни вокругъ нея; нѣсколько человѣкъ изъ зрителей обнажили головы.

Въ эту минуту докторъ, за которымъ было послано, быстро протискивался сквозь толпу.

— Слишкомъ поздно!—сказалъ ему капитанъ. — Господь уже взялъ ее!..

Пер. Л. Давыдова.

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРІИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ.

Проф. П. Н. Милюкова.

*(Продолженіе *).*

Очеркъ шестой. Церковь и творчество.

Современные остатки христіанской легенды. — Ея прошлое и вліяніе ея на западную литературу.—Незначительность ея вліянія у насъ въ древнѣйшій періодъ.—Живучесть эпическаго преданія и языческой старины.—Отношеніе церкви къ христіанской легендѣ. — «Калики перехожіе» — проводники легенды въ народное сознаніе.—Связь развитія христіанской легенды на Руси съ развитіемъ обрядоваго благочестія.—XVI—XVII вѣкъ, какъ время усвоенія легенды народомъ (въ формѣ духовнаго стиха). — Послѣдствія поздняго и неполнаго вліянія на творчество христіанской легенды.—Легкость реакціи противъ византійскаго міровоззрѣнія. — Господство этого міровоззрѣнія въ интеллигентной средѣ.—Переходъ къ другимъ настроеніямъ въ литературѣ.— Появленіе сентиментализма и любовной лирики.—Условность въ содержаніи и формѣ литературы XVIII вѣка и ея постепенное уничтоженіе. — Развитіе литературнаго языка.—Вкусы средняго читателя XVIII в.—Предѣлы вліянія литературы на жизнь съ точки зрѣнія сентиментализма.—Расширеніе этихъ предѣловъ поэзіей Пушкина.—Споръ съ Рылѣевымъ и «герои безвременья» какъ черты переходнаго состоянія литературы. — Появленіе романтической теоріи.—Переходъ эстетической критики въ публицистическую.—Роль публицистическаго элемента въ критикѣ и беллетристикѣ.

Въ крестьянской избѣ какого-нибудь русскаго захолустья, въ углу подъ образами, между Псалтыремъ и Акаѳистомъ Богородицѣ, до сихъ поръ можно еще найти засаленную тетрадку, исписанную полуграмотными каракулями, совсѣмъ новымъ почеркомъ. Въ тетрадкѣ, на первомъ мѣстѣ, помѣщенъ разсказъ о томъ, какъ архангелъ Михаилъ показывалъ Богородицѣ мѣста адскихъ мученій. Въ аду течетъ рѣка огненная, съ востока и до запада. Въ рѣкѣ стоятъ грѣшники: одни по колѣно, другіе по поясъ, третьи по горло: это все люди, которые родителей и отцовъ

*) См. «Міръ Божій», № 7, іюль 1896.

духовныхъ не почитали, седьмую заповѣдь нарушали и дѣтей своихъ для смѣха браниться учили. Въ другой, темной рѣкѣ слышенъ великій плачъ и вопль: тамъ мучатся распявшіе Христа. Червь неусыпаемый гложетъ тѣхъ, кто не постился, не исповѣдывался и не бывалъ у причастія. Лютыя змѣи кусаютъ лицо и сердце тѣхъ, кто въ церкви Божіей говорилъ, смѣялся и шептался, не слушая божественнаго пѣнія и не поклоняясь святымъ иконамъ. Есть тутъ мѣсто и для пастырей душъ, видѣвшихъ свѣтъ и возлюбившихъ тьму: они людей не учили, книгъ божественнаго писанія не читали и царство небесное людямъ затворили. Тутъ же помѣщены и неправедные судіи, правыхъ обвинявшіе, а виноватыхъ оправдывавшіе,—и цари, князья и бояре немилостивые, рабовъ своихъ мучившіе. Вслѣдъ за этимъ «хожденіемъ Богородицы по мукамъ», съ его перечисленіемъ церковныхъ, моральныхъ и соціальныхъ недуговъ старой Руси, встрѣтится въ этой же тетрадкѣ «сказаніе Климента, папы римскаго»—о двѣнадцати пятницахъ: кто блюдетъ постъ въ одну изъ этихъ пятницъ, тотъ будетъ сохраненъ или отъ скоропостижной смерти или отъ потопленія, или отъ остраго меча, лихорадки, непріятелей и нечистыхъ духовъ. Дальше, «Сонъ Богородицы» окончательно придаетъ всей тетрадкѣ характеръ амулета, прямо вытекающій изъ извѣстнаго намъ формализма древне-русской религіозности. Кто этотъ «сонъ» спишетъ и хотя разъ въ недѣлю будетъ читать, тому обѣщается полное прощеніе грѣховъ, хотя бы ихъ было столько, сколько листьевъ на деревѣ или песку въ морѣ, или звѣздъ на небѣ: въ той жизни онъ получитъ царствіе небесное, а въ этой—сохраненъ будетъ отъ всякихъ опасностей и болѣзней. Содержаніе «сна» несложно. Спала Богородица въ святомъ градѣ Виѳлеемѣ и видѣла во снѣ всѣ будущія мученія, которыя угрожаютъ Христу; этотъ сонъ Она, проснувшись, разсказываетъ Спасителю, Который подтверждаетъ истину сна и обѣщаетъ послать этотъ сонъ въ міръ людямъ и дать ему великую силу.

Не надо относиться съ пренебреженіемъ къ нашей засаленной тетрадкѣ. Ея содержаніе довольно бѣдно, но вошедшіе въ нее легенды и заговоры, такъ хорошо пришедшіеся по росту старинному міровоззрѣнію массы, составляютъ обломокъ когда-то величественнаго зданія средневѣковой христіанской литературы. Основаніе этому зданію положено было еще въ первые вѣка нашей эры. На всемъ христіанскомъ Востокѣ, въ Египтѣ, въ Сиріи, на Балканскомъ полуостровѣ, благочестивая фантазія усиленно работала подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ только-что усвоенной новой вѣры. Благодаря этому періоду усиленнаго религіознаго творчества,

создалась, въ довольно короткій промежутокъ времени, огромная масса христіанскихъ образовъ и легендъ, которыми потомъ, въ теченіе цѣлаго тысячелѣтія, жило западное искусство.

Съ самыхъ тѣхъ поръ, когда составлялись священныя книги Новаго Завѣта, благочестивой любознательности открывалось широкое поле для творчества. Какая связь между Новымъ Завѣтомъ и Ветхимъ, между Христомъ и Адамомъ? Что дѣлалъ Адамъ послѣ изгнанія изъ рая? какъ онъ, напр., пахалъ, какъ хоронилъ Авеля, не зная, предварительно, ни что такое смерть, ни что такое погребеніе? Какъ жила Матерь Божія въ дѣтствѣ? Каковы были подробности мученій и крестной смерти Спасителя? На всѣ эти вопросы, и имъ подобные, каноническія книги не давали опредѣленнаго отвѣта. Сколько вопросовъ, столько оказывалось въ религіозной исторіи пробѣловъ, немедленно восполненныхъ религіозной легендой. Христосъ искупилъ Адамовъ грѣхъ: эта основная формула христіанской богословской системы тотчасъ же была воплощена въ реальные образы. Вотъ какъ было дѣло, въ воображеніи христіанскаго художника и поэта. Дьяволъ обманомъ заставилъ Адама дать рукописаніе, по которому Адамъ отдавалъ себя въ распоряженіе дьявола. Это рукописаніе, написанное на камнѣ, дьяволъ спряталъ въ р. Іорданѣ и приставилъ стеречь его четыреста чертей. Но Христосъ, когда крестился въ Іорданѣ, сталъ на этотъ самый камень и сокрушилъ его: такимъ образомъ и было разрушено рукописаніе Адамово. Или вотъ другая легенда на ту же тему. Изъ вѣтки райскаго дерева Адамъ сдѣлалъ себѣ вѣнецъ, въ которомъ его и похоронили. Изъ вѣнца выросло огромное дерево, охватившее Адамовъ гробъ своими корнями. Это самое дерево принесено было Соломону для постройки храма: но оно не пригодилось и посажено было, вмѣстѣ съ гробомъ, на Голгоѳѣ. Изъ дерева сдѣланъ былъ потомъ крестъ Христовъ, и кровь Спасителя, просачиваясь сквозь каменистую почву Голгоѳы, капала на голову Адама, освобождая его тѣмъ отъ грѣха и даруя ему искупленіе (ср. изображеніе черепа на распятіи).

Самостоятельно созданная на Востокѣ или заимствованная изъ древнихъ еврейскихъ источниковъ, христіанская легенда тѣсно сплелась со всѣми любопытными эпизодами и выдающимися личностями Ветхаго и Новаго Завѣта. Адамъ, Каинъ, Авель, Енохъ, Ламехъ, Ной, Мелхиседекъ, Авраамъ, Іосифъ, Моисей, Соломонъ, Пилатъ, Никодимъ, Іосифъ Аримаѳейскій—всѣ эти лица поочередно сдѣлались дѣйствующими лицами легенды. Библейская исторія превратилась, въ итогѣ этой творческой дѣятельности христіанской фантазіи, въ своего рода романъ, въ которомъ трудно становилось отличить истину отъ вымысла.

Удовлетворяя эстетическимъ потребностямъ вѣрующихъ, эти сокровища христіанскаго творчества быстро сдѣлались достояніемъ всего христіанскаго міра. Невозможно услѣдить всѣ пути, которыми они проникали съ Востока на Западъ, но одинъ изъ этихъ путей обратилъ на себя особенное вниманіе изслѣдователей, такъ какъ это былъ не простой передаточный пунктъ, а своего рода лабораторія, въ которой христіанская легенда, прежде чѣмъ достигнуть Запада, получила новую, дополнительную переработку. Рѣчь идетъ о Болгаріи X вѣка, взволнованной дуалистической ересью, извѣстной подъ названіемъ «богумильства». Подъ вліяніемъ ереси въ христіанскую легенду введенъ былъ новый мотивъ—борьбы добраго начала со злымъ, Бога съ дьяволомъ, Сатанаиломъ. Ареной этой борьбы и послужило сотвореніе міра; въ результатѣ борьбы зло одолѣло въ мірѣ добро; «кривда» осталась на землѣ, а «правда» улетѣла на небо. Ересь оживила на западѣ интересъ къ христіанской легендѣ: съ десятаго по тринадцатый вѣкъ мы встрѣчаемъ въ разныхъ частяхъ Европы, въ Италіи, Германіи, Франціи, Нидерландахъ и даже въ далекой Англіи одну и ту же болгарскую секту подъ различными именами.

Такимъ образомъ, вліяніе христіанской легенды было очень велико на Западѣ. И результаты этого вліянія оказались очень значительны. Христіанскіе мотивы овладѣли народнымъ воображеніемъ; старая народная былина и пѣсня были мало-по-малу вытѣснены новой поэзіей христіанства. Но вытѣснивъ продукты стараго народнаго творчества, христіанство нисколько не убило ихъ источника: народная фантазія быстро ассимилировала новый матеріалъ, и на готовой основѣ восточной легенды возникли самостоятельныя созданія средневѣковой христіанской литературы, поэзіи, живописи и искусства. Нѣкоторыя изъ этихъ созданій ушли неизмѣримо дальше вдохновившихъ ихъ восточныхъ мотивовъ: достаточно вспомнить, что матеріаломъ христіанской легенды не гнушался Дантъ, и изъ идеи «хожденій по мукамъ» выросла Божественная комедія. Но, снова прошли вѣка, и время исключительнаго господства христіанской мысли и христіанской цивилизаціи, въ свою очередь, миновало въ Европѣ. Взявъ отъ этой цивилизаціи все, что она могла дать, Западъ двинулся дальше, и скоро средневѣковая легенда, когда-то вытѣснившая изъ народной памяти продукты эпической старины, въ свою очередь, потеряла власть надъ умами и очутилась гдѣ-то внизу, въ пережитомъ историческомъ слоѣ, многократно перекрытомъ послѣдующими, болѣе новыми наслоеніями. Для возстановленія этого періода народной жизни, изслѣдователю приходится рыться въ

забытыхъ литературныхъ памятникахъ XI—XV вѣка; народная память ничего не разскажетъ ему объ этой давно минувшей эпохѣ.

Чтобы сразу получить впечатлѣніе огромной разницы, существующей въ этомъ отношеніи между нами и Западомъ, достаточно вспомнить, что нашему народу, наоборотъ, выпала на долю сомнительная привилегія—послужить живымъ источникомъ для изученія не только христіанскаго средневѣкового, но и дохристіанскаго эпическаго міровоззрѣнія массы. Историческая прослойка существуетъ, конечно, и у насъ; но она идетъ какъ-то бокомъ, не прикрывая всей поверхности и оставляя существовать рядомъ, бокъ-о-бокъ, самыя различныя историческія формаціи. Если бы мы ничего не знали о нашемъ литературномъ прошломъ, то изъ одного этого наблюденія мы должны бы были вывести, что того глубокаго вліянія, какое оказало христіанское міровоззрѣніе на весь духовный складъ европейскихъ народовъ, у насъ оно не имѣло, не говоря уже о вліяніи послѣдующихъ міровоззрѣній, соединившихъ въ Европѣ средневѣковье.

Наши историки литературы привыкли характеризовать древнѣйшій періодъ русской словесности, какъ эпоху исключительнаго преобладанія византійскихъ аскетическихъ воззрѣній. Это, можетъ быть, и вѣрно относительно немногихъ грамотѣевъ, всецѣло подчинившихся настроенію заимствованной литературы. Но вліяніе этой литературы на поэтическое творчество массы было совершенно ничтожно въ древнѣйшій періодъ; сколько нибудь значительно это вліяніе сдѣлалось лишь гораздо позднѣе.

Мы видѣли раньше, какъ медленно народная масса усвоивала себѣ хотя бы и простое *формальное* христіанство. Такъ же медленно должно было обнаружиться воздѣйствіе христіанской легенды на народное творчество. Первымъ послѣдствіемъ этой медленности оказалось то, что старый источникъ народнаго творчества не успѣлъ изсякнуть, и билъ живымъ ключемъ вплоть до самаго того времени, когда ученые изслѣдователи собрались записать произведенія этого творчества. То, что въ Западной Европѣ предпринято было при Карлѣ Великомъ—запись народнаго эпоса, у насъ сдѣлано было, какъ слѣдуетъ, только въ срединѣ XIX вѣка, и мы все таки еще не опоздали. Наши изслѣдователи очень сильно расходятся по вопросамъ, гдѣ и когда возникъ впервые тотъ или другой былинный русскій сюжетъ. Указываютъ и на Кіевъ, и на Новгородъ, и на Москву; колеблются между XI-мъ и XVII-мъ вѣками. Но въ одномъ они всѣ теперь согласны, что русскій эпосъ не есть что либо законченное уже въ древній періодъ и сохранившееся до насъ въ неприкосновенномъ видѣ, какъ

это казалось прежнимъ ученымъ. Оказывается, что русскій эпосъ жилъ и подчинялся законамъ всего живого чуть ли не на всемъ протяженіи русской исторіи. Все несомнѣннѣе становится и тотъ выводъ, что не только сохраненіе и переработка старыхъ сюжетовъ, но и созданіе новыхъ продолжалось въ русскомъ эпосѣ до очень поздняго времени. Вплоть до Петра Великаго то и другое составляло задачу «веселаго» цеха «скомороховъ», подвергшагося серьезному преслѣдованію правительства только со временъ благочестиваго царя Алексѣя.

Церковь не переставала осуждать народное творчество и его представителей съ самыхъ древнихъ временъ; но у нея не было достаточныхъ нравственныхъ средствъ, чтобы воспитать народъ въ новомъ міровоззрѣніи и направить иначе дѣятельность его фантазіи. Ей было тѣмъ труднѣе это сдѣлать, что какая бы то ни была дѣятельность фантазіи выходила изъ ея кругозора и встрѣчала съ ея стороны рѣшительное недовѣріе. Христіанская легенда, съ этой точки зрѣнія, была осуждена церковью не менѣе строго, чѣмъ языческое народное творчество. Русская церковь получила это осужденіе уже готовымъ изъ того самаго источника, изъ котораго пришли на Русь и богумильскія переработки христіанской легенды. Отмѣтки книгъ, допущенныхъ и не допущенныхъ къ употребленію церковью, дѣлались съ древнѣйшихъ временъ христіанства. Въ Болгаріи эти отмѣтки были дополнены и составили цѣлый списокъ запрещенныхъ книгъ, усвоенный къ концу XIV в. и русской церковной литературой. Почти всѣ, перечисленныя въ спискѣ, произведенія въ это время принесены были уже въ Россію въ сербскихъ или болгарскихъ переводахъ. Церковныя запрещенія, конечно, не могли бы помѣшать имъ оказать на народную мысль свое вліяніе, какое они и оказали впослѣдствіи. Но масса тогда еще слишкомъ мало была подготовлена къ тому, чтобы заинтересоваться мотивами христіанской легенды: слабое развитіе какихъ бы то ни было христіанскихъ идей лучше оберегало народъ отъ вліянія христіанской поэзіи, чѣмъ это могли бы сдѣлать самыя строгія запрещенія. Народная масса охотно слушала своихъ скомороховъ, предавалась «бѣсовскимъ» увеселеніямъ язычества и оставалась совершенно глуха къ церковной проповѣди и христіанской легендѣ. Когда надо идти въ церковь, говоритъ проповѣдникъ въ одномъ памятникѣ, написанномъ около 1400 года, мы «позѣвываемъ, и почесываемся, и потягиваемся, дремлемъ и говоримъ: холодно или дождь идетъ... а когда плясуны или музыканты или иной какой игрецъ позоветъ на игрище или сборище идольское, то всѣ туда бѣгутъ съ удовольствіемъ...

и весь день стоятъ тамъ, глазѣютъ», хотя и нѣтъ тамъ ни крыши, ни какой-либо защиты отъ дождя и вьюги. «Это все мы охотно выносимъ, губя душу зрѣлищами; а въ церкви есть и крыши, и защита отъ вѣтра, а не хотятъ придти на поученье, лѣнятся».

При этихъ условіяхъ, конечно, христіанская легенда не могла сдѣлаться у насъ предметомъ сколько-нибудь самостоятельной переработки въ древній періодъ нашей словесности. Можетъ быть, намъ докажутъ со временемъ, что рука русскаго передѣлывателя расположила легенды въ иномъ порядкѣ, свела ихъ въ одно цѣлое, пожалуй, даже комбинировала иначе тѣ или другія черты разсказа; но творчества, изобрѣтенія не рѣшаются предполагать у насъ даже самые смѣлые изслѣдователи. Наиболѣе усердные защитники богатства нашей древней литературы стараются доказать это богатство при помощи одного только аргумента: обилія (и то пока сомнительнаго) *переводовъ* съ греческаго (и, можетъ быть, еврейскаго), сдѣланныхъ *на Руси*, а не принесенныхъ готовыми изъ Сербіи и Болгаріи.

Мало-по-малу обстоятельства измѣнились. Явился и у насъ внимательный—если не читатель, то, по крайней мѣрѣ, слушатель христіанской легенды, и тотчасъ же явились ея пропагандисты. Конечно, служители церкви могли явиться такими пропагандистами только по недоразумѣнію; церковныя власти строго осуждали тѣхъ «невѣждъ—сельскихъ поповъ», которые въ простотѣ душевной выдавали народу «отреченныя» книги за священное писаніе. Но масса имѣла возможность узнать содержаніе христіанской легенды и помимо «толстыхъ сборниковъ» сельскаго духовенства. Легенду разсказали народу на доступномъ ему языкѣ люди изъ его собственной среды. У англичанъ сохранилось преданіе о томъ, какъ одинъ англійскій проповѣдникъ, не будучи въ состояніи заставить народъ слушать свои проповѣди, переодѣлся народнымъ пѣвцомъ, сталъ на прохожей дорогѣ и запѣлъ, какъ скальдъ. На знакомый напѣвъ народъ сбѣжался толпами и охотно сталъ слушать духовныя пѣсни, облеченныя въ народный костюмъ. Нѣчто подобное произошло и у насъ; только пѣвцами явились не переодѣтые священнослужители, а благочестивые странники изъ народа.

Странничество по святымъ мѣстамъ очень рано сдѣлалось у насъ профессіей людей, нуждавшихся въ общественной благотворительности. Находясь подъ особымъ покровительствомъ церкви, нищіе странники были естественными посредниками между церковниками и мірянами. Зная и раздѣляя вкусы послѣднихъ, они лучше всего могли приноровить къ этимъ вкусамъ то, что нахо-

дили подходящаго для этой цѣли у первыхъ. Странники, «калики перехожіе», и становятся, рядомъ со «скоморохами», представителями народнаго творчества въ этой второй его фазѣ,—при переходѣ отъ эпической поэзіи и языческой пѣсни къ усвоенію христіанской легенды. «Духовный стихъ» начинаетъ вытѣснять народную «старинку» *). Неисчерпаемымъ источникомъ духовнаго стиха становится древній христіанскій «апокрифъ», большею частью «отреченный», т. е. запрещенный церковью. Ритмическая форма «стиха»—это неизбѣжный штемпель, который народное творчество обязательно накладываетъ на все, что предназначается къ обращенію въ народной массѣ. Припомнимъ, какъ легко раскольничья проповѣдь къ народу принимаетъ стихотворный размѣръ и даже риѳму (см. выше). Это—явленіе, общее любой народной словесности въ состояніи младенчества. Такимъ образомъ, переложеніе книжной легенды въ формы народнаго стиха само по себѣ является доказательствомъ того, что содержаніе легенды сдѣлалось, наконецъ, достояніемъ народной массы.

Когда же совершилось это воспріятіе народной фантазіей поэтическихъ мотивовъ средневѣковой христіанской легенды? Всѣ признаки заставляютъ думать, что у насъ на Руси это случилось довольно поздно. Усвоеніе христіанской поэзіи идетъ объ руку съ усвоеніемъ религіознаго формализма и съ національзаціей вѣры,—явленіями, описанными въ предыдущемъ очеркѣ. Періодъ перваго процвѣтанія духовнаго стиха долженъ относиться ко времени возвеличенія національнаго благочестія, и дальнѣйшая судьба его—одна и та же съ судьбой русскаго увлеченія обрядомъ.

До конца XV вѣка книжные источники христіанской легенды, принесенные къ намъ въ болгарскихъ и сербскихъ переводахъ, мирно покоились на полкахъ монастырскихъ хранилищъ, извѣстные немногимъ и интересовавшіе развѣ только іерарховъ церкви, вродѣ новгородскаго архіепископа XIV вѣка, Василія, и ему подобныхъ любознательныхъ «книгочіевъ». Только съ XVI столѣтія всѣ эти богатства христіанской поэзіи съ книжныхъ полокъ двинулись въ народную массу. Во главѣ движенія шествовали, повидимому, все еще грамотѣи изъ духовенства; но возбужденный ими интересъ къ христіанской легендѣ былъ уже настолько великъ, что вызвалъ серьезныя опасенія со стороны властей и образованнѣйшихъ людей времени. Курбскій жалуется, что «мня-

*) «Старинкой» народъ называетъ свою эпическую поэзію. «Былина» есть терминъ новый и искусственный, появившійся лишь въ эпоху собиранія народнаго эпоса, въ срединѣ нашего столѣтія.

щіе себя учителями нынѣшняго вѣка» «упражняются» въ чтеніи «болгарскихъ басенъ», хвалятъ ихъ и предпочитаютъ великимъ учителямъ церкви. Припомнимъ обличенія Максима и опасенія Стоглава, и мы ясно себѣ представимъ тотъ общій фонъ «шатанія» старинныхъ обычаевъ, на которомъ совершались первыя завоеванія христіанскаго апокрифа. Лучшимъ доказательствомъ усилившейся опасности служитъ принятіе противъ нея новыхъ спеціальныхъ мѣръ. Извѣстный намъ списокъ запрещенныхъ книгъ XIV вѣка превратился въ русскую статью «о книгахъ ложныхъ и неложныхъ», распространившуюся въ XVI—XVII вв. въ большомъ количествѣ списковъ. «Большое число списковъ», замѣчаетъ по этому поводу А. Н. Пыпинъ, «служитъ вѣрнымъ признакомъ, что къ тому же времени относится наибольшее распространеніе запрещенныхъ въ статьѣ книгъ; въ самомъ дѣлѣ, наибольшее количество ложныхъ книгъ извѣстно также въ спискахъ этого времени. Въ памятникахъ XVI—XVII вѣка ложныя книги являются и съ наиболѣе народными чертами языка и подробностей, на которыя успѣла оказать вліяніе русская почва».

Въ это же время христіанскій апокрифъ принимаетъ, какъ сказано выше, и форму духовнаго стиха. Постепенный переходъ изъ книжной формы въ народную мы можемъ часто прослѣдить, благодаря этому позднему времени перехода, съ документами въ рукахъ. Не разъ оказывается при этомъ, что источникомъ стиха послужило произведеніе, само появившееся на Руси лишь въ концѣ XVII вѣка, или какое-нибудь печатное изданіе того же вѣка.

Такое позднее воспріятіе христіанской поэзіи опредѣлило и дальнѣйшую судьбу ея на Руси. Она не могла уже, при этомъ условіи, оказать русскому творчеству тѣхъ услугъ, какія оказала европейскому въ средніе вѣка. Мы видимъ, что наиболѣе просвѣщенные представители церкви и общества отнеслись къ этой поэзіи отрицательно и критически при самомъ началѣ ея распространенія въ массѣ. Понятно, что для наиболѣе культурнаго слоя уже въ это время христіанская поэзія не могла сдѣлаться движущей пружиной художественнаго творчества. Позднѣе, когда духовные интересы культурнаго слоя направились совершенно въ другую сторону, это было еще менѣе возможно. Такимъ образомъ, средневѣковая легенда скоро послѣ своего распространенія должна была сдѣлаться достояніемъ людей, сохранившихъ въ своей средѣ религіозные идеалы XVI столѣтія и чуждыхъ новымъ литературнымъ вліяніямъ. Вотъ почему духовный стихъ сдѣлался, во-первыхъ, достояніемъ однихъ только низшихъ классовъ и не вдохновилъ никакихъ выдающихся талантовъ, не вызвалъ никакихъ

крупныхъ произведеній искусства. По тѣмъ же причинамъ, во-вторыхъ, дальнѣйшее живое развитіе этого стиха совершилось, главнымъ образомъ, въ старообрядческой средѣ и духовный стихъ пріобрѣлъ раскольническій оттѣнокъ. Самые любимые сюжеты духовнаго стиха какъ нельзя лучше гармонировали съ настроеніемъ старовѣровъ. Страшный судъ и вѣчныя муки, восхваленіе «прекрасной пустыни» въ ожиданіи послѣдняго времени, нищета и странничество Христа ради, всѣ эти мотивы получили теперь своеобразное развитіе, соотвѣтственно міровоззрѣнію крайнихъ раскольничьихъ толковъ. По старымъ образцамъ создавались и новыя произведенія, иногда свидѣтельствующія о глубокомъ и сильномъ чувствѣ и не лишенныя нѣкоторой красоты формы, какъ, напр., поэзія странника Никиты Семенова (средина XIX в.). Изъ раскола духовная поэзія стараго стиля перешла и къ родственнымъ расколу сектамъ: хлыстамъ и скопцамъ (см. выше). Но евангельское христіанство и духовное христіанство позднѣйшаго типа (т. е. съ середины XVIII в.) остались, повидимому, совершенно чужды старому духовному стиху; ихъ духовныя пѣсни носятъ новѣйшій протестантскій характеръ и часто составляютъ переводъ и передѣлку иностранныхъ образцовъ. Наконецъ, вся остальная народная масса, не вошедшая ни въ старую вѣру, ни въ сектантство, продолжала хранить старое литературное наслѣдіе въ томъ видѣ, какъ оно сложилось къ концу XVII вѣка, не прибавляя къ нему ничего своего; позднѣйшія культурныя вліянія постепенно отодвинули это преданіе на второй планъ и, въ концѣ концовъ, вовсе вытѣснили изъ памяти народа остатки христіанской поэзіи среднихъ вѣковъ.

Итакъ, за исключеніемъ раскола и части сектантства, воспріятіе христіанской легенды прошло совершенно безплодно для народной фантазіи. Даже въ пору наибольшаго своего расцвѣта, духовная поэзія была не настолько сильна, чтобы замѣнить народу его прежнее эпическое и языески-обрядовое преданіе. Какъ ни охотно народъ слушалъ «каликъ перехожихъ», имъ не удалось вытѣснить «веселыхъ молодцовъ»—скомороховъ. Напротивъ, ремесло тѣхъ и другихъ очень сблизилось съ тѣхъ поръ, какъ скоморохи перестали быть пѣвцами придворныхъ пировъ, а калики перестали считаться церковными людьми, состоящими на иждивеніи церкви. Тѣ и другіе питались теперь подаяніями народа—правда, не всегда добровольными—и служили его потребностямъ; и, отвѣчая народному вкусу, былинный репертуаръ скомороховъ мирно уживался рядомъ съ духовнымъ репертуаромъ каликъ. Послѣ того, какъ правительственныя мѣры совсѣмъ сжили со свѣта ско-

мороховъ, «старцы» и калики сдѣлались даже ихъ единственными наслѣдниками. Понятно, что въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ оба репертуара не могли не оказать другъ на друга взаимнаго вліянія. Вотъ почему Илья Муромецъ сталъ воспреемникомъ каликъ и святымъ, а Соломонъ превратился въ героя былины; вотъ почему любимецъ скомороховъ, Васька Буслаевъ, начинаетъ свою карьеру подвигами молодечества въ былинномъ вкусѣ, затѣмъ отправляется, по-каличьи, замаливать свои грѣхи во святую землю, а въ концѣ концовъ опять не выдерживаетъ роли и оканчиваетъ жизнь мальчишеской выходкой. Средневѣковая легенда покрыла народный эпосъ густымъ слоемъ христіанскихъ поэтическихъ представленій и, въ свою очередь, приняла порою народный складъ. Это мирное сожительство является лучшей иллюстраціей поздняго и неполнаго вліянія христіанской литературы на народную мысль.

При такомъ характерѣ христіанскаго вліянія и реакція противъ него была у насъ дѣломъ нетруднымъ. Покаянное настроеніе легко переходило въ шутку и нравоучительная притча легко превращалась въ пародію. Въ тѣ же вѣка, когда народное творчество овладѣвало сюжетами христіанской легенды, оно овладѣло также и знаменитой темой о «бражникѣ», шедшей въ разрѣзъ съ основными аксіомами христіанской морали. Кажется, не было предмета, по поводу котораго и христіанская легенда, и древняя нравоучительная литература чаще громила вѣрующихъ, какъ «пьянственное питіе». Легенда производила вино отъ адскаго корня, посѣяннаго въ раю дьяволомъ; отъ виноградной лозы вкусили Адамъ и Ева, преступивши Господню заповѣдь. Церковная проповѣдь производила отъ пьянства всѣ остальные грѣхи и грозила пьяницамъ вѣчными муками. Въ этомъ духѣ сочинена извѣстная русская повѣсть въ стихахъ о Горѣ-злосчастьѣ. Всѣ бѣдствія героя повѣсти происходятъ отъ того, что, вопреки родительскому наставленію, онъ «принялся за питье за пьяное». Послѣ многихъ скитаній молодецъ находитъ себѣ спасеніе отъ горя тамъ, гдѣ искалъ его древнерусскій интеллигентный читатель—въ монастырѣ. Такова византійская струя, проникшая мало-по-малу и народное міровоззрѣніе. Теперь сравнимъ съ этимъ западную смѣхотворную повѣсть, полюбившуюся народу и принявшую въ Россіи особенно задорный характеръ. Герой повѣсти во Франціи мужикъ, въ Германіи мельникъ; въ Россіи мужика и мельника замѣнили пьяницей, превративши такимъ образомъ соціальный протестъ въ моральную браваду. «Былъ нѣкій бражникъ,—такъ начинается русская повѣсть,—и зѣло много вина пилъ во вся дни живота своего, а всякимъ ковшомъ Господа Бога славилъ». По

смерти бражникъ является передъ воротами рая и начинаетъ препираться съ отворяющими ему святыми. Сперва является апостолъ Петръ и спрашиваетъ, кто стучится у райскихъ вратъ. «Азъ есмь грѣшный человѣкъ бражникъ,—отвѣчаетъ ему герой повѣсти,—хочу съ вами въ раю пребыти».—Бражниковъ сюда не пускаютъ, отвѣчаетъ апостолъ.—А ты кто такой?—спрашиваетъ бражникъ, и узнавъ, что съ нимъ говоритъ Петръ, продолжаетъ:—а помнишь, Петръ, какъ ты отъ Христа отрекся: зачѣмъ же *ты* въ раю живешь? Петръ, посрамленный, уходитъ прочь. Такая же участь постигаетъ ап. Павла, Давида, Соломона, святителя Николая и Іоанна Богослова, которому бражникъ напоминаетъ: вы съ Лукой написали въ евангеліи: другъ друга любите; а вы пришельца ненавидите? Либо руки своей отрѣшись, Іоаннъ Богословъ, либо снова отопрись. Послѣ этого Іоаннъ отвѣчаетъ: ты еси нашъ человѣкъ, бражникъ, и вводитъ его въ рай. Бражникъ располагается на самомъ лучшемъ мѣстѣ, говоря обидѣвшимся на это святымъ: «святые отцы, не умѣете вы говорить съ бражникомъ, не то что съ трезвымъ». Насколько распространилась среди читателей повѣсть о бражникѣ, видно изъ того, что списки запрещенныхъ книгъ начали въ XVII в. включать въ свой составъ ея заглавіе.

Здоровый смѣхъ и шутка легко прорывались наружу въ народной словесности. Это была та подпочва, плохо прикрытая культурнымъ слоемъ, которая носила въ себѣ зародыши правдивости и реализма, свойственные русскому искусству въ его развитомъ видѣ. Но въ тогдашней *интеллигентной* средѣ культурный слой былъ нѣсколько прочнѣе; и русскому искусству пришлось еще пережить цѣлый рядъ условныхъ настроеній, прежде чѣмъ оно завоевало себѣ право черпать свой матеріалъ непосредственно изъ жизни. Первымъ изъ такихъ условныхъ настроеній было—воспитанное Византіей. Шутки и смѣхъ въ этомъ настроеніи не могли имѣть мѣста. «Смѣхъ не созидаетъ, не хранитъ,—говорилъ древнерусскій моралистъ,—но погубляетъ и созиданія разрушаетъ; смѣхъ Духа Святаго печалитъ, не пользуетъ и тѣло растлѣваетъ; смѣхъ добродѣтели прогонитъ, потому что не помнитъ о смерти и вѣчныхъ мукахъ. Отъими, Господи, отъ меня смѣхъ и даруй плачъ и рыданіе». Такимъ образомъ, древне-русскій мыслитель не только не признавалъ смѣха воспитательнымъ средствомъ, но смотрѣлъ на него, какъ на тяжкое искушеніе. Одного подвижника, Памву, бѣсы хотѣли погубить, разсмѣшивши, и когда, наконецъ, послѣ тщетныхъ усилій, имъ удалось заставить подвижника улыбнуться, они съ восторгомъ торжествовали побѣду.

Какимъ образомъ русская интеллигентная среда вышла изъ этого настроенія и чѣмъ оно было замѣнено, это лучше всего видно изъ исторіи старинной русской беллетристики. Произведенія этой беллетристики почти исключительно переводныя; но самый подборъ оригиналовъ для перевода и постепенная смѣна любимыхъ читателями сюжетовъ даетъ возможность судить о томъ, какъ измѣнялись литературные вкусы читателей и въ какую сторону направлялись ихъ интеллектуальные запросы.

Только-что отмѣченное византійско-аскетическое направленіе уцѣлѣло до самаго конца XVII вѣка среди самыхъ видныхъ представителей русскаго общества. Въ 1676 году, по прямому «желанію и повелѣнію» царя Алексѣя Михайловича, вновь переводится произведеніе, на которомъ сошлись оба враждовавшіе тогда лагеря русской интеллигенціи: старая православная и новая польско-латинская партія (о нихъ см. ниже). Это былъ объемистый іезуитскій сборникъ, составленный изъ средневѣковыхъ матеріаловъ XII и XIII в., «Великое Зерцало». Содержащіяся въ немъ повѣсти, собственно, должны были служить иллюстраціями для проповѣдниковъ; но онѣ чрезвычайно пришлись по вкусу вообще православному читателю, и въ томъ же XVII в., не смотря на значительный объемъ, сборникъ распространился въ большемъ количествѣ списковъ; онъ приготовленъ былъ даже къ печати. Патріархъ Адріанъ сдѣлалъ заимствованія изъ «Зерцала» для составленнаго имъ образцоваго поминанья («синодика»). Наконецъ, въ XVIII в. многіе разсказы Зерцала сдѣлались достояніемъ народной массы; еще въ большемъ количествѣ случаевъ они обновили въ памяти содержаніе старинной русской повѣствовательной литературы.

Къ этому старинному содержанію и разсказы Великаго Зерцала, дѣйствительно, подходили очень близко. Какъ тамъ, такъ и здѣсь строго осуждались всякія свѣтскія удовольствія, вино и пѣсни, танцы и наряды, и всѣ помыслы сосредоточивались на вопросѣ о спасеніи души. Но новый сборникъ разрисовывалъ мученія грѣшниковъ съ новыми устрашающими подробностями и не жалѣлъ красокъ, чтобы запугать фантазію вѣрующихъ. Клеветникъ постоянно жуетъ и выплевываетъ свой собственный языкъ, раскаленный какъ желѣзо, висящій до полу и непрерывно выростающій вновь. Грѣшная женщина сидитъ на лютомъ зміи; два демона съ обоихъ боковъ бьютъ ее огненными цѣпями; скорпіоны и ящерицы, псы и мыши грызутъ и гложутъ ея уши и мозгъ, руки и ноги. Жабы выскакиваютъ у исповѣдующагося изо рта при всякомъ исповѣданномъ грѣхѣ и снова влѣзаютъ всѣ внутрь при одномъ грѣхѣ сокрытомъ. Словомъ, угрозы разсыпаны на

каждомъ шагу, и только церковь можетъ спасти грѣшника отъ неминуемой погибели: годъ ея поминовенія засчитывается за 1.000 лѣтъ мытарствъ, а тридцать литургій подрядъ могутъ спасти отъ ада грѣшную душу. Такъ, чисто католическія идеи незамѣтно находили себѣ доступъ къ совѣсти русскаго вѣрующаго (ср. выше, ученіе Стефана Яворскаго).

Судьба «Великаго Зерцала» была общая съ судьбой христіанскаго апокрифа. Подобно ему, «Зерцало» сдѣлалось въ XVIII в. достояніемъ преимущественно раскольничьей среды. Подобно ему же, оно повліяло на народное творчество въ формѣ духовнаго стиха. Но въ интеллигентной средѣ настроеніе быстро перемѣнилось вскорѣ послѣ перваго распространенія списковъ «Зерцала». Вѣроятно, поэтому «Великое Зерцало» такъ и не попало на типографскій станокъ. Другія птицы—другія пѣсни.

Перемѣна настроенія читателей становится ощутительной даже въ самыхъ заглавіяхъ, которыми переводчики или переписчики обыкновенно рекомендовали публикѣ содержаніе повѣсти, пускаемой въ оборотъ. «Повѣсть зѣло полезна ко спасенію души»—такова была наиболѣе обычная рекомендація стариннаго повѣствовательнаго матеріала. Теперь рядомъ съ «душеполезнымъ» чтеніемъ открыто становится и постепенно вытѣсняетъ его чтеніе иного рода. Читатель начинаетъ скучать отъ «душеполезной» литературы и ищетъ «потѣшной (утѣшной, умильной)».

Само собою разумѣется, что интересъ къ занимательному чтенію свѣтскаго характера не могъ отсутствовать и въ древней русской литературѣ. Но интересъ этотъ былъ нѣсколько односторонень и удовлетворялся довольно своеобразно. Прежде всего, читателя интересовало по преимуществу баснословное, фантастическое, сказочное — все то, что «зѣло дивно есть послушати». Затѣмъ, только подъ прикрытіемъ назидательности можно было получить занятное чтеніе. Старинная повѣствовательная литература принадлежала, такимъ образомъ, къ одному изъ двухъ типовъ. Или это были небольшія отрывочныя повѣсти, подчасъ не особенно скромныя, но всегда снабженныя въ заключеніе христіанской моралью и большею частью объединенныя какою-нибудь свободною литературною формой или незамысловатой интригой. Такова большая часть старинныхъ діалоговъ, въ которыхъ собесѣдники состязаются въ разсказѣ новеллъ или предлагаютъ другъ другу загадки и притчи *). Или это—сказанія о диковинныхъ странахъ и людяхъ, прикрѣп-

*) Стефанитъ и Ихнилатъ, Варлаамъ и Іосафатъ, Соломонъ и Китоврасъ, позднѣе—повѣсть о семи мудрецахъ.

ленныя къ дѣятельности легендарнаго или полулегендарнаго героя: таково сказаніе объ Индѣйскомъ царствѣ пресвитера Іоанна; такова знаменитая «Александрія», т. е. подвиги Александра Македонскаго, и сказанія о Троянской войнѣ. Какъ новелла получила право гражданства въ литературѣ лишь въ формѣ назидательной притчи, «прилога», такъ и подвиги героевъ должны были принять христіанскій характеръ. Такимъ образомъ, уже въ XV вѣкѣ Александръ Македонскій начинаетъ усиленно сокрушаться о тщетѣ всего земного, а затѣмъ въ новой сербской передѣлкѣ «Александріи» и окончательно получаетъ характеръ христіанскаго героя, поклоняющагося единому истинному Богу и раззоряющаго языческіе храмы. Только съ конца XVII вѣка свѣтскій элементъ повѣсти выступаетъ уже безъ всякаго моральнаго прикрытія. Разсказъ перестаетъ быть канвой для свободнаго нанизыванія приключеній и притчъ; является интересъ къ фабулѣ самой по себѣ, и мѣсто прежнихъ діалоговъ занимаютъ длинныя повѣсти съ сложнымъ сюжетомъ и хитросплетенной интригой. Одна за другой являются на сцену «пріятныя» и «любезныя» «исторіи» о «славныхъ» короляхъ, «храбрыхъ» рыцаряхъ и «прекрасныхъ» королевнахъ: о Петрѣ золотые ключи и Магилонѣ, о Бовѣ королевичѣ и т. д. Сперва въ этихъ повѣствованіяхъ интересуютъ читателя преимущественно рыцарскія приключенія героя; но мало-по-малу пробуждается интересъ и къ его романтическимъ похожденіямъ. Любовь, не обращавшая прежде на себя никакого вниманія читателя и проникавшая лишь въ минимальныхъ размѣрахъ въ русскія передѣлки, начинаетъ получать видное мѣсто и въ концѣ концовъ становится центральнымъ интересомъ всего разсказа. Впервые въ русскую повѣствовательную литературу проникаетъ сердечная лирика.

Этотъ моментъ важно отмѣтить, такъ какъ введеніе любовнаго элемента было первымъ завоеваніемъ, сдѣланнымъ литературой у жизни, и первымъ пріобрѣтеніемъ, заимствованнымъ жизнью у литературы. Въ литературу вошелъ съ этихъ поръ элементъ житейской дѣйствительности, а въ жизнь проникъ элементъ идеализма, облагораживавшаго человѣческія отношенія. Вопреки обычнымъ школьнымъ дѣленіямъ можно смѣло утверждать, что именно съ этого времени русская литература стала *сентиментальной*.

Переворотъ, предсказанный на Западѣ Дантомъ и осуществленный Петраркой, совершился въ нашей литературѣ не ранѣе эпохи Петра Великаго. Любимый герой оригинальныхъ русскихъ повѣстей петровскаго времени принадлежитъ уже всецѣло сентиментальной литературѣ. Это обыкновенно — русскій, посланный за-

границу учиться. За-границей этотъ герой, россійскій матросъ Василій или храбрый кавалеръ россійскій Александръ, влюбляется въ какую-нибудь прекрасную дѣвицу или принцессу, страдаетъ отъ любви и даже пишетъ любовные стихи. Въ концѣ концовъ, послѣ цѣлаго ряда препятствій, онъ или благополучно соединяется съ предметомъ своей страсти, или трагически погибаетъ.

Такимъ образомъ, петровская повѣсть указываетъ намъ и тотъ источникъ, изъ котораго русскій читатель заимствовалъ свои нѣжныя чувства, и тотъ способъ, какимъ эти чувства распространялись. Источникомъ нѣжныхъ чувствъ послужили, въ данномъ случаѣ, впечатлѣнія заграничной поѣздки, а способомъ ихъ пропаганды сдѣлалась оригинальная и переводная беллетристика. Познакомившись съ новыми чувствами въ мірѣ воображенія, читатель пробовалъ переносить тѣ же чувства и въ свой житейской обиходъ. Какіе успѣхи были сдѣланы въ самое короткое время на этомъ поприщѣ, лучше всего можно видѣть изъ измѣненія тона и содержанія первыхъ опытовъ русской любовной лирики. Для сравненія мы нарочно возьмемъ не профессіональныхъ стихотворцевъ, а людей, непосредственно выражавшихъ риѳмами состояніе своего сердца. Вотъ какъ переписывался съ невѣстой въ 1698 году одинъ безграмотный юноша, полковничій сынъ, при помощи своего грамотнаго деньщика:

Здрава буди, душа моя, многія лѣта
И не забывай праведнаго твоего обѣта,
Какъ мы съ тобой передъ Богомъ обѣщалися,
Въ которое время перстнями помѣнялися
И вѣнцы на главахъ нашихъ имѣли златые
Во дни мимошедшіе, радостные, святые.
Почасту, свѣте, меня вспоминай,
Наипаче же въ молитвахъ своихъ не забывай;
А я воистину тебя не забываю,
По всякій часъ вспоминаю,
И такъ мнѣ по тебѣ тошно:
Какъ было бы можно,
И я бы къ тебѣ полетѣлъ,
И къ тебѣ бы, душа моя, прилетѣлъ.

Изъ продолженія письма видно, что родители жениха не одобряли этого обрученія и что «вмѣсто милости пресвѣтлыя», сыну пришлось выслушать отъ «государя-батюшки» и отъ «государыни-матушки» слова извѣтныя: «можно бы тебѣ женитися и многими пожитками поживитися; взялъ бы ты, гдѣ намъ годно и тебѣ благородно: въ Москвѣ у человѣка знатнаго». Какъ видимъ, это — свадьба уже не совсѣмъ въ домостроевскомъ стилѣ: очевидно, ме-

зальянсы, вродѣ брака Фрола Скабѣева, существовали уже не въ однѣхъ повѣстяхъ того времени. Но, тѣмъ не менѣе, государю-батюшкѣ и государынѣ-матушкѣ нечѣмъ было бы укорить по существу «праведный обѣтъ» сына: любовь развивается самымъ законнымъ порядкомъ; весь строй чувствъ и мыслей нашей «совѣтной грамоты» не выходитъ изъ допетровскаго шаблона. Сравнимъ теперь съ этимъ простодушнымъ изліяніемъ чувствъ любовное посланіе опытнаго сердцеѣда, красавца Монса, сложившаго за свои похожденія и голову на плахѣ. Стихи писаны около 1720 года.

Ахъ, что есть свѣтъ, и въ свѣтѣ, ахъ, все противное!
Не могу ни жить, ни умерти! Сердце тоскливое,
Долго ты мучилось. Нѣтъ упокоя сердца.
Купидонъ, воръ проклятый, вельми радуется:
Пробилъ стрѣлою сердце; лежу безъ памяти,
Не могу я очнуться и очами плакати:
Тоска великая, сердце кровавое
Рудою запеклося—и все пробитое!

Такъ воображаемыя страданія сердца сливались съ дѣйствительными; въ итогѣ весь строй чувствъ повышался, и русскій человѣкъ входилъ во вкусъ утонченныхъ душевныхъ движеній, о которыхъ не имѣли ни малѣйшаго понятія его отцы и дѣды. Черезъ посредство сентиментальной повѣсти и любовной лирики въ душѣ русскаго человѣка впервые отведенъ былъ уголокъ идеализму. Правда, пока это былъ еще очень маленькій уголокъ и, притомъ, переполненный исключительно личными чувствованіями. Но, какъ бы то ни было, начало было положено.

Продолженія этого начала пришлось, однако же, ждать довольно долго. Продолженіемъ должно было быть дальнѣйшее развитіе въ литературѣ умѣнья черпать свой матеріалъ непосредственно изъ жизни: изображать то, что видишь, и писать такъ, какъ говорятъ. Только при этомъ условіи литература могла сдѣлаться силой въ общественной жизни, а не однимъ развлеченіемъ въ часы досуга. Между тѣмъ, самыми характерными чертами русской литературы въ теченіе всего XVIII столѣтія оставалась условность содержанія и формы: ложно-классическое направленіе и искусственно сочиненный языкъ.

Само собой разумѣется, что господство ложнаго классицизма и невыработанность литературнаго языка не были сами по себѣ *причинами*, задерживавшими развитіе литературы. Это были скорѣе *симптомы*, а причины лежали глубже, въ соціальныхъ условіяхъ времени. У насъ, какъ на Западѣ, классицизмъ удовлетворялъ

требованіямъ извѣстнаго общественнаго слоя и господствовалъ лишь до тѣхъ поръ, пока не заинтересовалась литературой публика изъ иной среды, съ иными вкусами и запросами. Теорія ложнаго классицизма сложилась на Западѣ въ XVI—XVII вѣкахъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ двора и аристократіи; эта теорія должна была создать литературу для «порядочныхъ людей», презиравшихъ la racaille, la vile multitude. Естественно, что и у насъ въ началѣ XVIII в. классическая теорія явилась самой подходящей для литературы, которая по необходимости должна была говорить,—выражаясь словами Тредьяковскаго,—«языкомъ двора, благоразумнѣйшихъ министровъ, премудрѣйшихъ священноначальниковъ и знатнѣйшаго дворянства». Но при дворѣ во всю первую половину вѣка литература скорѣе терпѣлась, какъ необходимая принадлежность цивилизованной обстановки, нежели цѣнилась по своему внутреннему содержанію. *Этого* рода потребность въ литературѣ достаточно удовлетворялась условными *формами* классической трагедіи и оды. По скольку же высокопоставленная публика интересовалась самымъ *содержаніемъ* литературныхъ произведеній,—содержаніе это уже въ то время было сентиментально. Тѣмъ болѣе выступилъ на сцену этотъ элементъ со второй половины XVIII вѣка, когда появились читатели и зрители изъ средняго дворянскаго и мѣщанскаго слоя. Къ этому времени—и по тѣмъ же причинамъ — требованія бо́льшей естественности и большаго вниманія къ simple humanité souffrante были уже громко заявлены во французской литературѣ. Русскіе защитники «мѣщанскихъ вкусовъ» могли стать подъ готовое знамя; но они не пошли далеко не только въ своемъ соціальномъ протестѣ, но даже и въ литературномъ опроверженіи принциповъ ложно-классической школы. Ихъ литературный протестъ ограничился крайностями и уродливостями русскаго классицизма, и, сдѣлавъ кое-какія уступки новымъ вкусамъ, ложно-классицизмъ продолжалъ мирно уживаться съ постоянно усиливавшимся сентиментальнымъ направленіемъ. Съ начала и до конца ложно-классическая форма и сентиментальный духъ просуществовали рядомъ въ русской литературѣ.

Другимъ признакомъ, тоже свидѣтельствующимъ о слабомъ вліяніи литературы на жизнь, была въ XVIII вѣкѣ неустановленность литературнаго языка. Современники могли считать эту невыработанность языка причиной безсилія литературы и спѣшили помочь дѣлу изданіемъ грамматикъ, словарей и собственными литературными образцами. Въ дѣйствительности, наоборотъ, скромная роль литературы въ жизни была причиной невыработанности литературнаго языка. Литературный языкъ создается не писате-

лями, а читателями, или, по крайней мѣрѣ, совокупной дѣятельностью тѣхъ и другихъ. Подобно одинаковой цѣнѣ на товары, однообразный смыслъ словъ и выраженій устанавливается въ зависимости отъ размѣра рынка и быстроты обмѣна. Только постоянный и сильный спросъ на произведенія литературы, и не менѣе обильное предложеніе могутъ выработать то молчаливое согласіе публики и авторовъ, тотъ usus, которымъ закрѣпляется въ общественномъ обращеніи извѣстный лексическій и грамматическій составъ языка. Въ ожиданіи этого времени писателямъ первой половины XVIII столѣтія приходилось искать ощупью свою публику и выдумывать искусственныя правила литературнаго стиля. Все это очень скоро измѣнилось, какъ только выяснился составъ читающей публики и опредѣлились ея вкусы. Публика была простая и настроеніе ея сентиментальное: простъ и сентименталенъ долженъ былъ быть и первый сколько-нибудь установившійся литературный языкъ.

Собственно говоря, и древняя Русь имѣла свой установленный языкъ, возвышавшійся надъ вѣчно-подвижнымъ океаномъ народныхъ говоровъ. Это былъ языкъ церковной литературы, успѣвшій въ теченіе вѣковъ приспособиться до нѣкоторой степени къ мѣстной русской рѣчи—и потому далекій отъ своего славянскаго первообраза. Но при всемъ томъ, это былъ черезчуръ условный и книжный языкъ; пропасть между нимъ и разговорной рѣчью чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе расширялась. Церковь оберегала его неприкосновенность, а въ концѣ XVI и началѣ XVII в. окончательно выдѣлила его въ особый, самостоятельный языкъ, создавъ для него особую грамматику съ особыми, совершенно условными правилами. Для простого люда этотъ языкъ былъ черезчуръ невразумительнымъ и темнымъ; но долговременная привычка примирила и съ этими качествами; въ нихъ даже стали находить что-то соотвѣтствующее достоинству и высотѣ предметовъ, о которыхъ считалось позволительнымъ писать на этомъ языкѣ. Обыденная рѣчь мало нуждалась въ письменномъ выраженіи; но, однако же, потребность въ такомъ выраженіи была; такимъ образомъ сложился мало-по-малу особый письменный стиль, напр., для дѣловыхъ документовъ. Естественно было ожидать, что стиль этотъ постепенно проникнетъ и въ другія области письменности, не находившіяся подъ непосредственной охраной церкви. Уже въ первой половинѣ XVI вѣка эта тенденція была замѣчена и осуждена нашими старыми книжниками. «Я думаю», пишетъ Зиновій Отенскій, «что вводить изъ общихъ народныхъ рѣчей въ книжныя рѣчи—есть лукавое умышленіе христоборцевъ или людей, гру-

бых смысломъ; приличнѣе, по моему, книжными рѣчами исправлять общенародныя рѣчи, а не книжныя народными обезчещивать». Дѣйствительно, *литературу* въ тѣснѣйшемъ смыслѣ, и безъ того проникнутую въ то время религіозными интересами, удастся надолго задержать на этомъ пути. Но, дѣловой языкъ, по необходимости, сохраняетъ свое положеніе въ письменности и продолжаетъ развиваться, особенно въ рукахъ правительства. Правительственнымъ канцеляріямъ приходится говорить на понятномъ языкѣ со всей Россіей изъ Москвы; такимъ образомъ и создается, въ результатѣ, на основѣ московскаго говора, простой и точный приказный языкъ, не лишенный подчасъ изобразительности и силы. Вѣроятно, когда-нибудь спеціальное изслѣдованіе покажетъ, сколько было въ этомъ языкѣ народныхъ элементовъ и въ какомъ отношеніи онъ находится къ остаткамъ народнаго творчества. Во всякомъ случаѣ, это былъ законченный и выработанный языкъ, имѣвшій шансы остаться неизмѣннымъ такъ долго, какъ долго просуществуетъ создавшій его уровень потребностей и понятій. Примѣръ Котошихина и Посошкова показываетъ намъ, что этимъ языкомъ начала пользоваться и серьезная литература. Но съ началомъ XVIII в. снова все приходитъ въ движеніе. Языкъ точно срывается съ только-что установленныхъ основъ и мечется на-угадъ, безъ церемоніи нагромождая сырой матеріалъ иностранныхъ впечатлѣній и терминовъ. Наступаетъ періодъ, въ теченіе котораго русскіе писатели не безъ основанія предпочитаютъ прибѣгать къ помощи иностранныхъ языковъ, чтобы достаточно гибко и точно выразить то, что имѣютъ сказать. Послѣ спокойствія, важности и обстоятельности солидной московской рѣчи начинаются какія-то судорожныя усилія выразить въ словѣ наплывающія новыя чувства и мысли. Покровъ однообразія, наброшенный на литературу выработаннымъ стилемъ XVII вѣка, какъ будто по волшебству исчезаетъ: каждый писатель, предоставленный собственнымъ силамъ, пріобрѣтаетъ своеобразную физіономію, и мы присутствуемъ при рядѣ одиночныхъ попытокъ, то серьезныхъ, то безпомощныхъ и комичныхъ—выковать новую русскую рѣчь.

Пока совершалось это броженіе въ языкѣ образованнаго общества, два элемента русской рѣчи оставались неподвижными, незатронутыми кризисомъ: старый, давно кристаллизировавшійся церковный языкъ и живое народное слово. Наши теоретики имѣли достаточно времени—гадать, къ какой изъ этихъ двухъ крайностей подойдетъ ближе будущій продуктъ броженія, новый русскій литературный языкъ. За книжный языкъ допетровской эпохи говорилъ и укоренившійся предразсудокъ, и соціальный составъ не-

многочисленныхъ читателей, и условная теорія ложнаго классицизма. Вотъ почему литературная теорія цѣлое столѣтіе продолжаетъ защищать права церковнаго языка и цѣпляется за его послѣдніе остатки въ русскомъ словоупотребленіи, чтобы создать въ литературѣ особый «высокій штиль». Тредьяковскій настойчиво рекомендуетъ языкъ священныхъ книгъ, не допуская и мысли, что будущій слогъ «на площади возьметъ прегнусно свой нарядъ». То ли дѣло славянская рѣчь?

«Не «голосъ» чтется тамъ, но сладостнѣйшій «гласъ»,
Читаютъ «око» всѣ, хоть говорятъ всѣ «глазъ»...
Не «нынь» тамъ и не «валъ», но «нынѣ» и «волна»;
Священна книга вся сихъ нѣжностей полна».

Сумароковъ согласенъ уже сдѣлать маленькую уступку:

«Коль «аще», «точію» обычай истребилъ,
Кто нудитъ, чтобъ ты ихъ опять въ языкъ вводилъ?
А что ихъ старины понынѣ неотмѣнно,
То можетъ быть тобой повсюду положенно».

Такимъ образомъ, мнимый «славянскій» языкъ продолжалъ употребляться для «высокихъ» мыслей и «важныхъ» сюжетовъ ложно-классической трагедіи, поэмы и оды. Любопытно, что еще въ 1796 г. ломоносовскую теорію трехъ стилей повторилъ, съ нѣкоторыми измѣненіями, другъ и поклонникъ Карамзина, Подшиваловъ. Прошло только семь лѣтъ, и другой сторонникъ Карамзина, Макаровъ, могъ констатировать тотъ фактъ, что «Карамзинъ сдѣлалъ эпоху въ исторіи русскаго языка»: въ той же статьѣ, въ которой торжествовалась эта побѣда карамзинскаго стиля, уже рѣшительно заявлялось, что «высокій слогъ долженъ отличаться не словами или фразами, но содержаніемъ, мыслями, чувствованіями». «Славянщина» была окончательно вытѣснена изъ литературнаго языка, чтобы уступить мѣсто «пріятности слога, называемой французами élégance». Не помогъ и рѣзкій протестъ Шишкова, въ томъ же году (1803) издавшаго свое знаменитое разсужденіе «о старомъ и новомъ слогѣ». «Славянизмы» и «славянщина» сохранились только у немногихъ писателей, да на университетской каѳедрѣ, на которой профессоръ словесности, Мерзляковъ, къ большому удивленію аудиторіи [illegible] еще въ двадцатыхъ годахъ, что «[illegible] — [illegible] неправильнымъ языкомъ, [illegible]».

[illegible] «высокимъ штилемъ», [illegible] ломоносовскій [illegible]

вый литературный языкъ не былъ «книжнымъ» въ прежнемъ смыслѣ этого слова; но его такъ же трудно было бы назвать и «народнымъ», какимъ могъ быть обыденный письменный стиль XVII столѣтія. Это былъ языкъ, пришедшійся по вкусу среднему интеллигентному читателю, какой народился у насъ, приблизительно, съ 70-хъ годовъ XVIII вѣка. Отъ «народа» въ смыслѣ простонародья отдѣлялъ этого читателя новый строй мыслей и чувствъ, впервые развившійся въ образованномъ обществѣ въ теченіе XVIII столѣтія. Верхъ и низъ русскаго общества съ этихъ поръ въ буквальномъ смыслѣ начали говорить разными языками. И въ концѣ вѣка разница была, разумѣется больше, чѣмъ въ началѣ. Это должно было отразиться и на языкѣ. Въ первой половинѣ вѣка въ литературномъ складѣ,—конечно, гдѣ это позволяла классическая теорія, т. е. въ произведеніяхъ, написанныхъ среднимъ и низкимъ штилемъ,—еще можно видѣть черты неприкрашеннаго реализма, унаслѣдованнаго петровской эпохой отъ XVII вѣка. Во второй половинѣ XVIII столѣтія уже повсюду водворяется манерность. Для большей наглядности интересно сопоставить двѣ шуточныхъ поэмы, отдѣленные всего шестью годами (1769—75), «Елисея» В. И. Майкова и «Душеньку» Богдановича. Въ первой изъ нихъ, подъ покровомъ классическихъ правилъ, еще видны замирающіе слѣды петровской грубости и наивной простонародности. Во второй, подъ прикрытіемъ простоты и небрежности, не признающей Аристотеля, уже торжествуютъ «правила нѣжнаго вкуса». Простонародный «гудокъ» Майкова превращается у Богдановича въ сентиментальную «свирѣль». Откровенный цинизмъ уступаетъ мѣсто нескромности, которая умѣетъ сказать все, не нарушивши законовъ самаго строгаго приличія. Самый выборъ героевъ въ высшей степени характеренъ: приключенія легкомысленной красавицы требуютъ, конечно, иныхъ красокъ для своего описанія, чѣмъ похожденія пьянаго ямщика. Въ этой смѣнѣ сюжетовъ шутливой поэмы мы видимъ лучшую иллюстрацію перелома, совершившагося въ литературныхъ вкусахъ писателя и въ его отношеній къ народному элементу *).

*) Чтобы сдѣлать эту иллюстрацію еще болѣе наглядною, позволимъ себѣ выписать начало обѣихъ поэмъ.

Елисей: «Пою стакановъ звукъ, пою того героя,
Который во хмѣлю бѣды ужасны строя,
Въ угодность Вакхову, средь многихъ кабаковъ,
Бивалъ и опивалъ ярыгъ и чумаковъ,
Ломалъ котлы, ковши, крючки, бутылки, плошки:
Терпѣли ту же честь кабацкія окошки;

Итакъ, литературный языкъ, сложившійся въ существенныхъ чертахъ въ послѣдней четверти XVIII вѣка и окончательно санкціонированный Карамзинымъ, былъ одинаково далекъ и отъ старой книжной, и отъ простой народной рѣчи. Онъ приближался, конечно, къ живому разговорному языку, но то былъ языкъ не народа, а русской читающей публики. Пока этой публики не существовало, не могло существовать и установившагося литературнаго языка; писатель оставался безъ почвы и при самомъ крупномъ талантѣ не могъ бы устоять противъ быстраго изветшанія литературной рѣчи. Въ самомъ дѣлѣ, никогда, кажется, языкъ нашей письменности не мѣнялся такъ быстро, какъ это было въ XVIII столѣтіи. Чуть ли не каждое новое поколѣніе вносило въ литературный стиль новый оттѣнокъ, и рѣчь предыдущаго поколѣнія уже начинала казаться обветшалой. Такъ, уже Тредьяковскій признавался: «языкъ славянскій нынѣ (1730) жестокъ моимъ ушамъ слышится, хотя прежде сего не только я имъ писывалъ, но и говаривалъ со всѣми». Точно также и языкъ Ломоносова казался уже «дикимъ и варварскимъ» Карамзину. Съ расширеніемъ круга читающей публики процессъ изнашиванія литературной рѣчи долженъ былъ постепенно замедлиться. Если уже переворотъ въ языкѣ, связанный съ именемъ Карамзина, не былъ такъ крутъ и рѣшителенъ, какъ переворотъ, происшедшій во время Петра, то послѣ Карамзина подобные пе-

---

Отъ крѣпости его ужасныя руки
Тряслись подносчики и всѣ откупщики...
О муза, ты сего не умолчи,
Повѣждь или хотя съ похмѣлья проворчи,
Коль попросту тебѣ сказати невозможно!»

Душенька: «Не Ахиллесовъ гнѣвъ и не осаду Трои,
Гдѣ, въ шумѣ вѣчныхъ ссоръ, кончали дни герои,
Но Душеньку пою.
Тебя, о Душенька, на помощь призываю
Украсить пѣснь мою,
Котору въ простотѣ и вольности слагаю.
Не лиры громкій звукъ, услышишь ты свирѣль.
Сойди ко мнѣ, сойди отъ мѣстъ тебѣ пріятныхъ,
Вдохни въ меня твой жаръ, и разумъ мой осмѣль
Коснуться счастія селеній благодатныхъ,
Гдѣ вѣчно ты безъ бѣдъ проводишь сладки дни,
Гдѣ царствуютъ безъ скукъ веселости одни...
Любя свободу я мою,
Не для похвалъ себѣ пою,
Но чтобъ въ часы прохладъ, веселья и покоя
Пріятно разсмѣялась Хлоя.

перевороты стали совсѣмъ невозможны. Вмѣстѣ съ установленіемъ постоянства въ языкѣ, впервые явилось въ Россіи надежное орудіе непрерывной литературной традиціи; литература пріобрѣла почву, на которой могло совершаться ея дальнѣйшее сближеніе съ жизнью.

Исторія этого сближенія такъ тѣсно связана съ развитіемъ нашей общественности, что подробнѣе намъ придется говорить о немъ въ III части этихъ «Очерковъ». Здѣсь мы лишь въ самыхъ общихъ чертахъ укажемъ на главные моменты сближенія.

Въ теченіе всего XVIII вѣка, какъ мы видѣли, литература расширяла свое вліяніе на жизнь не столько качественно, сколько количественно. Качественно, это вліяніе осталось тѣмъ же самымъ (мы говоримъ здѣсь *только* объ изящной литературѣ и о ея вліяніи на широкую публику), какимъ мы нашли его въ началѣ вѣка. Это видно уже изъ того, что любимымъ, а большею частью и единственнымъ чтеніемъ публики оставалось чтеніе романовъ, и романы удовлетворяли той же потребности, какой удовлетворяли повѣсти петровскаго времени. Увеличилось только количество читателей романовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и возрасло, особенно съ 70-хъ годовъ, производство романовъ, принявшее совсѣмъ ремесленный характеръ. Первоклассные литераторы брезговали этимъ занятіемъ, и вообще брезговали «скаредной» прозой. Единственнымъ путемъ къ безмертію считалось писаніе стиховъ, и долго русскіе авторы практиковали на дѣлѣ совѣтъ, которымъ Сумароковъ оканчиваетъ свое «Наставленіе хотящимъ быти писателями»:

«брось перо ты прочь,
Иль учись писать стихи и день и ночь».

При этихъ условіяхъ изданіе романовъ сдѣлалось предметомъ спекуляціи книготорговцевъ, а сочиненіе ихъ или переводъ составляли источникъ—правда, очень скуднаго—заработка нашей учащейся молодежи. Любовь продолжала составлять главное содержаніе романа, наиболѣе привлекавшее читателя. Въ 1760 г. Херасковъ свидѣтельствуетъ, что «романы для того читаются, чтобы искуснѣе любиться» и что читатели «часто отмѣчаютъ красными знаками нѣжныя самыя рѣчи». Тѣмъ же самымъ объясняетъ распространенность романовъ и Карамзинъ въ 1802 году. Но рядомъ съ любовной интригой интересъ читателя возбуждала и самая рамка, въ которой эта интрига развивалась; и тутъ, по прежнему, особенно занимали читателя какія-нибудь невѣроятныя осложненія, препятствія и вставные эпизоды, безконечно растягивавшіе главное дѣйствіе романа, или перенесеніе дѣйствія въ далекія, невѣдомыя страны. Этимъ вкусамъ удовлетворяли «ро-

маны съ приключеніями»—наиболѣе распространенный типъ этого рода литературы—и т.-наз. «восточныя повѣсти». Къ концу вѣка развивается новый элементъ въ романѣ, нравоучительный, конечно, но имѣющій ничего общаго съ нравоученіемъ старинной русской литературы. Сентенціи нравоучительнаго романа носятъ характеръ отвлеченной морали: онѣ адресуются къ сердцу, а не къ умѣ и не къ уму. Скоро мораль пріобрѣтаетъ сентиментальный оттѣнокъ, и отъ нравоучительнаго романа отдѣляется самостоятельная «чувствительная» повѣсть.

Какъ видимъ, предѣлы, въ которыхъ книга продолжаетъ удовлетворять фантазіи и чувству читателя, расширяются довольно туго. Книга вліяетъ на читателя, но предметомъ этого вліянія остается міръ однихъ воображаемыхъ ощущеній, а если и реальныхъ, то не особенно чистыхъ. Отъ міра дѣйствительности продолжаетъ отдѣлять книгу китайская стѣна, и только въ рѣдкихъ случаяхъ чувство, облагороженное чтеніемъ романовъ, начинаетъ вліять на поступки. Сами руководители «чувствительной» литературы признаютъ, что міръ фантазіи—это одно, а міръ дѣйствительности—совсѣмъ другое. Въ мірѣ фантазіи они могутъ быть мечтателями и поэтами, въ мірѣ дѣйствительности они остаются чиновниками и крѣпостниками. Вотъ какъ выражаетъ это Карамзинъ, въ самомъ началѣ открываемаго имъ сентиментальнаго пріема (1796). «Только то и прекрасно, чего нѣтъ въ дѣйствительности, говоритъ Жанъ-Жакъ Руссо. Такъ что же? Если это прекрасное, подобно легкой тѣни, вѣчно отъ насъ убѣгаетъ, овладѣемъ имъ хотя бы въ воображеніи, устремимся за нимъ въ міръ сладкихъ грезъ, будемъ обманывать себя самихъ и тѣхъ, кто достоинъ быть обманутымъ. Поэтъ имѣетъ двѣ жизни, два міра. Если ему скучно и непріятно въ существенномъ, онъ уходитъ въ страну воображенія и живетъ тамъ по своему вкусу и сердцу, какъ благочестивый магометанинъ въ раю съ своими семью гуріями». Тринадцать лѣтъ спустя, на исходѣ сентиментальнаго періода, мы слышимъ совершенно то же самое отъ Жуковскаго (1809). «Что нужды стихотворцу, *дѣйствующему на одно воображеніе*, если разсудокъ найдетъ вещи совсѣмъ не такими, какими представляются онѣ воображенію». Извѣстный поэтъ и мучитель своихъ крестьянъ, пензенскій помѣщикъ Струйскій тѣмъ охотнѣе подписался бы подъ этими сужденіями, что у него нервы были гораздо крѣпче, чѣмъ у нашихъ пѣвцовъ любви и загробныхъ произведеній.

Молодое поколѣніе, проливавшее слезы надъ «Бѣдной Лизой» и «Марьиной Рощей», этими разсужденіями уже не удовлетворя-

лось. Старые вожди направленія, видѣвшіе худшія времена литературы, знали хорошо, что въ жизни существуетъ совсѣмъ не то, что пишутъ въ книжкахъ, и привыкли къ скромной роли, отведенной въ XVIII вѣкѣ вліянію книги на жизнь. Но молодежь александровской эпохи выростала при болѣе благопріятной обстановкѣ. Если и прежде бывало, что молодые люди узнавали жизнь изъ книжекъ, то теперь раннее вліяніе книги стало довольно обычнымъ явленіемъ. Не мудрено, что сладкія грезы сентиментальныхъ поэтовъ молодежь приняла за чистую монету, и сентиментализмъ изъ пріятнаго времяпрепровожденія взрослыхъ людей превратился въ элементарную школу житейскаго идеализма, черезъ которую проходили подростки.

Когда они выросли, имъ понадобилось уже другое чтеніе. Талантливѣйшіе изъ нихъ его и создали. Старые любимцы публики быстро спустились въ низшіе слои общества, какъ это бывало и раньше. Сумароковъ когда-то смѣялся надъ «Бовой» и надъ «Петромъ—златые ключи», какъ надъ чтеніемъ «приказныхъ»; потомъ Карамзинъ смѣялся надъ Сумароковымъ, а теперь начинаютъ уже смѣяться надъ «Бѣдной Лизой»; что же касается романовъ XVIII вѣка, любимѣйшіе изъ нихъ, вродѣ «Аргениды» или «Приключеніе маркиза Г.» сохраняются въ памяти современниковъ, лишь какъ отдаленное дѣтское воспоминаніе, вывезенное изъ провинціальнаго захолустья. Уже по свидѣтельствамъ 1806—1808 годовъ, «романовъ читаютъ больше въ провинціяхъ, нежели въ городахъ, и тамъ они больше дѣлаютъ впечатлѣніе»; въ Москвѣ ихъ «покупаютъ посѣтители Никольской улицы». Въ 1814 г. уже появляется на смѣну старымъ романамъ первый слабый опытъ оригинальнаго бытового романа,—«Россійскій Жилблазъ» Нарѣжнаго, предшественника Гоголя. Но старые предразсудки еще живы; время еще не наступило для творчества въ прозѣ, и на первый разъ реализмъ въ литературѣ является въ привычной одеждѣ поэзіи.

Протестъ противъ условныхъ чувствъ и условныхъ литературныхъ пріемовъ явился у насъ въ довольно своеобразной формѣ, но очень понятной для русскихъ читателей. Вмѣсто тихой грусти и «меланхолически-пріятныхъ ощущеній» ветерановъ литературы—на литературную арену вдругъ шумно ворвалось самое неподдѣльное молодое веселье, не умѣющее отдать себѣ отчета въ самомъ себѣ, но, тѣмъ не менѣе, весьма заразительное. Небольшая кучка школьниковъ Царскосельскаго лицея—того выпуска, къ которому принадлежалъ Пушкинъ—сдѣлала предметомъ своей юношеской поэзіи товарищескіе пиры и попойки, сердечныя тайны и любов-

ныя похожденія. Со школьной скамьи это смѣлое нововведеніе перенесено было въ общество, и скоро офицерская поэзія, культъ Вакха и Киприды, завоевала себѣ въ литературѣ самое видное мѣсто. Новое литературное содержаніе, свѣжее, молодое, задорное съ упоеніемъ подхвачено было читающей публикой и создало литературѣ не мало новыхъ адептовъ. Инстинктивный протестъ не замедлилъ превратиться въ принципіальный и скоро привлекъ къ себѣ такіе элементы, которые, повидимому, не стояли ни въ какой связи съ лицейской и офицерской поэзіей. За фактомъ новой поэзіи не стояло пока никакой теоріи, но смыслъ факта могъ быть только одинъ: сама жизнь овладѣвала, наконецъ, литературой въ тотъ самый моментъ, когда отчужденность литературы отъ жизни стала особенно чувствоваться. Болѣе сердечные сверстники замѣчали, правда, что новая поэзія не выражаетъ никакой идеи, и Рылѣевъ завязалъ съ Пушкинымъ любопытный споръ о томъ, что выше, идейное или чистое искусство. Пушкинъ защищалъ, конечно, чистое искусство, хотя бы оно было употреблено на изображеніе «колоды картъ». Рылѣевъ, напротивъ, требовалъ «вдохновенія» и не находилъ для него достаточныхъ поводовъ въ изображеніи «свѣтской жизни» Евгенія Онѣгина. Споръ этотъ основанъ былъ на одномъ недоразумѣніи и одной ошибкѣ. Недоразумѣніе было обоюдное и заключалось въ томъ, что оба противника не успѣли еще сознать идейнаго значенія художественнаго реализма: вотъ почему одинъ говорилъ, что идеи нѣтъ въ Онѣгинѣ, а другой отвѣчалъ, что ея и не надо. Но отрицая идею въ пушкинскомъ творчествѣ, Рылѣевъ дѣлалъ и ошибку, впрочемъ, довольно извинительную въ то время. Теперь со стороны лучше видно, что идеалъ былъ одинъ у обоихъ, но вѣра въ осуществимость идеала, вѣроятно, разная. Слишкомъ поспѣшный скептицизмъ героя, выведеннаго поэтомъ-художникомъ, приводилъ въ негодованіе поэта-гражданина. Но этотъ скептицизмъ тоже достался не даромъ художнику. Литература, переставшая удовлетворяться воображаемыми чувствами, и еще не успѣвшая получить общественнаго вліянія, должна была выставить рядъ такихъ типовъ, характеризовавшихъ ея переходное положеніе. Человѣкъ, поднявшійся надъ толпой и не находящій въ ней сочувствія, принужденный бѣжать отъ нея послѣ неудачныхъ попытокъ пропаганды, охлажденный и разочарованный, потомъ начинающій мстить толпѣ за свое разочарованіе—что это, какъ не символъ русскаго литератора переходной эпохи, разочарованнаго въ общественномъ дѣйствіи своей проповѣди. Графъ Двинскій или Чацкій, Онѣгинъ, Печоринъ,—этотъ «герой безвременья», все

болѣе и болѣе дѣлается «лишнимъ человѣкомъ» въ жизни и въ литературѣ, по мѣрѣ того, какъ литература становится общественной силой. Но для того поколѣнія дѣло стояло иначе; вотъ почему тогда «гарольдовъ плащъ» не былъ простой модой и сидѣлъ крѣпче на плечахъ русскаго литератора, чѣмъ это иногда казалось и, между прочимъ, самому Пушкину.

Прошло немного лѣтъ со времени спора Рылѣева съ Пушкинымъ, и повтореніе этого спора стало невозможнымъ въ русской литературѣ. Дѣло въ томъ, что появилась, наконецъ, давно ожидаемая теорія, подъискавшая философскія основанія для литературнаго протеста противъ классицизма и сентиментализма; съ точки зрѣнія этой теоріи и поэзія Пушкина оказалась воплощеніемъ философской идеи.

Это былъ новый знаменательный моментъ въ развитіи нашей литературы. Протестъ противъ отживавшихъ литературныхъ теченій, противъ «правилъ» во имя «свободы», давно уже сталъ подъ знамя «романтизма». Но что такое романтизмъ, объ этомъ не было яснаго представленія: за романтизмъ сходила и мечтательная лирика Жуковскаго, заимствовавшаго у романтиковъ однѣ декораціи, и реальная поэзія Пушкина, такъ и не успѣвшаго до конца своей жизни понять, что значитъ «романтизмъ». Теперь романтизмъ водворялся, наконецъ, дѣйствительно въ русской литературѣ. Этотъ подлинный романтизмъ опять выступилъ сразу, неожиданно, какъ поэзія Пушкина, и опять въ совершенно новой обстановкѣ. Изъ Петербурга мѣсто дѣйствія переходитъ въ Москву, изъ гвардіи—въ университетъ, отъ золотой молодежи къ среднему дворянству и разночинцамъ. Кабинетъ, заваленный книгами, въ кабинетѣ безконечные споры на отвлеченныя темы, идеальная любовь къ женщинамъ, увлеченіе фантастическими повѣстями Гофмана, музыкой Шуберта, философіей Шеллинга—вотъ характерныя черты новой обстановки, совершенно чуждыя петербургской военной молодежи. Въ этой обстановкѣ искусство цѣнилось выше и прежде всего, потому что въ искусствѣ видѣли философское откровеніе таинства жизни. Поэтъ творитъ такъ, какъ творитъ сама природа, и подобно природѣ художественное созданіе необходимо воплощаетъ въ себѣ божественную идею. Такимъ образомъ, истинный поэтъ есть высшее существо, орудіе Бога или творческой силы природы. Съ этой точки зрѣнія задачей поэта становилось дать высшій синтезъ жизни и идеала; «сдѣлать поэзію жизненной и общественной и, наоборотъ, придать жизни и обществу поэтическій характеръ», по выраженію теоретика романтической школы, Фридриха Шлегеля. Понятно, какими низменными

должны были представляться при свѣтѣ новой теоріи толки сентиментализма о разницѣ двухъ міровъ, возвышеннаго и реальнаго, и какъ оскорбительна казалась самая мысль—ограничивать царство идеала условными рамками. На дѣлѣ только и существуетъ *одинъ*—идеальный міръ; реальный міръ это нѣчто не существующее, призрачное, жалкая пошлость.

Кто хочетъ уловить первые моменты появленія новой философско-романтической школы въ литературѣ, тотъ пусть заглянетъ въ одну изъ книжекъ забытаго московскаго журнала «Мнемозина». издававшагося въ 1824—1825 гг. Редакція безусловно возстаетъ противъ старыхъ законодателей вкуса, Батте и Лагарпа; но она не перестаетъ преслѣдовать насмѣшками и «унынiе» Жуковскаго съ его безконечными «туманами и луной», и даже «сладострастiе» офицерской поэзіи, въ «златой безпечности» и «милой нѣгѣ» которой невозможно «отыскать мысли между словами». Стихи Пушкина, еще не совсѣмъ выяснившагося для своего ближайшаго друга, Кюхельбекера; самъ Кюхельбекеръ, переходящій на нашихъ глазахъ отъ идей александровской эпохи къ идеямъ николаевской; отголоски французскаго и англійскаго романтизма рядомъ съ безусловнымъ преобладаніемъ нѣмецкаго; преклоненіе передъ Гомеромъ, Шекспиромъ и Гёте—«всегда забывающимъ себя, живущемъ и дышащимъ въ своихъ герояхъ», и рядомъ съ этимъ оговорка по адресу Шиллера и Байрона, «однообразныхъ» и «односторонникъ» поэтовъ; пропаганда натуръ-философіи; утвержденія, «что дѣйствительно существуетъ только идеальное, а вещественное существуетъ случайно», что поэтъ есть человѣкъ, живущій въ этомъ идеальномъ, хотя бы онъ и не писалъ стиховъ,—всѣ эти и подобныя черты характеризуютъ знаменательный переломъ, совершавшійся въ нашей литературѣ на рубежѣ двухъ царствованій.

Большой публикѣ не особенно приходились по сердцу мудреныя философскія умствованія новой школы, и ея московскіе журналы, несмотря даже на покровительство Пушкина, скоро остались безъ подписчиковъ. Но практическіе выводы изъ мудреныхъ теорій были всѣмъ ясны; ими наскоро овладѣлъ Полевой, а вмѣстѣ съ тѣмъ овладѣлъ на нѣсколько лѣтъ и русскими читателями. «Телеграфъ» Полевого оставался передовымъ журналомъ, пока новая молодежь, Станкевичъ, по его слѣдамъ, Бѣлинскій, не пробрались сквозь дебри германской метафизики и пока послѣдній изъ нихъ не бросился въ журнальную пропаганду кружковыхъ идей, къ большому неудовольствію своихъ щепетильныхъ пріятелей. Но на этотъ разъ мнительность была неумѣстна; «неистовый Виссаріонъ» оказался настоящимъ человѣкомъ для такого дѣла,

и философско-эстетическія теоріи новой школы, наконецъ, привлекли вниманіе широкой публики въ его вдохновенной передачѣ. Журнальная борьба не замедлила, однако, показать критику, какъ далеко стоятъ кабинетныя измышленія пріятелей отъ дѣйствительныхъ требованій жизни. Провозившись нѣсколько лѣтъ съ отвлеченностями школы, Бѣлинскій, наконецъ, «взревѣлъ отъ радости», усмотрѣвъ кругомъ себя ту «дѣйствительность», которую онъ тщетно отыскивалъ въ эмпиреяхъ. «Дѣйствительность» стала его лозунгомъ, а затѣмъ ему уже не трудно было разобраться въ явленіяхъ дѣйствительности, стать къ ней въ опредѣленное практическое отношеніе и къ первому лозунгу прибавить второй—«соціальность». Такимъ образомъ и философско-историческая критика, интересовавшая немногихъ, надолго смѣнилась общественно-публицистической, въ какой чувствовало настоятельную потребность русское общество. Изъ стараго міровоззрѣнія вынесенъ былъ въ неприкосновенности только одинъ догматъ—о великомъ значеніи литературы, какъ средства одухотворить жизнь идеальнымъ началомъ. Но такъ какъ теперь литература должна была не воплощать философскую идею, а пропагандировать общественный идеалъ, то и отношеніе къ творчеству стало, конечно, иное. Чистое искусство Пушкина снова вызвало возраженія вродѣ рылѣевскихъ, Гете снова долженъ былъ уступить первенство Шиллеру, и французскія соціальныя идеи отодвинули на второй планъ нѣмецкую философію.

Послѣ того, какъ реализмъ признанъ былъ высшей задачей искусства, была даже вскорѣ сдѣлана попытка—перетянуть лукъ въ противоположную сторону и отвергнуть надобность самаго существованія искусства во имя высшихъ правъ живой реальности. Это значило, въ сущности, что русская критика не хотѣла больше обсуждать русской общественной жизни подъ предлогомъ оцѣнки литературныхъ явленій, а желала прямо имѣть дѣло съ жизнью и открыто превратиться въ публицистику. Принужденная держаться въ рамкахъ искусства, она мстила за свое положеніе, упорно ставя на обсужденіе странный вопросъ: что выше, искусство или дѣйствительность. Занятая, главнымъ образомъ, дѣйствительностью, русская критика не имѣла досуга и желанія устанавливать философскія основанія эстетической оцѣнки; за то она употребила всѣ свои силы и весь талантъ своихъ представителей на выясненіе общественнаго значенія русскихъ художественныхъ произведеній, и это было какъ разъ то, что, по обстоятельствамъ времени, болѣе всего нужно было русскому обществу.

Та же потребность опредѣлила и главное направленіе рус-

скаго художественнаго творчества. Соціальный романъ сдѣлался господствующей формой изящной литературы; усвоивъ себѣ натуралистическіе пріемы и овладѣвъ всѣмъ содержаніемъ русской дѣйствительности, этотъ романъ сталъ замѣнять читателю все, въ чемъ отказывало ему современное состояніе общественной жизни. Естественно, что вслѣдъ за критикой и наша беллетристика становилась по временамъ публицистической.

Таковъ былъ исходъ того процесса сближенія литературы съ жизнью, который мы слѣдили въ интеллигентномъ русскомъ обществѣ со времени Петра Великаго. Не разъ высказывалось мнѣніе, что сближеніе это пошло дальше, чѣмъ дозволяютъ правила художественнаго реализма. Но мы видѣли, что причины для этого заключались въ условіяхъ нашей общественности. Весьма возможно, что дальнѣйшее развитіе общественной жизни приведетъ въ равновѣсіе тенденцію съ художественностью и вернетъ критикѣ охоту заниматься эстетической оцѣнкой беллетристическихъ произведеній. Это будетъ значить, что тенденціозная беллетристика и публицистическая критика сдѣлали свое дѣло; и тотъ общественный интересъ, который поддерживалъ напряженное вниманіе публики къ этимъ литературнымъ формамъ, перейдетъ къ другимъ, въ которыхъ явленія русской общественности будутъ обсуждаться публично. Въ сущности, мы могли бы уже теперь въ этомъ тезисѣ замѣнить будущія времена настоящими.

Въ одномъ отношеніи, однако, сближеніе изящной литературы съ жизнью можетъ и должно идти еще дальше, чѣмъ оно пошло до сихъ поръ. Намъ предстоитъ опять, какъ въ началѣ XVIII вѣка, не качественное, а количественное расширеніе вліянія литературы на жизнь. Какъ тогда, такъ и теперь, новыя категоріи читателей, до сихъ поръ обходившіяся безъ литературы въ своемъ обиходѣ, стучатся въ двери. Но теперь у интеллигентнаго общества есть чѣмъ отвѣтить на этотъ запросъ. Не даромъ, одновременно съ «реализмомъ», русская литература поставила на своемъ знамени «народность». Разойдясь съ «народомъ» въ своихъ вкусахъ и потребностяхъ, создавъ новый литературный языкъ, русское интеллигентное общество не заблудилось, не «измѣнило» народу и не ушло отъ него въ сторону. Оно лишь подвинулось впередъ по столбовой дорогѣ русскаго просвѣщенія. Теперь, по той же дорогѣ, отставшіе братья его догоняютъ, и не далеко то время, когда интеллигентная русская литература въ буквальномъ смыслѣ станетъ «народной». Что новые читатели дадутъ литературѣ взамѣнъ, судить объ этомъ слишкомъ рано; но нѣтъ сомнѣнія, что, въ расширеніи круга своего вліянія, русская ли-

тература, какъ это бывало и прежде, найдетъ новые элементы для дальнѣйшаго развитія языка и творчества.

Характеристика остатковъ христіанской легенды въ современномъ крестьянскомъ обиходѣ сдѣлана по тетрадкѣ, пріобрѣтенной мною, въ 1879 году, въ крестьянской избѣ Костромской губерніи. Общій очеркъ апокрифической литературы и ея значенія въ средніе вѣка, см. въ книгѣ *M. Gaster'a*: Ilchester lectures on greeco-slavonic literature and its relation to the folk-lore of Europe during the middle ages. London, 1887. Ср. также статью *А. Н. Веселовскаго*: «Калики перехожіе и богомольскіе странники» въ «Вѣстникѣ Европы», 1872, апрѣль. Новѣйшій взглядъ на живучесть русскаго эпоса, см. въ статьяхъ проф. *В. Ѳ. Миллера*: Русская былина, ея слагатели и исполнители, «Русская Мысль», 1895, сентябрь и октябрь. Объ отношеніи церкви къ народной поэзіи, см. сочиненіе проф. *В. Ягича*: О славянской народной поэзіи, перевед. Н. Задерацкимъ въ «Славянскомъ Ежегодникѣ» 1878 года, Кіевъ. Исторія списка запрещенныхъ церковныхъ книгъ обстоятельно изслѣдована *А. Н. Пыпинымъ*: «для объясненія статьи о ложныхъ книгахъ» въ Лѣтописи занятій археографической коммиссіи, выпускъ 1-й, Спб. 1862. О духовныхъ стихахъ, см. статьи *Ѳ. И. Буслаева*, перепечат. изъ «Русской Рѣчи», 1861, въ сборникѣ «Народная поэзія», Спб. 1887 (Сборникъ отд. р. яз. и слов. Имп. ак. наукъ, т. 42, II) и *А. И. Кирпичникова*, во 2 изд. I тома, Исторія русской словесности, А. Галахова, Спб. 1880 (§ 20). Образцы поэзіи Никиты Семенова, въ цитир. ранѣе соч. *Максимова* о «скрытникахъ-христолюбцахъ». Исторія повѣствователей литературы въ древней Руси изложена въ капитальномъ трудѣ *А. Н. Пыпина*: Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ, Спб. 1857 (IV книга Ученыхъ Записокъ. изд. II отд. Акад. Наукъ и въ обширной статьѣ *А. Н. Веселовскаго* (Исторія слов. Галахова, I т., 2 изд.). Свѣдѣнія о «Великомъ Зерцалѣ», см. въ интереснomъ изслѣдованіи *П. В. Владимірова* (Чтеніе въ Общ. Ист. и Древн. 1883, II—IV). Замѣчанія объ измѣненіи характеристики Александра Македонскаго основаны на наблюденіяхъ *В. Истрина*, въ его спеціальномъ изслѣдованіи: Александръ Македонскій (Чтеніе, 1894. I—II). О повѣстяхъ и любовной лирикѣ петровскаго времени, см. данныя въ произведеніяхъ *Галахова*: Очерки изъ исторіи русской литературы XVII и XVIII столѣтій, Спб. 1889. (Изъ Журн. Мин. Нар. Просв., 1880 и Русск. Архива. 1881 г.). О вытѣсненіи ложноклассицизма мѣщанскими вкусами см. подробнѣе въ III части «Очерковъ». Объ установленіи правилъ церковнаго языка сообщены свѣдѣнія въ поучительной книгѣ *П. Житецкаго*. Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII и XVIII в., Кіевъ, 1889. Данныя для исторіи великорусскаго литературнаго языка, см. въ книгѣ *А. Будиловича*, Ломоносовъ, какъ натуралистъ и филологъ, Спб. 1869 и въ «Филологическихъ розысканіяхъ» *Я. Грота*, т. I, Спб. 1885 (3-е изд.), статья о «Карамзинѣ въ исторіи русскаго литературнаго языка». «Елисей», Майкова, и «Душенька», Богдановича, перепечатаны въ «Собраніи произведеній русскихъ поэтовъ», издаваемомъ *С. А. Венгеровымъ*, подъ заглавіемъ «Русская поэзія». Характеристика романовъ XVIII вѣка, см. въ «историко-литературномъ очеркѣ» г-жи *Н. Бѣлозерской*: Василій Трофимовичъ Нарѣжный, Спб. 1896 (первоначально печаталось въ «Русск. Старинѣ», 1888, 1890—1891 гг.).

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ПО НОВОМУ ПУТИ.

Романъ.

*(Продолженіе *).*

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Нѣтъ ничего печальнѣе, когда жилой домъ пустѣетъ, когда молодыя силы отливаютъ изъ него и остаются одни старики. Но еще печальнѣе, когда старики не умѣютъ жить именно стариками, что чаще всего встрѣчается въ Петербургѣ. Въ столицахъ возрасты какъ-то сглаживаются, и самая старость дѣлается понятіемъ относительнымъ, тѣмъ болѣе, что столичная молодежь носитъ въ себѣ печать преждевременной старости. Въ собственномъ смыслѣ слова столицы не знаютъ тѣхъ годовыхъ праздниковъ, которые такъ лихорадочно переживаетъ провинція, и точно такъ же не знаетъ счастливой и беззаботной юности, какъ не знаетъ уравновѣшенной и спокойной старости. Послѣдняя здѣсь сказывается какимъ-то озлобленіемъ, гнетущимъ унынiемъ и общимъ разложеніемъ. Именно такую пору переживали теперь „предки“, когда навсегда ушла Катя и Эженъ женился. Елена Ѳедоровна перенесла еще бѣгство Кати, потому что не любила дочь, но Эжену она не могла простить его женитьбы на Брусницыной. Послѣднюю она иначе не называла, какъ „старой кожей“, потому что Елена Петровна была старше Эжена года на два, что, съ точки зрѣнія Елены Ѳедоровны, было непростительно. Для нея было ясно одно, что эта коварная „старая кожа“

---

*) См. «Міръ Божій», № 7, іюль 1896 г.

навсегда погубила блестящаго юношу, который имѣлъ всѣ данныя для карьеры не въ примѣръ прочимъ.

— Для полноты картины остается только умереть мнѣ,— повторяла Елена Ѳедоровна мужу.—Вѣдь я понимаю, что всѣхъ связываю... Родная дочь убѣжала изъ дому, сынъ погубилъ себя, наконецъ, я мѣшаю тебѣ. Пожалуйста, не спорь... Нынче, вѣдь, это принято, что молодые люди женятся на старухахъ, а старики на подросткахъ. И ты женишься на какой-нибудь стриженой курсисткѣ...

— Елена, что ты говоришь?—возмущался Василій Васильичъ.

— Говорю только то, что есть. Ты видишь, я нисколько не волнуюсь. На вещи нужно смотрѣть трезво, и я себя не обманываю. Да... Ты думаешь, такая стриженая не понимаетъ, что въ двадцать лѣтъ пріятно быть генеральшей? Даже очень хорошо понимаетъ... Я-то ужъ давно сыта своимъ генеральствомъ, а стриженой любопытно. Извини, что о такомъ деликатномъ предметѣ выражаюсь немного вульгарно. Я совсѣмъ не желаю тебя оскорблять...

Что было говорить на это? Елена Ѳедоровна демонстрировала свои мрачныя мысли какими-то таинственными сборами, какъ собираются въ дальнюю дорогу, что-то такое записывала, высчитывала, прибирала и вообще приводила въ самый строгій порядокъ. Въ переводѣ это означало: когда „стриженая“ займетъ мое мѣсто, она увидитъ, какъ нужно жить порядочной женщинѣ, которая для мужа является вѣрнымъ другомъ и настоящей помощницей. Всѣ эти приготовленія дѣлались съ самымъ зловѣще-спокойнымъ видомъ и Елена Ѳедоровна разнообразила ихъ такими сценами.

— Базиль, вотъ въ этомъ отдѣленіи буфета лежитъ столовое серебро... Пожалуйста, не забудь. Столовое бѣлье уложено въ маленькомъ комодикѣ... Мои вещи отдѣльно: я не желаю, чтобы стриженая носила мое бѣлье и мои платья. Извини за откровенность, но лучше сказать впередъ, чтобы потомъ не было недоразумѣній...

Какъ ни привыкъ Василій Васильичъ къ разнымъ выходкамъ жены, но въ послѣднее время ихъ совмѣстная жизнь сдѣлалась невозможной. Онъ терялъ голову и не зналъ, кто сходитъ съ ума—жена, или онъ самъ. Сначала онъ объяснялъ

все неудачными семейными комбинаціями, потомъ вѣчными женскими нервами и, наконецъ, всякій источникъ объясненія исчерпался. Что можно было тутъ сказать? Онъ чувствовалъ себя самимъ собой только вечеромъ, когда дневная пытка кончалась и онъ могъ уйти къ себѣ въ кабинетъ. Ему дѣлалось совѣстно, что онъ съ радостью уходилъ на свою службу и могъ тамъ оставаться до обѣда, а затѣмъ по вечерамъ куда-нибудь въ коммиссію. Но все-таки оставалось цѣлыхъ три свободныхъ часа. Это было самое проклятое время. Елена Ѳедоровна въ теченіе утра успѣвала придумать ему какой-нибудь новый сюрпризъ и потомъ тянула жилы съ искусствомъ великаго инквизитора. Но нѣтъ такого положенія, въ которомъ не было бы своего утѣшенія. Такъ и тутъ. Василій Васильичъ припомнилъ, что и у другихъ жены не лучше, значитъ, на людяхъ и смерть красна. Это было очень постыдное утѣшеніе, но другого выхода не предвидѣлось.

Какъ старикъ себя ни сдерживалъ, но разъ не вытерпѣлъ и вспылилъ.

— Елена, это не жизнь, а пытка... Ты только поставь себя на мое мѣсто и подумай, что дѣлаешь. Право, я ничѣмъ не заслужилъ такого отношенія къ себѣ... Я домой являюсь въ роли какого-то преступника, осужденнаго на безсрочную каторгу.

— Вотъ видишь, какъ я права,—отвѣтила Елена Ѳедоровна.—Когда изъ дома дѣлается каторга, тогда... Однимъ словомъ, другая женщина могла бы сдѣлать тебя счастливымъ.

— Причемъ тутъ другая? Достаточно одной... О, Господи! Какая это мука такъ жить, какъ живемъ мы...

— О чемъ же я говорю, Базиль? Вѣдь я понимаю отлично, что лишняя въ этомъ домѣ... Напрасно ты горячишься. Будемъ называть вещи ихъ настоящими именами...

— Знаешь, Елена, все это отчего происходитъ? Причина самая простая...! Тебѣ, просто, нечего дѣлать, вотъ ты и придумываешь разныя глупости. Извини, я тоже говорю правду, если на то пошло.

Елена Ѳедоровна выслушала все это съ ангельской кротостью и только замѣтила:

— Ты правъ, Базиль. Совершенно правъ... Но тебѣ слѣдовало жениться не на дѣвушкѣ изъ общества, а на кухаркѣ.

Кажется, ужъ достаточно занята работой, чтобы безпокоить другихъ. Вонъ стриженыя все хлопочутъ о трудѣ, о работѣ—каждая кухарка давно разрѣшила этотъ сложный вопросъ. Однимъ словомъ, мы отлично понимаемъ другъ друга...

— Совсѣмъ не то, Елена... Впрочемъ, что же я говорю съ тобой—развѣ ты можешь понять самую простую мысль?

— Вы слишкомъ вѣжливы и даже великодушно лишаете меня пониманія.

Конечно, Василій Васильичъ очень скоро раскаялся въ своей вспыльчивости, и Елена Ѳедоровна уже по праву приняла видъ жертвы въ окончательной формѣ. Она теперь ходила какимъ-то разслабленнымъ шагомъ, говорила монашескимъ полушепотомъ, страдальчески опускала глаза и начала читать какія-то душеспасительныя книги. Но все, что относилось къ нему лично, не удивляло Василія Васильича, а его огорчали отношенія жены къ дѣтямъ. Если бы не она, онъ давно бы простилъ все Катѣ, не говоря уже объ Эженѣ, котораго не считалъ совсѣмъ виноватымъ. Елена Ѳедоровна потребовала отъ мужа категорическаго обѣщанія, что онъ не будетъ имѣть ни явныхъ, ни тайныхъ свиданій съ дѣтьми.

— А если я ихъ встрѣчу гдѣ-нибудь случайно?—спрашивалъ Василій Васильичъ.

— Такія случайныя встрѣчи бываютъ только у тѣхъ, кто ихъ желаетъ. Считаю долгомъ предупредить тебя объ этомъ...

Это было самое тяжелое условіе, тѣмъ болѣе, что Елена Петровна очень нравилась Анохину. Именно такую жену и нужно было Эжену. О сынѣ и дочери Василій Васильичъ узналъ только случайно, когда время отъ времени встрѣчалъ на улицѣ Честюнину. Впрочемъ, онъ скоро догадался, что она нарочно его поджидаетъ, чтобы разсказать что-нибудь новое о Катѣ или Эженѣ.

— Вы теперь Эжена и не узнаете,—разсказывала она.—Совсѣмъ другимъ человѣкомъ сдѣлался...

— Надолго ли, Маша?—сомнѣвался старикъ.

— Я думаю, что навсегда... Не даромъ есть поговорка, что женится—перемѣнится.

Василій Васильичъ только вздыхалъ. Онъ какъ-то боялся вѣрить теперь чему-нибудь хорошему, если дѣло касалось его семьи. Вѣдь это только другіе умѣютъ жить по человѣчески,

а не Анохины. Онъ даже не разспрашивалъ Честюнину о дѣтяхъ, точно боялся услышать что-нибудь дурное. Эта убитость дѣлала старика такимъ жалкимъ и безпомощнымъ. Разъ—это было уже въ концѣ зимы—Честюнина встрѣтила дядю съ такимъ лицомъ, что онъ невольно ее спросилъ:

— Что-нибудь случилось, Маша?

— Да... Но не бойтесь, дядя, я ждала васъ съ хорошими вѣстями: готовтесь скоро быть дѣдушкой.

Въ первую минуту Анохинъ даже не понялъ, что ему говорила Честюнина, а потомъ точно испугался.

— Неужели Катя...—прошепталъ онъ.

— Нѣтъ, Елена Петровна... Она это скрывала до послѣдней возможности. И представьте себѣ, она ужасно боится Елены Ѳедоровны...

— Да, да, понимаю...

— Все-таки слѣдуетъ предупредить будущую бабушку. Эженъ приходилъ ко мнѣ уже нѣсколько разъ и умолялъ повести переговоры съ предками...

— Ахъ, не нужно, не нужно... Я это, Маша, какъ-нибудь самъ устрою. Вѣдь не съѣстъ же она меня... Ну, а что Эженъ?

— Радъ, конечно... Ногъ подъ собой не слышитъ и тоже все о „предкахъ“ говоритъ. Вы его теперь не узнаете, дядя... Такъ смѣшно смотрѣть на нихъ. Оба ничего не знаютъ, волнуются и оба счастливы до глупости. Все отравляетъ только мысль о предкахъ... Въ виду такого экстреннаго обстоятельства, я готова отправиться къ Еленѣ Ѳедоровнѣ въ качествѣ парламентера.

— О, нѣтъ, нѣтъ... Она въ такомъ состояніи, въ такомъ... Однимъ словомъ, я боюсь, что она сошла съ ума. Ахъ, Боже мой, Боже мой, вотъ положеніе... Маша, кланяйся Еленѣ Петровнѣ и скажи... нѣтъ, ничего не говори. Нѣтъ, скажи, что видѣла меня и что я ее благословляю...

Эта новость какъ-то совершенно измѣнила Василія Васильича. Онъ никакъ не ожидалъ, что она произведетъ на него такое захватывающее и подавляющее впечатлѣніе. Боже мой, что значатъ его личныя огорченія, семейныя сцены и всяческія непріятности, когда готовится величайшее событіе: вѣдь съ каждымъ человѣкомъ родится и умираетъ вселенная, какъ сказалъ Гейне. Онъ теперь посмотрѣлъ на себя и на

жену совершенно другими глазами. Ему сдѣлалось даже ее жаль. Вѣдь она мучится сама... Жизнь—величайшая тайна,—зачѣмъ же ее отравлять по каплямъ? Каждый день—величайшее чудо,—зачѣмъ же его затемнять? Василій Васильичъ думалъ безъ конца и улыбался. Боже мой, вотъ явится на свѣтъ маленькое существо, и всѣмъ сдѣлается легко, потому что все хотя на одно мгновеніе очнется отъ давящей житейской суеты и хоть на одно мгновеніе всѣ будутъ охвачены сознаніемъ величія жизни. Больше онъ не боялся жены. Для него было теперь все ясно.

Это было за обѣдомъ, когда Василій Васильичъ объявилъ Еленѣ Ѳедоровнѣ рѣшающую новость. Онъ проговорилъ спокойно и твердо:

— Нашъ Эженъ скоро будетъ отцомъ. Поздравляю тебя...

Елена Ѳедоровна только подняла брови. Ее поразилъ тонъ, какимъ заговорилъ съ ней мужъ. А онъ смотрѣлъ на нее и улыбался.

— Да-съ, я буду скоро дѣдушкой...

Она демонстративно поднялась изъ-за стола и ушла къ себѣ въ комнату, а онъ провожалъ ее улыбавшимися глазами.

— Сердись, сердись, матушка,—думалъ Анохинъ.—*Онъ*-то, вѣдь, не спроситъ тебя ни о чемъ... Хе-хе!.. Это надо мной легко тебѣ ломаться, а ему все равно. Да...

Анохинъ былъ убѣжденъ, что явится именно *онъ*, а не она, и опять улыбался, счастливый собственной увѣренностью. Ему теперь было все равно, что бы ни говорила и что бы ни дѣлала жена. Потомъ онъ удивлялся самому себѣ, что еще вчера не находилъ мѣста въ собственномъ домѣ, подавленный настроеніемъ жены. Какъ все это глупо и нелѣпо... Если бы онъ не обращалъ вниманія на ея выходки, то, вѣдь, ничего бы и не было, а онъ волновался, выходилъ изъ себя и даже устраивалъ сцены. И представьте себѣ, что никому, рѣшительно никому этого не нужно... Жизнь такъ проста, и можно прожить, право, недурно. Ему вдругъ захотѣлось утѣшить, успокоить жену, сказать ей что-то такое хорошее, теплое, любящее, чтобы и она прониклась тѣмъ же настроеніемъ, какимъ сейчасъ былъ полонъ онъ.

— Ты, кажется, съ ума сошелъ, мой милый,—сухо замѣтила Елена Ѳедоровна, когда мужъ въ ея присутствіи пре-

дался самой шумной радости.—Тебѣ нужно посовѣтоваться съ психіатромъ...

— Съ кѣмъ угодно... Я даже готовъ разцѣловать всю коллегію психіатровъ, всю медицинскую академію... Я даже посмотрѣлъ давеча на себя въ зеркало и, знаешь, замѣтилъ, что у меня въ лицѣ явилось что-то такое... вообще солидное. И вдругъ: дѣдушка! Ты только представь себѣ эту фигуру... ха-ха!.. „Дѣдушка! Дѣдушка!..“ Есть. Понимаешь?..

II.

Утромъ на другой день Анохинъ проснулся въ такомъ радостномъ настроеніи, что рѣшилъ первымъ дѣломъ не идти на службу. Это случилось съ нимъ еще въ первый разъ, что безъ всякой „уважительной причины“ онъ не пошелъ на службу.

— Да, здоровъ и не пойду...—думалъ онъ вслухъ, точно съ кѣмъ спорилъ.—Возьму и не пойду. Ха-ха... Что вы съ меня возьмете? Его превосходительство господинъ дѣйствительный статскій совѣтникъ не желаетъ идти на службу... Вы думаете, онъ боленъ—ошибаетесь, милостивые государи.

Къ чаю Елена Ѳедоровна обыкновенно не выходила, а тутъ вышла, кислая, усталая, озлобленная. Василій Васильичъ поцѣловалъ у нея руку и посмотрѣлъ улыбающимися глазами.

— Вамъ весело?—кисло спросила она.—О, я вполнѣ понимаю вашу радость, которую вы столько времени и такъ искусно скрывали... Когда я умру, тогда вы...

— Никто не умретъ, Елена.. Мы съ тобой будемъ безсмертны, потому что у насъ будетъ внукъ. Назовемъ его Ванькой... Иванъ Евгеньичъ Анохинъ... Нынче все Вадимы, да Евгеніи, да Борисы, а я хочу, чтобы былъ Ванька. Понимаете, сударыня, что сіе значитъ? А я сегодня на службу не пойду... Не хочу, и конецъ дѣлу. Его превосходительство загулялъ...

Елена Ѳедоровна слушала мужа и не вѣрила собственнымъ глазамъ. Базиль, дѣйствительно, помѣшался. И на чемъ можетъ человѣкъ свихнуться—удивительно. Это уже настоящій „пунктикъ“, какъ говорятъ модные дамскіе доктора. Она осторожно сдѣлала мужу небольшой экзаменъ и убѣдилась,

что во всемъ остальномъ онъ нормаленъ, за исключеніемъ своего пунктика.

— Знаешь, что я сдѣлаю, старуха?—говорилъ Василій Васильичъ, кончивъ свой чай. — Ни за что не угадаешь... да. Возьму и пойду гулять. Хорошо?

— Какъ гулять?

— Да такъ... Надѣну шубу, калоши, шапку и пойду гулять, чортъ возьми. Вѣдь другіе гуляютъ, и я хочу гулять... Отчего, въ самомъ дѣлѣ, я не могу гулять?

— Онъ совсѣмъ готовъ...—съ ужасомъ думала Елена Ѳедоровна.

У нея сейчасъ же составился планъ, какъ она устроитъ консиліумъ психіатровъ, и по пути придумала уже себѣ соотвѣтствующій костюмъ, костюмъ женщины, подавленной семейнымъ несчастіемъ.

— Ты не замѣчаешь во мнѣ ничего особеннаго?—спрашивалъ Василій Васильичъ горничную Дашу, когда она въ передней подавала ему шубу.

— Никакъ нѣтъ-съ, баринъ...

Тотъ же вопросъ былъ предложенъ швейцару Григорію, который оказался находчивѣе Даши и сдѣлалъ видъ „человѣка", увѣреннаго, что ему дадутъ на чай. Баринъ отвалилъ ему цѣлую рублевку и почему-то сказалъ:

— А ты, братецъ, старайся...

— Вотъ какъ стараемся, ваше высокопревосходительство. Значитъ, завсегда готовы...

„А вѣдь этотъ Григорій хорошій человѣкъ", подумалъ Анохинъ. Развѣ швейцаръ не можетъ быть хорошимъ человѣкомъ? Даже очень просто... И горничная Даша тоже хорошая. Нужно ей дать на булавки, а то узнаетъ, что швейцару „дадено", и будетъ дуться на барина. Василій Васильичъ вообще не выносилъ недовольныхъ лицъ.

На улицѣ Анохинъ встрѣтилъ лихача Ефима,—онъ тоже оказался хорошимъ человѣкомъ, хотя ему и приходилось платить за Эжена и за Катю.

— Ну, что, Ефимъ? Какъ поживаешь?

— Покорнююще благодаримъ, ваше превосходительство...

Анохинъ пошелъ пѣшкомъ прямо къ Николаевскому мосту,

и Ефимъ удивлялся, что хорошій баринъ взялъ не ту „линію“. Зимнее утро было такое хорошее, бодрое, съ легкимъ снѣжкомъ. По тротуарамъ сновала разная утренняя публика, оживленная морозцомъ. Анохинъ вглядывался въ лица и удивлялся, что попадаются все такіе хорошіе люди. Особенно много такихъ хорошихъ людей было на Николаевскомъ мосту. Ученики академіи художествъ, швейка, самые простые мужики въ полушубкахъ—всѣ были хорошіе. Василій Васильичъ даже удивился, что раньше совсѣмъ не замѣчалъ, какъ много хорошихъ людей въ Петербургѣ, а на Васильевскомъ Островѣ въ особенности. Онъ даже остановился, закурилъ папиросу (это было ему воспрещено докторами, но сегодня докторовъ не существовало) и глазѣлъ кругомъ, какъ убѣжавшій изъ школы школьникъ. Ничего подобнаго онъ давно не испытывалъ, точно помолодѣлъ на тридцать лѣтъ.

— Что же, и буду стоять вотъ тутъ,—думалъ онъ съ упрямствомъ самостоятельнаго человѣка.—Я такой же человѣкъ, какъ и всѣ другіе, и ничѣмъ инымъ быть не желаю. Отлично...

Его нѣсколько смутило, когда мимо прошелъ знакомый министерскій курьеръ и сдѣлалъ подъ козырекъ. Ему вспомнилась своя служба, чиновники, отбываніе служебныхъ часовъ, но это былъ всего одинъ моментъ. Этого больше не существовало, т. е. на сегодняшній день.

Легкій зимній морозецъ еще увеличилъ радостное настроеніе Анохина. Вѣдь, право, можно еще жить на свѣтѣ и даже очень не дурно жить, если смотрѣть на вещи прямо и просто. Ему вдругъ захотѣлось съ кѣмъ-нибудь подѣлиться этимъ открытіемъ. Да, именно, жить просто... Онъ нѣсколько разъ повторялъ про себя эту фразу, точно хотѣлъ ее выучить. Мимо него двигалась живая толпа пѣшеходовъ, напоминавшая издали вереницу муравьевъ. На всѣхъ лицахъ была написана дѣловитая озабоченность, какая охватываетъ петербуржцевъ по утрамъ. У каждаго была своя забота, свои разсчеты и соображенія—каждый разрѣшалъ задачу сегодняшняго дня. Анохину хотѣлось остановить кого-нибудь и онъ выбиралъ глазами подходящее лицо. Потомъ ему сдѣлалось смѣшно надъ самимъ собой за подобную наивность. Получалось что-то вродѣ легонькаго помѣшательства.

— Что же я тутъ торчу!—спохватился старикъ.—Нужно идти...

Послѣдняя мысль сама собой разрѣшила вопросъ. Да, именно, идти... Онъ вернулся на академическую набережную, полюбовался сфинксами, а потомъ круто повернулъ къ Румянцевскому скверу. На Петропавловской крѣпости часы пробили одиннадцать. Однако, какъ быстро летитъ время... По Второй линіи Анохинъ вышелъ на Средній проспектъ, потомъ повернулъ налѣво, дѣлая кругъ. Здѣсь „хорошихъ людей“ было уже значительно меньше, сравнительно съ Николаевскимъ мостомъ, но все-таки попадались. На углу одной линіи Анохинъ остановился и подумалъ вслухъ:

— А вотъ возьму и пойду... да. Домъ № 112, квартира 63... Вѣроятно, она дома и очень удивится. Я ей все, все скажу... Она будетъ очень рада.

Черезъ пять минутъ Анохинъ уже сидѣлъ въ маленькой комнаткѣ и смотрѣлъ улыбавшимися глазами на Честюнину.

— Маша, ты думаешь, что я пришелъ къ тебѣ потихоньку отъ жены? Представь себѣ, что нѣтъ... Положимъ, она не знаетъ, куда я пошелъ, но я ей разскажу, что былъ у тебя. Мало этого: я непремѣнно желаю видѣть Елену Петровну.

— Дядя, тебѣ достанется...

— А вотъ и нѣтъ. Ничего знать не хочу... Идемъ сейчасъ къ ней. Вѣдь это, кажется, недалеко отсюда?

— Съ удовольствіемъ, дядя... Всего два шага.

Дорогой Анохинъ объяснилъ племянницѣ главную мысль, которая занимала его все утро. Да, нужно жить просто, по хорошему, на совѣсть, какъ говоритъ швейцаръ Григорій, когда впадаетъ въ философское настроеніе. Честюнина узнала дальше, что этотъ Григорій очень почтенный и вообще хорошій человѣкъ и что званіе швейцара еще не обязываетъ быть только „человѣкомъ“, который смотритъ на весь міръ съ точки зрѣнія полученія на чаекъ.

Анохины—потомки занимали двѣ крошечныхъ комнаты, а рядомъ занималъ комнату Сергѣй Петровичъ, не ускользнувшій отъ опеки сестры даже по выходѣ ея замужъ. Елена Петровна встрѣтила гостя съ большимъ изумленіемъ и въ первыя минуты свиданія не знала, что ей говорить и что дѣлать.

*

— Я давно собирался къ вамъ...—сообщилъ Василій Васильичъ.—Но этого не хотѣла жена. Знаете, въ характерѣ каждой женщины есть извѣстный деспотизмъ и мы, въ качествѣ сильнаго пола, должны съ нимъ мириться поневолѣ, хотя и не всегда. Я этимъ совсѣмъ не хочу сказать, что и въ васъ подозрѣваю тоже деспота...

Это было уже совсѣмъ смѣшно, и Честюнина замѣтила:

— Дядя, я тебя совсѣмъ не узнаю сегодня...

— Отъ радости, голубчикъ... Вотъ Елена Петровна виновата...

Послѣдняя фраза заставила Елену Петровну вспыхнуть. Она, вообще, замѣтно помолодѣла и сдѣлалась красивѣе, что ее даже конфузило. Анохинъ опять почувствовалъ, что сказалъ лишнее, и молча поцѣловалъ руку у „потомки“. Въ этотъ моментъ вошелъ Сергѣй Петровичъ. Онъ всегда приходилъ „на голоса“, какъ другіе ходятъ „на огонекъ“:

— Ахъ, это вы...—здоровался онъ съ Анохинымъ.—Вотъ кого не ожидалъ встрѣтить. Впрочемъ, все бываетъ на свѣтѣ...

— Да, и даже очень бываетъ...—разсѣянно отвѣчалъ Василій Васильичъ, любуясь снохой—она была такъ мила въ своемъ смущеніи.—Я, знаете, того... Однимъ словомъ, не пошелъ на службу.

— Скоро долженъ придти Евгеній Васильичъ,—замѣтила Елена Петровна, чтобы перемѣнить разговоръ.

— Какой Евгеній Васильичъ?—спросилъ Анохинъ.

— Эжена больше нѣтъ,—объяснила Честюнина.

— А... Что же, совершенно правильно. Пора быть Евгеніемъ Васильичемъ... Мнѣ, вообще, не нравятся эти клички вмѣсто настоящихъ именъ. Нужно жить просто...

Василій Васильичъ принялся очень краснорѣчиво развивать свою теорію, повторяя то же самое, что говорилъ дорогой Честюниной. Сергѣй Петровичъ соглашался въ принципѣ, но требовалъ болѣе точной формулировки вопроса.

— Вотъ и всегда такъ,—возмущался Анохинъ.—Вся голова уставлена полочками и на каждой полочкѣ формулировочка, т. е. мертвая фраза. Развѣ можно формулировать жизнь?

— Однако, вы же сами первый ее формулируете...

Завязался жаркій споръ, причемъ противныя стороны

самымъ добросовѣстнымъ образомъ старались не понимать другъ друга. Елена Петровна безуспѣшно дѣлала брату нѣкоторые предупредительные знаки.

— Позвольте, я вамъ объясню примѣромъ, — заявлялъ Василій Васильичъ, изнемогая отъ понесенныхъ затратъ энергіи.—Зачѣмъ я пришелъ сюда? Что я сегодня думалъ цѣлую ночь? Отчего я не пошелъ сегодня на службу? Очень просто... Я думалъ о будущемъ человѣкѣ, и мнѣ сдѣлалось страшно за него, особенно когда я припомнилъ собственное дѣтство. Да.—Я видѣлъ маленькій домикъ особнячокъ, съ мезониномъ, съ палисадникомъ, съ своимъ огородикомъ, своей курочкой, коровкой и т. д. Развѣ я могъ доставить это своимъ дѣтямъ? Я платилъ полторы тысячи за квартиру, пятьсотъ рублей за дачу, имѣлъ абонементъ въ оперѣ, посѣщалъ первыя представленія—и не имѣлъ самаго необходимаго. Кому нужны всѣ эти глупости? А ребенку нуженъ свѣжій воздухъ, трудовая обстановка, отсутствіе всякой роскоши, а главное, нужно, чтобы онъ видѣлъ настоящую жизнь. Мы сами убѣждаемъ себя, что живемъ, а въ сущности только притворяемся, да и притворяемся очень неискусно. Да что тутъ говорить, господа... Вотъ Елена Петровна отлично понимаетъ меня.

— Да, я понимаю...—отвѣтила Елена Петровна убѣжденно.—И совершенно согласна съ вами.

— Вотъ видите? — обратился Василій Васильичъ „къ публикѣ“. — Она меня понимаетъ, потому что она теперь живетъ будущимъ... И я думалъ объ этомъ будущемъ. Да... Я хорошо думалъ и поэтому пришелъ вотъ сюда, чтобы высказать все.

— А вы знаете, Василій Васильичъ, что эта теорія собственнаго садика, собственной лошадки и собственнаго молочка ведетъ прямо къ добрымъ порядкамъ доброй буржуазіи?—заспорилъ Сергѣй Петровичъ. — По моему, такое собственное маленькое довольство дѣлаетъ человѣка меньше, связываетъ его нитками и лишаетъ главнаго—совѣсти. Лучше ужъ самое нахальное богатство, какъ живой контрастъ вопіющей бѣдности, а тутъ успокоивающее ничтожество...

За Василія Васильича горячо вступились дамы. Вѣдь сытый человѣкъ тоже доволенъ — значитъ, не нужно ѣсть? Потомъ, это только выгодная для всякой работы обстановка,

которая ни у кого и ничего не отнимаетъ и никого не заставляетъ завидовать. Есть, наконецъ, старики и дѣти, которымъ необходимъ здоровый скромный покой и о которыхъ приходится заботиться, а еще лучше, если нервы сами позаботятся въ свое время о собственномъ скромномъ обезпеченіи. Занятые этимъ споромъ, никто не замѣтилъ, какъ вошелъ Эженъ и слушалъ, стоя у дверей. Онъ былъ сегодня особенно блѣденъ и вызвалъ Честюнину, когда та оглянулась.

— Что такое случилось, Эженъ?

— Да... случилось... Катя застрѣлилась... сейчасъ ее отправили въ клинику... Пока, ради Бога, ничего не говори отцу.

III.

Катя, дѣйствительно, лежала въ клиникѣ Виліе, куда ее перенесли изъ квартиры. Честюнина отправилась туда одна, — Эженъ не хотѣлъ испугать жену и остался дома. Разыскать больную ей не составляло особеннаго труда, потому что въ этихъ клиникахъ она до нѣкоторой степени была уже своимъ человѣкомъ. Катя только-что была принесена изъ операціонной комнаты и еще не успѣла хорошенько очнуться отъ хлороформа. Когда Честюнина спросила одними глазами ординатора, онъ только покачалъ молча головой. Бѣдняжкѣ выпалъ плохой номеръ... Когда она пришла въ себя, то съ удивленіемъ оглянулась кругомъ и спросила:

— Гдѣ я?

— Въ клиникѣ...— отвѣтила Честюнина.—Ничего, рана не опасна.

— Ахъ, это ты...—обрадовалась Катя, закрывая глаза отъ слабости.

— Да, я... Я буду дежурить около тебя.

Катя выпростала руку изъ подъ одѣяла и молча пожала руку Честюниной.

— Операція кончилась?—спросила она, не открывая глазъ.

— Да... Не будемъ сейчасъ говорить объ этомъ. Тебѣ вредно волноваться. Не бойся, все пройдетъ...

Катя посмотрѣла на нее и слабо улыбнулась.

— Мнѣ? бояться?.. А я такъ жаждала смерти... и даже умереть не умѣла... Боже мой, Боже мой... Я тебѣ потомъ все разскажу.

— Да, да, потомъ, а сейчасъ нужно лежать спокойно.

Катя посмотрѣла на нее съ удивленіемъ, но ничего не сказала, а только поморщилась.

Потомъ больная забылась тревожнымъ и тяжелымъ сномъ. Честюнина отправилась въ дежурную и узнала, что больная въ безнадежномъ положеніи.

— Конечно, бываютъ случаи, что мертвые оживаютъ,— замѣтилъ дежурный врачъ, точно желая ее утѣшить.—Виноватъ, можетъ быть, она ваша родственница?

— Да, двоюродная сестра...

— Такъ... гм... Бываютъ удивительные случаи. Организмъ замѣчательно здоровый, но пуля прошла около сердца и засѣла въ позвоночникѣ... Все дѣло въ томъ, задѣта или нѣтъ сердечная сумка. Хотя бываютъ, конечно, самые удивительные случаи... Если не ошибаюсь, вы на четвертомъ курсѣ? Да? Вотъ вамъ рѣдкій случай для практики... Очень интересный случай.

— А сколько дней можетъ протянуться болѣзнь?

— Въ счастливомъ случаѣ дней пять... Все дѣло въ томъ, что больная очень нервный субъектъ. Вѣроятно, она падала въ обморокъ отъ булавочнаго укола, а тутъ могла перенести операцію даже безъ хлороформа. То есть, извлеченіе пули при настоящемъ положеніи невозможно и пришлось только опредѣлить ея положеніе зондомъ, и промыть рану и положить перевязку.

Этотъ дежурный врачъ произвелъ своимъ равнодушіемъ на Честюнину самое тяжелое впечатлѣніе, хотя она и понимала, что отъ человѣка, у котораго на рукахъ въ теченіе года перебываютъ тысячи такихъ интересныхъ случаевъ, нельзя требовать родственнаго участія къ каждому больному. Есть вещи неумолимыя, какъ сонъ или какъ профессіональная привычка нервовъ.

— Васъ спрашиваетъ какой-то господинъ,—вызвала Честюнину изъ дежурной сидѣлка.—Онъ тамъ въ пріемной...

Это былъ Эженъ. Онъ сидѣлъ у стола, схвативъ голову руками. Честюнина увидѣла заплаканное лицо и умоляющіе

безмолвно глаза, и сама очутилась въ положеніи дежурнаго доктора.

— Она умерла?!.—шепталъ Эженъ, не скрывая слезъ.

— Нѣтъ...

— Она умретъ?!.

— Сейчасъ трудно сказать что-нибудь опредѣленное... Все будетъ зависѣть отъ температуры.

— Боже мой, Боже мой...—зарыдалъ Эженъ, опять хватаясь за голову.—Если бы я только могъ предвидѣть... Все равно, я убью этого мерзавца съ тремя фамиліями. Боже мой, Боже мой...

Честюнина видѣла, какъ у него дрожали руки и какъ тряслись побѣлѣвшія губы.

— Эженъ, нужно быть мужчиной... Ты знаешь, какъ я ее любила и все-таки не плачу.

— Ахъ, не то, совсѣмъ не то... Мы ее всѣ мало любили! Голубка моя, бѣдная моя... Ахъ, Маша, Маша... Что будетъ съ отцомъ? Я женѣ пока ничего не сказалъ... Что-то такое навралъ имъ, чтобы уѣхать сюда. А мнѣ можно будетъ ее видѣть?

— Лучше подождать... Ты ее только напрасно встревожишь.

— Да, да, ты всегда права, Маша...

Онъ схватилъ ея руки и принялся ихъ цѣловать. Горячія слезы такъ и сыпались къ ней на руки. Честюнина обняла его и поцѣловала въ голову. Какой былъ хорошій этотъ Эженъ, весь хорошій... Вѣдь люди узнаются только въ несчастьи. Бурное горе Эжена передалось и Честюниной и она должна была закусить губы, чтобы не разрыдаться. Они присѣли на клеенчатый диванчикъ, и Эженъ съ большимъ трудомъ разсказалъ, что зналъ о случившемся несчастіи.

— Вся драма разыгралась у Парасковеи Пятницы, гдѣ Катя жила съ мужемъ... Они въ послѣднее время очень бѣдствовали... Этотъ геройскій мерзавецъ остался на зимній сезонъ безъ ангажемента и Катя пропитывала его какими-то переводами и грошевыми уроками. Работу ей доставала Парасковея Пятница... Это изумительно хорошая женщина. Потомъ что-то такое у Кати вышло съ Сергѣемъ Петровичемъ... Онъ, вѣдь, ее очень любилъ... по своему... А тотъ дуракъ ревновалъ... Проис-

ходили самыя бурныя сцены... Катя все собиралась уходить, а Сергѣй Петровичъ ихъ мирилъ. Что же я тебѣ разсказываю— ты все это и сама знаешь. Да, такъ въ это утро... Нѣтъ, я не могу разсказать... Онъ... онъ ее ударилъ... да. Парасковея Пятница это видѣла своими глазами... Ты знаешь характеръ Кати... Она крикнула: „Женщина, которая довела себя до того, что ее могъ ударить такой мерзавецъ, должна умереть“... У Кати была привычка всегда носить револьверъ съ собой... Одинъ моментъ, и она выстрѣлила въ себя. Парасковея Пятница свезла ее въ клинику, а потомъ пріѣхала въ университетъ предупредить меня. Вотъ и все, Маша... Боже мой, какъ все это глупо... О, я его убью!..

— Послушай, Эженъ... Ты забываешь одно, что самъ скоро будешь отцомъ и не имѣешь права распоряжаться своей жизнью. Мы объ этомъ еще поговоримъ... А сейчасъ отправляйся и подготовь Елену Петровну. Все равно, ей придется узнать... А дядю извѣщу уже я...

— Нѣтъ, Маша, это сдѣлаетъ Елена, а ты не оставляй Катю... Да, ради Бога не оставляй. А Елена съумѣетъ подготовить старика.

На тротуарѣ Эжена дожидалась Парасковея Пятница.

— Ну, что, какъ? — шепотомъ спрашивала она, точно боялась кого-то разбудить.

— Очень скверно... Отчего вы не зайдете туда?

— Я боюсь Марьи Гавриловны... Я видѣла давеча, какъ она подъѣзжала къ клиникѣ, и убѣжала, на другую сторону дороги.

— Чего же вамъ-то бояться?

— Да, вѣдь, меня всѣ обвинятъ... Помните, какъ выходила Катя замужъ, а потомъ когда пріѣзжалъ Василій Васильевъ — я еще такъ приняла его. Ну, теперь всѣ и обвинятъ меня... Но это пустяки: пусть винятъ — я сама обвинила себя. Вѣдь я могла разстроить этотъ несчастный бракъ... могла отговорить Катю.

— Нѣтъ, это вы ужъ напрасно... Я знаю хорошо Катю, и никто бы не отговорилъ ее. Повѣрьте мнѣ...

— Ахъ, какъ мнѣ хотѣлось бы походить за ней... Когда Марья Гавриловна устанетъ, пусть пошлетъ за мной. Такъ и скажите...

Эженъ торопливо простился, и Парасковея Пятница опять осталась одна на улицѣ. Уже спускались быстрые зимніе сумерки. Снѣгъ усилился. Съ Невы дулъ сильный вѣтеръ. Жалкіе керосиновые фонари придавали всему фантастическое освѣщеніе, Парасковея Пятница продолжала стоять на тротуарѣ и смотрѣла на освѣщенныя окна клиники, стараясь угадать, гдѣ палата, въ которой лежитъ Катя. Да, тамъ, вотъ за каменной стѣной, быстро и несправедливо догораетъ молодая жизнь, а она, старая и никому ненужная, не можетъ износить своего дурацкаго здоровья. Ей вдругъ захотѣлось передать это здоровье Катѣ, а самой умереть вмѣсто нея. Съ какой бы радостью въ этой формѣ она принесла себя въ жертву за человѣчество...

— Катя, родная, это я во всемъ виновата, — шептала она, не чувствуя, какъ по ея лицу катятся ненужныя никому слезы.

Въ положеніи Кати до поздняго вечера не произошло никакихъ замѣтныхъ перемѣнъ. Она лежала спокойно, и Честюниной казалось, что она теперь даже тяготится ея присутствіемъ. Но Катю раздражало не это, а освѣщеніе комнаты, которое напомнило почему-то дѣтство. Она внимательно осматривала свою отдѣльную комнату, высокую, съ большимъ окномъ, и невольно сравнивала ее съ дѣтской. Да, и тамъ были такія же высокіе стѣны и такое же окно, а по вечерамъ такой же унылый свѣтъ. Боже мой, какъ все это было давно и осталось безконечно далеко.

— Маша, это пріѣзжалъ Эженъ?—неожиданно спросила она съ прозорливостью больного человѣка. — Отчего ты не пустила его ко мнѣ?

— Онъ пріѣдетъ завтра...

— Значитъ, я еще проживу цѣлую ночь... Какъ это долго, Маша. А отецъ ничего не знаетъ? Вы скажите ему, что я уѣхала далеко, далеко... да... и что, можетъ быть, не вернусь... Вѣдь отъ такого взбалмошнаго человѣка всего можно было ожидать.

— А ты кого бы желала видѣть изъ родныхъ?

Катя подумала, улыбнулась и отвѣтила:

— Сергѣя Петровича... Это былъ единственный человѣкъ, который меня, дѣйствительно, любилъ, любилъ мою

душу. И я его любила... Нашему счастью помѣшала женитьба Эжена... Мы хотѣли хлопотать о разводѣ и тогда я могла бы выйти замужъ за Сергѣя Петровича... Мнѣ его жаль... Я желала бы сказать ему, что я его люблю... Онъ этого не зналъ и считалъ меня легкомысленной...

— Катя, ты много говоришь...

— Все равно, мнѣ нужно выговориться... Ты думаешь, я боюсь смерти—нисколько. Вы всѣ считали меня дурочкой, а я очень серьезная... Ты думаешь, я рѣшилась на самоубійство въ порывѣ отчаянія? Нѣтъ, у меня это уже было давно рѣшено... Моя смерть заключалась въ томъ, что я уже не вѣрила въ себя. Это ужасное чувство... У меня не было ни одного таланта, даже красоты, а я могла бы жить только окруженная общимъ поклоненіемъ. Мнѣ нужно было такое поклоненіе толпы, какъ рыбѣ вода, какъ птицѣ воздухъ...

— Катя, довольно... Ради Бога, перестань. Я даже не имѣю права тебя слушать, какъ медицинскій человѣкъ.

— Пустяки... Перестань малодушествовать. А я еще завидовала тебѣ... Давеча, когда меня принесли въ клинику, я очнулась только на операціонномъ столѣ и только тутъ окончательно убѣдилась, что я была совершенно права... Меня окружила цѣлая толпа студентовъ... Все такія молодыя, хорошія лица... Вотъ кому нужно жить, потому что они нужны... Нужны ихъ знанія, трудъ, руки... Я чувствовала себя жалкой поденкой, которую унесъ въ море первый легкій вѣтерокъ... Для другихъ онъ составляетъ счастье, даетъ жизнь, а я, безсильная и ничтожная, была снесена въ воду и должна утонуть. Это и хорошо, потому что я раньше приговорила себя къ смерти... Живите всѣ вы, потому что вы нужны.

Такіе монологи не прошли даромъ. Катя сдѣлала неосторожное движеніе и сдвинула повязку. Первая капля крови, которую она увидала на бинтѣ, привела ее въ ужасъ. На лбу появились капли холоднаго пота, глаза округлились, губы побѣлѣли... При накладываніи новой перевязки съ ней сдѣлался легкій обморокъ. Честюнина въ первый разъ увидѣла нанесенную пулей рану, которая по наружному виду рѣшительно ничего страшнаго не имѣла. Небольшая ранка, изъ которой сочилась струйка алой артеріальной крови—и только,

а между тѣмъ съ каждой каплей этой крови вытекала молодая жизнь.

Очнувшись, Катя начала жаловаться на острую боль въ спинѣ и заплакала. Это были ея первыя слезы.

— Маша, я все лгала, что не боюсь смерти...—шептала Катя, хватаясь за руку Честюниной, точно хотѣла удержаться на землѣ.—Который часъ? Десять... Боже мой, этой ночи не будетъ конца. Маша, моя послѣдняя просьба: поѣзжай сейчасъ къ отцу и привези его сюда... Да, непремѣнно. Я знаю, что это жестоко, но только святая любовь отцовъ и матерей прощаетъ все... Я буду паинькой, пока ты ѣздишь. Ахъ, какъ мнѣ хочется его видѣть... Нужно сказать такъ много-много...

— Хорошо, я ѣду...

Д. Маминъ-Сибирякъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ ВСЕЛЕННОЙ.

Космологическія письма Герм. Клейна.

Переводъ съ третьяго нѣмецкаго изданія К. Пятницкаго.

*(Продолженіе *).*

ПИСЬМО IV.

Солнце.

Нѣтъ ли причины, которая могла бы вызвать разницу между отдѣльными точками солнечной поверхности, расположенными въ разныхъ широтахъ? Можно отмѣтить только одну такую причину: вращеніе солнца около оси. Еслибъ оно не вращалось, на всѣхъ точкахъ его поверхности сила тяжести была бы одинакова. Вслѣдствіе вращенія это равенство нарушается: развивается центробѣжная сила; она противодѣйствуетъ притяженію; чѣмъ быстрѣе вращеніе, тѣмъ замѣтнѣе уменьшается тяжесть. Наибольшую скорость вращенія находимъ на экваторѣ; съ приближеніемъ къ полюсамъ она постепенно убываетъ, пока, наконецъ, на самыхъ полюсахъ не дойдетъ до нуля. Слѣдовательно, уменьшеніе тяжести вслѣдствіе вращенія будетъ наибольшимъ на экваторѣ; на полюсахъ оно равно нулю. Отсюда видно, что вращательное движеніе солнца способно создать разницу между отдѣльными точками солнечной поверхности по широтѣ. Какъ велико уменьшеніе тяжести на самомъ экваторѣ солнца? Какъ отразится оно на движеніи падающаго тѣла? Оно замедлитъ это движеніе не болѣе, какъ на $1^1/_4$ линіи въ первую секунду. Все-таки разница въ силѣ тяжести подъ различными широтами солнечной поверхности должна оказать громадное вліяніе на тѣ движенія, какія совершаются въ атмосферѣ солнца.

Чтобы выяснить это, представимъ однообразно нагрѣтый шаръ, покрытый жидкою оболочкою. Нижніе слои этой жидкой оболочки, непосредственно прилегающіе къ горячей поверхности шара, нагрѣваются; верхніе, вслѣдствіе лучеиспусканія, становятся холод-

---

*) См. «Міръ Божій», № 7, іюль 1896 г.

нѣе. Нагрѣваніе уменьшаетъ удѣльный вѣсъ жидкости на наиболѣе глубокихъ слояхъ; она стремится подняться оттуда вверхъ. Но это возможно лишь въ томъ случаѣ, если въ другомъ мѣстѣ массы жидкости опускаются съ поверхности въ глубину. Допустимъ, что на всѣхъ точкахъ шаровой поверхности существуетъ полное равенство условій; почему жъ тогда въ одномъ мѣстѣ жидкость будетъ подниматься, а въ другомъ опускаться? Пока между двумя точками нѣтъ разницы въ условіяхъ, въ жидкой оболочкѣ не можетъ произойти никакихъ нарушеній равновѣсія. Зато достаточно самой ничтожной разницы, чтобы установилось *неустойчивое* равновѣсіе и началось движеніе жидкости вверхъ и внизъ.

Такую разницу создаетъ вращеніе: оно вызываетъ на солнечной поверхности различіе въ силѣ тяжести подъ различными градусами широты. Отсюда должны вытекать слѣдствія, уже указанныя нами. Въ экваторіальныхъ областяхъ раскаленныя частицы атмосферы поднимаются вверху, и мощные потоки ихъ стекаютъ отсюда къ обоимъ полюсамъ: къ сѣверу и къ югу. Отъ полюсовъ, въ свою очередь, направляются потоки къ экватору. Здѣсь—аналогія съ тѣми движеніями въ земной атмосферѣ, которыя носятъ названіе пассатовъ. Экваторіальныя области земли нагрѣваются сильнѣе, теплый воздухъ поднимается тамъ кверху. Эти массы теплаго воздуха направляются отсюда къ полюсамъ, по дорогѣ теряютъ теплоту, становятся тяжелѣе и спускаются все ниже и ниже. Въ то же время массы воздуха текутъ отъ полюсовъ къ экватору; онѣ холоднѣе и потому движутся надъ самой поверхностью земли; на экваторѣ онѣ занимаютъ мѣсто теплаго воздуха, который постоянно поднимается вверхъ.

Подобныя теченія развиваются и въ раскаленной атмосферѣ солнца. Но эти движенія должны, въ свою очередь, оказывать вліяніе на распредѣленіе температуры на огненно-жидкой поверхности солнца. *Целльнеръ* говоритъ по этому поводу: «Въ высокихъ широтахъ спускаются верхніе потоки, стремящіеся отъ экватора: вслѣдствіе лучеиспусканія, они уже успѣли потерять часть теплоты, полученной ими при соприкосновеніи съ горячею поверхностью еще тогда, когда они направлялись къ экватору. Экваторіальный поясъ омывается преимущественно нижними потоками, которые идутъ отъ полюсовъ и успѣли нагрѣться на пути. Вотъ почему полярныя области вращающагося шара всегда будутъ соприкасаться съ болѣе холодными частями движущихся массъ жидкости, чѣмъ экваторіальныя. Отъ этого температура экваторіальнаго пояса должна повышаться, а полярнаго понижаться. Создается такое распредѣленіе температуры, которое само-по-себѣ,

даже если бы шаръ не вращался, могло бы вызвать появленіе описанныхъ теченій».

Слѣдовательно, полярныя и экваторіальныя области солнца должны обладать различною температурою. Это выведено здѣсь теоретически. Доказать эту разницу измѣреніями—трудно, потому что она недостаточно велика для этого. Однако *Секки*, опираясь на нѣкоторыя наблюденія, считалъ возможнымъ сдѣлать выводъ, что полярные пояса солнца холоднѣе, чѣмъ экваторіальный, и даже—что сѣверное и южное полушарія солнца представляютъ небольшую разницу въ температурѣ.

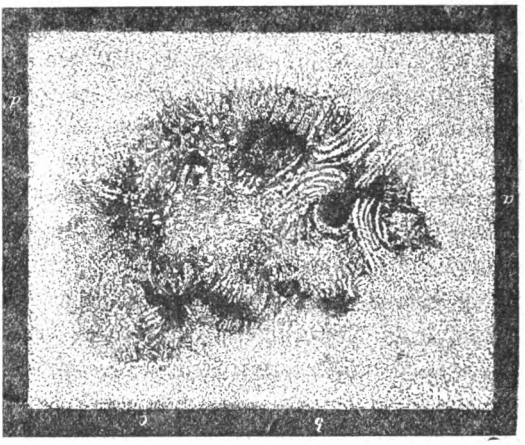
Мы видѣли, какія движенія совершаются въ раскаленной атмосферѣ солнца; разсмотримъ теперь, какъ отразятся они на самой атмосферѣ. Прежде всего, въ нѣкоторыхъ частяхъ ея понизится температура. Причинъ можно указать двѣ. Когда атмосферныя массы поднимаются вверхъ, онѣ лишаются теплоты, которую доставляло имъ непосредственное соприкосновеніе съ огненно-жидкой поверхностью солнца. Кромѣ того, поднимаясь, онѣ расширяются и, слѣдовательно, производятъ механическую работу; отсюда—новая потеря теплоты. Обѣ причины вызываютъ въ этихъ массахъ охлажденіе; часть газообразной матеріи ихъ должна принять видъ облаковъ. Экваторіальные потоки могутъ смѣшиваться съ полярными; при этомъ также происходятъ пониженіе температуры и явленія сгущенія. Нельзя, однако, предполагать, что продукты сгущенія непремѣнно сдѣлаются замѣтными въ видѣ темныхъ пятенъ. Навѣрное, они недоступны непосредственному наблюденію: температура ихъ можетъ остаться настолько высокою, что они будутъ казаться блестящими. Но, хотя мы не можемъ наблюдать такихъ сгущеній, это не мѣшаетъ признать ихъ существованіе, и мы можемъ съ увѣренностью утверждать, что атмосферныя возмущенія сосредоточены преимущественно въ полярной и экваторіальной областяхъ солнца, а между этими областями, аналогично съ поясомъ пассатовъ на землѣ, лежатъ мѣста относительной ясности. Но покой и ясность—главныя условія для образованія солнечныхъ пятенъ. Вотъ почему солнечныя пятна являются преимущественно въ полосѣ, расположенной между экваторіальнымъ и полярнымъ поясами солнца.

Мы видимъ, съ какимъ изяществомъ и ясностью выводитъ *Целльнеръ* изъ своей теоріи не только всѣ явленія, какія наблюдаются на солнцѣ непосредственно, но даже такіе факты, необходимость которыхъ подтверждается наблюденіями только косвенно. Въ ней все находится въ гармоніи, какъ въ зданіи, построенномъ въ извѣстномъ стилѣ. Извѣстны древніе и новые философы, ко-

торые хотѣли построить дѣйствительный міръ, исходя изъ однихъ понятій; попытка привела ихъ къ величайшимъ абсурдамъ. Теорія *Целльнера* показываетъ, напротивъ, какъ далеко можетъ заходить логическое мышленіе, выясняя необходимость извѣстныхъ явленій, если оно опирается не на пустыя умозрѣнія, а на точное знаніе.

Если вспомнить еще разъ все, что сообщено до сихъ поръ о солнечныхъ пятнахъ, объ ихъ происхожденіи и исчезновеніи, мы имѣемъ, по *Целльнеру*, слѣдующія данныя:

«Солнечныя пятна—это шлакообразные продукты охлажденія. Происходятъ они на огненно-жидкой поверхности солнца вслѣдствіе потери теплоты чрезъ лучеиспусканіе; исчезаютъ, вслѣдствіе

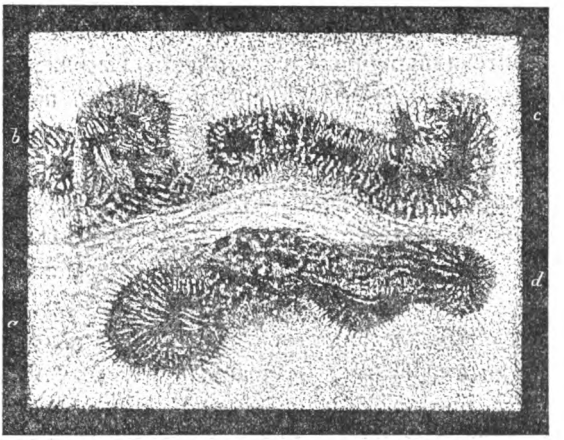


Пятно, срисованное Секки 30 іюля 1865 г.

нарушеній равновѣсія, вызываемыхъ въ атмосферѣ ими самими. Эти нарушенія распространяются по всей поверхности и во время такого общаго атмосфернаго движенія образуется мало пятенъ, потому что нѣтъ главныхъ условій для сильнаго пониженія температуры чрезъ лучеиспусканіе: нѣтъ покоя и ясности атмосферы. Но какъ только послѣ распаденія пятна въ атмосферѣ постепенно установится спокойствіе, процессъ начинается снова; такъ какъ среднія отношенія солнечной поверхности для большихъ промежутковъ времени можно разсматривать, какъ постоянныя, этотъ процессъ долженъ быть періодическимъ. Наибольшее число пятенъ должно появляться въ поясахъ наибольшей атмосферной ясности».

Пятна, какъ показываетъ наблюденіе, мощныя, шлакообразныя массы. Вслѣдствіе существованія пятна является на поверхности солнца мѣсто, гдѣ температура должна быть значительно

ниже, чѣмъ въ областяхъ, свободныхъ отъ пятенъ. Мы не можемъ опредѣлить въ точности, какъ велико это пониженіе температуры; размѣры его измѣняются, но, во всякомъ случаѣ, они очень значительны, какъ покажу я впослѣдствіи. Происходитъ нарушеніе равновѣсія. Возникаютъ въ атмосферѣ солнца теченія; одни направляются вверхъ, другія — внизъ. Восходящіе потоки располагаются, *по Целльнеру*, кругомъ пятна. Такъ какъ болѣе горячія части солнечной атмосферы поднимаются здѣсь выше обыкновеннаго уровня газообразныхъ слоевъ, происходитъ явленіе *солнечныхъ факеловъ*. Нисходящіе потоки направляются къ поверхности пятна. На нѣкоторой высотѣ они подвергаются охлажденію, такъ какъ уменьшается притокъ теплоты снизу. Неиз-



То же пятно 31 іюля.

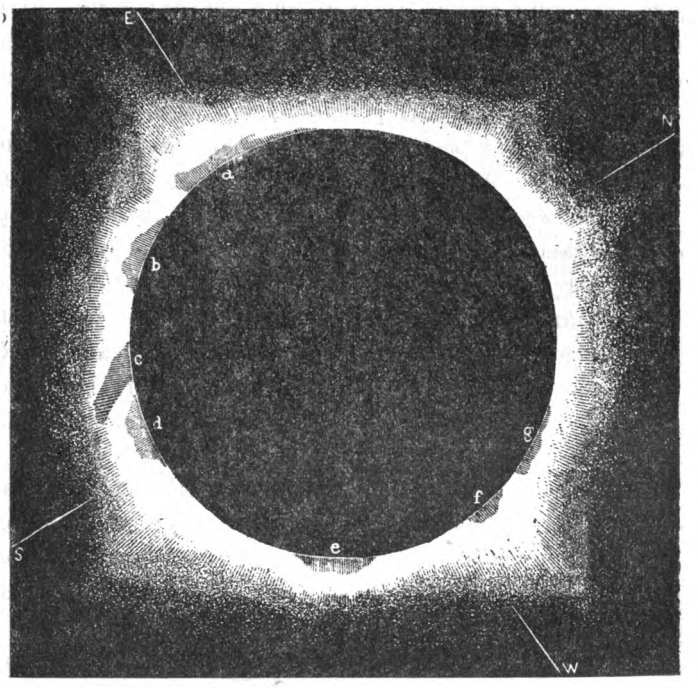
бѣжное слѣдствіе—распаденіе извѣстной части газообразнаго потока на облачныя массы. Эти массы, располагаясь на опредѣленной высотѣ, окружаютъ пятно со всѣхъ сторонъ и съ громаднаго разстоянія представляются въ видѣ такъ-называемой «полутѣни». Дѣйствительно, при сильномъ увеличеніи можно различить въ полутѣни слои, которые направляются къ центру пятна. Разстояніе между пятномъ и верхнимъ краемъ полутѣни часто бываетъ очень значительнымъ; вотъ почему съ земли пятно представляется воронкообразнымъ углубленіемъ.

Когда образуется пятно, первымъ слѣдствіемъ пониженія температуры на какомъ-нибудь мѣстѣ солнечной поверхности должны быть атмосферныя теченія. Нисходящая часть ихъ направляется къ болѣе холодному мѣсту. Но въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ нею должны быть восходящіе потоки, и, если видѣть въ *сол-*

нечныхъ факелахъ слѣдствіе атмосферныхъ теченій, вызванныхъ разницей въ температурѣ, легко понять, что образованіе *факеловъ* очень часто должно предшествовать появленію пятенъ, и что, вообще, факелы должны держаться дольше, чѣмъ пятна, потому что существованіе пятенъ ими начинается, ими же и кончается. Этотъ теоретическій выводъ вполнѣ подтверждается наблюденіемъ. Въ согласіи съ теоріей стоитъ и то обстоятельство, что если факелъ имѣетъ видъ вѣнца, за нимъ обыкновенно быстро слѣдуетъ пятно, и что наибольшее число факеловъ расположено именно въ обоихъ поясахъ солнечныхъ пятенъ. Правда, *факелы* встрѣчаются вплоть до самыхъ полюсовъ солнца, гдѣ никогда не бываетъ крупныхъ пятенъ. Слѣдовательно, въ высокихъ широтахъ солнца должна дѣйствовать какая-то причина, мѣшающая образованію пятенъ, которымъ предшествуютъ эти факелы. Быть можетъ, блестящія, обыкновенно нитевидныя развѣтвленія въ высокихъ широтахъ солнца—*не настоящіе* факелы, а просто свѣтлыя полосы солнечной поверхности, которыя виднѣются чрезъ промежутки между болѣе тусклыми мѣстами атмосферныхъ возмущеній. Наблюденіе показываетъ также, что факелы свѣтятъ всего ярче близъ края солнца. Причина этого явленія—чисто оптическая. Она становится понятной, если вспомнить, что факелы—это раскаленныя восходящія массы, высоко поднявшіяся въ атмосферѣ солнца. Представимъ точку на огненной поверхности солнца, расположенную въ самой срединѣ диска. Свѣтъ, изливаемый ею, доходитъ до насъ, послѣ того, какъ пронижетъ слои солнечной атмосферы. Представимъ теперь свѣтящуюся массу, которая лежитъ *надъ* поверхностью солнца и также приходится въ срединѣ солнечнаго диска, въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ первою точкою. Пусть эта свѣтящаяся масса изливаетъ ровно столько-же свѣта, какъ первая точка. Не смотря на это, она должна казаться намъ *свѣтлѣе*; потому что лучи ея проходятъ въ атмосферѣ солнца путь менѣе длинный и, слѣдовательно, менѣе ослабляются ею. Различная яркость двухъ сравниваемыхъ точекъ зависитъ отъ различія путей, которые пробѣгаются обоими лучами внутри атмосферы солнца. Чѣмъ ближе обѣ точки къ солнечному краю, тѣмъ больше разница въ длинѣ этихъ путей. Поэтому близъ края солнца разница въ яркости должна быть больше, другими словами, факелы должны казаться свѣтлѣе, чѣмъ въ сосѣдствѣ съ центромъ диска. При изслѣдованіи въ спектроскопъ солнечные факелы не обнаруживаютъ никакого отклоненія отъ нормальнаго солнечнаго спектра, только цвѣтные полосы ярче.

Рядомъ съ пятнами и факелами на поверхности солнца нахо-

дятся образованія, которыя долгое время можно было наблюдать только въ моменты полныхъ солнечныхъ затменій. «Когда послѣдній лучъ солнечнаго свѣта погаснетъ,—говоритъ *Ньюкомъ* — предъ изумленнымъ взоромъ развертывается зрѣлище неописуемой красоты и величія, оставляющее въ наблюдателѣ неизгладимое впечатлѣніе. Совершенно черный дискъ луны какъ бы виситъ въ воздухѣ, окруженный вѣнцомъ нѣжныхъ серебристыхъ лучей, похожихъ на то сіяніе, которымъ художники окружали



Корона съ протуберанцами,—солнечное затменіе 17 августа 1879 г.

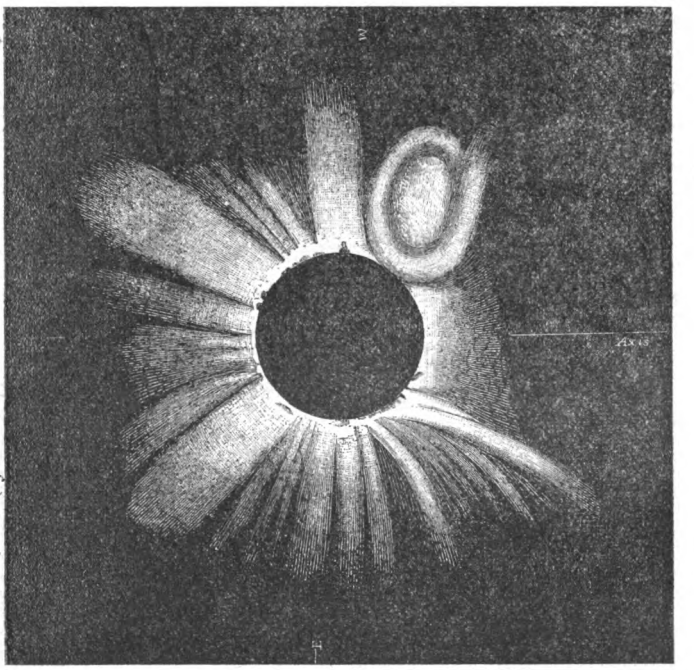
нѣкогда головы святыхъ. Это—*корона*. Въ ней взвиваются языки и облака розового пламени, принимающіе самыя фантастическія формы». Эти розовые выступы получили названіе *протуберанцевъ*. Въ настоящее время, благодаря успѣхамъ въ примѣненіи спектральнаго анализа, ихъ можно наблюдать во всякое время, когда только видно солнце.

12-го мая 1706 года наблюдалось полное солнечное затменіе. Незадолго до того момента, когда край солнца скрылся за темнымъ дискомъ луны, *Станіанъ* въ Бернѣ первый замѣтилъ протуберанцы въ видѣ кроваво-красной зубчатой каймы. Наблюденіе

было впослѣдствіи подтверждено и расширено другими учеными. Тѣмъ не менѣе, никому не приходило въ голову, какую важность представляютъ протуберанцы для ученія о физическомъ строеніи солнца. Объявляя о затменіи 1842 г., *Араго* долженъ былъ снова обратить вниманіе ученыхъ на эти, почти забытыя наблюденія. Съ тѣхъ поръ не проходило ни одного полнаго затменія, чтобы не наблюдались протуберанцы въ видѣ зубцовъ, языковъ пламени и облаковъ, выступающихъ изъ-за темнаго края лупы. Много было споровъ о нихъ; и все-таки эти наблюденія не выяснили истиннаго состоянія солнца. По вопросу о природѣ солнца въ наукѣ господствовали воззрѣнія, совершенно невозможныя съ физической точки зрѣнія; протуберанцы принимались за массы облаковъ, которыя сравнительно медленно измѣняютъ свою форму; не догадывались, что это — мимолетныя проявленія физико-химическаго процесса страшной силы. Только спектральный анализъ нанесъ ударъ старымъ воззрѣніямъ и помогъ доказать, что протуберанцы не что иное, какъ громадныя массы газовъ, среди которыхъ главную роль играетъ водородъ. Я не хочу выяснять здѣсь основъ спектральнаго анализа. Его примѣненія такъ поразительны, что общее понятіе о немъ сдѣлалось собственностью каждаго образованнаго человѣка. Я хочу только напомнить, что солнечное затменіе 18 августа 1868 года впервые дало случай примѣнить силу новаго анализа къ изслѣдованію протуберанцевъ. Опытъ увѣнчался полнымъ успѣхомъ; была выяснена истинная природа протуберанцевъ и доказана общая правильность воззрѣній *Кирхгофа* относительно состоянія солнца. Вотъ почему память о полномъ солнечномъ затменіи 18 августа 1868 года никогда не изгладится изъ лѣтописей науки.

Примѣненіе спектральнаго анализа къ изслѣдованію протуберанцевъ было бы очень ограничено, если бы каждый разъ приходилось ждать полнаго солнечнаго затменія. Но развитіе науки неизбѣжно ведетъ къ тому, что всякій новый успѣхъ вызываетъ новые многочисленные успѣхи, всякая новая дорога открываетъ другіе пути, по которымъ пытливый человѣческій духъ можетъ идти впередъ въ познаніи окружающихъ насъ явленій природы. Еще до затменіе любитель астрономіи, *Нормэнъ Локайеръ* изъ Лондона, размышлялъ надъ вопросомъ, какъ примѣнить спектроскопъ къ изученію освѣщенныхъ атмосферныхъ массъ въ окрестностяхъ солнца и къ изученію протуберанцевъ, выступающихъ надъ его краемъ. Исходя изъ теоретическихъ основаній, онъ пришелъ къ выводу, что эти протуберанцы, благодаря свѣтлымъ линіямъ своего спектра, должны быть видимы на краю солнца не

только въ моменты полныхъ затменій, но и во всякое время. Къ сожалѣнію, сначала у него не было спектроскопа надлежащаго устройства, и онъ не могъ провѣрить свои выводы. Но какъ только королевское общество въ Лондонѣ доставило ему подходящій инструментъ, онъ различилъ протуберанцы и въ тотъ же день показалъ ихъ секретарю королевскаго общества. Это было 20 октября 1868 года. За нѣсколько мѣсяцевъ до этого были посланы въ Индію европейскіе ученые, чтобы наблюдать полное затменіе 18 августа. Отъ нихъ еще не приходило извѣстій. 26-го октября были опубликованы первыя сообщенія французскаго на-



Корона 1860 г., по Темпелю.

блюдателя *Жансена*. Оказалось, у него также явилась идея, что линіи протуберанцевъ можно видѣть и по окончаніи затменія. Его попытка увѣнчалась успѣхомъ. Но когда *Жансенъ*, пораженный сильнымъ блескомъ спектральныхъ линій у протуберанцевъ, воскликнулъ: «Я увижу эти линіи!», онъ еще не имѣлъ понятія объ основаніяхъ того метода, который позволилъ различать спектральныя линіи протуберанцевъ при полномъ блескѣ солнца. Между тѣмъ эти основанія были уже разъяснены *Локайеромъ*: его духовный взоръ созерцалъ эти протуберанцы, когда инструментъ, съ помощью котораго онъ увидѣлъ ихъ 20 октября тѣлесными

очами, лежалъ, еще недодѣланный, въ мастерской механика. Впослѣдствіи методъ былъ усовершенствованъ, благодаря *Геггинсу Локайеру*, *Секки* и особенно *Целльнеру*. Теперь, пользуясь спектроскопомъ, мы можемъ наблюдать не только свѣтлыя линіи спектра,

Локайеръ.

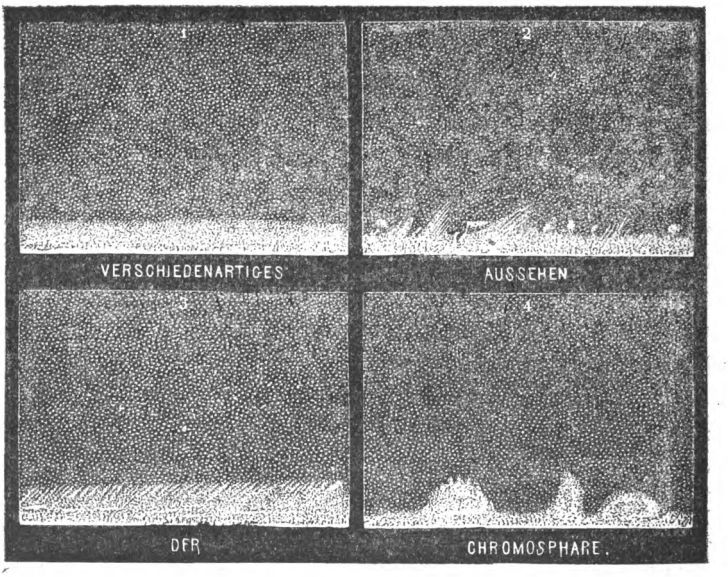
но прямо весь протуберанцъ въ его настоящей формѣ. Такія наблюденія значительно расширили наши знанія о физическихъ состояніяхъ солнца.

Согласно съ ними, огненно-жидкое ядро или солнце въ собственномъ смыслѣ окружено газообразною оболочкою, которой даютъ

названіе *хромосферы*. Эта газообразная оболочка приходится, слѣдовательно, въ срединѣ между собственной поверхностью солнца, изливающей ослѣпительно-бѣлый свѣтъ, и наружными частями атмосферы. При наблюденіи съ земли кажется, что она охватываетъ край солнца только на опредѣленной широтѣ; тѣмъ не менѣе, съ достаточно-сильнымъ инструментомъ ее можно различать во всякое время и на всякомъ мѣстѣ солнечнаго края. Если широко открыть щель сильнаго спектроскопа, можно съ полною ясностью разсмотрѣть внѣшнюю гравицу хромосферы. Она какъ-будто покрыта мелкими наклонными щетинками. Эти щетинки — не что иное, какъ потоки раскаленныхъ газовъ. При узкой щели существованіе хромосферы обнаруживается въ появленіи опредѣленныхъ свѣтлыхъ линій. Эти линіи даютъ понятіе о химическомъ составѣ газовъ. Найдено, что хромосфера состоитъ преимущественно изъ раскаленнаго водорода. Одновременно выяснился замѣчательный фактъ: составъ этихъ глубочайшихъ слоевъ солнечной оболочки не остается неизмѣннымъ; иногда съ собственной поверхности солнца выбрасываются въ хромосферу извѣстныя раскаленныя вещества. Постепенно установили, что, кромѣ водорода, въ хромосферѣ являются магній, желѣзо, барій, кальцій, титанъ, марганецъ, хромъ и натрій въ состояніи раскаленныхъ газовъ. Наблюденія надъ полнымъ солнечнымъ затменіемъ, 22 декабря 1870 года обнаружили, кромѣ того, въ спектрѣ хромосферы зеленую линію, которую нельзя приписать ни одному изъ извѣстныхъ на землѣ элементовъ; быть можетъ, она принадлежитъ новому элементу.

Прилегаетъ-ли хромосфера къ самой поверхности солнца, это — вопросъ, для котораго нѣтъ пока точнаго рѣшенія. *Секки* въ Римѣ думалъ, что между поверхностью солнца и хромосферою находится тонкій слой, который раздѣляетъ оба образованія. Онъ ссылается на наблюденія, которыя были поставлены имъ въ началѣ 1869 года. Изъ нихъ слѣдуетъ, что между розовымъ слоемъ хромосферы и краемъ солнца существуетъ узкое пространство, едва-едва достигающее ширины 2—3 угловыхъ секундъ; его спектръ не пересѣкается свѣтлыми или темными линіями: скорѣе онъ—сплошной. *Локайеръ* и другіе наблюдатели никогда не могли разсмотрѣть этотъ промежуточный слой и вообще отрицаютъ его существованіе. Но *Секки* самъ предупреждалъ, что видѣть этотъ слой трудно, и что для этого нужны особенно благопріятныя обстоятельства. Наблюдать данное явленіе совсѣмъ невозможно, говоритъ онъ, если не принять двухъ главныхъ предосторожностей: изображеніе солнца должно быть увеличено, чтобы видимая

ширина узкаго «промежуточнаго слоя» была больше, чѣмъ щель спектроскопа; длина щели должна быть уменьшена, чтобы спектръ не былъ слишкомъ широкъ. При этихъ условіяхъ получаютъ почти прямолинейную часть солнечнаго края, тогда какъ безъ нихъ лучи, идущіе отъ различныхъ пунктовъ дуги, смѣшиваются въ спектрѣ и дѣлаютъ явленіе крайне неяснымъ. Если такой «промежуточный слой» существуетъ, его легче различить во время полныхъ солнечныхъ затменій. *Секки* напоминаетъ, что во время затменія, которое онъ наблюдалъ въ Испаніи въ 1860 году, онъ, дѣйствительно, видѣлъ: сначала край солнца, надъ нимъ очень яркій свѣтовой слой и, наконецъ, еще выше розовый слой протуберанцевъ,



Видъ хромосферы, по рисункамъ Секки.

слѣдовательно, то, что теперь мы называемъ *хромосферою*. Нѣчто подобное еще за девять лѣтъ до *Секки* наблюдалъ *Юлій Шмидтъ*: это было при затменіи 8-го іюля 1851 года.

«За четыре секунды до конца полнаго затменія,—пишетъ этотъ астрономъ,—я внезапно увидѣлъ яркій красный свѣтъ въ видѣ двухъ очень тонкихъ линій, отдѣлившихся отъ края луны: отъ корней двухъ протуберанцовъ онѣ направлялись къ срединѣ раздѣлявшаго ихъ пространства. Казалось, будто огненно-красный расплавленный металлъ течетъ надъ темнымъ краемъ луны и, однако, это кажущееся движеніе было только слѣдствіемъ отодвиганія луны. За полторы секунды до конца полнаго затменія обѣ линіи соеди-

вились на срединѣ въ полную, въ высшей степени тонкую дугу яркаго красновато-розоваго цвѣта. Казалось, что вся она состоитъ изъ множества мельчайшихъ протуберанцевъ; нѣкоторые изъ нихъ нѣсколько выдавались надъ дугою. Въ моментъ образованія этой дуги я ждалъ появленія солнечнаго свѣта; но въ это самое мгновеніе красная дуга отдѣлилась отъ темнаго края луны, и между ними выступила серебристо-бѣлая и въ высшей степени яркая линія свѣта; она располагалась концентрически съ красною, но рѣзко отдѣлялась отъ нея и еще болѣе отъ края луны. Въ теченіе секунды я разсматривалъ ее, недоумѣвая, наступилъ конецъ

Юлій Шмидтъ.

полнаго затменія или нѣтъ: меня смущала ея малая яркость. Вдругъ вырвались и полились ослѣпительные лучи настоящаго солнечнаго свѣта и въ то же мгновеніе исчезъ изъ глазъ весь этотъ рядъ удивительныхъ явленій». Наблюденіе и описаніе *Шмидта* вполнѣ опредѣленно и ясно. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно могло бы рѣшить вопросъ о промежуточномъ слоѣ между солнцемъ и хромосферою безусловно въ смыслѣ Секки, если бы не одно обстоятельство, которое способно вызвать сомнѣнія. Я имѣю въ виду преломленіе лучей въ атмосферѣ солнца. Вслѣдствіе него вокругъ края солнечнаго диска должна появиться тонкая кайма; ее составятъ лучи, идущіе съ обратной стороны солнца. Мы не можемъ видѣть кайму, когда смотримъ на солнце при обычныхъ условіяхъ. Но когда происходитъ полное затменіе, когда обращенная къ намъ сторона солнца покрыта, эта кайма можетъ иногда сдѣлаться за-

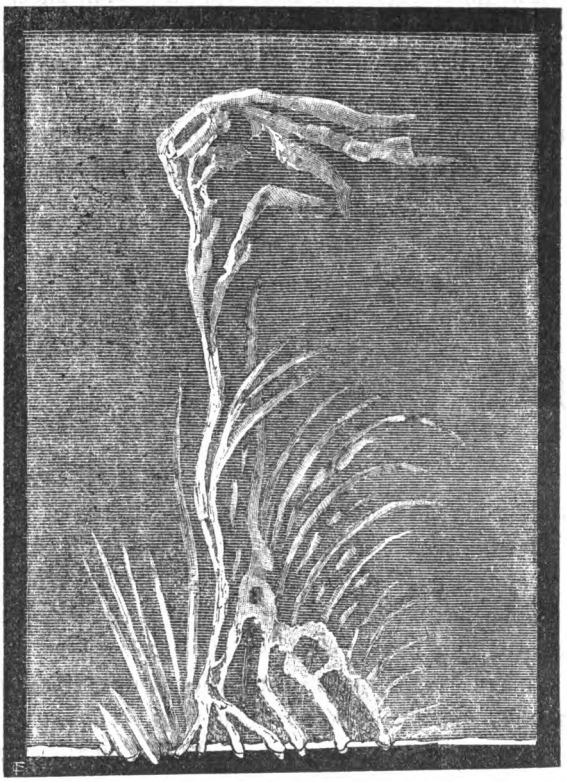
мѣтной. Не было-ли этого при наблюденіяхъ *Шмидта* и *Секки*, въ 1851 и 1860 году? Если да, эти наблюденія ничего не говорятъ за существованіе «промежуточнаго слоя»; если—нѣтъ, это существованіе доказано. Въ настоящее время у насъ нѣтъ основаній предпочесть одну изъ этихъ возможностей другой.

Хромосфера, какъ газообразная оболочка солнца, должна представлять наибольшую плотность въ наиболѣе глубокихъ слояхъ, прилегающихъ къ самой поверхности солнца. Это явленіе наблюдается и въ нашей земной атмосферѣ; оно неизбѣжно вытекаетъ изъ законовъ физики; для хромосферы это возростаніе плотности доказано съ помощью спектральнаго анализа. Если наблюдать спектръ водорода при различныхъ давленіяхъ и температурахъ, окажется, что характеристическія полосы его иногда расширяются, и профессоръ *Липпихъ* вывелъ изъ теоретическихъ основаній, что такое расширеніе для всѣхъ газовъ безъ изъятія должно стоять въ совершенно опредѣленномъ отношеніи къ давленію, подъ которымъ они находятся, и къ температурѣ, которой они обладаютъ. Если примѣнить этотъ выводъ къ раскаленной газообразной оболочкѣ солнца, къ хромосферѣ, найдемъ, что свѣтлыя спектральныя линіи въ нижнихъ частяхъ должны представлять наибольшую ширину, что, напротивъ, вверху онѣ должны съуживаться. Дѣйствительно, зеленая водородная линія принимаетъ въ хромосферѣ норму наконечника стрѣлы: внизу она всего шире, потомъ съуживается и, наконецъ, кончается остріемъ. Современемъ, когда накопится больше изысканій по этому вопросу, такія измѣненія спектральныхъ линій приведутъ къ важнымъ выводамъ относительно температуры и давленія въ хромосферѣ. Въ настоящее же время работы, выполненныя въ этой области, не привели еще къ такимъ даннымъ, которыя можно выразить цифрами. Нельзя, однако, не отмѣтить необыкновенныхъ успѣховъ науки: вѣдь еще нѣсколько десятилѣтій назадъ сочли бы глупостью, если бы кто-нибудь захотѣлъ опредѣлять температуру и давленіе слоевъ, прилегающихъ къ самой поверхности солнца.

Основанія протуберанцевъ скрыты въ хромосферѣ, но они часто поднимаются надъ нею на поразительную высоту. Вспомнимъ, что экваторіальный поперечникъ земли съ того разстоянія, на какомъ находится солнце, представился бы подъ угломъ въ 17,7 секунды. Слѣдовательно, линія въ 12.000 верстъ длины при такомъ разстояніи не составитъ даже 18 угловыхъ секундъ. Протуберанцы же постоянно достигаютъ высоты въ 2, даже въ 3 угловыхъ минуты. Ясно, что они во много разъ больше земли. Если бы можно было бросить земной шаръ на одинъ изъ этихъ огнен-

ныхъ фонтановъ, онъ исчезъ бы въ немъ, какъ маленькій кусокъ угля, брошенный въ кузнечную печь. Этотъ громадный земной шаръ съ его материками, островами, морями и океанами показался бы крошечнымъ въ сравненіи съ однимъ изъ многочисленныхъ огненныхъ потоковъ, которые постоянно поднимаются надъ поверхностью солнца.

Форма протуберанцевъ даетъ основаніе раздѣлить ихъ на *облачные* и *изверженные*. Первые живо напоминаютъ наши зем-



Протуберанцъ, наблюдавшійся 11 іюля 1892 г., — около 400.000 верстъ вышиною.

ные облака; они свободно носятся надъ хромосферою и, насколько можно судить объ этомъ, измѣняютъ свои общія очертанія медленнѣе, чѣмъ вторая форма протуберанцевъ. Изверженные протуберанцы очень разнообразны: иногда они имѣютъ видъ языковъ пламени, иногда походятъ на крутыя горы или остроконечныя пирамиды; иногда, наконецъ, отвѣсно поднимаются надъ краемъ солнца въ видѣ крутящагося вихря, но въ верхней части внезапно сгибаются почти подъ прямымъ угломъ, подобно восхо-

дящему столбу дыма, который встрѣчаетъ вверху воздушное теченіе и отклоняется имъ въ сторону. Формы нашихъ облаковъ обусловлены воздѣйствіемъ различныхъ атмосферныхъ теченій. На солнцѣ имѣются такія же теченія. Потому заранѣе слѣдовало ждать, что если массы сгущенныхъ газовъ сдѣлаются видимыми для насъ, они будутъ представлять большое сходство съ формами нашихъ облаковъ.

Въ обыкновенныхъ облачныхъ протуберанцахъ «при изверженіи водорода поднимаются», по *Шпереру*, и другія массы; но, вслѣдствіе расширенія водорода, происходитъ пониженіе температуры; эти массы, какъ менѣе свѣтлыя, становятся невидимыми и еще въ самомъ началѣ расплываются въ такой степени, что при этомъ не можетъ произойти никакихъ пятенъ. Въ изверженныхъ протуберанцахъ не бываетъ такого расширенія водорода; при болѣе

Облачные протуберанцы.

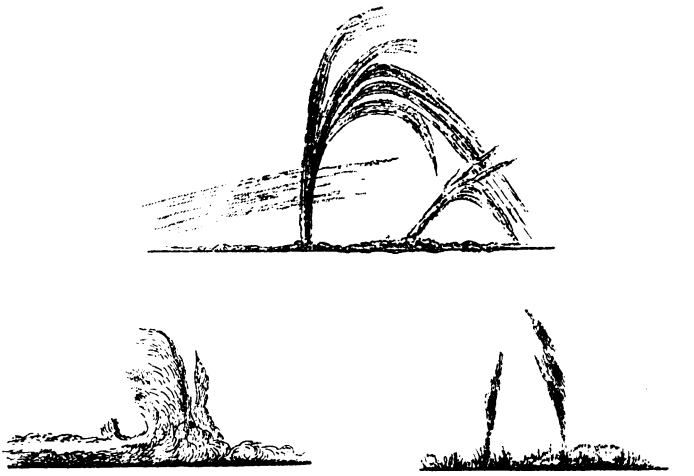
высокой температурѣ поднявшіяся массы остаются близъ блестящей поверхности; образуются темныя облака (охладившіяся массы, продукты сгаранія), и тогда вихри, со всѣхъ сторонъ стремящіеся къ болѣе горячей поверхности, собираютъ темныя вещества въ одно мѣсто; они опускаются къ поверхности въ видѣ темнаго облака и тушатъ тамъ низкіе протуберанцы. Происшедшее такимъ образомъ *пятно* является центромъ для вихрей, стекающихся къ нему со всѣхъ сторонъ. Свѣтлыя нити, замѣтныя въ ядрѣ солнечныхъ пятенъ,—это щели, чрезъ которыя не только виднѣется снизу блестящая поверхность факеловъ, но даже могутъ прорываться протуберанцы». Въ позднѣйшей работѣ *Шпереръ* подробнѣе высказался относительно явленій, которыми начинается образованіе пятна. Яркій блескъ факеловъ для него—несомнѣнное доказательство, что факелы слѣдуетъ разсматривать, какъ болѣе горячія мѣста солнечной поверхности. Отсюда неизбѣжно слѣдуетъ, что надъ ними должны происходить восходящія атмосферныя теченія. Въ то же время массы атмосферы должны со всѣхъ сторонъ стремиться къ этимъ болѣе горячимъ мѣстамъ. Восходящее теченіе произведетъ на извѣстной высотѣ продукты

охлажденія; боковые же потоки, по взгляду *Шперера*, сообщатъ ему большую плотность, и оно сдѣлается доступнымъ наблюденію въ видѣ *облака*. Но разъ это такъ, очевидно, дѣло не можетъ остановиться на уплотненіи облака: оно неизбѣжно должно обнаружить вращеніе, которое на сѣверномъ полушаріи солнца совершается въ направленіи NWSO, на южномъ—въ направленіи NOSW. Причина—вращеніе солнца, которое будетъ отклонять теченія, направляющіяся къ центру. Это слѣдствіе, вытекающее изъ теоріи *Шперера*, неоспоримо, и отдѣльныя пятна, дѣйствительно, обнаруживаютъ движеніе въ соотвѣтственномъ направленіи, хотя самъ *Шпереръ* не рѣшается признать вращательнаго движенія пятенъ: по его мнѣнію, скорѣе можно говорить о сильномъ передвиженіи ихъ при непрерывныхъ измѣненіяхъ, именно при новообразованіяхъ на одномъ концѣ и распаденіи на другомъ. Эти измѣненія въ отдѣльныхъ частяхъ вновь образовавшейся группы отчасти объясняются, по мнѣнію *Шперера*, различною высотою частей облака и постепеннымъ опусканіемъ ихъ. Послѣ образованія пятна возникаютъ теченія, направленныя внизъ. «Пониженіе температуры въ верхней части облака, которое по спектральнымъ наблюденіямъ должно быть очень значительно, влечетъ за собою опусканіе верхнихъ слоевъ атмосферы; благодаря этому, въ свою очередь, увеличивается образованіе облаковъ и усиливаются теченія, направленныя внизъ. Нисходящіе потоки должны искать выхода въ сторону и, при полной правильности, будутъ расходиться по всѣмъ направленіямъ; вслѣдствіе этого, сосѣдніе протуберанцы будутъ отклоняться по направленію отъ пятна». Такое движеніе по всѣмъ направленіямъ, дѣйствительно, наблюдается около пятенъ и группъ пятенъ, но не въ самомъ началѣ, а позднѣе; этимъ доказывается, по мнѣнію *Шперера*, существованіе нисходящихъ теченій, послѣ того какъ подготовлено образованіе пятенъ въ другихъ мѣстахъ. Такова вкратцѣ теорія солнечныхъ пятенъ, принадлежащая *Шпереру*. По моему мнѣнію, нѣтъ *существенной* разницы между нею и теоріей *Целльнера*: развѣ только та, что, по *Целльнеру*, пятна это—шлаки, лежащіе на самой поверхности солнца, по *Шпереру*, это—облака, наполненныя продуктами сгаранія и плавающія въ извѣстныхъ областяхъ солнечной атмосферы. Но отдѣляется ли поверхность солнца отъ атмосферы такъ же рѣзко, какъ на землѣ поверхность моря отдѣляется отъ воздушнаго пространства,—это совершенно неизвѣстно.

Знаменитый наблюдатель *Секки*, который особенно много занимался солнцемъ, далъ свою теорію солнечныхъ пятенъ. Онъ

обратилъ вниманіе на то, что пятнамъ предшествуетъ явленіе протуберанцевъ. По его мнѣнію, изверженныя массы при обратномъ паденіи внѣдряются среди свѣтлыхъ газообразныхъ массъ и производятъ углубленіе, въ которомъ поглощеніе сильнѣе. «На солнцѣ никогда нѣтъ полнаго покоя... Лежащіе внизу металлическіе пары и въ особенности водородъ выбрасываются на значительную высоту, достигающую, какъ показываетъ спектроскопъ, четверти солнечнаго діаметра. Эти раскаленныя водородныя массы поднимаются въ высшія области атмосферы, гдѣ остаются взвѣшенными, расширяются и образуютъ то, что мы называемъ выступами или протуберенцами...

«Къ этимъ изверженіямъ часто примѣшиваются струи весьма плотныхъ металлическихъ паровъ, не достигающихъ высоты во-



Изверженные протуберанцы.

дорода; иногда мы видимъ, какъ они падаютъ обратно на солнце въ формѣ параболическихъ лучей. Составъ ихъ можно опредѣлить съ помощью спектроскопа. Чаще всего встрѣчаются натрій, магній, желѣзо, кальцій и т. д.—все тѣ же вещества, которыя образуютъ нижній, поглощающій слой солнечной атмосферы и которыя, поглощая лучи, даютъ начало фраунгоферовымъ линіямъ. Строгимъ и неизбѣжнымъ слѣдствіемъ является фактъ, что, когда поднявшаяся масса, при вращеніи солнца, придется между фотосферою и глазомъ наблюдателя, поглощеніе становится очень ощутительнымъ и производитъ темное пятно на самой фотосферѣ. Металлическія абсорпціонныя линіи въ этой области становятся тогда шире и расплывчатѣе... Вотъ, слѣдовательно, происхожденіе сол-

нечныхъ пятенъ. Ихъ образуютъ массы поглощающихъ паровъ, вырвавшихся изъ внутренности солнца, если, помѣстившись между фотосферою и наблюдателемъ, эти массы задерживаютъ значительную часть свѣта.

«Но эти пары тяжелѣе окружающихъ массъ, въ которыя они вброшены. Вслѣдствіе своей тяжести они падаютъ и, стремясь опуститься внутрь атмосферы, образуютъ въ ней родъ впадины, которая наполнена болѣе темною и сильнѣе поглощающею массой. Отсюда—углубленіе, наблюдаемое въ пятнахъ. Если изверженіе очень кратковременно, масса паровъ, упавъ на фотосферу, скоро

Секки.

нагрѣется, раскалится, распадется, и пятно быстро исчезнетъ. Но внутренніе кризисы солнечнаго тѣла могутъ продолжаться нѣкоторое время, и изверженіе можетъ держаться на одномъ и томъ же мѣстѣ въ теченіе нѣсколькихъ оборотовъ солнца. Отсюда — постоянство пятенъ: вѣдь образованіе облака можетъ продолжаться и въ то время, когда отдѣльныя части его исчезаютъ въ фотосферѣ; сходный примѣръ представляютъ столбы пара у нашихъ вулкановъ. Изверженіе можетъ, дойдя до конца, снова усилиться, можетъ много разъ возобновляться на одномъ и томъ же мѣстѣ; такъ производятся пятна, весьма различныя по формѣ и положенію.

«Пятна состоятъ изъ ядра и полутѣни. Полутѣнь состоитъ, въ

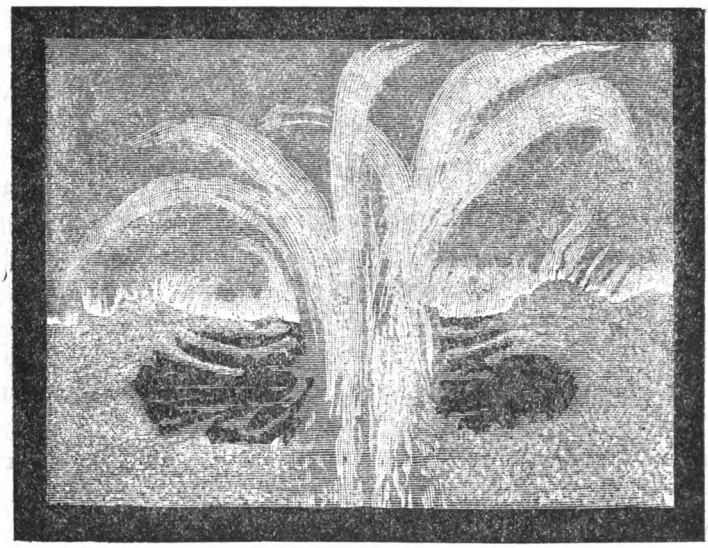
дѣйствительности, изъ тонкихъ темныхъ покрововъ и изъ нитей или потоковъ фотосфернаго вещества, стремящихся ворваться въ темную массу. Эти потоки имѣютъ форму языковъ, которые часто состоятъ изъ отдѣльныхъ массъ, шарообразныхъ, четковидныхъ или похожихъ на ивовые листья; очевидно, они соотвѣтствуютъ «зернамъ» фотосферы, которыя стремятся къ центру пятна и иногда пересѣкаютъ его на подобіе моста.

«Въ существованіи каждаго пятна должно различать три періода: образованіе, покой, распаденіе. Въ теченіе перваго періода фотосферная масса поднимается и принимаетъ разнообразныя формы вслѣдствіе мощныхъ, часто вихреобразныхъ движеній, которыя вздымаютъ ее надъ окружающими жидкими потоками и образуютъ неправильныя возвышенія—или безъ полутѣни, или съ очень неправильной полутѣнью. Эти прихотливыя движенія не поддаются никакому описанію: ихъ скорость огромна, захваченная ими область простирается на много квадратныхъ градусовъ; но изверженіе скоро приходитъ къ концу, движеніе постепенно ослабѣваетъ, наступаетъ покой. Во время второго періода поднятыя вещества падаютъ обратно; они стремятся при этомъ стянуться въ болѣе или менѣе круглыя массы и углубиться въ фотосферу, соотвѣтственно своему вѣсу. Отсюда—вдавленная форма фотосферы, напоминающая трубку или воронку, и множество потоковъ, изливающихся съ каждой точки окружности на эту темную массу; въ это время сохраняется еще контрастъ между нею и изливающимся веществомъ. Пятно принимаетъ почти постоянную кругообразную форму. Это состояніе можетъ тянуться долго, именно все время, пока внутреннія движенія солнечной массы доставляютъ новый матеріалъ. Наконецъ, когда эти послѣднія прекратятся, изверженіе ослабѣваетъ и кончается; абсорбирующая масса, залитая со всѣхъ сторонъ потоками фотосферы, расплывается, и пятно исчезаетъ.

«Существованіе этихъ трехъ фазъ подтверждается сравнительнымъ изученіемъ пятенъ и изверженій. Если во время перваго періода пятно находится на краю солнца, его мѣсто, хотя темная область его и не видна, указывается изверженіемъ металлическихъ паровъ, если пятно довольно велико. Въ самыхъ темныхъ пятнахъ можно различить пары натрія, желѣза и магнія, которые огромными массами поднимаются на очень большую высоту. Спокойное пятно круглой формы увѣнчано великолѣпными факелами, струями водорода и металлическихъ паровъ; они очень низки, но очень ярки. Пятно, заканчивающее свое существованіе, не сопровождается металлическими изверженіями; развѣ только выбьется нѣсколько струекъ водорода; вмѣстѣ съ тѣмъ фотосфера здѣсь бываетъ выше

и подвижнѣе. Наблюденіе показываетъ, что извержения вообще связаны съ пятнами, что когда нѣтъ пятенъ, нѣтъ и изверженій. Такимъ образомъ, дѣятельность солнца выражается въ изверженияхъ и пятнахъ; источникъ у нихъ общій; пятно, въ сущности,— явленіе вторичное, обусловленное изверженіями и большей или меньшей поглощательной способностью вещества. Если бы изверженныя вещества не поглощали свѣта, мы не видѣли бы никакихъ пятенъ.

«Изверженія одного водорода не производятъ пятенъ. Мы видимъ ихъ во всѣхъ точкахъ солнечнаго диска, между тѣмъ какъ появленіе пятенъ ограничивается тропическими поясами,— совершенно такъ же, какъ и изверженія металлическихъ паровъ. Изверженія одного водорода даютъ начало факеламъ».



Явленія, происходящія въ солнечномъ пятнѣ, по воззрѣніямъ Секки.

Иначе объясняются явленія пятенъ и протуберанцевъ въ теоріи французскаго ученаго Фэя *).

Наблюденія показываютъ, что фотосфера солнца охвачена теченіями, параллельными экватору. Угловая скорость ихъ уменьшается въ направленіи отъ экватора къ полюсамъ. Тамъ, гдѣ

*) Въ оглавленіи письма Клейнъ упоминаетъ о теоріи Фэя; въ изложеніи она почему-то пропущена. Не желая оставлять читателей въ недоумѣніи и пропускать теорію, за которую высказались такіе знатоки солнца, какъ Юнгъ и Ланглей, мы рѣшились вставить ея изложеніе. Оно заимствовано, съ небольшими измѣненіями, изъ книги: «Хандриковъ. Описательная астрономія». *Примѣч. переводчика.*

соприкасаются токи съ различными скоростями, должны возникнуть вращательныя, вихревыя движенія. Такъ, въ рѣкѣ происходятъ водовороты тамъ, гдѣ идутъ два параллельныя теченія съ неравными скоростями. Чтобы понять это явленіе водоворотовъ, допустимъ произвольное предположеніе: придадимъ каждой частицѣ движущейся жидкости скорость, равную средней скорости потока, но въ направленіи, обратномъ общему движенію. Произойдетъ сложеніе скоростей. Тамъ, гдѣ быстрота теченія была наибольшая, останется избытокъ скорости съ направленіемъ къ устью рѣки, по теченію. Гдѣ быстрота была наименьшая, получится избытокъ скорости съ направленіемъ къ верховьямъ рѣки. Въ срединѣ между этими противоположными струями частицы жидкости останутся неподвижными. Въ результатѣ—масса жидкости будетъ охвачена круговымъ, вращательнымъ движеніемъ; явится водоворотъ. Возвратимъ теперь каждой частицѣ произвольно отнятую среднюю скорость. Водовороты тогда не будутъ стоять на мѣстѣ, а будутъ перемѣщаться съ потокомъ внизъ по теченію.

Итакъ, при существованіи параллельныхъ теченій съ различными скоростями, въ потокахъ жидкости возникаютъ водовороты, движущіеся по теченію. Та же причина можетъ вызвать вращательныя движенія въ газахъ, напр., въ нашей атмосферѣ; такъ происходятъ вихри.

Гдѣ бы въ атмосферѣ ни образовались вихри, они нисходятъ до поверхности земли, проникая чрезъ болѣе или менѣе неподвижные нижніе слои воздуха. Опускаясь внизъ, вихри, вмѣстѣ съ тѣмъ, движутся поступательно, слѣдуя за верхнимъ потокомъ, въ которомъ они возникли и которымъ поддерживаются. Тогда мы видимъ, что изъ облаковъ спускается смерчъ.

Смерчи, малые вихри, продолжаются недолго; но циклоны или смерчи огромныхъ размѣровъ существуютъ иногда цѣлыя недѣли, пробѣгаютъ со скоростью быстрыхъ поѣздовъ материки и моря и несутъ за собою бури и ураганы, опрокидывающіе и разрушающіе все, что встрѣчается на пути.

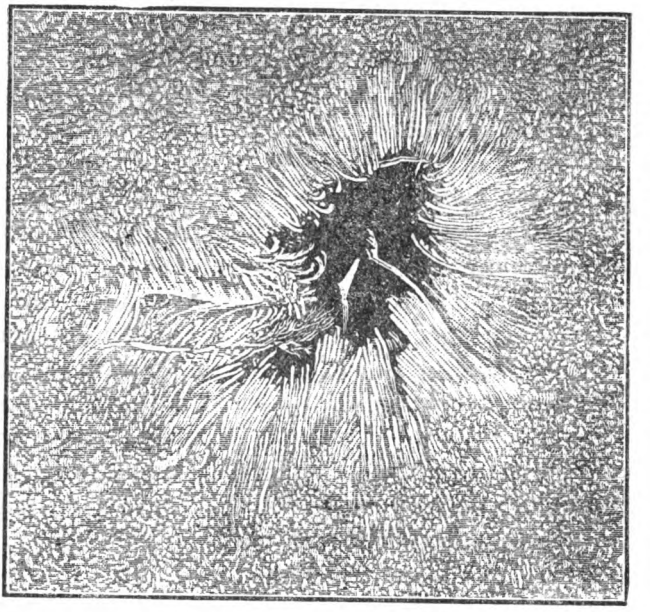
Въ атмосферѣ мы видимъ смерчь только потому, что онъ, какъ футляромъ, окруженъ туманной оболочкой цилиндрической формы. Этотъ туманъ образуется вслѣдствіе того, что холодный токъ смерча или циклона изъ верхнихъ слоевъ проникаетъ внизъ чрезъ слои влажнаго воздуха и производитъ осажденіе паровъ.

Все это въ извѣстной степени и формѣ имѣетъ мѣсто и на солнцѣ. Въ фотосферѣ солнца существуютъ параллельные токи съ различными скоростями. Тамъ должны возникать и болѣе или

менѣе значительные вихри. Малые вихри представляются намъ порами, большіе—солнечными пятнами. Въ порахъ мы находимъ всѣ свойства смерча, въ пятнахъ видимъ свойства циклоновъ.

Расширенное устье солнечнаго циклона лежитъ на предѣлахъ фотосферы. Въ него проникаетъ сравнительно холодный водородъ хромосферы. На своемъ пути внизъ по воронкѣ этотъ холодный водородъ производитъ примѣтное пониженіе температуры и относительную темноту, зависящую отъ непрозрачности холоднаго водорода, поглощающаго свѣтовые лучи.

На мѣстѣ образованія воронки, въ верхнемъ устьѣ смерча или циклона фотосфера вдавлена. Токи паровъ или газовъ, проникаю-



Солнечное пятно по Ланглею.

щіе въ воронку, сгущаются на ея стѣнкахъ вслѣдствіе холода, который производится смерчемъ. Результатомъ сгущенія являются блестящія облачныя массы, вытянутыя вдоль стѣнокъ возникшей воронки. Эти продукты охлажденія или химическихъ соединеній образуютъ собою родъ свѣтящагося футляра для смерча или циклона. Но такъ какъ эти свѣтлыя нити, вытянутыя по стѣнкамъ воронки, мы видимъ черезъ слой водорода болѣе толстый, чѣмъ тотъ слой, черезъ который мы видимъ облака самой фотосферы, то этотъ свѣтлый футляръ будетъ представляться сравнительно сѣроватымъ; это будетъ полутѣнь пятна. На внѣшней сторонѣ

воронки продукты охлажденія или химическихъ соединеній только въ рѣдкихъ случаяхъ участвуютъ во вращательномъ движеніи газовъ смерча; тогда полутѣнь имѣетъ спиральное строеніе.

Ниже, на извѣстной глубинѣ подъ фотосферой солнечный смерчъ, какъ и наши земные, съужавается на подобіе воронки. Восходящіе по стѣнамъ воронки токи вращеніемъ газовъ внутри ея разбрасываются въ стороны и не могутъ покрыть возникающими раскаленными облаками отверстіе воронки. Узкая часть воронки проектируется на фотосферу, какъ черное пятно, приблизительно, круглой формы, расположенное среди полутѣни. Эта съуживающаяся часть представляется темною, потому что надъ ней совсѣмъ нѣтъ фотосферическихъ облаковъ, а вся воронка наполнена сравнительно холоднымъ, сильно поглощающимъ свѣтъ водородомъ на большую глубину. Разсматривая солнечныя пятна, мы дѣйствительно видимъ въ нихъ воронки, въ которыя смотримъ чрезъ отверстія сверху...

Съ этой точки зрѣнія становится понятной связь между пятнами, факелами и протуберанцами.

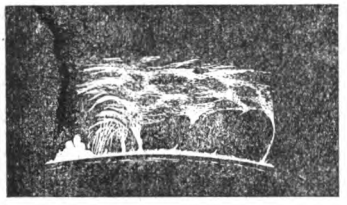
Въ тѣхъ водоворотахъ, которые мы видимъ на поверхности рѣкъ, вода верхнихъ слоевъ черезъ отверстія воронокъ проникаетъ внизъ. Эта вода не имѣетъ стремленія подняться снова вверхъ; только легкіе предметы, увлеченные водоворотомъ, всплываютъ потомъ на поверхность рѣки. На солнцѣ дѣло происходитъ нѣсколько иначе. Вихремъ черезъ отверстія воронокъ проникаетъ внизъ водородъ хромосферы, поэтому надъ пятномъ всегда замѣчается пониженіе или углубленіе хромосферы. Но водородъ легче всѣхъ газовъ и внутри фотосферы онъ остается легче окружающей его среды, насыщенной металлическими парами; поэтому, проникнувъ въ воронку, онъ стремится подняться. Достигнувъ извѣстной глубины и излившись чрезъ нижнее отверстіе воронки, онъ поднимается потомъ около стѣнокъ воронки внѣ ея. Это поднятіе происходитъ бурно. Выходя на поверхность фотосферы, водородъ немного поднимаетъ ея ослѣпительно свѣтящія облака и производитъ этимъ поднятіемъ такъ называемые факелы. Пробивъ фотосферу и пройдя чрезъ хромосферу, этотъ раскаленный водородъ бьетъ ключомъ и столбами извергается въ пространство, простирающееся надъ хромосферой. Здѣсь извергнутые потоки водорода расплываются въ причудливыя формы и снова падаютъ на хромосферу. Уровень послѣдней, несмотря на этотъ притокъ вещества, остается постояннымъ, ибо во всемъ этомъ происходитъ только циркуляція наличнаго вещества, а не притокъ новаго. Эти водородные фонтаны бьютъ вокругъ всѣхъ большихъ пятенъ. Такія изверженія

водорода, носящія названіе протуберанцевъ, достигаютъ громадныхъ размѣровъ. Пѡры также сопровождаются изверженіями, но тамъ эти изверженія менѣе высоки, болѣе размыты и не заключаютъ въ себѣ металлическихъ паровъ, которые увлекаются вверхъ большими изверженными протуберанцами.

Изложивши гипотезы относительно природы солнечныхъ пятенъ, которыя заслуживаютъ вниманія рядомъ съ гипотезой *Целльнера*, мы снова обращаемся къ изверженнымъ протуберанцамъ. Ихъ появленіе, форма—все гармонируетъ со взглядомъ, что это — исполинскія изверженія раскаленнаго водорода, который, вырвавшись изъ глубины солнца, пронизываетъ хромосферу и взлетаетъ на вышину десятковъ и даже сотенъ тысячъ верстъ. Еще до затменія 1868 года, въ ту эпоху, когда въ протуберанцахъ видѣли образованія довольно постоянныя, я указывалъ, что, по всей вѣроятности, они мѣняютъ свои формы быстро. Къ этому приводило сопоставленіе отдѣльныхъ наблюденій, сдѣланныхъ во время полныхъ солнечныхъ затменій. Когда къ изслѣдованію протуберанцевъ примѣнили спектроскопъ, выяснилось, что, дѣйствительно, они измѣняютъ свои громадные размѣры и формы съ такою быстротою и вырываются съ такою силою, предъ которыми безсильно самое живое воображеніе. Нужно самому стоять предъ спектроскопомъ и смотрѣть на эти раскаленныя массы, на ихъ движенія и измѣненія; нужно вспомнить при этомъ, что весь земной шаръ на такомъ разстояніи казался бы маленькою черною точкою, что, брошенный въ огненный снопъ протуберанца, онъ исчезъ бы въ немъ, не измѣнивъ замѣтно ни его формы, ни движеній... Только тогда можно составить правильное понятіе о великолѣпіи этихъ явленій.

Вотъ, напримѣръ, изверженіе, наблюдавшееся *P. Fenyi* въ Венгріи 1 іюля 1887 года. Сначала поднялись двѣ исполинскихъ огненныхъ колонны до 40.000 верстъ вышиною; вершины ихъ склонялись одна къ другой; образовались какъ бы темныя ворота, чрезъ которыя свободно прошелъ бы весь земной шаръ. Черезъ 11 минутъ видъ протуберанца совершенно измѣнился: теперь это была громадная огненная струя, поднявшаяся до высоты 110.000 верстъ. Слѣдовательно, за эти нѣсколько минутъ раскаленныя массы сдѣлали около 70.000 верстъ; это соотвѣтствуетъ скорости больше 100 верстъ въ секунду. Прошло еще 17 минутъ: на мѣстѣ протуберанца оставался только маленькій холмъ изъ раскаленнаго водорода. Напрасно наблюдатель старался открыть остатки раскаленныхъ массъ въ сосѣднихъ частяхъ солнечной атмосферы: ничего не было видно. Весь процессъ закончился въ 28 минутъ и представлялъ, очевидно, страшный взрывъ на солнцѣ, въ связи съ изверженіемъ изъ его глубины.

Отмѣтимъ еще наблюденіе Юнга, сдѣланное 7 сентября 1871 года. «Какъ разъ въ полдень,—говоритъ онъ, — я изучалъ громадный протуберанцъ на западномъ краю солнца; онъ образовалъ не высокое, спокойное по виду облако, не обнаруживалъ особаго блеска и выдавался только громаднымъ протяженіемъ. Главная масса его состояла изъ горизонтальныхъ полосъ; самая нижняя изъ нихъ плавала надъ хромосферою на высотѣ 2.000 верстъ, но была связана съ хромосферою тремя или четырьмя отвѣсными колоннами, обладавшими яркимъ блескомъ. Облака имѣли 150.000 верстъ длины, а наибольшая высота, которой до стигали они, равнялась 85.000 верстъ. Въ 12½ часовъ я былъ на нѣсколько минутъ отозванъ; въ это время нельзя было замѣтить ничего, что указывало бы на предстоящее изверженіе; только соединительная колонна, находившаяся на южной сторонѣ облака, сдѣлалась болѣе блестящею и погнулась нѣсколько въ сторону, затѣмъ у основанія сѣверной колонны образовалась небольшая свѣтлая масса.



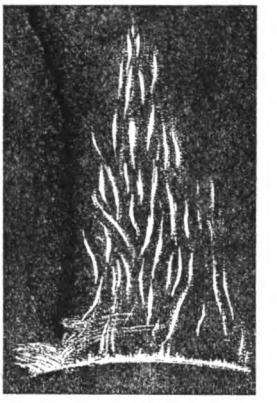
Протуберанцъ Юнга: видъ его въ 12½ часовъ дня.

«Какъ велико было мое изумленіе, когда я вернулся въ 12 час. 55 мин. и увидѣлъ, что за это время весь протуберанцъ силою взрыва былъ буквально разорванъ на клочки. Гдѣ стояло спокойное облако, тамъ теперь солнечная атмосфера была переполнена взлетѣвшими обрывками, толпою отдѣльныхъ вертикальныхъ, какъ бы жидкихъ нитей или языковъ; каждый изъ нихъ имѣлъ 7.000—20.000 верстъ въ длину и 1.500—2.000 верстъ въ ширину.

«Они были ярче всего и тѣснились гуще всего тамъ, гдѣ раньше находились колонны... Всѣ быстро поднимались въ вышину. Когда я впервые увидѣлъ явленіе, большинство этихъ нитей достигло вышины 154.000 верстъ; на моихъ глазахъ онѣ поднимались все выше и выше, блескъ ихъ слабѣлъ, и постепенно онѣ исчезали, какъ расплывшееся облако. Въ 1 час. 15 мин. отъ громаднаго протуберанца осталось только нѣсколько яркихъ пучковъ да нѣсколько свѣтлыхъ полосъ около хромосферы; только они указывали мѣсто, гдѣ произошло величественное явленіе».

Спектроскопъ показываетъ, что въ атмосферѣ солнца происходятъ исполинскіе вихри изъ раскаленныхъ массъ; это подтверждается самой формой нѣкоторыхъ протуберанцевъ. Но спектроскопъ позволяетъ измѣрить даже скорость этихъ движеній, и притомъ тогда, когда нашъ глазъ совсѣмъ не можетъ замѣтить ихъ,

потому что они направлены прямо на наблюдателя. Представимъ, что движущіяся массы находятся какъ разъ на срединѣ обращенной къ намъ стороны солнца. Если онѣ движутся прямо по направленію къ наблюдателю, относительное положеніе ихъ среди диска не измѣняется, и движеніе ихъ ускользаетъ отъ насъ. Если точка, гдѣ совершается восходящее, отвѣсное движеніе, станетъ приближаться къ солнечному краю, наблюдателю придется созерцать это движеніе нѣсколько сбоку. Наконецъ, когда эта точка лежитъ на самомъ краю солнца, мы смотритъ на восходящій потокъ подъ прямымъ угломъ и можемъ видѣть его истинную форму и размѣры. Указавъ на эти отношенія, я долженъ замѣтить далѣе, что если источникъ свѣта *удаляется* отъ насъ, его спектральныя линіи нѣсколько передвигаются къ *красному* концу спектра,—передвигаются сравнительно съ тѣмъ положеніемъ, какое они занимали бы, если бы источникъ свѣта оставался неподвижнымъ. Если же, напротивъ, онъ *приближается* къ наблюдателю, спектральныя линіи подвигаются къ *фіолетовому* концу спектра. Величина этого перемѣщенія зависитъ отъ скорости, съ которой движется источникъ свѣта. Представимъ, что протуберанцъ расположенъ на самомъ краю солнца и обнаруживаетъ восходящее движеніе, перпендикулярное къ поверхности солнца. Обратившись къ спектроскопу, не замѣтимъ ни малѣйшаго передвиженія свѣтлыхъ спектральныхъ линій. Причина понятна: движенія, которыя совершаются въ протуберанцѣ, не направлены ни къ наблюдателю, ни отъ него; они составляютъ прямой уголъ съ линіей зрѣнія. Въ этомъ случаѣ движенія доступны *непосредственному* наблюденію; спектроскопъ не нуженъ. Другое дѣло, когда протуберанцъ находится на срединѣ солнечнаго диска. Движеніе въ общемъ направлено прямо на наблюдателя и, слѣдовательно, при достаточной скорости можетъ обнаружиться въ перемѣщеніи спектральныхъ линій. Но какъ, вообще, наблюдать протуберанцъ на срединѣ солнечнаго диска? Непосредственное наблюденіе здѣсь безсильно. Опять приходитъ на помощь спектральный анализъ. Водородныя линіи C и F въ протуберанцахъ и хромосферѣ представляются свѣтлыми; точныя изслѣдованія *Локайера* и *Секки* показали, что ихъ можно различить и на срединѣ солнечнаго диска—совершенно



Тотъ же протуберанцъ получасомъ позже.

въ томъ видѣ, какъ они являются въ протуберанцахъ. То же наблюдается близъ солнечныхъ пятенъ; одна изъ этихъ людей, именно F, является и свѣтлою, и темною: свѣтлая линія отодвинута нѣсколько къ фіолетовому концу спектра, темная—къ красному. Эти перемѣщенія приводятъ къ выводу: горячія и свѣтящіяся массы вещества въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ съ очень большою скоростью поднимаются вверхъ; въ то же время болѣе холодныя массы, поглощающія свѣтовые лучи и потому превращающія свѣтлыя линіи въ темныя, съ такою же большою скоростью падаютъ на поверхность солнца. *Локайеръ* изъ своихъ наблюденій нашелъ, что наибольшая скорость этихъ движеній въ вертикальномъ направленіи 40 англійскихъ миль въ секунду, въ горизонтальномъ доходитъ даже до 120 англійскихъ миль въ секунду. Протуберанцы, которые происходятъ, благодаря такимъ громаднымъ и стремительнымъ потокамъ раскаленныхъ газовъ, носятъ всѣ характерныя черты изверженій; въ самомъ дѣлѣ, это—изверженія раскаленныхъ газовъ съ поверхности солнечнаго диска, и эти изверженія должны быть неизбѣжнымъ слѣдствіемъ разности въ давленіи. Это доказано прямыми наблюденіями: оказалось, что свѣтлая линія F, которая преимущественно и обнаруживаетъ существованіе и движеніе протуберанцевъ на солнечномъ дискѣ, становится шире внутри одноименной темной линіи, вызванной поглощеніемъ лучей, которые идутъ отъ солнечнаго диска. Мы уже выяснили, что расширеніе спектральной линіи указываетъ на повышеніе давленія, подъ которымъ находится раскаленный газъ. Слѣдовательно, протуберанцы извергаются изъ массы солнца вслѣдствіе громаднаго давленія, подъ которымъ они тамъ находятся. Чтобы объяснить съ этой точки зрѣнія восходящее движеніе газообразныхъ массъ, необходимо дальнѣйшее предположеніе: между поверхностью солнца и хромосферою долженъ находиться промежуточный слой, который раздѣляетъ области очень неравной температуры и очень неравнаго давленія. Что касается физическихъ свойствъ этого промежуточнаго слоя, ни въ какомъ случаѣ нельзя представлять его газообразнымъ. Еще меньше основаній считать его твердою корою, облекающею солнце: это противорѣчитъ даннымъ спектроскопическихъ и астрономическихъ изслѣдованій, которыми установлена для солнца страшно высокая температура. Остается принять этотъ промежуточный слой за раскаленную жидкость. Но мы видѣли, что солнечныя пятна происходятъ тоже на какой-то жидкой поверхности. Вотъ почему проще и естественнѣе всего, какъ указываетъ *Цёлльнеръ*, считать тожественными: эту жидкую поверхность и поверхность упомянутаго промежуточ-

наго слоя. Этому слою пришлось бы приписать тогда толщину около 8 угловыхъ секундъ или 750—800 географическихъ миль.

Раскаленныя массы, прорвавшіяся чрезъ этотъ промежуточный слой, состоятъ почти исключительно изъ водороднаго газа. Свойства этого газа изучены; величина тяжести на поверхности солнца и высота, до которой поднимаются протуберанцы, также извѣстны. Отсюда легко вычислить механическую работу, которая необходима, чтобы произвести данное дѣйствіе. Механической работѣ соотвѣтствуетъ опредѣленный эквивалентъ теплоты; зная его и принимая во вниманіе теплоемкость водорода, можно опредѣлить, наконецъ, температуру той части солнца, гдѣ происходятъ наблюдаемыя явленія. Такимъ путемъ *Цёлльнеръ* нашелъ, что въ томъ пространствѣ, откуда вырывается протуберанцъ вышиною въ 90 угловыхъ секундъ или въ 9.000 миль, должна господствовать абсолютная температура около 40.000 градусовъ Цельсія. Для протуберанцевъ, высота которыхъ вдвое больше, эту температуру нужно увеличить почти вдвое. Что же касается давленія газа, *Цёлльнеръ* находитъ, что въ плоскости отверстія, чрезъ которое вырывается протуберанцъ, оно равно 200.000 атмосферъ, во внутреннемъ пространствѣ—4.000.000 атмосферъ. При этихъ вычисленіяхъ *Цёлльнеръ* исходитъ изъ представленія, что массы раскаленнаго водорода собраны близъ поверхности солнца въ пустотахъ и при соотвѣтственной разницѣ въ давленіи, вырываются оттуда въ видѣ изверженныхъ протуберанцевъ. Эти пустоты окружены огненно-жидкимъ веществомъ, которое наполняетъ всю внутренность солнечнаго шара. Возможно и другое предположеніе, что вся внутренность солнца наполнена раскаленнымъ водородомъ и что этотъ громадный газообразный шаръ окруженъ жидкою оболочкою, «промежуточнымъ слоемъ». Съ перваго взгляда кажется, что такая теорія объясняетъ всѣ явленія такъ же хорошо и даже еще проще, чѣмъ первая. Но *Цёлльнеръ* доказалъ, что, въ концѣ концовъ, она сводится къ первой. Въ самомъ дѣлѣ, допустимъ ее: согласно съ механикой, устойчивое равновѣсіе установится лишь въ томъ случаѣ, если удѣльный вѣсъ жидкой оболочки меньше, чѣмъ удѣльный вѣсъ газообразныхъ слоевъ, лежащихъ непосредственно подъ нею. Но плотность газообразнаго шара неизбѣжно возрастаетъ отъ поверхности къ центру. Поэтому удѣльный вѣсъ *оболочки* долженъ быть *меньше*, чѣмъ средняя плотность солнца. Припишемъ оболочкѣ, какъ *высшій предѣлъ*, среднюю плотность солнца. Это значило бы допустить, что всѣ слои газа, расположенные ниже жидкой оболочки, обладаютъ одинаковымъ удѣльнымъ вѣсомъ. Въ самомъ дѣлѣ: удѣль-

ный вѣсъ ихъ даже въ самыхъ внѣшнихъ частяхъ не можетъ быть меньше, потому что тогда оболочка превосходила бы ихъ своею плотностью, а это несовмѣстимо съ устойчивымъ равновѣсіемъ. Но удѣльный вѣсъ верхнихъ и всѣхъ, вообще, слоевъ газа внутри солнца не можетъ быть и больше, чѣмъ у жидкой оболочки, потому что тогда и средняя плотность солнца была бы больше плотности оболочки, а это противорѣчитъ сдѣланному предположенію. Значитъ, въ этомъ случаѣ удѣльный вѣсъ *всѣхъ* слоевъ газообразной внутренности солнца долженъ быть одинаковъ. Но въ газообразномъ шарѣ плотность возрастаетъ отъ поверхности до центра; слѣдовательно, внутренность солнца не могла бы представлять изъ себя газообразнаго шара, а должна была бы состоять изъ жидкости, которая не сжимается и потому во всѣхъ частяхъ обладаетъ одинаковымъ удѣльнымъ вѣсомъ. Но этимъ путемъ мы приходимъ именно къ теоріи *Целльнера*, по которой газообразные потоки водорода вырываются изъ пустотъ, заключенныхъ въ жидкой массѣ. Сравнительно со всей огненно-жидкой внутренностью солнца, эти громадныя количества газовъ являются только мѣстными скопленіями, расположенными близъ поверхности. По массѣ и протяженію они ничтожны, если сопоставить ихъ съ жидкимъ шаромъ солнца.

Теорія, приписывающая солнцу огненно-жидкое ядро, подтверждается также, если вычислить давленіе, которое господствуетъ внутри солнца. Уже на глубинѣ 139 миль отъ поверхности вычисленіе указываетъ неимовѣрно-высокое давленіе въ 4.000.000 атмосферъ или въ 60.000.000 фунтовъ на каждый квадратный дюймъ. На бо́льшей глубинѣ давленіе возрастаетъ необыкновенно быстро. Правда, тамъ царитъ страшный жаръ, который препятствуетъ сжиманію газовъ. Но давленіе оказывается настолько сильнѣе, что, не смотря на высокую температуру, газы внутри солнца могутъ находиться въ огненно-жидкомъ состояніи.

Какъ высока температура самыхъ верхнихъ слоевъ солнечной массы? По *Целльнеру* она несравненно выше той, которая получается при сжиганіи гремучей смѣси изъ кислорода и окиси углерода, когда, по работамъ *Бунзена*, жаръ доходитъ до 3.000 градусовъ Цельсія. Эта высокая оцѣнка стоитъ въ полномъ согласіи съ общимъ мнѣніемъ. *Секки* былъ склоненъ приписывать солнцу температуру еще болѣе высокую: отъ 5 до 10 милліоновъ градусовъ. Но это—оцѣнка не точная, основанная на ошибныхъ предположеніяхъ. Рядомъ съ результатами *Целльнера* она не имѣетъ никакого значенія. Опредѣляя температуру солнца, *Секки* допускалъ пропорціональность между лучеиспусканіемъ и темпера-

турою тѣла. Изысканія *Соре* показали, что такой пропорціональности нѣтъ. Изъ своихъ послѣднихъ вычисленій *Целльнеръ* опредѣлилъ температуру хромосферы въ 61.350° Цельсія. При этомъ онъ самъ предупреждаетъ, что въ опытныхъ данныхъ, которыя положены въ основу вычисленій, допускается значительная неточность; поэтому, въ настоящее время можно говорить только о приблизительныхъ опредѣленіяхъ. Любопытно прослѣдить, какимъ путемъ пришелъ *Целльнеръ* къ своему выводу. Теоретическое основаніе его метода—законъ *Маріетта* и *Гей-Люссака*; эмпирическія данныя, необходимыя для его примѣненія, это: отношеніе между плотностями двухъ различныхъ слоевъ водородной атмосферы и разстояніе между этими слоями. Спектроскопъ позволяетъ намъ наблюдать часть раскаленной водородной атмосферы, такъ-называемую хромосферу; можно опредѣлить среднюю высоту этого слоя въ тѣхъ мѣстахъ солнечнаго края, гдѣ, судя по отсутствію протуберанцевъ, установилось извѣстное состояніе равновѣсія. Остается опредѣлить, хотя бы только *приблизительно*, отношеніе между плотностями или между давленіями на верхней и нижней границѣ хромосферы. Тогда мы обладали бы обоими данными, которыя нужно вставить въ формулу, чтобы опредѣлить среднюю температуру для хромосферы. *Целльнеръ* и показываетъ, что такое *приблизительное* опредѣленіе возможно. Нужно знать отношеніе давленій, существующихъ на верхней и нижней границѣ хромосферы; вмѣсто него, можно взять отношеніе давленій, внутри которыхъ здѣсь, на землѣ, наблюдаются такія же измѣненія водороднаго спектра, какія замѣчены при изслѣдованіи обѣихъ границъ хромосферы. Такія измѣненія, по *Вюллнеру*, происходятъ при давленіяхъ въ 2.240 миллиметровъ и въ 1 миллим. Что же касается до высоты хромосферы, наблюденія показываютъ, что въ наиболѣе спокойныхъ мѣстахъ солнечной поверхности она равна, приблизительно, 10 угловымъ секундамъ. Такъ получаются обѣ численныя величины, которыхъ требуетъ формула *Целльнера*.

Мы видѣли, что на краю солнца и на его дискѣ всегда существуютъ протуберанцы. Разсмотримъ теперь, какъ распредѣлены они въ различныхъ частяхъ солнечной поверхности и какъ связаны съ солнечными пятнами и факелами.

Профессоръ *Респиги* произвелъ очень цѣнныя наблюденія надъ распредѣленіемъ протуберанцевъ по различнымъ градусамъ широты. Изо дня въ день изслѣдовалъ онъ край солнца, срисовывая наблюдавшіеся протуберанцы. Оказалось, что на южномъ полушаріи солнца число и размѣры, протуберанцевъ больше, чѣмъ на сѣверномъ. Въ полярныхъ областяхъ солнца, на протяженіи 20

градусовъ отъ обоихъ полюсовъ протуберанцы выступаютъ рѣдко, или даже совсѣмъ не появляются. Это относится къ крупнымъ протуберанцамъ, а не къ тѣмъ мелкимъ выступамъ, которые, подобно зубцамъ, покрываютъ хромосферу. Въ экваторіальныхъ областяхъ солнца крупные протуберанцы встрѣчаются также крайне рѣдко; ихъ наблюдаютъ здѣсь далеко не такъ часто, какъ въ болѣе высокихъ широтахъ. Всего многочисленнѣе протуберанцы—въ обоихъ поясахъ пятенъ; но ихъ можно видѣть также подъ 40—45° широты, хотя большія пятна тамъ—рѣдкость. Слѣдовательно, протуберанцы стоятъ въ извѣстномъ отношеніи къ пятнамъ. Это подтверждается и другими наблюденіями: по изысканіямъ *Респиги*, хромосфера около пятенъ остается низкою, ровною и очень свѣтлою, и отъ ядра пятенъ поднимаются только очень слабые протуберанцы, или же не бываетъ совсѣмъ никакихъ. Напротивъ, вблизи пятенъ появляются громадные протуберанцы съ бурными движеніями, которые содержатъ не только водородъ, но, какъ показываютъ ихъ спектральныя линіи, и другія вещества. Обыкновенно эти линіи соотвѣтствуютъ натрію, магнію и желѣзу. Но выступаютъ также линіи, которыя нельзя приписать ни одному изъ веществъ, извѣстныхъ на землѣ, но которыя, однако, видимы на всемъ протяженіи протуберанца отъ основанія до вершины Что касается продолжительности существованія протуберанцевъ, наблюденія *Респиги* показали, что нѣкоторые изъ нихъ образуются и исчезаютъ въ нѣсколько минутъ, другіе же долго сохраняютъ свою форму. Наибольшую измѣнчивость обнаруживаютъ тѣ протуберанцы, которые происходятъ въ сосѣдствѣ съ солнечными пятнами; самые долговѣчные, это—тѣ, которые являются по ту сторону пояса пятенъ—до 70° широты. Иногда *Респиги* удавалось снова видѣть ихъ по окончаніи полнаго оборота солнца около оси. Слѣдя за ними, онъ вывелъ для вращенія солнца въ этихъ высокихъ широтахъ почти ту же величину, какую дали наблюденія надъ пятнами въ широтахъ, болѣе близкихъ къ экватору. Отсюда слѣдуетъ, что у этихъ протуберанцевъ совсѣмъ нѣтъ собственнаго движенія, и что продолжительность вращенія, которую даютъ они, не сходится съ тою, которая слѣдуетъ изъ наблюденій надъ пятнами, особенно въ болѣе высокихъ широтахъ. Вообще, *Респиги* нашелъ, что на появленіе протуберанца указываетъ отдѣленіе свѣтлой точки или полосы отъ хромосферы, что изъ этой точки поднимаются въ вышину тонкіе лучи, падающіе въ видѣ параболы, что эти лучи соединяются съ болѣе крупными облачными массами и что затѣмъ они или скоро падаютъ на солнце, или, про-

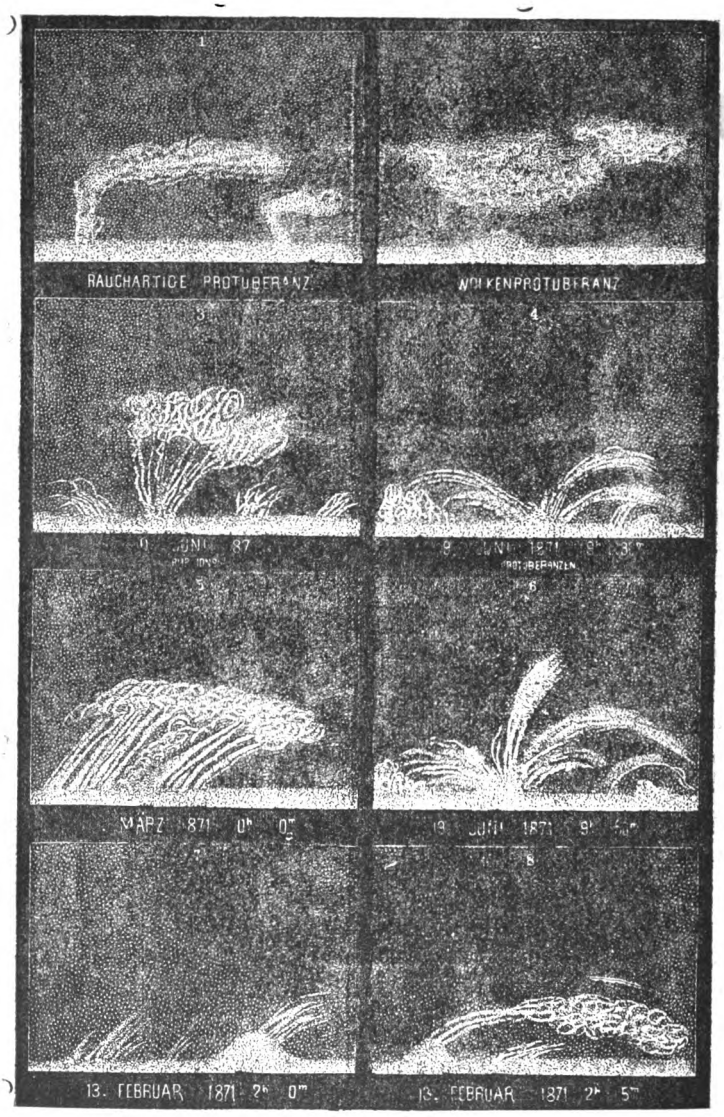
должая подниматься, достигаютъ вышины въ 10.000, 20.000 и даже 30.000—35.000 миль.

Съ наблюденіями *Респиги* совпадаютъ, вообще, наблюденія *Секки*. Онъ нашелъ, что на всякомъ полушаріи солнца есть два пояса, въ которыхъ число пятенъ наибольшее. Большинство протуберанцевъ выступаетъ въ области пятенъ и факеловъ; затѣмъ по направленію къ полюсу число ихъ убываетъ, но на 75° широты снова увеличивается. Что касается внѣшняго вида протуберанцевъ, *Секки* различаетъ двѣ характерныя формы: протуберанцы облачные и нитеобразные. Часть нитеобразныхъ протуберанцевъ, которые въ дѣйствительности являются громадными и мощными потоками газовъ, увѣнчана на вершинѣ красноватыми облаками. Такія облачныя массы можно сравнить съ нашими перистыми облаками, когда они размётаны сильнымъ вѣтромъ. Это описаніе *Секки* вполнѣ согласно съ наблюденіями *Шперера*, которыя были изложены раньше.

Связь протуберанцевъ съ факелами и пятнами до сихъ поръ вполнѣ не выяснена. Существуетъ, повидимому, прямое отношеніе между протуберанцами и факелами. Таковъ взглядъ профессора *Шперера*. Онъ видитъ въ протуберанцахъ предшественниковъ группы пятенъ, которая явится позже; онъ думаетъ, что тусклыя поверхности, расположенныя между блестящими полосами факеловъ, быть можетъ, означаютъ мѣсто протуберанцевъ. Пытались доказать связь протуберанцевъ съ факелами и пятнами, пользуясь полными солнечными затменіями. Обыкновенно попытки оставались напрасными. Самые точные результаты доставило еще затменіе 28 іюля 1851 года. Громадный изогнутый протуберанцъ, явившійся тогда, почти вполнѣ совпалъ съ мѣстомъ блестящихъ факеловъ, которые лежали на краю солнца; между тѣмъ, ближайшія пятна были отдѣлены очень значительнымъ промежуткомъ. *Юлій Шмидтъ* вывелъ тогда изъ своихъ наблюденій, что эти факелы представляли, вѣроятно, основаніе протуберанца. Въ самомъ дѣлѣ, если вспомнить, съ какой громадной энергіей происходитъ изверженіе большихъ протуберанцевъ, становится вѣроятнымъ, что тѣ точки, гдѣ вырываются газы, будутъ отличаться отъ другихъ особенною яркостью. Итакъ, можно установить соотношеніе между основаніями протуберанцевъ и факелами, не выставляя невѣроятныхъ гипотезъ. Мы видѣли, что наблюденія подтверждаютъ общую связь между обоими явленіями.

Я описалъ солнце согласно съ результатами, къ которымъ приводитъ современная наука; я изобразилъ его величіе и пытался дать понятіе о громадныхъ количествахъ механической силы,

которыя въ каждое мгновеніе изливаются этимъ раскаленнымъ шаромъ. Мы нашли тамъ запасъ живой силы, который подавляетъ воображеніе, который кажется неистощимымъ при самыхъ боль-



Различныя формы протуберанцевъ, по Секки.

шихъ тратахъ,— *кажется*, но такъ ли это въ дѣйствительности? Мы можемъ теперь отвѣтить: *нѣтъ*. Запасъ живой силы, скрытой въ солнцѣ, громаденъ; но онъ можетъ истощиться—и онъ исто-

щится, онъ долженъ истощиться. Эти исполинскія движенія, этотъ дикій круговоротъ огненныхъ силъ, которыя милліоны лѣтъ вели и еще будутъ вести свою игру на солнцѣ, все это прекратится: время свяжетъ все и наложитъ оковы на всѣ движенія на солнцѣ, Громадная пустыня, мертвая, оцѣпенѣлая, лишенная движеній. явится тамъ, гдѣ раньше страшный жаръ взбрасывалъ въ раскаленную атмосферу огненные снопы величиною съ землю, и поддерживалъ органическую жизнь на далекихъ планетахъ. Когда наступитъ это время истощенія для солнца, я не знаю, и никто знать не можетъ. Но когда оно придетъ, всѣ слѣды нашего существованія будутъ развѣяны, и даже памяти о насъ не будетъ.

(Продолженіе слѣдуетъ),

ЗОЛОТОИСКАТЕЛИ.

(Изъ Эмануила Гэйбеля).

Три близкихъ знакомца, три друга почти
Упорно старались удачу найти,—
И, жаждой наживы да счастья горя̀,
Искать ихъ отплыли они за моря̀:
На лицахъ угрюмыхъ слѣды непогодъ
Хранилъ этотъ грубый и дикій народъ...
Канаву близъ рѣчки и шахту въ горѣ
Копали, привыкнувъ къ дождю и къ жарѣ,
Безъ у̀стали вмѣстѣ и ночью, и днёмъ
И голодъ, и жажду терпѣли притомъ,
Въ поту̀ задыхались;... А мѣсяцы шли...
Вдругъ что-то увидѣли въ нѣдрахъ земли:
Тамъ взоромъ змѣинымъ соперничалъ съ тьмой,
Блеснувъ имъ въ награду, огонь золотой!
На свѣтъ самородокъ спѣшили извлечь
Скорѣй, не щадя подъ находкою плечъ
И, взвѣсивъ его, ликовали они:
„Теперь мы богаты на многіе дни!“
Со смѣхомъ, съ кривляньями ихъ заставлялъ
Плясать вкругъ себя этотъ яркій металлъ,—
И, еслибъ еще не остатки стыда,
Добычу лобзали бы страстно тогда!

Сказалъ Томъ-Охотникъ: „пора отдохнуть,
„Пускай освѣжится усталая грудь,
„И мы попируемъ! Ступай теперь, Самъ,—
„Вина и закусокъ достань-ка ты намъ!“
Шатаясь, оттуда Самъ двинулся прочь,
Не въ силахъ волненья еще превозмочь
Подъ властью туманной томительныхъ думъ,
Какихъ не знавалъ, до тѣхъ поръ, его умъ...
А двое другихъ на вершинѣ сидятъ,—
Ко глабѣ завѣтной прикованъ ихъ взглядъ,

И, только дотронутся, слышится звонъ,
И будитъ въ нихъ алчность жестокую онъ!
Сказалъ Рыжій-Вилль: „кладъ хорошъ-то, хорошъ,
„Да, жаль, предстоитъ межъ троими дѣлёжъ“...
— Ты думаешь? „Правды нельзя утаить,
„Что было бы лучше двоимъ подѣлить,—
„Вотъ еслибъ“...—Что? „Если бъ, представь себѣ, вдругъ
„Исчезъ за покупками посланный другъ“...
— Я понялъ-ли вѣрно? „Излишній вопросъ,
„Когда одинакова цѣль нашихъ грёзъ:
„Лишь—мѣткій ударъ, послѣ—гробъ межъ камнёй,—
„И былобъ дѣлиться куда веселѣй!“
И долго молчали... Лучъ солнца сверкалъ
По золоту... Томъ, наконецъ, прошепталъ:
„Предъ нами ты видишь-ли грозный обрывъ?“
— Ну? „Дна не достать тутъ, и лѣсъ молчаливъ“.
А время не ждало: погасъ уже день,—
Зари надвигалась кровавая тѣнь...
И юный товарищъ вернулся назадъ,
Такъ блѣденъ, въ потУ, изможденьемъ объятъ.
Насталъ для работниковъ истинный рай:
„Эй, толстую бутыль, корзину давай!
„На славу намъ, братецъ, добылъ ты винцо,—
„По жиламъ огнёмъ ударяетъ въ лицо,—
„Такъ двинь за компанію!“—Вдосталь я пилъ:
Бороться съ усталостью больше нѣтъ силъ,—
И спать я улягусь. „Ну, добрый покой!
„А вотъ тебѣ—*разъ*, и въ придачу—*другой*“...
И не дали промаху оба ножа,
Хозяевамъ вѣрой и правдой служа:
Межъ тѣмъ, какъ окрестности мракъ застилалъ,
Вдругъ хлынула кровь, и бѣдняга упалъ;
Но, все-жъ, хоть съ трудомъ, онъ успѣлъ прошептать:
„Господь нашъ небесный умѣетъ карать!
„Убили меня, ради золота, вы,—
„И сами за то же погибли, увы!—
„Сокровище насъ соблазнило одно:
„Я страшнаго яду подсыпалъ въ вино!“

С. О—цъ.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

На родинѣ.

Съ Всероссійской выставки въ Нижнемъ-Новгородѣ. Однимъ изъ самыхъ видныхъ явленій современной жизни на родинѣ служитъ Всероссійская выставка въ Нижнемъ-Новгородѣ, привлекающая теперь общее вниманіе. Газеты заполнены извѣстіями и свѣдѣніями съ выставки. Пользуясь ими, приведемъ пока нѣкоторыя данныя о богатомъ матеріалѣ, собранномъ на выставкѣ, какъ иллюстрація нашихъ общественныхъ, промышленныхъ и научныхъ успѣховъ.

Начнемъ съ данныхъ, относящихся къ положенію *высшаго* образованія въ Россіи.

По словамъ корреспондента «Рус. Вѣд.», имѣется только нѣсколько главнѣйшихъ цифровыхъ данныхъ о высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и карта распредѣленія ихъ по Европейской Россіи. Всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній въ Россіи, считая за таковыя и фребелевскіе женскіе курсы,—63. Если же считать факультеты за отдѣльныя учрежденія, какъ это сдѣлано составителемъ карты (экспонатъ центральнаго управленія министерства народнаго просвѣщенія), то число ихъ возрастаетъ до 103. Число учащихся въ нихъ—28.953. Значительное большинство высшихъ учебныхъ заведеній приходится на Петербургъ (25), затѣмъ слѣдуетъ Москва (8), остальныя 30 школъ распредѣляются между провинціальными городами.

Полнѣе другихъ высшихъ школъ представлены высшіе женскіе курсы въ Петербургѣ, являющіеся на выставкѣ представителями единственно на всю Россію высшаго женскаго учебнаго учрежденія. Здѣсь можно узнать краткую исторію курсовъ, возникшихъ по иниціативѣ женщины-публициста, Е. И. Конради. Въ декабрѣ 1867 года она внесла на бывшій тогда въ Петербургѣ 1-й съѣздъ естествоиспытателей мотивированную записку о необходимости устройства правильныхъ курсовъ для женщинъ по предметамъ историко-филологическихъ и физико-математическихъ наукъ. Съѣздъ отнесся къ проекту съ полнымъ одобреніемъ, которое и выразилъ публично, но разработкою его, какъ не отвѣчающею прямымъ задачамъ съѣзда, заняться не могъ, и всякое ходатайство передъ правительствомъ объ учрежденіи высшаго учебнаго заведенія для женщинъ отъ себя отклонилъ. Число сочувствующихъ поднятому вопросу съ каждымъ днемъ возрастало, и 11-го мая 1868 г. представленная съѣзду записка, за подписью 400 женщинъ изъ одного только Петербурга (не считая заявленій изъ другихъ городовъ), была подана ректору с.-петербургскаго университета, профессору Бесслеру.

Ректоръ и профессора выказали полное сочувствіе вопросу о высшемъ образованіи женщинъ и изъявили готовность принять участіе въ его разработкѣ, для чего и избрали изъ своей среды коммиссію.

Между тѣмъ, сознаніе недостаточной подготовленности женщинъ къ слушанію серьезныхъ научныхъ курсовъ заставило многихъ лицъ приступить къ устройству отдѣльныхъ кружковъ для совмѣстныхъ занятій на частныхъ квартирахъ, гдѣ женщинамъ читались лекціи по математикѣ, естественнымъ наукамъ, русскому языку и словесности. Дѣятельное, часто безвозмездное, участіе въ преподаваніи принимали профессора и извѣстные педагоги: А. Н. Бекетовъ, Н. И. Бакстъ, О. Ѳ. Миллеръ, С. А. Усовъ, Д. И. Менделѣевъ, А. Я. Гердъ, А. Н. Страннолюбскій, В. А. Евтушевскій, П. Я. Крутицкій, В. Я. Аврамовъ. Занятія велись не только на частныхъ квартирахъ, но и въ нѣкоторыхъ лабораторіяхъ, напр., въ артиллерійской академіи по почину проф. Н. П. Федорова, въ лабораторіи кн. Кочубея, при содѣйствіи проф. Менделѣева, въ частной лабораторіи Н. П. Зернова.

Независимо отъ этихъ частныхъ отдѣльныхъ уроковъ и лекцій открыты были курсы съ разрѣшенія правительства, которое предоставило имъ даровое помѣщеніе въ V мужской гимназіи у Аларчина моста, отчего они и получили названіе Аларчинскихъ курсовъ. Тамъ читались, съ тою же цѣлью пополненія пробѣловъ въ среднемъ общемъ образованіи женщинъ: русскій языкъ, элементарная математика, физика, химія, педагогика, а впослѣдствіи: ботаника, зоологія, математическая и физическая географія.

29-го ноября 1869 г. послѣдовало разрѣшеніе министерства народнаго просвѣщенія на открытіе въ С.-Петербургѣ университетскихъ курсовъ по предметамъ историко-филологическимъ и физико-математическимъ, но въ видѣ общихъ публичныхъ лекцій для мужчинъ и женщинъ совмѣстно, такъ какъ организація подобныхъ курсовъ не требовала никакихъ новыхъ постановленій въ сложившейся учебной системѣ государства. Для помѣщенія публичныхъ курсовъ было отведено нѣсколько залъ въ зданіи мин. внутрен. дѣлъ, гдѣ были наскоро устроены аудиторіи, и 20-го января 1870 г. лекціи начались.

На слѣдующій годъ чтеніе лекцій было перенесено въ гимназію при историко-филологическомъ институтѣ, затѣмъ курсы перемѣстились сначала въ зданіе Владимірскаго уѣзднаго училища, а потомъ были переведены въ Васильеостровскую женскую гимназію, по предложенію начальника женскихъ гимназій И. Т. Осинина, съ тѣмъ условіемъ, чтобы ихъ посѣщали исключительно только женщины. Это вполнѣ отвѣчало первоначальному плану учредителей курсовъ, и на этотъ разъ согласіе министра народнаго просвѣщенія послѣдовало въ самомъ скоромъ времени. Такимъ образомъ, владимірскіе курсы, контингентъ слушателей которыхъ и былъ всегда по преимуществу женскій, утратили окончательно свой смѣшанный характеръ.

Эта первая попытка послужила зерномъ, изъ котораго развилось все, что появилось затѣмъ въ Россіи по части высшаго женскаго образованія. Первый опытъ этотъ вызвалъ во всѣхъ университетскихъ городахъ движеніе въ пользу научнаго образованія женщинъ: въ Москвѣ, Кіевѣ, Казани, Харьковѣ, Одессѣ и Варшавѣ.

Необходимо отмѣтить весьма серьезную черту въ жизни всѣхъ существовавшихъ тогда курсовъ: это—ихъ самоуправленіе. Владимірскіе курсы управлялись кружкомъ выборныхъ изъ среды учредителей ихъ; аларчинскіе—выборными изъ среды слу-

шательницъ; Ф. Н. Королевъ, учредившій лубянскіе курсы въ Москвѣ, все управленіе принялъ сначала на себя, но, оставляя курсы, передалъ его въ руки слушательницъ. Женщины проявили большія административныя способности въ этомъ дѣлѣ, и, несмотря на сложность и новизну его, управленіе курсами и хозяйственная часть велись серьезно и разумно.

9-го апрѣля 1876 г., согласно всеподданнѣйшему докладу бывшаго тогда министра народнаго просвѣщенія, гр. Д. А. Толстого, послѣдовало Высочайшее повелѣніе, которое предоставляло министру разрѣшать открытіе высшихъ женскихъ курсовъ въ университетскихъ городахъ. Открытіе курсовъ признавалось не только полезнымъ, но и необходимымъ, чтобы прекратить наплывъ русскихъ женщинъ въ заграничные университеты, давая имъ возможность получить высшее образованіе въ предѣлахъ Россіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для приготовленія достаточнаго количества учительницъ для старшихъ классовъ женскихъ гимназій и институтовъ, взамѣнъ учителей, число которыхъ оказывалось недостаточнымъ даже для мужскихъ гимназій.

Матеріальная сторона петербургскихъ курсовъ съ перваго же года ихъ существованія поставлена была вполнѣ успѣшно. Это объясняется, съ одной стороны, большимъ наплывомъ слушательницъ, которыхъ, при открытіи лекцій, записалось болѣе 800, а съ другой—тѣмъ обстоятельствомъ, что предшествовавшее десятилѣтіе сплотило около курсовъ группу людей, глубоко и искренно преданныхъ дѣлу высшаго женскаго образованія, съумѣвшихъ привлечь жертвователей и разумно воспользоваться всѣми предоставленными имъ правами для увеличенія матеріальнаго благосостоянія курсовъ.

Бюджетъ курсовъ, постепенно возрастая, достигъ цифры 60 тыс. въ годъ. Курсамъ жертвовали не только жители столицъ и большихъ городовъ, но и отдаленнѣйшихъ мѣстностей.

Въ маѣ 1886 года, по распоряженію министра народнаго просвѣщенія, былъ прекращенъ пріемъ на высшіе женскіе курсы слушательницъ въ виду разсмотрѣнія общаго вопроса о женскомъ образованіи въ особой коммиссіи, учрежденной при министерствѣ, подъ предсѣдательствомъ товарища министра.

Почти три года спустя, 23-го сентября 1889 года, курсы были вновь возстановлены, но съ существенными измѣненіями со стороны какъ научно-учебной, такъ и административной.

Число желающихъ получить образованіе на высшихъ женскихъ курсахъ съ каждымъ годомъ растетъ, и въ текущемъ учебномъ году число прошеній о пріемѣ достигло 500, вслѣдствіе чего министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ увеличить комплектъ слушательницъ съ 400 до 600. Когда же и этотъ комплектъ оказался далеко недостаточнымъ, попечитель с.-петербургскаго учебнаго округа разрѣшилъ принять еще нѣкоторое число сверхъ комплекта. Благодаря этому, въ нынѣшнемъ учебномъ году поступило на первый курсъ 279 человѣкъ, а общее число слушательницъ достигло 695. Но и при этомъ 212 прошеній о пріемѣ не были удовлетворены.

Нѣсколько полнѣе данныя о положеніи *средней* школы. Общее количество среднихъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній въ настоящее время—898. Изъ нихъ: мужскихъ гимназій—177, прогимназій—58, реальныхъ училищъ—104, духовныхъ семинарій—55, духовныхъ мужскихъ училищъ—186; женскихъ гимназій—163, духовныхъ епархіальныхъ женскихъ училищъ—61; институтовъ и женскихъ гимназій (вѣдомства Императрицы Маріи)—60; военныхъ съ общеобразовательнымъ курсомъ—34.

Въ 555 учебныхъ заведеніяхъ гражданскаго вѣдомства обучаются 150.385 чел.: 87.411 мужчинъ и 62.974 женщины. Одинъ мужчина, учащійся въ средней школѣ, приходится на 780 душъ мужскаго пола; одна женщина—на 1,100 душъ женскаго пола.

Интересно сопоставить количество учащихся въ средней школѣ теперь и прежде. Относящіяся сюда данныя имѣются только за десятилѣтіе 1885—1894 гг. и только по одному вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія. Данныя показываютъ, что въ 1885 году въ мужскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ обучалось 72.592 человѣка, а въ 1894 г. число это уменьшилось до 63.004, т.-е. на 9.588 человѣкъ. Въ реальныхъ училищахъ, за тѣ же годы, наоборотъ, число учащихся увеличилось съ 20.517 до 23.555, т.-е. на 3.038 человѣкъ. Въ женскихъ гимназіяхъ также наблюдается приростъ учащихся. Въ первый изъ сравниваемыхъ годовъ учащихся было 35.205 человѣкъ, во второй ихъ стало 45.544 человѣка, т.-е. на 10.339 человѣкъ больше. Общій же выводъ о среднеучебныхъ школахъ можетъ быть резюмированъ въ слѣдующихъ положеніяхъ:

1) Количество учащихся въ мужскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ за послѣднія 10 лѣтъ значительно сократилось, въ реальныхъ училищахъ оно немного увеличилось, — однако, не покрывъ недочета въ общемъ числѣ учениковъ среднихъ школъ. Количество учащихся въ женскихъ среднеучебныхъ школахъ увеличилось.

2) Увольненіе ихъ за малоуспѣшность, дурное поведеніе и невзносъ платы за ученье выражалось въ довольно крупныхъ цифрахъ.

3) Сословное распредѣленіе въ гимназіяхъ, прогимназіяхъ и реальныхъ училищахъ за послѣднія 12 лѣтъ измѣнилось въ томъ направленіи, что въ первыхъ увеличился процентъ дѣтей дворянъ и чиновниковъ, а во вторыхъ, обратно, % дѣтей сельскихъ сословій.

Низшая школа представлена лучше другихъ, но свѣдѣнія о ней разбросаны по выставкѣ, что не позволяетъ составить сколько нибудь цѣльное представленіе. Но есть крайне любопытные экспонаты, въ числѣ которыхъ первое мѣсто занимаетъ маленькая карта Европейской Россіи, составленная извѣстнымъ педагогомъ А. Острогорскимъ и экспонируемая въ казенныхъ витринахъ Нижегородской выставки. Она названа «Картой начальнаго образованія».

Она напечатана, говоритъ корреспондентъ «Нов. Врем.», разными тонами синей краски такъ, что мѣстности обозначены тѣмъ гуще по цвѣту, чѣмъ меньше учащихся, и тѣмъ свѣтлѣе, чѣмъ больше ихъ. Всѣхъ тоновъ семь; идеальнѣйшіе по просвѣщенію пункты по картѣ тѣ, въ которыхъ приходятся болѣе 6 учащихся на 100 жителей; такихъ эдемовъ въ Европейской Россіи только два—вся Финляндія и Лифляндская губернія; далѣе слѣдуютъ мѣстности, до чрезвычайности разнообразныя по числу учащихся и грамотныхъ. Такъ, вторую ступень составляютъ губерніи, въ которыхъ есть отъ 5 до 6 учащихся на сто жителей. Нисколько не удивительно, что къ такимъ губерніямъ относятся Эстляндія и Курляндія, но удивительно, что рука-объруку съ этими культурными идетъ губернія Таврическая и она одна единственная во всей Европейской Россіи не отстаетъ отъ просвѣщенія нѣмцевъ и латышей.

Читатель навѣрно думаетъ, что сейчасъ рѣчь пойдетъ о россійскихъ столичныхъ губерніяхъ; но не одна Таврическая губернія оставила ихъ за флагомъ! Впереди два оазиса, два чуть-чуть сизыхъ пятнышка среди огромныхъ пустырей синихъ и зловѣще темныхъ — губерніи Ярославская и Саратовская,—въ нихъ есть отъ 4 до

5 учащихся на 100 жителей. Эти двѣ просвѣщеннѣйшія мѣстности Россіи тянутъ другъ другу руки чрезъ пустыри исконной Руси—чрезъ Владиміръ, Москву и Рязань, пункты историческіе, промышленные, черноземные. Значительная часть Петербургской, цѣликомъ губерніи Новгородская, Тверская, Смоленская, Калужская, Тульская, Орловская, Владимірская, Рязанская, Тамбовская и губернія Московская между собой равны, имѣя отъ 3 до 4 учащихся на сотню жителей. Большинство великороссійскихъ губерній, составляющихъ Россійскую имперію, съ Московской во главѣ, въ дѣлѣ народнаго образованія идутъ рядомъ, ни на вершокъ не обгоняя ледяныя страны Кеми, Печоры и самоѣдовъ.

Большая часть карты измазана совсѣмъ темной краской, указывающей, что тамъ и тамъ всего отъ 2 до 3 учащихся на 100 жителей, здѣсь еще чернѣе и еще темнѣе, менѣе одного учащагося. Совсѣмъ черно въ Уральской области и далѣе.

Изъ другихъ данныхъ интересны свѣдѣнія о *воскресныхъ школахъ въ глуши*.

«До сихъ поръ,— говоритъ корреспондентъ «Рус. Вѣд.»,— мы встрѣчались съ типами городскихъ воскресныхъ школъ. Безкорыстный трудъ въ нихъ учительницъ казался намъ въ высшей степени трогательнымъ: работать цѣлую недѣлю, имѣть единственный свободный день и отдавать его ближнему—вѣдъ это цѣлый подвигъ. Но въ павильонѣ воскресныхъ школъ на Нижегородской всероссійской выставкѣ намъ пришлось натолкнуться на факты, еще болѣе трогательные. До насъ доходили слухи, будто и въ селахъ, какъ въ городахъ, существуютъ безкорыстныя труженицы, которыя отдаютъ свой воскресный досугъ меньшей братіи; но намъ казалось это почти невѣроятнымъ: въ городѣ такъ много интеллигентныхъ силъ, такъ легко составить кружокъ или даже общество, а въ деревнѣ!.. учить одному нѣсколько десятковъ людей, людей серьезныхъ, взрослыхъ, предъявляющихъ различныя требованія, — вѣдь это почти невозможно. Но жизнь часто разрѣшаетъ вопросы, кажущіеся въ теоріи невозможными. Въ павильонъ воскресныхъ школъ являлись почти ежедневно три молодыхъ дѣвушки, сельскія учительницы, очевидно весьма дружныя между собою. Онѣ подолгу оставались въ этомъ павильонѣ, перечитывая отчеты, разсматривая ученическія тетради и тихо дѣлясь между собою впечатлѣніями. Дѣвушки были очень скромны и молчаливы съ посторонними, но частыя посѣщенія мало-по-малу сблизили ихъ съ представительницами отдѣла воскресныхъ школъ, и вотъ, что пришлось узнать о нихъ. Всѣ три дѣвушки учились въ одномъ учебномъ заведеніи и были дружны со школьной скамьи. По окончаніи гимназіи двѣ изъ нихъ нашли мѣста учительницъ въ маленькомъ уѣздномъ городкѣ, въ народной школѣ, а третья поѣхала въ село, отстоящее отъ города на 9 верстъ. Но дружба ихъ продолжалась по-прежнему; онѣ часто видѣлись, много говорили о любимомъ школьномъ дѣлѣ. Въ одной изъ нихъ возбуждало чувство состраданія сосѣднее село, въ которомъ не было буквально ни одного грамотнаго. Гуманныя чувства другихъ двухъ привлекала къ себѣ тюрьма маленькаго города, полная мрака и невѣжества. «Не этотъ ли мракъ натолкнулъ ихъ на преступленія?» — думалось учительницамъ, и онѣ рѣшили устроить школу въ тюрьмѣ. Но третья осталась вѣрна тому селу, гдѣ не было ни одного грамотнаго, и организовала свою воскресную школу тамъ при помощи мѣстнаго священника, въ которомъ нашла сочувствіе къ доброму дѣлу, и онѣ вмѣстѣ собрали сходъ, чтобы поговорить съ крестьянами о школѣ. Сна-

чала предложеніе это было встрѣчено недовѣрчиво. «Кому платить за это и сколько?»—было первыми вопросами. Но мало-по-малу крестьяне повѣрили искреннему слову и согласились на воскресную школу, согласились даже на нѣкотораго рода жертву, а именно —дать подъ школу избу, отапливать ее соломой и посылать лошадь и телѣгу за учительницей. Учениковъ набралось до 30 человѣкъ: здѣсь были и малолѣтніе, и подростки, и взрослые— и сладить съ ними одному человѣку было не легко. Батюшку отвлекали часто приходскія требы, и приходилось заниматься въ одиночку. Тогда тріумвиратъ учительницъ рѣшилъ, что одна изъ городскихъ будетъ пріѣзжать по очереди въ село черезъ воскресенье. Проѣхать 10 верстъ въ метель и вьюгу въ легкомъ пальтишкѣ, на мужицкой клячѣ — дѣло не легкое, и одна изъ учительницъ поплатилась за это тифомъ. Какая-то благодѣтельная фея уѣзднаго городка была такъ тронута этимъ печальнымъ фактомъ, что анонимно прислала одну шубу на трехъ учительницъ. Впрочемъ, причиной тифа была прежде всего сырая, холодная изба, въ которой помѣщалась школа. Оправившись отъ тифа, учительница стала хлопотать у землевладѣльца о новомъ помѣщеніи для школы и онъ разрѣшилъ ей заниматься въ банѣ. Само собою разумѣется, что баню нельзя признать помѣщеніемъ, удобнымъ для школы, тѣмъ не менѣе, въ ней было тепло, и это оказалось настоящимъ благодѣяніемъ со стороны землевладѣльца. Но явилось новое горе: баню землевладѣлецъ позволялъ топить только дровами, а не соломой, что ложилось тяжелымъ бременемъ на крестьянъ. 10 изъ самыхъ прилежныхъ учениковъ выбыли изъ школы за невозможностью нести этотъ налогъ. Тогда, желая выгадать на лошадяхъ, учительница выпросила земскихъ лошадей, и число учащихся снова увеличилось. Школа въ тюрьмѣ шла своимъ чередомъ. Вначалѣ жутко было молодымъ дѣвушкамъ браться за учебу этихъ суровыхъ людей, но арестанты поняли все то добро, какое приносили имъ дѣвушки, и выражали глубокую признательность. Они называли ихъ «сестрицами», какъ называютъ солдаты на войнѣ «сестеръ милосердія»,—и занятія въ школѣ являлись для этихъ несчастныхъ настоящимъ праздникомъ. Такъ просуществовали уже два года эти двѣ скромныя школы, о которыхъ никто ничего не зналъ и, вѣроятно, никогда не узналъ бы, если бы съѣзды людей, работающихъ на одномъ поприщѣ, не служили для нихъ связующимъ звеномъ».

Грандіозный проектъ. Французскій инженеръ Флуранъ составилъ грандіозный проектъ соединенія посредствомъ канала Балтійскаго и Чернаго морей. По проекту, каналъ долженъ идти отъ Риги до Херсона и имѣетъ 64 метра (около 30 саж.) ширины на поверхности воды, 35 метровъ (около 15 саж.) по дну; глубина его $8^1/_2$ метровъ (около 4 саж.). Такимъ образомъ, по каналу можно будетъ проводить изъ одного моря въ другое самыя глубокосидящія суда, величайшіе броненосцы, какіе до сихъ поръ строились. Его общее протяженіе будетъ равняться 1.800 километрамъ. Каналъ будетъ идти по руслу Двины, Березины, а затѣмъ Днѣпра. Между Двиной и Березиной будетъ построенъ соединительный каналъ. Большое центральное озеро, около 250 гектаровъ пространства, въ болотахъ, тянущихся между Припетью и Березиной, будетъ тщательно сохраняться. Припеть будетъ канализирована, и съ помощью ея центральное озеро будетъ сообщаться съ Нѣманомъ и Вислой.

Расположеніе равнинъ на западѣ Россіи даетъ возможность привести этотъ каналъ въ исполненіе безъ внутреннихъ шлюзовъ и, тѣмъ не менѣе,

съ постояннымъ уровнемъ воды, регулируемымъ въ портахъ Риги и Херсона. Все пространство земли, по которому долженъ пройти каналъ, по геологическому строенію, занято породами, работы въ которыхъ не представляютъ никакихъ затрудненій. Кромѣ того, такъ какъ между этими породами преобладаетъ глина, то она предохранитъ берега отъ обрушенія вслѣдствіе просачиванія воды.

По всему протяженію канала въ главнѣйшихъ городахъ должны быть устроены гавани, именно въ Херсонѣ, Никополѣ, Александровскѣ, Екатеринославѣ, Кременчугѣ, Каневѣ, Переяславлѣ, Кіевѣ, Динабургѣ и Ригѣ. Далѣе помощью канализированія побочныхъ рѣчекъ каналъ можно соединить съ цѣлымъ рядомъ городовъ, какъ Черниговъ, Полтава, Житоміръ, и др.

Сила паденія воды дастъ возможность устроить электрическое освѣщеніе по всему каналу, и суда такъ же свободно будутъ плавать ночью, какъ и днемъ. Избытокъ же этой силы можно реализировать для поднятія судовъ, идущихъ въ канализированныя рѣки. Для проѣзда по каналу изъ Риги въ Херсонъ потребуется всего 6 дней, считая среднюю скорость 6 узловъ въ часъ. Каналъ, при работахъ сразу въ различныхъ мѣстахъ, можетъ быть оконченъ въ пять лѣтъ со дня начатія работъ.

Иниціаторы этого предпріятія желаютъ получить концессію на слѣдующихъ условіяхъ: правительство гарантируетъ 4 проц. дивиденда и 1 проц. погашенія. Концессія дается на 66 л.; государство получаетъ право безплатнаго провода по каналу военныхъ и транспортныхъ судовъ; оно получаетъ треть акцій общества.

Кабинетъ уголовнаго права. При петербургскомъ университетѣ существуетъ кабинетъ уголовнаго права. Кабинетъ ставитъ себѣ задачею собрать возможно полное число предметовъ, относящихся къ исторіи и современному состоянію наказанія вообще и лишенія свободы во всѣхъ его видахъ въ частности, для того, чтобы дать возможность наглядnаго ознакомленія съ этою областью. Помимо плановъ и моделей какъ самихъ зданій или частей ихъ, такъ и всякаго рода орудій, относящихся къ исполненію наказанія, или же фотографическихъ снимковъ разнаго рода, для кабинета имѣютъ огромную важность уставы и отчеты земледѣльческихъ колоній, ремесленныхъ пріютовъ, убѣжищъ для освобожденныхъ изъ заключенія, образцы продуктовъ арестантскаго труда, обыкновенно примѣняемаго въ данномъ мѣстѣ заключенія, свѣдѣнія объ участи освобожденныхъ (не совершилъ ли новаго преступленія, какое именно и черезъ сколько времени послѣ освобожденія), объ успѣхахъ обученія мастерству въ тюрьмѣ и т. п. Всѣ такого рода предметы и сообщенія могутъ быть направляемы по адресу: въ С.-Петербургъ, въ кабинетъ уголовнаго права при Императорскомъ с.-петербургскомъ университетѣ, и будутъ приняты съ благодарностью. Недавно завѣдующій кабинетомъ проф. Фойницкій издалъ каталогъ кабинета. Въ предисловіи къ этой брошюрѣ проф. Фойницкій разсказываетъ исторію возникновенія кабинета уголовнаго права. Въ іюнѣ 1890 года при с.-петербургскомъ международномъ пенитенціарномъ конгрессѣ организована была пенитенціарная выставка. При закрытіи ея, многіе бывшіе на ней предметы пожертвованы русскому правительству и поступили въ распоряженіе главнаго тюремнаго управленія. Имѣя въ виду огромную важность этихъ предметовъ для изученія тюрьмовѣдѣнія, проф. Фойницкій вошелъ съ представленіемъ въ юридическій факультетъ о томъ, чтобы эта богатая коллекція была пріобрѣтена университетомъ и положила бы начало для кабинета уголовнаго права, устройство котораго

весьма желательно въ учебномъ отношеніи. Юридическій факультетъ, вполнѣ раздѣляя эти соображенія, обратился съ ходатайствомъ, черезъ совѣтъ университета, къ господину министру народнаго просвѣщенія о разрѣшеніи устроить кабинетъ уголовнаго права, а одновременно съ этимъ ректоръ университета вошелъ въ сношеніе съ начальникомъ главнаго тюремнаго управленія, тайн. совѣтн. М. Н. Галкинымъ-Врасскимъ, о передачѣ означенной коллекціи университету. М. Н. Галкинъ-Врасскій отнесся къ этому ходатайству съ полнымъ сочувствіемъ и, получивъ согласіе г. министра внутреннихъ дѣлъ на передачу университету коллекціи, оставшейся отъ пенитенціарной выставки, немедленно извѣстилъ о томъ университетъ, обѣщая и впредь оказывать всевозможное содѣйствіе къ пополненію кабинета. Когда черезъ нѣсколько времени послѣ того, и со стороны г. министра народнаго просвѣщенія послѣдовало разрѣшеніе на открытіе кабинета, то приняты были мѣры къ приспособленію для кабинета соотвѣтствующаго помѣщенія; оно было вскорѣ готово, и въ концѣ августа уже оказалось возможнымъ перенести въ него пожертвованные предметы, временно находившіеся до того въ с.-петербургской одиночной тюрьмѣ гражданскаго вѣдомства. Въ настоящее время каталогъ кабинета обнимаетъ болѣе 1.000 названій предметовъ, драгоцѣнныхъ для иллюстраціи разныхъ сторонъ тюрьмовѣдѣнія. Конечно, настоящій составъ кабинета носитъ пока по необходимости нѣсколько случайный характеръ, и не всѣ стороны тюрьмовѣдѣнія представвены имъ равномѣрно и съ одинаковою полнотою. Наиболѣе пробѣловъ представляетъ историческій отдѣлъ, а также отдѣлы русскихъ мѣстъ заключенія и русскихъ исправительно-воспитательныхъ заведеній для малолѣтнихъ. Но можно надѣяться, что, при просвѣщенномъ содѣйствіи лицъ, кому дороги интересы науки, этотъ пробѣлъ будетъ въ недалекомъ будущемъ пополненъ. Порядокъ размѣщенія предметовъ въ кабинетѣ слѣдующій: правая сторона и задняя стѣна залы заняты русскимъ отдѣломъ; онъ начинается губернскими тюрьмами, за которыми слѣдуютъ пересыльный отдѣлъ, нерчинская и сахалинская каторга. Съ лѣвой стороны помѣщаются иностранныя тюрьмы общаго и одиночнаго заключенія; середину залы, какъ бы раздѣляемую на 2 части моделью памятника великому филантропу и отцу пенитенціарныхъ наукъ Говарду, занимаютъ исправительныя заведенія для малолѣтнихъ преступниковъ. Въ самомъ началѣ залы помѣщена закрытая витрина съ фотографіями, альбомами и планами различныхъ пенитенціарныхъ учрежденій, а открытыя витрины съ фотографіями изъ разныхъ сторонъ тюремнаго быта, какъ тюремъ западныхъ, такъ и русскихъ, нашли себѣ мѣсто въ разныхъ частяхъ залы. На стѣнахъ развѣшены нѣкоторыя карты изъ той богатой коллекціи, которая поступила отъ главнаго тюремнаго управленія. Съ 1894 г. къ этому хранилищу разнообразныхъ предметовъ по исторіи наказанія и современному состоянію тюрьмовѣдѣнія, помѣщающемуся въ зданіи jeu de Paume, прибавлено совѣтомъ университета отдѣльное помѣщеніе (въ главномъ зданіи), собственно для занятій студентовъ, въ которомъ испытывалась крайняя нужда, такъ что нынѣ кабинетъ уголовнаго права состоитъ изъ двухъ частей: музея и собственно кабинета. Въ послѣднемъ помѣщается библіотека по уголовному праву, постепенно возрастающая. Съ октября 1895 г. введены въ кабинетѣ вечернія занятія для студентовъ.

Проказа на югѣ Россіи. Намъ уже приходилось отмѣчать существованіе проказы въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи, какъ, напр., въ Лифляндіи и

Петербургской губерніи. Оказывается, что эта ужасная болѣзнь не имѣетъ особаго очага, а, такъ сказать, разсѣяна повсюду. Въ астраханскихъ газетахъ находимъ по этому вопросу нѣсколько любопытныхъ свѣдѣній.

Регистрація прокаженныхъ въ Астрахани, добровольно принятая на себя мѣстными газетами, каждый день почти записываетъ новыя жертвы. «Астрах. Лист.» сообщаетъ, что на взморьѣ, въ такъ называемомъ «Черномъ рынкѣ» (небольшой рыбацкій поселокъ) проживаетъ цѣлое семейство прокаженныхъ крестьянъ К., промышляющее рыбной ловлей чуть ли не съ самаго основанія означеннаго поселка. Глава семейства—отецъ — скончался уже давно, имѣя отъ роду болѣе 97 лѣтъ. Онъ умеръ проказою, которою заразился только въ послѣдніе дни жизни. Между тѣмъ жена его умерла въ нынѣшнемъ году, имѣя 110 лѣтъ отъ роду, не зараженная проказою. Въ семействѣ этомъ страдаютъ проказою лѣтъ уже восемь трое пожилыхъ сыновей, изъ которыхъ старшій, женившись, года съ два тому назадъ, заразилъ свою жену. Къ счастью, дѣтей у нихъ до сихъ поръ нѣтъ. Кромѣ означенныхъ, прокаженные есть еще въ селѣ «Лагани», среди мѣстныхъ рыбаковъ, преимущественно калмыковъ, и во многихъ окрестныхъ поселкахъ и мѣстечкахъ.

Проказа обнаружена также въ Терской области, въ станицѣ Александрійской, гдѣ насчитывается до 20 чел. тяжко больныхъ проказой и столь же въ легкой формѣ. По этому поводу д-ръ Козловскій помѣстилъ въ «Казбекѣ» обширную статью, въ которой, на основаніи своихъ изслѣдованій и долголѣтней практики среди прокаженныхъ, доказываетъ, вопреки распространенному взгляду, что проказа вовсе не заразительна, а только наслѣдственна. Въ подтвержденіе своего оригинальнаго вывода, д-ръ Козловскій приводитъ слѣдующіе любопытные факты:

«Допустимъ, что мнѣ невмѣнима проказа, что прислуга, подъ вліяніемъ медленно воспринимаемой заразы, привыкла, иммунировалась; но почему никто изъ сотенъ работниковъ, извѣстныхъ мнѣ въ 1864 г., встрѣчаемыхъ потомъ неоднократно, не заразился отъ своего хозяина, страдавшаго проказою и прилагавшаго всѣ старанія заразить кого-либо изъ нихъ,—не объяснитъ мнѣ никто даже изъ самыхъ ярыхъ приверженцевъ заразительности этой болѣзни. Фактъ этотъ настолько рельефно выдѣляетъ проказу изъ числа заразительныхъ болѣзней, что его исторію рѣшаюсь повторить вкратцѣ.

Предварительно, однако, не мѣшаетъ знать, что проказа, долго длящаяся, тяжкая по своимъ проявленіямъ, весьма часто извращаетъ душевныя качества больныхъ и настолько озлобляетъ, что они стараются сообщить свою болѣзнь окружающимъ, для чего напрягаютъ всѣ способности, изощряютъ всѣ силы съ настойчивостью, достойною лучшей цѣли. Близъ Наура, на собственномъ хуторѣ, въ 1864 году проживалъ войсковой старшина М. Е., страдавшій, приблизительно, съ 1850 г. Безобразіе лица, отвращеніе состаничниковъ заставили его укрыться на хуторъ къ калмыкамъ, гдѣ М. Е., человѣкъ относительно развитой, почти одичалъ и озлобился на все человѣчество. Рабочаго люда у него бывало по 50 и больше человѣкъ, особенно лѣтомъ, различныхъ національностей, возраста и пола,—почва, значитъ, самая подходящая, на которой М. Е. многіе годы производилъ свои опыты. Онъ охотно дарилъ носильное бѣлье, одежду, обувь рабочимъ и ихъ семьямъ; дѣтишекъ лакомилъ предварительно обсосанными лично леденцами; пробовалъ чай изъ котла (калмыцкій): «хлебнетъ это, говорили,

разъ-другой ложкою и не дохлебокъ незамѣтно выльетъ въ котелъ»; кумысъ отвѣдывалъ прямо изъ чашки и тутъ же передавалъ рабочему; водки изъ рюмки обыкновенно попробуетъ и заставитъ другого выпить всю рюмку; всего же чаще баловалъ «цыгарками», вѣрнѣе, ихъ недокурками. Рабочіе не гнушались, хотя подозрѣвали умыселъ, но не подавали вида, работы ради: пили охотно чай, водку, кумысъ, докуривали цыгарки и, насколько мнѣ извѣстно, не заражались; женщины и дѣвки христосовались и тоже не заражались.

«Въ ст. Галюгаевской мнѣ довелось провести двѣ недѣли на указанной по наряду квартирѣ у вдовы Ч., весьма услужливой старушки, страдавшей около 15 лѣтъ проказою. Послѣдняя успѣла обезобразить лицо, разрушила носъ, а нёбо, язычекъ и весь зѣвъ превратила въ сплошную язву. Старушка эта радушно предлагала мнѣ яйца, цыплятъ—единственные продукты, которыми исключительно приходилось питаться по станицамъ. Впослѣдствіи только я узналъ, что радушіе моей любезной хозяюшки проистекало изъ далеко неблаговиднаго источника — старанія привить мнѣ проказу. 32 года протекло, а проказа на мнѣ не проявилась».

Не будемъ спорить съ почтеннымъ авторомъ насчетъ незаразительности проказы, хотя этотъ вопросъ не долженъ бы оставаться спорнымъ, по крайней мѣрѣ въ средѣ спеціалистовъ, которыхъ у насъ не мало, не будемъ спорить тѣмъ болѣе, что самъ авторъ признаетъ необходимымъ образованіе особыхъ «выселковъ» для больныхъ проказою въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ они находятся.

Затѣмъ южныя газеты сообщаютъ о проказѣ въ Херсонской губерніи, гдѣ зарегестрированъ цѣлый рядъ характерныхъ случаевъ проказы. Въ мѣстную губернскую больницу поступили воспитанникъ реальнаго училища Павловскій, пораженный лепрой съ 9-ти лѣтъ, и дѣвушка-крестьянка. Въ Очаковѣ врачебнымъ инспекторомъ Гошкевичемъ явленіе проказы обнаружено у двухъ женщинъ и одного мужчины—еврея. Всѣ они заражены проказой не первый годъ, обращались въ свое время ко многимъ врачамъ, испробовали на себѣ всякія лѣчебныя и врачебныя средства, но попытки къ излѣченію остались безуспѣшными. М. И. Гошкевичъ предложилъ названнымъ больнымъ переселиться въ существующую въ Петербургской губерніи спеціальную колонію для прокаженныхъ. Больные не согласились, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что они являются исключительными работниками на свои семьи и не могутъ оставить на произволъ судьбы своихъ дѣтей. По провѣркѣ оказалось, что обѣ паціентки, помимо домашняго хозяйства, имѣютъ кой-какое торговое дѣло, а паціентъ изъ мужчинъ занимается ремесломъ. Докторъ Гошкевичъ, въ виду отказа послѣднихъ изолировать себя въ колоніи прокаженныхъ, рекомендовалъ мѣстному приставу, по возможности, предупредить столкновеніе прокаженныхъ и общеніе ихъ съ населеніемъ. Самимъ паціентамъ былъ объясненъ характеръ ихъ болѣзни и возможность передачи проказы другимъ. Въ Очаковѣ, по заявленію городского врача, имѣются еще два прокаженныхъ: одинъ изъ нихъ землевладѣлецъ, проживающій въ собственномъ имѣніи въ 18 верстахъ отъ Очакова, другая въ настоящее время находится на излѣченіи въ одесской городской больницѣ.

Свободными отъ проказы можно считать пока верхнее и среднее Поволжье, хотя и здѣсь отдѣльные случаи ея замѣчались. Что же касается Сибири, Архангельской губ., Прибалтійскаго края, Кавказа и юга, то здѣсь проказа существуетъ, какъ постоянная болѣзнь, распространенная въ значительной степени.

Новая сѣверная линія желѣзной дороги. Развивающаяся торгово-промышленная дѣятельность Россіи вызвала необходимость цѣлаго ряда новыхъ желѣзнодорожныхъ линій. Одною изъ самыхъ замѣчательныхъ является линія Вологодско-Архангельская, проходящая по самымъ дикимъ мѣстамъ, пересѣкая вѣковую тундру, гдѣ до сихъ поръ олень былъ единственнымъ вьючнымъ животнымъ. Длина этого пути составляетъ 596 верстъ. Всю минувшую зиму на линіи работало до 10 тысячъ человѣкъ на разныхъ отрасляхъ сооруженія.

Избрано кратчайшее разстояніе отъ Вологды до Архангельска, т.-е. линія съ самыми незначительными искривленіями, почти совпадающая съ меридіаномъ. Намѣченное такимъ образомъ направленіе проходитъ по мѣстностямъ, мало и даже совсѣмъ не населеннымъ; изысканія приходилось вести или пробивая по глухому необитаемому лѣсу просѣку, направляясь по компасу, или проходить глубокія, разстилающіяся на много верстъ трясины. Приходилось вступать въ области, гдѣ никогда не была нога человѣческая, въ огромныя пространства вѣковыхъ лѣсовъ, которымъ, казалось, нѣтъ и края. Завѣдывающіе изысканіями дѣлали строгія распоряженія, чтобы рабочіе отнюдь не отбивались отъ партій, такъ какъ отбившійся рисковалъ заблудиться въ однообразіи и безвыходности лѣсной глуши. Такое распоряженіе было вполнѣ цѣлесообразно, такъ какъ уже былъ случай, что одинъ изъ партіи отбился въ сторону и не могъ возстановить вѣрнаго направленія; между тѣмъ наступила ночь, и несчастный, пробродивъ двое сутокъ, прибился, наконецъ, къ какой-то отдаленной деревушкѣ, полупомѣшанный отъ страха и отъ подавляющаго впечатлѣнія чего-то гигантскаго въ этой дикой мѣстной природѣ. Другое затрудненіе какъ для изысканій, такъ и для постройки составляли постоянно встрѣчавшіяся по пути болота. Наибольшее изъ нихъ — мошинское болото начинается на 337 верстѣ отъ Вологды и тянется вдоль линіи на протяженіи 23 верстъ. Болото имѣетъ такую топкую трясину, что идти по ней возможно не иначе, какъ по настланнымъ длиннымъ жердямъ или полубревнамъ. Въ одномъ мѣстѣ такой переходъ тянется на 9 верстъ; 9 верстъ приходится идти по качающимся на зыбкой почвѣ тремъ, мѣстами и двумъ жердямъ—только куда ногу поставить съ увѣренностью, что ступить въ сторону значитъ немедленно быть втянутымъ на 10-аршинную глубину. Мошинское болото пересѣкается рѣкою Мошей и ея притоками, но такъ какъ дно этихъ рѣчекъ значительно выше дна болота, то исчезаетъ послѣдняя возможность осушить его. Въ строительномъ отношеніи болота представляли большую трудность и не мало задерживали успѣшность постройки, такъ какъ насыпи, возводимыя на болотахъ, хотя и насыпались по настилу, все же проваливались по нѣсколько разъ; подходящаго грунта для засыпки вблизи не было, а имѣвшаяся на мѣстѣ иловая глина расползалась во всѣ стороны, доставлять же балластъ явилась возможность только послѣ соединенія рельсовымъ путемъ болотъ съ песчаными карьерами. Наконецъ, большое затрудненіе какъ при изысканіяхъ, такъ и во время постройки представляла слабая населенность мѣстности, особенно сѣверной ея части. Собственно населенною можносчитать только мѣстность отъ Вологды до Сухоны, т. е. на 30 верстномъ протяженіи; тутъ вдоль полотна тянутся воздѣланныя поля и заливные покосы. За Сухоной линія вступаетъ въ лѣсную мѣстность, пересѣкаемую болотами, поселенія попадаются здѣсь черезъ 30—35 верстъ и представляютъ группы отъ 5—7 деревень, составляющихъ

волость. Въ предѣлахъ Олонецкой губерніи населеніе еще болѣе рѣдѣетъ, линія вступаетъ сперва въ мошинскія болота, среди которыхъ, на возвышеніи, какъ бы на островѣ, расположенъ Шалакумскій погостъ, состоящій изъ трехъ деревушекъ, дворовъ по 12 каждая, а затѣмъ (380 верстъ отъ Вологды) идутъ безпрерывные крупные лѣса, безъ всякаго поселенія, переходящіе въ Архангельскую губернію. Населенныя мѣста находятся здѣсь лишь по большому почтовому петербурго-архангельскому тракту, пересѣкаемому желѣзной дорогой на 405 верстъ отъ Вологды. Въ общемъ здѣсь на 230 верстахъ линія встрѣчаетъ лишь одну деревушку въ 15 дворовъ и нѣсколько самоѣдскихъ юртъ. При вступленіи въ Архангельскую губернію линія прорѣзаетъ чудесный строевой лѣсъ, состоящій изъ гигантскихъ сосенъ, елей и лиственницъ, лѣсъ оживляется рѣчками совершенно горнаго характера съ чистой, какъ кристаллъ, водою и быстрымъ теченіемъ по камнямъ и порогамъ. Такая мѣстность тянется верстъ на 40—50. Затѣмъ линія спускается въ низины, и послѣднія, къ Архангельску, 150 в. идутъ почти сплошь болотами или тундрами, поросшими бѣлымъ мохомъ и мелкимъ соснякомъ, вышиною въ 2—3 аршина и толщиною въ 2—3 вершка; между этими карликами встрѣчаются такіе, которымъ по слоямъ насчитывается до 300 лѣтъ. Эти тундры, со своимъ бѣлымъ мхомъ, служатъ пріютомъ для кочевниковъ-самоѣдовъ, тѣмъ болѣе, что въ прилегающихъ лѣсахъ много дичи, въ тундрахъ же пасутся лоси и дикіе олени; но другихъ, кромѣ мха, подножныхъ кормовъ здѣсь уже нѣтъ, что составляло особое затрудненіе при изысканіяхъ: приходилось весь провіантъ нести на себѣ, устраивая особые смѣнные этапы, такъ какъ перевозка его на лошадяхъ, не говоря уже о трудности и даже невозможности для лошади пробраться болотами, вызывала еще необходимость везти фуражъ и для лошадей; а тамошняя низкорослая лошадь въ состояніи перевезти, на болѣе или менѣе значительное пространство, кормъ для себя самой. Значительное облегченіе въ ходѣ работъ и улучшеніе условій жизни на мѣстахъ ихъ производства было достигнуто устройствомъ вдоль линіи временной дороги, колесной на 350 слишкомъ верстъ и для верховой ѣзды на 500 верстъ. По проведеніи этой дороги по глухому, необитаемому лѣсу и по топкимъ болотамъ, просѣка обратилась въ оживленную работами артерію съ удобнымъ сообщеніемъ, съ правильно размѣщенными и вполнѣ хорошо обставленными пунктами: рабочими, административными, медицинскими и продовольственными. Устройство этихъ, такъ сказать, культурныхъ центровъ, имѣющихъ пока лишь временный характеръ, произвело уже теперь настолько оживляющее вліяніе на всю близлежащую окрестность, что общество Московско-Ярославско-Архангельской желѣзной дороги рѣшило обратить ихъ въ постоянныя учрежденія, имѣющія функціонировать и по окончаніи постройки дороги. Съ этою цѣлью приступлено къ устройству 11 станціонныхъ пунктовъ особаго типа: они будутъ доставлять пріѣзжающимъ издалека удобное помѣщеніе на болѣе или менѣе продолжительное время для людей и лошадей; при этихъ станціяхъ, расположенныхъ вдали отъ торговыхъ центровъ, будетъ производиться продажа, въ видахъ урегулированія мѣстныхъ цѣнъ, предметовъ первой необходимости: хлѣба, соли, керосина, овса, сѣна и т. п., а начальники этихъ станцій будутъ принимать коммиссію на выписку машинъ, орудій, сѣмянъ и другихъ принадлежностей для мѣстныхъ жителей.

Н. А. Потѣхинъ. (Некрологъ). Въ началѣ іюля скончался извѣстный драматургъ Николай Антиповичъ Потѣхинъ. Подобно брату своему Алексѣю Потѣхину,—говоритъ г. П. Быковъ въ «Нов. Врем.», — онъ былъ знатокомъ русской народной жизни, проявлялъ много наблюдательности, умѣнья схватывать характерныя черты этой жизни, былъ хотя и скромнымъ, но истиннымъ художникомъ и, горячо любя литературу, считалъ ее не ремесломъ, а прямымъ своимъ призваніемъ. Какъ драматургъ онъ не выдерживалъ строгой критики, но, тѣмъ не менѣе, въ его пьесахъ, изъ которыхъ многія заставили о себѣ говорить въ свое время, достаточно жизненной правды и видно превосходное знаніе сцены, не говоря уже объ ихъ литературности. Н. А. Потѣхинъ чувствовалъ большое тяготѣніе къ театру, самъ былъ нѣсколько лѣтъ актеромъ и очень недурно исполнялъ нѣкоторыя роли, наприм., роль Курчаева въ «Испорченной жизни» И. Е. Чернышева. Его театральныя рецензіи, всегда содержательныя, умныя и безпристрастныя, обличали въ немъ знатока своего дѣла, стараго мастера и не имѣли ничего общаго съ тѣмъ пустословіемъ, какимъ отличаются, за весьма немногими исключеніями, нынѣшніе отчеты о театрѣ. Вообще, Н. А. Потѣхинъ высоко держалъ знамя литературы и свято хранилъ старыя литературныя традиціи. Онъ былъ добрымъ и отзывчивымъ человѣкомъ, прекраснымъ товарищемъ. Николай Антиповичъ Потѣхинъ родился въ декабрѣ 1834 г., въ гор. Кинешмѣ, Костромской губерніи, и, окончивъ въ 1851 г. курсъ въ Костромской гимназіи, поступилъ на юридическій факультетъ московскаго университета. Еще на гимназической скамьѣ пробовалъ онъ свои силы въ творчествѣ, а будучи студентомъ, написалъ стихотвореніе патріотическаго содержанія по поводу окончанія крымской кампаніи, которое было прочтено въ Москвѣ на обѣдѣ въ честь севастопольскихъ героевъ и затѣмъ напечатано въ «Москвитянинѣ» Погодина. Впрочемъ, и ранѣе этого въ томъ же журналѣ появилось два-три произведенія его, безъ подписи имени. По окончаніи университетскаго курса Н. А. Потѣхинъ поступилъ на службу, служилъ чиновникомъ особыхъ порученій по акцизу, но служба его продолжалась недолго. Литературную дѣятельность свою Н. А. Потѣхинъ началъ очеркомъ «Шелководство Шемахинской губерніи и Царь-Абадская школа», напечатанномъ въ «Вѣстникѣ Промышленности», редакціи Ѳ. Чижова и И. К. Бабста, 1860 г.—плодъ его поѣздки на Кавказъ. Затѣмъ онъ сталъ сотрудничать въ «Русскомъ Словѣ» гр. Г. А. Кушелева-Безбородко, гдѣ напечатана очень талантливая повѣсть его изъ народнаго быта «Безталанный» и нравоописательные очерки «Родительская суббота» и въ «Сѣверной Пчелѣ» П. С. Усова, гдѣ помѣщены его «Отрывки изъ путешествія по Волгѣ» и другъ. Послѣ первыхъ литературныхъ дебютовъ Н. А. Потѣхина В. С. Курочкинъ пригласилъ его участвовать въ своей «Искрѣ», гдѣ и было напечатано нѣсколько сценъ его, очерковъ и разсказовъ, полныхъ юмора и подчасъ сатиры, довольно ѣдкой. Это были: «На Нижегородской ярмаркѣ», «Выборное начало», «Благотворители», «Весенняя любовь», «Фигуры откупной колоды», вошедшіе потомъ въ книгу «Наши безобразники», встрѣченную очень сочувственно въ печати. Помѣстивъ въ «Виленскомъ Вѣстникѣ» большой разсказъ «Мошка», изъ еврейской жизни, и въ «Эпохѣ» Достоевскаго—очеркъ «Уѣздное дитя», Н. А. Потѣхинъ почти закончилъ свою беллетристическую дѣятельность. Первымъ драматическимъ произведеніемъ его была комедія «Кто лучше?», шедшая на

сценѣ подъ заглавіемъ «Дока на доку нашелъ». Затѣмъ слѣдовали «Быль молодцу не въ укоръ», «Дядя Мартынъ носильщикъ» и «Врачъ-спеціалистъ», помѣщенные въ «Отечественныхъ Запискахъ» и «Эпохѣ». Затѣмъ послѣдовалъ нѣкоторый перерывъ въ его литературной дѣятельности. Н. А. Потѣхинъ отдался сценѣ, онъ игралъ, былъ режиссеромъ драматической труппы Н. Н. Дюкова въ Харьковѣ, игралъ въ Вильно и т. д. Съ 70-хъ годовъ имя его стало гремѣть, благодаря его пьесамъ, чрезвычайно эффектнымъ, въ которыхъ выведено было много живыхъ лицъ подъ довольно прозрачными псевдонимами. Эти пьесы его, напечатанныя въ «Дѣлѣ» Благосвѣтлова, «Нищіе духомъ», «Злоба дня», «Мертвая петля», «Богатырь вѣка» донынѣ не сходятъ съ репертуара и въ провинціи имѣютъ большой успѣхъ. Въ 1873 г. онъ помѣстилъ въ «Дѣлѣ» интересный разсказъ «Нѣмецкій хвостъ». Затѣмъ Н. А. Потѣхинъ писалъ, во время послѣдней русско-турецкой кампаніи, кореспонденціи съ театра войны, проведя эту кампанію въ Закавказьи По заключеніи мира онъ былъ театральнымъ рецензентомъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» Комарова, помѣщая статьи подъ псевдонимомъ Рцы Слово Твердо и этимъ и закончилась его литературная дѣятельность.

За границей.

Гарріетъ Бичеръ-Стоу, авторъ «Хижины дяди Тома». Въ іюлѣ умерла знаменитая американская писательница, авторъ романа «Хижина дяди Тома», знакомаго каждому изъ нашихъ читателей съ дѣтства. Полагаемъ, что нѣсколько біографическихъ данныхъ изъ жизни Бичеръ-Стоу будутъ не лишними именно теперь, когда вся западная и американская печать полна воспоминаніями о Гарріетъ Бичеръ-Стоу.

Въ концѣ 1851 года, въ одной изъ малоизвѣстныхъ вашингтонскихъ газетъ началъ печататься романъ подъ названіемъ «Хижина дяди Тома», принадлежащій перу какой-то совсѣмъ неизвѣстной писательницы, ничѣмъ еще не зарекомендовавшей себя въ американской литературѣ. «Хижину дяди Тома» ожидала участь, почти безпримѣрная въ лѣтописяхъ исторіи литературы. Вскорѣ послѣ своего появленія этотъ романъ разошелся въ 100.000 экземплярахъ и былъ переведенъ чуть ли не на всѣ европейскіе языки. Въ Америкѣ онъ вызвалъ цѣлую бурю и произвелъ колоссальное, почти ошеломляющее, впечатлѣніе, потому что появился какъ разъ въ то время, когда въ американскомъ обществѣ уже началось сильное движеніе противъ рабовладѣльчества. Это былъ самый подходящій моментъ для воззванія къ борьбѣ за освобожденіе человѣческой личности и для проповѣди состраданія къ тѣмъ, кого сила и законъ лишали всякихъ человѣческихъ правъ и низводили на степень вьючнаго скота. Гарріетъ Бичеръ-Стоу избрала такую тэму для своего романа, которая должна была привлечь на ея сторону всѣ лучшія симпатіи человѣчества въ обоихъ полушаріяхъ. Такъ и случилось въ дѣйствительности. Но до какой степени весь образованный міръ былъ пораженъ тогда этимъ смѣлымъ призывомъ къ борьбѣ съ системой, которая всѣмъ казалась прочно установленной и непоколебимой въ то время, доказывается лучше всего огромною массою памфлетовъ, книгъ, брошюръ, статей, посыпавшихся въ отвѣтъ на «Хижину дяди Тома». Одинъ списокъ названій всѣхъ этихъ книгъ

занимаетъ въ каталогѣ британскаго музея нѣсколько страницъ.

Гарріетъ Бичеръ-Стоу было уже 40 лѣтъ и она была матерью большихъ дѣтей, когда имя ея, благодаря появленію «Хижины дяди Тома», пріобрѣло громкую извѣстность по обѣимъ сторонамъ Атлантическаго океана. До этого она вела самую скромную незамѣтную жизнь, хотя давно уже выступала на литературномъ поприщѣ, какъ убѣжденная и страстная защитница женскаго образованія и уничтоженія рабства, но дѣятельность ея оставалась незамѣченной до сихъ поръ. Она родилась въ 1811 году, въ Питчфильдѣ, въ Коннектикутѣ. Отецъ ея былъ однимъ изъ извѣстнѣйшихъ богослововъ Сѣверной Америки и всю свою жизнь посвятилъ дѣлу религіозно-нравственнаго воспитанія народа. Онъ организовалъ миссіонерскія и разныя другія религіозныя общества и пріобрѣлъ извѣстность своими проповѣдями. Его сынъ, братъ Гарріетъ, также былъ извѣстенъ какъ общественный дѣятель и оказалъ огромныя услуги развитію культуры въ Америкѣ. Въ своихъ рѣчахъ онъ всегда затрогивалъ самые жгучіе современные вопросы, смѣло идя на перекоръ существующему общественному направленію. Онъ принималъ самое горячее участіе въ аболиціонистскомъ движеніи и много содѣйствовалъ своими публичными лекціями успѣху этого дѣла, привлекая общественное мнѣніе на сторону сѣверныхъ штатовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ имѣлъ вліяніе на свою сестру Гарріетъ, также примкнувшую къ аболиціонистскому движенію.

Домашняя обстановка способствовала развитію у Гарріетъ склонности къ литературѣ, такъ какъ и отецъ ея и мать серьезно занимались литературой. Отецъ написалъ нѣсколько замѣчательныхъ богословскихъ сочиненій, а мать—множество короткихъ повѣстей изъ американской жизни и исторіи. Старшая сестра Гарріетъ посвятила себя дѣлу воспитанія и также написала нѣсколько сочиненій по педагогическимъ вопросамъ. Она открыла школу въ Гартфордѣ (Цинциннати) и Гарріетъ занималась въ этой школѣ вплоть до замужества. Выйдя замужъ за богослова, бывшаго профессора семинаріи, Гарріетъ прекратила свою педагогическую дѣятельность и занялась литературой. Въ началѣ, какъ мы уже говорили выше, статьи ея проходили совершенно незамѣченными. Но когда появился ея романъ «Хижина дяди Тома», то общество тотчасъ же обратило на него вниманіе, такъ какъ онъ поражалъ всѣхъ искренностью и правдивымъ изображеніемъ жизни рабовъ. Рабовладѣльческій вопросъ уже назрѣвалъ въ то время и проповѣдническое произведеніе Гарріетъ встрѣтило подготовленную почву, что, разумѣется, и обусловило его безпримѣрный успѣхъ.

«Хижина дяди Тома» вызвала ярый протестъ со стороны рабовладѣльцевъ. На Бичеръ-Стоу посыпались проклятія и обвиненія въ искаженіи истины. Но писательница этимъ не смутилась и, выпустивъ въ свѣтъ, въ отвѣтъ на обвиненія, «Ключъ къ хижинѣ дяди Тома» (Ney to Uncle's Tom Cabin), доказала, что сюжетъ романа взятъ ею изъ жизни до самыхъ мельчайшихъ подробностей. Герой романа, дядя Томъ, также оказался на лицо. Это былъ нѣкто Генсонъ, освобожденный негръ, умершій только въ 1883 году на 93-мъ году жизни.

Журналъ, въ которомъ началъ печататься знаменитый романъ Бичеръ-Стоу, назывался «The National Era». Печатаніе романа растянулось почти на цѣлый годъ (съ іюня 1851 г. по апрѣль 1852), но когда онъ, немедленно по своемъ окончаніи, вышелъ отдѣльнымъ изданіемъ, то въ восемь недѣль разошелся въ 100.000 экземплярахъ. Въ Европѣ онъ появился

въ томъ же году, въ Лондонѣ, но лишь въ весьма небольшомъ количествѣ экземпляровъ, такъ какъ книгопродавцы не думали, чтобы описаніе негритянской жизни и проповѣдь въ пользу освобожденія негровъ, могли особенно заинтересовать европейское общество. Однако, разсчеты эти оказались невѣрными. Призывъ къ освобожденію человѣческой личности, къ возстановленію ея правъ, нашелъ сочувственный откликъ и въ Европѣ. Въ слѣдующемъ же году, въ Англіи было продано около милліона экземпляровъ этого романа. Во Франціи онъ красовался въ окнахъ всѣхъ книжныхъ магазиновъ. Романъ былъ немедленно переведенъ, кромѣ французскаго, на датскій, итальянскій, шведскій, испанскій, голландскій, фламандскій, польскій, нѣмецкій и мадьярскій языки. Итальянскій переводъ подвергся папскому запрещенію. Затѣмъ онъ былъ передѣланъ для сцены двадцатью различными авторами и много разъ заставлялъ театральную публику въ различныхъ городахъ Европы и Америки проливать слезы надъ страданіями негровъ. Впослѣдствіи романъ былъ переведенъ и на китайскій, японскій, арабскій, армянскій и др. языки.

У насъ, въ Россіи, романъ этотъ появился въ 1857 году, въ то самое время, когда въ русскомъ обществѣ назрѣвало рѣшеніе великаго вопроса освобожденія крестьянъ. Нечего и говорить, что романъ произвелъ огромное впечатлѣніе, такъ какъ обстановка и настроеніе русскаго общества очень подходили къ тѣмъ, которыя существовали въ Америкѣ, когда Бичеръ-Стоу писала свое произведеніе.

Бичеръ-Стоу нѣсколько разъ пріѣзжала въ Европу, такъ какъ помѣстила свою дочь въ Швейцаріи въ пансіонъ. Когда она въ первый разъ пріѣхала въ Англію, то ей была устроена настоящая тріумфальная встрѣча съ поднесеніемъ адреса отъ англійскихъ дамъ и т. п. Но природная скромность заставляла ее избѣгать большихъ собраній и чествованій. Въ послѣдній разъ она появилась въ публикѣ, пятнадцать лѣтъ тому назадъ, на празднествѣ, которое было устроено въ ея честь американскими издателями. Кромѣ того и слабое здоровье Бичеръ-Стоу заставляло ее жить въ уединеніи, хотя, не смотря на это, она все же дожила до глубокой старости и умерла 85 лѣтъ.

Своей популярности въ Европѣ и въ Америкѣ она много повредила въ послѣдніе годы своею несчастною статьею «The true story of Lady's Byron Life», въ которой возвела на знаменитаго поэта такія ужасныя обвиненія въ безнравственности, что вызвала негодованіе во всемъ образованномъ мірѣ и ожесточенную полемику въ печати. Чтобы оправдать свое заступничество за лэди Байронъ, Бичеръ-Стоу выступила съ новою статьей о томъ же самомъ предметѣ. Статья эта называлась «Lady Byron vindicated» (Отмщенная лэди Байронъ) и подтверждала новыми фактами всѣ прежнія обвиненія, взводимыя ею на Байрона. Но это все-таки не примирило съ нею общественное мнѣніе, взволнованное грязными разоблаченіями интимной жизни поэта, и для репутаціи Бичеръ-Стоу было бы лучше, если бы она не затѣвала байроновскаго скандала и не вмѣшивалась въ жизнь поэта. Конечно, такое вмѣшательство, принимая во вниманіе благородную личность Бичеръ-Стоу, можно объяснить лишь вліяніемъ пуританской среды, въ которой она выросла и прожила всю свою жизнь, и стремленіемъ къ возстановленію истины и къ защитѣ всѣхъ тѣхъ, кого она признавала несправедливо обиженными и угнетенными. Именно такою, несправедливо обиженною она и считала лэди Байронъ въ исторіи ея развода и въ ея жизни съ поэтомъ.

Какъ бы тамъ ни было, хотя эта исторія и бросаетъ нѣкоторую тѣнь на репутацію американской писательницы, все же Бичеръ-Стоу много принесла пользы своею проповѣдью въ защиту угнетенныхъ рабовъ, такъ что ей слѣдуетъ простить это прискорбное заблужденіе и помнить лишь, что она написала «Хижину дяди Тома»—произведеніе, благодаря которому ея имя можетъ быть поставлено въ ряду именъ многихъ великихъ борцовъ за освобожденіе человѣческой личности.

«Хижина дяди Тома» въ художественномъ отношеніи далеко не принадлежитъ къ разряду выдающихся твореній, да и не въ этомъ сила этого произведенія и его значеніе. Мы уже говорили, что тайна его безпримѣрнаго успѣха заключается въ его искренности и своевременности его появленія въ свѣтъ. Другія произведенія Бичеръ-Стоу также имѣютъ преимущественно лишь общественное значеніе и, въ художественномъ отношеніи, уступаютъ даже «Хижинѣ дяди Тома». Въ нихъ также описывается, большею частью, жизнь въ невольничьихъ штатахъ.

Въ заключеніе приводимъ слѣдующія строфы изъ стиховъ проф. Оливера Венделя Гольмса, написанныхъ въ честь Бичеръ-Стоу, по случаю семидесятилѣтія ея рожденія:

If every tongue that speaks her praise
For whom I shape my tinkling phrase
Were summaned to the table,
The vocal chorus, that would meet
Of mingling accents harch and sweet,
From every Gand and tribe, would beat
The polyglots of Babel.
Briton and Frenchman, Swede and Dane
Turk, Sponiard, Tartar of Ukraine
Hidalgo, Cossack, Cadi
High Dutchman and Low Dutshman, too,
The Russianserf, the Polish Sew,
Arab, Armenian and Mantchoo
Would shoot: «we know the lady!»

(Если бы всѣ народы, воспѣвающіе хвалу той, въ честь которой я слагаю свой звонкій стихъ, были бы приглашены къ этому столу, то хоръ смѣшанныхъ голосовъ собравшихся здѣсь народностей, изъ каждой страны и изъ каждаго племени, долженъ былъ бы далеко превзойти полиглотовъ Вавилонской башни. Британецъ, французъ, шведъ, датчанинъ, турокъ, испанецъ, татаринъ изъ Украины, гидальго, казакъ, кади, русскій крѣпостной и польскій еврей, арабъ, армянинъ и мадьяръ—всѣ бы крикнули въ одинъ голосъ: «Мы знаемъ ее!»).

Въ этихъ стихахъ извѣстнаго американскаго писателя, ученаго и поэта достаточно ярко выражается всесвѣтная популярность знаменитаго романа, исторія котораго указываетъ, какъ много значитъ для литературнаго произведенія, какія цѣли оно преслѣдуетъ, какими чувствами руководствовался авторъ, выпуская его въ свѣтъ, и на сколько своевременно его появленіе.

Развитіе литературы въ Чехіи. Нельзя составить себѣ вполнѣ яснаго понятія о литературной жизни чешскаго народа и о его интеллектуальной культурѣ, если не принять во вниманіе политическаго положенія Чехіи и ея особенныхъ условій существованія. Бывшее чешское королевство сложило свою голову на полѣ битвы при Бѣлой Горѣ (Bila Hora), близъ Праги, въ 1620 году, когда Фердинандъ II Габсбургскій восторжествовалъ надъ возмущеніемъ чешскаго дворянства и покорилъ Чехію. Съ тѣхъ поръ чешская нація только прозябала и лишь движеніе, начавшееся въ Европѣ въ XVIII вѣкѣ, вызвало изъ дремоты чешскій народъ и возбудило въ нихъ новыя надежды и новыя стремленія. Это движеніе подготовило почву къ вліянію націоналистской идеи, которая такъ сильно проявила себя въ концѣ нашего вѣка. Славянскія народности Австріи, подъ вліяніемъ этой идеи, стали стремиться къ автономіи и Чехія оказалась во главѣ движенія, результатомъ котораго явилась большая напряженность національной жизни и интел-

лектуальной дѣятельности; чехамъ приходилось вести борьбу съ нѣмецкою гегемоніей, и хотя они до сихъ поръ еще не достигли большихъ успѣховъ въ этомъ отношеніи, но самосознаніе ихъ укрѣпилось еще больше, благодаря такой борьбѣ, и чешскіе патріоты не отчаиваются въ конечной побѣдѣ чешской идеи. И дѣйствительно, чѣмъ хуже становится положеніе Чехіи въ политическомъ отношеніи, чѣмъ больше приходится страдать чехамъ отъ всевозможныхъ репрессалій и притѣсненій австрійскихъ властей, тѣмъ энергичнѣе они ведутъ борьбу и тѣмъ больше заботятся о своемъ интеллектуальномъ прогрессѣ. При каждомъ удобномъ случаѣ они стараются выставить на видъ успѣхи, достигнутые ими въ этомъ отношеніи. Такъ, народная добровольная подписка дала два милліона на устройство національнаго театра и въ 1891 году такимъ же путемъ была организована блестящая національная выставка въ Прагѣ, въ которой нѣмцы, однако, не приняли участія. Въ нынѣшнемъ году открыта въ Прагѣ большая этнографическая славянская выставка, единственная въ своемъ родѣ, цѣль которой — показать жизнь славянскаго народа въ чешскихъ провинціяхъ.

Во главѣ политической жизни Чехіи стоитъ теперь партія «младочеховъ», почти вытѣснившихъ съ политической сцены «старо-чеховъ», долгое время руководившихъ чешскою политикой. Старо-чехи всегда составляли главный элементъ оппортюнистскаго и консервативнаго правительственнаго большинства въ вѣнскомъ парламентѣ и, благодаря этому, постепенно лишались своей популярности, по мѣрѣ того, какъ разросталась и крѣпла національная идея. Чѣмъ болѣе падало вліяніе старо-чеховъ, тѣмъ больше народныя симпатіи склонялись на сторону младо-чеховъ, мало-по-мало завоевавшихъ себѣ выдающееся политическое положеніе въ странѣ. Младо-чехи представляютъ оппозицію австрійскому режиму, но, кромѣ того, они являются представителями демократическихъ и прогрессивныхъ идей и поэтому ихъ вліяніе на народную жизнь выразилась особенно въ томъ, что чешское общество стало воспріимчивѣе къ европейскимъ идеямъ. Интеллектуальное броженіе, обнаруживающееся въ Чехіи въ данную минуту, отражаетъ въ себѣ всѣ тенденціи, всѣ стремленія, возникающія заграницей и подготовляетъ, конечно, важныя перемѣны въ чешской народной жизни. Въ чешской литературѣ это броженіе выражается двумя теченіями, національнымъ и космополитическимъ, постоянно находящимися между собою въ борьбѣ и поперемѣнно берущими верхъ, создавая такимъ образомъ особенную ритмичность литературныхъ періодовъ. Каждый разъ, какъ только какая-нибудь западная литературная тенденція беретъ верхъ въ чешской литературѣ, вся она ассимилируется съ національной идеей и далѣе уже фигурируетъ подъ видомъ національной черты чешской литературы. Но затѣмъ въ Европѣ возникаютъ новыя тенденціи и въ чешскихъ литературныхъ кружкахъ начинаютъ опять раздаваться голоса, возстающіе противъ узкости чисто національной литературы, противъ литературнаго консерватизма. Въ чешскую литературу вводятся тогда новыя европейскія теченія, происходитъ нѣчто вродѣ литературнаго революціоннаго переворота, но затѣмъ національное направленіе опять беретъ верхъ и ассимилируетъ новое теченіе, налагая на него свой отпечатокъ, и снова начинаются протесты и антагонизмъ въ литературномъ лагерѣ и новое круговращеніе идей.

Такой круговоротъ особенно рѣзко былъ выраженъ до 1860 года; съ этого же времени наступила реакція

*

и уже европейскія теченія не такъ быстро поглощаются чешскою національною идеей. Въ молодомъ литературномъ поколѣніи все болѣе и болѣе обнаруживается стремленіе придать чешской литературѣ европейскій характеръ. Во главѣ новаго движенія, возникшаго послѣ 1860 года, стали Галень и Неруда. Послѣдній пріобрѣлъ извѣстность своими картинками пражской жизни, въ которыхъ романтизмъ переходитъ мѣстами въ реализмъ, что уже указываетъ на поворотъ въ литературномъ направленіи Чехіи, находившейся подъ сильнымъ вліяніемъ нѣмецкихъ романтиковъ. Литературное поколѣніе 1870 года указываетъ на еще большіе успѣхи космополитической тенденціи. Представителемъ этого направленія является Ярославъ Врислицкій, имѣвшій почти такое же вліяніе на эволюцію чешскаго поэтическаго языка, какое имѣлъ во Франціи Викторъ Гюго, взятый имъ за образецъ. Рядомъ съ Врислицкимъ слѣдуетъ поставить Святополка Чеха, написавшаго политическую поэму «Пѣсни раба», снискавшую ему огромную популярность, благодаря которой поэтъ былъ избранъ въ парламентъ. Но онъ отказался отъ депутатскихъ полномочій. Это литературное тріо завершаетъ Юліусъ Цетръ, послѣдній могиканъ романтизма. До нѣкоторой степени онъ можетъ быть названъ предшественникомъ существующаго нынѣ декадентскаго направленія въ чешской литературѣ.

Въ теченіе всего этого литературнаго періода преобладалъ эклектическій космополитизмъ, выразителемъ котораго являлись Врислицкій и Цетръ, но параллельно существовала такъ-называемая національная школа, представителями которой были Адольфъ Гейдукъ и Элиза Красногорская.

Въ послѣдніе годы усиліями чеховъ и безъ всякой помощи со стороны австрійскаго правительства основаны чешскій университетъ и академія наукъ и искусствъ. О національномъ театрѣ мы уже говорили. Все это не замедлило отразиться на чешскомъ литературномъ движеніи. Вліяніе прежнихъ идей, прежнихъ тенденцій мало-по-малу ослабѣвало и представители литературнаго періода послѣднихъ двадцати лѣтъ должны были уступить мѣсто новому поколѣнію, обнаруживающему новые художественные взгляды и идеи, болѣе современнаго характера, и желающему господствовать въ литературѣ. Въ настоящее время, какъ говоритъ авторъ статьи въ «Revue des Revues» о чешскомъ литературномъ движеніи, Ф. Крейчи, въ литературной области идетъ ожесточенная борьба, вызванная столкновеніемъ стараго и новаго литературнаго поколѣнія, совершенно чуждыхъ другъ другу. Однако между этими двумя противоположными литературными лагерями существуетъ промежуточный элементъ. Этимъ элементамъ служатъ реалисты, занимающіе мѣсто между парнасцами и эклектиками старой школы и импрессіонистами и декадентами, образующими новую школу. Натуралисты школы Зола не имѣютъ особенно многочисленныхъ сторонниковъ въ Чехіи, гдѣ больше по вкусу умѣренный реализмъ русской литературы.

Новая школа держится совершенно изолированно въ чешской литературѣ, но мало-по-малу завоевываетъ себѣ положеніе. Впрочемъ, собственно названіе школы къ ней не совсѣмъ подходитъ, такъ какъ она не имѣетъ общей программы и вся состоитъ изъ отдѣльныхъ кружковъ, группирующихся вокругъ отдѣльныхъ индивидовъ. Они сплачиваются лишь тогда, когда ихъ праву литературной свободы и критики угрожаетъ какая-нибудь опасность. Главнымъ органомъ, выражающимъ новыя тенденціи чешской современной молодежи, склоняю-

щейся теперь подъ вліяніемъ идей Ницше къ крайнему индивидуализму и декадентамъ, служитъ журналъ «Wozhledy», редакторомъ котораго состоитъ Іосифъ Пельцль.

Наибольшая сила чешскаго молодого литературнаго поколѣнія обнаруживается въ области критики, гдѣ особенно выступаютъ на сцену индивидуальныя и личныя тенденціи, находящіяся въ оппозиціи съ прежнею литературой и прежнею критикой. Пока еще эта молодая критика не выработала ни программы, ни системы и въ большинствѣ случаевъ идетъ по стопамъ Тэна и Ганнекена, но временами обнаруживаетъ склонность къ импрессіонизму Жюля Леметра и Анатоля Франса. Вообще современная французская литература оказываетъ большое вліяніе на чешскую литературу и чешская молодая критика преимущественно вдохновляется французскими образцами.

Самые молодые представители чешской поэзіи, декаденты и символисты, имѣютъ также свой собственный органъ, «Moderni Revue», который проповѣдуетъ послѣднія идеи бельгійскихъ, норвежскихъ и французскихъ символистовъ и декадентовъ, подражая этимъ послѣднимъ даже въ малѣйшихъ типографскихъ подробностяхъ. Чего-чего тутъ ни встрѣтишь! Сатанизмъ, символизмъ, аристократизмъ искусства, Верленъ, Малларме, Метерлинкъ и Ницше,—все это свалено въ кучу, безъ всякаго отношенія къ требованіямъ данной среды и жизни. Напыщенность, дѣланность и искусственность всей этой экзотической поэзіи, не имѣющей никакой связи съ чешскою жизнью, просто поражаетъ съ перваго раза. Однако, среди молодыхъ чешскихъ символистовъ, большею частью не переходящихъ за уровень посредственности, находится выдающійся поэтическій талантъ, Отокаръ Брезина, произведенія котораго поражаютъ глубиною своего символизма, религіозною экзальтаціей и грандіозными космическими перспективами, а также чрезвычайною мелодичностью стиха.

Быстрота, съ которою чешское молодое литературное поколѣніе было увлечено декадентскимъ движеніемъ, указываетъ все-таки, до какой степени возрасла связь чешской литературы съ современными европейскими тенденціями и какъ велика способность чеховъ къ усвоенію всѣхъ направленій, идущихъ съ Запада. Благодаря необычайной легкости, съ которою ассимилируются новыя идеи въ Чехіи, интеллектуальное движеніе страны обнаруживаетъ чрезвычайную подвижность, не дающую возможность кристаллизоваться болѣе или менѣе стойкимъ элементамъ, продуктамъ ея собственной почвы. Вотъ почему въ Чехіи до сихъ поръ еще не существуетъ національной литературы въ истинномъ значеніи этого слова. Но интеллектуальная жизнь Чехіи не только представляетъ отголосокъ всѣхъ идей, находящихся въ броженіи въ Европѣ; она интересна, какъ зрѣлище усилій и работы молодой, только-что народившейся націи, желающей наверстать то, что она потеряла въ теченіе двухъ вѣковъ упадка, и желающей достигнуть такого прогресса въ интеллектуальномъ отношеніи, который далъ бы ей право считаться, въ свою очередь, политическою величиной въ Европѣ.

Итальянская народная поэтесса, Ада Негри. Въ 1893 году, газета «Illustrazione Popolare» напечатала нѣсколько маленькихъ поэмъ, обратившихъ на себя вниманіе и возбудившихъ въ читающей публикѣ не только интересъ, но и восхищеніе. Въ стихахъ этихъ чувствовалось нѣчто новое, какая-то оригинальная сила и, вмѣстѣ съ тѣмъ, они были проникнуты самымъ глубокимъ пессимизмомъ. Имя, подписанное подъ этими

стихами: Ада Негри, рѣшительно никому не было извѣстно. Но заинтересованнымъ читателямъ удалось скоро разузнать, кто былъ авторъ стиховъ, такъ поразившихъ читающую публику. Оказалось, что ихъ написала молодая дѣвушка, очень бѣдная и проживающая со своею матерью въ небольшомъ селеніи, на берегахъ Тессина, притока По. Отецъ дѣвушки, рабочій, умеръ въ миланскомъ госпиталѣ, оставивъ семью безъ куска хлѣба. Вдова, мужественная женщина, не упала духомъ и поступила на фабрику въ Лоди, гдѣ проработала пятнадцать лѣтъ, изнуряя себя, чтобъ прокормить свою дочку и дать ей воспитаніе. Благодаря такому самоотверженію матери, Ада Негри все-таки получила кое-какое воспитаніе, дополняя чтеніемъ то, чего ей не хватало въ развитіи. Какъ только она достигла совершеннолѣтія, то немедленно поступила учительницею въ деревенскую школу и каждый день, въ деревянныхъ башмакахъ, она отправлялась туда, чтобы учить дѣтей грамотѣ.

Ада Негри—настоящая дочь народа. Она выросла въ очень бѣдной, почти нищенской, обстановкѣ, такъ что съ самаго рожденія терпѣла всѣ лишенія, которыя выпадаютъ на долю итальянскихъ поселянъ. Она научилась сочувствовать всѣмъ угнетеннымъ и обездоленнымъ, такъ какъ всю жизнь прожила среди нихъ. Понятно, что, когда она почувствовала въ себѣ поэтическое вдохновеніе, то принялась воспѣвать не любовь и красоту, какъ прочіе поэты, а горькія страданія, выпадающія на долю несчастныхъ, униженныхъ и оскорбленныхъ. Ея красивые и сильные стихи, дѣйствительно, хватаютъ за душу и заставляютъ звучать ея сокровенныя струны.

Всѣмъ показалось, что раздались новыя, еще неслыханныя доселѣ, слова и горячій призывъ молодой поэтессы къ сочувствію страдающимъ и угнетеннымъ, нашелъ тотчасъ же откликъ въ сердцахъ людей. Когда появился маленькій сборникъ стихотвореній Ады Негри, озаглавленный «Fatalità», то успѣхъ его былъ почти колоссальнымъ. Стихами этими зачитывались въ салонахъ, также какъ и въ мастерскихъ и имя автора было на языкѣ у всѣхъ. Въ Монте-Висконти организовалось настоящее паломничество; всѣ хотѣли видѣть народную поэтессу, жившую въ самой бѣдной обстановкѣ. Въ комнатѣ Ады Негри не было почти никакой мебели, кромѣ самой необходимой, и плохонькій ящикъ, сколоченный на живую руку изъ досокъ, замѣнялъ ей книжный шкафъ, гдѣ она хранила свои немногочисленныя литературныя сокровища. Когда Ада Негри сдѣлалась достаточно популярна и извѣстна, то литературное общество во Флоренціи, уступая давленію общественнаго мнѣнія, назначило ее профессоромъ литературы въ нормальной школѣ для молодыхъ дѣвушекъ, въ Миланѣ. Съ тѣхъ поръ жизнь Ады Негри вступила въ новый фазисъ. Недавно одинъ миланскій фабрикантъ сдѣлалъ ей предложеніе и свадьба ея составила цѣлое событіе въ Италіи, о которомъ очень много говорили. Но и выйдя замужъ, Ада Негри продолжала писать стихи и не такъ давно выпустила, подъ покровительствомъ итальянскаго поэта Кардуччи, новый томъ своихъ стиховъ, подъ заглавіемъ: «Tempeste». Этотъ новый сборникъ Ада Негри посвятила своей матери.

«Tempeste» произвели въ Италіи еще большее впечатлѣніе, нежели первые стихи Ады Негри, и обратили на себя вниманіе иностранныхъ критиковъ.

Что отличаетъ Аду Негри отъ всѣхъ прочихъ поэтовъ, такъ же, какъ и она, посвящающихъ свои стихи народному горю и страдающимъ, такъ это то обстоятельство, что она на себѣ

самой вынесла всю тяжесть горькой доли поселянина. Ада Негри знаетъ народъ, она все сама пережила и перетерпѣла съ нимъ, поэтому-то въ ея стихахъ и звучитъ такая правда и искренняя и горячая любовь къ народу и негодованіе противъ несправедливостей и притѣсненій, отъ которыхъ ему приходится страдать.

Въ первомъ ея сборникѣ, «Fatalità», картинки народной жизни чередуются съ описаніями природы, съ душевными изліяніями и мечтами о будущемъ. Но въ другомъ сборникѣ, «Tempeste», всѣ стихи служатъ отголоскомъ народнаго горя. Въ этомъ сборникѣ напечатано 60 стиховъ, изображающихъ съ изумительною яркостью жизнь несчастныхъ, побѣжденныхъ въ борьбѣ за существованіе, униженныхъ и страдающихъ, часто безропотно несущихъ свой тяжкій крестъ. Стихи Ады Негри проникнуты этимъ горемъ, но она нигдѣ не проповѣдуетъ возстанія и только возмущается противъ корыстолюбія и черствости богачей, которыхъ не трогаютъ вопли несчастныхъ и голодныхъ. Многіе, однако, ставятъ въ упрекъ Адѣ Негри однообразіе содержанія ея стиховъ и ихъ мрачный характеръ. Поль Гейзе въ «Deutsche Rundschau» возражаетъ на это критикамъ Ады Негри, что въ этихъ стихахъ она лишь остается вѣрна себѣ. Ее спасъ талантъ отъ нищеты и горя и теперь она окружена всеобщимъ энтузіазмомъ. Но она не можетъ забыть тѣхъ, въ средѣ которыхъ она прожила дѣтство и юность и дѣлила горе, и которые ждутъ теперь, такъ же какъ она нѣкогда ждала, проблеска свѣта и счастья.

Австралія и Новая Зеландія. Нигдѣ колонизаторскій геній англичанъ не проявлялся съ такою силою, какъ въ Австраліи и Новой Зеландіи, и нигдѣ, въ то же время, нельзя встрѣтить такого успѣшнаго примѣненія на практикѣ принциповъ и доктринъ, проповѣдуемыхъ въ Европѣ и существующихъ тамъ еще только въ теоріи. Поэтому-то Австралія и заслуживаетъ особеннаго вниманія европейцевъ, не только какъ превосходный образчикъ англійской колонизаціи, но и какъ центръ необычайно дѣятельнаго производства и мѣсто дѣйствія все возможныхъ соціальныхъ экспериментовъ. Заинтересованный Австраліей именно съ этой точки зрѣнія, французскій экономистъ Леруа Больё посѣтилъ ее, съ цѣлью на мѣстѣ ознакомиться какъ съ соціальною системой, дѣйствующею въ Австраліи и Новой Зеландіи, такъ и со всѣми особенностями и главными чертами этихъ колоній. Свои впечатлѣнія онъ изложилъ въ рѣчи, сказанной на обѣдѣ общества экономистовъ въ Парижѣ, и въ интересныхъ статьяхъ, напечатанныхъ объ этомъ же предметѣ въ «Revue des deux Mondes» и въ «Reforme Sociale».

Вся группа большихъ британскихъ колоній, называемая англичанами «Австралазіей», представляетъ необыкновенно однородный составъ своего колонизаціоннаго населенія, чѣмъ отличается отъ Соединенныхъ Штатовъ, гдѣ существуетъ такая смѣсь всевозможныхъ расъ; разницу въ колоніяхъ представляютъ только характеръ мѣстности, почвы и климата и туземнаго населенія, съ которымъ колонизаторамъ пришлось имѣть дѣло въ Австраліи и въ Новой Зеландіи. Острова Новой Зеландіи своими извилистыми контурами напоминаютъ европейскіе острова и у нихъ даже находятъ нѣкоторое сходство очертанія съ Италіей, оба острова поражаютъ своею грандіозною природой, высокими горами, ледниками и вулканами и чрезвычайно роскошною растительностью тамъ, гдѣ она не уничтожена вулканическими изверженіями. Но страннымъ образомъ эта

страна съ такою богатою растительностью была очень бѣдна животными до появленія европейцевъ. Изъ млекопитающихъ водились только собаки, да еще крысы; змѣй также не было, только ящерицы. Птицъ было много, но всѣ онѣ были довольно страннаго вида. Самою удивительною породою птицъ была «Моа», теперь уже совсѣмъ исчезнувшая. «Моа» была гигантскаго роста и бѣгала какъ страусъ, обладая, также какъ и онъ, лишь зачатками крыльевъ. Теперь громадныя кости и даже перья этой птицы находятъ во множествѣ въ разныхъ гротахъ и пещерахъ Новой Зеландіи и поэтому предполагаютъ, что порода эта исчезла лишь недавно. Леруа Больe видѣлъ въ музеяхъ новозеландскихъ городовъ скелеты этой птицы вышиною въ четыре метра и яйца длиною въ одинъ футъ. Въ настоящее время существуютъ только нѣсколько маленькихъ представителей этого угаснувшаго вида, Кивисъ или «Apteryx» и Века (weka), которые также не могутъ летать. Отсутствіе пѣвчихъ птицъ придаетъ нѣсколько меланхолическій характеръ лѣсамъ Новой Зеландіи, но за то лѣса эти изобилуютъ попугаями всевозможнаго вида. Одна изъ породъ попугаевъ «Кеа» можетъ служить примѣромъ чрезвычайно любопытной эволюціи инстинктовъ. Въ настоящее время это одинъ изъ самыхъ опасныхъ враговъ для овцеводовъ, онъ бросается прямо на спину животнаго, вырываетъ шерсть, раздираетъ мясо и прямехонько, безъ малѣйшаго колебанія добирается до жира, окружающаго почки, которымъ питается, не трогая другихъ частей животнаго. Овцеводство введено въ Новой Зеландіи менѣе столѣтія тому назадъ; до этого тамъ не было овецъ, и Кеа—птица мѣстнаго происхожденія—не могла питаться ничѣмъ инымъ, какъ только насѣкомыми; такая перемѣна въ образѣ питанія животнаго и образованіе у него новаго инстинкта, конечно, весьма любопытны.

Люди, населявшіе Новую Зеландію до прихода туда европейцевъ, были не менѣе странны чѣмъ животныя, растенія и почва этого острова. Полагаютъ, что маорійцы явились въ Новой Зеландіи лишь въ XIII вѣкѣ; на это указываютъ преданія и генеалогическія данныя, сохраняющіяся жрецами. Послѣ своей эмиграціи въ Новую Зеландію маорійцы измѣнили свой образъ жизни и стали свирѣпыми, также какъ и «Кеа». Въ Новой Зеландіи война никогда не прекращалась. Побѣжденныхъ враговъ, плѣнныхъ и мертвыхъ, съѣдали. Но, вѣроятно, отсутствіе млекопитающихъ также способствовало развитію людоѣдства, такъ какъ въ сравнительно холодномъ и сыромъ климатѣ острова, плоды и корни не могли составить достаточную пищу для людей, нуждавшихся въ животной пищѣ. Не смотря однако, на свою свирѣпость и на то, что они совершенно не вѣдали употребленія металловъ, маорійцы не были вполнѣ дикарями. Они разводили пашни, занимались пряжей изъ волоконъ одного растенія и при помощи каменныхъ топоровъ дѣлали такую тонкую рѣзьбу, что очень долго существовало мнѣніе, что употребленіе металловъ было имъ извѣстно, но они скрывали это. Дома предводителей и дома, гдѣ происходили собранія племени, были украшены тонкою рѣзьбой и инкрустированы перламутромъ. Въ Веллингтонскомъ музеѣ сохраняется одна такая стѣна въ 13 метровъ длиной, 5 шириною и 3,50 вышиной. Свое тѣло маорійцы украшали самою сложною татуировкой и на лицѣ предводителей красовались ихъ гербъ и ихъ генеалогія. Религія маорійцевъ имѣла миѳологическій характеръ и нѣкоторые изъ миѳовъ этой религіи довольно красивы. Небо, напримѣръ, называли супругомъ земли, проли-

вающимъ слезы (дождь) о разлукѣ съ нею, на что земля отвѣчаетъ вздохами (туманами).

Первыя встрѣчи европейцевъ съ этимъ умнымъ, но свирѣпымъ племенемъ, имѣли очень кровавый характеръ. Въ 1643 году экипажъ одного судна былъ весь перебитъ и до 1769 года никто не рисковалъ высаживаться въ Новой Зеландіи. Кукъ избѣгъ кровавой участи лишь благодаря своимъ ружьямъ, и съ той поры маорійцы мечтали только объ одномъ: какъ бы достать себѣ ружья. Это удалось имъ, когда они завязали сношенія съ китоловами. Войны между племенами стали послѣ этаго еще болѣе кровопролитными, но нѣкоторымъ изъ европейскихъ авантюристовъ удалось тогда завоевать симпатіи маорійцевъ и, поселившись между ними, усвоить собѣ ихъ нравы и обычаи. Туземцы называли ихъ «Pakehas-maoris», что означаетъ: иностранные маорійцы. Такіе иностранцы встрѣчали очень дружественный пріемъ у маорійцевъ, потому что они учили ихъ обращаться съ огнестрѣльнымъ оружіемъ и направлять его, а также играли выдающуюся роль во время войнъ.

До 1840 года къ этимъ авантюристамъ никто не присоединялся, кромѣ миссіонеровъ. Первые миссіонеры явились въ этотъ край въ 1814 году и хотя имъ не удалось помѣшать своей свирѣпой паствѣ истреблять другъ друга, но, тѣмъ не менѣе, введя домашнихъ животныхъ, которые быстро расплодились въ Новой Зеландіи, миссіонеры способствовали искорененію людоѣдства. По внушенію миссіонеровъ, маорійцы согласились на протекторатъ Англіи, но когда европейцы явились въ большомъ числѣ въ Новую Зеландію, то снова начались войны, преимущественно изъ за земли, которую маорійцы не хотѣли отдавать колонистамъ. Дѣло въ томъ, что земля, составляла коллективное владѣніе племенъ и зачастую нѣсколько племенъ заявляли претензіи на одну и ту же землю. Колонисты, купившіе землю у одного племени, подвергались нападенію другого племени, которое стремилось отнять у нихъ эту землю, и такимъ образомъ почти вплоть до 1883 г. въ Новой Зеландіи постоянно происходили возстанія и схватки и многія мѣста были небезопасны для европейцевъ. Теперь уже безопасность полная вездѣ и даже въ самые отдаленные округи Новой Зеландіи ходятъ безпрепятственно почтовые дилижансы и нигдѣ даже нѣтъ англійскихъ войскъ.

Маорійцы должны были уступить преобладающему большинству. Въ 1863 году европейцевъ въ Новой Зеландіи было 160.000, а маорійцевъ не болѣе 50—60.000. Съ этихъ поръ европейцы все возрастали въ числѣ, между тѣмъ какъ число маорійцевъ уменьшалось и со ста тысячъ въ началѣ нынѣшняго вѣка упало до 42.000. Вымираніе теперь нѣсколько пріостановилось. Маорійцы всѣ уже христіане, большею частью одѣваются по европейски, дѣти ихъ посѣщаютъ маорійскія школы и почти всѣ говорятъ по англійски. Маорійцамъ не приходится особенно жаловаться на владычество англичанъ, которые оставили въ ихъ владѣніи два съ половиною милліона гектаровъ земли, хотя и не очень плодородной, но изъ которыхъ они извлекаютъ большой доходъ, отдавая ее въ аренду европейцамъ. Земля составляетъ коллективную собственность племенъ, но бываютъ случаи, когда она представляетъ индивидуальное владѣніе. Но вообще идеи коммунизма чрезвычайно развиты у маорійцевъ и они всегда предпочитаютъ общее владѣніе. Леруа Больё разсказываетъ по этому поводу слѣдующій характерный эпизодъ: Одинъ маоріецъ задумалъ организовать правильное сообщеніе между маленькимъ городкомъ и сосѣднею станціей желѣзной дороги, и какъ толь-

ко его омнибусъ сталъ совершать свои рейсы, всѣ его соплеменники стали разъѣзжать въ немъ даромъ, и когда онъ заявлялъ имъ претензію на это, то они возражали съ удивленіемъ, что вѣдь платить они могли бы и въ омнибусахъ европейцевъ, для чего же имъ въ такомъ случаѣ разъѣзжать въ омнибусѣ маорійца? Бѣдняга никакъ не могъ втолковать имъ, что это его собственность, и въ концѣ концовъ долженъ былъ отказаться отъ своего предпріятія.

Маорійцы имѣютъ четырехъ представителей въ ново-зеландскомъ парламентѣ, выбираемыхъ всеобщею подачею голосовъ и пользующихся совершенно одинаковыми правами со своими бѣлыми коллегами. Одинъ изъ нихъ, Гонъ-Гекъ, считается лучшимъ ораторомъ въ парламентѣ и пользуется огромною популярностью въ колоніи. Англійскіе колонисты не заражены тутъ ровно никакими расовыми предразсудками и не относятся съ презрѣніемъ къ своимъ цвѣтнымъ коллегамъ. Браки между бѣлыми колонистами и маорійскими женщинами составляютъ явленіе весьма частое.

Туземцы составляютъ теперь лишь $^1/_7$ часть населенія земли своихъ предковъ. Бѣлые преобладаютъ, но европейское нашествіе въ эту страну измѣнило ее къ лучшему во всѣхъ отношеніяхъ. Колонисты явились не одни; они привезли съ собой животныхъ, растенія и теперь сотни тысячъ головъ разнаго скота пасутся на лугахъ, совершенно пустынныхъ въ прежнее время. Рѣки Новой Зеландіи наполнены теперь европейскими породами рыбъ и даже въ лѣсахъ водятся европейскія птицы. Мѣстныя растенія должны были раздѣлить свои владѣнія съ представителями другой флоры. Вездѣ и всюду сказалось благодѣтельное вліяніе европейской колонизаціи и въ настоящее время Новая Зеландія представляетъ необыкновенно цвѣтущую страну, поражающую путешественниковъ и своимъ благосостояніемъ, и своимъ благоустройствомъ, климатъ Новой Зеландіи вообще оказался благопріятнымъ не только для самихъ бѣлыхъ пришельцевъ, но и для всѣхъ животныхъ и растеній, которыя явились вмѣстѣ съ ними.

Иное дѣло Австралія, материкъ, который во всѣхъ своихъ главныхъ чертахъ представляетъ что-то первобытное и неоконченное. Такой же характеръ имѣютъ и флора, и фауна въ Австраліи. Растительныхъ породъ на всемъ австралійскомъ материкѣ гораздо меньше, чѣмъ въ Новой Зеландіи. Евкалиптусъ почти единственное дерево австралійскихъ лѣсовъ, прямое, необыкновенно высокое и не дающее почти никакой тѣни. Фауна Австраліи также очень мало разнообразна и заключаетъ въ себѣ лишь низшіе типы и изъ млекопитающихъ въ ней водятся лишь такіе, которые существовали въ Европѣ въ третичномъ періодѣ.

Австралійскіе туземцы точно также находятся въ полной гармоніи съ окружающей природой и представляютъ самый низшій типъ человѣческой породы. Они еще темнѣе цвѣтомъ кожи, чѣмъ негры, отъ которыхъ отличаются волнистыми волосами и густыми бородами у мужчинъ. Прогнатизмъ выраженъ у нихъ еще рѣзче. Номады по существу, они никогда не воздѣлываютъ земли, не имѣютъ стадъ и живутъ лишь продуктами своей охоты да собираніемъ плодовъ и кореньевъ. Оружіе у нихъ первобытное, изъ дерева и камня. Изъ этого оружія большою извѣстностью пользуется «бумеранія», — метательное оружіе, возвращающееся къ тому, кто его бросилъ. Религіи у нихъ почти не существуетъ, а только кое какіе суевѣрные обычаи. Языкъ ихъ очень бѣденъ и состоитъ изъ членораздѣльныхъ звуковъ, тогда какъ языкъ маорійцевъ, напримѣръ, очень звученъ и

красивъ. Однако, нѣкоторые ученые думаютъ все-таки, что австралійскіе негры представляютъ расу, теперь дошедшую до послѣдней степени упадка, но нѣкогда находившуюся въ состояніи относительной цивилизаціи.

Эти несчастные, конечно, не могли оказать никакого серьезнаго сопротивленія европейцамъ, и борьба европейцевъ съ ними скорѣе носила характеръ охоты за дикими звѣрями, нежели войны, такъ что потребности въ войскѣ никогда не было. Надо сознаться, что англійскіе колонисты дѣйствительно обходились съ австралійцами не лучше, чѣмъ со звѣрями, и, наконецъ, оттѣснили въ совершенно безплодныя области внутренней части материка, гдѣ несчастные туземцы съ трудомъ отыскиваютъ себѣ пищу и необыкновенно быстро вымираютъ. Леруа Болье разсказываетъ, что тѣ туземцы, которыхъ ему пришлось видѣть въ безплодныхъ равнинахъ Западной Австраліи, просто поражали его худобой, и онъ удивлялся, какъ они еще могутъ существовать.

Но не будучи въ состояніи оказать никакого сопротивленія англійской колонизаціи, австралійскіе туземцы въ то же время оказались и совершенно неспособными принести ей хоть какую-либо пользу. Они ни какъ не могли привыкнуть къ сидячему образу жизни, всегда инстинктъ бродяжничества бралъ у нихъ верхъ, и какъ ни пробовали колонисты приспособить ихъ къ какому-нибудь дѣлу, они все бросали и убѣгали, даже несмотря на хорошее обращеніе съ ними въ колоніи и на пищу, которую они тамъ получали. Привить имъ болѣе цивилизованные вкусы и привычки почти не удалось, и они заимствовали отъ европейской цивилизаціи только ея худыя стороны, что отчасти также содѣйствуетъ ихъ вымиранію. Нѣтъ сомнѣнія, что черезъ десять лѣтъ въ Австраліи не будетъ почти ни одного туземца прежней расы и отъ австралійскихъ негровъ останется лишь одно воспоминаніе.

Англичане, овладѣвшіе материкомъ, не представлявшимъ ровно никакихъ преимуществъ ни со стороны растительнаго, ни со стороны животнаго царства, повидимому, не подозрѣвали о существованіи минеральныхъ богатствъ, и поэтому они воспользовались своими новыми владѣніями лишь для устройства въ нихъ колоній ссыльныхъ. Эти колоніи, однако, положили начало процвѣтанію Австраліи. Скотоводство и земледѣліе были главными факторами этого благосостоянія, которое возросло еще болѣе послѣ открытія громадныхъ залежей золота въ 1851 году, сначала въ Новомъ Южномъ Уэльсѣ, а затѣмъ и въ Викторіи. Благодаря этому открытію, характеръ австралійскаго общества, по преимуществу пастушескій и земледѣльческій, сразу совершенно измѣнился, и «скваттеры» (крупные землевладѣльцы-скотоводы) лишились своего преобладающаго значенія, прежніе рессурсы страны отошли на второй планъ и страна наполнилась разношерстною толпою иммигрантовъ, привлеченныхъ сюда открытіемъ золота.

Золотая горячка охватила населеніе и даже большинство прежнихъ колонистовъ превратились въ золотоискателей. Всѣ устремились къ центрамъ и жизнь колоніи совершенно измѣнилась. Населеніе сосредоточивается теперь у городовъ, которые выростаютъ какъ грибы. Самый характерный изъ такихъ *городовъ-грибовъ* (mushroom city) — это Мельбурнъ. Только одинъ городъ на свѣтѣ, Чикаго, превзошелъ Мельбурнъ быстротою своего развитія. Въ 50 лѣтъ число обитателей Мельбурна возросло съ 4.479 въ 1841 году, до 490.000 въ 1891 году. Своимъ быстрымъ ростомъ Мельбурнъ всецѣло обязанъ близости золотыхъ розсыпей,

такъ какъ, въ сущности, онъ не обладаетъ никакими другими преимуществама и мельбурнцы справедливо говорятъ, что природа имъ ничего не дала и все создали люди, тогда какъ Сидней богато одѣленъ природой. Дѣйствительно, Сидней находится въ гораздо болѣе выгодныхъ условіяхъ и поэтому производитъ болѣе пріятное впечатлѣніе на туриста европейца.

Сидней также представлялъ нѣкогда колонію ссыльныхъ преступниковъ, но съ 1840 г. уже прекратили ссылать туда преступниковъ, а въ началѣ пятидесятыхъ годовъ ссылка была отмѣнена и во всѣхъ колоніяхъ, такъ какъ, по мѣрѣ ихъ развитія, ссыльные становились уже нежелательнымъ элементомъ для нихъ, хотя вначалѣ они и были полезны колоніи. Британское правительство уважило просьбу колонистовъ, и ссылка прекратилась.

Чтобы лучше судить о томъ, что такое могла представлять австралійская колонія въ самомъ началѣ, когда только-что было открыто золото, Леруа Болье отправился изъ Аделаиды въ западную колонію, совершенно заброшенную, пока открытіе золота не вызвало ее къ жизни. Золото въ ней было открыто лишь въ 1887 году, слѣдовательно, еще очень недавно, и поэтому она находится еще въ раннемъ періодѣ развитія. Городъ, на которомъ лучше всего можно прослѣдить эти фазы развитія, основанъ всего четыре года тому назадъ. Это—«Коольгерда», имѣющій уже 5.000 жителей.

Надо, чтобы золото очень сильно привлекало людей, чтобы могъ возникнуть городъ въ такой мѣстности, гдѣ за одинъ литръ воды приходится уплачивать по шести пенсовъ (около шести коп.). Недостатокъ воды отражается, конечно, не только на здоровьѣ населенія, но и на дороговизнѣ жизни. Но, по словамъ Леруа Болье, въ мѣстностяхъ, удаленныхъ отъ Коольгерда на 100—150 километровъ, за воду платятъ иногда по 70 сантимовъ (28 коп.) за литръ и, несмотря на это, численность населенія во всей мѣстности равняется теперь 50.000. Сколько лишеній готовы претерпѣть люди ради золота!

Коольгэрдъ, несмотря на то, что существуетъ не болѣе четырехъ лѣтъ и находится въ такомъ климатѣ, гдѣ весною жара доходитъ до 40 град. въ тѣни, причемъ онъ страдаетъ полнымъ отсутствіемъ воды, все-таки заключаетъ въ себѣ уже всѣ элементы соціальной жизни. Въ немъ находятся пять церквей: католическая, англиканская, методистская, пресвитеріанская и баптистская, театръ, нѣсколько клубовъ и, между прочимъ, крокетный клубъ, члены котораго состязаются, несмотря ни на какую температуру, двѣ газеты, одна въ четыре, другая въ шесть листовъ, стоющія отъ 8 до 15 коп. за номеръ. Библіотекъ множество и въ нихъ можно найти всѣ главные журналы, иллюстрированныя изданія, новыя англійскія книги и переводы выдающихся французскихъ писателей, какъ Зола, Дюма, отецъ и сынъ, и... Польде-Кокъ. Видя эти поразительные успѣхи цивилизаціи въ такой пустынѣ, нельзя не удивляться, конечно, необыкновеннымъ организаторскимъ способностямъ и стойкости той расы, которая достигла всего этого въ такой короткій промежутокъ времени!

Какъ только въ газетахъ или афишахъ, расклеенныхъ на улицахъ или просто въ питейныхъ заведеніяхъ, распространился слухъ, что найдено золото въ такой-то мѣстности, немедленно туда устремляются сотни людей. Золотоискатели пользуются двумя способами передвиженія: стариннымъ—верблюдомъ и новымъ—велосипедомъ. Послѣдній способъ передвиженія все болѣе и болѣе распространяется въ этой части Австраліи.

Почта развозится на велосипедахъ двумя частными компаніями, соперничествующими съ правительственною почтою въ быстротѣ и аккуратности доставки писемъ.

Но, во всякомъ случаѣ, не одно только открытіе золота создало богатство австралійскихъ колоній. Не надо забывать, что когда золото было открыто, страна уже достигла значительнаго земледѣльческаго развичія и имѣла населеніе въ полмилліона. Открытіе золота, разумѣется, еще ускорило это развитіе и измѣнило соціальную организацію австралійскихъ колоній. Колоссальная иммиграція, устремившаяся въ Австралію послѣ 1851 года, превратила въ самую демократическую страну на свѣтѣ эти колоніи, которыя спервоначала, казалось, должны были подчиниться аристократическому режиму и образовать общество, съ преобладаніемъ вліянія крупныхъ землевладѣльцевъ. Однако, необычайно быстрый ростъ колоній и повышеніе ихъ благосостоянія, вызванное открытіемъ минеральныхъ богатствъ, имѣетъ свои неудобства. Пріостановка прогрессивнаго роста богатства колоній, обнаруживающаяся въ послѣднее время, уже вызываетъ нѣкоторую тревогу въ этомъ обществѣ, выведенномъ изъ своего равновѣсія быстрою наживою. Неудивительно, что уже начинаютъ подумывать о мѣрахъ, которыя могли бы задержать развитіе нѣкоторыхъ черезчуръ уже смѣлыхъ предпріятій. И въ этомъ отношеніи, какъ и во многомъ другомъ, Европа можетъ извлечь для себя крайне полезные уроки, наблюдая австралійскую жизнь и тѣ соціальные эксперименты, которые производятся въ Астраліи. Въ послѣднемъ отношеніи очень поучительно австралійское законодательство.

Австралія существуетъ еще слишкомъ недавно, чтобы результаты всѣхъ соціальныхъ нововведеній могли бы окончательно опредѣлиться. Во всякомъ случаѣ она уже во многихъ отношеніяхъ опередила старушку Европу и даже Соединенные Штаты, такъ какъ раньше этихъ послѣднихъ рѣшила вопросъ о дарованіи политическихъ правъ женщинамъ.

Изъ иностранныхъ журналовъ.

«Contemprarary Review».

Можемъ ли мы считать себя лучше одаренными, чѣмъ наши отдаленные предки въ отношеніи распознаванія цвѣтовъ? Вопросъ этотъ занимаетъ многихъ въ настоящее время, и нѣкоторые изъ писателей высказываютъ даже предположеніе, что голубой и зеленый цвѣта спектра мы научились распознавать не болѣе тысячи лѣтъ тому назадъ. Гладстонъ даже утверждаетъ, что древніе греки и, въ особенности, Гомеръ, никогда не различали какъ слѣдуетъ этихъ двухъ цвѣтовъ. Однако, изслѣдованія цвѣтного зрѣнія у дикихъ племенъ и низшихъ животныхъ помогли рѣшенію вопроса. Оказывается, что наше зрѣніе ничуть не измѣнилось, но нашъ языкъ сталъ богаче, и мы имѣемъ массу названій, характеризующихъ самые тонкіе оттѣнки цвѣтовъ, такъ что хотя наше воспріятіе различныхъ цвѣтовъ спектра не измѣнилось, но мы умѣемъ лучше выражать различные оттѣнки нашихъ ощущеній въ этомъ отношеніи.

Очень интересно было, конечно, прослѣдить въ литературѣ различныхъ народовъ, въ различныя эпохи, какія выраженія употреблялись для характеристики цвѣтовыхъ ощущеній. Изслѣдуя въ этомъ направленіи пять авторовъ, Пуше пришелъ къ заключенію, что преобладающій цвѣтъ у нихъ — красный. Другой изслѣдователь, д-ръ Табгоссонъ, утверждаетъ, что Сервантесъ имѣлъ рѣшительное пристрастіе къ зеленому цвѣту. Гавеллокъ Эллисъ, въ «Contemporary Review», еще болѣе расширилъ рамки этихъ изслѣдованій. Онъ изучилъ въ этомъ направленіи множество поэтовъ, существовавшихъ въ разные періоды и въ разныхъ странахъ. Устранивъ въ своемъ изслѣдованіи разныя условныя названія цвѣтовъ, напр., сапфировый, изумрудный, серебряный и т. д., Гавеллокъ Эллисъ оставилъ только строго опредѣленныя выраженія, какъ-то: бѣлый, сѣрый, красный, желтый, розовый, черный, голубой и т. д.

«Горная пѣснь» индѣйцевъ Навахосъ, хотя и не принадлежитъ къ глубокой древности, но, тѣмъ не менѣе, можетъ разсматриваться какъ образецъ первобытной поэзіи и съ этой точки зрѣнія представляетъ капитальный интересъ. Гавеллокъ Эллисъ нашелъ, что въ ней обозначеніе цвѣтовъ носитъ чисто символическій характеръ; черный цвѣтъ приписывается мужчинѣ, а голубой женщинѣ. Совершенно иначе представляются цвѣта въ одной ирландской сказкѣ VI вѣка, рисующей первобытную жизнь кельтовъ. Въ этой сказкѣ красный и бѣлый цвѣта преобладаютъ и служатъ лишь для описанія видимыхъ предметовъ, вовсе не представляя формулы, выражающей извѣстное понятіе, какъ въ индѣйской пѣснѣ. Въ трехъ первыхъ книгахъ Иліады всего чаще встрѣчается черный цвѣтъ, но также часто упоминается о «бѣлыхъ» рукахъ и «золотыхъ» волосахъ. Но, разумѣется, все это эпитеты условные. Кромѣ того, терминологія цвѣтовъ у Гомера, какъ и у другихъ грековъ, обыкновенно, очень смутная. Даже въ миѳологіи, относящейся къ художественному періоду, болѣе близкому къ намъ, голубой и зеленый цвѣтъ, повидимому, неизвѣстны и преобладаетъ красный цвѣтъ, черный же уступаетъ мѣсто желтому и бѣлому.

Пѣснь Іова, Пѣснь Пѣсней и Исайя принадлежатъ къ лучшему періоду древнееврейской литературы. Во всѣхъ этихъ произведеніяхъ преобладаетъ зеленый цвѣтъ надъ краснымъ. Переходя къ болѣе близкой эпохѣ, мы уже можемъ найти у каждаго изъ авторовъ пристрастіе къ какому-нибудь цвѣту. У Шекспира, впрочемъ, цвѣта имѣютъ символическій характеръ и онъ отводитъ имъ совершенно второстепенную роль, заставляя ихъ подчиняться капризу своей фантазіи и наряжая въ нихъ вовсе не какіе-нибудь реальные предметы, а образы, создаваемые его творческой фантазіей.

Что касается Шелли, то онъ питаетъ большое пристрастіе къ цвѣтамъ, которые у него всегда примѣшиваются къ движенію свѣта. Поэтому, стихи его вызываютъ представленіе особенной прозрачности цвѣтовъ. Ему въ особенности нравится цвѣтъ огня и онъ говоритъ, что это «драгоцѣнный камень, растворяющійся въ движеніи свѣта». Онъ любитъ приводить сравненія съ огнемъ, иногда совершенно неожиданныя и говоритъ, что роса на цвѣткѣ блеститъ, какъ огонь.

У Вордсуорта преобладаютъ зеленый и желтый цвѣта. Любимые цвѣта Эдгара Поэ: желтый, фіолетовый, пурпуровый и черный. У Эдгара Поэ, однако, можно встрѣтить аналогію съ цвѣтною формулой Боделера. У послѣдняго черный цвѣтъ представляетъ символъ ужаса и грусти, но никогда отвращенія. Съ розовымъ

цвѣтомъ у него всегда соединяется представленіе о радости, а голубой служитъ символомъ спокойствія.

Теннисонъ, безспорно, занимаетъ первое мѣсто въ ряду поэтовъ-колористовъ. Онъ любитъ яркіе, густые, блестящіе цвѣта и стихи его изобилуютъ великолѣпіемъ красокъ. Но Теннисонъ, во всякомъ случаѣ, можетъ считаться образцомъ вполнѣ нормальнаго воспріятія цвѣтовъ и нормальной эстетики.

Верленъ предпочитаетъ мягкіе цвѣта; смягченные оттѣнки и сѣрый цвѣтъ преобладаютъ въ его произведеніяхъ. Впрочемъ, онъ самъ высказываетъ въ своихъ стихахъ пристрастіе къ оттѣнкамъ: «Car il nous faut la nuance encor, pas la couleur, rien que la nuance...», говоритъ онъ въ своемъ знаменитомъ стихотвореніи.

Что касается итальянскаго поэта Аннунціо, пользующагося такою громкою извѣстностью въ настоящее время, то онъ питаетъ страстное влеченіе къ красному цвѣту.

Гавеллокъ Эллисъ составилъ не большую таблицу, изъ которой можно видѣть, къ какому цвѣту питаютъ пристрастіе поэты разныхъ временъ и странъ. «По моему мнѣнію,—говоритъ Гавеллокъ Эллисъ, — цвѣтъ въ литературѣ является символомъ трехъ предметовъ: природы, человѣка и фантазіи. Происхожденіе зеленаго и голубого цвѣта указываетъ,—такъ какъ это цвѣтъ растительности, небесъ и моря, — что поэтъ, главнымъ образомъ, пѣвецъ природы. Если въ произведеніяхъ поэта преобладаетъ красный цвѣтъ и его синонимы, то мы можемъ быть увѣрены, что поэтъ интересуется больше всего человѣкомъ, мужчиной и женщиной, ибо красный есть цвѣтъ крови и любви, два главныхъ рычага, двигающихъ человѣчество, по крайней мѣрѣ, въ поэзіи. Преобладаніе чернаго, бѣлаго и желтаго цвѣтовъ служитъ доказательствомъ преобладанія фантазіи; поэтъ поетъ съ закрытыми глазами для внѣшняго міра, отдаваясь весь своимъ внутреннимъ грезамъ. Вордсуортъ и Шелли принадлежатъ къ первой категоріи. Шекспиръ и Чаусеръ ко второй; Гомеръ, Марловъ, Эдгаръ Поэ и Данте—къ третьей.

Если мы изслѣдуемъ вкратцѣ историческую эволюцію каждаго цвѣта отдѣльно, то увидимъ, что эстетическое положеніе бѣлаго цвѣта оставалось неизмѣннымъ. Положеніе чернаго цвѣта мѣняется; онъ въ особенности преобладаетъ у писателей съ мрачнымъ характеромъ и наклонностью къ меланхоліи. Желтый цвѣтъ, встрѣчающійся рѣже у поэтовъ, всегда соединяется съ болѣе или менѣе радужнымъ воззрѣніемъ на жизнь. Положеніе краснаго цвѣта очень измѣнчиво. Онъ преобладаетъ у первобытныхъ поэтовъ, но значительно рѣже встрѣчается у поэтовъ XVII и XVIII вѣка и снова начинаетъ преобладать въ нашемъ вѣкѣ. Пристрастіе къ красному цвѣту, по Барнесу, указываетъ на эстетическую зрѣлость и идетъ на ряду съ пристрастіемъ ко всему человѣческому и натуральному, какъ это мы наблюдаемъ у Чаусера, Теннисона и Шекспира.

У дикарей рѣдко можно встрѣтить терминъ, обозначающій зеленый цвѣтъ и голубой, и греки въ IV вѣкѣ нашей эры не имѣли спеціальнаго слова для обозначенія зеленаго цвѣта. Они называли чернымъ и темнымъ то, что мы называемъ голубымъ, такъ что небо у нихъ было такого же цвѣта, какъ и черные волосы. То, что мы называемъ зеленымъ цвѣтомъ, они считали желтымъ, цвѣтомъ меда. И теперь еще индійскіе туземцы отрицаютъ, что небо голубое; по ихъ понятіямъ, индиго имѣетъ голубой цвѣтъ и они называютъ его цвѣтомъ неба. Что касается китайцевъ, прекрасно различающихъ голубой отъ зеленаго свѣта и имѣющихъ спеціальныя названія для каждаго цвѣта, то они

считаютъ небо зеленымъ. Вспомнимъ, что у Шекспира море всегда однообразно-зеленаго цвѣта, также какъ у Кольриджа и многихъ другихъ поэтовъ.

Гавеллокъ Эллисъ полагаетъ, что цвѣтъ будущаго—это голубой цвѣтъ, который не занимаетъ пока еще подобающаго мѣста въ литературѣ. Новые поэты будутъ воспѣвать голубой цвѣтъ, являющійся символомъ безконечности и глубины.

Издательница А. Давыдова. Редакторъ Викторъ Острогорскій.

Глава XIII.

Дюжесъ.

Попытка примирить идеи Кювье и Жоффруа.—Единообразіе въ организаціи на различныхъ ступеняхъ лѣстницы животныхъ. Мокенъ-Тандонъ и теорія зоонитовъ.—Обобщеніе этой теоріи Дюжесомъ.—Теорія состава организмовъ: законъ множественности и повторяемости частей, законъ расположенія, законъ измѣненія и осложненія, законъ сращенія.—Идеи Дюжеса относительно органическихъ типовъ.

Въ тотъ самый моментъ, когда со смертью Кювье грандіозный академическій споръ по поводу единства плана строенія прекратился, молодой профессоръ факультета наукъ въ Монпелье, Антуанъ Дюжесъ пытался найти почву, на которой могли бы сойтись оба враждующіе лагеря. Очевидно, увлеченный идеями Жоффруа Сентъ-Илера, Дюжесъ, тѣмъ не менѣе, пораженъ вѣскими возраженіями Кювье. Онъ ставитъ себѣ вопросъ, нельзя-ли, слегка измѣнивъ зоологическую формулу, спасти ее отъ анаѳемы, которой хочетъ предать ее такъ-называемая школа фактовъ. Онъ чувствуетъ, что школа не умерла вмѣстѣ со своимъ главой. «Мы рѣшаемся,—говоритъ онъ въ предисловіи къ своей «Замѣткѣ объ единообразіи въ организаціи представителей царства животныхъ»,—сами выпустить въ свѣтъ это сочиненіе, чтобы не встрѣчаться снова съ тѣми затрудненіями, которыя возникли по поводу его со времени назначенія провѣрочной коммиссіи при академіи наукъ, и которыя прекратились только тогда, когда самъ Кювье, этотъ въ высшей степени авторитетный ученый, взялъ на себя докладъ. Кювье дѣйствительно былъ одинъ изъ числа тѣхъ людей, на безпристрастность котораго я не могъ разсчитывать; горячій и продолжительный споръ, который онъ велъ недавно, возстановилъ его противъ принциповъ, очень сходныхъ съ излагаемыми мною. И несмотря на всѣ мои старанія показать, что я не вмѣшиваюсь въ этотъ большой споръ, рѣзче оттѣнить независимость моихъ личныхъ мнѣній, мое безпристрастіе, когда мнѣ приходилось заимствовать то или другое изъ различныхъ ученій, я не могъ смягчить ни той осторожности въ выводахъ, которую онъ вносилъ въ изученіе природы, ни того отвращенія, которое онъ выражалъ къ каждому нѣсколько смѣлому и нѣсколько поспѣшному обобщенію. Онъ самъ сообщилъ мнѣ свое строгое сужденіе и не знаю, насколько удалось мнѣ въ длинномъ разговорѣ съ нимъ смягчить его суровость». Между тѣмъ, Дюжесъ не дѣлаетъ болѣе попытокъ проводить идею единства плана строенія въ животномъ царствѣ; онъ намѣревается только показать, что различные типы этого царства свя-

заны между собою незамѣтными переходами и что можно, «разсматривая цѣлый рядъ постепенныхъ видоизмѣненій, прослѣдить всѣ ступени лѣстницы животныхъ и подмѣтить то или другое единообразіе въ строеніи между двумя животными, каковы бы они ни были и къ какому бы классу они ни принадлежали». Въ чемъ же состоитъ это единообразіе, которое устанавливаетъ Дюжесъ взамѣнъ единства плана въ строеніи животныхъ? Можно было бы желать, чтобы Дюжесъ высказалъ свою мысль точнѣе. Среди неясностей и заблужденій, неизбѣжныхъ при состояніи науки того времени, тѣмъ не менѣе, въ ученіи Дюжеса мы въ первый разъ встрѣчаемся съ той великой идеей, слѣдствія которой далеко еще не исчерпаны и теперь. Наука только-что приняла прекрасное ученіе о сложной природѣ растеній, а также ученіе о метаморфозѣ ихъ органовъ, метаморфозѣ, которому Гёте придалъ болѣе широкое значеніе. Дюжесъ задается вопросомъ, нѣтъ-ли чего-либо аналогичнаго въ животномъ царствѣ, и предполагаетъ, что безпозвоночныя животныя могутъ быть разсматриваемы, какъ колоніи болѣе простыхъ животныхъ различнымъ образомъ сгруппированныхъ. Въ 1827 году Мокенъ-Тандонъ въ своей «Monographie des herudinées» (Монографіи піявокъ) болѣе точно показалъ, что каждый изъ сегментовъ тѣла піявки идентиченъ съ тѣми, которые ему предшествуютъ, и съ тѣми, которые слѣдуютъ за нимъ, что каждый изъ этихъ сегментовъ, содержитъ все необходимое ему для самостоятельной жизни и можетъ быть разсматриваемъ, какъ отдѣльный организмъ, маленькое животное или зоонитъ. Всѣ суставчатыя животныя Кювье могутъ быть разложены, какъ и піявка, на зоониты, и, слѣдовательно, всѣ эти животныя ничто иное, какъ собраніе болѣе простыхъ животныхъ, зоонитовъ, расположенныхъ въ линію. Обобщая эту идею, Дюжесъ старается показать, что она приложима не только къ суставчатымъ, но ко всѣмъ безпозвоночнымъ и даже къ самимъ позвоночнымъ. Полипы колоніи коралла, колоніи мшанокъ состоятъ такъ же изъ зоонитовъ, какъ и тѣло насѣкомаго, но только иначе расположенныхъ. Зоониты дѣйствительно могутъ быть сгруппированы или по прямой линіи, или размѣщаться по радіусамъ вокругъ центра, или представлять древовидныя развѣтвленія, какъ въ царствѣ растеній; между этими различными способами группировки существуютъ многочисленные переходы, которые устанавливаютъ связь между животными, кажущимися съ перваго взгляда совершенно различными. Такъ какъ зоониты имѣютъ всегда одинаковый основный составъ, то животныя отличаются другъ отъ друга только числомъ и способомъ группировки этихъ составляющихъ частей, и такъ какъ въ этомъ отношеніи между животными

существуетъ безконечное число переходовъ, ясно видно, что нельзя провести демаркаціонной линіи между различными типами животнаго царства. Дюжесъ надѣется, что онъ открылъ законы построенія организмовъ, которые искалъ Кювье, при чемъ обошелъ тѣ возраженія, которыя дѣлалъ Кювье противъ единства плана строенія.

Законовъ этихъ четыре:

1) Законъ множественности организмовъ.

2) Законъ расположенія.

3) Законъ измѣненія и усложненія.

4) Законъ сращенія.

Эти законы можно выразить такимъ образомъ.

1) Всякое высшее животное состоитъ изъ нѣкотораго числа болѣе простыхъ организмовъ, зоонитовъ.

2) Зоониты, составляющіе, животное могутъ группироваться: по одной прямой линіи, въ два ряда симметрично или по очереди, по кругу короной вокругъ оси или, наконецъ, совершенно неправильнымъ образомъ. У одного и того же животнаго эти различные способы группировки могутъ быть скомбинированы вмѣстѣ.

3) Въ одномъ и томъ же животномъ зоониты могутъ представлять различныя формы, дѣлиться, распредѣлять между собою работу, необходимую для поддержанія существованія ихъ общины.

4) Зоониты или органы, которые ихъ составляютъ, могутъ представлять различныя степени сращенія, такъ что часто невозможно опредѣлить число ихъ и ихъ границы.

Всѣ эти положенія строго точны; мало того: Дюжесъ уже прекрасно выражаетъ тѣ самыя мысли, которыя современные физіологи имѣютъ относительно роли различныхъ частей, входящихъ въ составъ организма.

Описавъ измѣненіе различныхъ частей нѣкоторыхъ насѣкомыхъ, онъ заключаетъ словами *):

«По отношенію къ чувствительности и способности передвиженія, сегменты, какъ кажется, раздѣляютъ работу, чтобы легче придти къ общей цѣли. Это раздѣленіе труда, эта совмѣстная работа частей, въ которую каждая изъ нихъ вноситъ свою долю, еще болѣе замѣтна въ системахъ органовъ внутренней жизни. Тамъ мы видимъ, какъ одинъ сегментъ или одна область привлекаютъ, концентрируютъ или, лучше сказать, централизируютъ и совершенствуютъ извѣстныя системы органовъ, которыхъ лишены другіе сегменты; это обнаруживается или въ объединѣніи сег-

*) Mémoire sur la conformité organique, p. 31.

ментовъ, являющемся результатомъ частичнаго сращенія ихъ, вслѣдствіе чего всѣ элементы одной природы привлекаются къ одному общему центру, или это выражается въ недоразвитіи аппарата, функція котораго сдѣлалась безполезной въ большинствѣ сегментовъ въ силу преимущественнаго развитія его въ одномъ изъ нихъ. Это развитіе дѣлаетъ аппаратъ способнымъ служить во всемъ, что его касается, всей машинѣ. Такая общность, такія взаимныя отношенія элементовъ создаютъ индивидуализацію и способствуютъ совершенствованію общей жизни. Въ ассоціаціи организмовъ происходитъ совершенно то-же, что въ человѣческомъ обществѣ. Цивилизація создаетъ цѣлое изъ массы различныхъ индивидумовъ и способствуетъ удобствамъ каждаго изъ нихъ, распредѣляя между ними обязанности и занятія. Дикіе-же народы, наоборотъ, принуждены вести самый простой и грубый образъ жизни. Въ первомъ изъ этихъ обществъ мы видимъ воспроизведеніе животной экономіи, присущей существамъ, стоящимъ на высшей ступени лѣстницы: у млекопитающихъ, напримѣръ. Что касается второго—это жизнь лентеца, такая же несвязная какъ само животное, столь же несложная, какъ его организанія, и въ такой мѣрѣ не разнообразная, какъ форма его колецъ».

Физіологи еще и теперь ограничиваются примѣненіемъ этихъ сравненій во всемъ, что касается позвоночныхъ, только къ анатомическимъ элементамъ. Съ удивительной смѣлостью отстаивая положеніе, въ пользу котораго только въ послѣдніе годы явились рѣшительные доводы, Дюжесъ разсматриваетъ позвоночныхъ, какъ животныхъ, раздѣлимыхъ на сегменты, или зооніты, совершенно подобно насѣкомымъ, но зооніты которыхъ перемѣшаны, какъ у пауковъ. Раздѣленіе позвоночнаго столба на позвонки, идентичные между собою, самый очевидный признакъ сегментаціи позвоночныхъ, но есть и другіе.

Спинной мозгъ позвоночныхъ отдѣляетъ столько паръ нервовъ, сколько существуетъ сегментовъ—позвонковъ. Дюжесъ вспоминаетъ опыты Ширака и Легаллуа, которые показали, что часть мозга, соотвѣтствующая каждой изъ этихъ паръ нервовъ, обладаетъ настоящей независимостью въ своей функціи. Онъ приходитъ также къ сравненію спиннаго мозга съ цѣпью нервныхъ узловъ членистыхъ животныхъ. Онъ доказываетъ, впрочемъ, что не только у переходныхъ формъ, но даже и у одного и того же животнаго, различные узлы, составляющіе эту цѣпь, могутъ сближаться до степени сращенія и, наоборотъ, удаляться другъ отъ друга, если сращеніе существовало раньше. Изысканія Бланшара установили, что первый случай наблюдается у насѣкомыхъ; а Сваммердамъ

уже показалъ, что очень близко лежащіе, почти сросшіеся узлы личинки Orycles nasicornis и Stratiomys chameleon раздѣляются, когда насѣкомое достигаетъ зрѣлаго возраста. Добытые названными учеными результаты были значительно расширены изслѣдованіями Кюнкеля де-Геркуле и Геранда.

Каждый позвонокъ имѣетъ въ спинной области пару придатковъ ребра: семь позвонковъ шейной области и пять позвонковъ поясничныхъ; у млекопитающихъ этихъ придатковъ не имѣется. Дюжесъ ставитъ на видъ, что пять паръ поясничныхъ нервовъ и пять паръ шейныхъ соединяются въ сплетеніе; отсюда идутъ вѣтви въ руки и ноги, для инерваціи которыхъ онѣ исключительно предназначены. И число пальцевъ, которыми оканчиваются конечности большинства наземныхъ позвоночныхъ, именно пять. Слѣдовательно мы въ правѣ разсматривать наши конечности, какъ результатъ сращенія пяти придатковъ, изъ которыхъ каждый соотвѣтствуетъ позвоночному сегменту, дающему нервы для конечностей. Сращеніе этихъ придатковъ идетъ отъ центра къ периферіи; наиболѣе полно оно выражено въ первомъ членикѣ конечностей, второй содержитъ уже двѣ кости, третій три, четвертый четыре, четыре остальныхъ—каждый по пяти. Подъязычная кость, нижняя челюсть есть точно также придатки позвонковъ, которые сохранили форму, близкую къ формѣ реберъ. Наконецъ, голова, какъ полагали Гёте, Окенъ и Жоффруа Сентъ-Илеръ, образовалась изъ нѣкотораго числа позвонковъ, совершенно сросшихся между собою, подобно сегментамъ, составляющимъ голову насѣкомыхъ, и различающихся только по придаткамъ. Здѣсь цѣлая серія новыхъ мастерски развитыхъ вопросовъ, которые сравнительно недавно были снова подняты и широко разработаны Дюреномъ де-Гро въ его небольшомъ сочиненіи *). Прогрессъ въ сравненіи съ ученіемъ Жоффруа Сентъ-Илера внѣ сомнѣнія. Дюжесъ уже не старается, какъ его знаменитый предшественникъ, объяснить строеніе насѣкомаго строеніемъ позвоночнаго, онъ не ищетъ болѣе въ сегментахъ тѣла членистыхъ животныхъ чего-либо, имѣющаго одинаковое значеніе съ позвонками млекопитающихъ. Позвонки и позвоночный столбъ не являются болѣе основными частями, которыя надо найти во что бы то ни стало. Разбирая съ обратной стороны положеніе Жоффруа, Дюжесъ изучаетъ зоонитъ тамъ, гдѣ онъ виденъ всего яснѣе, у членистыхъ животныхъ. Онъ опредѣляетъ способы соединенія зоонитовъ и ихъ различныхъ частей, и думаетъ найти у позвоночныхъ слѣды основного строенія, иден-

*) Les origines animales de l'homme, 1 vol. in 8°, Germer Baillière, 1871.

тичнаго строенію членистыхъ; позвонки и ихъ придатки представляютъ самыя точныя указанія на это строеніе. Теперь сравненіе поставлено на настоящую почву. Къ несчастью, предѣлъ, до котораго доходитъ Дюжесъ въ своихъ сравненіяхъ, могъ дать только ошибочные результаты, а одно изъ положеній, на которомъ Дюжесъ основываетъ свой законъ единообразія въ организаціи, кромѣ того, въ своей основѣ ложно, что и подорвало успѣхъ самой теоріи.

Если суставчатоногія и позвоночныя на самомъ дѣлѣ и состоятъ изъ зоонитовъ, въ чемъ недавнія открытія Семпера и Бальфура, не позволяютъ болѣе сомнѣваться, то сходство названныхъ животныхъ этимъ и ограничивается. Стараясь распространить сравненіе между ними за предѣлы непосредственныхъ, необходимыхъ слѣдствій этого общаго имъ способа формированія, Дюжесъ вступаетъ на ложный путь; онъ также безсознательно руководится идеей единства плана строенія. Эту идею, такъ удачно измѣненную имъ въ приложеніи къ высшимъ животнымъ, онъ цѣликомъ прилагаетъ къ зоонитамъ; въ его представленіи всѣ зоониты тождественны между собою и въ этомъ состоитъ сходство, которое онъ констатируетъ между животными. «Нѣтъ *единства плана* для лѣстницы животныхъ; но есть *единообразіе въ организаціи*, потому что всѣ составные элементы ихъ имѣютъ одну природу, и различія въ ихъ расположеніи еще недостаточно для того, чтобы рѣзко разграничивать животныхъ, которые составлены этими элементами» *).

Чтобы найти эти элементы одинаковой природы, о которыхъ говоритъ Дюжесъ, необходимо дойти до элементовъ, образующихъ ткани, до того, что мы въ настоящее время называемъ *клѣточками* или *пластидами*. Дюжесъ остановился на зоонитахъ. Но зоониты позвоночнаго никоимъ образомъ не могутъ быть сравниваемы съ зоонитами членистаго животнаго, такъ же какъ и зоониты или лучи морской звѣзды съ зоонитами медузы. Руководясь предвзятой идеей, Дюжесъ приходитъ къ искусственнымъ сравненіямъ, напр., когда онъ уподобляетъ ротовые органы насѣкомыхъ, mandibulae, верхней челюсти позвоночныхъ и ихъ maxillae нижней челюсти этихъ послѣднихъ; онъ еще дальше отъ истины, чѣмъ тогда, когда думаетъ найти доказательство въ пользу своего положенія въ многочисленности костей, составляющихъ нижнюю челюсть рыбъ. Во всякомъ случаѣ, съ замѣчательной проницательностью, Дюжесъ избѣгаетъ обыкновенно подводныхъ камней, ко-

*) Mémoire sur la conformité organique, p. 19.

торыми ложное представленіе о подобіи зоонитовъ усѣяло путь его выводовъ; наоборотъ, онъ извлекаетъ всѣ выгоды, которыя представляетъ способъ сравненія позвоночныхъ животныхъ съ суставчатыми. Такъ, въ концѣ своего сочиненія, являющагося во всѣхъ отношеніяхъ геніальнымъ трудомъ, когда надо установить тотъ путь, какимъ могъ совершиться переходъ отъ позвоночныхъ къ безпозвоночнымъ, ученый профессоръ изъ Монпелье ищетъ промежуточныхъ типовъ не между суставчатыми и позвоночными, но между позвоночными и червями, слѣдовательно, какъ разъ тамъ, гдѣ и нашли ихъ современные зоологи. На самомъ дѣлѣ между піявками и миногами онъ видитъ сходство, которое совсѣмъ не такъ близко, какъ онъ думаетъ: ротовая присоска не можетъ быть безъ натяжки сравниваема съ присасывательнымъ ртомъ миногъ; дыхательные мѣшки этой рыбы совсѣмъ не гомологичны боковымъ органамъ червей, которые ничто иное, какъ почки; но Дюжесъ дѣлаетъ эти сравненія только благодаря малому знакомству ученыхъ той эпохи съ типами, къ которымъ принадлежатъ сравниваемыя животныя; онъ былъ пораженъ общимъ сходствомъ этихъ послѣднихъ. Отдѣлавшись отъ затрудненій, являвшихся для Жоффруа Сентъ-Илера и Ампера при сравненіи, которое они пытались сдѣлать между внутреннимъ скелетомъ позвоночныхъ и внѣшнимъ скелетомъ членистыхъ, Дюжесъ все-таки остается при мысли, что членистое животное и позвоночное находятся въ двухъ противоположныхъ положеніяхъ по отношенію къ землѣ. Онъ совершенно основательно настаиваетъ на абсолютномъ тождествѣ расположенія, наблюдаемаго въ органахъ кольчатаго животнаго и позвоночнаго, лежащаго на землѣ, и приходитъ къ самымъ справедливымъ уподобленіямъ. Онъ вспоминаетъ, что это переворачиваніе животнаго наблюдается еще въ зародышѣ, какъ это показали Герольдъ и Ратке, и значительно расширяетъ данный уже Жоффруа списокъ животныхъ, оставившихъ нормальное положеніе своихъ сородичей и принявшихъ другое, болѣе или менѣе различающееся отъ первоначальнаго. Такъ, лѣнивцы почти всегда прицѣпляются къ вѣтвямъ деревьевъ спиной внизъ. Насѣкомое изъ рода Nycteribia и нѣкоторые паразиты, напр., Acarus, ходятъ на спинѣ; изъ насѣкомыхъ также плаваютъ на спинѣ водяные клопы, изъ ракообразныхъ Apus, Branchipus, изъ моллюсковъ всѣ Heteropoda и изъ рыбъ Pemelodus membranaceus и въ нѣкоторыхъ случаяхъ «прилипало». У этой послѣдней рыбы спинная поверхность, обыкновенно приложенная къ какому-нибудь постороннему тѣлу, имѣетъ совершенно видъ брюшной поверхности другихъ рыбъ. Но въ животномъ царствѣ существуютъ и другія перемѣны положе-

нія, не менѣе замѣчательныя. Изъ млекопитающихъ человѣкъ, изъ птицъ чистики, пингвины ходятъ стоймя въ положеніи, совершенно перпендикулярномъ къ положенію остальныхъ позвоночныхъ ихъ класса. Камбалы и ланцетникъ между рыбами, гребешки, устрицы, родъ Anomia, тридакна между моллюсками постоянно лежатъ на боку, между тѣмъ, какъ гаммарусы, принадлежащіе къ ракообразнымъ, ползаютъ бокомъ, а плаваютъ и на спинѣ, и на брюхѣ. Многія изъ аннелидъ и нѣкоторыя многоножки могутъ также безъ труда ходить одинаково какъ на спинѣ, такъ и на брюхѣ, а есть также и такія, которыя ходятъ только пятясь назадъ. Дюжесъ могъ бы также прибавить, что усоногія и асцидіи проводятъ большую часть жизни, прикрѣпившись къ чему-либо головой внизъ, что это нормальное положеніе всѣхъ пластинчатожаберныхъ моллюсокъ и положеніе, въ которомъ спятъ и отдыхаютъ шерстокрылы и летучія мыши. Изъ всѣхъ этихъ фактовъ можно вмѣстѣ съ Жоффруа вывести заключеніе, что у различныхъ животныхъ, области тѣла анатомически тождественныя, могутъ занимать самыя различныя положенія по отношенію къ тѣмъ точкамъ, по которымъ мы обыкновенно опредѣляемъ ихъ, т. е. къ небу и землѣ; изъ этого слѣдуетъ также, что въ своихъ сравненіяхъ анатомы не должны руководиться положеніемъ той или другой части по отношенію къ землѣ. Съ тѣмъ же успѣхомъ Дюжесъ пытается сдѣлать болѣе точныя сравненія между областями тѣла животныхъ различныхъ типовъ, чѣмъ тѣ, которыя существовали въ наукѣ. Такимъ образомъ, онъ даетъ физіологическое и морфологическое опредѣленіе головы—единственное, которое можетъ быть принято въ настоящее время. «Это передняя, руководящая другими область тѣла, гдѣ находятся части, измѣненныя въ органы чувствъ и въ подвижные придатки, предназначенные для схватыванія и размельченія пищи... Область эта состоитъ изъ нѣсколькихъ сегментовъ или зоонитовъ; но ихъ сращеніе часто таково, что самымъ точнымъ анализомъ можно только разложить ихъ по догадкамъ, въ силу чего число сегментовъ остается всегда до нѣкоторой степени неизвѣстнымъ». Дюжесъ, пытаясь провести слишкомъ далеко сравненіе между суставчатымъ и позвоночнымъ, вступилъ на путь, изъ котораго не было исхода. Впрочемъ, были и другія причины, затормозившія движеніе впередъ, которое могли дать зоологіи богатыя идеи, заключавшіяся въ «Mémoire sur la conformité organique». Хотя Дюжесъ былъ почитателемъ Ламарка и Жоффруа Сентъ-Илера, но онъ увлекся зоологіей подъ магическимъ обаяніемъ генія Кювье и не предугадалъ той важной роли, которую впослѣдствіи имѣлъ трансфор-

мизмъ. Нигдѣ въ своемъ сочиненіи онъ не задается вопросомъ, каково происхожденіе изучаемыхъ имъ животныхъ, и, кажется, думаетъ, какъ его первый учитель, что они были и будутъ всегда такими же, какими мы видимъ ихъ теперь. Онъ замѣчаетъ, что одни изъ нихъ представляютъ только одинъ зоонитъ, что у многоножекъ зоониты образуются послѣдовательно, но ему не приходитъ въ голову мысль, несомнѣнно не ускользнувшая бы отъ Ламарка или всякаго другого трансформиста, что простыя животныя, состоящія изъ одного только зоонита, могли быть предками, прародителями, еще живущими на землѣ, животныхъ, состоящихъ изъ нѣсколькихъ зоонитовъ; онъ не стремится узнать, чѣмъ опредѣляется группировка зоонитовъ по кругу и по прямой линіи, какія причины дали начало тому, что Кювье называетъ органическими типами. Наоборотъ, типы, по его мнѣнію, первоначальны, съ первыхъ ступеней развитіе животное носитъ отпечатокъ типа, къ которому оно принадлежитъ. «Каждый видъ животнаго имѣетъ свою особую форму (какъ наружную, такъ и внутреннюю), его *собственный типъ* и, хотя нельзя сказать, въ чемъ состоитъ *первичная* причина, дающая животному заранѣе особый характеристическій отпечатокъ, но эта причина препятствуетъ видамъ размножаться безъ извѣстной законности и безъ границъ; она запечатлѣваетъ особыя фамильныя черты у индивидуумовъ одного вида; здѣсь надо признать нѣкоторую могущественную силу и изучать ее, по крайней мѣрѣ, въ ея проявленіяхъ. Хотя развитіе проходитъ чрезъ измѣненія, которыя можно сравнить со ступенями животной лѣстницы, но зародышъ все же имѣетъ всегда свои особыя черты». Въ этомъ отрывкѣ можно замѣтить вліяніе изысканій и въ особенности идей фонъ-Бэра; но въ 1831 г. едва было положено основаніе эмбріологіи; не только не знали ничего о способѣ развитія низшихъ животныхъ, но и развитіе самыхъ высшихъ было мало извѣстно. Дюжесъ шелъ впереди своего вѣка, описывая размноженіе поперечнымъ дѣленіемъ одной изъ Планарій *Catenula lemnae*.

Законъ единообразія въ организаціи есть, слѣдовательно, въ нѣкоторомъ родѣ законъ метафизическій, какъ и законъ единства плана строенія; онъ не старается объяснить происхожденіе животныхъ, онъ ограничивается просто констатированіемъ ихъ строенія и устанавливаетъ между ними чисто теоретическую, я сказалъ-бы, чисто теологическую связь. Вокругъ этой основной идеи смутно чувствуются, впрочемъ, другія, еще болѣе метафизическаго характера. Часто проскальзываетъ чисто пиѳагорейское стремленіе найти у животныхъ, совершенно различныхъ,

одни и тѣ же части въ одномъ и томъ же количествѣ, хотя ничто не заставляетъ ожидать, чтобы искомое число было постояннымъ; такъ, Дюжесъ старается показать, что шея позвоночныхъ состоитъ изъ трехъ позвонковъ, также какъ грудь насѣкомыхъ изъ трехъ члениковъ; онъ находитъ одинаковымъ образомъ соотвѣтствіе между пятью парами ногъ десятиногихъ ракообразныхъ и пятью первичными придатками, сращеніе которыхъ, по его мнѣнію, образуетъ конечности высшихъ позвоночныхъ.

Однимъ словомъ, онъ воображаетъ, что однѣ и тѣ-же части должны находиться въ одинаковомъ количествѣ и обозначаться одинаковыми именами у позвоночныхъ и членистыхъ животныхъ; онъ даетъ сравнительную таблицу частей тѣла тѣхъ и другихъ и приходитъ къ подобію демонстрированія тождественности ихъ строенія. Совершенно ясно, что Дюжесъ ни на минуту не могъ предположить, чтобы эти вымышленные числовые законы управляли всѣмъ животнымъ царствомъ; онъ обладаетъ слишкомъ обширными познаніями, чтобы ему могла придти мысль найти у сифонофоръ всѣ зооніты рака или кошки; но, когда ищутъ сходствъ, объясненіе которыхъ лежитъ въ высшей силѣ, нѣтъ причинъ останавливаться предъ чѣмъ бы то ни было, а числа во всѣ времена представлялись чѣмъ-то волшебнымъ и очаровывали нѣкоторые умы. Не основалъ-ли Макъ-Лей, образованный энтомологъ, цѣлую систему зоологическихъ подраздѣленій на превосходствѣ числа пять, которое онъ считалъ числомъ, дающимъ направленіе органическому развитію?

Та же самая метафизическая тенденція привела Дюжеса къ мысли, что подраздѣленія животнаго царства могутъ быть расположены въ двухъ соприкасающихся кругахъ, изъ которыхъ одинъ обнимаетъ безпозвоночныхъ, а другой позвоночныхъ. Такія попытки свидѣтельствуютъ только о глубокомъ убѣжденіи автора, что непрерывность твореній вселенной должна выразиться простой геометрической линіей. Боне потерпѣлъ неудачу съ прямой линіей; Дюжесъ остановился на кругѣ.

Несмотря на недостатки, неизбѣжные въ ту эпоху, когда сочиненіе Дюжеса было написано, недостаетъ словъ, чтобы достаточно оцѣнить значеніе развиваемыхъ и часто точно установленныхъ морфологическихъ воззрѣній, изложенныхъ въ «Mémoire sur la conformitè organique». Появившееся въ самый моментъ окончанія борьбы двухъ гигантовъ, Кювье и Жоффруа Сентъ-Илера, сочиненіе это прошло незамѣченнымъ и неоцѣненнымъ по достоинству. Впрочемъ, немногіе ученые могли понять все его значеніе, даже самъ Дюжесъ не совсѣмъ ясно представлялъ его

себѣ. Хотя изъ «Mémoire sur la conformité organique» часто дѣлали заимствованія, но по смерти автора сочиненіе это цитировали только въ качествѣ курьёза. Между тѣмъ, оно имѣетъ для морфологіи животныхъ столь же важное значеніе, какъ трудъ Гёте для морфологіи растеній.

Скоро открытія послѣдовали одно за другимъ, одни изъ нихъ дали блестящее подтвержденіе воззрѣній анатома изъ Монпелье, другія еще болѣе расширяли открытые имъ новые горизонты, но руководящая нить, разъ найденная, была утрачена; имя Дюжеса почти не произносится, между тѣмъ оно могло бы быть поставлено на ряду съ именами Ламарка и Жоффруа. Пусть эти нѣсколько строкъ поспособствуютъ тому, чтобы была исправлена невольная несправедливость зоологовъ къ одному изъ славнѣйшихъ людей этого вѣка! Впрочемъ, эта несправедливость, была роковымъ слѣдствіемъ суровыхъ условій, которыя создала во Франціи борьба Жоффруа Сентъ-Илера и Кювье для развитія философіи зоологіи, дискредитированію которой способствовали также тѣ крайности, въ которыя впала одна нѣмецкая школа. О ней мы и будемъ говорить теперь.

Глава XIV.

Натурфилософы.

Идеи Шеллинга. — Окэнъ: полярность и бытіе вселенной. — Первобытная слизь.—Произвольное зарожденіе инфузорій; анатомическіе элементы.—Законъ повторенія, какъ выводъ изъ философіи природы.—Человѣкъ и микрокосмъ.—Степени организаціи.—Теорія позвонка; позвоночное строеніе черепа.—Спиксъ: приложеніе закона повторенія къ сравнительной анатоміи.—Карусъ: расширеніе теоріи позвонка.

Великую школу, которую началъ Бюффонъ, продолжали: Ламаркъ, Жоффруа С.-Илеръ и Дюжесъ во Франціи, Гёте и Кильмейеръ въ Германіи. Она собираетъ факты и пытается, при помощи ряда наведеній, подняться отъ этихъ фактовъ къ общему понятію объ отношеніяхъ, соединяющихъ между собою живыя существа. Она хочетъ воспользоваться этимъ понятіемъ, чтобы открывать новые факты и новыя отношенія. Въ сущности, это—методъ, общій всѣмъ людямъ науки; они различаются только бо́льшимъ или меньшимъ числомъ фактовъ, между которыми ихъ умъ подмѣчаетъ соотношенія, бо́льшею или меньшею общностью идей, которыя вызываются въ нихъ этими соотношеніями. Философы часто поступаютъ иначе: за исходную точку принимается апріорная идея,

по возможности широкая и отвлеченная; изъ нея при помощи разсужденія выводятся факты. Такой опытъ былъ сдѣланъ въ Германіи въ началѣ этого вѣка школою, такъ-называемыхъ, *натурфилософовъ*.

Съ перваго взгляда кажется, что подобный пріемъ неизбѣжно останется безплоднымъ. На дѣлѣ не всегда такъ бываетъ. Въ какой бы формѣ ни выражались идеи, въ концѣ концовъ, онѣ вытекаютъ изъ фактовъ; вотъ почему онѣ всегда содержатъ часть дѣйствительности. Съ другой стороны, извлекая изъ нихъ всѣ слѣдствія, философъ никогда не теряетъ изъ виду тѣ группы фактовъ, которыя онъ стремится объяснить. Его умъ успокоивается только тогда, когда ему удастся болѣе или менѣе тѣсно связать факты съ основною идеею. Но каждый разъ, какъ онъ дѣлаетъ это, онъ неизбѣжно измѣняетъ значеніе первой идеи: въ ея содержаніи все больше и больше отражается дѣйствительность. Получаются уже не сближенія между отвлеченностями, а сближенія между дѣйствительными фактами; а изъ этихъ сближеній неизбѣжно вытекаютъ точныя слѣдствія, которыя тѣмъ сильнѣе поражаютъ умъ, чѣмъ парадоксальнѣе казалась исходная точка. Въ этомъ—исторія школы натурфилософовъ, въ этомъ—тайна того энтузіазма, который вызывала она одно время, того вліянія, которымъ она пользовалась въ Германіи въ теченіе болѣе, чѣмъ полувѣка. Такъ объясняются успѣхи, которыхъ достигла она, открытія, къ которымъ она привела.

Первымъ изъ натурфилософовъ былъ Шеллингъ. Онъ прослушалъ лекціи Кильмейера и съумѣлъ ввести въ свою систему всѣ идеи знаменитаго учителя *). Исходной точкой для всей системы Шеллинга является существованіе въ природѣ извѣстныхъ силъ, извѣстныхъ началъ, которыя нейтрализуются при соединеніи. Такъ, положительное электричество и отрицательное электричество, оба способны производить дѣйствіе; но, соединившись вмѣстѣ, они даютъ электричество чистое и простое, электричество абсолютное, которое не обнаруживаетъ своего существованія никакимъ явленіемъ. Обѣ магнитныя жидкости, сѣверная и южная, точно также нейтрализуются при соединеніи. Два пола животныхъ и растеній, способные измѣняться въ отдѣльности, производятъ, соединившись вмѣстѣ, нѣчто постоянное, видъ, который является чистымъ отвлеченіемъ. Такъ, Шеллингъ приходитъ къ мысли, что эта противо-

*) De l'âme du monde, hypothèse de haute physique pour expliquer d'un organisme universel, 1798. Premier plan d'un système de philosophie de la nature, 1799.

положность, кажущаяся или дѣйствительная, представляетъ законъ общій по преимуществу, и что изъ нея истекаетъ все. Среди всѣхъ противоположностей самыя общія это—*я* и *не я*, *единство* и *множество*, *духъ* и *матеріальный міръ*. Подобно двумъ электри-

Шеллингъ.

чествамъ, эти противоположности—не что иное, какъ различныя проявленія всеобщаго начала; Шеллингъ называетъ его: «*абсолютное*». Если я и не я соединились, они инертны, они даютъ тогда начало небытію; но, вслѣдствіе своей противоположности,

они становятся дѣятельными—такъ же, какъ два электричества, и постоянно стремятся къ соединенію. Направляясь другъ къ другу, эти два элемента подвергаются остановкамъ, и такія остановки даютъ начало всѣмъ явленіямъ міра, всѣмъ существамъ. Такъ, электрическій токъ, ничѣмъ не выдающій своего существованія, обнаруживается въ явленіяхъ, доступныхъ нашимъ чувствамъ, какъ только встрѣчаетъ сопротивленіе, какъ только подвергается задержкѣ. Такъ какъ я и не я, духъ и матеріальный міръ—двѣ равноцѣнныя части одного и того же цѣлаго, можно сказать, въ извѣстномъ смыслѣ, что духъ творитъ міръ, что ему достаточно смотрѣть въ себя, чтобы найти всѣ части вселенной. Отсюда—знаменитый афоризмъ: «философствовать о природѣ—это значитъ: творить природу».

Существа—не что иное, какъ послѣдовательныя остановки одной и той же дѣятельности. Вотъ почему высшія изъ нихъ при своемъ развитіи должны проходить чрезъ тѣ же формы, на которыхъ останавливаются простѣйшія существа; здѣсь повторена мысль Кильмейера. Органы высшихъ существъ должны происходить изъ органовъ низшихъ; здѣсь подтверждается доктрина эпигенезиса, за которую стоялъ Бюффонъ.

Существа организованныя и существа неорганическія, всѣ они, только проявленія одной и той же дѣятельности, всѣ они—одинаково живы. Весь міръ, одинъ громадный организмъ. Его «я», его умъ, его душа—существо абсолютное, т. е. Богъ, который обратился бы въ небытіе, если бы міръ не существовалъ.

Развивая свою систему, Шеллингъ охотно ограничивается обобщеніями. Окэнъ стремится распространить ее на сложную сѣть явленій; въ то же время онъ даетъ ей по внѣшности болѣе точную форму. Математическія науки, физика и біологія доставляютъ ему сравненія и доказательства.

Вся философія его покоится на слѣдующъ тожествѣ:

$$+A-A=0$$

Таково ариѳметическое обобщеніе противоположностей Шеллинга. Данное математическое тожество заключаетъ въ себѣ: міръ матеріальный, означенный выраженіемъ $+A$, и духъ, означенный выраженіемъ $-A$; соединяясь, они даютъ божественное, «абсолютное», тотъ нуль, то небытіе, изъ котораго все произошло. Міръ матеріальный, конечное—пространство, время, все это—«абсолютное» пассивное; идеалъ, безконечность, вѣчность, это—«абсолютное» активное. Когда «абсолютное» противополагается самому себѣ и становится одеовременно активнымъ и пассивнымъ, оно производитъ актъ творенія. «Абсолютное» активное и «абсолютное»

пассивное сливаются въ единомъ, какъ наибольшее и наименьшее сливаются въ нулѣ. Эти три формы «абсолютнаго», которая есть Богъ. Окэнъ найдетъ также возможность объяснить много другихъ тайнъ.

Но онъ не остается на этихъ высотахъ; онъ спускается съ нихъ сначала для того, чтобы установить принципъ, довольно сходный съ механическимъ принципомъ *дѣйствія* и *противодѣйствія*. Всякая сила, по его мнѣнію, является двойственною и состоитъ изъ силы положительной и силы отрицательной. Движеніе вытекаетъ изъ этой поляризаціи силы: оба выраженія ея постоянно стремятся нейтрализоваться, никогда не достигая этого. Чѣмъ разнообразнѣе противоположныя выраженія одной и той же силы, тѣмъ активнѣе будетъ движеніе, вызванное ими. Но движеніе, это—жизнь; жизнь будетъ тѣмъ интенсивнѣе, чѣмъ больше разнообразныхъ и противоположныхъ особенностей заключаютъ въ себѣ живыя существа. Самое полное выраженіе жизни—человѣкъ: въ немъ соединены всевозможныя особенности; каждая изъ нихъ—одна изъ возможныхъ формъ жизни, существо. Поэтому человѣкъ заключаетъ въ себѣ весь міръ. Всякое животное является только сокращеніемъ человѣка, отдѣльнымъ органомъ или соединеніемъ органовъ, которые находятся въ человѣкѣ. Здѣсь исходная точка всей зоологической системы, которую мы разовьемъ сейчасъ.

Но какъ могли образоваться живыя существа? Чтобы объяснить это, необходимо вникнуть въ систему Окэна въ цѣломъ: отдѣльныя части ея связаны между собою такъ тѣсно, какъ послѣдовательныя теоремы геометріи.

«Абсолютное», противополагаясь самому себѣ, творитъ матерію; послѣдняя, не что иное, какъ «абсолютное» пассивное. Матерія одна: это—*эфиръ*. «Абсолютное» не поляризованное, соотвѣтствующее нулю, представляетъ точку; «абсолютное» поляризованное удаляется само отъ себя: оно—точка, распространившаяся по всѣмъ направленіямъ, сфера. Итакъ, эфиръ сферичнъ. Онъ стремится войти въ «абсолютное», упасть къ центру; поэтому онъ обладаетъ тяжестью и всегда находится въ движеніи. Но онъ не можетъ соединиться съ «абсолютнымъ»; поэтому онъ вращается вокругъ него. «Абсолютное», это—точка, центръ; слѣдовательно, вся сфера вращается около центра.

Эфиръ, подобно самому «абсолютному», обладаетъ двойственной природой; слѣдовательно, онъ долженъ поляризоваться. Это осуществится лишь тогда, когда онъ, подобно «абсолютному», раздѣлится на сферы, вращающіяся около самихъ себя; однѣ изъ нихъ—активныя, другія—пассивныя. Такимъ образомъ, поляризованный

эфиръ даетъ начало свѣтиламъ: сферы активныя—солнца, сферы пассивныя—планеты, которыя стремятся соединиться съ солнцами, чтобы войти въ свое абсолютное, и, слѣдовательно, вращаются около нихъ. Напряженіе, отдѣляющее солнца отъ планетъ, это то, что мы называемъ свѣтомъ. Это напряженіе является причиною поляризаціи эфира, распаденія его на солнца и планеты; оно производитъ, насчетъ эфира, матерію физиковъ: поэтому, нѣтъ матеріи безъ свѣта. Изъ борьбы свѣта съ неполяризованнымъ эфиромъ рождается теплота; свѣтъ и теплота вмѣстѣ производятъ огонь.

Планеты такъ же, какъ солнца, представляютъ *троицу*, своего рода абсолютное. Активные и пассивные элементы его, тѣла жидкія и твердыя, раздѣлены напряженіемъ, составляющимъ воздухъ; совокупность этихъ трехъ частей, твердаго, жидкаго и воздушнаго, означается у Окэна словомъ *гальванизмъ*. Минералы, одно изъ произведеній этой поляризаціи, обязаны своею твердостью новой силѣ, *магнетизму*; ихъ поляризація выражается кристаллической формой. Теплота электризуетъ кристаллы; другая сила, *химизмъ*, извлекаетъ изъ состоянія безразличія два электричества, и эта разъединяющая сила стремится перевести тѣла въ состояніе жидкости.

Химизмъ вызываетъ въ минералахъ превращенія; послѣдней степенью измѣненія является уголь. Когда уголь подвергнется тремъ спеціальнымъ дѣйствіямъ, свойственнымъ гальванизму, когда онъ сдѣлается одновременно твердымъ, жидкимъ и воздухообразнымъ, эластичнымъ, тогда происходитъ *первобытная слизь*, Urschleim. Первобытная слизь и соль, однообразно распространенныя въ глубинахъ моря,—это произведенія спеціальной поляризаціи, зависящей отъ свѣта. Море—организовано, такъ какъ слизь распространена въ его массѣ повсемѣстно; изъ него произошло все, въ чемъ есть жизнь. Жизнь—только форма гальванизма; поэтому первобытная слизь способна дѣлаться твердою, жидкою и воздухообразною или окисленною: эти три способности соотвѣтствуютъ функціямъ ассимиляціи, пищеваренія и дыханія. При такихъ свойствахъ примитивная слизь организуется, какъ примитивный эфиръ. Она не можетъ образовать единой сферы,—въ такомъ случаѣ она дала бы начало планетѣ; она дѣлится на безконечное множество сферъ; эти сферы — инфузорій, которыя являются, такимъ образомъ, прямо изъ слизи, благодаря *произвольному зарожденію*. Животныя и растенія — только скопленія инфузорій; разлагаясь, они, дѣйствительно, распадаются на несмѣтное число инфузорій.

Превращеніе инфузорій въ животныхъ и въ растенія опре-

дѣляется свѣтомъ. Такъ какъ растенія скрыты отчасти въ землѣ и не получаютъ достаточно свѣта, они рвутся изъ земли вверхъ, къ свѣту, и производятъ цвѣты, когда достаточно облагорожены его прикосновеніемъ. Но они все-таки прикрѣплены къ землѣ, какъ земля къ солнцу; слѣдовательно, въ этой троицѣ, которую представляетъ живой міръ, они изображаютъ элементъ планетарный. Животныя же—свободны, какъ солнце, которое ни къ чему не притягивается, и представляютъ элементъ солнечный. Растенія содержатъ въ себѣ только три планетарныхъ элемента: твердое, жидкое и эластичное; животныя, кромѣ того, содержатъ элементъ солнечный свѣтъ. Этотъ элементъ уже представленъ въ самой благородной части растенія, въ цвѣткѣ: при своемъ развитіи цвѣтокъ возвращается къ началу всѣхъ вещей, къ *точкѣ*, которой соотвѣтствуютъ крупинки цвѣточной пыли. Животное—цвѣтокъ безъ стебля; оно начинаетъ съ того, чѣмъ растеніе кончаетъ; оно представляетъ сначала родъ сѣмени, оживленнаго свѣтомъ,—таковы инфузоріи. Всѣ части растенія содержатся въ животномъ, но онѣ облагорожены здѣсь свѣтомъ. Само животное является системой, аналогичной съ системою космической: въ немъ есть своя планетарная часть—кости; своя солнечная часть—нервная система. Послѣдняя состоитъ изъ точекъ, которыя похожи на крупинки цвѣточной пыли, но соединены между собою. Средину между нервами и костями представляетъ мясо.

Въ этой системѣ предполагается, что при развитіи вселенной каждый членъ получается чрезъ распаденіе предыдущаго на двѣ части, которыя соединены третьею въ состояніи напряженія. Примѣняя свой пріемъ далѣе и комбинируя различные члены, полученные раньше, Окэнъ могъ шагъ за шагомъ объяснить всѣ явленія до мельчайшихъ подробностей. Каждое явленіе вытекаетъ изъ предыдущихъ и, въ свою очередь, даетъ начало новымъ вещамъ и новымъ явленіямъ, благодаря повторенію одного и того же процесса. Очевидно, что при такомъ характерѣ развитія каждый изъ членовъ ряда содержится во всѣхъ другихъ. Отсюда, знаменитый афоризмъ: «все есть во всемъ». Законъ *повторенія частей* въ организмѣ, только частный случай общаго положенія.

Мы показали въ другомъ мѣстѣ *), что это повтореніе частей—слѣдствіе явленія болѣе общаго, именно, явленія воспроизведенія. Клѣточное строеніе организмовъ, явленія эпигенезиса, дѣленіе тѣла у членистыхъ и лучистыхъ животныхъ на равнозначущіе сегменты, дѣленіе главной части скелета на позвонки, все это—

*) Colonies animales, 1881, p. 710.

результатъ постояннаго повторенія процессовъ воспроизведенія, вполнѣ доступныхъ для наблюденія. Разъ система построена, какъ у Окэна, на безконечномъ повтореніи однихъ и тѣхъ же актовъ, однихъ и тѣхъ же явленій, она должна была оказаться въ согласіи съ природою каждый разъ, какъ природа представляла дѣйствительныя повторенія.

Такой случай мы видимъ въ царствѣ растеній и въ царствѣ животныхъ, какъ вывелъ еще Гёте путемъ наблюденія. Точно также она должна была совпасть съ природою во всѣхъ случаяхъ, гдѣ явленіе вытекаетъ изъ столкновенія двухъ силъ, причемъ ихъ противоположныя вліянія отчасти нейтрализуются. Вотъ почему наблюденіе подтвердило нѣкоторыя апріорныя положенія Окэна.

Таковы истины:

«Постоянство видовъ въ значительной степени зависитъ отъ полового воспроизведенія».

«Животныя и растенія составлены изъ элементовъ, первоначально сходныхъ между собою, аналогичныхъ инфузоріямъ,—изъ клѣточекъ».

«Всѣ живыя существа развиваются, благодаря эпигенезису».

«Высшіе организмы происходятъ чрезъ соединеніе сходныхъ частей, которыя повторяются, располагаясь различными способами».

«Многіе изъ низшихъ организмовъ представляютъ ассоціацію органовъ или частей, которыя въ законченномъ видѣ наблюдаются только у организмовъ высшихъ».

Правда, многія изъ этихъ истинъ были уже найдены, помимо Окэна, и совершенно другимъ путемъ. Притомъ, Окэнъ только проносится надъ дѣйствительнымъ міромъ, который случайно привлекаетъ его мысль при ея быстромъ полетѣ. Онъ останавливается не болѣе, какъ на мгновеніе, и сейчасъ же снова устремляется въ безконечную область умозрѣній.

Изучая животныхъ, онъ старается показать, что въ ихъ цѣломъ представлена каждая изъ ихъ частей, и въ каждой части представлено цѣлое. Животное, подобно инфузоріямъ, которыя составляютъ его тѣло, не что иное, какъ пузырь, обтянутый кожей. Пищеварительная трубка—часть кожи этого первичнаго пузыря, которая впячена внутрь и лишена дѣйствія свѣта. Подъ вліяніемъ воздуха, кожа производитъ жабры; легкія—это жабры, вывороченныя и введенныя внутрь тѣла. Аорта—повтореніе дыхательной трубки; то же нужно сказать о грудномъ каналѣ. Печень—это мозгъ, къ которому сходятся сосуды отъ кишечника и

легкихъ, такъ же, какъ къ мозгу сходятся нервы. Въ системѣ, въ которой легкія представляютъ кожу, желчный пузырь является повтореніемъ кишечника. Эта система развилась какъ зародышъ, при полномъ отсутствіи свѣта; зародышъ сначала представляетъ изъ себя только печень. Костная система происходитъ изъ печени, когда на этотъ органъ начинаетъ дѣйствовать свѣтъ; она защищаетъ нервную систему и служитъ опорою для системы мускульной. Между спиной и животомъ животнаго существуетъ взаимное соотвѣтствіе; но спина—солнечная часть, животъ—планетарная часть животнаго: отсюда ихъ взаимное расположеніе. Такъ какъ животъ меньше подверженъ воздѣйствію свѣта, у него не полный, не законченный позвоночный столбъ: это—грудная кость; въ тѣлѣ животнаго онъ представляетъ часть, которая осталась растительною. Въ скелетѣ также можно отмѣтить животную и растительную часть: тѣла позвонковъ и ребра—растительныя части, члены—животныя части. Члены—не что иное, какъ ребра, которыя сдѣлались болѣе животными и срослись между собою; рука развивается, благодаря сліянію пяти реберъ, представленныхъ пальцами.

Наиболѣе животною частью является голова. Туловище, которое уже поляризовалось на животную часть—спину и растительную часть—животъ, остается по-преимуществу растительнымъ: оно соотвѣтствуетъ высшей части растенія и представляетъ животное половое, въ противоположность животному мозговому. Но голова — повтореніе туловища; у ней также есть позвоночный столбъ: это — черепъ, который составленъ изъ позвонковъ; челюсти соотвѣтствуютъ рукамъ; зубы—пальцамъ; носъ—грудной клѣткѣ; рѣшетчатая кость—легкимъ; ротъ—желудку; нёбная занавѣска—діафрагмѣ; руки—ногамъ.

Даже болѣе: кожа, кишечникъ, легкія, мясо, нервная система—все это—полныя существа, которыя взаимно представляютъ одно другое. Каждое изъ нихъ—организмъ, и его полное развитіе влечетъ за собою появленіе одного изъ органовъ чувствъ. Органы чувствъ—какъ бы цвѣтки этихъ организмовъ. Все животное также является цвѣткомъ. Поэтому, каждый органъ чувствъ представляетъ паразитное животное, въ которомъ отразился цѣлый организмъ. Самымъ совершеннымъ изъ нихъ является глазъ, настоящій мозгъ, помѣщенный на кожѣ.

Въ половомъ животномъ повторяется, въ свою очередь, мозговое животное. Отсюда сходство переднихъ частей съ задними: тазъ это—грудная клѣтка половаго животнаго; подвздошная кость соотвѣтствуетъ лопаткѣ; сѣдалищная кость — ключицѣ; бедро — плечу и пр.

*

Страстно отыскивая органическія повторенія, Окэнъ пользовался самыми поверхностными сходствами, чтобы отстаивать самыя странныя сопоставленія. Было бы удивительно, если-бъ при этомъ не были подмѣчены нѣкоторыя дѣйствительныя сходства между частями тѣла. Окэнъ поддерживаетъ гомологію переднихъ членовъ съ задними; въ этомъ онъ сходится съ Викъ д'Азиромъ. Окэнъ указываетъ на позвоночное строеніе черепа; то же доказывалъ Гёте. Очень часто онъ мѣтко схватываетъ существенныя особенности извѣстнаго органа. Среди натянутыхъ сопоставленій, вдругъ вырывается удачная фраза, которая неожиданно освѣщаетъ новыя соотношенія и заставляетъ запечатлѣть ихъ въ умѣ. Сколько такихъ фразъ, такихъ выраженій перешло въ словарь современныхъ натуралистовъ!

Въ каждой части человѣческаго тѣла повторяется весь человѣкъ; царство животныхъ точно также—повтореніе человѣка. Животныя не что иное, какъ органы человѣческаго тѣла, взятые отдѣльно или въ различныхъ сочетаніяхъ. Поэтому можно классифицировать животныхъ по степени ихъ сложности. Каждую группу Окенъ означаетъ названіемъ системы, которая, по его мнѣнію, преобладаетъ въ ней.

Вотъ таблица, данная имъ для царства животныхъ:

I степень. — Животныя — кишки, животныя тѣла, животныя — осязаніе: Безпозвоночныя.

1-й циклъ. — Животныя — пищевареніе: Лучистыя.

Классъ 1. — Животныя — желудокъ: Инфузоріи.
» 2. — » — кишки: Полипы.
» 3. — » — хилоносныя: Медузы.

2-й циклъ. — Животныя — кровообращеніе: Моллюски.

Классъ 4. — Безголовые.
» 5. — Брюхоногіе.
» 6. — Головоногіе.

3-й циклъ. — Животныя — дыханіе: Членистыя.

Классъ 7. — Животныя — кожа: Черви.
» 8. — » — жабры: Ракообразныя.
» 9. — » — трахеи: Насѣкомыя.

II степень. — Животныя — мясо, животныя — голова: Позвоночныя.

4-й циклъ. — Животныя — мясо.

Классъ 10. — Животныя — кости: Рыбы.
» 11. — » — мускулы:Пресмыкающіяся.
» 12. — » — нервы: Птицы.

5-й циклъ. — Животныя чувствующія.

Классъ 13. — Млекопитающія.

— Михалаке, кто считаетъ, во что обойдутся музыка и танцы, тотъ свадьбы не сыграетъ.

Замѣтимъ, однако, что Марко былъ, въ сущности, партизаномъ приготовленій, но не возстанія. Онъ не былъ настолько увлеченъ, чтобы стоять за послѣднее — подобно Мичу, и вѣра его въ успѣхъ борьбы не была настолько непоколебима и слѣпа, чтобы все поставить на карту—подобно Огнянову. Бѣлая - Церковь должна быть на готовѣ, чтобы быть въ состоянія отразить нападеніе башибузуковъ, которые грозили на нее нахлынуть. Бѣлая - Церковь была со всѣхъ сторонъ окружена многочисленными турецкими селами и должна поэтому готовиться къ отпору... Если пламя охватитъ всю Болгарію, тогда, конечно, другое дѣло. Но будетъ ли оно такъ?.. Какъ бы то ни было, Бѣлая-Церковь должна быть готова.

И онъ настаивалъ на вооруженіи... Потомъ время намъ покажетъ, говорилъ онъ.

Три дня тому назадъ, Николай Нетковичъ зашелъ къ нему и разсказалъ о своихъ безуспѣшныхъ поискахъ за стволомъ черешни.

— Отсѣки мою черешню, — сказалъ онъ. Однако, изъ эгоизма или изъ весьма естественнаго въ данномъ случаѣ отцовскаго чувства, онъ не позволилъ своимъ сыновьямъ вмѣшиваться въ это дѣло... Онъ хотѣлъ, чтобы они устояли противъ потока, который увлекъ его самого. Онъ хотѣлъ невозможнаго. «Довольно меня одного изъ семьи», думалъ онъ. Переломъ въ его душѣ еще не завершился: отсюда колебанія и противорѣчія. Однимъ словомъ, Марко былъ представителемъ умѣреннаго элемента въ народной партіи.

Калчо продолжалъ работу. Онъ провертѣлъ тонкимъ сверломъ дырочку недалеко отъ жерла. Потомъ онъ дунулъ въ нее, и изъ жерла вылетѣли опилки.

— Вотъ что называется: да будетъ! Обработаетъ турокъ,—воскликнулъ Калчо съ торжествующимъ видомъ.

— Браво, Букче, ты будешь нашимъ пушкаремъ... Теперь кузнецъ бай Лило набьетъ желѣзные обручи, и вотъ тебѣ пушка!—сказалъ бай Мичо.

— Мать моя, да она будетъ страшно гремѣть,—замѣтилъ Марко.

— Мы укрѣпимъ ее высоко на Зеленомъ-Трапу и будемъ обстрѣливать всю долину... Откуда ни покажутся, стрѣляй, не жалѣй ихъ!.. Позиція чудесная!

Послышались шаги снаружи.

— Кто-то изъ нашихъ идетъ,— сказалъ Мичо; парню было велѣно пропускать только своихъ людей.

Вошелъ Поповъ, секретарь комитета.

Онъ поздоровался съ Мичо и Марко.

— Чего тебѣ тутъ нужно, Ганчо?— спросилъ его предсѣдатель.

— Иду на Зеленый-Трапъ, такъ вотъ зашелъ взглянуть на нашу артиллерію.

— Да, да, сегодня мы должны всѣ быть въ сборѣ, чтобы рѣшить, кого послать въ Панагюрище. Требуютъ отъ насъ представителя. Я буду за Соколова.

— Какого представителя хотятъ отъ насъ?—спросилъ Марко.

— Чтобы присутствовать на ихъ главномъ собраніи.

— А зачѣмъ будетъ это главное собраніе?

— Другъ, да чтобы рѣшить, когда поднять возстаніе.

— Навѣрное, на первое мая будетъ рѣшено,—замѣтилъ Ганчо.

Марко нахмурился.

— Ба, позже будетъ... Не раньше, какъ соберутъ розы,—замѣтилъ Мичо.

— Такъ и мы возстанемъ?

— Да, всѣ въ одинъ день возстанутъ.

— Не дѣлайте безумія!

— Безуміе — не безуміе, оно должно совершиться,—коротко сказалъ Мичо.

— Не для прекрасныхъ глазъ мы столько времени готовимся!—прибавилъ Ганчо.

— Такъ ихъ! Такъ ихъ! Бай Марко!..—горячо отозвался Калчо.

— Я понимаю, если бы мы готовились обороняться отъ башибузуковъ, потому что мы видимъ, что около насъ дѣлается... А такъ, боюсь, какъ бы мы одни не влопались,—сказалъ бай Марко.

— Стыдъ и безчестіе, если Бѣлая-Церковь замедлитъ хоть на одинъ моментъ!.. Весь народъ возстанетъ въ одинъ день и Турціи настанетъ конецъ!—съ горячностію воскликнулъ бай Мичо.

Марко задумался.

— А вы хорошо знаете, — спросилъ онъ,—что это такъ будетъ?

— Какъ же не знаемъ? Дѣти мы, что ли?.. Я потому тебя и приглашалъ въ комитетъ, чтобы ты своими глазами читалъ письма и чтобы послушалъ Каблешкова.

Марко недовѣрчиво покачалъ головой.

— Одно дѣло, если тебѣ люди говорятъ, другое дѣло, если ты самъ знаешь, что это такъ... Пять разъ обдумайте, прежде чѣмъ рѣшить, иначе повторится загорская исторія.

Мичо разсердился.

— Теперь другое дѣло, не будь ребенкомъ, Марко! Я тебѣ говорю, что загорится повсюду... Все организовано. Только день бы указали...

Пока оба домохозяина бесѣдовали и препирались, въ сарай успѣло войти еще нѣсколько членовъ комитета. Они также по дорогѣ зашли взглянуть на бѣлоцерковскаго Крупа. Скоро и остальные пришли, и всѣ по той же причинѣ. Такимъ образомъ оказались на лицо всѣ члены комитета, за исключеніемъ одного только Дима Безпортева.

— Капасыза не будетъ, — доложилъ Илья Странджовъ; — онъ, должно, натрескался въ какой - либо корчмѣ.

— Не хорошо лакать безъ мѣры,—замѣтилъ попъ Димо, нацѣживая себѣ стаканчикъ.

Члены комитета не могли надивиться и насладиться вдоволь зрѣлищемъ пушки. Она стояла передъ ними, какъ какое - то длинное, огромное животное, безъ головы и безъ ногъ, съ однимъ глазомъ на спинѣ и съ страшной глубокой пастью, изъ которой будетъ изрыгаться огонь и лава... На его гладкомъ желтоватомъ животѣ чернѣлась кабалистическая надпись, вырѣзанная бай Мичомъ, страшное memento mori Отоманской имперіи:

Турція падетъ. 1876.

— Ребята,—обратился къ членамъ предсѣдатель, мы условились на Зеленомъ-Трапу собраться?

— Тамъ, тамъ, пойдемъ!

— Но какъ мы собрались тутъ, не устроить ли здѣсь засѣданіе? По моему, здѣсь и больше подходитъ... при этой медвѣдицѣ...

Всѣ одобрили счастливую мысль предсѣдателя.

— Тогда присаживайтесь.

— А ты-жъ куда сядешь?

— Вотъ мой престолъ,—сказалъ бай Мичо и сѣлъ верхомъ на пушкѣ.

И засѣданіе началось.

XIX.

Новая молитва Марка.

Марко вышелъ изъ сарая—пушечнаго завода Калча, въ глубокой задумчивости; онъ былъ весь подъ впечатлѣніемъ того, что онъ тамъ видѣлъ и слышалъ.

— Кто знаетъ...—шепталъ онъ, подвигаясь тихо впередъ по зеленѣющимъ, разстилающимся тамъ садамъ.

Незамѣтно онъ дошелъ до рѣки, на востокъ отъ Бѣлой-Церкви... Тамъ онъ кинулъ взглядъ на садъ свой и на оставшійся въ немъ пень отъ черешни, и усмѣхнулся въ бороду; потомъ онъ повернулъ обратно, снова перерѣзалъ сады и поля и очутился на главной улицѣ города, черезъ которую лежалъ путь въ Карлово. Миновавъ цыганскій таборъ, расположившійся на полянѣ, на краю города, онъ увидѣлъ громадный хороводъ. Праздновалась свадьба какого-то бѣдняги, и въ ней принимали участіе всѣ сосѣди.

— Вотъ каковъ свѣтъ,—подумалъ Марко:—тамъ готовятъ пушки, а тутъ женятся и не думаютъ о завтрашнемъ днѣ...

Однако онъ тотчасъ убѣдился, что и тутъ было не безъ революціоннаго элемента: хороводъ водилъ Безпортевъ,—хотя хромой, однако знаменитый танцоръ. Онъ размахивалъ бѣлымъ платкомъ въ рукѣ и танцовалъ крайне эксцентрично и усердно, придавая безконечной живой цѣпи, которая за нимъ слѣдовала, самыя капризныя формы и изгибы: то хороводъ походилъ на безукоризненно правильный полукругъ, то онъ весь свивался, какъ засыпающая змѣя, потомъ вдругъ снова развертывался и превращался въ прямую линію, или же снова изображалъ разныя фантастическія фигуры.

Марко подошелъ поближе и замѣтилъ, что Безпортевъ былъ сильно пьянъ. Онъ такъ подскакивалъ и метался, а вмѣстѣ съ нимъ и вся подвижная колонна, какъ будто онъ велъ ее на приступъ какой-нибудь крѣпости. Энтузіазмъ Безпортева сообщился даже самому послѣднему звену въ хвостѣ колонны, которое составляла пятилѣтняя дѣвочка.

По приказанію Безпортева музыканты замолкли, и только одни участвующіе въ хороводѣ, продолжая кружиться, запѣли. Марко услышалъ слова пѣсни:

«Надѣешься ли ты, Калино,
«Что твой Коля прійдетъ?
«Что твой Коля прійдетъ,
«Подарки тебѣ принесетъ?
«На бѣлую шею—ожерелье,
«На тонкую талью—корсетъ,
«Ленту—на русую косу,
«Туфли—на малыя ножки?..»

И хороводъ кружился неудержимо.. Марко остановился, чтобы отдохнуть и полюбоваться на веселое зрѣлище.

Вдругъ его замѣтилъ Безпортевъ. Онъ отдѣлился отъ хоровода и побѣжалъ къ нему, продолжая размахивать платкомъ и подскакивать въ тактъ пѣснѣ. На его длинномъ сухомъ лицѣ съ синими бѣгающими глазками и маленькими черными усиками, выражалась какая-то свирѣпая радость и восторгъ,—результатъ безпросыпнаго пьянства, вызваннаго какой-то безумной, сокрушающей тревогой души.

— Да здравствуетъ бай Марко, да здравствуетъ Болгарія, и славные сыны Болгаріи да здравствуютъ!.. Бай Марко, поднеси стаканчикъ... Благодарствую. — Виватъ! да здравствуетъ бай Марко!.. Прости, бай Марко, я пьянъ, какъ водовозъ... но я все-таки въ своемъ умѣ, я пью вино, а не оно меня... Да, какъ чув-

ствительный болгаринъ... Потому что народъ страдаетъ и я говорю: довольно рабства и пьянства! Лучше смерть, чѣмъ такая позорная жизнь... Пусть говорятъ: напился, какъ русскій сапожникъ... Кто это говоритъ, тотъ предатель... Сердце мое болитъ за Болгарію, несчастную рабыню... Ищу я правду, человѣческую правду!.. Не хотимъ ни богатства, ни женщинъ *)... Но ты скажешь: люди женятся, и когда? А я тебѣ отвѣчаю: это народъ... а завтра, скажи ему: маршъ, впередъ, зажги дома свои и ступай въ Балканы!.. Кто боится птичекъ, тотъ проса не сѣетъ... Ты понимаешь меня... Да здравствуютъ патріоты! Я цѣлую ихъ руки и ноги!.. Но чорбаджія Юрдана... съ живого шкуру сдеремъ... Снова Стефчовъ? Этотъ Соколовъ, чортъ его возьми!.. Но пусть собака спитъ подъ камнемъ... Словомъ, я пьянъ, какъ, какъ... Любовь къ родинѣ меня дѣлаетъ пьянымъ... Часъ близокъ. Сегодня я живъ, завтра стану духомъ, тѣнью... Подлый свѣтъ, однимъ словомъ... И кто умретъ за народъ, тотъ будетъ живъ во вѣки вѣковъ... Да здравствуетъ Болгарія!.. А я что такое?— я оселъ, который боится быстрой воды...

Безпортевъ вдругъ замолчалъ: онъ замѣтилъ турка, который, верхомъ на конѣ, проѣзжалъ по улицѣ; въ послѣднее время это случалось рѣдко... Безпортевъ запѣлъ, показывая на турка:

«Бой наступаетъ... Сердце забилось...
«Вотъ они близко, наши враги...
«Други, смѣлѣе! Вѣрные чести
«Мы теперь больше ужъ не рабы!..»

— Впередъ, впередъ! — крикнулъ Безпортевъ, какъ бы предводительствуя невидимой дружиной, и бросился къ турку.

Турокъ обернулся и, увидѣвъ бѣгущаго къ нему Безпортева, остановился.

— Турокъ, куда ѣдешь? Какъ смѣешь ты топтать эту священную землю?.. Эта земля — болгарская, а твоя—въ азіатскихъ пустыняхъ, туда и ступай! Долой, скотъ, и цѣлуй нашу святую землю... Если нѣтъ, пусть черти возьмутъ твоего султана, и его евнуховъ, и его гаремы!..

Турокъ не понималъ, что ему говорилъ Безпортевъ, но видѣлъ, что онъ сильно пьянъ; онъ смутился, пришпорилъ коня и тронулся дальше.

Безпортевъ кинулся и схватилъ коня за узду.

— Чего ты хочешь отъ меня, чорбаджій? — спросилъ растерявшійся турокъ.

— Долой! Или ты хочешь, чтобы я пролилъ твою кровь!—заревѣлъ свирѣпо Безпортевъ, вынимая свой сверкающій кинжалъ

Турокъ имѣлъ не мало оружія за поясомъ, но онъ забылъ про это; дрожа, онъ слѣзъ съ покорнымъ видомъ съ коня.

— Чего хочешь, чорбаджій? —спросилъ онъ, устрашенный свирѣпымъ видомъ Безпортева.

— Куда ѣдешь, турокъ?

— Въ Карлово.

— А когда поѣдешь въ Мекку?

Турокъ совсѣмъ растерялся; голосъ его замеръ въ груди и онъ едва слышно прошепталъ:

— Чорбаджій, оставь меня.

— Поѣдемъ вмѣстѣ въ Мекку,— крикнулъ Безпортевъ;—постой, я сяду на тебя верхомъ! Ты ѣздилъ тысячу лѣтъ верхомъ на болгарахъ!..

И Безпортевъ проворно вскочилъ ему на спину, схватилъ его шею руками и крикнулъ:

— Впередъ! Скачи въ Мекку!

И, на глазахъ цѣлой толпы, при всеобщемъ крикѣ и смѣхѣ, турокъ,

*) Измѣненная строфа изъ стихотворенія Стамбулова:

«Богатствъ не хотимъ мы,
«И денегъ не ищемъ,
«Мы жаждемъ свободы
«И правъ человѣка»...

Прим. перев.

съ Безпортевымъ на спинѣ, тронулся впередъ.

Конь меланхолически двинулся вслѣдъ за своимъ господиномъ.

— Кто знаетъ, кто знаетъ!..—шепталъ Марко, возвращаясь домой. Онъ не могъ придти въ себя отъ изумленія: для него было ново все, что онъ видѣлъ и слышалъ. Онъ прожилъ пятьдесять лѣтъ на бѣломъ свѣтѣ; онъ помнилъ время, когда болгарину было запрещено носить платье зеленаго цвѣта и предписано было слѣзать съ коня при встрѣчѣ съ туркомъ; онъ самъ видѣлъ, испыталъ, пережилъ, проглотилъ безмолвно, какъ рабъ, столько униженій, что ему трудно было вѣрить глазамъ своимъ. Среди толпы, передъ тысячью зрителей турокъ слѣзаетъ съ коня по приказанію хромого и пьянаго болгарина, забываетъ про свой поясъ съ оружіемъ и подставляетъ, какъ животное, спину! И все это такъ просто, такъ неожиданно, такъ страшно неожиданно! И весь народъ смѣется и рукоплещетъ, какъ будто совершается вполнѣ естественное... Какое время наступило? Откуда эта дерзость у порабощенныхъ и этотъ страхъ у властителей?.. Или въ самомъ дѣлѣ, ударилъ уже часъ свободы, и Бейзадето правъ, и молодежь права?

— Кто знаетъ, кто знаетъ!..

На встрѣчу Марку шли дѣти изъ училища — это были ученики Мердвенджіева; они шли длинной колонной, по два въ рядъ, мѣрнымъ военнымъ шагомъ, подъ командой десятниковъ, которые шли съ боку, и генерала, шедшаго впереди... Асенъ, сынъ Марка, держалъ высоко палочку съ краснымъ платкомъ: это было знамя!

Марко, пораженный, остановился.

— Да всѣ обезумѣли: отъ стариковъ и до малышей,—подумалъ онъ,— все зашевелилось...

Онъ схватилъ Асенча за ухо и сказалъ ему, усмѣхаясь:

— Что ты несешь, щепокъ?

И съ удовольствіемъ вспомнилъ, что хоть старшіе его сыновья остались внѣ заразы, что у нихъ онъ не замѣчаетъ этого бунтовского духа, охватившаго всѣхъ, включая и его самого.

— Пусть хоть они останутся въ сторонѣ, пусть уцѣлѣютъ. Я ужъ пропащая голова. Хоть они останутся живы...

Но тотчасъ горькая мысль пришла ему въ голову, и онъ прибавилъ, нахмурившись:

— Да развѣ у этихъ негодяевъ не течетъ кровь въ жилахъ? Развѣ торгашей я народилъ?.. Нѣтъ, такъ лучше, лучше, пусть стоятъ въ сторонѣ... Довольно по одному съ семьи...

Былъ уже полдень.

Онъ вернулся домой безпокойный и сердитый, вошелъ въ комнату, осмотрѣлъ ружья и пистолеты, висѣвшіе на стѣнѣ въ кобурахъ, затѣмъ открылъ одинъ скрытый за дверью сундукъ, съ тѣмъ, чтобы зарядить два старыхъ пистолета, доставшихся ему отъ прадѣда и много лѣтъ уже валявшихся въ пыли. Помѣщеніе было темное и служило тайникомъ. Онъ наугадъ пощупалъ въ темнотѣ рукой, потомъ зажегъ свѣчу, чтобы лучше видѣть. Каково же было его удивленіе, когда онъ поднесъ свѣчу къ сундуку! Вмѣсто двухъ старыхъ пистолетовъ онъ увидѣлъ цѣлый арсеналъ огнестрѣльнаго оружія! Тутъ же были и другія необходимыя для похода вещи: въ одномъ углу висѣли сумки и всякія одежды, въ другомъ— царвули и шнурки, и всякіе подозрительные предметы.

Марко раскричался на жену, которая въ это время вышла:

— Кто отворялъ тайникъ! Кто вложилъ сюда эти мерзости?

Иваница посмотрѣла на него съ удивленіемъ.

— Кто жъ его отворялъ, развѣ я?.. Всѣ: Василь, Димитрій, Киро лѣзутъ

сюда каждый часъ и мажутся въ паутинѣ... Кто ихъ знаетъ, чего они ищутъ въ темнотѣ!

— Дьяволъ бы ихъ взялъ съ бунтовщиками вмѣстѣ,—сказалъ со злобой Марко.

Потомъ онъ подержалъ еще немного свѣчку, осмотрѣлъ кругомъ тайникъ и прошепталъ:

— Безумные! Безумные! да чтобъ не лѣзли въ огонь!

И онъ заперъ снова тайникъ, подошелъ къ иконостасу и съ глазами, устремленными на образъ, прошепталъ молитву. Этой молитвы не было въ его святцахъ... Онъ молился за Болгарію въ первый разъ въ своей жизни.

XX.

Народное опьяненіе.

По мѣрѣ того, какъ лѣто приближалось, революціонное движеніе дѣлало гигантскіе шаги впередъ, Все Западная Ѳракія, главная область революціи, походила на вулканъ, издававшій глухой шумъ—предвѣстникъ близкаго изверженія. Цѣлый рой апостоловъ разъѣзжалъ по горамъ и селамъ, дѣятельно организуя борьбу. Повсюду ихъ встрѣчали съ развертыми объятіями и открытыми сердцами, и народъ жадно глоталъ великія слова свободы, сгорая нетерпѣніемъ поскорѣе понести крестъ свой на Голгоѳу. Длинная вереница сѣятелей-предтечей, начинающаяся монахомъ Паисіемъ и заканчивающаяся дьякономъ Левскимъ, двумя святыми,—удобрила и засѣяла ниву народную, и первый благословилъ ее съ высоты Аѳона, второй съ высоты своей висѣлицы. Двадцать лѣтъ назадъ, Раковскій едва спасся при помощи женскихъ одеждъ, отъ ярости крестьянъ, когда вздумалъ говорить имъ о возстаніи. Теперь народъ высылалъ на встрѣчу апостоламъ депутаціи. И онъ внималъ, съ жадностью глоталъ животворящую рѣчь, какъ кристальную струю глотаетъ пересохшее горло. И когда ему говорили: будь готовъ, ты долженъ умереть! — церковь давала священника, школа—учителя, село—крестьянина, мать—сына. Идея со стихійной силой проникала повсюду, охватывала все—и горы, и равнины, и хижину бѣдняка, и келью монаха. Даже чорбаджіи—классъ, издавна служившій тормазомъ революціоннаго движенія, находились теперь подъ обаяніемъ идеи, волновавшей народные умы. Хотя они и не принимали прямого участія въ патріотическомъ движеніи, но они и не противились ему—не предали его. Предательства и подлости посыпались со всѣхъ сторонъ уже послѣ катастрофы, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ. Напрасно нѣкоторые стремятся пристрастно монополизировать это воодушевленіе въ пользу одной только части народа; революціонный духъ, этотъ огненный серафимъ, осѣнилъ крыломъ и носящихъ царвули, и людей университета, скуфьи и камилавки, феса и простого колпака. Какъ во всякомъ прогрессивномъ движеніи Болгаріи и на этотъ разъ наука и крестъ, т. е. духъ, стояли на первомъ планѣ. Мартирологъ новыхъ болгарскихъ мучениковъ ясно доказываетъ это. Главный контингентъ доставлялъ, конечно, народъ, такъ какъ сила послѣдняго заключается именно въ численности. Но нужна была интеллигенція, чтобы вдохнуть въ эту численность мысль и душу.

Воодушевленіе росло и охватывало всѣхъ. Каждый день движеніе увеличивалось, какъ въ размѣрахъ, такъ

и въ силѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ подвигались впередъ и приготовленія: старый и малый всѣ взялись за работу. Крестьяне не допахивали своихъ нивъ и принимались лить пули, горожане забрасывали торговлю. Тайная почта развозила денно и нощно корреспонденцію разныхъ комитетовъ; молодежь выходила на военное ученіе съ ружьями, подъ командой сотниковъ; женщины ткали полотно для портовъ, плели веревки, готовили бумажные патроны; старухи мѣсили тѣсто и пекли сухари; сапожники дѣлали сумки, царвули, ремни и другія принадлежности военнаго дѣла; даже сами сельскія власти, викилы, бирники, кметы, и тѣ принимали дѣятельное участіе въ приготовленіяхъ. Въ каждомъ селѣ увеличивался складъ ружей, пороху, пуль, — порохъ доставляли сами турки; просверленные стволы черешень, обдѣланные и закованные въ желѣзные обручи, образовали артиллерію. А шелковыя знамена съ вышитыми серебромъ рычащими львами, фантастическія революціонныя одежды, блестящія священническія рясы, кресты и хоругви составляли декорацію наступающаго возстанія.

Даже на дѣтскихъ играхъ отразилось всеобщее опьяненіе. Онѣ уже не состояли изъ зыгъ, волчковъ, мячей; дѣти устраивали теперь сраженія, парады съ деревянными саблями, ружьями изъ жести, барабанами... Старые люди, глядя на нихъ, благочестиво говорили: «Это указаніе Божіе».

Но небо совсѣмъ не указывало на предстоящую страшную бурю. Напротивъ, ранняя весна превратила всю Ѳракію въ райскій садъ. Розовыя долины покрылись чудесными цвѣтами — роскошными, какъ никогда. Поля и нивы обѣщали великолѣпныя жатвы, которыя некому будетъ потомъ прибрать.

«И въ нѣсколько дней незамѣтно
«Выросъ народъ на нѣсколько вѣковъ.

Несмотря, однако, на открытую дерзкую агитацію, на шумное вооруженіе и приготовленія къ возстанію, турецкое правительство сидѣло сложа руки, и не только по слѣпотѣ своей, но и вслѣдствіе полнаго презрѣнія къ растущей силѣ «раевъ». «Это заячья суматоха», — говорили благодушные эфенди. — «Это «Даживѣйлердени» *), — говорили горделивые господари и посмѣивались пренебрежительно. Есть слова, которыя означаютъ цѣлую эпоху. «Даживѣйлердени» — это воплощеніе народнаго самосознанія, вышедшаго торжествующимъ изъ тридцатилѣтней борьбы за церковную независимость. Но «Даживѣйлердени», которые пили за болгарскую экзархію въ 1870 г., теперь превратились въ революціонеровъ, лившихъ пули и пушки во имя болгарской свободы.

Турки не понимали этой метаморфозы

Они не могли уяснить себѣ знамени времени, прогресса идеи. Впрочемъ, если бы они и поняли, было бы уже поздно: они не имѣли такой обширной темницы, такихъ длинныхъ цѣпей, которыми можно было бы связать гигантскую идею невидимаго и неуловимаго Марко-Королевича, передвигающаго горы.

Мы особенно напираемъ на прелюдію борьбы, потому что только она можетъ служить мѣриломъ поразительной силы великой идеи, попавшей на благопріятную почву. Самая борьба не заслуживаетъ этого имени.

Мы и не имѣемъ въ виду ее описывать. Мы вынуждены будемъ ходомъ событій коснуться одного только эпизода борьбы, — эпизода, который мы разскажемъ ниже и который иллюстрируетъ революцію, этотъ чудовищный «крахъ» самыхъ свѣтлыхъ надеждъ.

*) «Лердени» — названіе бунтовскихъ отрядовъ того времени; «да живѣй» — да здравствуетъ.

XXI.

Пощечина.

На другой день кофейня Ганки была полна дыму и веселаго хохота.

Причиной смѣха былъ Иванчо Іота; Франговъ читалъ въ «Правѣ» статью объ австрійской политикѣ на Востокѣ и запнулся на фразѣ «Drang nach Osten», а Иванчо Іота объяснилъ, что это означаетъ «другъ нашъ Остенъ».

Среди другихъ былъ тамъ и Стефчовъ.

Потому что Стефчевъ не былъ убитъ.

Соколовъ промахнулся, вслѣдствіе того, что Брзобѣгунекъ дрогнулъ подъ его ногами какъ разъ въ тотъ моментъ, когда онъ выстрѣлилъ.

Стефчовъ скрылъ, что противъ него было покушеніе. Онъ распространилъ слухъ, что, по неосторожности, разрядилъ свой револьверъ. Онъ это сдѣлалъ, чтобы не перепугалась его больная жена и, сверхъ того, чтобы не пошли про него непріятныя сплетни и толки. Онъ не нашелъ записки Огнянова, но догадывался, съ которой стороны идетъ это покушеніе.

Рачко разсказывалъ и ему, и другимъ, что видѣлъ, какъ Соколовъ убѣгалъ со двора, но ему никто не вѣрилъ, такъ какъ онъ прибавлялъ, что Соколовъ убѣгалъ вмѣстѣ со своей медвѣдицей. Бѣдный Рачко принялъ ползущаго на четвереньках Брзобѣгунека за медвѣдицу, которая незадолго передъ тѣмъ опрокинула его въ грязь.

И такъ, всеобщій хохотъ оглашалъ кофейню. Одинъ Кандовъ, который молчаливо стоялъ въ углу, не смѣялся. Мысль его, вѣроятно, витала въ другой области. По его блѣдному, задумчивому лицу была разлита меланхолія и озабоченность, что-то болѣзненное, составлявшее полный контрастъ съ беззаботными и расплывшимися отъ смѣха физіономіями остальныхъ.

Смѣхъ улегся, и всѣ присутствующіе уставились въ окна и смотрѣли на разодѣтыхъ мужчинъ и женщинъ, возвращавшихся изъ церкви.

Среди женщинъ была и Рада.

Она была одѣта скромно, все еще въ черномъ платьѣ. Щеки ея разцвѣли какъ двѣ розы. Она привлекла вниманіе всѣхъ; многіе изъ устремленныхъ на нее взглядовъ не были благосклонны; были среди нихъ и презрительные, потому что за послѣднее время о Радѣ ходили весьма непріятные слухи.

Хаджи Ровоама пустила ихъ.

Изъ монастыря слухъ перешелъ въ городъ.

Сплетницы и враги Бойча принялись перемывать косточки Рады и мстить въ ея лицѣ памяти Огнянова.

Одна только Рада ничего не знала.

Она вся была поглощена своимъ счастіемъ и не замѣчала ни любопытныхъ взглядовъ кумушекъ, ни лукавыхъ улыбокъ встрѣчныхъ.

Кандовъ страшно возмущался.

Только-что Рада прошла мимо кофейни, Стефчовъ наклонился и съ ехидной улыбкой шепнулъ что-то Мердвенджіеву. Шопотъ пошелъ далѣе; послышались злобныя насмѣшки. Торжествующій Стефчовъ не удовольствовался этимъ: онъ иронически продекламировалъ извѣстный стихъ революціонной пѣсни:

«Гдѣ же ты, гдѣ ты, къ народу любовь?»

и нахально закашлялъ.

Кандовъ, слушавшій до сихъ поръ терпѣливо, не могъ долѣе сдержать себя.

— Къ кому относятся ваши насмѣшки, къ Радѣ Госпожиной?—спросилъ онъ Стефчова.

Въ кофейнѣ воцарилась тишина.

— Къ чему тебѣ? Да и если къ Радѣ Госпожиной, такъ тебѣ-то что?— отвѣтилъ Стефчовъ.

— Если ты о ней такъ безобразно говоришь, то я объявляю, что ты клеветникъ и низкій человѣкъ!— крикнулъ студентъ, задыхаясь.

— Я ли низкій, или ты—пусть объ этомъ судитъ публика. Что же до клеветъ на Раду Госпожину, извини... Спроси собакъ... и тѣ знаютъ...

— Ты нападаешь грубо на беззащитную дѣвицу... Возьми назадъ свои слова!—крикнууъ Кандовъ,

— Докажи мнѣ прежде, что твоя дѣвица не принимала на прошлой недѣлѣ гостя тайкомъ...

Стефчову не удалось докончить.

— Этотъ тайный гость былъ Бойчо Огняновъ, ея женихъ, мерзавецъ!— крикнулъ Кандовъ и залѣпилъ ему пощечину. Звонкій ударъ огласилъ кофейню.

Оглушенный Стефчовъ сначала пошатнулся отъ удара, но потомъ бросился на студента, который поднялъ свою палку.

Присутствующіе ихъ тотчасъ разняли.

Кофейня переполнилась говоромъ. Снаружи любопытные столпились у оконъ.

Стефчовъ вылетѣлъ изъ кофейни съ красной щекой, бѣшеный отъ ярости. Онъ направился прямо въ конакъ, рѣшивъ отомстить сразу и Кандову, и Радѣ. Онъ хотѣлъ побудить бея подвергнуть пыткѣ обоихъ, чтобы вывѣдать объ Огняновѣ... Страхъ передъ местью, который раньше заставилъ его умолчать о покушеніи, теперь исчезъ; одна лишь страшная злоба оскорбленнаго самолюбія руководила имъ.

И онъ быстрыми шагами приближался къ конаку.

Неожиданно кто-то крикнулъ сзади его:

— Киріакъ-ефенди, съ тебя могарычъ.

Стефчовъ обернулся и увидѣлъ онъ-башія. Онъ машинально приложилъ руку къ щекѣ, какъ бы затѣмъ, чтобы закрыть ее.

— Поздравляю тебя,—проговорилъ съ ласковой улыбкой Шерифъ-ага, приблизившись.

Стефчовъ, оглушенный еще пощечиной, не могъ собраться съ мыслями. Ему показалось, что онъ-башій смѣется надъ нимъ.

— Не догадываешься? Указъ вышелъ... Только-что бей получилъ увѣдомленіе ..

Изъ крайней подавленности, въ какой находился Стефчовъ, онъ сразу перешелъ къ восторгу.

— Вышелъ?—вскрикнулъ онъ.

— Вышелъ, губернаторомъ въ Гюмюрджинъ... Добраго успѣха, царь не забываетъ своихъ вѣрныхъ и достойныхъ подданныхъ..

Объ этой должности уже давно хлопотали покровители Стефчова въ Филиппополѣ... Теперь онъ, наконецъ, добился ея. Лицо его сіяло отъ удовольствія.

И онъ быстро повернулъ домой, чтобы обрадовать больную Лалку счастливымъ извѣстіемъ.

XXII.

Больная.

Лалкѣ со дня на день становилось хуже. Острая горячка, уложившая ее въ постель, приняла опасный характеръ. Болѣзнь дѣйствовала быстро и разрушительно на хрупкій организмъ Лалки. За нѣсколько дней

она страшно измѣнилась, лицо ея осунулось, высохло такъ, что ее нельзя было узнать. Щеки ея, изсушенныя и блѣдныя, ввалились. Два темныхъ круга обрисовалось вокругъ ея глазъ, глубоко ввалившихся. Ея сухія и безкровныя губы нервно подергивались отъ ускореннаго горячаго дыханія. Это миловидное раньше и спокойное лицо приняло теперь ледяной и строгій тонъ страданія. Въ рѣдкія минуты забвенія, лишенное всякой краски и движенія, оно становилось безжизненнымъ, какъ лицо мертвеца. Только глаза безпокойно блистали въ глубокихъ орбитахъ, отражая внутренній огонь, сжигающій и изсушающій жизненные соки этого молодого тѣла. Время отъ времени разгоряченная кровь окрашивала ея изсохшія щеки неестественнымъ румянцемъ, который снова вскорѣ смѣнялся восковой желтизной.

Лалка походила теперь на сожженный солнцемъ цвѣтокъ. Думали, что кризисъ еще минетъ благополучно, что болѣзнь будетъ побѣждена. Отъ горячки не умираютъ, говорятъ. Но со вчерашняго дня Лалка потеряла голосъ; лишь съ большимъ трудомъ ея засохшія уста пропускали какой-то мутный, сердитый звукъ; ночью она бредила, или же вперяла свой неподвижный горячечный взоръ въ потолокъ и долгое время лежала такъ въ оцѣпенѣніи. Ея мать и Хаджи Ровоама всю ночь не смыкали глазъ у ея постели... Лишь на разсвѣтѣ она успокоилась и заснула глубокимъ сномъ. Пульсъ ея заработалъ правильнѣе, и дыханіе ровнѣе вздымало грудь... Это видимое улучшеніе обрадовало домашнихъ, и Юрданица заказала монашкамъ новую молитву за здравіе ея дочери

Когда солнце начало припекать, Лалка проснулась, вся облитая потомъ и въ сильномъ жару. Ея щеки горѣли, а все тѣло трепетало отъ холода. Больная снова потеряла сознаніе; только время отъ времени махала она безпокойно рукой, какъ будто хотѣла что-то сказать.

Дверь отворилась, и Стефчовъ вошелъ въ комнату. Его красное отъ волненія лицо свѣтилось счастьемъ,— страшный контрастъ съ унынiемъ и скорбью, здѣсь царившими. Но при видѣ Лалки, лицо его измѣнилось и приняло противное ледяное выраженіе, обычное для него; только лобъ его слабо и болѣзненно нахмурился. Онъ приблизился къ женѣ.

— Лалке,—позвалъ онъ ее.

Лалка вдругъ задрожала, полуоткрыла глаза свои на мужа и отвернулась въ другую сторону.

— Горькая, мило ей смотрѣть на тебя... не можетъ вытерпѣть отъ жалости...—шепнула хаджи Ровоама Стефчову.

Лалка снова обернулась, какъ бы движимая какой-то пружиной. Ея влажные глаза увидѣли Стефчова, и она снова отвернулась къ стѣнѣ.

— Киріакъ, ты ее безпокоишь, ступай отсюда,—сказала строго Юрданица.

Стефчовъ вышелъ съ опущенной головой изъ комнаты.

Домашніе плохо поняли Лалку. Не жалость выражала она мужу, а глубокую ненависть и презрѣніе...

Эти чувства ея къ мужу, возникшія въ день, когда она заболѣла, и скрытыя до сихъ поръ въ ея изнуренной груди, вырвались наружу въ этотъ роковой для нея часъ. Видъ Стефчова потрясъ все ея существо и усилилъ ея страданія... И раньше она никогда не любила его, но теперь она чувствовала къ нему отвращеніе... Если бы она могла сказать ему это словами, она бы сказала: близость смерти придаетъ смѣлость, но связываетъ языкъ...

Появленіе Стефчова, вызвавшее гнѣвъ ея, перенесъ ее изъ области смутныхъ грезъ въ реальную дѣйствительность. Глаза ея остановились

на домашнихъ, съ выраженіемъ невыразимой муки, какъ будто прощаясь... Страданіе и любовь увлажнили ихъ. Блеснули слезы и въ глазахъ остальныхъ; мать ея глухо всхлипнула. Старшая дочь ея Гинка схватила ее за руку, чтобы та замолчала, но сама она держала платокъ у глазъ... Лалка снова начинала бредить. Слезы на глазахъ ея испарились, и взоры ея унеслись куда-то далеко въ пространство и стали неподвижными.

Въ это время всѣ находящіеся въ комнатѣ невольно обернули головы, чтобы посмотрѣть, кто отворилъ дверь. Вошла Рада. Лишь сегодня она узнала о болѣзни Лалки.

Ей уже давно былъ закрытъ входъ въ домъ семьи Юрдана. Но появленіе ея теперь никого не изумило и не возмутило,—она была Лалкина пріятельница. И никто не имѣлъ права отнимать у умирающаго послѣднее «прости» съ пріятелями и врагами.

Тамъ, куда вошла смерть, запоры съ дверей спадаютъ. Большіе и малые, богатые и бѣдные, всѣ одинаково желанные гости въ пріютѣ вѣчности. Домашніе посторонились и пропустили дѣвушку къ кровати. Одѣтая вся въ черное, съ грустными, влажными глазами, она молчаливо прошла мимо нихъ и прямо опустилась на колѣни передъ изголовьемъ Лалки. Она взяла ея высохшую руку и покрыла ее поцѣлуями, и Лалка вздрогнула отъ ея прикосновенія, свела глаза съ потолка и вперила ихъ въ Раду... Взглядъ ея прояснился... Волненіе слабо оживило ея безжизненное лицо... Уста ея зашевелились безпомощно, но Рада поняла, что они хотѣли ей сказать... Внезапно двѣ большія брильянтовыя слезы блеснули и скатились по щекамъ больной. Рада почувствовала, что та ей стиснула руку. Она приблизила къ ней свое лицо и прошептала прерывающимся голосомъ:

— Сестра, сестрица!.. Что ты подѣлываешь, Лалке? Не огорчайся...

Лалка услышала. Она кивнула отрицательно головой и снова пожала ея руку, которую не выпускала изъ своей. Въ ея неподвижномъ взглядѣ, устремленномъ на пріятельницу, виднѣлось столько радости, блаженства, беззавѣтной любви и прощальныхъ словъ!.. Она разставалась съ этимъ свѣтомъ. Лицо ея говорило это ясно. Смерть уже склонялась надъ ней и покрывала ее своей плащаницей...

Разлука двухъ подругъ была нѣмая, раздирающая сердце...

XXIII.

Кандовъ.

Слова, которыми сопровождалъ Кандовъ свою пощечину, поразили присутствующихъ. Но болѣе всего Стефчова. Они упали, какъ громъ съ яснаго неба. Но увлеченіе горячаго студента не имѣло для него дурныхъ послѣдствій.

Между тѣмъ нѣкоторые прозорливые люди сообразили, что вспышка Кандова не объясняется одной только рыцарской стороной его характера.

И они не обманулись.

Молодой студентъ былъ одной изъ тѣхъ страстныхъ натуръ, которыя находятъ смыслъ жизни только въ поклоненіи идеалу. Такія натуры могутъ дышать только въ увлеченіи страстной, сильной привязанностью.

Но прежде чѣмъ увидѣть Болгарію, въ душѣ его поселилось другое божество: онъ увидѣлъ Раду.

Это случилось вскорѣ послѣ бѣгства Огнянова изъ Бѣлой - Церкви. Увлеченіе Радой, сначала слабое,

быстро усиливалось и превращалось въ страсть. Кандовъ мало-по-малу отчуждался отъ окружающихъ его и ихъ интересовъ, удалялся въ одиночество и предавался мечтательной апатіи, которая исчезала только при видѣ Рады. Такъ шло дѣло до весны, когда онъ вдругъ очнулся, встряхнулся, возмутился противъ самого себя. Эта страсть ему показалась подлой, подлой по отношенію къ Огнянову—его пріятелю, преступной по отношенію къ Болгаріи, которой онъ долженъ былъ посвятить себя.

Онъ испугался самого себя и подумалъ, что только другое увлеченіе, болѣе сильное и захватывающее, можетъ спасти его и возродить. Онъ рѣшилъ всецѣло отдаться борьбѣ, которая подготовлялась, забыться въ ея опасностяхъ, погрузиться въ ея бурныя волны, наглотаться до опьяненія горячей атмосферой безумнаго воодушевленія и революціонной дѣятельности.

Тогда-то, какъ мы видѣли, онъ и явился неожиданно къ Соколову съ просьбой принять его въ члены комитета и съ предложеніемъ убить Стефчова...

Къ счастью, или къ несчастью, жребій выпалъ Соколову, и планъ Кандова рухнулъ, какъ карточный домикъ. Онъ былъ въ отчаяніи... Но революція была еще передъ нимъ, и это утѣшало его въ его несчастіи... Однако, борьба въ его душѣ продолжалась и терзала его. Не смотря на всю страстность, съ какой онъ отдался дѣлу революціи, воспоминаніе о Радѣ не оставляло его. Образъ ея предательски обрисовывался за образомъ отечества; онъ сидѣлъ въ его душѣ глубже, имѣлъ болѣе самоувѣренный видъ и смотрѣлъ съ сожалѣніемъ на временнаго гостя, вошедшаго въ домъ, гдѣ хозяйничаетъ другой...

Сегодня, послѣ того, какъ онъ далъ пощечину, Кандовъ почувствовалъ, что онъ находится въ странномъ положеніи. Онъ отдался Болгаріи, а влюбился въ Раду. И въ силу вещей, онъ имѣлъ въ Огняновѣ—товарища по миссіи — противника въ любви. Идея привязывала его къ нему, страсть отдаляла...

Наказывая за оскорбленіе, нанесенное чести Рады, онъ мстилъ также и за Огнянова.

Противорѣчіе было очевидное, но борьба не длилась долго. Сердце одержало побѣду, т. е. природа — надъ духовнымъ міромъ.

Кандовъ всецѣло отдался своей новой любви.

Сердце Рады не было свободно, и онъ это зналъ. Но онъ не видѣлъ этого и продолжалъ горѣть. Любовь—слѣпа. Не даромъ греческое искусство изображаетъ ея крылатаго бога съ завязанными очами.

Впродолженіе того времени, когда Рада считала Огнянова убитымъ, она была такъ подавлена своимъ несчастіемъ, что не замѣчала ничего подозрительнаго въ Кандовѣ, посѣщенія котораго, впрочемъ, были еще рѣдки; но мало-по-малу они становились чаще, какъ и случайныя (но нарочно имъ подготовляемыя) встрѣчи съ нею... Время шло, и Рада, съ свойственною ей женскою догадливостью, замѣтила неравнодушное отношеніе къ ней студента.

Съ каждымъ разомъ признаки этого чувства становились яснѣе, по мѣрѣ роста самого чувства.

Она продолжала быть привѣтливой съ Кандовымъ, какъ съ пріятелемъ Бойча и человѣкомъ благороднымъ. Она думала, бѣдная, что, встрѣчая его любезно и лаская огнемъ своихъ черныхъ глазъ, она облегчаетъ его страданія, силу которыхъ она не подозрѣвала. Плохое лѣкарство

XXIV.

Утренній визитъ.

Послѣ скандала съ Стефчовымъ, Кандовъ вернулся домой сильно взволнованнымъ. Онъ заперся въ своей комнатѣ и до самого вечера читалъ одну и ту же книгу. Время отъ времени онъ отмѣчалъ карандашемъ коекакія мѣста въ книгѣ и снова принимался за чтеніе. Когда воцарилась ночная тишина, онъ сѣлъ къ столу и началъ писать письмо. Эта работа продолжалась до полуночи. Потомъ онъ снова улегся на скамью, не затѣмъ, чтобы спать, а чтобы мечтать. Свѣча горѣла до разсвѣта. Первые лучи солнца проникли въ комнату и ударили въ лицо забывшагося студента. Онъ очнулся, открылъ глаза, усталые и опухшіе отъ безпокойнаго сна. Онъ подошелъ къ столу, снова прочиталъ, сильно волнуясь, письмо, сложилъ его вчетверо, сталъ искать конвертъ, но не нашелъ его, опять развернулъ письмо, прочиталъ первыя строки и положилъ его на столъ.

— Теперь или потомъ?—шепнулъ онъ себѣ.

И онъ постоялъ съ минуту задумавшись.

— Нѣтъ, потомъ, потомъ пусть къ ней пойдетъ... когда я съ нею увижусь...

И онъ быстро одѣлся и вышелъ.

Когда онъ очутился на улицѣ, онъ увидѣлъ, что было еще очень рано. Солнце стояло еще низко надъ горизонтомъ; домъ, въ которомъ жила Рада, бросалъ тѣнь на улицу и на домъ, стоящій на другой сторонѣ улицы. Кандовъ нѣсколько разъ прошелъ улицу изъ конца въ конецъ, поглядывая каждый разъ на заднюю стѣну дома Лиловицы (Рада жила въ комнатѣ съ окнами во дворъ).

Солнце уже обливало своимъ свѣтомъ всю Старую-Планину (Старую-Гору), и холмы надъ городомъ, и черепичныя крыши домовъ, бѣлыя трубы и окна, выходившія на востокъ. Ранніе кофеджіи отворяли свои кофейни, лавочники посыпали камешками землю около дверей своихъ лавокъ, засновали люди по улицамъ, началось движеніе и жизнь, городъ зашумѣлъ обыкновенною смѣсью различныхъ звуковъ.

Но всего этого Кандовъ не замѣчалъ. Онъ направился быстрыми шагами къ воротамъ Рады. Онъ смотрѣлъ на эту ветхую, въ щеляхъ, дубовую калитку, низкую и кованную гвоздями съ большими расплющенными шляпками, заржавѣвшими такъ, что они казались пятнами на калиткѣ.

Изъ нея вышли двѣ женщины, Лиловица и Рада. Онѣ быстро пошли вверхъ по улицѣ. Лишь теперь услышалъ онъ звонкіе удары клепала *). Вѣроятно, праздникъ какой-нибудь,—подумалъ онъ,—и онѣ пошли вдвоемъ въ церковь. Онъ, какъ прикованный, остался на мѣстѣ и слѣдилъ глазами за дѣвушкой, которая все удалялась. Она его не видѣла, когда вышла и повернула, потому что все время глаза ея были опущены. Онъ невольно замѣтилъ, что она была одѣта въ свое новое черное платье.

— Куда она пошла съ этой ужасной старухой? Какое это глупое клепало! Что это за вѣчные праздники? До праздниковъ ли людямъ? и зачѣмъ этимъ идолопоклонникамъ праздникъ?

Такія восклицанія вырывались время отъ времени изъ устъ Кандова и

*) «Клепало»—чугунная доска, замѣнявшая въ болгарскихъ церквахъ колоколъ.

Пр. пер.

онъ продолжалъ ходить взадъ и впередъ по улицѣ. Но Рада не возвращалась.

— Что это за безбожный праздникъ!—фыркнулъ снова яростно студентъ.

Но онъ не старался узнать, что это за праздникъ. Первый человѣкъ, котораго бы онъ спросилъ, сказалъ бы ему это.

Но скоро онъ получилъ отвѣтъ на свои нетерпѣливыя восклицанія.

XXV.

Недоумѣніе Кандова ростетъ.

Изъ противоположной улицы послышался монотонный, пискливый хоръ дѣтскихъ голосовъ. Пѣніемъ управлялъ чей то басъ, выводившій какую-то церковную пѣснь. Странный концертъ приближался и слышался все сильнѣе. Скоро показался рядъ дѣтей съ факелами, хоругвями и длинными свѣчами изъ бѣлаго воска, перевязанными черными кружевами; далѣе—другія дѣти толпой и съ ними учитель пѣнія Мердвенджіевъ; за нимъ слѣдовали попы въ священническихъ одеждахъ. По воздуху разносился запахъ ладана: приближалось погребальное шествіе Лялки.

Страдалица умерла ночью.

Когда шествіе достигло площади, на которой, какъ шестъ, стоялъ Кандовъ, носилки поставили на землю и принялись читать молитву надъ гробомъ. Тогда Кандовъ увидѣлъ мертвеца и тотчасъ узналъ Лялку.

Она лежала спокойная, тихая, съ красиво опущенными рѣсницами и походила болѣе на спящую, чѣмъ на мертвую. Ея мраморной бѣлизны лицо едва отличалось отъ пуховой подушки, въ которой тонула ея голова, ея маленькое тѣло терялось подъ грудой вѣнковъ и весеннихъ цвѣтовъ—прощальнымъ приношеніемъ женщинъ и дѣвушекъ. По обѣимъ сторонамъ ея плечъ было по букету рѣдкихъ бѣлыхъ розъ; такія же розы были воткнуты въ ея волосы; руки ея, бѣлыя и изящныя, какъ руки мраморной статуи Граціи, лежали крестообразно на ея вѣнчальномъ платьѣ, а на груди была положена иконка Успенія Пресвятыя Богородицы. Упоительное благоуханіе цвѣтовъ, перемѣшанное съ запахомъ ладана, наполнило площадь и умиляло сердца.

Молитва была окончена. Голосъ матери пронизалъ воздухъ. Подняли носилки и шествіе тронулось дальше. Кандовъ почти машинально присоединился къ толпѣ. Лицо его осталось такимъ же, какимъ и было. Трогательная сцена, которую онъ видѣлъ, не умилила его ни мало. Напротивъ, даже какая-то свирѣпая радость озарило лицо его: онъ понялъ, что Рада, пріятельница Лялки, находится здѣсь. Только эту мысль могла пробудить въ немъ погребальная процессія. Онъ сталъ искать глазами въ толпѣ женщинъ, но Рады не находилъ. Онъ разсматривалъ каждое черное одѣяніе, каждый черный чепчикъ, но Рады не отыскалъ. Онъ нарочно отсталъ, чтобы пропустить всѣхъ женщинъ, провожавшихъ гробъ, мимо себя. Вдругъ онъ увидѣлъ старушку Лиловицу и сталъ искать около нея Раду. Но Рады не было!.. Сердце его упало. Какъ? Чтобы не было здѣсь Рады, подруги Лялки? Невозможно, невозможно, невозможно! И онъ снова шнырялъ среди толпы, искалъ и не находилъ.

XXVI.

Отпѣваніе.

Толпа, которая все росла на улицѣ, теперь буквально заполонила весь храмъ.

Носилки, сложенныя на четыре мраморныя плиты съ выдолбленными двуглавыми орлами на нихъ, противъ владычьяго трона, были центромъ, около котораго смѣнялся и толпился народъ съ зажженными свѣчами.

Начались заупокойныя молитвы; изъ кадильницъ подымались къ своду синіе клубы дыму; передъ алтаремъ горѣли большіе свѣтильники, были зажжены также и лампады, и вся церковь была полна свѣтомъ... Этотъ блескъ долженъ быть служить утѣшеніемъ опечаленному семейству Лалки.

Для этой цѣли также пригласили учителя Климентія произнести надгробную рѣчь. Какъ богословъ, онъ владѣлъ витійскимъ даромъ и въ разговорѣ часто пользовался цитатами изъ священнаго писанія. Но тотъ, по причинѣ нездоровья, отказалъ. Пригласили Франгова. Послѣ нѣкотораго колебанія, онъ принялъ приглашеніе и поднялся на вторую ступень владычьяго трона. Священники прекратили пѣніе и церковь замолкла.

Учитель, сильно волнуясь, съ взглядомъ, устремленнымъ на покойницу, началъ громкимъ, но дрожащимъ голосомъ:

«Братья и сестры!»

Но онъ тотчасъ же вынужденъ былъ замолчать. У дверей произошло что-то необыкновенное. Народъ засуетился и забѣгалъ; послышалось тревожное шушуканье, затѣмъ—испуганные голоса. Этотъ переполохъ передался дальше и скоро достигъ переднихъ рядовъ, окружавшихъ носилки. Всякій спрашивалъ, всякій озирался, и, не зная, въ чемъ дѣло, протискивался къ алтарю, увеличивая напоръ толпы. Она подвигалась впередъ, неудержимая и обезумѣвшая, какъ бурная волна, и чуть не сбросила носилки съ покойницей. Настала страшная паника и хаосъ.

— Идутъ! — кричали одни.

— Матушки, идутъ! — пищали женскіе голоса.

— Кто идетъ, а? — отзывались мужчины извнутри церкви.

— Турки! Турки!

— Заколятъ!

Тотчасъ большія церковныя двери шумно захлопнули и кто-то ихъ заперъ изнутри на ключъ. Паника увеличилась: пискъ и визгъ, открывистые голоса и крики наполнили божій домъ. Народъ бѣгалъ, какъ перепуганное стадо, не зная, гдѣ найти защиту. Образовалась большая толпа вокругъ Юрдана и Стефчова. Возлѣ нихъ, какъ вліятельныхъ лицъ передъ турками, каждый думалъ найти защиту и быть пощаженнымъ вмѣстѣ съ ними. Но большая часть народа бѣгала по церкви, металась, давила другъ друга, крестилась, вертѣлась на одномъ мѣстѣ. Молодыя женщины кричали и падали въ обморокъ, но никто не оказывалъ имъ никакой помощи; нѣсколько женщинъ грохнулось на ступени алтаря и были растоптаны. Безумный ужасъ былъ написанъ на всѣхъ лицахъ. Многіе поблѣднѣли и казались бѣлѣе Лалки.

— Подымайтесь на верхъ!—крикнулъ кто-то.

И всѣ, толпясь, принялись взбираться по лѣстницамъ съ правой и лѣвой стороны, ведущимъ въ женское отдѣленіе, къ галлереямъ, огороженнымъ рѣшетками—«гинекоону». Потому что поняли, что тамъ они будутъ въ большей безопасности на случай, если турки начнутъ стрѣ-

лять черезъ большія окна во внутрь церкви. Народъ столпился на лѣстницѣ, давя другъ друга, чтобы скорѣе взобраться. Въ нѣсколько минутъ весь народъ навалился въ женское отдѣленіе и церковь внизу осталась почти пустой. По срединѣ, передъ владычьимъ тропомъ, стояли одиноко носилки, окруженныя свѣтильниками. Немного подалѣе, съ скрещенными на груди руками, стоялъ Кандовъ и съ грустью смотрѣлъ на покойницу. Онъ оставался совершенно безучастнымъ ко всему, что происходило кругомъ него.

Въ это время послышался съ галлереи голосъ Соколова:

— Не пугайтесь, ничего нѣтъ!

Онъ, еще въ началѣ паники, поднялся на галлерею, чтобы посмотрѣть изъ верхнихъ оконъ, что дѣлается снаружи, на площади. Но онъ тамъ не увидѣлъ ничего тревожнаго. Никакихъ турокъ не было; напротивъ, онъ увидѣлъ Безпортева и его товарищей, входящихъ подъ арку. Онъ охрипъ отъ крика, стараясь оттуда успокоить народъ, но въ суматохѣ никто не разобралъ его криковъ.

Теперь отозвались и другіе:

— Будьте спокойны, люди, ничего нѣтъ!

— Кто насъ напугалъ?—крикнулъ другой.

— Отворяйте двери!

— Кто обманулъ народъ?

Отомкнули двери. Вошелъ редакторъ съ товарищами, запыхавшіеся, но нисколько не испуганные; они принялись креститься, ни мало не подозрѣвая, что они были причиной паники. Дѣло въ томъ, что Рачко, убѣгая отъ нихъ, влетѣлъ въ церковь, страшно перепуганный, и на вопросъ женщинъ, почему онъ бѣжалъ такъ, отвѣтилъ: идутъ!

— Кто идутъ?

— Капасызъ *) и другіе, много, много...

Вопрошающимъ показалось, что онъ сказалъ: Капасизъ... много, много...

Этого было достаточно для населенія, которое уже болѣе мѣсяца ожидало турецкой рѣзни! Отсюда—паника...

---

*) Капасызъ — имя Безпортева и Капасизъ—разбойникъ.

XXVII.

Буря передъ бурей.

Отъѣздъ Рады въ Клисуры произошелъ внезапно.

Лишь только она, наканунѣ, вернулась съ похоронъ Лалки, какъ къ ней пріѣхалъ клисурецъ съ порученіемъ отъ Бойча отвезти ее въ Клисуры; онъ самъ ѣхалъ изъ Карлова домой. Такимъ образомъ, Рада быстро собралась и уѣхала въ Клисуры.

Рада остановилась у госпожи Муратлійской, недавно пріѣхавшей въ Клисуры. Она съ радостью согласилась исполнить просьбу Огнянова и оказать гостепріимство бездомной дѣвушкѣ.

Окна дома выходили на востокъ и изъ нихъ можно было видѣть весь городъ Клисуры, окрестные луга и старую Планину. Гигантская вершина Рибарицы (которую здѣсь зовутъ «Важенъ»), увѣнчанная еще своей зимней короной, съ южной стороны спускалась почти отвѣсно; у подошвы ея стоялъ городъ Клисуры. По зеленѣющимъ бокамъ горы то тутъ, то тамъ пестрѣли стада волошскихъ номадъ и ихъ красныя палатки; съ восточной стороны къ городу прилегалъ цѣлый рядъ обрывовъ и скалъ, мѣстами голыхъ, мѣстами покрытыхъ

виноградниками и розовыми садами. Извилистая тропинка шла до самого верху и вела въ противоположную долину—на Злой-Долъ, изъ котораго идетъ дорога въ Стренскую долину. Съ другой стороны къ Клисурамъ тоже примыкали холмы: городъ стоялъ, спрятанный весь въ глубокой долинѣ, затонувшій въ зелени садовъ и огородовъ и усѣянный розами, которыя наполняли воздухъ своимъ благоуханіемъ. Довольно грустный и лишенный кругозора, отрѣзанный отъ всего живого въ зимнее время, этотъ городъ теперь представлялъ прелестный уголокъ, полный тѣни, прохлады и аромата.

Кандовъ, послѣ долгихъ колебаній, тоже рѣшилъ ѣхать въ Клисуру. Его отъѣздъ былъ такъ неожиданенъ для него самого, что онъ даже забылъ письмо къ Радѣ, которое началъ было писать ей. Письмо это нашелъ Нетковичъ, и чтобы оно не попало въ нечистыя руки, спряталъ себѣ въ бумажникъ. Пріѣхавъ на другой день послѣ Рады, онъ остановился у одного своего родственника. Въ тотъ же день онъ ее навѣстилъ и нашелъ ее всю въ слезахъ по поводу смерти Лалки. Онъ понялъ, что его посѣщеніе при такихъ обстоятельствахъ неумѣстно; но онъ себя почувствовалъ какъ-то легче и радостнѣе. Онъ даже ощутилъ какое-то блаженство, что увидѣлъ Раду.

Сегодня Кандовъ снова пришелъ. Было еще довольно рано. Онъ нашелъ ее еще болѣе убитой и перепуганной. Къ ея скорби, вызванной смертью Лалки, присоединялся теперь страхъ за Бойчо, о которомъ она не знала, гдѣ онъ и что съ нимъ; между тѣмъ распространились слухи о предстоящемъ на-дняхъ возстаніи въ Копривщиномъ. Вслѣдствіе этого угнетеннаго состоянія духа Рада обрадовалась приходу Кандова.

— Скажите, господинъ Кандовъ, что новаго?—спросила она безпокойно.

— Говорятъ о возстаніи, — отвѣтилъ сухо Кандовъ.

— Что будетъ теперь, Боже мой? И отъ Бойча ни слуху—ни духу... Что-то будетъ?!

Кандовъ отвѣчалъ разсѣянно, какъ будто его спрашивали о нравахъ жителей Новой Зеландіи. Но подъ этимъ разсѣяннымъ видомъ, за этимъ холоднымъ отношеніемъ къ событіямъ, которыя должны были рѣшить судьбу Болгаріи, скрывалось полнѣйшее отчаяніе. Но ни онъ, ни Рада не замѣчали этого.

— А что вы думаете дѣлать теперь, если начнется возстаніе?

— Что понадобится.

— Какъ, что понадобится? Вы не будете драться?

— Что же я могу дѣлать, Радке? Только одно — умереть!.. — отвѣтилъ Кандовъ мрачно.

Въ калитку три раза тихо постучали.

— Бойчо! — воскликнула Рада и отворила ему.

Вошелъ Огняновъ, переодѣтый крестьяниномъ, утомленный и весь покрытый пылью. Онъ возвращался изъ Панагюрища. Тамъ онъ присутствовалъ на главномъ собраніи при Мечкѣ, на которомъ день возстанія былъ назначенъ на 1-ое мая. Теперь Огняновъ спѣшилъ въ Бѣлую-Церковь, чтобы принять въ тѣ нѣсколько дней, какіе ему еще остались, послѣднія мѣры по приготовленію, и чтобы поднять въ условленный день знамя возстанія въ Бѣлой-Церкви. Онъ проѣзжалъ черезъ Клисуры, чтобы проститься съ Радой. Но когда онъ заѣхалъ въ домъ, гдѣ имѣлъ пристанище, онъ тамъ нашелъ письмо изъ Бѣлой-Церкви и тотчасъ же побѣжалъ къ Радѣ. По дорогѣ къ ней онъ никого не встрѣтилъ.

Огняновъ остановился и бросилъ холодный, пронзительный взглядъ на Кандова, который спокойно стоялъ у окна.

Рада начала-было что-то говорить, чтобы излить свою радость, но, увидѣвъ холодное лицо Огнянова, она остановилась, какъ ошпаренная.

— Извините, что я такъ рано прервалъ вашу бесѣду,—сказалъ Огняновъ съ горькой усмѣшкой, весь блѣдный.

Лишь теперь только онъ взглянулъ на Раду.

— Что такое, Бойчо? — спросила она сдавленнымъ голосомъ и приблизилась къ нему,

— Сударыня, довольно притворства, стыдно!—холодно проговорилъ Огняновъ.

Она устремилась къ нему, чтобы обнять его. Онъ отстранился.

— Да просто, освободите меня отъ вашихъ нѣжностей...—Затѣмъ, обернувшись къ Кандову, онъ нервно сказалъ:

— Господинъ Кандовъ, не знаю, какъ благодарить васъ, что вы тотчасъ пріѣхали изъ Бѣлой-Церкви на приглашеніе...

Злоба душила его и не давала ему говорить.

Кандовъ обернулся къ нему.

— Какое приглашеніе?—спросилъ онъ сухо.

— Что значатъ эти слова, Бойчо?—соросила въ изумленіи Рада.—Господинъ Кандовъ пріѣхалъ въ гости къ роднымъ. Онъ...

Она оборвала и заплакала.

Она заплакала потому, что въ первый разъ въ жизни ей пришлось солгать. Во время краткаго свиданія съ Бойчо въ Бѣлой-Церкви у нея не было времени, да она и не догадалась сообщить ему о странномъ поведеніи Кандова, котораго она не рѣшалась прогнать. Теперь Огняновъ засталъ его у нея и въ такой ранній часъ. Навѣрное, до ушей его дошло что нибудь объ этихъ посѣщеніяхъ, а проклятый случай теперь укрѣпилъ его подозрѣнія прежде, чѣмъ она могла выяснить дѣло.

Рада надѣялась, что самъ Кандовъ дастъ объясненіе, чтобы избавить ее отъ мучительнаго положенія, но онъ молчалъ.

— Господинъ Кандовъ, скажите что-нибудь и вы, я хочу порадоваться, —сказалъ злобно Огняновъ, бросая презрительный взглядъ на своего соперника.

— Нечего мнѣ вамъ говорить, я жду, что вы скажете,—отвѣтилъ студентъ хладнокровно.

— Это—низость! — крикнулъ Огняновъ, переводя глаза съ одного на другую.

Кандовъ поблѣднѣлъ. Уязвленная гордость вывела его изъ мрачной апатіи.

— Огняновъ! — крикнулъ онъ съ гнѣвомъ.

— Кричи громче, испугай меня!— отвѣтилъ тѣмъ же тономъ Огняновъ. Челюсть его дрожала отъ гнѣва.

Рада бросилась къ нему, въ страхѣ, чтобъ онъ не натворилъ бѣды. Она знала неудержимую вспыльчивость его нрава.

— Боже мой! Бойчо! Что ты дѣлаешь? Подожди, я разскажу тебѣ!— восклицала голосомъ, полнымъ слезъ, Рада.

Огняновъ посмотрѣлъ на нее язвительно.

— Нѣтъ нужды, Рада, не унижай себя слезами, крокодиловыми, впрочемъ, на что ты такъ искусна. И я, дуракъ, вѣрилъ, что нашелъ невинность изъ невинностей... Выказалъ столько любви, выбросилъ сердце на улицу... Какое ослѣпленіе.

— Бойчо! — восклицала отчаянно Рада, рыдая.

— Перестань! Между нами нѣтъ болѣе ничего общаго. Маска снята... Какое заблужденіе!.. Думать, что ты любишь меня, бродягу, котораго ожидаетъ колъ и висѣлица, когда у тебя есть такіе рыцари съ громкими фразами, высокомудрые и благонадежные трусы... Боже мой, сколько низости на свѣтѣ!..

И онъ повернулся, чтобы уйти.

— Огняновъ! Возьми свои слова назадъ! — крикнулъ Кандовъ, догнавъ его.

Огняновъ остановился.

— Я ихъ повторяю: низости и подлости! Это гнусное злоупотребленіе пріятельскимъ довѣріемъ!.. Или ты станешь отрицать очевидность?— сказалъ Огняновъ, вперивъ гнѣвный взглядъ на студента.

— Или бери свои слова назадъ, или смерть!— заревѣлъ Кандовъ, дрожа отъ ярости.

— Смерть? Она можетъ пугать только такихъ революціонеровъ, которые спасаютъ Болгарію, прячась подъ юбки женщинъ.

Кандовъ бросился на Огнянова съ поднятымъ кулакомъ. Всѣ его долговременныя страданія и муки превратились въ потокъ ярости противъ косвеннаго виновника ихъ.

Огняновъ схватилъ его за руку и оттолкнулъ къ стѣнѣ, потомъ вынулъ изъ за пояса своего револьверы.

— По хамски не хочу, возьми револьверъ,—и Огняновъ подалъ ему оружіе.

Рада, обезумѣвшая отъ страха и отчанія, раскрыла окно на улицу и кричала о помощи.

Въ это время послышался звонъ колоколовъ. Ихъ звонкое эхо раздавалось тревожно. Огняновъ, державшій револьверъ въ рукахъ, остановился въ оцѣпенѣніи. Въ то же время послышались быстрые шаги и калитка съ шумомъ распахнулась.

Вошло нѣсколько клисурцевъ, вооруженныхъ.

— Возстаніе объявлено! Да здравствуетъ Болгарія!—крикнули они.

— Гдѣ собирается народъ?—спросилъ Огняновъ тревожно.

— Въ Зломъ-Долу... Не медлите!—И бунтовщики быстро удалились съ криками: «да здравствуетъ Болгарія!» и съ пѣсней «бой наступаетъ...»

А колокола бѣшено звонили.

Огняновъ обернулся къ Кандову:

— Теперь у меня дѣло.. Если останусь живъ, дамъ тебѣ удовлетвореніе... А теперь составь компанію сударынѣ, чтобы не страшно было,—и онъ быстро вышелъ.

Рада, пораженная новой бѣдой, упала безъ чувствъ. Госпожа Муратлійская, привлеченная криками ея, вбѣжала въ комнату и принялась приводить ее въ сознаніе.

Кандовъ прислушивался къ звону, какъ человѣкъ, который грезитъ. Потомъ онъ нагнулся и поднялъ скомканное письмо, выпавшее изъ руки Огнянова. Онъ прочиталъ слѣдующія строки:

«Графъ! Не дурно имѣть пріятелей: твоего Кандова не купишь и мѣшкомъ золота. Знай, что онъ, пока былъ тутъ, ни на минуту не оставлялъ Раду Госпожину: твоего вѣрнаго ангела и невинную голубку! Вчера Кандовъ уѣхалъ въ Клисуры: онъ получилъ записку отъ голубки— очень ужъ ея душенька стосковалась по тебѣ, такъ звала его утѣшить ее. Славная у тебя Радка, да и пріятель твой славный. Благо тебѣ!... Потомъ, знай, что все это «тайна»: кромѣ попа и села, ты одинъ только не знаешь ея... Да будетъ освобождена Болгарія, Рада Госпожина будетъ у насъ царицей».

Письмо пришло вчера неизвѣстнымъ путемъ. Оно было безъ подписи.

Кандовъ изорвалъ въ клочки эту мерзость и плюнулъ на нее. Затѣмъ онъ вышелъ.

XXIX.

Возстаніе.

Пять дней уже какъ Клисуры охвачены пламенемъ революціи.

Всѣ дѣла пріостановились; всѣ другіе интересы были забыты; необыкновенное возбужденіе было написано на всѣхъ лицахъ.

Городъ былъ полонъ восхищенія, безпокойства, тревоги; одна опьяняющая атмосфера царила повсюду... Въ эти пять дней Клисуры пережили нѣсколько жизней, нѣсколько вѣковъ страха, надежды, восторга и отчаянья...

20-го апрѣля клисурскій представитель на главномъ собраніи при Мечкѣ пріѣхалъ изъ Каприщины, возставшей въ этотъ день, обнялъ своихъ домашнихъ и объявилъ имъ, что часъ возстанія ударилъ... Тотчасъ въ училищѣ собрались главные заговорщики, и Караджовъ произнесъ пламенную рѣчь; послѣ того, какъ всѣ пропѣли хоромъ «бой наступаетъ, сердце забилось», городъ, при восторженныхъ кликахъ и при звонѣ колоколовъ, объявилъ себя возставшимъ. Немедленно были посланы курьеры въ комитеты другихъ балканскихъ городовъ, чтобы и тамъ было поднято знамя возстанія; назначены были десятники и начальники стражи, вооружены были всѣ, кто желалъ взяться за оружіе, гнались, но безуспѣшно, за полицейскими, которые спаслись бѣгствомъ въ горы.

Всѣ мужчины были вызваны изъ города и размѣщены по горнымъ вершинамъ. По всѣмъ этимъ стратегическимъ пунктамъ была разставлена стража, по 15—20 душъ на каждомъ, для защиты города, и были вырыты для нихъ окопы. На этихъ сторожевыхъ пунктахъ было размѣщено почти все мужское населеніе города, отъ 18 до 50-лѣтняго возраста. Никого болѣе не пускали обратно въ городъ; былъ отданъ приказъ, чтобы каждому повстаннику домашніе его приносили всѣ необходимые припасы и вещи.

На слѣдующій день, когда священники и женщины, — мужчины были на укрѣпленіяхъ,—молились горячо въ церкви объ избавленіи Болгаріи отъ рабства, городскіе старѣйшины, съ радостью примкнувшіе къ движенію, избрали военный совѣтъ, а также главнокомандующаго надъ повстанцами. Послѣ обѣда съ большой торжественностью понесли на вершину Злого-Дола знамя со львомъ и передали его защитникамъ. Остатокъ дня былъ употребленъ на доставленіе снарядовъ на вершины, на назначеніе начальниковъ разныхъ укрѣпленныхъ пунктовъ и на разныя распоряженія по оборонѣ города. Но вѣсти, которыя приходили изъ другихъ мѣстъ, не были утѣшительны: кромѣ Средней-Горы, никакіе новые пункты не подняли возстанія. Ночь застала повстанцевъ въ сильномъ унынiи.

22-го апрѣля повстанцы убили двухъ турокъ, проѣзжавшихъ мимо. Кровь была пролита и жребій окончательно брошенъ. Но напрасно смотрѣли они съ высотъ въ Стремскую долину, чтобы увидѣть тамъ пожаръ въ турецкихъ селахъ — условный знакъ, что Каблешковъ поднялъ тамъ болгарскія деревни. Тогда они отыскали убѣжище въ горахъ для семействъ и послали въ Копривщины за помощью.

Повстанцы сдѣлались мрачными и упали духомъ. Георгіевъ день никого не порадовалъ, и колокола, сзывавшіе богомольцевъ въ храмъ, издавали

меланхолическій звонъ, похожій на погребальный. Но вдругъ звонъ сдѣлался живѣе и радостнѣе, и лица освѣтились радостью.

Воловъ привелъ изъ Копривщинаго подкрѣпленіе изъ пятидесяти душъ, по большей части крестьянъ изъ среднегорскихъ селъ. Они пришли прямо въ церковь, гдѣ и было отслужено торжественное молебствіе... Колокола зазвонили болѣе празднично. Послѣ того, Воловъ, съ священниками и крестами, пошли къ укрѣпленіямъ. Тамъ были осуждены, какъ шпіоны, на смерть нѣсколько пойманныхъ цыганъ и турокъ. Воловъ самъ отрубилъ саблей голову одному изъ нихъ. Послѣ этой экзекуціи Воловъ вернулся въ Копривщину. Остальное время было употреблено на довершеніе окоповъ.

На слѣдующій день уныніе снова воцарилось. Напрасно смотрѣла дальнозоркая стража по цѣлымъ часамъ, стараясь узрѣть, наконецъ, желанный пожаръ въ долинѣ. Экспедиція Каблешкова вернулась назадъ въ Копривщину, не добившись никакого результата. Рѣдкіе путники, проѣзжавшіе здѣсь въ первые дни возстанія, говорили, что въ долинѣ все мирно, и что нѣтъ никакого признака близкаго возстанія... Со вчерашняго дня и путники перестали показываться... Вмѣсто нихъ, вдали на холмѣ показалось нѣсколько конныхъ турокъ; они выстрѣлили изъ ружей и исчезли... Упадокъ духа все усиливался. Не помогали ни увѣщанія болѣе мужественныхъ, число которыхъ все уменьшалось, ни обманы, ни строгія внушенія.

Это печальное настроеніе клисурцевъ еще усилилось 25-го апрѣля. Они видѣли, что оставлены на произволъ судьбы, то-есть на неминуемую гибель... Она была очевидна. Горсть защитниковъ, которыхъ могъ выставить городъ, всего-на-всего 250 человѣкъ, разсѣянная по многимъ пунктамъ, была недостаточна, чтобы отразить страшную орду башибузуковъ, которая должна была налетѣть съ востока и съ запада... Новаго подкрѣпленія изъ Копривщиной ждать было нечего: она сама нуждалась въ помощи. Упадокъ духа заражалъ всѣ укрѣпленія. Дисциплина слабѣла, раскаяніе, ропотъ, дезертирство—авангарды деморализаціи—смѣняли энтузіазмъ первыхъ дней возстанія. Непріятель еще не былъ видѣнъ, но его чувствовали близкаго, грознаго, неминуемаго. Бунтовщики походили уже на разбитую армію, разбитую еще до сраженія, на трепещущее стадо сернъ, загнанныхъ въ безвыходный уголъ, чующихъ ревъ звѣрей. Немногіе сохраняли присутствіе духа, еще меньшее число сохраняло искру надежды на удачный исходъ. Къ нравственнымъ мукамъ присоединились и физическія: холодный вѣтеръ дулъ всю ночь съ Балкана, и защитники окоповъ, принужденные ночевать на влажной землѣ, не разводя огня, совершенно окоченѣли. Эти бѣдные чоботари, проведшіе весь вѣкъ свой въ мирномъ трудѣ, съ иглой въ рукахъ, превращенные теперь въ бунтовщиковъ, вооруженныхъ съ ногъ до головы, были очень плачевны на видъ. Глухіе стоны и вздохи разносились ночью по окопамъ, гдѣ никто не могъ сомкнуть всю ночь глазъ отъ холода и безпокойства.

— Поздравляю тебя!—здоровались въ первый день возстанія женщины на улицахъ.

— Пропали мы, погибли,—перешептывались теперь самые горячіе прежде заговорщики.

Отчаяніе росло. Это было ясно написано на перепуганныхъ лицахъ. Однако, рѣчи о бѣгствѣ, объ оставленіи укрѣпленій и оружія еще не было слышно нигдѣ. Но объ этомъ уже думали всѣ.

Таково было въ этотъ день состояніе духа на всѣхъ высотахъ. Такимъ же оно было и на Зломъ-Долу, самомъ важномъ пунктѣ обороны.

XXX.

Батарея на «Зломъ-Долу».

Вершина «Злой-Долъ», лежащая на сѣверо-востокѣ отъ города, была прекраснымъ стратегическимъ пунктомъ. Она царила надъ всей окрестностью и была центромъ пути, который пролегалъ изъ Клисуръ въ Стремскую долину... Отсюда видны были волнообразные холмы, лежащіе на востокѣ, на которыхъ были разставлены дальнозоркіе часовые, составлявшіе цѣпь клисурской арміи.

Стража на «Зломъ-Долу» была наиболѣе многочисленна; тамъ же находились и среднегорцы Волова, и отсюда предполагалось встрѣтить пулями первый напоръ непріятеля.

Сегодня тамъ замѣчалось особое оживленіе. Нѣкоторая бодрость свѣтилась въ глазахъ. Но взоры всѣхъ были обращены не къ востоку, откуда ожидали непріятеля, а къ долинѣ, гдѣ гнѣздились Клисуры. Всѣ напряженно смотрѣли на тропинку, которая, извиваясь по обрывамъ, вела на верхъ. Тамъ одинъ повстанникъ гигантскаго роста несъ на плечахъ что-то бѣлое, длинное, цилиндрическое. Сзади его полная рослая женщина, судя по одеждѣ—крестьянка, шла, согнувшись подъ какой-то ношей, повидимому, очень тяжелой.

На этихъ именно двухъ человѣкъ были направлены всѣ взгляды. И было почему: они несли артиллерію на «Злой-Долъ»!..

Она состояла всего-на-всего изъ одного ствола черешни.

Этотъ стволъ былъ на плечахъ гиганта.

Снаряды, состоящіе изъ кусковъ желѣза, гирь, цыганскихъ гвоздей и пр. были на спинѣ крестьянки,

Глаза повстанниковъ горѣли удовольствіемъ;общее воодушевленіе овладѣло «Злымъ-Доломъ»!

Наконецъ, гигантъ, весь облитый потомъ, который капалъ съ него, какъ дождь, втащилъ на верхъ пушку.

— Охъ, чтобъ его!..—простоналъ онъ, бросивъ на землю смертоносное орудіе.

Всѣ столпились и смотрѣли съ любопытствомъ на пушку...

Имѣлось еще десятка два такихъ же, назначенныхъ для другихъ укрѣпленій, но они еще находились въ городѣ. Эту втащили, чтобы испробовать силу и дальнобойность выстрѣла. Втащили ее еще повыше, откуда можно было обстрѣливать дорогу и голые овраги, наполнили ее хорошенько зарядомъ, вколотили въ землю колья и прикрѣпили ее къ нимъ, наконецъ, вырыли позади пушки углубленіе для прикрытія артилериста...

Повстанцы горѣли нетерпѣніемъ услышать первый пушечный выстрѣлъ болгаръ! Дѣтская радость и неописуемый восторгъ волновалъ всѣхъ. Нѣкоторые плакали...

— Слушайте, ребята, какъ зареветъ балканскій левъ, голосъ его раскачаетъ тронъ султана и возгласитъ всему свѣту, что Старая-Планина свободна!..—сказалъ начальникъ злодольской стражи.

— Этотъ громъ разбудитъ и другихъ нашихъ братьевъ въ Стремской долинѣ и напомнитъ имъ о долгѣ: они возьмутся за оружіе и ополчатся противъ общаго врага,—сказалъ другой.

— Отсюда мы будемъ господствовать надъ всей долиной... пусть только покажутся турки: въ куски ихъ разнесемъ.

— Ни одного въ живыхъ не оставимъ!—заревѣлъ Боримечка, продолжая вытирать шапкой мокрое раскраснѣвшееся лицо.

Потому что гигантъ, который втащилъ пушку, былъ нашъ старый знакомый Иванъ Боримечка; снаряды принесла жена его. Они еще съ мѣсяцъ тому назадъ переселились въ Клисуры по дѣламъ своимъ, но вскорѣ были увлечены революціей.

Запальщикъ готовился зажечь фитиль.

— Подожди, Дѣлчо, дѣти и женщины перепугаются, надо предупредить ихъ сперва,—сказалъ сапожникъ Нягулъ.

— Правду говоришь,—отозвались и другіе, — надо послать въ городъ оповѣстить, тамъ есть беременныя бабы...

— Къ чему еще посылать, да терять время?—отсюда кто-нибудь крикнетъ, у кого голосъ громче, всякій услышитъ.

— Боримечка! Боримечка!—крикнули нѣкоторые, знавшіе страшную силу его глотки.

Боримечка съ радостью взялъ на себя новую миссію. Онъ спросилъ, что нужно объявить, хорошенько заучилъ и взобрался на другую вершину, поближе къ городу. Тамъ онъ выпрямился во весь свой гигантскій ростъ, набралъ побольше воздуху въ легкія, закинулъ немного голову, раскрылъ широкія челюсти и внятно закричалъ:

— Эй, люди! Знайте, мы выстрѣлимъ изъ болгарской пушки, чтобы попытать ее... Такъ пускай бабы и дѣтвора не пугаются, а рады будутъ! Турокъ нѣтъ еще... Не видно поганыхъ...

Онъ повторилъ это оповѣщеніе нѣсколько разъ кряду, съ минутной передышкой. Балканское эхо отвѣтило на этотъ сильный голосъ. Онъ проникъ во всѣ дома въ городѣ. Послѣ того, какъ городъ былъ предупрежденъ, приступили къ дѣлу. Дѣлчо высѣкъ огонь, зажегъ большой кусокъ ваты, вдѣлъ ее на длинный прутъ и поднесъ къ пушкѣ. Вата разгоралась и дымила; синее облако дыма извивалось по воздуху... Повстанцы, въ трепетномъ ожиданіи выстрѣла, отбѣжали поодаль, иные даже укрылись въ окопахъ, чтобы не видѣть ничего, нѣкоторые заткнули пальцами уши и закрыли глаза. Протекло нѣсколько секундъ въ ужасномъ, невыразимомъ напряженіи нервовъ... Синій дымъ вился надъ фитилемъ, но не успѣлъ еще его зажечь. Сердца бились такъ, что, казалось, готовы были лопнуть. Это мучительное состояніе становилось невыносимымъ... Наконецъ, по фитилю пробѣжало бѣлое пламя, задымился и онъ, и вдругъ пушка издала какой-то немощный, сердитый, надтреснутый звукъ, какъ когда сломаютъ сухую доску,—что-то похожее на острый кашель; пушка покрылась густымъ облакомъ дыма...

Отъ этого кашля пушка харкнула и зарядъ отлетѣлъ на нѣсколько только шаговъ... Многіе изъ повстанцевъ не слышали даже выстрѣла.

Этотъ несчастный результатъ обнаружилъ недостатки артиллеріи. Благодаря этому, принялись поправлять остальныя пушки. Набили на нихъ желѣзные обручи, а нѣкоторыя даже изнутри обложили жестью. Въ тотъ же день втащили по двѣ пушки на каждое укрѣпленіе, наполнили ихъ сильнымъ зарядомъ, прикрѣпили хорошенько къ землѣ и вырыли углубленія позади ихъ для запальщиковъ фитиля. Каждая пушка должна была послужить только для одного выстрѣла, и выстрѣлить въ извѣстную, опредѣленную сторону.

XXXI.

Плѣнникъ.

Между тѣмъ вниманіе защитниковъ Злого-Дола было отвлечено въ другую сторону. Многіе изъ нихъ смотрѣли на востокъ, гдѣ у подножія холма виднѣлись три человѣка. Двое изъ нихъ были вооруженные повстанцы, вѣроятно, изъ дальней стражи, а третій, котораго они гнали передъ собой, ничѣмъ не походилъ на воина. Очевидно, они вели плѣнника.

Любопытство злодольцевъ было возбуждено и они всѣ напряженно слѣдили за этими людьми.

Скоро эти трое взобрались по обрыву и пришли въ укрѣпленіе.

Всѣ окружили приведеннаго плѣнника. Это былъ болгаринъ маленькаго роста, съ тупоумнымъ, перепуганнымъ лицомъ, въ изношенныхъ штанахъ и салтамаркѣ, съ придавленнымъ фесомъ на головѣ. На спинѣ висѣлъ мѣшокъ съ обрѣзками сукна и другой матеріи, съ нитками, ножницами и другимъ хламомъ и принадлежностями портняжьяго ремесла.

— Шпіонъ, шпіонъ, — разнеслось среди защитниковъ Злого-Дола.

— И еще болгаринъ! — говорили другіе съ негодованіемъ.

— Зачѣмъ вы его привели, надо было пристукать этого пса на мѣстѣ! —крикнулъ другой.

— Нѣтъ, можетъ, онъ разскажетъ намъ кое-что, пусть скажетъ, кто его послалъ, а пулю онъ съѣстъ въ свое время,—отозвались другіе.

Подошелъ начальникъ укрѣпленія, онъ же былъ и главнокомандующимъ.

— Гдѣ вы его поймали?

— Въ долинѣ, у рѣки, онъ тамъ скрывался въ кустарникѣ, — отвѣчали двое повстанцевъ изъ дальней стражи.

— Что у него въ мѣшкѣ? Обыскали вы его?

— Обрѣзки сукна, ничего болѣе.

— Онъ нарочно носитъ ихъ, чтобы представиться невиннымъ, если его поймаютъ,—замѣтилъ кто-то.

— Это шпіонъ,—повторили снова другіе.

— Подосланъ турками, чтобы изучить позицію; смотрите, какъ онъ перепугался и выпучилъ глаза, какъ жаба въ болотѣ.

И дѣйствительно, плѣнникъ обезумѣлъ отъ страха. Онъ глупо и безсмысленно озирался на вооруженныхъ повстанцевъ и трепеталъ. Онъ имѣлъ видъ человѣка, который не слышалъ и не понималъ ничего, что говорили вокругъ него.

Главнокомандующій посмотрѣлъ на него испытующимъ взглядомъ.

— Откуда ваша милость?

Неизвѣстный молчалъ.

— Я спрашиваю тебя, откуда ты?— повторилъ сердито главнокомандующій.

Плѣнникъ пошевелилъ губами, какъ бы желая сказать что-то, но ничего не сказалъ.

— Онъ нѣмой,—сказалъ кто-то.

— Какъ нѣмой? Какъ онъ запищалъ, когда мы его схватили! Онъ съ голосомъ, но перепугался,—объяснилъ одинъ изъ поймавшихъ его.

— Слушай, если ты и теперь не отвѣтишь откуда идешь и что ищешь, я прикажу тебя пристрѣлить, какъ собаку!—крикнулъ ему главнокомандующій.

— Ну, говори! пули намъ надобны для другихъ,—закричалъ Иванъ Боримечка, котораго охватывало нетерпѣніе.

Главнокомандующій посмотрѣлъ строго на Ивана.

Тутъ чувство великой опасности осилило дѣйствіе ужаса, сковавшее

мандцы, изучая прилежно итальянцевъ, замѣстили ихъ, и XVII в. былъ ихъ золотымъ вѣкомъ. *Рубенсъ*, своей удивительной плодовитостью, легкостью и мощностью работы, напоминаетъ величайшихъ художниковъ XVI в., которыхъ онъ превосходилъ богатствомъ, роскошью и вліяніемъ, какимъ пользовался на родинѣ, во Франціи, въ Испаніи и въ Англіи, гдѣ былъ гостемъ и живописцемъ королей. Религія и миѳологія, исторія и аллегорія, портреты и природа—всѣ сюжеты ему были одинаково доступны. Онъ составилъ въ Парижѣ обширную и великолѣпную галлерею изъ 24 картинъ, представлявшихъ опоэтизированную, проникнутую необычайнымъ воображеніемъ, глубокимъ изученіемъ, вымысломъ и лестью, исторію жизни *Маріи Медичи*. Въ Уайтъ-Голлѣ онъ написалъ *Апоѳеозъ Іакова I*, сюжетъ незначительный для великаго мастера; затѣмъ онъ оживлялъ своей волшебной кистью знаменитыхъ людей и самую природу, животныхъ, пейзажи, до букетовъ цвѣтовъ. Это уже болѣе не сосредоточеніе генія, напрягающаго силы, чтобы достигнуть совершенства нѣсколькихъ законченныхъ произведеній. Это—порывъ художника, разбрасывающагося и заботящагося только о доходѣ отъ своей работы, увѣреннаго и увлекающагося своимъ ремесломъ, набрасывающаго въ общихъ, часто удачныхъ чертахъ, свой замыселъ, и старающагося скрыть подъ блескомъ красокъ, ослѣпляющихъ глазъ, несовершенство рисунка и расплывчатость контуровъ [1]).

Рубенсъ, которымъ восхищались и котораго прославляли, имѣлъ обширную школу, откуда вышло нѣсколько учениковъ, равныхъ своему учителю. *Ванъ-Дикъ* [2]) путешествовалъ, какъ и онъ, и также пользовался гостепріимствомъ королей. Онъ писалъ великолѣпныя картины для церквей, но въ особенности считался знаменитымъ портретистомъ. Онъ написалъ 38 портретовъ Карла I короля Ан-

---

[1]) Петръ Павелъ Рубенсъ, род. въ Зигенѣ, въ герцогствѣ Нассауссскомъ, въ бельгійской семьѣ, изгнанной при герцогѣ Альбѣ; въ молодыхъ годахъ онъ поселился въ Антверпенѣ (1577—1640). Его многочисленныя произведенія разсѣяны повсюду. Въ Антверпенѣ находятся 100 его картинъ, въ Мюнхенѣ 93, въ Вѣнѣ 90; въ Мадридѣ 66, въ С.-Петербургскомъ Эрмитажѣ 63, и между ними *Изгнаніе Агари*, удивительная свѣто-тѣнь, полная глубины и въ то же время блеска; *Снятіе со Креста*; *Вечеръ у Фарисея*, обширная картина, заключающая 14 фигуръ въ натуральную величину; *Освобожденіе Андромеды*; *Отъѣздъ Адониса*; превосходный портретъ *Елены Фурме*, жены художника; нѣсколько пейзажей, изъ которыхъ два — *Радуга* и *Горная вершина въ сумеречномъ свѣтѣ* поражаютъ вѣрностью впечатлѣнія и совершенствомъ исполненія; *Львица, играющая съ дѣтенышами*, и мн. др. Въ Англіи его картинъ болѣе 200, въ Парижскомъ Луврѣ—54. Французскій живописецъ Энгръ, идеалистъ и врагъ натурализма фламандскаго художника, въ своемъ отзывѣ о немъ, слишкомъ преувеливалъ его недостатки: «Рубенсъ—мясникъ, говорилъ онъ; онъ представляетъ себѣ человѣческую природу, какъ свѣжее мясо, и выставляетъ его на показъ, точно въ лавкѣ».

[2]) Ванъ-Дикъ родился въ Антверненѣ (1599—1641), умеръ молодымъ, но, тѣмъ не менѣе, оставилъ огромное число произведеній. Въ каталогѣ Гиффрея насчитывается болѣе 1.500 картинъ Ванъ-Дика. (Въ Спб. Императорскомъ Эрмитажѣ хранится до 40 его полотенъ, изъ которыхъ замѣчательны: *св. Семейство* среди пейзажа, одна изъ наиболѣе яркихъ картинъ; *св. Севастьянъ*, подкрѣпляемый ангелами; *Смерть Адониса*, цѣлый рядъ великолѣпныхъ портретовъ и между ними самого художника въ 16-ти-лѣтнемъ возрастѣ; портреты Карла I и его супруги, живописца Снидерса и нѣкоторыхъ др. лицъ). (*Прим. пер.*).

гліи и королевы Генріетты, не говоря уже о сановникахъ и принцессахъ, добивавшихся чести видѣть свои черты закрѣпленными на полотнѣ кистью, придававшей имъ жизненность, столь же вѣрную, какъ и природа, но при этомъ скрашенную благородствомъ и граціей, свойственными всѣмъ произведеніямъ Ванъ-Дика.

Іорденсъ [1]), другой ученикъ Рубенса, также достигъ совершенства въ портретѣ, но онъ затрогивалъ всѣ сюжеты, религіозные и народные, аллегорическіе и историческіе. Увлеченіемъ и энергіей онъ даже превзошелъ своего учителя. *Гаспаръ Крайеръ* брался также за религіозные и историческіе сюжеты и, вмѣстѣ съ *Корнеліемъ де-Фосъ*, заслуживаетъ быть причисленнымъ къ самымъ удачнымъ послѣдователямъ Рубенса.

Преклоненіе передъ природой осталось традиціоннымъ во Фландріи. Францъ Снидерсъ [2]), другъ и сотрудникъ Рубенса, занимался, главнымъ образомъ, изображеніемъ животныхъ, охоты на оленей, на медвѣдей, вепрей, лисицъ, львовъ, тигровъ и даже гиппопотамовъ и крокодиловъ, не считая битвъ между собаками, лебедями, пѣтухами и змѣями. *Паулъ де-Фосъ* писалъ, подъ названіемъ *Ноева ковчега*, группы различныхъ животныхъ, а *Янъ Фитъ*—битвы, охоту и nature morte, передавая ихъ съ самой точной правдивостью.

Давидъ Теньеръ, сынъ живописца и зять живописца Брюгель де-Велура, занялъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ искусствѣ созданіемъ *жанровой живописи*. Его многочисленныя произведенія представляютъ цѣлый міръ, и въ особенности міръ фламандскій. Теньеръ смотрѣлъ глазами геніальнаго художника на шумную, чувственную жизнь своихъ соотечественниковъ; онъ проникъ въ дымные кабачки, присутствовалъ при игрѣ въ карты, среди пивныхъ кружекъ, при обильныхъ пиршествахъ, на оживленныхъ храмовыхъ праздникахъ, гдѣ проявляется грубость крестьянъ вмѣстѣ съ распущенностью. Теньеръ сближаетъ насъ съ землей: онъ обладаетъ духомъ народовъ сѣвера. Это можетъ служить также признакомъ времени, которое, на ряду съ традиціями дворянскими и феодальными, выставляетъ торжество буржуазіи, побѣдоносной въ Англіи, богатой во Фландріи и въ Голландіи и старавшейся во Франціи сравняться съ дворянствомъ. Поэтому, нечего удивляться, что картины Теньера коробили Людовика XIV, увлекавшагося исключительно благородствомъ и величіемъ: «Уберите этихъ уродовъ», сказалъ онъ, когда ему представили произведенія Теньера [3]).

---

[1]) Жанъ-Жакъ Іорденсъ, род. въ Антверпенѣ (1593—1678). Въ Брюссельскомъ музеѣ находятся двѣ лучшія его картины: *Чудо св. Мартина* и *Осень*; въ Мюнхенѣ—*Сатиръ* и *Крестьянинъ*.

[2]) Францъ Снидерсъ (1579—1657). Паулъ де-Фосъ (1590—1678). Янъ Фитъ (1609—1661).

[3]) Давидъ Теньеръ (1610—1694), род. въ Антверпенѣ. Произведенія его разсѣяны по всѣмъ музеямъ. Смитъ составилъ каталогъ изъ 685 картинъ Теньера. Однимъ изъ главныхъ его произведеній считается картина, находящаяся въ Спб. Имп. Эрмитажѣ, написанная въ 1643 г. и представляющая *Общество рыцарскихъ мастеровъ въ Антверпенѣ*. Изображенныя тамъ 45 фигуръ переданы удивительно.

У Теньера былъ другъ *Адріенъ Брауверъ*, также живописецъ курильщиковъ, пьяницъ, игроковъ и бродячихъ музыкантовъ. Оба эти живописца имѣли многочисленныхъ подражателей, какъ, напр., *Іеронима Янсена* и *Гонзалеса Кока* [1]), изображавшихъ праздники, собранія высшаго круга и сцены изъ жизни различныхъ цеховъ. Среди нихъ отмѣчаютъ, впрочемъ, батальнаго живописца, Петра Снидерса, вдохновившаго Ванъ-деръ-Мёйлена.

Фламандскіе живописцы не могли быть лишены живого чувства деревенской природы. Хотя сѣверная природа часто бываетъ окутана туманомъ и омрачена дождемъ, въ ней есть своя поэзія, которая воодушевляла Брюгеля де-Велуръ [2]), потомка и, въ свою очередь, отца семьи художниковъ. *Говертъ Антверпенскій* превосходно воспроизводилъ дубовые лѣса, а *Луи де-Ваддеръ* и *Янъ Зиберехтсъ* писали пейзажи, отличавшіеся величайшей простотой, настоящія пасторали въ стилѣ современной имъ эпохи. Наконецъ, братья Гёйсмансы [3]) съ силой изображали дикую природу, глубокіе овраги, густыя дубовыя заросли и лѣсныя опушки. Путь былъ открытъ: цѣлый легіонъ художниковъ вступилъ на него, перелистывая каждую страницу этой природы, улыбающейся всѣмъ, кто на нее смотритъ, успокоивающей умы и очаровывающей сердца.

Голландскій геній былъ вызванъ къ жизни природою: ярко зеленыя деревья, влажные луга, стада, море, корабли—вотъ что поражало и вдохновляло художниковъ этой страны, отвоеванной у моря трудолюбивой промышленностью ея жителей. Долгое время у голландцевъ, соединенныхъ съ фламандцами подъ владычествомъ Испаніи, не было другихъ художниковъ, кромѣ фламандцевъ. Искусство пріобрѣло свободу вмѣстѣ съ ихъ страною, и въ XVII в. возникла школа, соперничавшая со школой фламандской. *Рембрандтъ* былъ ея главою и самымъ знаменитымъ представителемъ. Между тѣмъ, какъ Рубенсъ добивался ослѣпительнаго освѣщенія и вдавался въ излишнюю колоритность, Рембрандтъ нашелъ новый источникъ поэзіи въ противуположеніи свѣта и тѣни. Онъ ищетъ ночныхъ эффектовъ, контраста цвѣтовъ. Онъ любитъ освѣщенныя фигуры на черномъ фонѣ. Его многочисленныя произведенія разсѣяны въ главныхъ музеяхъ Европы. Образцовыя творенія его, какъ, напр., *Урокъ анатоміи* (въ Гагѣ) и *Ночной дозоръ* (въ Амстердамѣ), стали классическими и популярными, распространившись повсюду въ гравюрахъ; въ нихъ можно видѣть, насколько Рембрандтъ умѣетъ сосредоточиваться, соединять разнообразіе позъ и лицъ, пріурочивя ихъ къ единству сюжета. Рембрандтъ достигаетъ удивительной компановки, сразу захватывающей воображеніе, и распредѣленіемъ искусно подобранныхъ красокъ оставляетъ глубокое впечатлѣніе. Онъ, по праву,

---

[1]) Іеронимъ Янсенъ (1624—1693). Гонзалесъ Кокъ (1618—1684) былъ также портретистъ, подражатель Ванъ-Дика.

[2]) Брюгель де-Велуръ (1568—1625).

[3]) Лудвигъ де-Ваддеръ, ум. около 1655. Янъ-Зиберехтсъ (1627 — 1703). Корнелій Гёйсмансъ (1648—1727); Жанъ-Батистъ (1654—1716).

можетъ называться реалистомъ [1]). Его можно назвать и первоклассным портретистомъ.

Знаменитѣйшимъ ученикомъ Рембрандта былъ *Герардъ Довъ*, портретистъ и жанристъ [2]). *Тербургъ* слѣдовалъ тому же пути съ такимъ же остроуміемъ и блескомъ. *Метцу* также удавались простые сюжеты; картины его обнаруживаютъ замѣчательную вѣрность наблюденія. Къ этимъ именамъ надо прибавить *Мериса*, ученика Герарда Дова, *Вувермана*, *фанъ-деръ-Гейдена* и, въ особенности, Поля *Поттера*, прославившагося изображеніемъ животныхъ.

Рюисдаль [3]) (правильнѣе Рёисдель) былъ главою школы пейзажистовъ и самымъ поэтичнымъ изъ пейзажистовъ Сѣвера. Его пейзажи вызываютъ мечтательное настроеніе. Рюисдаль не только видѣлъ природу: онъ жилъ ею и постигалъ ея душу. Его ученикъ и другъ *Гоббема* писалъ только ясную и безмятежную природу. Къ именамъ этихъ художниковъ слѣдовало бы прибавить еще много другихъ: Голландія насчитывала множество живописцевъ съ большими достоинствами до фанъ-Гёйзума, продлившаго до половины XVIII в. славу голландскаго искусства, но и закончившаго собою эту школу.

Искусство въ XVII в. приняло реалистическій характеръ, который сохранило и въ послѣдующее время. Оно уже спустилось на землю, хотя французское искусство все еще держалось итальянскаго идеализма. Мысль, получившая свободу, несмотря на нетерпимость, проникавшую этотъ вѣкъ, открыла для философіи обширное поприще, на которомъ разуму предстояло подниматься и укрѣпляться. На новѣйшихъ языкахъ появились классическіе авторы и произведенія, которымъ предстояло вызвать къ жизни многія другія.

Науки заявили себя открытіями, которыя должны были повести къ послѣдствіямъ, почти чудеснымъ. Человѣческое общество преобразилось и стало культурнѣе. Въ государственной жизни появилась большая правильность, и Англія уже представила образецъ свободы. Работа въ области идей укоренилась въ XVII в. Надъ Европой, еще іерархической и феодальной, уже проносится дыханіе Фронды, которая низвергнетъ въ XVIII в. старинныя преграды и предразсудки.

---

[1]) Рембрандъ фанъ-Ринъ (1606 или 1608—1674). Въ Импер. Эрмитажѣ въ Петербургѣ находится 45 его картинъ. Изъ послѣдователей его особенно замѣчательны Адріанъ фанъ-Остаде, жанристъ, отчасти напоминающій Теньера, и Бартелеми фанъ-деръ-Хельстъ.

[2]) Герардъ Довъ (1613—1680). Въ Спб. Эрмитажѣ находится его знаменитая картина *Эмпирикъ*.

[3]) Якобъ Рюисдаль (1620 или 1625—1687). Картины Рюисдаля находятся въ Амстердамѣ, Парижѣ, Лондонѣ, Петербургѣ, Мюнхенѣ, Вѣнѣ и проч.

ГЛАВА XI.

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ, НАУЧНОЕ И ФИЛОСОФСКОЕ ДВИЖЕНІЕ ВЪ XVIII ВѢКѢ.

Новый характеръ искусства въ XVIII в.—Архитектура.—Скульптура.—Художественная мебель новѣйшихъ временъ.—Мебель Буля; стили Людовиковъ XIV, XV и XVI. — Французская живопись. — Живопись въ Германіи и Англіи.—Научное движеніе; математики; Эйлеръ, Даламберъ, Клеро и Лагранжъ.—Астрономія; Брадлей, Гершель, Мопертюи, Мешенъ и Деламбръ.—Лаплассъ. — Физическія науки; термометры; аэростаты. — Паровыя машины; Ньюкомменъ и Джемсъ Уаттъ.—Электричество.—Франклинъ; громоотводы.—Динамическое электричество; Гальвани и Вольта.—Химія; Пристлей, Шеле и Лавуазье.—Бертолетъ, Фуркруа и Кевендишъ.—Естественныя науки; Бюффонъ, Линней и Жюсьё.—Медицина; Дженнеръ.—Училища глухонѣмыхъ и слѣпыхъ; аббатъ де-Лепе; Валентинъ Гаюи. — Французская литература въ XVIII в.; послѣдователи преданій предшествующаго столѣтія; Масильонъ, Дагессо и Сенъ-Симонъ.—Упадокъ поэзіи. — Вольтеръ; его трагедіи. — Вольтеръ, какъ прозаикъ; его историческія сочиненія. — Вольтеръ, какъ философъ.—Французская философія XVIII в.; Кондильякъ, Гельвецій, *Энциклопедія*, Даламберъ и Дидро.—Политическіе писатели; Монтескьё и его *Духъ Законовъ*.—Жанъ-Жакъ Руссо; его *Общественный договоръ* и *Эмиль*.—Возникновеніе политической экономіи; Гурней, Кенэ и Адамъ Смитъ. — Романъ; Лесажъ и Бернарденъ де-Сенъ-Пьеръ.—Комедія въ прозѣ; Мариво и Бомарше.—Характеръ и вліяніе французской литературы съ XVIII в.—Англійская литература; журналы; Аддисонъ.—Романъ.—Англійская поэзія.—Философія; исторія; ораторское искусство.—Нѣмецкая литература; Лессингъ.—Поэзія; Клопштокъ. — Гёте. — Шиллеръ. — Виландъ. — Нѣмецкая философія; Кантъ.—Итальянская литература.—Музыка; ея успѣхи въ новѣйшія времена.—Рамо, Глюкъ, Перголезе и Гретри.—Нѣмецкая школа; Бахъ, Гендель и Гайднъ.—Моцартъ.

Искусство, блестѣвшее столь ярко въ XVII в., затмѣвается въ XVIII. Оно кажется какъ бы истощеннымъ и опускается ниже прежняго уровня, хотя общество, ставшее болѣе богатымъ, цѣнитъ его и поощряетъ болѣе, чѣмъ когда бы то ни было. Искусство впадаетъ въ подражаніе, и падаетъ ниже даже самого общества, которое, при возрастающемъ легкомысліи, вліяетъ, въ свою очередь, на характеръ искусства и хочетъ, чтобы оно было похоже на него. XVIII вѣкъ былъ переходнымъ временемъ—конечной точкой переворота, начавшагося въ XV в., и исходной точкой новой революціи. Онъ жилъ прошлымъ, подготовляя будущее, пользовался пріобрѣтенными благами и мечталъ о благахъ, еще большихъ, въ особенности о болѣе общихъ, и переживалъ смуту борьбы новыхъ идей съ преградами среднихъ вѣковъ.

XVIII в. былъ вѣкомъ разсужденія и размышленія, но не чувства, а искусство живетъ чувствомъ. Скептическій или равнодушный въ религіозной области, этотъ вѣкъ былъ лишенъ христіанскаго вдохновенія; буржуазный и великосвѣтскій, онъ не вдохновлялся и природой; сухой, насмѣшливый и распущенный, онъ, не смотря на свои гуманныя ученія, не былъ проникнутъ и сердечнымъ чувствомъ.

Уже и XVII в. не создалъ ни одного изъ произведеній зодчества, которое можно было бы сравнить съ твореніями XIV в. Итальянскіе и французскіе архитекторы ограничивались копіями,

иногда воспроизводя свои модели въ уменьшенномъ видѣ. Франція того времени можетъ назвать только архитекторовъ *Луи*, *Габріеля*, *Сервандони* и *Суфло* [1]). Они воспроизводили или колоннады времени Людовика XIV, или, какъ дѣлалъ Суфло, итальянскіе куполы. Изобрѣтательность ихъ выражается только въ деталяхъ; они по преимуществу добиваются пріятнаго, красиваго. Они становятся кокетливыми, чтобы нравиться своему вѣку.

Скульптура поддерживала еще благородство стиля, благодаря *Гильому Кусту*, *Этьену Фальконе* [2]), *Кафьери* и *Пигалю;* но *Бушардонъ* занимался уже лѣпкою амуровъ и психей, въ духѣ Помпадуръ. *Гудонъ* [3]) отдалъ дань тому же жанру, но своей статуей Вольтера онъ принадлежитъ XIX в. Въ XVIII в. *Канова* [4]) также возстановилъ истинное искусство своими произведеніями, украшающими Римъ и Венецію.

Замѣчательную черту XVIII в. мы видимъ въ развитіи и усовершенствованіи мебели. Въ средніе вѣка ей мало придавали значенія. Нѣсколько рѣзныхъ скамеекъ, поставленныхъ передъ широкими каминами, нѣсколько массивныхъ стульевъ, постели съ колоннами, поставленныя на помостѣ, нѣсколько простыхъ поставцовъ составляли все украшеніе огромныхъ и холодныхъ залъ въ замкахъ. Токари и рѣзчики прилагали свое искусство, главнымъ образомъ, къ фигурнымъ украшеніямъ мѣстъ для сидѣнія въ церквахъ. Мебель въ XV в. придерживалась формъ стрѣльчатаго стиля. Возрожденіе дало преобладаніе античному вкусу; оно украсило и зданія, и мебель, воспроизводя въ ней ихъ фронтоны и арки. Домашняя мебель сдѣлалась изобильнѣе; вслѣдъ затѣмъ, знакомство съ отдаленными странами развило вкусъ къ иноземнымъ вещамъ, къ ларцамъ, расписаннымъ по турецки, къ восточнымъ коврамъ, китайскому фарфору и проч. Стиль Возрожденія былъ однимъ изъ самыхъ изящныхъ: въ эту эпоху простой столъ, предназначенный для выставки мясныхъ кушаньевъ, превратился въ рѣзный буфетъ; шкафы получили видъ архитертурныхъ произведеній, вмѣщая обрамленныя величественныя фигуры, медальоны съ бюстами и арабески. Тогда обратились къ дереву менѣе твердому и не столь неподатливому для тонкой работы, какъ дубъ; сперва вошелъ въ употребленіе орѣхъ, а затѣмъ, черное дерево, мрачный цвѣтъ котораго оживлялся инкрустаціей изъ слоновой кости и различныхъ камней. Итальянцы отличались особен-

---

[1]) Луи построилъ въ Парижѣ французскій театръ и галлереи Пале-Ройяля.—Жакъ-Анжъ-Габріель (1710—1782) построилъ Военную школу, зданія площади Согласія и Компьенскій замокъ. – Сервандони—уроженецъ Флоренціи (1695—1766), поселившійся во Франціи. Ему принадлежитъ довольно величественный порталъ св. Сюльпиція. — Жакъ-Жерменъ Суфло, род. въ Иранси (1714—1781) и былъ строителемъ Пантеона.

[2]) Этьенъ Фальконе (1716—1791) вылѣпилъ конную статую Петра Великаго въ Петербургѣ.

[3]) Жанъ-Антуанъ Гудонъ, род. въ Версалѣ (1740—1828). Въ Петербургѣ въ Императорской Публичной Библіотекѣ находится статуя Вольтера его работы. (*Прим. пер.*)

[4]) Канова (1757—1822). Изваялъ въ церкви Апостоловъ въ Римѣ мавзолей папы Климента XIV; въ церкви св. Петра—гробницу Пія VI; въ Вѣнѣ—мавзолей Маріи-Христины Австрійской и проч.

нымъ искусствомъ въ этомъ производствѣ, которое выразилось въ такъ-называемой «маркетри», отдѣлкѣ деревомъ различныхъ цвѣтовъ. Въ XVII в., при Генрихѣ IV и Людовикѣ XIII, въ эту переходную эпоху, мебель имѣетъ еще тяжелый и внушительный видъ, хотя и тогда уже рѣзьба ея была замѣчательной. Открытые шкафы превратились въ шкафы съ дверцами, и ларецъ сдѣлался комодомъ съ ящиками. Людовикъ XIV, стремившійся къ величественному, сохранилъ обширные размѣры мебели, но онъ отводилъ ей почетное мѣсто въ своихъ обширныхъ покояхъ, стѣны и потолки которыхъ были картинами въ выпуклыхъ золоченыхъ рамахъ или скрывались подъ великолѣпными гобеленами. Тогда появился знаменитый столяръ *Андре-Шарль Буль* (1642—1732). «Онъ придумалъ покрывать мебель чернаго дерева вдѣланными въ нее черепаховыми пластинками, вырѣзанными въ видѣ арабесокъ, съ украшеніями изъ олова и гравированной мѣди. Къ этой блестящей мозаикѣ присоединялись барельефы изъ чеканной и золоченой бронзы, маски, вѣтки съ листьями, углы и проч., составлявшіе общую рамку и усѣянные точками, на которыхъ отражался свѣтъ, не позволяя глазу потерять нить въ этомъ видимомъ хаосѣ. Мебель Буля всего болѣе подходила для украшенія громадныхъ гостиныхъ и парадныхъ комнатъ, какими ихъ хотѣли видѣть при Людовикѣ XIV; большія, разукрашенныя консоли, какъ нельзя лучше наполняли простѣнки между окнами; на нихъ ставились вазы изъ дорогихъ металловъ, изъ яшмы или порфира съ золочеными украшеніями или гирляндами, и все это отражалось безчисленными зеркалами» [1]).

Меблировка вступаетъ на свой нынѣшній путь, и стиль ея опредѣляется лишь разнообразіемъ ея украшеній. Буль положилъ начало цѣлой школѣ: его четыре сына и многочисленные ученики давали тонъ XVIII вѣку. Мебель получила первенствующее значеніе въ украшеніи комнатъ. Людовикъ XV не любилъ большихъ покоевъ; онъ предпочиталъ небольшія гостиныя, маленькіе уголки, стѣны которыхъ обивались деревомъ съ изящной отдѣлкой и выпуклой золоченой сѣткой. Вельможи и горожане подражали ему. Жизнь становилась менѣе торжественной, болѣе интимной; удобства ея стали искать въ изяществѣ, разнообразіи и мягкости креселъ, во множествѣ различной мелкой мебели, комодахъ, шифоньеркахъ и бюро. Кокетство женщинъ вліяло на украшеніе комнатъ. Вкусъ вѣка отражался въ тысячахъ прихотливыхъ формъ, которыя разнообразились до безконечности. Искусство сдѣлалось манернымъ. «Все вздувается и вытягивается странными линіями; нѣтъ ничего прямого, правильнаго; углы закругляются или вдавливаются; неожиданныя извилины бороздятъ поверхность. Допускаются только вещи выпуклыя и искривленныя, на которыхъ разрастаются цѣлыя растенія изъ бронзы, странной, кудреватой формы; золоченая мѣдь извивается прихотливыми бордюрами, поднимается въ видѣ неожиданныхъ узловъ и сгибается на углахъ, образуетъ разбросанныя гирлянды. Все это служитъ къ дополне-

[1]) Jacquemart, *Histoire du mobilier.*

нію страннаго цѣлаго, всегда остроумнаго и иногда изящнаго, вслѣдствіе своей оригинальности» [1]). Это — *стиль Людовика XV*, противуположный стилю Людовика XIV, благородному и величественному.

Однако, уже въ концѣ царствованія Людовика XV произошла реакція, направленіе которой опредѣлилось предпочтеніемъ къ простотѣ, свойственной Людовику XVI и Маріи-Антуанетѣ. При нихъ мебель, сохраняя изящество, получила бо́льшую правильность; этимъ характеризуется стиль Людовика XVI, болѣе приспособленный къ буржуазнымъ нравамъ, къ среднимъ состояніямъ, число которыхъ умножалось съ каждымъ днемъ.

Французская живопись болѣе другихъ искуствъ подчинялась но вому вкусу; легкія и граціозныя произведенія *Ватто* и *Буше*[2]) достаточно характеризуютъ веселое и ложное искусство, пристрастное къ цвѣтамъ, гирляндамъ и амурамъ, поддѣлывавшее природу, подъ предлогомъ восхищенія ею, и впадавшее въ афектацію, подъ видомъ изящества. Истинная природа появилась на полотнѣ только въ морскихъ пейзажахъ *Жозефа Верне* и въ деревенскихъ сценахъ и поэтическихъ фигурахъ *Грёза* [3]), предшественника слѣдующаго вѣка, въ началѣ котораго онъ умеръ.

На оборотъ, въ странахъ, которыя до тѣхъ поръ почти ничего еще не произвели въ искусствѣ, въ то время появились школы художниковъ. Германія, художественная плодовитость которой изсякла послѣ Альбрехта Дюрера, гордилась въ XVIII в. *Деннеромъ*, столь искуснымъ въ техникѣ, что онъ даже злоупотреблялъ ею, *Дидрихомъ*, скорѣе талантливымъ копировщикомъ, чѣмъ самобытнымъ художникомъ, и въ особенности, Рафаэлемъ *Менгсомъ* [4]), послѣдователемъ итальянцевъ, трудолюбивымъ работникомъ, написавшимъ не много картинъ, но подготовлявшимся къ нимъ многочисленными этюдами.

Англичане также поздно вступили на путь, указанный итальянцами и фламандцами. Въ XVIII в., если у нихъ не было школы, то были знаменитые художники, *Уильямъ Гогартъ*, *Рейнольдсъ*, котораго считаютъ первымъ живописцемъ и, во всякомъ случаѣ, первымъ потретистомъ Англіи, и *Генсборо* [5]), портретистъ и пейзажистъ.

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Ватто (1684—1721), прославился въ особенности изображеніемъ веселыхъ празднествъ.—Буше (1703—1770) среди тусклыхъ и лживыхъ пейзажей, изображалъ одинаково принаряженныхъ пастушекъ и овечекъ.

[3]) Жозефъ Верне (1714—1789). Въ Луврѣ цѣлая зала посвящена его морскимъ видамъ. — Грёзъ (1725 — 1805) прославился жанровыми картинами изъ семейной жизни и «головками», отличающимися удивительнымъ изяществомъ.

[4]) Рафаэль Менгсъ род. въ Богеміи (1728—1779). Его отецъ, живописецъ по эмали, чтобы понудить его къ изученію мастеровъ, запиралъ его въ Ватиканѣ, давая ему только хлѣбъ и воду. Знаменитая картина его *Поклоненіе пастуховъ* находится въ Мадридскомъ музеѣ.

[5]) Гогартъ (1698—1764). Въ Лондонскомъ музеѣ находятся двѣ его главныя картины *Модный бракъ* и *Пѣтушиный бой*.—Рейнольдсъ (1723—1792).—Генсборо (1728—1788).

Англіи и Германіи не удалось поднять искусство пришедшее въ упадокъ во Франціи и во Фландріи, въ Голландіи, въ Италіи и въ Испаніи. Но эти страны имѣли видное участіе въ научномъ и литературномъ движеніи, составляющемъ гордость XVIII в. и начало послѣдующаго прогресса.

Семья ученыхъ, вышедшая изъ Швейцаріи, но поселившаяся въ Италіи, продолжала въ XVIII в. математическіе труды, начатые въ предшествующемъ столѣтіи: это была семья *Бернулли* [1]), которые преимущественно занимались теоріей вѣроятностей. Англія насчитывала тогда значительное число выдающихся математиковъ (Брукъ Тэйлора, Мак-Лорена и др.); Германія въ особенности гордилась знаменитымъ *Эйлеромъ* [2]), уроженцемъ Базеля, жившимъ въ Петербургѣ и въ Берлинѣ. Онъ написалъ для принцессы Ангальтъ-Дессаусской *Письма о нѣкоторыхъ предметахъ изъ физики и философіи*, которыя сдѣлали науку доступною для всѣхъ. Онъ изложилъ *интегральное исчисленіе*, обратное дифференціальному. Маленькая женевская республика, которой предстояло сдѣлаться литературнымъ центромъ, въ то время также имѣла своихъ ученыхъ: *Габріеля Крамера*, автора *Введенія въ анализъ кривыхъ алгебраическихъ линій*, семейство *Трамбле* и др.

Но въ наукахъ математическихъ особенно блистала Франція, благодаря Даламберу [3]), одаренному такими способностями, что въ 24 года онъ былъ членомъ Академіи наукъ; онъ написалъ мемуаръ объ *Интегральномъ исчисленіи*, трактатъ о равновѣсіи и движеніи жидкостей и принималъ участіе во всѣхъ значительныхъ астрономическихъ работахъ. Найденыпъ, подобно Даламберу, Клеро (1713—1765), двѣнадцати лѣтъ пріобрѣлъ извѣстность въ ученомъ мірѣ мемуаромъ о четырехъ *геометрическихъ кривыхъ*. Позднѣе, онъ ѣздилъ вмѣстѣ съ Мопертюи въ Лапландію для измѣренія градуса меридіана и произвелъ обширныя вычисленія пути кометы Галлея. Онъ издалъ также *Элементы геометріи*. *Лагранжъ* (род. въ Туринѣ, въ 1736 г., жившій и умершій во Франціи въ 1813) пріобрѣлъ всемірную извѣстность своей «Аналитической механикой» и «Варіаціоннымъ исчисленіемъ»; его блестящая научная карьера продолжалась до первыхъ годовъ XIX вѣка. Наполеонъ называлъ его «высокой пирамидой математическихъ наукъ».

Французы, нѣмцы и англичане достойно соперничали между собою, чтобы придти къ болѣе точному опредѣленію законовъ астрономіи, предусматривавшихся въ предыдущемъ вѣкѣ. Въ Англіи *Брадлэй*, наблюденіемъ незначительнаго движенія звѣздъ, пришелъ къ объясненію его перемѣщеніемъ земли въ связи съ движеніемъ свѣта звѣздъ: онъ понялъ причину аберраціи свѣта и, въ то же время, подтвердилъ справедливость системы Коперника и Галилея [4]). Инструменты для наблюденія были усовершен-

[1]) Іоганнъ Бернулли (1667—1748), братъ его Якобъ и затѣмъ Николай и Даніель Бернулли.

[2]) Эйлеръ Леонардъ (1707—1783).

[3]) Даламберъ, Жанъ Лоранъ (1717—1783), былъ покинутымъ ребенкомъ.

[4]) Джекъ Брадлэй, профессоръ оксфордскаго университета (1692—1762).

ствованы и *Гершель*, родившійся въ Ганноверѣ, ввелъ въ употребленіе отражающіе телескопы. Поселившись въ Англіи, Гершель самъ, въ 1774 г. соорудилъ отражающій телескопъ, при помощи котораго наблюдалъ кольцо Сатурна и спутниковъ Юпитера. Затѣмъ, онъ открылъ планету *Уранъ*, раздвинувъ еще болѣе границы небеснаго міра [1]).

Во Франціи Академія наукъ и правительство, въ 1735 г., поручили *Годену*, *Бугэ* и *Лакондамину* отправиться въ Перу, въ южное полушаріе для измѣренія дуги меридіана вблизи экватора. *Мопертюи* [2]), съ своей стороны, поѣхалъ въ Лапландію, вмѣстѣ съ *Клеро*, *Камюсомъ*, *Ле-Монье* и шведскимъ физикомъ *Цельсіемъ*. *Лакайль* [3]) также производилъ тригонометрическія работы для провѣрки большого меридіана Франціи. Эти путешествія и изслѣдованія послужили для опредѣленія сплющенности земли у полюсовъ, а величина градуса меридіана была признана учредительнымъ собраніемъ наиболѣе прочной основой для опредѣленія единства мѣры или метра. *Мешэнъ* и *Деламбръ* измѣрили меридіанъ между Дюнкирхеномъ и Барселоной; позднѣе, Араго и Біо продолжали это измѣреніе въ Испаніи. Это—самая большая дуга, какая была измѣрена. Даламберъ и Лагранжъ также содѣйствовали успѣхамъ астрономіи, изучая колебанія луны на своей оси. Фонтенель [4]), бывшій одновременно писателемъ и ученымъ, какъ бы подготовилъ всѣ эти прекрасные труды своей популярной книгой—*Разсужденіе о множествѣ міровъ* [5]). *Лаландъ* составилъ знаменитую астрономическую карту и, какъ профессоръ, имѣлъ огромное число учениковъ. *Бальи* [6]) заслужилъ почетное мѣсто среди ученыхъ своею *Исторіей астрономіи*, до начала революціи, которой онъ былъ одной изъ наиболѣе знаменитыхъ жертвъ.

Но изъ всѣхъ этихъ именъ выдѣляется всего болѣе имя *Лапласа* [7]), продолжавшаго вычисленія Ньютона. Онъ объяснялъ движеніе звѣздъ, неравенства планетъ и установилъ, по отношенію къ спутникамъ Юпитера, двѣ теоремы, извѣстныя подъ именемъ *законовъ Лапласа*. Не смотря на проницательность своего генія, Ньютонъ не могъ объяснить нѣкоторыхъ измѣненій въ движеніи свѣтилъ; онъ полагалъ, что міровая система нуждалась, въ извѣстные моменты, для возстановленія равновѣсія, въ новомъ вмѣшательствѣ творческой силы. Лапласъ разрѣшилъ эту задачу и подтвердилъ безконечное предвидѣніе Божіе, не нуждающееся въ исправленіи своего творенія и намѣтившее безошибочно незыбле-

---

[1]) Вильямъ Гершель (1738—1822).

[2]) Моро де-Мопертюи, род. въ С.-Мало (1698—1759), былъ призванъ Фридрихомъ II для преобразованія Академіи въ Берлинѣ. Онъ особенно прославился своимъ споромъ съ Вольтеромъ.

[3]) Лакайль (1713—1762).

[4]) Фонтенель ум. въ 1757 г.

[5]) Лаландъ (1732—1807).

[6]) Вальи (1736—1793).

[7]) Лапласъ (1749—1827). Хотя онъ жилъ, пользуясь почетомъ и въ XIX вѣкѣ, тѣмъ не менѣе, онъ остается однимъ изъ знаменитѣйшихъ ученыхъ XVIII столѣтія. Главный трудъ его—*Трактатъ о небесной механикѣ* относится къ 1799 г.

мые законы. Ученый математикъ призналъ, что хотя эллипсисы планетъ измѣнчивы, главная ось каждой орбиты остается постоянной, вслѣдствіе чего обращеніе каждой планеты заключено въ ненарушимыя границы. Кромѣ того, Лапласъ изучалъ лунныя возмущенія и доказалъ, что вращеніе земли около своей оси—неизмѣнно. Онъ объяснилъ также равновѣсіе колецъ Сатурна.

Отставшія до тѣхъ поръ физическія науки своимъ оживленіемъ стремились какъ бы наверстать потерянное время. Опыты надъ термометромъ, начатые въ XVII в., продолжались въ XVIII столѣтіи *Фаренгейтомъ* [1]), затѣмъ *Реомюромъ* и шведомъ *Цельсіемъ*.

Въ концѣ вѣка, братья *Монгольфье* произвели (1783) первый опытъ воздухоплаванія въ *Аннанэ*, въ присутствіи штатовъ провинціи Виварэ. Приглашенные затѣмъ Академіей наукъ пріѣхать въ Парижъ, они повторили свои опыты въ присутствіи Людовика XVI. 21-го ноября того же года Етьеннъ Монгольфье выпустилъ изъ замка Ла-Мюэттъ другой воздушный шаръ, на которомъ смѣло поднялся *Пилатръ де-Розье*. Человѣкъ пытался овладѣть воздушными областями; не смотря на успѣхи науки воздухоплаванія, онъ этого еще не достигъ.

Человѣкъ превосходно умѣетъ подчинять себѣ силы природы. Торговецъ желѣзными товарами и стекольщикъ изъ Дартмута (Девонширъ) *Ньюкоменъ* и *Коулэй*, воспользовавшись открытіями предыдущаго вѣка относительно пара, устроили машины, снабженныя котлами, гдѣ получался паръ, при помощи котораго производилось движеніе. При всей важности этого перваго опыта, его нельзя сравнивать съ работами *Джемса Уатта* [2]).

Этотъ бѣдный рабочій, механикъ шотландскаго городка, придумалъ усовершенствованія, которыя почти установили паровую машину настоящаго времени. Вмѣсто того, чтобы сжимать паръ въ самомъ цилиндрѣ, откуда онъ дѣйствовалъ на поршень, онъ провелъ его въ отдѣльный пріемникъ, гдѣ онъ превращался въ жидкость: онъ нашелъ *холодильникъ*. Онъ заставилъ паръ дѣйствовать на поршень съ двухъ сторонъ и изобрѣлъ способъ придать коромыслу машины два послѣдовательныхъ толчка, вызываемыхъ повышеніемъ и пониженіемъ поршня.

Французскій инженеръ, Жозефъ Кюньо, соорудилъ въ 1770 г. паровыя повозки, которыми не пользовались, но онѣ сдѣлались какъ бы зачаточнымъ образцомъ для локомотивовъ. Въ Америкѣ *Оливье Ивэнсъ*, изобрѣтатель машины высокаго давленія, построилъ въ 1790 г. паровыя кареты, ходившія по обыкновеннымъ дорогамъ. Это было настоящимъ переворотомъ, въ значеніи котораго нельзя было сомнѣваться.

Въ XVI и XVII вв. существовали лишь нѣкоторые намеки на электрическую силу. Англичанину *Гаукби* удалось, въ 1709 г., устроить электрическую машину, замѣнивъ шаръ изъ сѣры машины

[1]) Даніэль-Габріель Фаренгейтъ (1690—1740), устроилъ спиртовой термометръ, а затѣмъ ртутный, раздѣленный на 212 градусовъ. Термометръ Реомюра раздѣленъ на 80 град. въ 1730 г. Термометръ Цельсія относится къ 1742 г.

[2]) Джемсъ Уаттъ (1736—1819).

Отто Герике стекляннымъ шаромъ, который натирали рукою. *Етьеннъ Грэй* и *Уиллеръ*, также англичане, продолжали (въ 1729 г.) опыты надъ электричествомъ и открыли, что существуютъ *тѣла, проводящія* и *не проводящія* электричество. *Дюфэй*, французскій естествоиспытатель и физикъ, изложилъ теорію электричества, признавъ два рода его: онъ указалъ, что можно извлекать изъ человѣческаго тѣла электрическія искры. Аббатъ *Нолле* помогалъ Дюфэйю въ его работахъ, и впослѣдствіи продолжалъ ихъ. Нѣмцы *Бозе*, *Вольфіусъ* и *Винклеръ* измѣнили электрическую машину, которую усовершенствовалъ еще болѣе англичанинъ *Рамсденъ*.

Въ Лейденѣ, въ Голландіи, физикъ *Мэншенбракъ*, занимаясь надъ электричествомъ воды въ стклянкѣ, нечаянно положилъ руку на металлическій проводникъ, вводившій электричество въ воду изъ машины: онъ тотчасъ почувствовалъ сильное сотрясеніе рукъ и груди и думалъ, что получилъ смертельный ударъ. Этотъ случай навелъ на путь изготовленія *Лейденской банки*. Аббатъ Нолле, въ Парижѣ, Ватсонъ и Бевисъ, въ Англіи, производили любопытные опыты передачи электричества и, въ то же время, придали Лейденской банкѣ ея окончательную форму.

Эти опыты надъ электричествомъ дали мысль физикамъ *Грайю*, *Нолле*, *Барберэ* и *Рамасу* о связи его съ молніей. Въ Америкѣ, Франклинъ сперва типографщикъ и публицистъ, а затѣмъ физикъ и, наконецъ, дипломатъ, придумалъ любопытный опытъ надъ летающимъ змѣемъ, который онъ пустилъ по воздуху близъ Филадельфіи, однажды, во время грозы (1752). Тотъ же опытъ былъ повторенъ, также въ грозу, въ Парижѣ *Далибаромъ*, на тонкомъ желѣзномъ прутѣ, утвержденномъ на изолирующемъ тѣлѣ. *Бюффонъ* повторилъ его, также съ желѣзнымъ стержнемъ, помѣщеннымъ на его замкѣ Монбаръ. Профессоръ *Рихманъ*, членъ Академіи наукъ въ Петербургѣ, погибъ отъ удара молніи въ тотъ моментъ, когда пробовалъ возобновить эти опыты (1753). Въ томъ же году *Рамасъ* повторилъ ихъ въ Неракѣ съ большей удачей и съ полной убѣдительностью. Начало громоотвода было найдено. Франклинъ поставилъ первый громоотводъ въ Филадельфіи, въ 1760 г., но много времени было еще нужно, прежде чѣмъ это благодѣтельное изобрѣтеніе, принятое съ восторгомъ въ Америкѣ, привилось въ Англіи и Франціи, гдѣ имъ стали пользоваться лишь съ 1782 г.

Гальвани [1]), профессоръ въ Болоньѣ, благодаря опытамъ надъ лягушками, касавшимися различныхъ металловъ, установилъ существованіе электрической силы, отличающейся, по его мнѣнію, отъ воздушняго электричества и названной имъ животнымъ электричествомъ; теперь мы называемъ ее *электричествомъ динамическимъ* (1786).

Вольта [2]), обсуждая воззрѣнія Гальвани, призналъ, наоборотъ, въ металлахъ источникъ электричества, который болонскій профессоръ видѣлъ въ тѣлѣ животнаго. Затѣмъ, онъ устроилъ

---

[1]) Гальвани (1737—1798).

[2]) Александръ Вольта, род. въ Комо (1745—1827).

(1799) изъ пластинокъ мѣдныхъ или серебряныхъ, приложенныхъ къ цинковымъ пластинкамъ и отдѣленныхъ отъ нихъ кусочками картона, намоченнаго въ соленой водѣ, столбъ, соединявшій противоположныя оконечности или *полюсы*, изъ которыхъ одинъ былъ заряженъ *положительнымъ*, а другой—*отрицательнымъ электричествомъ*. Этотъ столбъ вызывалъ токъ, сила котораго должна была, впослѣдствіи, производить чудеса, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе поразительныя.

Химія, въ дѣйствительности, возникла въ XVIII в., благодаря Пристлею, *Шеле* и Лавуазье. Англичанинъ *Пристлей* [1]), знакомый почти со всѣми областями знанія, дѣлалъ многочисленные опыты надъ газами и, главнымъ образомъ, познакомилъ насъ съ угольной кислотой, затѣмъ, съ кислородомъ, азотомъ, окисью углерода и двууглекислымъ водородомъ. *Шеле* [2]) родился въ Штральзундѣ, но жилъ въ Швеціи, доставилъ новыя данныя о кислородѣ, разложилъ воздухъ на составныя части, открылъ хлоръ, мышьяковую кислоту, берлинскую лазурь, синильную кислоту, щавелевую кислоту и т. д. Во Франціи знаменитый *Лавуазье* [3]) открылъ составъ воздуха, разложилъ и возстановилъ воду. Въ 1783 г. онъ произвелъ удивительный опытъ въ присутствіи Людовика XVI и многихъ ученыхъ; его, по истинѣ, можно назвать творцомъ современной химіи.

У Лавуазье были ученики и послѣдователи: *Гюитонъ де-Морво* [4]), изъ Дижона, *Бертолле*, изъ Анесси, *Фуркруа*, род. въ Парижѣ и всего болѣе распространившій любовь къ химіи своимъ преподаваніемъ ея; *Шапталь* читалъ химію до 1796 г. Въ Англіи *Кэвендишъ* заявилъ о себѣ прекрасными опытами надъ водородомъ, азотной кислотой и проч. Къ этимъ именамъ слѣдуетъ прибавить еще имена ирландца *Кирвэна* и нѣмца *Геттлинга*.

Естественныя науки стали точнѣе, обогатились остроумными наблюденіями и пришли, наконецъ, къ раціональнымъ классификаціямъ. *Бюффонъ* [5]), изящный писатель и знаменитый ученый, заслуживаетъ названіе отца естественной исторіи, знаніе и вкусъ къ которой онъ распространилъ своими сочиненіями, столь ясными и занимательными. *Добантонъ* [6]) изучалъ животныхъ съ точки зрѣнія анатоміи и первый пытался возстановить строеніе ископаемыхъ животныхъ. Онъ ввелъ во Францію овецъ-мериносовъ. Шведъ *Линней* [7]) создалъ для *ботаники* остроумную классификацію, которой долго пользовались въ ученомъ мірѣ. *Адансонъ* [8]), родившійся въ Э, преобразовалъ его слишкомъ искусственный ме-

---

[1]) Жозефъ Пристлей (1733—1804).
[2]) Карлъ Вильямъ Шеле (1742—1786).
[3]) Лавуазье (1743—1794).
[4]) Гюитонъ де-Морво (1737—1816); Клодъ Луи Бертолле (1748—1822); Ант. Фуркруа (1755—1809); Кэвендишъ (1731—1810); Кирвэнъ (1750—1812); Геттлингъ (1755—1809)
[5]) Жанъ Луи Леклеръ, графъ де-Бюффонъ, род. въ Монбарѣ (Котъ д'Оръ) 1707—1788.
[6]) Добантонъ (1716—1800).
[7]) Карлъ Линней, род. въ Рашультѣ, въ Швеціи (1707—1778).
[8]) Мишель Адансонъ (1727—1806).

тодъ. *Бернардъ де-Жюссье* [1]), уроженецъ Ліона, также трудился надъ созданіемъ болѣе естественныхъ классификацій, и *Лорану де-Жюссье* удалось, наконецъ, придумать такую, которая была принята всѣми. *Гаюи* [2]) началъ свои замѣчательныя минералогическія изысканія, которыя онъ продолжалъ въ слѣдующемъ вѣкѣ. *Парментье* [3]) агрономъ и фармацевтъ, изучалъ питательныя свойства картофеля и, благодаря покровительству Людовика XVI, распространилъ разведеніе его, оказавшее громадную услугу.

Успѣхи естественныхъ наукъ оказали значительную помощь медицинѣ, которая, освободившись въ предшествующемъ вѣкѣ отъ ига рутины, сдѣлала новые шаги впередъ, благодаря французамъ *Борде* и *Барте* [4]). Въ 1778 г. въ Парижѣ было основано Королевское Медицинское Общество. Въ Италіи *Валлиснери* [5]) былъ одновременно естествоиспытателемъ и врачомъ; анатомъ *Спаланцани* [6]) сдѣлалъ важныя наблюденія надъ кровообращеніемъ, пищевареніемъ и т. д. *Морганьи* [7]) положилъ начало патологической анатоміи. Въ Англіи хирургъ *Чезельденъ* [8]) сдѣлалъ первый опытъ операціи надъ катарактомъ и возвратилъ зрѣніе слѣпорожденному. *Дженнеръ* [9]), наконецъ, замѣтилъ, что извѣстная болѣзнь у коровъ, привитая человѣку, предохраняетъ его отъ оспы, бывшей страшнымъ бѣдствіемъ, съ которымъ не умѣли бороться. Успѣхъ его опытовъ получилъ громадное распространеніе и доставилъ ему почести за великую услугу, оказанную человѣчеству.

Явились люди, пытавшіеся облегчить несчастія этого бѣднаго человѣчества. Аббатъ *де-Лепе* [10]) съ трогательнымъ состраданіемъ старался дать участіе въ жизни глухонѣмымъ, придумавъ замѣнить звуки движеніями руки и создавъ видимый алфавитъ, замѣнявшій уши глазами. Для тѣхъ, кто, наоборотъ, былъ лишенъ зрѣнія, *Валентинъ Гаюи* [11]), братъ минералога, изобрѣлъ выпуклую азбуку и замѣнилъ утраченное чувство зрѣнія чувствомъ осязанія, развитымъ у слѣпыхъ до чрезвычайной тонкости.

Наконецъ, врачъ *Пинель* [12]) возсталъ противъ варварскаго обращенія съ умалишенными, которыхъ заковывали въ цѣпи, и сталъ относиться къ нимъ, какъ къ больнымъ, которыхъ слѣдовало лѣчить или, по крайней мѣрѣ, отвлекать отъ ихъ страданій добрымъ и внимательнымъ отношеніемъ. Это были три великія по-

---

[1]) Бернардъ де-Жюссье (1699—1777); Лоранъ де-Жюссье, его племянникъ, (1748—1836). Слѣдуетъ упомянуть еще Бенедикта де-Соссюра, род. близъ Женевы и ум. въ 1795 г. Онъ предпринялъ первое научное изслѣдованіе Альпъ, что доставило ему множество наблюденій по геологіи, ботаникѣ и физикѣ.

[2]) Гаюи (1743—1822).

[3]) Парментье (1737—1813).

[4]) Бордё (1722—1776); Варъ (1734—1806).

[5]) Валлиснери (1661—1730).

[6]) Спаланцани (1729—1799).

[7]) Морганьи (1682—1771).

[8]) Чезельденъ (1688—1752).

[9]) Дженнеръ, род. въ Берклей Глосестерѣ (1749—1823).

[10]) Шарль Мишель, аббатъ де-Лепе, род. въ Версалѣ (1712—1789).

[11]) Валентинъ Гаюи (1745—1722).

[12]) Пинель (1745—1826).

бѣды цивилизаціи, восторжествовавшей надъ недостатками человѣческой природы.

Ни одинъ вѣкъ не разстается съ традиціями другого иначе, какъ бережно и постепенно. То, что говорилъ Линней о природѣ: «она не дѣлаетъ скачковъ», можно также примѣнить къ литературѣ. Классическія и религіозныя традиціи XVII в. продолжались сперва даже среди распущенности XVIII столѣтія. *Массильонъ*, уже обратившій на себя вниманіе въ концѣ предшествовавшаго вѣка [1]), поддерживалъ славу церковной каѳедры своими проповѣдями о воздержаніи, столь изящными и краснорѣчивыми, но въ которыхъ чувствуется болѣе живо, чѣмъ въ проповѣдяхъ, служившихъ ему образцами, необходимость считаться съ обществомъ утонченнымъ, болѣе легкомысленнымъ, утомленнымъ высокими истинами и способнымъ воспринимать лишь деликатные совѣты— не слишкомъ уклоняться отъ нравственности. Массильонъ, дѣйствительно, всего болѣе былъ моралистомъ.

Моралистомъ былъ и судья *Агессо* [2]), классическій и сдержанный ораторъ, въ своихъ *рѣчахъ*, произносившихся въ парламентѣ. Современникъ его, судья Дюпенъ, назвалъ его «судебнымъ Массильономъ».

Сенъ-Симонъ [3]) тщательно скрывалъ свои удивительныя *Записки*, въ которыхъ онъ рисуетъ первые года XVIII в. такъ же, какъ онъ описывалъ печальныя событія конца XVII столѣтія. Но, будучи врагомъ Людовика XIV, Сенъ-Симонъ, тѣмъ не менѣе, остается человѣкомъ стараго времени, приверженнымъ къ дворянскимъ привиллегіямъ и не понимавшимъ работы мысли, при какой онъ присутствовалъ, отдаваясь мелочамъ этикета, которымъ его гордость придавала значеніе государственныхъ основъ. Его слогъ, хотя оригинальный, но часто личный, сохраняетъ еще длинные періоды XVII в. и непослѣдовательную пылкость XVI столѣтія.

Поэзія увядала въ этомъ новомъ обществѣ, опьяненномъ обиліемъ богатствъ, насмѣшливомъ, скептическомъ и даже матеріалистическомъ. Лирическіе порывы *Ж. Б. Руссо* [4]) исходили изъ ума, а не отъ сердца. *Ла-Мотту* и *Франку де-Помпиньянъ* [5]) еще менѣе удалось обогатить литературу истинно лирическими идеями: имъ не доставало энтузіазма. Обществу нравилась всего болѣе легкая поэзія, представителями которой были *Грессе* [6]), остроумный авторъ Веръ-Веръ и еще болѣе легкомысленные *Берни* и *Буфлеръ*. *Жильберъ* [7]), защитникъ старыхъ традицій, выпустилъ нѣсколько ѣдкихъ сатиръ противъ философовъ; онъ умеръ слишкомъ молодымъ и былъ очень несчастливъ. *Делиль* [8]) бли-

---

[1]) Массильонъ (1663—1743), сначала священникъ Ораторіи, затѣмъ епископъ въ Клермонѣ, проповѣдывалъ нѣкоторое время при состарившемся Людовикѣ XIV и при малолѣтнемъ Людовикѣ XV.

[2]) Д'Агессо (1668—1751).

[3]) Сенъ-Симонъ (1675—1755).

[4]) Жанъ-Батистъ Руссо (1670—1741).

[5]) Гударъ де-ла-Моттъ (1672—1731); Франкъ де-Помпиньянъ (1709—1784).

[6]) Грессе (1709—1777).

[7]) Жильберъ (1751—1780).

[8]) Делиль (1738—1813).

сталъ въ описательномъ родѣ и въ переводахъ. Одинъ только поэтъ былъ предвѣстникомъ возрожденія истинной поэзіи, *Андре Шенье* [1]), геній котораго, къ несчастью, былъ остановленъ разомъ въ своемъ развитіи сѣкирой революціи. Это былъ грекъ по рожденію и по духу.

Комедія въ стихахъ далеко отошла отъ Мольера и даже Реньяра, благодаря *Детушу* [2]), Пирону [3]), автору *Метроманіи* и *Грессе*, автору *Злого*. Но комедія, въ эту эпоху удачно видоизмѣнилась, благодаря союзу съ музыкой. Театръ обогатился новымъ родомъ искусства, *Комической оперой*, прославленной *Фаваромъ* [4]) и *Седеномъ* [5]). Всего удивительнѣе, что и трагедія имѣла успѣхъ благодаря *Кребильону*, несмотря на его варварскій языкъ и скопленіе самыхъ ужасающихъ сценъ.

Но трагедію спасъ геній *Вольтера* (1694—1778). Это былъ всеобъемлющій умъ XVIII в., одновременно поэтъ, философъ и историкъ, имя котораго является символомъ эпохи. Своей жизнью и произведеніями Вольтеръ напоминалъ XVIII вѣкъ. Послѣдователь, по вкусамъ, писателей предшествовавшаго столѣтія, почитатель древнихъ, воспитанный на классикахъ, онъ шелъ по пути, намѣченному Корнелемъ и Расиномъ, заглядывая по ту сторону Ламанша и подражая Шекспиру [6]). Но Вольтеръ писалъ свои трагедіи не для того лишь, чтобы затронуть чувство и состраданіе человѣческаго сердца: онъ дѣлаетъ изъ театра уже не только литературное развлеченіе, но почти философское и политическое поученіе. Онъ выпускаетъ тирады, стихи, ясно разчлененные на нравственныя истины, вызывающія рукоплесканія публики, быстро улавливающей намеки, и даже самой знати, противъ которой онъ направляетъ свои стрѣлы. Онъ бьетъ на проломъ, благодаря свободѣ, какую даютъ ему историческіе сюжеты, причемъ онъ не сохраняетъ ни колорита, ни предразсудковъ, ни преданій, особенно въ *Магометѣ*. Онъ не пропускаетъ случая затронуть религіозное чувство, не касаясь, въ то же время, католицизма. Онъ самъ, патріархъ деистовъ, искалъ въ католицизмѣ высшаго вдохновенія для *Альзира* и *Заиры*. Тѣ же стремленія, одновременно философскія и поэтическія, встрѣчаются въ *Генріадѣ*, которой онъ пытался дать Франціи національную поэму, въ чемъ, однако, не имѣлъ успѣха.

Болѣе свободнымъ Вольтеръ чувствовалъ себя въ прозѣ. Это было его оружіе. Онъ владѣлъ имъ, какъ никто до тѣхъ поръ, и приспособлялъ языкъ къ своему изнуренному уму. Онъ придалъ ему больше бѣглости, чѣмъ даже г-жа де-Савинье, раздѣляя его на короткія, ясныя фразы, мѣткія, пронизывающія, какъ стрѣлы.

---

[1]) Андре Шенье (1762—1794).
[2]) Детушъ (1680—1754).
[3]) Пиронъ (1689—1773).
[4]) Фаваръ (1712—1792).
[5]) Седенъ (1719—1797).
[6]) Главныя трагедіи Вольтера слѣдующія: *Эдипъ* (1718), *Брутъ* (1730), *Заира* (1732), *Смерть Цезаря* (1733), *Альзиръ* (1736), *Магометъ* (1741) и лучшее его произведеніе *Меропа* (1743).

Это уже вполнѣ современный нашъ языкъ, точный, пріятный, безъ напыщенности, благородный, но не тяжелый, строгій безъ педантизма, веселый, но не грубый.

Эти живые обороты онъ примѣнилъ къ исторіи, и далъ удивительные образцы повѣствованій въ *Карлѣ XII* и *Вѣкѣ Людовика XIV*. Несомнѣнно въ исторіи онъ видитъ науку, но въ особенности цѣнитъ ее, какъ искусство. Въ этомъ смыслѣ онъ служитъ образцомъ даже и до настоящаго времени, когда отъ историковъ требуютъ болѣе серьезности и глубины. Его *Опытъ о нравахъ народовъ* былъ всеобщей исторіей, которой онъ могъ отдать слишкомъ мало изученія и времени: тѣмъ не менѣе, онъ открылъ путь для философіи исторіи.

Вольтеръ, по преимуществу, былъ философомъ. Но онъ не былъ послѣдователемъ какого-либо ученія или системы, такъ какъ не придерживался никакого учителя или догмата. Его философія, пользуясь этимъ словомъ, за неимѣніемъ другого, состоитъ въ изслѣдованіи путемъ разума, въ обсужденіи и исканія истины. Философія Вольтера заключается не только въ его *Философскомъ словарѣ*, но и во всѣхъ его произведеніяхъ, стихотворныхъ и прозаическихъ. Онъ былъ, по преимуществу, защитникомъ благородныхъ идей, человѣчности, терпимости и справедливости; его вліяніе было громадно, такъ же, какъ и его извѣстность, возроставшая съ годами и съ распространеніемъ его идей.

Философія, какъ наука, не существовала во Франціи въ XVIII вѣкѣ до *Кондильяка* [1]), который, вернувшись къ теоріямъ Локка и преувеличивая ихъ, предполагалъ, что все происходитъ въ насъ отъ *чувствованія*. Этой теоріи сенсуализма придерживался также *Гельвецій* [2]) въ своей книгѣ о *Духѣ*, и послѣдствіемъ этого ученія явилась нравственная доктрина выгоды и удовольствія, которыя, сами по себѣ, столь противуположны нравственности. *Ла-Меттри* и *Гольбахъ* [3]) также распространяли эту философію, имѣющую видъ истины, проникающую *Энциклопедію*. Обширный сборникъ знанія, Энциклопедія, руководимый *Д'Аламберомъ* и *Дидро*, обнималъ всѣ области человѣческой мысли, которыя авторы желали установить или возобновить. Самою замѣчательною частью этого обширнаго труда было предисловіе, написанное Д'Аламберомъ, который проявилъ здѣсь такую же точность и опредѣленность мысли, какъ и въ математическихъ трудахъ. Дидро (1713—1784) разсѣялъ тамъ множество страницъ остроумныхъ, тонкихъ и оживленныхъ, но проникнутыхъ скорѣе духомъ порицанія, чѣмъ критики, что подорвало этотъ трудъ колоссальнаго замысла, но слишкомъ поверхностнаго выполненія.

Философамъ можно противупоставить немногочисленныхъ моралистовъ, въ особенности *Вовенарга* [4]), сохранившаго тради-

[1]) Кондильякъ (1715—1780).

[2]) Гельвицій, род. въ Парижѣ, происходя отъ голландской семьи (1715—1771).

[3]) Ла-Меттри (1709—1751); Гольбахъ (1723—1789).

[4]) Вовенаргъ, род. въ Э (1715—1747). Онъ написалъ *Введеніе къ познанію человѣческаго ума*, а затѣмъ, *Размышленія* и *Правила*.

ціи XVII вѣка и придерживавшагося одновременно Паскаля и Лабрюйера.

Этотъ, столь противурѣчивый вѣкъ, не смотря на свое легкомысліе, имѣлъ глубокихъ мыслителей, какъ, напр., *Монтескье* (1689—1755). Человѣкъ практическій и сдержанный, умѣрявшій свободу мысли серьезностью своего характера, Монтескьё не удовлетворился насмѣшками надъ современнымъ ему обществомъ, которое онъ мечталъ преобразовать въ *Персидскихъ письмахъ*. Обращаясь къ древности, онъ изложилъ въ краткомъ и ясномъ трудѣ причины *Величія и упадка римлянъ*, заимствуя у этого народа, столь развитого въ политическомъ отношеніи, правила государственнаго правленія и пользованія свободой. Затѣмъ, онъ посвятилъ двадцать лѣтъ жизни для составленія одной книги *Духъ законовъ*, разсматривавшей различныя формы правленія и различныя законодательства въ ихъ преемственности и взаимной борьбѣ. Не останавливаясь, подобно Платону, на мечтаніяхъ объ идеальномъ государствѣ, онъ, съ проницательностью Аристотеля, изучаетъ человѣческія общества, и обращается къ политической наукѣ древнихъ, къ которой присоединяетъ точность свѣдѣній и опытность людей новаго времени. Монтескьё восторгался, въ особенности, государственнымъ правленіемъ англичанъ, которое считалъ образцовымъ; его книга, столь разумная и логичная, нанесла страшный ударъ абсолютной монархіи.

Великія темы не только не избѣгались, но затрагивались даже посредственными писателями: мечтатель аббатъ *де Сенъ-Пьеръ* [1]) предлагалъ установить всеобщій миръ, благо, столь необходимое и столь неосуществимое. *Мабли* [2]) напечалъ *Замѣтки объ исторіи Франціи*, весьма справедливыя для эпохи, когда ее не могли еще вполнѣ понять.

На высоту, равную съ Монтескьё и Вольтеромъ, поднялось имя *Руссо* (1712—1778). Родившись въ Женевѣ, бывшей тогда очагомъ французской науки, Руссо въ ранней молодости поселился во Франціи, гдѣ, будучи бѣднякомъ, долженъ былъ, при помощи различныхъ ремеслъ, добывать себѣ пропитаніе и средства къ образованію. Онъ во всемъ обязанъ самому себѣ, что внушило ему горделивую вѣру лишь въ самого себя. Онъ силою проложилъ себѣ путь въ іерархическомъ обществѣ XVIII в., достаточно, впрочемъ, свободномъ отъ предразсудковъ, чтобы оцѣнить талантъ. Когда онъ проникъ въ это общество, онъ бѣжалъ оттуда, порицая его, но не вполнѣ отрѣшившись отъ него: наоборотъ, страстное увлеченіе, вызванное имъ, возростало вмѣстѣ съ его странностями и онъ кончилъ свою жизнь, повидимому, самоубійствомъ, въ имѣніи знатнаго вельможи, жизнь, столь же своеобразную, какъ и его характеръ.

Руссо, произведенія котораго состоятъ, главнымъ образомъ, изъ *писемъ*, *разсужденій* и краткихъ трактатовъ, былъ полемистомъ, не столь легкимъ, какъ Вольтеръ, котораго онъ не могъ

---

[1]) Шарль-Ириней Кастель, аббатъ де-Сенъ-Пьеръ (1658—1743).
[2]) Габріэль Банно де-Мабли (1709—1785).

переносить, а серьезнымъ и страстнымъ. Его насмѣшливость могла достигать язвительности его противника: онъ умѣлъ придавать ей больше сдержанной силы. Вольтеръ смѣется надъ глупостью, которую изобличаетъ, Руссо негодуетъ и возвышается до краснорѣчія. Вольтеръ старается преобразовать людей, но онъ все-таки любитъ ихъ; это человѣкъ общительный, по преимуществу: онъ приспособляется къ міру, который осуждаетъ, кромѣ враговъ, которыхъ не щадитъ. Руссо стремится исправлять людей, ненавидя ихъ. Онъ хотѣлъ быть преобразователемъ въ политикѣ, проповѣдникомъ нравственности и реформаторомъ воспитанія.

Восходя въ преувеличеніяхъ, которыхъ онъ не могъ не замѣчать, до первобытнаго состоянія общества, онъ однимъ взмахомъ опрокидывалъ политическое зданіе, созданное вѣками, и возвращалъ разуму его права, не признававшіяся феодальными традиціями.

Человѣкъ родится свободнымъ, такова первая фраза *Общественнаго договора*. Этой простой формулой Руссо требовалъ *равенства* и въ то-же время *свободы*. Его теорія государства, основаннаго на договорѣ, привела его къ провозглашенію *верховной власти народа*. Воспоминанія о республиканскомъ Римѣ, близкія всѣмъ ученымъ, одушевляли новаго трибуна.

По отношенію къ нравственности, этотъ странный проповѣдникъ, который долженъ былъ бы начать съ того, чтобы самому придерживаться ея, оказывался въ противуположность философамъ-матеріалистамъ, его времени, открытымъ спиритуалистамъ, какъ это видно изъ *Исповѣданія вѣры Савойскаго Викарія*. Свобода воли служила ему доказательствомъ существованія души, также какъ природа—существованія Бога.

Руссо, въ своемъ трактатѣ *Эмиль*, изображаетъ нравственное и умственное воспитаніе молодого человѣка, при помощи, въ нѣкоторомъ родѣ, отрицательнаго пріема. Въ книгѣ глубокое сознаніе недостатковъ воспитанія того времени внушило ему справедливыя порицанія его, принесшіе плоды и придавшія его книгѣ значеніе одной изъ самыхъ серьезныхъ попытокъ современной педагогіи. Руссо возстановилъ физическое воспитаніе и, согласно съ Рабле, требовалъ, чтобы права природы не приносились въ жертву умственному развитію. Онъ нанесъ чувствительный ударъ устарѣлому пріему, которымъ подавляли память дѣтей, не упражняя способности сужденія.

Въ *Эмилѣ* Руссо переступалъ за предѣлы своей цѣли и, вслѣдствіе того, не достигъ ея. Онъ хотѣлъ, чтобы ребенокъ самъ по себѣ достигъ знаній и религіи. Такимъ образомъ, каждое новое поколѣніе было бы разобщено съ предшествовавшими; весь трудъ, накопленный вѣками, былъ бы излишнимъ. Ошибочной и несбыточной была мысль, что пользованіе свободой должно всегда быть нравственнымъ. Между тѣмъ, Руссо достаточно было заглянуть въ самого себя, чтобы почувствовать, какъ слабая душа можетъ склоняться подъ давленіемъ страсти. Затѣмъ, въ своемъ увлеченіи верховной властью народа, онъ забываетъ о той самой свободѣ, которую защищаетъ. Онъ оправдываетъ тиранію и своеволіе *мно-*

ихъ, какъ будто надо всѣми законами, созданными людьми, не существуетъ высшаго правосудія, необходимаго и божественнаго, которому должны подчиняться всѣ человѣческіе законы, такъ какъ иначе, они являются лишь постановленіями силы и страха.

Руссо былъ въ одно и то же время и полезнымъ, и опаснымъ писателемъ. Онъ столько же распространялъ заблужденія, сколько разсѣевалъ ихъ. Стоикъ въ своей домашней жизни, онъ былъ циничнымъ и вѣжливымъ, гордымъ и робкимъ моралистомъ и безнравственнымъ; чувствительный въ своихъ произведеніяхъ, онъ въ сущности былъ жосткимъ человѣкомъ, любилъ и уединеніе, и удовольствія; представляя странное сочетаніе пороковъ и добродѣтелей, онъ былъ однимъ изъ наиболѣе необычайныхъ продуктовъ цивилизаціи XVIII в., скрывая подъ легкомысліемъ и испорченностью непреодолимую потребность энтузіазма, вѣры и надежды. Но это былъ писатель ясный, точный, картинный, вкладывавшій сердце въ свой языкъ и вслѣдствіе того ему удалось взволновать свой вѣкъ. Поэтъ въ прозѣ, онъ воспѣвалъ красоты природы, которымъ предпочитались прямолинейные парки и разукрашенныя пастушескія идилліи. Руссо, своей борьбой противъ условныхъ идей и преданій прошлаго, явился однимъ изъ самыхъ пылкихъ предвѣстниковъ новѣйшихъ временъ.

Эти новыя времена имѣли уже свою науку, и философы болѣе практичные, чѣмъ Руссо, формулировали ее съ точки зрѣнія матерьяльной: это были *экономисты*. Съ конца царствованія Людовика XIV *Вобанъ* и *Буа-Гильберъ* касались въ своихъ разсужденіяхъ финансовой и торговой организаціи государства. Вобанъ заслужилъ неудовольствіе короля и взволновалъ общественное мнѣніе своею книгой о *Королевскихъ доходахъ*. *Буа-Гильберъ* [1]), простой интендантъ, протестовалъ противъ злоупотребленій покровительственной системы и произвола внутреннихъ установленій. Но лишь въ XVIII столѣтіи появились настоящіе ученые экономисты, *Гурнэ* и *Кенэ* [2]). Основнымъ правиломъ Гурнэ было *laisser faire*, *laissez passer*, т.-е. каждый имѣетъ право выработывать все, что хочетъ, продавать всевозможные товары по выгодной ему цѣнѣ, кому только можетъ. Кенэ, сынъ юрисконсульта, выдающійся хирургъ и врачъ короля Людовика XV, называвшаго его своимъ *мыслителемъ*, вѣроятно потому, что онъ чувствовалъ необходимость, чтобы кто-нибудь за него думалъ, заботился преимущественно о выгодахъ земледѣлія. Желая примѣнить къ общественному учрежденію начало *очевидности*, которымъ Декартъ пользовался для философіи, онъ долженъ былъ взять за основу собственность. Кенэ и его послѣдователей, основывавшихъ свое ученіе на природѣ, называли *физіократами*. Но Кенэ, приносившій все въ жертву земледѣлію, упускалъ изъ виду промышленность, какъ источникъ дохода.

Ученіе шотландца *Адама Смита* [3]), долго жившаго во Фран-

---

[1]) Буа-Гильберъ, или Гильберъ, ум. въ 1714 г.
[2]) Гурнэ, род. въ Санъ-Мало (1712—1759). Кенэ (1694—1774).
[3]) Адамъ Смитъ (1723—1790).

ціи, было болѣе общимъ и болѣе справедливымъ: для него богатство заключалось *въ трудѣ*. Онъ требовалъ *свободы труда*. Одно изъ посѣщеній булавочной фабрики дало ему мысль о другомъ принципѣ, *раздѣленіи труда*. Онъ былъ первымъ, установившимъ законъ *спроса* и *предложенія*, на основаніи повышенія и пониженія цѣнъ.

Въ эту эпоху даже романъ дѣлаетъ попытки быть полезнымъ обществу. *Лесажъ* въ своей интересной книгѣ *Жиль Блазъ* даетъ поразительно реальное описаніе испанскаго общества, но можно сказать, что скорѣе это—общество всѣхъ временъ. *Бернарденъ де-Сенъ-Пьеръ* также обезсмертилъ себя прелестной идилліей *Павелъ и Виргинія*, которая, повидимому, уже навѣяна чувствами слѣдующаго вѣка и выдѣлилась среди пошлыхъ, растянутыхъ и искусственныхъ романовъ, такъ долго бывшихъ въ модѣ. Вольтеръ, въ своихъ романахъ, главнымъ образомъ, имѣлъ въ виду сатиру; *Мармонтель* [1]) писалъ въ томъ же духѣ и придавалъ своимъ произведеніямъ историческій характеръ, какъ, напр., *Велизарій* и *Инки*, но они были проникнуты новыми идеями. *Флоріанъ* [2]) печаталъ также историческіе романы, но ему лучше удавались пасторали и *басни*, изъ которыхъ нѣкоторыя достойны служить наравнѣ съ баснями Лафонтена для развлеченія дѣтей.

Комедія въ стихахъ становилась безжизненной; но легкая и изящная проза XVIII в. могла быть легко примѣнена къ сценѣ. Лесажъ написалъ *Тюркаре*, замѣчательную картину нравовъ финансистовъ того времени. *Мариво* [3]), избѣгая обширныхъ сюжетовъ и придерживаясь области чувства, почти возстановилъ языкъ жеманницъ; онъ вкладывалъ въ свои произведенія столько граціи и изящества, что его комедіи, до сихъ поръ съ удовольствіемъ читаются любителями литературы. Его подражатели злоупотребляли его утонченной манерой и, желая слѣдовать за нимъ, создали то, что было названо *мариводажемъ*, словомъ, придуманнымъ для этихъ неудачныхъ послѣдователей Мариво.

Подъ конецъ вѣка тонъ литературы поднимается. Комедія становится боевымъ оружіемъ, благодаря *Бомарше* [4]), рѣшившимся вывести на сцену общественные вопросы, которыми увлекались все болѣе и болѣе. Онъ создалъ безсмертный типъ *Фигаро*, воплощавшій народное стремленіе къ равенству. Нападки его на дворянство были такъ замаскированы, разсѣянныя во всѣхъ его забавныхъ и интересныхъ пьесахъ, что сама знать рукоплескала имъ. Впрочемъ, помимо этихъ намековъ, *Севильскій цирюльникъ* и *Свадьба Фигаро* столь увлекательныя пьесы и написаны такимъ ѣдкимъ языкомъ, что держатся съ полнымъ блескомъ и въ современномъ репертуарѣ.

Драма или романъ, произведенія экономистовъ, философовъ и историковъ въ ту эпоху имѣли иную цѣль помимо развлеченія

---

[1]) Лесажъ (1668—1747); Бернарденъ де-Сенъ-Пьеръ (1737—1814); Мармонтель (1723—1799).

[2]) Флоріанъ (1755—1794).

[3]) Мариво (1688—1763).

[4]) Бомарше (1732—1799).

ума. Писатели проводили идеи, которыя вскорѣ должны были преобразиться въ факты. Литература XVII в. болѣе возвышенная, величественная и серьезная держалась высокихъ областей искусства и чувства. Она, главнымъ образомъ, содѣйствовала образованію вкуса и содѣйствуетъ этому до сихъ поръ, составляя наиболѣе существенную пищу для души и ума. Писатели XVIII в. трудились всего болѣе для своего времени. Никогда еще литература не доказывала яснѣе, какое вліяніе она можетъ имѣть на политику. Французская революція, какъ мы это увидимъ далѣе, произошла непосредственно отъ философскаго движенія.

Кромѣ того, это вліяніе было всемірнымъ. Уже французскими писателями XVIII в. восхищалась вся Европа; писатели XVIII ст. цѣнились еще выше. Франція, приходившая въ упадокъ, съ точки зрѣнія политической, во время печальнаго царствованія Людовика XV, оказывала настоящее умственное превосходство надъ сосѣдними народами, съ жадностью ловившими все, что̀ печаталось въ Парижѣ. За Вольтеромъ, Дидро, Д'Аламберомъ ухаживали царственныя особы, приглашая ихъ къ своимъ дворамъ или поддерживая съ ними дѣятельную переписку. Франція, благодаря своему ясному и логическому генію, пріобрѣла господство, составлявшее нѣкогда славу Рима и Аѳинъ. Она вырабатывала идеи, заставляя ихъ сіять на большомъ пространствѣ. Она, въ свою очередь сдѣлалась наставницей міра.

Между тѣмъ и другія страны имѣли свою оригинальную литературу. Толчокъ, полученный англійской литературой въ XVII в., продолжалъ свое дѣло. Однимъ изъ результатовъ революціи 1688 г. было возникновеніе періодической печати, *журналовъ* и *газетъ*. *Даніэль Дефо* [1]), преемникъ старинныхъ пуританъ, преслѣдуемый при королевѣ Аннѣ, будучи заключенъ въ тюрьму Ньюгэтъ, началъ тамъ періодическое изданіе, которымъ онъ руководилъ одинъ въ теченіе девяти лѣтъ: критическіе опыты, теологія, политика, исторія, экономическія теоріи тамъ были перемѣшаны и при всемъ своемъ разнообразіи содѣйствовали той же религіозной цѣли. *Стиллъ* издавалъ тогда *Говоруна* (Tattler, 1709 г.), затѣмъ *Зритель* (Spectator, 1711), главнымъ редакторомъ котораго былъ *Аддисонъ* [2]) и который сохранилъ свое выдающееся значеніе въ литературѣ.

Аддисонъ, поэтъ и критикъ, воспитанный на древнихъ авторахъ, былъ по преимуществу, привлекательнымъ и доброжелательнымъ моралистомъ, выдающимся проповѣдникомъ, старавшимся распространять любовь къ добродѣтели. Его стиль, выработанный, благородный и изящный, тѣмъ не менѣе, нѣсколько тяжеловатъ, напоминая традиціи французской школы XVII в., хотя, въ сущности, его произведеніи носятъ буржуазный, англиканскій характеръ, свойственный его родинѣ.

Даніэль Дефо, создавшій журналы, ввелъ также въ моду *ро-*

---

[1]) Даніэль Дефо (1663—1731).

[2]) Въ теченіе всего XVIII в. въ Англіи выходило до пяти журналовъ. Эдинбургъ былъ главнымъ литературнымъ центромъ.

манъ, вымыселъ котораго имѣлъ религіозную цѣль. Но онъ любилъ, по крайней мѣрѣ, правдоподобіе обстановки и его *Приключенія Робинзона Крузе* сдѣлались извѣстными всему міру. *Ричардсонъ* откровенно признавался въ своихъ романахъ, что его цѣль—нравиться читателю: онъ описывалъ свое время и англійскую торговую и набожную буржуазію. *Фильдингъ* не отступалъ передъ описаніемъ порока и украшалъ безнравственность; *Гольдсмитъ* трогалъ сердца изящными и патетическими сценами въ *Векфильдскомъ священникѣ*.

Совершенно въ другомъ родѣ былъ суровый и злой геній *Свифта*, осмѣивавшій человѣчество съ большимъ остроуміемъ въ своихъ *Путешествіяхъ Гулливера*. Лауренсъ *Стернъ* [1]), своеобразный писатель, подражалъ Рабле въ *Тристамъ Шэнди*, а въ своемъ *Сантиментальномъ Путешествіи* присоединялъ эксцентричность къ самымъ нѣжнымъ движеніямъ сердца.

Англійская поэзія сдѣлалась классической, благодаря *Попу*, человѣку ученому, который въ 20 лѣтъ уже напечаталъ свой *Опытъ о критикѣ* и затѣмъ упражнялъ свой живой умъ на *сатирахъ*, стараясь придать жизненность философіи въ письмахъ о нравственности и въ особенности въ *Опытъ о человѣкѣ*. Почитатель и переводчикъ древнихъ, главнымъ образомъ, Гомера, Попъ достигъ изящнаго совершенства стиля: его произведенія кажутся отраженіемъ великаго литературнаго вѣка Франціи. Попъ сдѣлался главою школы, но среди его послѣдователей *Юнгъ* слишкомъ увлекался чувствомъ. Его *Ночныя мысли (Night Thoughts)* представляютъ грустныя размышленія о тщетѣ жизни. *Томсонъ* обладалъ большей страстностью, и въ своихъ *Временахъ года* воспѣвалъ эпопею природы: онъ положилъ начало описательной школѣ. Среди поэтовъ, упоминаютъ обыкновенно *Самуэля Джонсона* [2]), хотя какъ поэтъ онъ не имѣлъ значенія, но былъ скорѣе критикомъ и ученымъ.

Англійская поэзія, до того времени классическая и холодная, пріобрѣла жизнь вмѣстѣ съ пылкимъ *Вилльямомъ Коуперомъ* [3]) предшественникомъ настоящаго возрожденія. Какъ страстный любитель природы, Коуперъ описывалъ ее не принужденно, не напыщенно, подчиняясь лишь своему вдохновенію и чувствительности, вызванной, впрочемъ, у него продолжительными страданіями. Сынъ бѣднаго шотландскаго фермера, *Робертъ Борнсъ*, проникнутый возвышенной красотой горъ, столь живописныхъ на его родинѣ, повидимому, безъ усилій достигъ вѣрнаго лирическаго тона. Это болѣе уже не поэзія XVIII в., а тѣ звуки, которые будетъ издавать французская лира XIX столѣтія. *Георгъ Краббъ* своею продолжительной дѣятельностью перешелъ за грань нашего столѣтія: онъ былъ одновременно проповѣдникомъ и поэтомъ реалистомъ. *Чаттертонъ*, чтобы привлечь вниманіе, прибѣгнулъ къ

---

[1]) Самуилъ Ричардсонъ (1689—1761); Фильдингъ (1707—1754); Гольдсмитъ (1728—1774); Свифтъ (1667—1745); Лаврентій Стернъ (1713—1768).

[2]) Попъ (1688—1744); Юнгъ (1681—1765); Джемсъ Томсонъ (1700—1748); Самуэль Джонсонъ (1709—1784).

[3]) Вилльямъ Коуперъ (1731—1800).

хитрости: онъ напечаталъ мнимыя англійскія стихотворенія XV в., сколокъ съ древнихъ балладъ, что указываетъ вкусъ того времени, интересовавшагося исходными точками литературы, искавшаго освѣженія въ самомъ источникѣ ея.

Этимъ вкусомъ публики воспользовался *Макферсонъ* [1]) съ удивительной ловкостью и смѣлостью. Онъ составилъ цѣлую поэму кельтическаго барда *Оссіана* и умѣлымъ подражаніемъ формъ обманулъ общественное мнѣніе, повѣрившее въ подлинность этой поэмы. Надо значительно углубиться въ это произведеніе, чтобы обнаружить подлогъ и различить характеръ человѣка XVIII в. въ Оскарѣ, Мальвинѣ и Фингалѣ ложнаго Оссіана. Этотъ вымыселъ имѣлъ, тѣмъ не менѣе, громкій успѣхъ и значительное вліяніе. Утомленные строгой красотой греческой и римской литературы, англичане прониклись удивленіемъ предъ мнимыми пѣснями кельтовъ. Это какъ бы дало новое направленіе воображенію, заинтересовавшемуся дикой и воинственной поэзіей сѣверныхъ странъ.

Англійская философія, болѣе догматическая, чѣмъ философія французская, отклонилась, начиная съ ирландца *Берклея*, ученика Малебранша, отъ религіозной традиціи. Берклей положилъ начало *идеализму* и дошелъ до отрицанія существованія матеріи; а Давидъ *Юмъ*, слѣдуя его доказательствамъ, отрицалъ, въ свою очередь, духовную субстанцію. Юмъ былъ шотландецъ. Его ученія испугали одного изъ его соотечественниковъ, *Томаса Рейда*, признававшаго, наоборотъ, существованіе нѣкоторыхъ началъ, не истекающихъ изъ опыта, и положилъ начало противодѣйствію *эмпиризму* послѣдователей Локка, которое было продолжено его ученикомъ *Дюгальдомъ Стьюартомъ* [2]).

Философъ Юмъ былъ также историкомъ, старавшимся подражать Титу Ливію ясностью изложенія, но, въ то же время, былъ скептиченъ и пристрастенъ: философъ заслонялъ въ немъ историка. Противуположнымъ ему является религіозный и снисходительный *Робертсонъ* [3]), повѣствовательное искусство котораго исходитъ отъ Ксенофонта. Ученый *Гиббонъ* [4]) составилъ обширный трудъ объ *Упадкѣ и разрушеніи Римской имперіи*, и это серьезное сочиненіе до сихъ поръ читается съ пользой, не смотря на новѣйшіе труды, хотя и носитъ отпечатки предразсудковъ своего времени и вражды къ христіанству.

Въ этомъ краткомъ очеркѣ дѣятельности англійской литературы нельзя не упомянуть объ ораторахъ, напоминавшихъ славу древнихъ ораторовъ. Англійская форма государственнаго правленія, требовавшая парламентарныхъ преній, естественно должна была

---

[1]) Робертъ Борнсъ (1759—1796), среди стихотвореній указываетъ на *Субботній вечеръ крестьянина*, *Къ отъѣзжающему другу*, *Къ Маріи въ небесахъ*; Георгъ Краббъ (1755—1832); Чаттертонъ (1752—1770); Макферсонъ (1738—1796).

[2]) Бёрклей (1684—1753); Давидъ Юмъ (1711—1776); Томасъ Рейдъ (1710—1796); Дюгальдъ Стьюартъ (1753—1796).

[3]) Вильямъ Робертсонъ (1721—1793).

[4]) Эдуардъ Гиббонъ (1737—1794).

оживить политическое краснорѣчіе. Въ палатѣ общинъ, а потомъ въ палатѣ лордовъ раздавался могучій голосъ *Вильяма Питта* [1]), впослѣдствіи лорда Чатама, рѣчи котораго сдѣлались классическими. Ирландецъ *Боркъ* [2]) выступилъ незадолго до смерти Питта: «Это былъ,—говоритъ Маколей,—великолѣпный закатъ и столь же великолѣпный восходъ. Но Боркъ былъ слишкомъ пылокъ и слишкомъ способенъ къ увлеченію; его краснорѣчіе, изобильное, какъ потокъ, несло цѣлыя волны брани, метафоръ и странныхъ аллегорій». *Фоксъ* [3]), не менѣе страстный и стремительный, былъ болѣе сдержанъ. *Шериданъ* [4]) прославился, въ особенности, какъ судебный ораторъ, а второй *Вильямъ Питтъ* [5]), наслѣдникъ краснорѣчія своего отца, такъ же какъ и ненависти его къ Франціи, господствовалъ надъ палатой общинъ своими сжатыми рѣчами, прогрессивными доводами и доказательствами, производившими впечатлѣніе скорѣе общимъ настроеніемъ, чѣмъ яркостью подробностей.

Цивилизація въ XVIII в. сдѣлала такіе успѣхи, что и Германія, въ свою очередь, прославилась своей литературой. Нѣмецкому генію, сильно взволнованному Лютеромъ, понадобилось еще два вѣка для окончательнаго пробужденія. Языкъ, который великій реформаторъ, какъ бы изваялъ изъ камня своимъ переводомъ Библіи, еще не сдѣлался языкомъ литературнымъ. Лейбницъ думалъ и писалъ по латыни. Въ XVIII в. нѣмецкимъ языкомъ пользовались два швейцарскихъ критика, цюрихскіе профессора (Бодмеръ и Бреттингеръ), заимствовавшіе у англичанъ систему ежемѣсячныхъ *журналовъ*. Затѣмъ, онъ былъ принятъ учеными и филологами, начиная съ *Гейне* [6]) и *Августа Вольфа* [7]), историками — *Людвигомъ Шлецеромъ* [8]), а швейцарецъ *Іоганнъ Мюллеръ* [9]) написалъ на этомъ языкѣ прекрасную исторію своей страны.

Лессингъ [10]) родился въ Саксоніи и достигъ великой славы критика и писателя своимъ сборникомъ *Писемъ о современной литературѣ* и *Гамбургской драматургіей*, лучшимъ сочиненіемъ о театрѣ, появившимся въ XVIII в., хотя въ немъ часто встрѣчается преувеличенно несправедливое отношеніе къ французскому театру. *Лаокоонъ* былъ трудомъ болѣе спокойнымъ и философскимъ обсужденіемъ общихъ началъ искусства, произведеніемъ чисто эстетическимъ. Лессингъ противупоставлялъ древній міръ новому. Ученый *Винкельманъ* [11]), въ свою очередь, содѣйствовалъ распространенію вкуса къ античному міру, знакомя съ истиннымъ характеромъ его: онъ издалъ *Письма объ открытіяхъ въ Геркуланумѣ* и *Исторію искусства у древнихъ*.

---

[1]) Вильямъ Питтъ (1708—1778).
[2]) Боркъ (1730—1797).
[3]) Чарльзъ Джемсъ Фоксъ (1748—1806).
[4]) Шериданъ (1751—1816).
[5]) Вильямъ Питтъ II (1759—1806).
[6]) Гейне (1727—1812).
[7]) Августъ Вольфъ (1759—1824).
[8]) Людвигъ Шлёцеръ (1737—1809).
[9]) Іоганнъ Мюллеръ (1752—1809).
[10]) Лессингъ (1729—1781).
[11]) Винкельманъ (1717—1768).

Нѣмцы, впрочемъ, цѣнили французскую литературу и Руссо возбудилъ мысль *Гердера* [1]), далеко подвинувшагося по пути наблюденія человѣческихъ обществъ. Придавая болѣе значенія идеямъ, чѣмъ фактамъ, Гердеръ написалъ *Исторію поэзіи у евреевъ* и *Мысли о философіи исторіи*. Эта книга была замѣчательнымъ опытомъ изображенія совокупности постепеннаго и всесторонняго развитія человѣчества, на подобіе Боссюэтта и Монтескьё, но съ болѣе свободнымъ отношеніемъ къ предмету.

Нѣмецкая поэзія пробовала свои силы въ произведеніяхъ *Галлера* [2]), воспѣвавшаго *Альпы*, и *Геснера* [3]), автора сантиментальныхъ идиллій и повѣствовательной поэмы *Смерть Авеля*. Она уже имѣла настоящаго мастера въ лицѣ *Клопштока* [4]), религіознаго поэта, подражавшаго Мильтону, написавшаго нѣсколько туманную эпопею христіанства, *Мессіаду*.

Французское вліяніе, все болѣе и болѣе проникая въ Германію, создало тамъ настоящій переворотъ въ литературѣ мужду 1768 и 1772 гг. Гёттингенъ сдѣлался центромъ писателей, желавшихъ порвать съ рутиной и традиціями. Однимъ изъ двигателей этого переворота былъ *Гете* [5]), самое знаменитое имя въ Германіи. Человѣкъ универсальнаго ума, поэтъ и ученый, критикъ и художникъ, влюбленный въ природу и въ идеалъ, положительный и мечтательный, увлекавшійся прошлымъ и настоящимъ, Гёте не принадлежитъ уже XVIII в., къ которому относится первая половина его жизни. Его живое воображеніе потрясено великими событіями, какихъ онъ былъ свидѣтелемъ. Онъ не знаетъ, на чемъ сосредоточиться, и переходитъ отъ легкой поэзіи къ роману *(Вертеръ) Вильгельмъ Мейстеръ)* или къ драмѣ затѣмъ отъ исторической трагедіи (*Эгмонтъ*)—къ пасторальной идилліи *(Германъ* и *Доротея*, и, наконецъ, бросаетъ ее и снова принимается за свою легендарную эпопею *Фаустъ*, уносящую насъ такъ далеко отъ древняго міра.

Древнимъ неизвѣстны были эти безотрадныя колебанія души, движимой желаніемъ достигнуть мірового знанія, и волненія сердца, тревожащагося за свою судьбу. Они, конечно, не поняли бы и не оцѣнили этой чисто германской поэмы, которая связана съ классической литературой только изяществомъ и красотою формы. Гёте выражалъ сложныя чувства общества, еще не вполнѣ сознавшаго себя, но уже много думавшаго и страдавшаго. Онъ поэтизировалъ болѣзнь подвинувшихся цивилизацій, не обладающихъ уже душевнымъ спокойствіемъ цивилизацій первобытныхъ, и утратившихъ ихъ безмятежность, простоту, наивность и естественность, отражавшіяся своей мирной и мощной красотой въ очаровательныхъ произведеніяхъ греческаго генія.

Шиллеръ [6]) былъ другомъ Гёте. Менѣе мечтательный, но не

---

[1]) Гердеръ, род. въ Пруссіи (1744—1803).
[2]) Альбрехтъ Галлеръ, изъ Берна (1708—1777).
[3]) Геснеръ (1730—1787).
[4]) Фридрихъ-Готлибъ Клопштокъ, изъ Кведлинбурга (1724—1803).
[5]) Іоганнъ Вольфгангъ Гёте, род. во Франкфуртѣ на Майнѣ (1749—1832).
[6]) Шиллеръ, род. въ Виртембергѣ (1759—1805).

менѣе поэтичный, онъ былъ также однимъ изъ главныхъ участниковъ и руководителей литературнаго переворота. Онъ достигъ совершенства въ драмѣ и въ исторіи, на которую смотрѣлъ, преимущественно, какъ на искусство. Его *Исторія возмущенія въ Нидерландахъ* и, въ особенности, *Исторія Тридцатильтней войны* служатъ образцами повѣствовательнаго изложенія. Будучи лирическимъ поэтомъ въ своихъ балладахъ, онъ еще болѣе знаменитъ своими трагедіями: *Разбойники*, *Донъ-Карлосъ*, *Валленштейнъ*, *Марія Стюартъ*, *Іоанна Д'Аркъ* и драмой *Вильгельмъ Телль*.

Виландъ [1]) выступилъ съ дидактическими и религіозными поэмами, затѣмъ, увлекся французами и перешелъ въ философскую школу XVIII в.; впослѣдствіи онъ писалъ легкія стихотворенія, насмѣшливыя и нѣсколько чувственныя. Позднѣе, онъ установился, сдѣлался профессоромъ философіи въ Эрфуртѣ и блисталъ при ученомъ дворѣ въ Веймарѣ, прозванномъ тогда германскими *Аѳинами*. Онъ писалъ политическіе и сатирическіе романы и, вернувшись къ поэзіи, выпустилъ въ свѣтъ *Новаго Амадиса*, въ духѣ героическо-комическихъ итальянскихъ поэмъ и, наконецъ, лучшее свое произведеніе *Оберона*. «Изъ числа всѣхъ нѣмцевъ, писавшихъ во французской манерѣ,—говоритъ г-жа де Сталь,—Виландъ—единственный, труды котораго носятъ отпечатокъ генія, и хотя онъ почти всегда подражалъ иностраннымъ писателямъ, нельзя не признать важныхъ услугъ, оказанныхъ имъ родной литературѣ усовершенствованіемъ ея языка и введеніемъ болѣе легкаго и гармоническаго стихосложенія».

Виландъ хотя и читалъ философію, но не считается въ числѣ философовъ. Въ Германіи былъ тогда главою школы *Кантъ* [2]), сначала ученикъ Лейбница и Вольфа, затѣмъ поклонникъ Юма и, наконецъ, творецъ оригинальной системы, имѣвшей большое вліяніе. Его философія представляетъ неизмѣримую глубину, весьма отвлеченную и туманную. Кантъ пытался характеризовать человѣческое сознаніе; онъ относитъ наши понятія къ чувствительности, мыслящей способности и разуму, но подраздѣляетъ способности и, изслѣдуя ихъ, почти впадаетъ въ скептицизмъ. Однако, онъ останавливается: онъ вѣритъ въ долгъ и нравственность. Его *Критика практическаго разума* исправляетъ нѣкоторыя крайности его *Критики чистаго разума*. Кантъ вдохновилъ *Фихте* [3]) и главныхъ нѣмецкихъ философовъ своего времени, распространившихъ его теоріи, составляющія предметъ вѣчныхъ споровъ между учеными, съ отпечаткомъ той туманности, къ которой такъ склонны нѣмцы.

Италія, казавшаяся мертвой въ XVII в., въ XVIII столѣтіи дѣлала попытки приподнять свой надгробный камень. Вмѣстѣ съ *Вико* [4]) у нея появилась философія исторіи, не оцѣненная современниками, но весьма достойная изученія. У нея были поэты,

---

[1]) Мартинъ Виландъ, род. въ Суабѣ (1733—1813).
[2]) Эммануилъ Кантъ, род. въ Кенигсбергѣ (1724—1804).
[3]) Фихте (1762—1814).
[4]) Джіованни Батиста Вико, род. въ Неаполѣ (1668—1744).

какъ, напр., *Чезаратти* [1]), *Гоцци* [2]) и, въ особенности, *Альфіери* [3]), строгія трагедіи котораго были проникнуты новыми идеями. Экономисты *Беккарія* и *Филанджіери* [4]) излагали плодотворные взгляды на законодательство и создали политическую науку, болѣе нравственную и полезную, чѣмъ ученіе Маккіавелли. Италія болѣе всѣхъ другихъ странъ воспользовалась литературой Франціи, оружіе которой должно было окончательно ее пробудить, т. е. освободить.

Выраженіе чувствъ пріобрѣло въ эту эпоху могущественную помощь въ музыкѣ, безъ сомнѣнія, появившейся на свѣтъ вмѣстѣ съ человѣчествомъ, но лишь въ XVIII в. сдѣлавшейся искусствомъ, которое могло соперничать съ другими искусствами. Музыкальные инструменты усовершенствовались. *Органъ*, усложнявшійся съ XIV в. все болѣе и болѣе обширными трубами, наполнялъ церкви величественными и религіозными мелодіями. Затѣмъ, *арфа*, *віолончель*, *скрипка*, столь простая и столь проникающая въ душу, *флейта* и ея видоизмѣненія, *клавесинъ*, превратившійся въ XVIII в. въ *фортопіано*, соединяли аккорды, допуская самыя удачныя сочетанія ихъ. У королей была *камерная музыка* на ряду съ *церковной* и, мало-по-малу, какъ и другія искусства, музыкальное творчество освободилось отъ церковной опеки, подъ покровительствомъ которой оно зародилось. У Людовика XIV былъ особый оркестръ изъ двадцати четырехъ скрипокъ, называвшихся *королевскими скрипками*, и въ теченіе этого царствованія *Люлли* написалъ множество замѣчательныхъ пьесъ, помимо своихъ оперъ.

Но опера пришла изъ Италіи. Въ этой странѣ веселья и развлеченій, начиная съ XV в. музыку присоединяли къ драматическимъ представленіямъ. Итальянская опера появилась въ Парижѣ въ 1645 г., благодаря Мазарини, вызвавшаго труппу итальянскихъ артистовъ, и оперы Люлли были лишь подражаніями, приноровленными къ болѣе серьезному характеру французовъ. Его хоры были очень пріятны, и многія отдѣльныя мѣста вызывали трогательное настроеніе; кромѣ того, Люлли значительно увеличилъ силу оркестра.

У Люлли было множество учениковъ, но музыка вступила на настоящій путь лишь въ XVIII в., вмѣстѣ съ *Рамо* [5]), который поставилъ 32 оперы, чрезвычайно разнообразныхъ, и умѣлъ лучше согласовать звуки со словами. Его музыка, дѣйствительно, прекрасная, хотя и вышедшая изъ моды, вскорѣ осталась позади музыки *Глюка* [6]). Этотъ выдающійся артистъ, вполнѣ принадлежащій къ нашему времени, окончательно приспособилъ музыку къ драматическимъ положеніямъ, и его лирическія трагедіи *Альцестъ* и *Орфей* до сихъ поръ вызываютъ восхищеніе. Патетическіе звуки

---

[1]) Чезаратти, изъ Падуи (1730—1808).
[2]) Карло Гоцци, изъ Венеціи (1718—1806).
[3]) Альфіери, род. въ Асти (Пьемонтъ) (1749—1803).
[4]) Беккарія, род. въ Миланѣ (1738—1794). Филанджіери, род. въ Неаполѣ (1752—1788).
[5]) Рамо, род. въ Дижонѣ (1683—1764).
[6]) Глюкъ, род. въ Пфальцѣ, но жилъ во Франціи (1714—1787).

его глубоко волнуютъ душу. Итальянцы, впрочемъ, не подчинялись этому новому вкусу. Они гордились *Перголезомъ* [1]) и *Пиччини* [2]) и имѣли усердныхъ сторонниковъ въ Парижѣ, гдѣ горячіе споры пиччинистовъ и глюкистовъ волновали салоны. Глюкъ и французскій вкусъ восторжествовали. Послѣдній, кромѣ того, имѣлъ представителя не менѣе знаменитаго, *Гретри* [3]), который съумѣлъ провести остроуміе въ музыку и сдѣлался отцомъ новаго музыкальнаго рода, который весьма пришелся по вкусу французамъ—комической оперы. Въ концѣ вѣка также пріобрѣлъ большую извѣстность *Мегюль* [4]).

Въ Германіи были свои мастера въ музыкѣ различнаго характера. Одновременно съ литературой у нея появилась и музыка. *Іоганъ Себастіанъ Бахъ* [5]), органистъ и наиболѣе знаменитый изъ семьи выдающихся музыкантовъ, писалъ замѣчательныя музыкальныя сочиненія, въ особенности въ религіозномъ родѣ. Затѣмъ *Гендель* [6]), переселившійся изъ Германіи въ Англію, возбудилъ въ этой странѣ такой восторгъ своими операми и церковной музыкой, что удостоился быть погребеннымъ въ Вестминстерскомъ аббатствѣ. *Гайденъ* [7]), родившійся въ Австріи, преуспѣвалъ всего болѣе въ инструментальной музыкѣ и открылъ безконечное разнообразіе сочетаній аккордовъ и звуковъ въ своихъ симфоніяхъ, квартетахъ, тріо, концертахъ и сонатахъ; онъ положилъ начало ученой школѣ, называемой *классической*.

Австрія также дала жизнь одному изъ тѣхъ геніевъ, которые возносятъ искусство до совершенства—*Моцарту* [8]). Впрочемъ, этотъ нѣмецъ болѣе принадлежитъ Италіи, гдѣ онъ получилъ музыкальное образованіе, и о немъ можно сказать, что онъ обладалъ французской ясностью. Его естественныя пѣсни, простыя, не смотря на глубокое изученіе, исходятъ изъ души, оживленныя, веселыя или печальныя, но всегда искреннія и чистыя; его граціозныя и свободныя мелодіи выражаютъ самыя разнообразныя чувства дѣйствующихъ лицъ *Донъ-Жуана* или *Свадьбы Фигаро*, если говорить лишь объ этихъ двухъ его главныхъ шедеврахъ. Человѣкъ, благодаря Моцарту и всѣмъ мастерамъ XVIII в. предшественникамъ мастеровъ XIX стол., заговорилъ новымъ языкомъ, который онъ какъ бы похитилъ у самыхъ мелодичныхъ пернатыхъ пѣвцовъ. Музыка прибавила еще одно благородное и возвышенное удовольствіе къ умственнымъ наслажденіямъ, проникая въ сердце и являясь новой силой цивилизаціи,—силой, начавшейся звуками Орфея и еще болѣе очеловѣчившейся въ звукахъ Глюка и Моцарта.

---

[1]) Перголезъ (1714—1737); лучшее произведеніе его *Serva Padrona*.
[2]) Пиччини (1728—1800).
[3]) Гретри, род. въ Ліонѣ (1741—1813).
[4]) Мегюль (1763—1817).
[5]) Іоганнъ Себастьянъ Бахъ, род. въ Эйзенахѣ (1685—1750).
[6]) Гендель, род. въ Галлѣ (1684—1759).
[7]) Гайденъ (1732—1809).
[8]) Моцартъ, род. въ Зальцбургѣ (1756—1791).

ГЛАВА XII.

ЕВРОПА XVIII ВѢКА ВЪ ЭКОНОМИЧЕСКОМЪ И ПОЛИТИЧЕСКОМЪ ОТНОШЕНІИ. ПРИЧИНЫ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦІИ 1789 Г.

Экономическое движеніе въ XVIII в.; кредитныя учрежденія.—Система Лоу; банковые билеты. — Географическія открытія. — Морская торговля; колоніи; колоніальное могущество Англіи. — Колоніальная система новѣйшихъ государствъ.—Колоніальные товары.—Освобожденіе англійскихъ колоній въ Америкѣ; Соединенные Штаты.—Промышленность въ Европѣ; французская промышленность.—Промышленность и торговля въ центральныхъ и сѣверныхъ странахъ Европы.—Политическое состояніе Европы; западные славяне; цивилизація Восточной Европы; Польша.—Раздѣлы Польши (1772, 1793 и 1795 гг.).—Происхожденіе и развитіе прусскаго королевства.—Фридрихъ II; городъ Берлинъ. — Восточные славяне; образованіе и успѣхи русскаго народа; Петръ Великій. — С.-Петербургъ.—Дѣятельность Петра Великаго.—Екатерина II.—Скандинавскія государства; Стокгольмъ, Копенгагенъ.—Швеція въ XVIII в.; дворъ Густава III.—Австрія; преобразованія Іосифа II.—Германскія княжества и священная римская исторія.—Португалія; Помбаль.—Династія Бурбоновъ въ Испаніи; реформы графа д'Аранда.—Италія.—Результаты труда новыхъ временъ.—Состояніе Франціи въ 1789 г.—Монархическіе принципы.—Феодальный строй государственнаго правленія и администраціи. — Правосудіе.—Финансы.—Армія.—Церковь.—Феодальный характеръ земледѣлія, промышленности и торговли.—Характеръ общества; дворянство и сеньёры въ XVIII в.—Политическія, экономическія и соціальныя причины революціи.

Толчокъ, данный литературой и прогрессомъ наукъ, оказался полезнымъ для экономическихъ интересовъ. Торговля стала предметамъ обсужденія такъ же, какъ и политика, и XVIII в. обнаружилъ могущество *кредита*. У древнихъ хозяева заставляли рабовъ производить всѣ необходимые предметы. Тотъ, кто хотѣлъ имѣть деньги—долженъ былъ подчиняться тяжелымъ условіямъ ростовщичества. У новѣйшихъ народовъ хотя свобода рабочаго значительно развила промышленность, но еще болѣе этому содѣйствовала доступность кредита. Въ средніе вѣка этотъ порядокъ вещей едва зарождался въ видѣ *векселей*, о которыхъ мы говорили, и изобрѣтеніе которыхъ приписываютъ евреямъ. Бумага уже и тогда играла роль монеты.

Открытіе Америки пустило въ обращеніе огромное количество денегъ, но оно оживило и торговыя сношенія. Когда путешествія стали болѣе далекими, система векселей, заемныхъ писемъ и денежныхъ ордеровъ распространилась повсемѣстно. Учреждались *банки* [1]), ссужавшіе купцовъ подъ залогъ цѣнныхъ товаровъ. *Амстердамскій* и *Гамбургскій* банки были извѣстны еще въ XVIII в. своими обширными дѣловыми оборотами. *Англійскій банкъ* ведетъ свое начало съ 1694 г. Онъ первый сталъ брать на себя уплату векселей до истеченія ихъ срока, удерживая часть денегъ пропорціонально, остающемуся времени до ихъ уплаты, т. е. *учетъ*. Во Франціи первыми банками по времени были Ліонскій (1549),

[1]) Отъ итальянскаго слова *banco* (скамья), на которую садились ломбардскіе мѣнялы.

Тулузскій (1549) и Руанскій (1561). Но хотя всѣ эти банки помогали торговымъ сдѣлкамъ, они не составляли еще настоящаго кредита; его предусмотрѣлъ шотландецъ *Лоу*.

Привыкшій съ молодыхъ лѣтъ на своей родинѣ къ банковымъ операціямъ, Лоу понялъ ихъ выгоды и рѣшился расширить употребленіе бумагъ вмѣсто звонкой монеты. Регентъ *Филиппъ Орлеанскій* разрѣшилъ ему испробовать его систему во Франціи и, чтобы уплатить государственные долги, предоставилъ финансы королевства для этого опыта. Принципъ шотландскаго финансиста былъ вѣренъ въ томъ смыслѣ, что увеличеніемъ количества денегъ увеличивается и торговля. Но бумага сама по себѣ не имѣетъ никакой цѣнности; когда ее выпускаютъ въ неопредѣленномъ количествѣ, она уже ничего не представляетъ собою. Лоу ошибался также, желая сдѣлать изъ государства обширное торговое общество. То, что онъ предлагалъ регенту, могло ослѣпить послѣдняго. Главное торговое общество, отожествленное съ государствомъ, должно было уплатить общественные долги своими *акціями* и, затѣмъ, въ будущемъ, сдѣлать налоги излишними.

Банкъ былъ разумной частью системы Лоу. Основанный въ 1716 г., съ капиталомъ въ шесть милліоновъ франковъ, раздѣленнымъ на 1.200 акцій, онъ принималъ денежные вклады, *учитывалъ* торговые векселя и самъ выпускалъ въ обращеніе *банковые билеты*, уплачиваемые по *предъявленію* деньгами постояннаго вѣса и достоинства. Въ то время, когда звонкая монета подвергалась значительнымъ колебаніямъ, это было весьма выгодно. Кромѣ того, банкъ учитывалъ векселя за умѣренный процентъ и, такимъ образомъ, избавлялъ торговлю отъ ростовщиковъ. Банкъ этотъ былъ названъ *Королевскимъ* (4 дек. 1718 г.). Всѣ стремились пріобрѣсти эти билеты, столь полезные для крупныхъ оборотовъ и столь же цѣнные, какъ и деньги, такъ какъ ихъ можно было, по желанію, обмѣнивать на звонкую монету. Кредитъ былъ установленъ; но, желая расширить его, Лоу его подорвалъ.

Торговое общество, сначала ограничивавшееся колоніальной торговлей, затѣмъ откупами податей, такъ обольщало всѣхъ, что акціи его оспаривались съ увлеченіемъ, поднявшимъ ихъ цѣну до чрезмѣрной высоты. Даже англичане, столь искусные и опытные въ дѣлѣ банковъ и торговыхъ оборотовъ, вдались въ обманъ. Чтобы удовлетворить жадность публики и помочь обмѣну *акцій*, Лоу безконечно увеличилъ число *банковыхъ билетовъ*. Цѣнность бумагъ превзошла десять милліардовъ, тогда какъ звонкой монеты во Франціи было всего на одинъ милліардъ. Довѣріе поколебалось и затѣмъ рушилось: всѣ бросились мѣнять бумаги на деньги. Лоу сдѣлалъ ошибку, присоединивъ общество къ банку, призракъ воображенія—къ полезному учрежденію (1720). Получивъ назначеніе главнаго контролера, онъ еще болѣе усилилъ борьбу, поднятую противъ денегъ, и хотѣлъ, чтобы бумага сдѣлалась единственнымъ денежнымъ знакомъ. Эта борьба окончилась полнымъ обезцѣненіемъ билетовъ и вскорѣ само государство, доведенное до крайности, объявило, что билеты не будутъ болѣе принимаемы какъ звонкая монета; это произвело страшную катастрофу. Лоу бѣжалъ изъ Франціи (въ декабрѣ 1721 г.).

Эта катастрофа на долгое время отбила охоту отъ новаго опыта кредита; государство признало себя должникомъ передъ кредиторами общества и общественный долгъ возросъ до тринадцати милліоновъ ежегодной уплаты. Но въ года изобилія денегъ Лоу освободилъ земледѣліе отъ налога десятой части съ недвижимой собственности и отъ недоимокъ по различнымъ сборамъ; онъ уничтожилъ множество должностей, раззорявшихъ страну; кромѣ того, уменьшился процентъ на деньги. Торговля и промышленность пріобрѣли такой подъёмъ, что даже катастрофа не задержала ихъ развитіе.

Подобное несчастіе можно объяснить только неопытностью, свойственной тому времени. Тогда играли опаснымъ оружіемъ, которое разорвалось въ неосторожныхъ рукахъ; но сила его стала извѣстна, и этого было достаточно, чтобы произвести настоящій финансовый переворотъ. Польза банковъ была понята, чувствовалось, что бумага можетъ имѣть такое-же обращеніе, какъ и монета, до того времени, пока количество ея не переходитъ, за предѣлы, опредѣленные дѣйствительной стоимостью, какую она представляетъ. Продажа акцій, облегчавшая обществамъ соединеніе крупныхъ капиталовъ, продолжалась, но болѣе благоразумно. Это было началомъ спекуляціи и денежнаго рынка — *Биржи*, учрежденной въ 1724 г.

Если Лоу могъ отуманить столько умовъ, то это потому, что всѣ были увлечены миражемъ отдаленныхъ странъ. Поиски морей и земель приходили къ концу.

Открытія XVI в. продолжались и въ XVII стол., когда Америка, наконецъ, окончательно обнаружила свои очертанія и внутренія богатства. Голландцы открыли часть безчисленныхъ острововъ, разсѣянныхъ по Тихому океану, изъ которыхъ должна была составиться пятая часть свѣта, *Океанія*. Они увидѣли обширную землю, которую назвали *Новой Голландіей*, но она должна была перейти въ руки англичанъ и получить названіе *Австраліи*. Преимущественно, въ XVIII в. англійскіе и французскіе мореплаватели изслѣдовали Океанію. *Дампье* въ 1704 г. посѣтилъ сѣверо-западный берегъ Австраліи и открылъ Новую Британію. *Валлисъ*, *Картере*, *Бугэнвиль*, а затѣмъ знаменитый капитанъ *Кукъ* обнаружили существованіе многочисленныхъ архипелаговъ. Кукъ открылъ *Новую Зеландію*, *Новую Каледонію*, острова *Товарищества*, *Дружбы* и *Сандвичевы*. Онъ три раза пересѣкалъ южный полярный кругъ. По его слѣдамъ шли *Лаперузъ*, *Антрекасто* и *Ванкуверъ*. Датчанинъ *Берингъ* опредѣлилъ восточную оконечность Азіи, открывъ проливъ, сохранившій его имя. Весь земной шаръ могъ быть, такимъ образомъ, нанесенъ на карты, все съ большей и большей точностью, и человѣкъ отмѣчалъ крайнія границы своего обитанія.

Вслѣдъ за изслѣдователями устремились купцы и европейская торговля получала все болѣе и болѣе значительное распространеніе. Англія пожинала плоды Навигаціоннаго акта и своей политики, направленной почти исключительно на пріобрѣтеніе морей. Въ 1703 г., трактатомъ *сэра Метюэна*, для нея открылся доступъ въ Португалію, которую она наводнила своими товарами, уничто-

живъ ея промышленность. Португалія сдѣлалась рынкомъ или, скорѣе, британской конторой. Даже Испанія, столь ревниво оберегавшая монополію своихъ колоній, признала за Англіей *asiento* или право отправлять ежегодно въ *Порто-Белло* корабль, нагруженный товарами, корабль, который не было надобности замѣнять другимъ, такъ-какъ его наполняли товарами постоянно. Это былъ настоящій пловучій складъ. Война за австрійскій престолъ и Семилѣтняя война привели въ упадокъ французскій флотъ. Англія бросилась на французскія колоніи, плохо защищенныя, и начала укрѣпляться въ *Индостанѣ*, этомъ громадномъ государствѣ, которое *Дюплеси* мечталъ пріобрѣсти для Франціи. Англія же завладѣла Канадой; ея морская торговля, ограничивавшаяся въ 1700 г. 300.000 тоннъ, возросла въ 1770 г. до 760.000 тоннъ.

Англичане для увеличенія торговли развивали свою промышленность и распространяли сукна изъ *Норвича*, полотна изъ *Дублина* и *Эксетера*, бумажныя ткани изъ *Манчестера*, желѣзныя и мѣдныя издѣлія—изъ *Лидса*. Изобрѣтеніе механическихъ бумагопрядильныхъ станковъ и ткацкихъ для шерстяныхъ тканей (1770—1787), примѣненіе паровой машины Уатта (1763—1785), дали новый толчекъ промышленности и опредѣлили ея быстрый ходъ, уже болѣе не прорывавшійся. Англія, снабжавшая Европу продуктами южныхъ странъ, надѣялась доставлять ей также произведенія мануфактуры. Она стремилась быть единственнымъ производителемъ и единственнымъ торговцемъ.

Попытка Англіи не удалась и ея собственныя колоніи первыя обратились противъ нея. Начиная съ XV в., новыя государства приняли за правило, что колоніи должны были вести торговлю только съ метрополіей.

Эти колоніи должны были служить удобнымъ рынкомъ, гдѣ можно было пріобрѣтать товары юга и находить сбытъ произведеніямъ промышленности метрополіи. Только отъ нея колоніи могли получать нужныя имъ мануфактурныя произведенія: нѣкоторые виды промышленности имъ вовсе запрещались. Хотя Индійская компанія и процвѣтала, но, тѣмъ не менѣе, англійскіе фабриканты сильно противодѣйствовали ввозу прекрасныхъ шелковыхъ и бумажныхъ тканей изъ Индіи. Колоніи и торговля съ отдаленными странами считались источникомъ сырого матеріала и произведеній чуждыхъ нашему климату. Промышленная обработка ихъ должна была оставаться привиллегіей Европы. Однимъ словомъ, колоніями хотѣли пользоваться, но не обогащать ихъ.

Эти послѣднія не замедлили достигнуть процвѣтанія, благодаря распространенію въ Европѣ привычки къ употребленію тропическихъ или колоніальныхъ припасовъ, каковы сахаръ, кофе, какао, чай и пряности. Къ продуктамъ, вывозимымъ изъ Азіи и въ особенности изъ Америки, слѣдуетъ прибавить еще хлопчатую бумагу, шерсть, различные сорта драгоцѣннаго дерева, большое количество мѣховъ, разныя красящія вещества и многочисленные сорта сушеныхъ или вареныхъ въ сахарѣ плодовъ. Воздѣлываніе *табака*, введенное въ Виргиніи въ 1616 г., не замедлило сдѣлаться источникомъ крупнаго богатства для этой провинціи. Разведеніе

сахарнаго тростника было начато въ Ямайкѣ въ 1660 г. Въ 1702 г. воздѣлываніе *риса*, заимствованное на Мадагаскарѣ, было введено въ Сѣверной и Южной Каролинѣ. Въ 1720 г. французы стали разводить *кофе* въ Мартиникѣ и это растеніе служившее однимъ изъ источниковъ богатства Аравіи, получило такое же значеніе и для Антильскихъ острововъ. Потребленіе кофе, сахару, какао и табаку значительно увеличилось въ Европѣ и произвело переворотъ какъ въ обычаяхъ, такъ и въ питаніи.

Метрополіи настаивали на исключительномъ правѣ торговли со своими колоніями. Англія пыталась, такимъ образомъ, держать на привязи свои американскія колоніи, но послѣднія, при своей лихорадочной дѣятельности, желали развиваться самостоятельно. Обширное протяженіе береговъ, сосѣдство съ французскими и испанскими колоніями благопріятствовало контрабандѣ, обезпечивавшей колонистамъ крупные барыши; отсюда происходили частыя столкновенія съ Англіей, окончившіяся войной за независимость.

Мы не будемъ останавливаться здѣсь на этой войнѣ (1776—1783), характеръ которой былъ болѣе политическимъ, чѣмъ экономическимъ. Англійскія колоніи въ Америкѣ освободились при помощи Франціи, исключая Канады, оставшейся подъ властью англичанъ. Эти послѣдніе удовлетворились основаніемъ *республики Соединенныхъ Штатовъ*, полагая, что они будутъ всегда первыми пользоваться американской торговлей. Но несомнѣнно, что должно было наступить время, когда и другіе народы станутъ оспаривать у нихъ эту торговлю. Кромѣ того, въ Америкѣ возникла морская держава, соперничающая съ того времени съ Англіей, которая не перестаетъ ея опасаться и теперь. Освобожденныя колоніи слишкомъ разрослись, чтобы не затмить хотя отчасти свою первоначальную родину.

Англія могла утѣшиться болѣе законнымъ образомъ въ потерѣ своихъ американскихъ колоній, распространивъ свою власть на Индію, заведя и въ *Австраліи*, гдѣ она основала *Сидней*, поселеніе преступниковъ, сдѣлавшееся началомъ одной изъ ея самыхъ цвѣтущихъ колоній.

Англія не могла болѣе оставаться единственнымъ торговцемъ въ мірѣ, а успѣхи промышленности другихъ странъ отнимали у нея надежду остаться единственнымъ производителемъ. Франція, промышленность которой была временно пріостановлена выселеніемъ протестантовъ, снова принялась за работу.

Въ XVIII в. въ ней насчитывалось уже много значительныхъ центровъ, занимавшихся пряжей *льна, пеньки* и *шерсти*. *Валансьенъ*, *Камбрэ*, *Сенъ-Кантенъ*, прославились своими *кружевами* и *батистами*, благодаря *тонкому льну*, обрабатывавшемуся въ этихъ областяхъ. *Лиллъ* сдѣлался самой главной фабрикой *швейной бумаги*; города Амьенъ Аббевиль выдѣлывали обыкновенныя ткани. *Манъ*, *Лаваль*, *Алансонъ*, *Лизіе* производили такія разнообразныя ткани, что болѣе 500.000 станковъ были заняты ихъ производствомъ. Бретань употребляла свой ленъ на выдѣлку тонкихъ и легкихъ *полотенъ*, среди которой фабриканты *Шоле* пріобрѣли большую извѣстность. Льняная промышленность про-

цвѣтала въ Беарнѣ и Гасконѣ. Бумажная промышленность едва лишь зарождалась, и Франція употребляла еще не болѣе четырехъ милліоновъ килограммовъ сырого хлопка. Большіе металлическіе заводы едва возникали въ то время [1]). Общая производительность промышленности, согласно Толозану, равнялось въ 1781 г. 199 милліонамъ франк., а по Шапталю—1 милліарду 820 мил. ліонамъ.

У торговыхъ городовъ были уже свои торговыя палаты, а съ XVI в.—консульская юрисдикція. Уже зарождалась реакція противъ покровительственной системы Кольбера, необходимой для странъ съ возникающей промышленностью, но приносящей болѣе вреда, чѣмъ пользы, какъ только промышленность укрѣпилась. *Семейный договоръ* между государями Бурбонскаго дома (1761 г.) и коммерческіе трактаты объединили Францію и Испанію въ одинъ общій рынокъ; коммерческій трактатъ былъ заключенъ съ Англіей въ 1786 г. Въ 1789 г. обороты внѣшней торговли, по ввозу, достигали 578 милліоновъ франковъ, а по вывозу 447 милліоновъ, т. е. въ общемъ, одного милліарда, 18 милліоновъ.

Голландія, отказавшаяся отъ своего прежняго величія, старалась всегда болѣе воспользоваться выгодами, какія ей доставляла ея, все еще обширная торговля [2]). Она выступила противъ Англіи въ американской войнѣ, такъ какъ была болѣе другихъ государствъ заинтересована въ поддержаніи нейтральныхъ правъ и свободы морей. Эта война, однако, не доставила ей выгодъ, и Англія получила возможность еще болѣе ослабить стѣснявшій ее флотъ. Тѣмъ не менѣе, Голландія осталась первоклассной колоніальной державой.

Другія государства Сѣвера, *Швеція* и *Данія* отказались отъ своихъ притязаній и замкнулись на своихъ полуостровахъ, при чемъ Данія еще по прежнему владѣла Норвегіей. Они почти исключительно посвящали себя внутреннему развитію, промышленности и торговлѣ.

Этотъ экономическій обзоръ европейскихъ государствъ приводитъ насъ къ политическому положенію ихъ: интересы государственнаго хозяйства все болѣе и болѣе смѣшивались съ политикой и раздѣлять ихъ почти невозможно. Противоположно древней цивилизаціи, остававшейся замкнутой въ кругѣ римской имперіи, въ цивилизаціи новыхъ вѣковъ заключался зародышъ жизни, который заставлялъ ее раздвигать свои предѣлы все шире и шире. Она не переставала распространяться къ сѣверу и къ востоку.

[1]) Въ 1787 г. каменноугольныя копи во Франціи давали 2.150.000 центнеровъ этого драгоцѣннаго топлива. Въ 1789 г. добыча чугуна равнялась 691.297 центн., выдѣлка желѣза—468.059 центн.

[2]) Голландія уступила англичанамъ (по Версальскому трактату 1783 г.) свое торговое учрежденіе въ Негапатамѣ, въ Индіи, но она возвратила себѣ о. Св. *Евстахія* среди Антильскихъ оо. и владѣла: въ Америкѣ *Гвіаной* и островами *Кюрасо*, въ Африкѣ факторіями на *Золотомъ Берегу* и мысомъ *Доброй Надежды*; въ Азіи: *Качиномъ* на Малабарскомъ берегу, *Мадрасомъ*—на Коромандельскомъ, *Цейлономъ*, *Малаккой* и, наконецъ, самымъ лучшимъ достояніемъ ея колоніальнаго могущества были зондскіе острова, *Суматра*, *Ява*, *Борнео*, *Селебесъ*, *Тамаръ* и Молуккскіе ова. Въ Японіи ей принадлежала факторія въ Нагасаки.

*

Это передовое движеніе, медленное при нѣмецкихъ императорахъ, перенесло, тѣмъ не менѣе, христіанство и латинскую цивилизацію съ береговъ Эльбы на берега Одера, болота Шпрее, на Вислу и Нѣманъ, а греческая цивилизація и религія проникали черезъ долину Днѣпра въ средину обширныхъ равнинъ Восточной Европы. *Славянское* племя, долгое время придавленное гнетомъ варварскаго нашествія, стало подниматься и выступало на сцену со своей замѣчательной физической энергіей, открытымъ умомъ и мягкостью вмѣстѣ съ рѣшимостью и твердостью.

Западные славяне становятся извѣстными со времени своего обращенія въ католицизмъ, въ X в. и объединенія въ королевство подъ властью династіи *Пястовъ*, въ XI в. (около 1000 г.). Сдѣлавшись *латинянами*, они все болѣе и болѣе отдалялись отъ другихъ славянъ, оставшихся язычниками или обращенныхъ въ греческую вѣру. Въ XV в. *Польское* королевство увеличилось присоединеніемъ *Литвы* (1444) и, при династіи *Ягеллоновъ*, сдѣлалось однимъ изъ самыхъ могущественныхъ государствъ Европы, достигая, съ одной стороны, до Балтійскаго моря, а съ другой — Чернаго и выдвигаясь на востокъ за Смоленскъ. Польскіе рыцари, не уступавшіе по своей пылкости и храбрости старинным французскимъ рыцарямъ, въ XV и XVI вв. задержали вторженіе турокъ. Равнины Вислы, долго бывшія пустынными, покрылись городами, изъ которыхъ *Варшава* сдѣлалась главнымъ и пріобрѣла значеніе образовательнаго центра, такъ какъ поляки обладали живымъ и быстрымъ умомъ.

Къ своему несчастію, послѣ пресѣченія династіи *Ягеллоновъ* (1572), дворянство, упорно отстаивавшее недостатки феодальнаго строя, сдѣлало корону избирательной, что положило начало внутреннимъ раздорамъ. Принужденные отступить передъ турками на югѣ, и передъ шведами на сѣверѣ, поляки должны были видѣть, какъ съуживались границы ихъ государства, которое, впрочемъ, въ началѣ XVIII в. было еще весьма обширно, опираясь о Карпаты на югѣ, граница Балтійскимъ моремъ на сѣверѣ, а на востокѣ переходя за Днѣпръ.

Паденіе, не останавливаясь, шло впередъ. Польское дворянство не могло слѣдовать движенію идей на Западѣ. Будучи блестящей конницей въ то время, когда въ битвахъ брала уже верхъ пѣхота, любя свободу до полнаго безначалія, между тѣмъ какъ сосѣдніе народы любили порядокъ, граничившій съ полнымъ подчиненіемъ, это дворянство, разрываемое внутренними раздорами, утратило свою свободу, гоняясь за привиллегіями, и подорвало свою народность неосуществимыми притязаніями. Всегда на конѣ, перемѣшивая вооруженныя столкновенія съ совѣщаніями, оно постановило правиломъ, что на сеймѣ, несогласіе одного представителя могло помѣшать общему рѣшенію (*liberum veto*), и что противники какого-либо закона, соединенные въ *конфедерацію*, могли противупоставить закону оружіе. Выборная монархія, окруженная монархіями наслѣдственными, чаще всего управлялась чужеземными государями, и Польша, отвергая, вслѣдствіе легкомысленной зависти, мѣстныхъ правителей, какъ бы отрѣшалась

отъ собственной національности. Кромѣ того, дворянство, увлекаясь свободой, ради нея самой, держало крестьянъ подъ ярмомъ тяжелаго рабства. Сосѣднія державы воспользовались этимъ раздробленіемъ на классы, имъ приходилось вести борьбу только съ дворянствомъ, которое одно обладало военной организаціей. Кромѣ того, поляки, какъ ярые католики, въ самый разгаръ XVIII в. сохраняли духъ нетерпимости, и ихъ религіозныя преслѣдованія грековъ и протестантовъ доставили государямъ Пруссіи и Россіи предлогъ для вмѣшательства. Это вмѣшательство привело къ троекратному раздѣлу королевства (1772, 1793 и 1795). Тѣмъ не менѣе, эта живая нація, приверженная къ своей религіи, своимъ нравамъ и языку, не поддается ни нѣмцамъ, ни русскимъ, и уже болѣе столѣтія упорно отстаиваетъ свое существованіе.

Польша погибла, главнымъ образомъ, вслѣдствіе развитія двухъ сосѣднихъ государствъ — *Пруссіи* и *Россіи*. Хотя первоначальное населеніе Пруссіи принадлежало славянскому племени, она выросла, главнымъ образомъ, благодаря германскому элементу. Имя ея происходитъ отъ *боруссовъ* и герцогства *Прусскаго*, включеннаго въ Польшу, но сила ея исходитъ отъ германскаго населенія, сдѣлавшаго плодородными пески *Бранденбурга*. Нѣмецкая династія *Гогенцоллерновъ* въ 1415 г. купила и подняла *Курфиршество Бранденбургское* до степени самаго значительнаго княжества Сѣверной Германіи. *Герцогство Прусское*, принадлежавшее тевтонскимъ рыцарямъ, было обращено изъ духовнаго въ свѣтское владѣніе младшимъ изъ Бранденбурговъ въ 1525 г. и въ 1618 г. присоединено къ курфиршеству. Гогенцоллерны завладѣвали всѣмъ, чѣмъ только могли и уже не выпускали изъ рукъ того, что имъ удавалось пріобрѣсти. Съ 1648 г. ихъ владѣнія были разсѣяны отъ береговъ Рейна до Нѣмана. Съ того времени они старались объединить ихъ, и въ 1701 г. курфистъ Фридрихъ III купилъ у германскаго императора титулъ *короля Пруссіи*, который былъ признанъ Европой въ 1713 г. [1]).

Фридрихъ-Вильгельмъ I, наслѣдникъ Фридриха I, понялъ, что его королевство, не имѣвшее ни единства, ни границъ, не можетъ держаться безъ хорошо организованной военной силы. Набирая людей высокаго роста, подчиняя ихъ узкой и мелочной дисциплинѣ, онъ достигъ въ военныхъ маневрахъ математической правильности, преобразивъ свои батальоны въ самодѣйствующія машины. Не обращая вниманія на вызывавшіяся этимъ насмѣшки, онъ создалъ армію и, вмѣстѣ съ тѣмъ, величіе Пруссіи. *Фридрихъ II* прославилъ ее своими побѣдами.

Одаренный рѣдкимъ геніемъ, этотъ искусный полководецъ усовершенствовалъ военное искусство и сопротивлялся Австріи, съ помощью союза съ Франціей, а затѣмъ въ союзѣ съ Англіей, боролся одновременно противъ Франціи, Австріи и Россіи. Двѣ великія войны: *война за наслѣдство австрійскаго престола* (1740—

[1]) Прусскіе государи: Фридрихъ I (какъ курфирстъ Фридрихъ I), король, 1701—1713; Фридрихъ-Вильгельмъ I, 1713—1740; Фридрихъ II, 1740—1786; Фридрихъ-Вильгельмъ II, 1786—1797; Фридрихъ-Вильгельмъ III, 1797—1840; Фридрихъ-Вильгельмъ IV, 1840—1861; Вильгельмъ I, 1861—1888.

1748) и *Семильтняя война* (1756—1763), доказали жизненность этого составного королевства, которое, будучи сперва разбросаннымъ по обширнымъ равнинамъ Сѣверной Германіи, образовало свой центръ въ долинѣ Одера покореніемъ Силезіи.

Фридрихъ II, столь же благоразумный администраторъ, какъ и полководецъ, заботился о развитіи земледѣлія, промышленности и торговли. Ему приходилось бороться со скудной почвой, на которой могла расти только береза и ель. Онъ создалъ плодородную почву въ Бранденбургѣ, заставляя сажать рѣпу, которую оставляли перегнивать въ землѣ, что образовало въ ней растительный слой. Въ горной Силезіи онъ учредилъ колоніи изъ нѣмцевъ и иностранцевъ, давая колонистамъ домъ, скотъ, хлѣвъ, житницу, садъ и отъ 12 до 20 десятинъ земли. Когда Пруссія получила свою долю Польши, въ малонаселенныя области Помераніи были переселены тысячи польскихъ семействъ.

Берлинъ, населеніе котораго въ XVII в. состояло всего изъ 6.000 жителей, своими первыми фабриками, въ царствованіе Великаго Курфирста [1]) обязанъ былъ французскимъ эмигрантамъ, принятымъ тамъ послѣ отмѣны Нантскаго эдикта. Фридрихъ II возстановилъ городъ изъ развалинъ послѣ *Семильтней войны* и сдѣлалъ изъ него одинъ изъ самыхъ важныхъ городовъ Германіи, въ то же время сохранивъ за нимъ характеръ военнаго города. Этотъ король, будучи врагомъ французской политики, тѣмъ не менѣе, любилъ геній, литературу и искусства Франціи; онъ былъ другомъ Вольтера, и наполнилъ Берлинъ не только казармами, но и коллегіями и академіями. Съ того времени, у этого еще грубоватаго народа любовь къ наукѣ сопровождала любовь къ военному дѣлу, та и другая, почти въ равной мѣрѣ, содѣйствовали удивительнымъ успѣхамъ Пруссіи.

Но еще болѣе быстрымъ и необычайнымъ было развитіе Русскаго государства. Русскіе, давно уже обращенные въ греческую вѣру и освободившіеся въ XV в. отъ ига монголовъ Золотой орды, были почти неизвѣстны въ Европѣ до XVII в. *Петръ Великій*, ознакомившись съ цивилизаціей Запада, насадилъ ее въ своемъ царствѣ, которое онъ распространилъ съ одной стороны, до Балтійскаго, а съ другой—до Чернаго моря, открывъ для него, такимъ образомъ, выходы и пути сообщенія съ остальной Европой. Онъ образовалъ армію, создалъ ее по образцу шведскихъ войскъ Карла XII, упорядочилъ дворянство, предпринялъ крупныя общественныя работы, учреждалъ фабрики и поощрялъ торговлю.

Съ рѣдкою проницательностью онъ основалъ столицу у Финскаго залива, на берегахъ Невы, въ мѣстности, подверженной въ теченіе пяти мѣсяцевъ суровому холоду, но лежащей въ сосѣдствѣ Балтійскаго моря и вблизи западныхъ державъ. Подобно Александру, заставлявшему выступать изъ земли цѣлые города, Петръ создалъ на льдахъ Невы свой городъ *Санктъ-Петербургъ*, первыя зданія котораго были построены на сваяхъ въ 1703 г. Домикъ, въ которомъ царь поселился, чтобы наблюдать за работами, вскорѣ

[1]) Фридрихъ-Вильгельмъ, Великій Курфирстъ (1640—1688).

оказался окруженнымъ великолѣпными дворцами и церквами. Городъ былъ приведенъ, посредствомъ Ладожскаго канала, въ сообщеніе съ великимъ Волжскимъ воднымъ путемъ, открывающимся въ сторону Азіи, и, въ то же время, первые русскіе корабли появились въ Балтійскомъ морѣ и въ другихъ европейскихъ моряхъ.

Передъ глазами Европы явилось рѣдкое зрѣлище цѣлой націи, получившей новый обликъ, благодаря одному человѣку, съ несокрушимымъ упорствомъ продолжавшимъ свое дѣло въ теченіе сорока трехъ лѣтъ. Петръ Великій обучался кораблестроенію въ Голландіи и не стѣснялся самъ работать топоромъ. Можно сказать, что онъ разомъ перенесъ съ Запада всѣ искусства въ свое государство, еще сохранявшее азіатскій характеръ.

Всѣ сословія государства, дворянство, мѣщанство и крестьянство, получили новый строй. Общественная администрація, полиція и военная организація были пересозданы по образцамъ шведскимъ, германскимъ и французскимъ. Петръ собиралъ около себя иностранцевъ, которые могли просвѣтить его и помочь ему. Онъ измѣнилъ нравы, обычаи и одежду своего народа, пріучалъ его силою къ вѣжливости и изяществу европейскихъ обычаевъ, приказывалъ устраивать собранія и предписывалъ устройство праздниковъ и маскарадовъ, заимствуя ихъ у западнаго общества.

Происходило нѣчто вродѣ быстрой смѣны театральныхъ декорацій: лѣса исчезали, уступая мѣсто обработаннымъ полямъ, болота осушались, теченія рѣкъ выравнивались, дороги, если не вездѣ пролагались, то, по крайней мѣрѣ, намѣчались; города украшались и оживлялись; открывались школы и коллегіи, основывались академіи. Русскіе, по крайней мѣрѣ, высшихъ классовъ, получали образованіе и усваивали затѣмъ всѣ сокровища древняго и новаго знанія. Имъ не было надобности ощупью искать истины: для нихъ было достаточно переводить на свой мягкій языкъ произведенія Запада. Путь прогресса, который Европа проходила въ теченіе тринадцати вѣковъ, Россія могла пройти въ нѣсколько лѣтъ, благодаря доступу къ новымъ идеямъ, открытому волей царя.

Екатерина II продолжала и подвинула еще далѣе эту преобразовательную работу, такъ же какъ она продолжала и расширила завоеванія Петра. Она раздѣлила свои увеличившіяся владѣнія на 50 губерній, основала около 200 городовъ, еще болѣе украсила Петербургъ и Москву, преобразовала судопроизводство и образованіе, по крайней мѣрѣ, среднее. Будучи поклонницей произведеній французскихъ писателей, Екатерина приглашала къ своему двору самыхъ выдающихся философовъ и французская литература сдѣлалась образцомъ, которому съ успѣхомъ подражали русскіе писатели. Нѣмка по рожденію и француженка по воспитанію, Екатерина умѣла, однако, быть русской. Она въ высшей степени обладала чувствомъ національнаго достоинства и въ ея царствованіе возникла настоящая русская литература.

Швеція, съ политической точки зрѣнія, все болѣе и болѣе приходившая въ упадокъ послѣ безумствъ Карла XII, оживилась въ царствованіе *Густава III* (1772—1792). Французское вліяніе,

замѣтное въ то время, привело къ значительному прогрессу: уничтоженію пытокъ, запрещенію нищенства, учрежденію домовъ трудолюбія, лучшему распредѣленію налоговъ, поощренію труда, промышленности и торговли, наукъ и литературы, и украшенію столицы *Стокгольма*. Всѣ эти улучшенія совершились по волѣ государя, который, вслѣдствіе государственнаго переворота 1772 г., достигъ неограниченной власти, оставивъ въ то же время въ силѣ старинную форму контроля штатовъ. Благодаря такому самовластію, бывшему, впрочемъ, вполнѣ разумнымъ, цивилизація въ Швеціи поднялась на столько высоко, на сколько это допускали тамошнее солнце и доступная для человѣка земля: эта цивилизація освѣщала почти обледѣнѣлыя полярныя области.

«Всего болѣе обновился Стокгольмъ; король прилагалъ старанія привлечь туда иностранныхъ ученыхъ и художниковъ. Была основана академія, состоявшая изъ восемнадцати членовъ, открытая въ 1786 г.; конкурсы и преміи, въ которыхъ Густавъ удостоивалъ принимать участіе, были установлены по образцу французской академіи. Труды великихъ людей Швеціи, изслѣдованія народнаго языка и переводы французскихъ образцовыхъ писателей стали появляться чаще и чаще. Французскій театръ при дворѣ давалъ лучшія французскія пьесы и подражанія имъ на шведскомъ языкѣ; Мурэ, г-жа Маркадэ и танцоръ Дидло входили въ составъ труппы. Густавъ поощрялъ своимъ присутствіемъ, похвалами и наградами представленія и репетиціи, онъ самъ руководилъ выборомъ пьесъ... Вмѣстѣ съ любовью къ театру, онъ внушилъ шведамъ и любовь къ оперѣ, маскарадамъ и турнирамъ; онъ требовалъ, чтобы присутствовавшіе тамъ дамы и вельможи были въ самыхъ роскошныхъ костюмахъ, парадныя одежды, какъ для мужчинъ такъ и для женщинъ, должны были быть голубыя шелковыя, подбитыя бѣлымъ атласомъ; самъ король носилъ фантастическій шелковый костюмъ пурпурнаго цвѣта роскошно вышитый золотомъ... Въ 1776 г. было истрачено 50.000 экю на одинъ турниръ. Густавъ, въ костюмѣ иностраннаго рыцаря, сражался самъ, чтобы подтвердить, что «любовь съ большею силой и постоянствомъ царитъ въ тѣхъ сердцахъ, которыми она овладѣваетъ позднѣе». Не одинъ Стокгольмъ пріобрѣлъ въ Швеціи новую жизнь, Густавъ пишетъ въ 1784 г.: «Я очарованъ Готенбургомъ; я думалъ, что тамъ я еще въ чужой странѣ; театръ, костюмированные балы, концерты, многолюдныя собранія,—все это дѣлало мою жизнь столь же дѣятельной, какъ въ Парижѣ». На слѣдующій годъ онъ пишетъ: «*Энеиду* Виргилія, томъ сочиненій Мольера, содержащій описаніе Версальскихъ празднествъ, произведеніе о. Менетріе о бояхъ на копьяхъ, и каруселяхъ, *Освобожденный Іерусалимъ*, *Аріостъ* и *Умъ знаменитыхъ женщинъ*... привезите мнѣ эти книги въ Финляндію. Вы видите, что дѣло идетъ о проектѣ турниров» [1]).

Туманы, окутывавшіе Данію, также не помѣшали проявленію жизни въ городахъ Ютландіи, въ особенности, на островѣ Зеландіи. *Копенгагенъ*, который, какъ столица, возникъ лишь въ

[1]) Geffray, *Histoire des Etats scandinaves*.

XV в., а въ 1728 г. былъ почти уничтоженъ пожаромъ, возродился изъ пепла, обстроился изъ камня, и сталъ похожимъ на нѣмецкіе города, съ обширными зданіями и учеными академіями. Онъ былъ уже тѣмъ, чѣмъ и остался—столицей науки на сѣверѣ.

Министръ *Бернсторфъ* въ царствованіе Фридриха V, нѣмецъ Струэнзе, при Христіанѣ VII, затѣмъ, племянникъ великаго Бернсторфа, *Андрей*, трудились надъ извлеченіемъ пользы для Даніи изъ умственнаго движенія Франціи: повинности для двора были уменьшены, уничтожена барщина, измѣнено законодательство, введена вѣротерпимость, улучшились финансы и судебные уставы. Наканунѣ 1789 г., постановленіе отъ 20 іюня 1788 г. уничтожило послѣднюю связь, прикрѣплявшую крестьянина къ землѣ. Крѣпостничество исчезало.

Въ центрѣ Европы Австрія, казавшаяся обреченной на неподвижность, была вновь призвана къ жизни *Іосифомъ II*, государемъ, который также стоялъ посреди своего народа и, въ болѣе мягкой формѣ, подражалъ Петру Великому и Фридриху II. Любившій простоту, врагъ всякой пышности, Іосифъ II (1765 — 1790) уменьшилъ роскошь при своемъ дворѣ, обложилъ повинностями земли дворянства и духовенства для облегченія сельскихъ сословій, уничтожилъ множество судебныхъ и феодальныхъ должностей, личное рабство, исключительное право охоты и барщину. Онъ былъ предшественникомъ французскаго учредительнаго и законодательнаго собраній, ограничивъ права духовныхъ орденовъ, сдѣлавшихся слишкомъ многочисленными. Онъ хотѣлъ даже преобразовать церковь, и, можно сказать, въ его царствованіе Австрія отдѣлилась отъ католицизма, не впадая, однако, въ протестантизмъ. Земледѣліе, промышленность и торговля получили сильный толчекъ при Іосифѣ II, который не боялся самъ браться за плугъ. Благодаря ему, богатства Австріи развились и, одновременно съ тѣмъ, повсюду открывались школы, пріюты и больницы. Іосифъ II поощрялъ литературу и покровительствовалъ художникамъ: онъ съумѣлъ такъ привязать къ себѣ *Моцарта*, что великій музыкантъ, не смотря на самыя блестящія предложенія другихъ государей, отказался покинуть его дворъ [1]).

Но власть Іосифа II не распространялась въ такой же степени на Германію, хотя онъ и былъ ея императоромъ. Германія оставалась раздѣленной на триста княжествъ, составлявшихъ священную римскую имперію, которая, по остроумному замѣчанію Вольтера, не была ни священной, ни римской, ни имперіей. Курфирсты приравнивали себя къ королямъ и, въ большинствѣ, были королями. Три духовныхъ курфирста или избирателя, архіепископы Майнцскій, Трирскій и Кельнскій, владѣли всей нижней долиной Мозеля и одною изъ лучшихъ частей Рейнской долины. Хотя послѣдствіемъ войнъ реформаціи было обращеніе духовныхъ власти-

[1]) *Австрійскіе государи съ XVII вѣка*: Іосифъ I, 1705—1711; Карлъ II, 1711—1740; Марія-Терезія и Францъ I Лотарингскій, 1740—1765; Іосифъ II, 1765 — 1790; Леопольдъ II, 1790—1792, Францъ II, 1792—1806, сдѣлавшійся въ 1806 г. Францомъ I. императоромъ австрійскимъ, 1806—1835; Фердинандъ I, 1835—1848; Францъ-Іосифъ I, съ 1848 г.

телей въ свѣтскіе, но многіе изъ первыхъ сохраняли еще видныя положенія. На ряду съ епископами—князьями стояли герцоги, ландграфы, маркграфы и имперскіе города. За государствами, имѣвшими извѣстное значеніе, тѣснились княжества миніатюрныя до смѣшнаго, герцогства, какъ говорилось тогда, «въ 12-ю долю», владѣнія 800 или 900 рыцарей, которые, распоряжаясь однимъ мѣстечкамъ или деревней, тѣмъ не менѣе, считали себя самодержавными правителями.

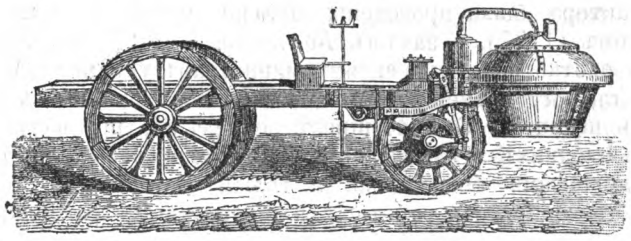
Стѣсненія торговли, множество таможенъ и пошлинъ, монополіи, всевозможныя привилегіи, барщина и раззорительныя повинности, тяготѣвшія на земледѣльцахъ, феодальное крѣпостничество, жестокость уголовныхъ законовъ, нетерпимость протестантовъ, преслѣдовавшихъ католиковъ, и католиковъ, преслѣдовавшихъ протестантовъ, строгости по отношенію къ евреямъ, къ книгамъ, которыя еще сжигались рукою палача; однимъ словомъ, тамъ встрѣчались всѣ бѣдствія и злоупотребленія, накопленныя вѣками всевозможныхъ притѣсненій. Большинство нѣмецкихъ властителей, въ особенности самые мелкіе, стремились подражать Людовику XIV. Ландграфъ Гессенъ-Кассельскій продавалъ своихъ подданныхъ и въ одинъ только годъ (1775) доставилъ Англіи 12.800 человѣкъ, которые должны были драться противъ американцевъ.

Впрочемъ, многочисленность мелкихъ государствъ, благопріятствуя мѣстной тираніи, худшей изъ всѣхъ, отъ времени до времени, была благопріятна и свободѣ. Писатель, изгнанный изъ одного герцогства, переселялся въ другое. Шиллеръ, преслѣдуемый герцогомъ Виртембергскимъ, спокойно могъ давать въ Мангеймѣ пьесу, въ которой бичевалъ правителей, торговавшихъ людьми. Примѣръ, поданный большими государствами, вызвалъ удачныя подражанія въ Баденѣ, даже въ Виртембергѣ. Веймарскій дворъ (Саксенъ-Веймаръ-Эйзенахскій) сіялъ яркимъ блескомъ; въ качествѣ литературнаго центра, онъ сосредотачивалъ великихъ писателей того времени. Въ *Генскомъ университетѣ* насчитывалось до 800 студентовъ. *Академія наукъ въ Мюнхенѣ* ведетъ свое начало съ 1758 г. Нѣмецкіе писатели увлекались Руссо и Монтескьё и англійскимъ экономистомъ Адамомъ Смитомъ; журналы преслѣдовали имперскихъ рыцарей и повсюду чувствовалась необходимость эдиктовъ вѣротерпимости, установленія законодательства, политическихъ и административныхъ преобразованій.

Духъ реформы чувствовался повсюду. Въ Португаліи, маркизъ *Помбаль*, министръ короля Іосифа I съ 1750 до 1777 г., котораго португальцы называли «великимъ маркизомъ» (*ô gram marquez*), обнаружилъ рѣдкую опредѣленность ума, соединенную съ твердостью, которую сравнивали съ такимъ же качествомъ кардинала Ришельё. Благодаря благоразумнымъ мѣрамъ Помбаля, земледѣліе и промышленность, пришедшія въ состояніе глубокаго упадка, поднялись снова, торговля оживилась и могла выдерживать англійскую конкурренцію, столь тяжелую со времени трактата сэра Метуана. Гранды составили заговоръ противъ него; онъ навелъ на нихъ ужасъ казнями; онъ заставилъ трепетать и всемогущее духовенство изгнаніемъ дѣятельнаго и честолюбиваго ордена іезуи-

товъ (1750). Это изгнаніе послужило примѣромъ, которому вскорѣ послѣдовали Испанія, Франція и другія страны Европы. Помбаль преобразовалъ обученіе и уменьшилъ власть суда инквизиціи; онъ уничтожилъ различіе между «старыми» и «новыми христіанами», чтобы португальцы, «дѣти одной церкви», всѣ могли быть братьями между собой. Онъ поощрялъ книгопечатаніе и переводы лучшихъ французскихъ книгъ, создалъ королевскую коллегію для дворянъ, учреждалъ низшія и профессіональныя школы для народа, гдѣ обученіе было безплатнымъ. Никогда, быть можетъ, столько просвѣтительныхъ стараній не прилагались при помощи такой неограниченной власти. Философъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, деспотъ, Помбаль поощрялъ только тѣ нововведенія, которыя были удобны для него; онъ подвергалъ цензурѣ всѣ книги, и нѣкоторыя даже сжигалъ; онъ старался уменьшить число привилегій и улучшить положеніе народа, но королевскую власть защищалъ съ гораздо большей энергіей, чѣмъ самого себя.

Испанія была выведена изъ своей летаргіи французской династіей Бурбоновъ, Филиппомъ V, Фердинандомъ VI и Карломъ III [1]).



Паровая повозка Іосифа Кюньо (1770 г.).

Внукъ Людовика XIV получилъ королевство, почти опустѣвшее, едва насчитывавшее семь милліоновъ жителей, тогда какъ въ средніе вѣка на Пиренейскомъ полуостровѣ было 21.000.000 обитателей. Отсутствіе дорогъ дѣлало Испанію похожей на дикую страну; по Кастиліи съ трудомъ можно было проѣхать верхомъ на мулѣ. Болѣе 25 милліоновъ десятинъ земли оставались необработанными въ прекрасномъ климатѣ и были запущены подъ простыя пастбища; горы были обезлѣсены и пустынны; богатая промышленность Севильи, Сеговіи, Кордовы и Валенсіи была почти раззорена и казна Испаніи была одною изъ самыхъ скудныхъ въ Европѣ, хотя ежегодно цѣлый флотъ привозилъ добычу рудниковъ Мексики и Перу.

Итальянецъ *Альберони*, бывшій сперва первымъ министромъ Филиппа V, растратилъ на внѣшнюю политику небольшія средства, остававшіяся въ королевствѣ, и мечталъ играть господствующую роль въ Европѣ при полномъ раззореніи своего государства. Впрочемъ, онъ пытался осуществить нѣкоторыя полезныя внутрен-

[1]) Филиппъ V (1701—1746), Фердинандъ VI (1746—1759); Карлъ III (1759—1788).

нія преобразованія, возстановилъ дисциплину въ арміи, оживилъ мореходство, основалъ королевскую мануфактуру въ Гвадалахарѣ, для которой выписалъ пятьсотъ семействъ изъ Голландіи. Если литература и искусства не имѣли уже великихъ именъ, онѣ все-таки находились въ почетѣ: *королевская академія изящныхъ искуствъ, языка* и *исторіи* въ Мадридѣ основана была въ царствованіе Филиппа V. Мудрое правленіе Фердинанда VI, его поощреніе земледѣлію и забота, съ какою онъ приводилъ въ порядокъ финансы, вывели Испанію на правильный путь, по которому она быстро пошла при Карлѣ III. *Графъ д'Аранда* (1766) боролся, главнымъ образомъ, съ знаменитымъ обществомъ іезуитовъ, кидавшемъ тѣнь на всѣ правительства; будучи изгнано изъ Португаліи въ 1759 г., изъ Франціи въ 1762 г., оно было выгнано изъ Испаніи въ 1767 г., съ большимъ насиліемъ, чѣмъ изъ другихъ странъ. Аранда, несмотря на сопротивленіе св. престола, уничтожилъ право убѣжища въ церквахъ для преступниковъ и вступилъ въ борьбу съ судомъ инквизиціи, все еще всемогущимъ, желая ограничить его юрисдикцію; эта смѣлая попытка повлекла за собою паденіе Аранды; но другія предпринятыя имъ реформы, чисто матеріальнаго характера, были проведены дальше *Флоридою Бланка*, его соперникомъ (1777), а затѣмъ *Кампоманèсомъ* (1788). Карлъ II, особенно охотно помогалъ своимъ министрамъ украшать Мадридъ который съ того времени сталъ освѣщаться по ночамъ и былъ снабженъ полиціей. Онъ поощрялъ земледѣліе, призвалъ восемь тысячъ нѣмецкихъ земледѣльцевъ въ Сіерру-Леоне, велѣлъ засадить деревьями безплодныя и голыя плоскогорья Ламанча, Кастиліи, возобновилъ работы для проведенія Араганскаго канала, учредилъ полотняную фабрику въ королевской резиденціи Санъ-Ильдефонсѣ и поднялъ производство холоднаго оружія въ Толедо.

При всѣхъ этихъ реформахъ Кампоманесъ и Флорида Бланка вовсе не думали объ ограниченіи королевской власти, и власть эта продолжала считаться священною, хотя испанцы и сожалѣли о свободѣ старинныхъ представительныхъ собраній и были горячо привязаны къ *фуэросамъ* своихъ провинцій. Несмотря на прогрессивное движеніе въ XVIII вѣкѣ, Испанія была одною изъ наиболѣ отсталыхъ странъ. Населеніе ея увеличилось лишь до 11 милліоновъ; въ оффиціальныхъ отчетахъ показывалась 1.511 покинутыхъ городовъ и деревень. Промышленность, стѣсненная множествомъ тягостныхъ повинностей и монополіей фабрикъ, не могла подниматься естественнымъ путемъ. Промышленное населеніе не превышало 150.000 человѣкъ. Въ 1789 г. было установлено, что Испанія, снабжавшая другія страны драгоцѣнными металлами, сама имѣла наименьшее количество звонкой монеты изъ всѣхъ государствъ Европы. Образованіе, распространенное среди высшихъ классовъ (въ странѣ насчитывалось до 23 университетовъ), не проникало въ низшіе классы. Издательство книгъ находилось подъ строгимъ надзоромъ, и министры, примѣнявшіе въ своемъ управленіи французскія идеи, запрещали печатаніе даже научныхъ трудовъ, распространенныхъ во Франціи и Англіи.

Въ XVIII в. Италія, все еще раздѣленная, была подчинена

Австріи и Испаніи. Страна, господствовавшая надъ міромъ въ древности и просвѣщавшая его въ началѣ новыхъ вѣковъ, казалась вычеркнутою изъ числа націй. Но это была лишь призрачная смерть. Итальянскій духъ оживалъ подъ вѣяніемъ французскихъ идей. Учителя должны были возродиться съ помощью своихъ учениковъ.

Хотя Миланская область и принадлежала Австріи, государемъ послѣдней былъ Іосифъ II, а его министромъ въ Миланѣ былъ *Фирміанъ*, человѣкъ, воспитанный въ духѣ французской философіи. Фирміанъ поощрялъ науки, учредилъ каѳедру политической экономіи и покровительствовалъ университету въ Павіи, который долженъ былъ прославить физикъ Вольта. Австрія господствовала и въ Тосканѣ, въ лицѣ одного изъ потомковъ принцевъ Лотарингскихъ, великаго герцога *Леопольда I*, но Леопольдъ примѣнялъ на практикѣ французскія идеи, вводя преобразованія въ обученіи, правосудіи, законодательствѣ и администраціи. Университеты въ Пизѣ и Сіеннѣ процвѣли вновь. Не опасаясь за свою власть, находившуюся подъ покровительствомъ великихъ державъ, Леопольдъ уничтожилъ армію и сдѣлалъ изъ Флоренціи нѣчто вродѣ Саленто, гдѣ болѣе всего предались утонченнымъ наслажденіямъ.

Испанскіе принцы, властвовавшіе надъ *Неаполитанскимъ* королевствомъ, герцогствами Пармскимъ и Піаченцей, были Бурбоны, потомки Людовика XIV. Французъ *Дютильюа* правилъ отъ имени дона-Филиппа герцогствами Пармой и Піаченцей и, въ малыхъ размѣрахъ, воспроизводилъ реформы настоящихъ государствъ. Неаполитанское королевство управлялось Карломъ IV, вступившимъ на испанскій престолъ подъ именемъ Карла III и передавшимъ свою власть въ Неаполѣ либеральному министру *Тануччи*. Этотъ послѣдній сохранилъ свою власть и при Фердинандѣ IV и во время своего правленія, продолжавшагося сорокъ два года (1735—1777), произвелъ множество улучшеній. *Неаполь* видѣлъ, какъ въ его нѣдрахъ возникло свободное и серьезное образованіе, въ 1751 г. университетъ его обогатился каѳедрой политической экономіи, подобно тому, какъ въ Миланѣ Фирміанъ основалъ ее для Беккаріа. Неаполитанскіе, такъ же какъ и миланскіе, писатели выражали философскія идеи XVIII в. съ живостью, свойственной ихъ языку и странѣ. Они говорили о правосудіи, правдѣ, гуманности и свободѣ въ странѣ, гдѣ управленіе было деспотическимъ, гдѣ существовала пытка, гдѣ устарѣлое законодательство и всевозможныя злоупотребленія заграждали путь для новой цивилизаціи.

Старая форма правленія поддерживалась съ еще большимъ упорствомъ въ независимыхъ, чисто итальянскихъ государствахъ; это было Піемонтъ, правительство св. престола и республики. *Венеція* заботилась исключительно о выгодахъ своей торговли, которая, впрочемъ, склонилась къ упадку съ того времени, какъ открытіе Новаго Свѣта измѣнило торговые пути. Въ Римѣ, папскій престолъ занимали просвѣщенные люди и искусные политики: Бенедиктъ XIV, Климентъ XIII, Климентъ XIV и Пій VI; но при

всей щедрости, съ какою они покровительствовали литературѣ и наукамъ, они не могли поощрять развитія новыхъ идей, стремившихся подорвать могущество церкви и религіи. *Пьемонтъ*, поднявшійся на ступень монархіи съ тѣхъ поръ, какъ герцогъ Савойскій добился титула сперва короля *Обоихъ Сицилій* (1713), а затѣмъ *Сардинскаго короля* (1720), когда у него отняли Сицилію, еще ничѣмъ не обнаруживалъ предстоявшаго ему высокаго назначенія. *Викторъ-Амедей II* и *Карлъ-Эммануилъ* старались лишь лавировать между Австріей и Франціей, становясь на сторону болѣе сильнаго и пріобрѣтать отъ той и отъ другой стороны. Что касается внутренней политики, она была по прежнему деспотической. Свобода была тамъ стѣснена до такой степени, что поэтъ *Альфіери*, ощутивъ въ себѣ пламень генія, не могъ дать выхода своему вдохновенію и покинулъ страну, гдѣ, какъ онъ говорилъ, «маленькій король маленькаго государства вмѣшивался въ мелкіе дѣла каждой семьи».

Прекрасной картиной, какую рисуетъ Монтескьё, говоря о римской цезарской власти, которая, «какъ рѣка, поднялась незамѣтно при Августѣ, а при Тиверіи яростно разрушила всѣ плотины», можно воспользоваться, чтобы дать себѣ отчетъ въ работѣ, совершившейся въ новѣйшія времена. Потоки идей, сперва слабые, образовались въ XV и XVI вѣкахъ; они несли общество къ *политическому порядку*, *матеріальнымъ улучшеніямъ*, *религіозной свободѣ и умственной независимости*. Мы видѣли, какъ эти потоки увеличивались въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Они высоко поднимались въ XVIII в., такъ какъ одинъ изъ нихъ, задержанный скалами, заграждалъ путь другимъ. Феодализмъ, давно уже подкопанный, приниженный и размытый медленнымъ дѣйствіемъ различныхъ теченій, обрушивавшихся на него въ теченіе трехъ вѣковъ, все еще представлялъ скалу, глубоко внѣдрившуюся въ почву. Понадобилось могучее усиліе, непреодолимый натискъ всѣхъ потоковъ, соединенныхъ въ одну громадную волну, чтобы сдвинуть этотъ камень, неподвижно лежавшій въ теченіе двѣнадцати вѣковъ, и далеко разбросать его обломки. Этой волной была французская революція 1789 г.

Людовикъ XVI, воцарившійся въ 1774 году, быть можетъ, предупредилъ бы бурю, если бы настойчиво держался благоразумныхъ усилій, какія онъ проявилъ въ началѣ своего царствованія (1774—1776) въ примѣненіи реформъ *Мальзерба* и *Тюрго*. Къ несчастію, онъ позволилъ увлечь себя жалобами лицъ, заинтересованныхъ въ сохраненіи привилегій, которыя привели его къ такому упорному сопротивленію, на какое онъ даже не былъ способенъ, такъ какъ не въ силахъ былъ его выдержать, являясь попеременно то слабымъ, то жестокимъ, пока не палъ жертвою своихъ колебаній, не умѣя ни вести, ни ограничить движеніе, которое погубило его, вмѣстѣ со всѣмъ старымъ обществомъ.

Администрація, хотя и восходившая въ своихъ основахъ къ римскимъ традиціямъ, была организована съ феодальной непослѣдовательностью. *Интенданты* изъ средняго сословія преклонялись передъ *губернаторами* провинцій, важными сановниками, власть которыхъ

они должны были ограничивать. Впрочемъ, вѣдомства были перепутаны между собою, такъ же какъ и подсудность, власти смѣшивались, какъ и административныя дѣленія: 33 *интендантства* сливались съ 34 финансовыми округами [1]) и переплетались между собою въ 32 военныхъ управленіяхъ и различныхъ подраздѣленіяхъ *церковныхъ*, *судебныхъ* и проч., не совпадавшихъ другъ съ другомъ. Кромѣ того, герцогства, графства и баронства продолжали существовать и королевскіе чиновники сталкивались тамъ съ должностными лицами сеньёровъ.

Правосудіе управлялось еще *личнымъ* началомъ, столь дорогимъ для германцевъ. Судопроизводствъ было столько же, сколько и привилегированныхъ лицъ: судилища *коннетаблей*, *адмираловъ*, *маршаловъ*, *водъ* и *лѣсовъ*, *университета*, *финансоваго вѣдомства* и *духовныхъ лицъ* поддерживались наряду съ королевскимъ судопроизводствомъ, отправлявшимся судами *прево* и *бальи*, *окружными* судами и *парламентами*, не говоря уже о тысячахъ еще дѣйствовавшихъ частныхъ судовъ сеньёровъ. *Продажность должностей* смѣшивала понятіе о долгѣ и власти съ понятіемъ собственности. Римское право заглушило принципы свободы и отдавало подсудимаго, безъ защиты, въ распоряженіе судей. Несправедливость существовала въ самомъ судопроизводствѣ, происходившемъ не гласно; Людовикъ XVI успѣлъ только уничтожить пытку. Уголовная кара измѣнялась, смотря по лицамъ; казни были многочисленны и жестоки: наказаніе *плетьми*, *клейменіе*, *отрѣзываніе кисти руки*, *отрѣзываніе или прокалываніе языка*, *колесованіе* и т. д.

Общественная казна не отдѣлялась отъ королевской, такъ какъ король отождествлялся съ государствомъ. Государственные расходы составляли тайну короля, и Неккеръ, въ 1781 г. впалъ въ немилость за то, что въ своемъ отчетѣ представилъ общественному мнѣнію бюджетъ, который могъ быть извѣстенъ лишь одному Людовику XVI. Король не имѣлъ надобности оправдывать свои требованія наличными деньгами, вслѣдствіе чего въ его распоряженіе поступали часто значительныя суммы и нарушался бюджетъ, какъ бы онъ ни былъ правильно установленъ.

Налогъ оставался феодальной казенной податью или, скорѣе, крестьянской повинностью, такъ какъ дворяне были изъяты отъ него. Хотя постоянно возраставшая потребность въ деньгахъ, для дорого стоившей администраціи, принудила короля прибѣгнуть къ пошлинамъ, соляной и подушной подати, обязательной для всѣхъ, они взимались съ дворянства косвенными путями, чтобы не оскорбить его гордость. Не зная положенія дѣлъ, власть не задумывалась надъ вопросомъ—не истощаетъ ли она источникъ общественнаго богатства неправильно установленными налогами, и, заботясь лишь о приливѣ денегъ, спокойно предоставляла цѣлому множеству сборщиковъ податей обогащаться на счетъ правительства и народа.

---

[1]) Цифры не вполнѣ согласованы, такъ какъ эти числа измѣнялись и часто обозначенія принимались одно вмѣсто другого.

Хотя *армія* и была организована согласно потребностямъ новѣйшаго военнаго дѣла, но она все еще держалась на феодальной основѣ. Дворяне, конечно, не приводили уже болѣе своихъ вассаловъ, и въ послѣдніе годы царствованія Людовика XVI созывъ *народнаго ополченія* казался забавнымъ. Но вмѣсто вассаловъ, дворяне приводили солдатъ ими же навербованныхъ и полки составляли собственность, завѣщавшуюся вмѣстѣ съ замкомъ дѣтямъ, даже находившимся еще въ колыбели. Дворянство было обязано военной службой; взамѣнъ того, за нимъ сохранялась *монополія чиновъ*. Реформы Лувуа и его преемниковъ заставили офицеровъ работать и точно выполнять свои обязанности, не затрогивая привиллегій, присущихъ ихъ кастѣ; эти послѣднія не менѣе ревностно оберегались офицерами королевскаго флота, или *бѣлаго флага*, презрительно относившимися къ офицерамъ *голубого флага*, или торговаго флота.

Церковь, демократическія основы которой должны были бы предохранять ее отъ феодальной испорченности въ средніе вѣка, соблазнилась приманкою богатыхъ бенефицій: она организовалась по образцу свѣтскаго общества и также крѣпко держалась за свои привилегіи, обезпечивавшія ей значительную власть. Епископства оставались *бенефаціями*, такъ же и аббатства: въ XVIII вѣкѣ можно было еще видѣть сановниковъ церкви, осыпаемыхъ насмѣшками за ихъ образъ жизни, но мало заботившихся объ этихъ порицаніяхъ, пока имъ оставалась возможность тратить на свои удовольствія доходы, предназначенные для облегченія бѣдныхъ. Высшее духовенство, набиравшееся изъ знатнаго дворянства, соперничало съ нимъ въ роскоши, между тѣмъ, какъ низшее духовенство, вышедшее изъ народной среды, прозябало въ деревняхъ, едва находя средства къ существованію. Духовенство отстаивало и свое особое судопроизводство, свои *десятыя части дохода*, свою свободу отъ повинностей и ограничивало свое участіе въ общественныхъ обязанностяхъ *добровольными пожертвованіями*, измѣнявшимися сообразно времени. Пышность нѣкоторыхъ прелатовъ, легкомысліе придворныхъ и салонныхъ аббатствъ, принесли въ XVIII в. много вреда церкви и религіи. Вина такого порядка вещей также должна быть приписана феодализму.

Блестящая толпа свѣтскихъ и духовныхъ вельможъ, пожалованныхъ во дворянство судей, военныхъ, гордившихся болѣе своимъ происхожденіемъ, чѣмъ храбростью, отстаивала, впрочемъ, не столько свои почетныя привилегіи, сколько безчисленныя права, какими она пользовалась въ своихъ помѣстьяхъ.

Раздѣленіе собственности началось, конечно, гораздо ранѣе 1789 г., но мелкая собственность не могла приносить пользы, такъ какъ была подавлена *феодальными правами*. *Барщина* и *поборы*, *земельная подать* и всевозможные оброки, *часть жатвы*, *часть сбора винограда*, *взносъ при смерти владѣльца земли*, злоупотребленіе *правами охоты*, *голубятень*, *помѣщичье право* и пр.,— все это подрывало трудъ крестьянина. Справедливо говорили, что революція повела не столько къ раздору, сколько къ освобожденію земли.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ".

Августъ 1896 г.

Содержаніе. Беллетристика.—Публицистика.—Русская исторія.—Юридическія науки.—Антропологія.—Естествознаніе.—Новости иностранной литературы.—Новыя книги, поступившія въ редакцію.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

«Древнегреческіе поэты». — «Избранныя эпиграммы греческой антологіи.— *А. Тамбовскій.*—«Анакреонъ».

Древнегреческіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ, составилъ В. Алексѣевъ. Спб. Изд. А. С. Суворина. 1895 г. Ц. 3 р. (Стр. XXV+981). — Четверть вѣка исполнится осенью 1896 года, какъ у насъ съ 1871 года насажденъ особый специфическій, чешско-русскій грамматическій классицизмъ. Результаты не оправдали надеждъ. Опустѣли, и всегда не многочисленные у насъ, филологическіе факультаты; за цѣлыхъ четверть вѣка не появилось ни одного виднаго и живого ученаго въ области классическаго міра, и греки и римляне, со всей ихъ литературой, стали мало-по-малу забываться основательно, и прежде-то мало извѣстные обществу за недостаткомъ порядочныхъ и, болѣе или менѣе, полныхъ переводовъ. На сколько такое упраздненіе классическаго міра, всюду и всегда служащаго основою гуманитарнаго, литературнаго образованія, оказалось полезнымъ для нашего молодого общества, говорить не будемъ; но нельзя не признать, что всеобщій у насъ упадокъ литературнаго вкуса, поиски за новизной и оригинальничаніе у вычурныхъ юныхъ декадентовъ въ значительной мѣрѣ находятся въ связи съ русскимъ новымъ псевдо-классицизмомъ, воспитавшимъ въ стѣнахъ гимназій юныхъ поэтовъ, и не подозрѣвающихъ, чѣмъ была и есть для человѣчества, особенно для искусства, греческая и, отчасти, римская поэзія золотого вѣка и мощная здоровая сатира Ювенала. Но правда, вѣчная и незыблемая, все же не можетъ погибнуть, и раньше или позже скажется. Даже среди этихъ неудачныхъ питомцевъ классицизма нашлось нѣсколько талантливыхъ людей, которые, разумѣя важность для насъ знакомства съ литературой классической путемъ хорошихъ переводовъ, стали ознакомливать насъ съ греко-римской литературой. Однимъ изъ первыхъ переводчиковъ долженъ быть названъ поэтъ, даровитый и образованный г. Мережковскій, переведшій стихами Прометея Эсхила и Антигону Софокла, и не можемъ не пожелать, чтобы переводчикъ на этомъ не остановился, и, вмѣсто часто вялыхъ и вычурныхъ упражненій оригинальной музы, занялся основательно переводами трагиковъ и лириковъ. За

Мережковскимъ выступилъ въ 1896 г., съ своимъ переводомъ всей Иліады, другой поэтъ, весьма даровитый г. Минскій, и читатель видѣлъ, съ какой радостью привѣтствовали мы въ № 5-мъ нашего журнала этотъ почтенный, кропотливый, трудъ, давшій возможность, при существованіи перевода Жуковскаго Одиссеи, познакомиться со всѣмъ Гомеромъ въ болѣе доступной и простой формѣ. Но болѣе всего для ознакомленія съ древней литературой посредствомъ русскихъ переводовъ сдѣлалъ Г. В. Алексѣевъ, добросовѣстно и съ любовью успѣвшій въ какихъ-нибудь десять, много пятнадцать лѣтъ перевести и издать въ дешевыхъ, всѣмъ доступныхъ, изданіяхъ цѣлую *Библіотеку римскихъ и греческихъ классиковъ* (вышли: Овидій, Цицеронъ, Теофрастъ, Эпиктетъ, Ѳукидидъ, Кебетъ, Антонинъ, Сенека, Лукіанъ); въ *Дешевой же Библіотекѣ* г. Суворина вышли и переводы восьми трагедій Еврипида, Прометей Эсхила, въ девяти томахъ (25 выпусковъ) весь Плутархъ и мн. друг. Теперь выпущенъ тѣмъ же г. Алексѣевымъ цѣлый громадный томъ толково составленной хрестоматіи, представляющей въ общей картинѣ всю греческую поэзію въ наиболѣе яркихъ, прекрасныхъ и гуманныхъ ея выраженіяхъ. Если не ошибаемся, образцомъ для составителя послужила прекрасныя книги покойнаго Гербеля, къ сожалѣнію, вышедшія изъ продажи и почему-то не переиздаваемыя, «Англійскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ» и «Нѣмецкіе поэты» (имъ же изданы «Славянскіе» и «Русскіе поэты») точно также дающія возможность ознакомиться въ хронологическомъ порядкѣ съ цѣлой поэтической литературой страны, освѣщенной составителемъ общей вступительной статьей и отдѣльной біографіей передъ каждымъ авторомъ. Сборникъ г. Алексѣева начинается точно также очеркомъ «Древнегреческая поэзія» (XXV стр.), сжато и толково, хотя немножко сухо, дающимъ обзоръ хода исторіи этой поэзіи, эпоса, лирики и драмы, до эпохи ея упадка. Сборникъ начинается нѣсколькими вступительными словами объ антологіи, за которыми слѣдуютъ, въ лучшихъ переводахъ русскихъ поэтовъ, характерные образцы этой легкой поэзіи разныхъ вѣковъ, выбранные изъ 29 авторовъ. Затѣмъ предлагается небольшой очеркъ о Гомерѣ съ снимкомъ съ его античнаго бюста, составляющій какъ бы вступленіе въ чтеніе великихъ поэмъ, изъ которыхъ взято семь отрывковъ изъ Иліады въ пер. Гнѣдича и шесть изъ Одиссеи пер. Жуковскаго, за которыми слѣдуетъ шуточная поэма «Война мышей и лягушекъ» въ стихотворномъ переводѣ Н. Христофорова и пять *гимновъ* въ переводѣ извѣстнаго знатока греческой поэзіи Д. П. Шестакова. За статейкой о Гезіодѣ, съ его изображеніемъ, идутъ отрывки изъ его поэмъ *Работы и дни* и *Теогонія*. За отрывками изъ Тиртея идутъ Сафо, Алкей, Солонъ, Анакреонъ и Пиндаръ. Наибольшое мѣсто въ книгѣ (почти три четверти) отведено, какъ и слѣдовало, драмѣ, достигшей у грековъ такого высокаго развитія. Она представлена очень полно въ отрывкахъ изъ шести трагедій Эсхила (всѣ, кромѣ Данаидъ), всѣхъ семи—Софокла (отрывки всѣхъ лучшихъ сценъ изъ *Аякса-Биченосца*, названнаго здѣсь *Эантомъ*, переведены въ первый разъ

стихами для этого изданія) и въ хорошемъ выборѣ изъ тринадцати трагедій Эврипида, которому предшествуетъ, сравнительно съ другими двумя трагиками, еще болѣе подробное вступленіе, сопровождаемое, какъ и другихъ трагиковъ, хорошими снимками съ бюстовъ. Обширный выборъ изъ этого драматурга, имѣвшаго такое большое вліяніе на позднѣйшую драму (Шекспиръ, Расинъ), особенно интересенъ для насъ, у которыхъ Эврипидъ извѣстенъ гораздо менѣе Софокла и Эсхила. Книга заключается обширнымъ выборомъ изъ Аристофана (189 стр.), представленнаго очень полно въ большихъ отрывкахъ изъ семи комедій. Принимая во вниманіе, что къ этому, первому у насъ по полнотѣ и разнообразію, сборнику составитель присоединилъ еще и полную библіографію всѣхъ русскихъ переводовъ приводимыхъ поэтовъ, нельзя не признать всей цѣнности этого кропотливаго и обширнаго труда для русскаго самообразованія и не пожелать скорѣйшаго выхода другой, такой же, обѣщаемой составителемъ, книги *Древніе римскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ*.

Избранныя эпиграммы греческой антологіи. Съ греч. перевелъ В. Алексѣевъ, съ введеніемъ и примѣчаніями. Спб. 1896. Ц. 60 к. (Стр. XXXVII+165). Этотъ интересный сборникъ, посвященный извѣстному нашему маститому поэту А. Н. Майкову, сопровождается эпиграфомъ изъ Агатія: «Счастливы тѣ, чья память живетъ на страницахъ умныхъ книгъ, а не въ ничего не говорящихъ уму образахъ». «Антологія» значитъ по русски, собственно, «букетъ цвѣтовъ» (ἄνθος—цвѣтокъ, λέγω—собираю). Такъ называли греки сборники небольшихъ стихотвореній самаго разнообразнаго содержанія, извѣстныхъ подъ общимъ именемъ *эпиграммъ*, т. е. надписей, вырѣзываемыхъ на могильныхъ камняхъ, храмахъ и т. п., а также маленькія пьески разныхъ авторовъ лирическо-поучительнаго характера. Эти эпиграммы были особенно любимы греками, которые нерѣдко перефразировали ихъ, дополняли или подражали древнѣйшимъ изъ нихъ. Чтобы не утратились эти перлы лучшей поэзіи талантливѣйшихъ авторовъ, въ эпоху упадка греческой поэзіи, еще въ Александріи и друг. мѣстахъ, стали составляться изъ эпиграммъ особые сборники, которые и получили названіе *антологій*. Но древнѣйшіе изъ нихъ не дошли до насъ, и первый образцовый сборникъ эпиграммъ былъ, какъ извѣстно, составленъ поэтомъ Мелеагромъ не ранѣе 60 л. до Р. Х. Затѣмъ подобные сборники, нерѣдко со множествомъ дополненій и позднѣйшихъ сочиненій, въ томъ же, эпиграматическомъ, родѣ, много разъ появляются въ разныхъ мѣстностяхъ Греціи и переходятъ, даже составляются вновь, въ христіанскій міръ, доходя до XIV, и даже XVI вѣка. Отсылая читателей къ подробному очерку исторіи греческой антологіи, помѣщенному въ началѣ книжки, скажемъ только одно, что эта, въ высшей степени выдержанная и до тонкости отдѣланная по формѣ поэзія, сжатая и ясная, чудная въ своей простотѣ, человѣчности и задушевности, часто отличающаяся столь близкимъ новому міру элегическимъ настроеніемъ и глубиною мысли, рано полюбилась въ Европѣ и, особенно въ XVIII вѣкѣ, у французовъ (Андре Шенье)

*

и нѣмцевъ (Шиллеръ, Гёте) породила множество прекраснѣйшихъ небольшихъ произведеній въ древнемъ вкусѣ, извѣстныхъ подъ общимъ именемъ поэзіи *антологической*. У насъ съ нею впервые познакомилъ въ 1820 г. Батюшковъ, издавшій, вмѣстѣ съ гр. С. С. Уваровымъ, впослѣдствіи министромъ народнаго просвѣщенія, небольшую брошюру «*О греческой антологіи*», гдѣ и явились первые переводы изъ антологій самого поэта, встрѣченные общими похвалами критики и впослѣдствіи восторженнымъ отзывомъ Бѣлинскаго. Но тринадцать пьесокъ Батюшкова, при всей ихъ прелести (напр., «Въ обители ничтожества унылой», «Тебѣ ль оплакивать утрату юныхъ дней»), только импровизаціи,—очень искусныя, поэтическія, но далеко не передающія точнаго смысла подлинника, тѣмъ болѣе, что Батюшковъ не зналъ ни по гречески, ни по латыни; въ такомъ же родѣ, но еще болѣе, отступаютъ отъ подлинника и чудныя антологическія импровизаціи Пушкина. За Батюшковымъ явились, уже болѣе близкіе къ подлинникамъ, въ двадцатыхъ годахъ, переводы 52 эпиграммъ Д. В, Дашкова, а въ тридцатыхъ еще болѣе близкіе и удачные—доцента московскаго университета по каѳедрѣ греческаго языка Вл. Печерина. Самые же лучшіе и по изяществу—это образцовыя, извѣстныя всей читающей Россіи, антологическія пьесы А. Н. Майкова, вошедшія въ сборникъ его стихотвореній, изданный въ 1841, и такъ тонко оцѣненныя Бѣлинскимъ. Но, какъ ни прекрасны антологическія пьески Батюшкова, Пушкина и Майкова, не говоря уже о томъ, что большая часть ихъ только импровизаціи на темы,—ихъ, сравнительно съ великимъ антологическимъ богатствомъ подлинниковъ, у насъ слишкомъ мало. И вотъ, чтобы пополнить для насъ этотъ важный литературный пробѣлъ, а также, какъ говоритъ Г. Алексѣевъ, и для того, чтобы пріохотить къ переводамъ изъ антологіи, этого неизсякаемаго источника поэзіи, нашихъ поэтовъ, и предпринялъ онъ свой собственный, буквально точный и возможно изящный, переводъ прозой всего, что, по мнѣнію переводчика, есть лучшаго въ этомъ симпатичномъ родѣ вѣчной поэзіи, которая теперь и предлагается русскому читателю впервые почти полностью. И надо отдать переводчику справедливость: трудъ его сдѣланъ добросовѣстно и отличается красивымъ, легкимъ, языкомъ, безъ всякихъ славянизмовъ, дающимъ, даже не смотря на прозу, почувствовать красоту и грацію оригинала и вполнѣ даетъ возможность читателю пріятно восполнить свое литературное образованіе.

А. Тамбовскій. Анакреонтъ. Первое полное собраніе его сочиненій въ переводахъ русскихъ писателей. Спб. Изданіе книжн. маг. М. М. Ледерле. 1896 г., ц. 60 к. (стр. 152). Рѣдчайшій примѣръ жизнерадостной юношеской силы и бодрости представляетъ жившій въ VI вѣкѣ до Р. Х. въ Греціи, знаменитый Теосскій пѣвецъ, Анакреонтъ, веселый, добродушный старикъ, милый юношамъ и дѣвамъ своими шутками, смѣхомъ, плясками и пѣснями. давшій на вѣчныя времена свое имя особому роду лирики. Чрезвычайно цѣнимый современниками, изображавшими его въ многочисленныхъ статуяхъ и камеяхъ, гдѣ представляется онъ очень красивымъ и статнымъ, часто въ видѣ пляшущаго красавца старика, иногда

съ чашей въ рукахъ, Анакреонтъ высоко цѣнился римлянами, какъ, напримѣръ, Горацiемъ, много ему подражавшимъ. Беззаботный пѣвецъ *природы*, *розъ*, *вина*, *плясокъ*, *пировъ* и *празднествъ*, *красоты*, веселой и шаловливой *юности*, онъ вошелъ чуть не во всѣ антологіи, пройдя въ оригиналѣ и въ безчисленныхъ подражаніяхъ черезъ всѣ мрачные средніе вѣка; пріютился, какъ любимый поэтъ, при роскошныхъ, жизнерадостныхъ дворахъ въ эпоху возрожденія Италіи, породилъ цѣлую особую поэзію въ XVII и XVIII вѣкахъ въ аристократической Франціи, гдѣ, впрочемъ поняли его очень односторонне, придавъ этой поэзіи почти исключительно эротическій, слишкомъ фривольный, характеръ, чего у теосскаго старика почти не замѣчается вовсе. Насколько благоговѣйно и тепло относились къ поэту греки, видно изъ слѣдующей эпиграммы славнаго идиллика Ѳеокрита:

Статую эту внимательно ты разсмотри, чужеземецъ,
И, возвратившись назадъ въ домъ свой, промолви тамъ такъ:
Оды слагать онъ умѣлъ лучше всѣхъ старыхъ пѣвцовъ;
Если жъ прибавишь, что юноши радостью были поэта,
Точно ты въ этихъ словахъ мужа очертишь всего.

Анакреонтическая поэзія, нашедшая себѣ въ XVIII в. во Франціи особенно талантливаго выразителя въ лицѣ поэта Е. Парни, которому много подражалъ Пушкинъ въ своихъ лицейскихъ стихотвореніяхъ, отозвалась, хотя и слабѣе, въ XVIII же вѣкѣ и въ Германіи, въ лицѣ жизнерадостнаго эллениста, олимпійца Гёте, посвятившаго памяти поэта чудное, приводимое составителемъ разбираемой книжки, стихотвореніе, въ переводѣ М. Михайлова, «*Могила Анакреона*».

Гдѣ роза юная въ тиши благоухаетъ,
Гдѣ гордливый лавръ и цѣпкій виноградъ
Сплелися дружески, гдѣ горлица вздыхаетъ
И слышенъ въ зелени пріятный шумъ цикадъ,
Кого изъ смертныхъ здѣсь могила пріютила?
Кому надгробный холмъ такъ пышно разцвѣтила
Рука боговъ? Тутъ спитъ Анакреонъ пѣвецъ!
Счастливецъ! И весну онъ видѣлъ молодую,
И лѣто жаркое, и осень золотую,
И отъ сѣдой зимы здѣсь скрылся наконецъ!

Перешелъ Анакреонтъ, въ видѣ подражаній и отзвуковъ на радости жизни, на рѣзвость юности, красоты природы, здоровую любовь, веселыя, задушевныя пирушки, гдѣ забываетъ свое горе бѣднякъ,—и въ нашъ разочарованный XIX вѣкъ. Во многихъ пѣсняхъ Гейне, хотя, большею частью, вмѣстѣ съ скорбными нотами вдругъ проскользнувшей иронiи, слышатся все тѣ же старые мотивы жизнерадостности, а старикъ Беранже, напоминающій всего ближе теосскаго пѣвца своимъ до глубокой старости сохранившимъ ясность духа характеромъ, отличавшимся любовью къ молодежи, справедливо прозывается Анакреономъ новаго времени, нашедшимъ для своей поэзіи болѣе разнообразное и близкое намъ содержаніе.

Далеко не чуждъ Анакреонтъ и русской литературѣ. Съ самаго Кантеміра и до Пушкина со многими изъ нашихъ позднѣйшихъ поэтовъ Анакреонтъ, по справедливому мнѣнію Г. Тамбовскаго,

вноситъ, въ видѣ переводовъ и подражаній, въ нашу поэзію струю бодрой жизнерадостности и граціи, а въ XVIII в., когда не брезгали имъ ни мрачный сатирикъ Кантеміръ, ни высокопарный ученый—поэтъ Ломоносовъ, ни самъ величественный пѣвецъ Екатерины, Державинъ, часто шалившій импровизаціями на анакреонтическія темы, въ эту эпоху далекаго отъ жизни, искусственнаго и реторическаго, приподнятаго русскаго псевдоклассицизма, анакреонтическіе опыты составляютъ съ нимъ пріятный контрастъ, поддерживая въ поэзіи жизнь, естественность и простоту.

Анакреонтъ издавался въ русскихъ переводахъ много разъ. В. И. Водовозовъ, А. Н. Баженовъ (1861 г.) и Л. А. Мей, лучшій изъ переводчиковъ перевели цѣликомъ весь общераспространенный текстъ его пѣсенъ. Масса стихотвореній, въ разныхъ, болѣе или менѣе, удачныхъ, переводахъ, разсѣяна по журналамъ. Покойный Водовозовъ (В. И). включилъ много прозаическихъ и стихотворныхъ одъ въ свою, лучшую на русскомъ языкѣ, статью объ Анакреонтѣ («Современникъ» 1857 г. т. LXIV стр. 127—156); но все-таки *полнаго* перевода *всего* поэта, тщательно выбраннаго, свѣреннаго съ подлинникомъ и проредактированнаго и объясненнаго, до разбираемаго нами, у насъ еще не было. Къ книжкѣ приложенъ хронологическій указатель подлинности и времени происхожденія анакреонтическихъ одъ, составленный по Штарку. Предшествующая одамъ обстоятельная статья составителя (56 стр.), излагающая и исторію переводовъ, и біографію и оцѣнку произведеній поэта, въ связи съ исторіей лирики, наконецъ, говорящая о современномъ его значеніи и якобы безнравственности, вполнѣ освѣщаетъ личность исторически. Не приводя многочисленнаго списка истинныхъ перловъ этой поэзіи, мы позволимъ себѣ только указать читателю хоть на слѣдующія подлинныя оды: XII, XVI, XXV, XXIX, XXXVI, XXXVIII, или на слѣдующія, приписываемыя Анакреонту: «Къ лирѣ», чудную вещь—«Зачѣмъ бѣжишь ты отъ меня» (стран. 106), «Старикъ» (109), или хоть «Женщинамъ» (146). Въ заключеніе же, пожелавъ добросовѣстному составителю книжки самаго широкаго распространенія его, съ такой любовью исполненнаго, труда, скажемъ, вмѣстѣ съ Г. Тамбовскимъ: «Пусть теперь другое время и другія пѣсни, но все-таки прославимъ великаго теосскаго старца, который имѣетъ полное право стать рядомъ съ Гораціемъ, Беранже, Р. Бернсомъ и другими жизнерадостными поэтами — этими истинными благодѣтелями человѣческаго рода».

ПУБЛИЦИСТИКА.

Э. Беллинъ. «Судебно-медицинская экспертиза въ дѣлѣ мултанскихъ вотяковъ».—*М. Вотье.* «Мѣстное управленіе въ Англіи».

Д-ръ Э. Ф. Беллинъ. Пр.-доцентъ судебной медицины Императорскаго харьковскаго университета; старшій городовой и судебный врачъ г. Харькова.— Судебно-медицинская экспертиза въ дѣлѣ мултанскихъ вотяковъ, обвиняемыхъ въ принесеніи человѣческой жертвы языческимъ богамъ. Съ тремя таблицами рисунковъ. Харьковъ. 1896.

8-vo. Стр. 40+3 табл. Брошюра г. Беллина—рефератъ, съ большимъ успѣхомъ и при громадномъ стеченіи слушателей читанный авторомъ, 9 марта текущаго года, въ засѣданіи харьковскаго медицинскаго общества и напечатанный въ № 12 еженедѣльной медицинской газеты *Врачъ* (стр. 351 и сл.). Уже послѣ напечатанія и въ подновленномъ видѣ онъ былъ читанъ на VI съѣздѣ «Общества русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова» и появился сперва въ названныхъ «Трудахъ», а потомъ отдѣльнымъ изданіемъ. 8 іюня д-ръ Беллинъ читалъ въ харьковскомъ медицинскомъ обществѣ новый докладъ на ту же тему, вызванный нападками Ѳ. А. Патенка на его цѣнный трудъ. Впечатлѣніе, произведенное новымъ докладомъ (онъ также появится въ печати), было на столько громадно, что общество единогласно постановило отправить В. Г. Короленко, такъ много вложившему энергіи въ вопіющее дѣло мултанскихъ вотяковъ, привѣтственную телеграмму.

Конечный выводъ г. Беллина совершенно сходится съ тѣмъ, къ которому должны были придти представители этнографіи и права, представители суда и публицистики. «Вся пресловутая цѣль убійства — жертвоприношеніе — лишена всякой опоры, построена на пескѣ. Обрядоваго убійства здѣсь не было, а есть лишь ловкая поддѣлка подъ жертвоприношеніе при самыхъ туманныхъ, неясныхъ представленіяхъ о подробностяхъ фактически ничѣмъ не установленнаго обряда» (стр. 338). «*Ритуальнаго убійства здѣсь нѣтъ*,—еще рѣзче подчеркиваетъ авторъ въ своей брошюрѣ (стр. 37),—а есть лишь какая то, ловко продѣланная симуляція подь неясное и невыясненное дознаніемъ и слѣдствіемъ, не смотря на всѣ усилія, понятіе о вотяцкомъ человѣческомъ жертвоприношеніи и подробностяхъ неустановленнаго и фактически не существующаго ритуала. Если бы для жертвоприношенія требовалось только изъятія внутренностей, безъ всякаго указанія на способъ производства такого изъятія, то жертвоприношеніе осталось бы таковымъ и тогда, если бы внутренности были извлечены обычно принятыми и легко доступными способами; это нисколько не измѣняло бы сути дѣла; принятый же здѣсь трудный, своеобразный способъ изъятія ихъ явно изобличаетъ симуляцію и лежавшіе въ основѣ своеобразнаго способа производства ея мотивы». Этотъ выводъ тѣмъ цѣннѣе въ данномъ случаѣ, что онъ на три четверти оффиціальное признаніе, что дознаніе и слѣдствіе въ мултанскомъ дѣлѣ пошли по ложному пути и велись односторонне, пристрастно и съ вопіющимъ нарушеніемъ законныхъ формъ, которое, согласно докладу А. Ѳ. Кони, вызвало замѣчаніе полному составу присутствія суда, участвовавшему въ распорядительныхъ засѣданіяхъ 19 августа и 19 сентября 1895 года, и повлекло за собой судебное преслѣдованіе противъ одного изъ полицейскихъ агентовъ. Шагъ за шагомъ обнаруживаетъ г. Беллинъ на основаніи оффиціальныхъ документовъ несообразности въ постановкѣ обвиненія вотяковъ, неправильности въ составленіи судебно-медицинскихъ актовъ по данному дѣлу. Доказывая, подобно гг. Короленко, Кузнецову, Богаевскому, симуляцію, г.

Беллинъ долженъ былъ дать очень суровую оцѣнку судебно-медицинскихъ протоколовъ и въ одномъ мѣстѣ заявилъ прямо: «Доказывать такія нелѣпицы, какъ высказанная во время экспертизы на судѣ, будто бы полному обезкровливанію трупа способствовала продолжавшаяся 5—8 и болѣе минутъ послѣ отдѣленія головы дѣятельность сердца, ни съ чѣмъ несообразно... Доказывать далѣе, какъ это тоже было сдѣлано на судѣ, будто бы такому полному обезкровливанію трупа Матюнина способствовало подвѣшиваніе его за ноги, значитъ совершенно оставлять безъ вниманія анатомическія и физіологическія условія, способствующія движенію крови по сосудамъ» (стр. 335). Докладъ г. Беллина читается съ живѣйшимъ интересомъ (особенно любопытны мѣста, гдѣ авторъ доказываетъ посмертное извлеченіе внутренностей и отнятіе головы Матюнина). Если психологическій анализъ В. Г. Короленка, этнографическія разслѣдованія гг. Кузнецова и Богаевскаго и архивныя справки г. Луппова еще до оправдательнаго приговора присяжныхъ 4 іюня разбили на всегда мысль о наличности человѣческихъ жертвоприношеній у современныхъ вотяковъ, то г. Беллинъ вскрылъ на трупѣ Матюнина весь реальный абсурдъ подобной мысли. Всѣ названныя лица своими работами поднимаютъ принципіальные вопросы о состояніи у насъ слѣдствія и экспертизы; онѣ вызвали въ этомъ отношеній прямой ужасъ въ людяхъ съ болѣе или менѣе нервной организаціи. Подумайте, сколько въ самомъ дѣлѣ было потрачено энергіи, силъ, талантовъ, эрудиціи, чтобы раскрыть туманъ, который заволокъ дѣло Матюнина и съ самаго начала направилъ его по ложнымъ слѣдамъ! Русское общественное мнѣніе не можетъ успокоиться до тѣхъ поръ, пока на судъ не предстанутъ тѣ темныя силы, которыя напустили этотъ туманъ.

Морисъ Вотье. Мѣстное управленіе Англіи. Переводъ съ французскаго В. В. Водовозова. Спб. Изданіе Л. Ф. Пантелѣева. 1896. 8-vo. Стр. XVI+328. Ц. 2 руб. Книга М. Вотье предназначается исключительно для большой публики и въ значительной степени обладаетъ многими свойствами популярнаго изложенія чрезвычайно серьезнаго, но въ то же время равно для всѣхъ важнаго и необходимаго предмета. Провинція предъявляетъ у насъ усиленный спросъ на помощь въ дѣлѣ выработки опредѣленнаго устойчиваго міросозерцанія и сознательнаго отношенія къ окружающей дѣйствительности. Вопросы о городскомъ и сельскомъ самоуправленіи, мѣстномъ мировомъ институтѣ, обязательномъ призрѣніи бѣдныхъ, обязательномъ всеобщемъ обученіи, общественной гигіенѣ, мѣстныхъ просвѣтительныхъ корпораціяхъ такъ или иначе волнуютъ нашу провинцію, которая въ разрѣшеніи ихъ совершенно предоставлена самой себѣ и не имѣетъ возможности познакомиться ни съ ихъ теоретической постановкой въ современной наукѣ права и экономики, ни съ ихъ фактическимъ осѣданіемъ на почвѣ западно-европейскихъ государствъ. Указанные сейчасъ вопросы какъ разъ и трактуются въ книгѣ М. Вотье относительно Англіи и притомъ въ историческомъ освѣщеніи. Изъ книги М. Вотье читатели получатъ очень основа-

тельное и вмѣстѣ отчетливое представленіе о «провинціальныхъ и коммунальныхъ учрежденіяхъ» современной Англіи, познакомятся вкратцѣ съ исторической эволюціей мѣстнаго англійскаго управленія; они уловятъ двѣ очень важныя особенности въ развитіи англійскаго государственнаго строя, отличающагося необычайной устойчивостью и въ то же время страшной гибкостью —качества, которыя создали ему величайшій авторитетъ у всѣхъ народовъ Европы. Особенность первая—непрерывное демократическое развитіе при монархическомъ строѣ и консервативной природѣ націи.

«Всего болѣе заслуживаетъ упоминанія,—замѣчаетъ М. Вотье (стр. XV и XVI рус. изд.),—тотъ путь, по которому постепенно подвигается демократическое развитіе народа, по своей природѣ консервативнаго. Это развитіе есть одно изъ крупныхъ политическихъ событій XIX вѣка, всѣ послѣдствія котораго еще недоступны нашему предвидѣнію. Англія, не смотря на ожесточеніе партійной борьбы, мужественно приняла неизбѣжный фактъ. Она поистинѣ подвигается впередъ съ осмотрительностью и проходитъ съ послѣдовательностью всѣ этапы своего пути. Въ ея настоящемъ всегда содержится много элементовъ прошлаго и оно всегда съ привѣтомъ обращается къ будущему. Благодаря постоянному реформированію ея учрежденій, благодаря тому, что она всегда лишь постепенно отказывается отъ вѣковыхъ обычаевъ, она приходитъ къ рѣшеніямъ, поражающимъ насъ своею смѣлостью, предъ которыми останавливаются націи, съ наибольшею искренностью и страстностью сдѣлавшія культъ изъ принциповъ демократіи».

Заканчивая главу о происхожденіи графства, авторъ выясняетъ читателю существенную перемѣну, происшедшую за послѣднее время въ соціальномъ строѣ Англіи. Еще сто лѣтъ тому назадъ Англія управлялась немногочисленной земельной аристократіей, теперь же произошелъ «глубокій переворотъ» въ пользу, какъ выражается нашъ авторъ (стр. 34), «всемогущества демократіи». «Развитіе въ демократическомъ духѣ есть явленіе всеобщее и неизбѣжное», продолжаетъ М. Вотье... «Результаты этой эволюціи замѣтны въ Англіи повсюду: въ избирательномъ законѣ, въ парламентѣ, въ правительствѣ, въ администраціи городовъ и приходовъ, въ управленіи графствъ». Читатель, который по книгѣ М. Вотье заинтересовался бы указанной особенностью англійскаго строя и пожелалъ бы ознакомиться съ даннымъ вопросомъ первостепенной важности болѣе широко, долженъ обратиться къ превосходной книгѣ проф. М. М. Ковалевскаго *Происхожденіе современной демократіи*. Проф. Ковалевскій, какъ оригинальнѣйшую сторону французской революціи, выдвигаетъ провозглашеніе ею принципа равенства; М. Вотье въ своемъ трактатѣ подчеркиваетъ особенный успѣхъ этого принципа въ Англіи именно съ момента французской революціи, когда авторитетъ идеаловъ древняго режима быстро и неудержимо покатился по наклонной плоскости (срв. стр. 34).

Другая особенность англійскаго государственнаго строя заключается въ тѣсномъ взаимодѣйствіи между англійской конституціей и мѣстнымъ управленіемъ Англіи. «Наши изысканія,—пи-

шетъ М. Вотье (стр. 10),—имѣютъ исключительной цѣлью провинціальныя и мѣстныя учрежденія. Но эти учрежденія многочисленными нитями связываются съ цѣлымъ политическимъ режимомъ. Ихъ вліяніе на его развитіе было рѣшительнымъ, и сказалось оно очень рано. Если бы графство и бургъ въ XII, XIII и XIV вѣкахъ не были тѣмъ, чѣмъ они были въ дѣйствительности, то англійскій парламентъ не былъ бы таковъ, какимъ мы его знаемъ теперь». Авторъ въ данномъ случаѣ вполнѣ правъ, и весьма естественно, что прежде чѣмъ анализировать ближайшимъ образомъ организацію и функціи графства, бурга и другихъ мѣстныхъ организмовъ, вкратцѣ поясняетъ, какимъ образомъ и въ какой мѣрѣ графство и бургъ вліяли, начиная со среднихъ вѣковъ, на образованіе англійской конституціи. Это поясненіе, къ несчастію, выходитъ у автора недостаточнымъ, хотя отъ читателя зависитъ сладить съ этой частью книги М. Вотье. Дѣло въ томъ, что по русски какъ разъ есть подъ руками незамѣнимый источникъ для изученія основныхъ элементовъ англійской конституціи, вліяніе на которую провинціальныхъ и коммунальныхъ учрежденій М. Вотье настойчиво указалъ (см. особенно стр. 77), но разъяснилъ нѣсколько суммарно. Это—блестящее сочиненіе проф. А. В. Дайси *Основы государственнаго права Англіи* (Спб. 1892), изданное подъ редакціей и съ примѣчаніями проф. П. Г. Виноградова тѣмъ же Л. Ф. Пантелѣевымъ; особенность его заключается въ сочетаніи художественности изложенія съ блескомъ научной эрудиціи, тонкостью юридическаго анализа и глубиной теоретической мысли. Можно лишь посовѣтовать читать не книгу Дайси послѣ книги Вотье, а какъ разъ наоборотъ. Такой порядокъ нельзя не признать, во-первыхъ, болѣе естественнымъ, а во-вторыхъ, болѣе цѣлесообразнымъ въ виду слабости теоретической стороны книги Вотье. Вотье устанавливаетъ факты, исторически ихъ освѣщаетъ, формулируетъ общія тенденціи, но онъ нигдѣ не возвышается до формулировки основныхъ принциповъ.

Само собою разумѣется, что для окончательнаго усвоенія матеріала, затрогиваемаго книгами Дайси и Вотье, необходимо изученіе опять-таки совершенно популярной работы Джемса Брайса *Американская республика*. Во избѣжаніе недоразумѣній, слѣдуетъ замѣтить, что, дѣлая сопоставленіе работъ Вотье и Дайси, мы не забываемъ, что книга Дайси—классическое сочиненіе по затронутому имъ предмету, на что совсѣмъ не можетъ претендовать сочиненіе Вотье.

РУССКАЯ ИСТОРІЯ.

Н. Павловъ. «Русская исторія отъ древнѣйшихъ временъ». — *П. Синицынъ.* «Преображенское и окружающія его мѣста».

Русская исторія отъ древнѣйшихъ временъ. Первые пять вѣковъ родной старины (862—1362 гг.). Томъ первый. Н. М. Павловъ. М. 1896. 8-vo. Стр. VIII+405. Ц. 1 р. 50 к. «Для учащихся русской исторіи многое съ самаго начала кажется непонятнымъ

и весь такъ называемый удѣльный періодъ неудобовразумительнымъ, а это ровно половина исполнившагося тысячелѣтія. Эти наименѣе извѣстные по всѣмъ учебникамъ, а слѣдовательно, и по существующимъ полнымъ курсамъ «Отечественной Исторіи», первые пять вѣковъ родной старины и составляютъ предметъ издаваемаго сочиненія», — такъ начинаетъ предисловіе г. Павловъ. Надо признаться, эти слова вызвали въ насъ мучительное предчувствіе, что его книга опоздала появленіемъ въ свѣтъ не менѣе, чѣмъ на полстолѣтіе. Ознакомившись съ ней пришлось сконфузиться въ слабости нашего предчувствія: книга г. Павлова запоздала на столѣтіе слишкомъ, если не больше, и сама можетъ быть изучаема, какъ отголосокъ добраго стараго времени, какъ своего рода историографическая остановка между *Синопсисомъ* и *Древней Россійской Исторіей* Ломоносова съ одной и *Исторіей Государства Россійскаго* Карамзина — съ другой стороны. Отчетъ о *Русской Исторіи* г. Павлова, казалось, было бы всего естественнѣе помѣстить не въ литературномъ и научно-популярномъ журналѣ для самообразованія, а въ одномъ изъ спеціальныхъ органовъ по русской археологіи, какъ о весьма рѣдкой археологической находкѣ, весьма стильномъ созданіи XVIII столѣтія. Только соображенія чисто практическаго свойства заставили насъ отступить отъ этого послѣдняго намѣренія: наша читающая публика жадно ищетъ популярныхъ книжекъ по русской исторіи, набрасывается, почти безъ всякаго разбора, на всякія предложенія книжнаго рынка въ этомъ родѣ и часто бываетъ жестоко наказана за свою критическую неосторожность. Это обстоятельство и заставило насъ въ общемъ журналѣ остановиться на такомъ археологическомъ раритетѣ, какъ *Русская Исторія* г. Павлова, разбирать которую съ научной серьезностью и спорить съ ней рѣшительно нѣтъ ни смысла, ни возможности.

Первый томъ обнимаетъ *кіевскій* періодъ, второй томъ, который «ни въ какомъ случаѣ не замедлитъ», посвященъ *владимирскому* періоду: оба вмѣстѣ точно обнимаютъ 862—1362 гг.,—ни годомъ раньше не начинается, ни годомъ позднѣе не оканчивается въ нихъ русская исторія. Почему съ 862-го года? А потому, что въ Новгородѣ поставленъ памятникъ тысячелѣтія Россіи въ 1862 г. «Считается, значитъ, въ 1862 году исполнилось ровно тысяча лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ русское государство», пишетъ нашъ авторъ (стр. 5). Именно въ 862 г. новгородцы и другіе славяне (авторъ едва не забылъ про чудь и весь) призвали къ себѣ на княженіе «славныхъ русскихъ князей, Рюрика съ братьей», своихъ земляковъ-славянъ, русскихъ варяговъ. Читаешь и глазамъ не вѣришь! Смѣется авторъ или говоритъ серьезно? Читая дальше, видимъ, что авторъ не смѣется. Съ величавымъ спокойствіемъ, съ первобытной простотой, со всей прелестью неподдѣльной наивности, тягуче-монотонно, отрывистой полусказочной рѣчью авторъ даетъ сводъ прочитанныхъ имъ русскихъ лѣтописей. Слѣпо слѣдуетъ авторъ лѣтописной традиціи: она для него безспорна, незыблема; она для него—догматъ, который нельзя критиковать, въ который можно только вѣровать. Не будемъ заполнять нашего

отчета выдержками, полными неподражаемаго комизма съ точки зрѣнія современнаго читателя; любители смѣха и забавъ могутъ обратиться къ самой книгѣ. Въ древней русской исторіи—все ясно, просто, все извѣстно, все полно величія и силы; нѣтъ ни одного спорнаго вопроса, ни одного неяснаго пункта. Сохраняя нетронутой лѣтописную традицію, авторъ окрашиваетъ ее извѣстной тенденціей, выраженной не столько формой, сколько самой сутью изложенія. Разбирать эту тенденцію значитъ придавать ей извѣстный смыслъ, извѣстное значеніе при современныхъ успѣхахъ русской исторіографіи и русскаго самосознанія: на это мы не рискнемъ.

Преображенское и окружающія его мѣста, ихъ прошлое и настоящее. Составилъ и издалъ П. В. Синицынъ. Рисунки художника М. В. Нестерова. Гравировалъ А. С. Яновъ. М. 1896. in 4. Стр. 6 нен. + 194. Ц. въ пер. 10 руб. Книга г. Синицына, весьма роскошно изданная, представляетъ довольно своеобразное литературное созданіе, за которое авторъ удостоился экстраординарнаго избранія въ члены Общества исторіи и древностей россійскихъ. Въ предисловіи авторъ пишетъ: «прошу не судить меня строго въ моихъ погрѣшностяхъ, такъ какъ я не принадлежу къ числу писателей, и перо для составленія этой книги взято мною въ первый разъ». И по содержанію, и по характеру изложенія, и по подбору матеріала видно, что книга предназначена не для ученой публики, а для читателя вообще; для послѣдняго и самая тема о селѣ Преображенскомъ при извѣстной обработкѣ можетъ получить значительный интересъ: съ московскимъ селомъ Преображенское связано въ самомъ дѣлѣ такъ много любопытныхъ историческихъ воспоминаній, что нужны лишь талантъ да знанія, чтобъ создать изъ этихъ воспоминаній живую и поучительную для современнаго читателя картину. Нашъ авторъ это смутно чуялъ, но внѣ всякаго сомнѣнія не понималъ и издалъ книгу ради какихъ-то другихъ цѣлей, о которыхъ можно догадываться, но не стоитъ говорить. Уже съ первыхъ строкъ труда видѣнъ начинающій историческій составитель, которому перо не за обычай. «Ни одна мѣстность Москвы, кромѣ самаго Кремля, не имѣетъ такого значенія въ новой исторіи нашей, какъ село Преображенское (съ окрестностями), а между тѣмъ доселѣ не существовало его монографіи. Обыкновенно соединяютъ и даже отождествляютъ это мѣсто съ Петромъ и его реформой; но дѣло въ томъ, что реформа началась положительно раньше Петра, хотя началась она именно въ этой мѣстности»,—такъ начинается книга г. Синицына. Первыя восемь главъ посвящены личности Петра въ связи съ Преображенскимъ, при чемъ авторъ выставляетъ на первый планъ «ужасный деспотизмъ» Петра, со вкусомъ подбираетъ разсказы о казняхъ въ его время и вообще не безъ успѣха старается показать, что его жестокости соперничаютъ съ жестокостями Ивана Грознаго (см. особенно стр. 15, 27, 35, 36, 40, 54, 80). Любопытно, что авторъ не противъ реформы, а лишь противъ личности Петра, какъ ужаснаго тирана. Вторая половина книги посвящена любопытному и живому разсказу о ѳедосеевской безпоповщинской общинѣ

и Преображенскомъ кладбищѣ. Здѣсь слѣдуетъ отмѣтить, что авторъ одинаково не щадитъ и расколъ, и московскую администрацію XVIII и начала XIX в. Если въ первыхъ главахъ старательно собраны свѣдѣнія о жестокостяхъ Петра, то въ послѣднихъ дана характеристика отношеній ѳедосеевской общины къ московской администраціи, основанныхъ на денежной подкладкѣ: община платила и свободно развивалась, администрація получала и смотрѣла на все сквозь пальцы. Заканчивая разсказъ о Никольскомъ единовѣрческомъ монастырѣ, авторъ преподаетъ читателю небольшое душеспасительное поученіе (стр. 158), совершенно неожиданно его поражающее, и любезно сообщаетъ, что въ 1887 и 1891 гг. въ Москвѣ были съѣзды противораскольничьихъ миссіонеровъ. Изложеніе самое безхитростное, мѣстами наивное, но достаточно толковое. Приложенные къ тексту фототипіи всѣ превосходны, что же касается историческихъ рисунковъ художника М. В. Нестерова, то нѣкоторые изъ нихъ черезчуръ плохи: особенно выдается отсутствіемъ эстетическаго чутья рисунокъ подъ заголовкомъ «Петръ I обрѣзываетъ у бояръ бороды въ Преображенскомъ дворцѣ». Въ общемъ книга г. Синицына, не представляя ни малѣйшаго вклада въ науку, имѣетъ очень мало значенія для читающей публики, благодаря своей дороговизнѣ и нѣсколько страннымъ авторскимъ пріемамъ, хотя и просматривается не безъ интереса.

ЮРИДИЧЕСКІЯ НАУКИ.

В. Сергѣевичъ. «Русскія юридическія древности».

Русскія юридическія древности *). **Т. II. Власти. Вып. 2-ой. Совѣтники князя. В. Сергѣевича. Спб. 1896. Ц. 1 р. 80 к.** Трудъ проф. В. И. Сергѣевича *Русскія юридическія древности* представляетъ крупное явленіе въ нашей ученой литературѣ по исторіи русскаго права; съ него вынужденъ начинать, къ нему долженъ постоянно обращаться, спорить съ нимъ или же соглашаться каждый, посвятившій себя спеціальнымъ занятіямъ въ области въ русской исторіи вообще и исторіи русскаго права въ частности. Такое положеніе *Русскихъ юридическихъ древностей* въ ученой литературѣ (на ряду съ другой книгой того же автора *Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права.* Спб. 1883. in 8-vo. Стр. VIII+997. Распродан. изд.), само собою разумѣется, еще не давало бы имъ права мозолить глаза читающей публики въ общихъ журналахъ, тѣмъ болѣе въ журналѣ, преслѣдующемъ цѣли *самообразованія.* Раскрывая, однако, московскія «Программы домашняго чтенія на 2-й годъ систематическаго курса», въ числѣ немногихъ рекомендованныхъ программой по русской исторіи книгъ находимъ (на

*) Первый томъ (стр. XII+517. Ц. 3 руб.) съ подзаголовкомъ «Территорія и населеніе» вышелъ въ 1890 году, второго тома первый выпускъ (стр. X+336. Ц. 2 руб.) съ общимъ подзаголовкомъ «Власти» и частнымъ «Вѣче и князь»— въ 1893 г.

стр. 234) *Русскія юридическія древности* г. Сергѣевича. Сергѣевичъ, какъ ученый авторъ, вообще отличается способностью живого, интереснаго и стройнаго изложенія спеціальныхъ вопросовъ исторіи русскаго государственнаго права, знаніемъ которой наша читающая публика не можетъ похвалиться; особенная же нужда въ этомъ знаніи, особливо въ наше время, чувствуется почти такъ же выразительно, какъ и потребность разумнаго знакомства съ современными теоріями русскаго и западно-европейскаго государственнаго права (второй выпускъ упомянутыхъ «Программъ» даетъ полную къ тому возможность). Помимо этой популярности изложенія, *Русскія юридическія древности* могутъ оказать незамѣнимую услугу читающей публикѣ двумя свойствами, имъ присущими: 1) обиліемъ критическаго элемента, заставляющаго во все время чтенія работать мысль читателя, не переставая, и 2) попыткой знакомить читателя съ нашимъ юридическимъ прошлымъ искусно введенными въ изложеніе характернѣйшими отрывками изъ первоисточниковъ, т. е. древнихъ лѣтописей, поученій, посланій, грамотъ, актовъ, правдъ, судебниковъ, хронографовъ, десятенъ и пр. «Только чтеніе подлинныхъ памятниковъ,—говоритъ г. Сергѣевичъ въ предисловіи къ первому тому *Древностей* (стр. V),—можетъ дать живое пониманіе древности». Съ этими словами нельзя не согласиться и въ то же время не признать, что трудно, да и напрасно заставлять обычнаго читателя вчитываться въ лѣтописные своды и акты, порой очень скучные въ цѣломъ, очень непонятные въ частностяхъ. Удачный пріемъ г. Сергѣевича вполнѣ избавляетъ отъ этой непроизводительной работы, и споръ возможенъ лишь относительно деталей этого пріема: насколько широко авторъ воспользовался своимъ намѣреніемъ перебить изложеніе выдержками изъ первоисточниковъ, на сколько характерны приведенныя выдержки, удовлетворяютъ ли онѣ той цѣли, какую поставилъ себѣ авторъ, и т. п. Но споръ по этому поводу возможенъ, конечно, не въ общемъ журналѣ. Гораздо важнѣе въ послѣднемъ обратить преимущественное вниманіе на критическій элементъ, который красной нитью проходитъ чрезъ все сочиненіе г. Сергѣевича и съ особенной силой и яркостью отличаетъ разбираемый второй выпускъ второго тома. Достаточно извѣстно, что у насъ не только обычные читатели, но даже и изслѣдователи отличаются рѣдкой неспособностью къ критическому анализу и значительнымъ пристрастіемъ къ вѣрѣ. Эта слѣпая вѣра въ авторитетъ, въ печатную строчку, въ фальшивую цитату—истинный бичъ и русскаго читателя, и русскаго ученаго. У г. Сергѣевича критическій анализъ доведенъ до значительной степени напряженія, онъ ничего не оставляетъ у своихъ предшественниковъ безъ провѣрки, а иногда разрушаетъ до основанія постройку, горделиво воздвигнутую кѣмъ-либо изъ послѣднихъ. Такое свойство разбираемаго труда даетъ ему все значеніе превосходной школы критической выправки,—школы, въ которой читатель получаетъ, къ тому же, поучительные образчики логической и юридической конструкціи на строго научныхъ основаніяхъ. Нужды нѣтъ, что такой абстрактный методъ приводитъ автора къ смѣлымъ положеніямъ, которыя бываетъ либо трудно, либо совсѣмъ

невозможно уложить въ рамки исторической дѣйствительности; кто прошелъ хорошій теоретическій искусъ, тому не такъ трудно добраться до послѣдней. Книга г. Сергѣевича за то можетъ научить читателя быть полнымъ хозяиномъ среди груды реальныхъ фактовъ, сдѣлать ихъ критическую оцѣнку, поставить каждый на надлежащее ему мѣсто и изъ мелкихъ, утомительныхъ частностей выловить общую схему. Г. Сергѣевичъ никогда не пытается принудить читателя увѣровать въ то или иное положеніе, имъ развиваемое, онъ старается его доказать; подчиняясь вліянію автора, читатель усиленно напрягаетъ свою мысль и долженъ отложить всякую надежду на механическое усвоеніе прочитаннаго. Любопытно, что этой внутренней философской красотѣ труда нашего автора соотвѣтствуетъ живой, отрывистый, благородный стиль, чуждый всякихъ риторическихъ украшеній и вычурныхъ фразъ и замѣчательно ясный. Еслибъ у насъ въ распоряженіи было достаточно мѣста, мы привели бы изъ книги г. Сергѣевича не мало по истинѣ блестящихъ выдержекъ, въ которыхъ остроуміе соперничаетъ съ ясностью и сжатостью языка. Думаемъ, что изъ сказаннаго до сихъ поръ ясна пригодность книги г. Сергѣевича въ интересахъ самообразованія, хотя, съ одной стороны, нужно отложить надежду на возможность механическаго усвоенія ея содержанія, а съ другой—помнить рискованность многихъ положеній автора; забыть послѣднее трудно, ибо г. Сергѣевичъ непрестанно заставляетъ читателя фигурировать въ роли критика, строгаго и логически воспитаннаго. Вдумчивый читатель не призадумается сдѣлать г. Сергѣевичу прежде всего тотъ упрекъ, что нашъ авторъ не въ особенной дружбѣ съ исторической дѣйствительностью, вообще реальная историческая обстановка ему дается трудно, во-первыхъ, потому, что въ его научныхъ пріемахъ достаточно много присущаго ветхой метафизикѣ и типичной ученой кабинетности, во-вторыхъ, потому, что онъ грѣшенъ и даже очень перенесеніемъ современныхъ юридическихъ представленій въ отдаленное прошлое. Но объясненіе архаическихъ явленій юридическаго быта, исходя изъ современныхъ понятій,—грѣхъ очень многихъ и очень крупныхъ ученыхъ, не разъ въ литературѣ подчеркнутый и до нѣкоторой степени сознаваемый г. Сергѣевичемъ. Въ предисловіи къ первому тому *Древностей* мы читаемъ: «Наша древность представляетъ медленную, но постоянную смѣну явленій. Въ юридическомъ бытѣ московскаго государства можно найти слѣды глубокой старины, но въ цѣломъ московскіе порядки отрицаютъ старину». Возсоздавая эту старину, авторъ чуждъ должнаго вниманія къ экономическому фактору въ русскомъ историческомъ процессѣ, играющему въ послѣднемъ значительную роль. Читая разбираемый выпускъ *Древностей* съ особеннымъ наслажденіемъ, невольно увлекаешься аргументаціей и остроумными конструкціями г. Сергѣевича, а стало быть, тѣмъ сильнѣе долженъ работать критическій аппаратъ читателя, который остережется, согласно только, что сдѣланнымъ указаніямъ, и абстракности сужденій нашего автора, и его способности судить древность съ нынѣшнихъ точекъ зрѣнія, и его равнодушія къ экономической сто-

ронѣ исторической дѣйствительности. Второй выпускъ второго тома, какъ мы уже знаемъ, носитъ частное подзаглавіе «совѣтники князя» и состоитъ изъ четырехъ главъ: двухъ конструктивныхъ—«княжеская дума» (стр. 337—417) и «духовенство» (стр. 481—583) и двухъ критическихъ—«литература вопроса о старой думѣ» (стр. 418—480) и «литература вопроса объ исторической роли духовенства» (стр. 584—618). Авторъ сперва предлагаетъ собственную конструкцію, а потомъ разбиваетъ въ частностяхъ или полностью построенія своихъ предшественниковъ; во второй главѣ вся тяжесть критики обрушивается на *Боярскую Думу древней Руси* В. О. Ключевскаго, а въ четвертой—на *Власть московскихъ государей* М. А. Дьяконова (и та, и другая книга значатся въ спискѣ рекомендованныхъ «Программами домашняго чтенія»); въ общемъ критика занимаетъ треть слишкомъ книги г. Сергѣевича. Особенно любопытенъ споръ съ г. Ключевскимъ. Всю цѣну этотъ споръ имѣетъ преимущественно для читателей, которые, знакомясь съ нимъ, научатся понимать историческія явленія гораздо скорѣе и лучше, чѣмъ послѣ чтенія десятковъ догматическихъ изложеній; для этого нужно лишь стать въ положеніе посторонняго и мыслящаго наблюдателя. Вслушиваясь въ рѣчи того и другого писателя, вы сейчасъ почувствуете, что спорятъ два лица, которыя не только не понимаютъ, но и не могутъ понимать другъ друга, ихъ языкъ, пріемы и складъ мышленія совершенно различны, порою непримиримо враждебны; въ послѣднемъ кроется источникъ удивительной ѣдкости нападокъ г. Сергѣевича. Г. Ключевскій пишетъ расплывчато и туманно, съ постоянными потугами на остроуміе и образность, вычурными фразами, съ совершенно неожиданными параллелями и противоположеніями, точно онъ прошелъ хорошую школу схоластической риторики; любовь къ красивой фразѣ у него такъ сильна, что ради нея онъ пожертвуетъ извѣстною долей смысла. Все это дѣлаетъ очень труднымъ пониманіе его книги: мысль прикрывается такими внѣшними формами, что читателю нужны особые логическіе аппараты, чтобы выловить эту мысль, чтобы не видѣть противорѣчій по существу тамъ, гдѣ они несомнѣнны по формѣ; не менѣе трудно понимать г. Ключевскаго и въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ, говоря безъ обиняковъ, просто рисуется. Отсюда къ критикѣ г. Сергѣевича рядъ недоразумѣній и нападокъ (см., напр., стр. 429, 431, 442, 446, 458), совершенно естественныхъ. Но критикъ приходитъ въ ярость, когда наслѣживаетъ въ книгѣ г. Ключевскаго явныя ошибки въ юридической конструкціи, знакомой послѣднему лишь по наслышкѣ (срв. стр. 433, 451, 454). Не можемъ не признать, что эта теоретическая неопрятность и неясность изложенія—большіе недостатки книги г. Ключевскаго и притомъ крайне вредные для обычнаго читателя. Центръ тяжести изложенія г. Ключевскаго не въ томъ, чтобы доказать то или иное положеніе, а чтобы увлечь за нимъ читателя, заставить увѣровать въ него; онъ скорѣе хочетъ поразить васъ задорной фразой, чѣмъ оригинальной мыслью; совсѣмъ не въ интересахъ обычнаго читателя онъ скупъ на доказательства, совсѣмъ не

въ интересахъ науки онъ скупъ на цитаты, возсоздавая цѣлыя картины по первоисточникамъ, никому неизвѣстнымъ. Все это, конечно, минусы и минусы серьезные въ книгѣ г. Ключевскаго сравнительно съ *Русскими юридическими древностями* г. Сергѣевича. Изучая *Боярскую Думу древней Руси*, читатель долженъ постоянно съ ними считаться, постоянно быть на сторожѣ отъ увлеченія, умѣть не отвлекаться красивыми фразами отъ сути дѣла и продѣлать довольно сложную работу выдавливанія основныхъ воззрѣній автора въ книгѣ, которую вмѣсто *Боярской Думы* можно было бы назвать, по замѣчанію М. Ф. Владимірскаго-Буданова *), *Исторіей Россіи съ древнѣйшихъ временъ*. Но если ужъ ставить вопросъ болѣе широко, то у г. Ключевскаго открывается еще одинъ минусъ, крайне вредный именно для обычнаго читателя и до послѣдняго времени почти замолчанный въ литературѣ. Читая работы г. Сергѣевича, вы не можете не замѣтить любви, съ какой авторъ пытается возсоздать русскую юридическую старину, но это любовь совершенно разумная и чисто научная: авторъ далекъ отъ того, чтобъ въ этой отжившей и порою возмутительно дикой старинѣ искать какихъ-нибудь идеаловъ для нынѣшняго поколѣнія. Какъ разъ серія популярныхъ статей и лекцій г. Ключевскаго страдаетъ безжизненной философіей спасительныхъ свойствъ безмолвнаго, безсмысленнаго страданія, псевдо-христіанской идеей «не противленія злу» (см., напр., его статью «Грусть» въ іюльской книжкѣ «Русской Мысли» 1891 г.; статья эта была превосходно разбита Ив. Ив. Ивановымъ въ № 288 «Русскихъ Вѣдомостей» того же года), самой курьезной идеализаціей московской старины XVI и XVII вв. и назойливо оптимистическимъ взглядомъ на современную русскую дѣйствительность: почтенный профессоръ выросъ даже до апологіи домостроевской розги и до такихъ «орацій», за которыя уличная московская пресса провозгласила его пророкомъ. Но навязываніе идей безмолвнаго страданія и домостроевскихъ идеаловъ черезчуръ не оригинально и старо; оно ничего не создало автору и лишило его той популярности, какою онъ когда-то владѣлъ, призывая къ «самодѣятельности» русское общество въ своей рѣчи о Соловьевѣ. Sic transit gloria mundi!..

АНТРОПОЛОГІЯ.

Заборовскій. «Доисторическій человѣкъ». — *М. Гёрнесъ.* «Исторія первобытнаго человѣчества».

Заборовскій. Доисторическій человѣкъ. № 3-й Общеполезной библіотеки для самообразованія. Изд. М. В. Клюкина. Москва. 1896.

*) См. *Сборникъ государственныхъ знаній* подъ редак. В. П. Безобразова. Т. VIII. Спб. 1880, въ отдѣлѣ критики, стр. 108. Срв. тамъ же на стр. 106 въ примѣчаніи замѣчаніе о языкѣ *Боярской Думы*, «отличающемся притязаніями на художественность, но въ дѣйствительности полнымъ отсутствіемъ простоты и изящества». Надо замѣтить, что *Боярская Дума* первоначально печаталась въ журналѣ *Русская Мысль*, для отдѣльнаго изданія (М. 1832) была очищена значительно, мѣстами была еще разъ измѣнена во второмъ изданіи (М. 1883).

Ц. 40 к. Потребность въ популярномъ чтеніи самообразовательнаго характера вызываетъ къ жизни не только отдѣльныя книги, но и цѣлыя серіи ихъ, обѣщающія читателю послѣдовательно знакомить его съ интересными вопросами и даже цѣлыми областями современнаго знанія. Одною изъ такихъ попытокъ является, повидимому, «Общеполезная библіотека для самообразованія» московскаго издателя г. Клюкина. «Библіотека» къ предстоящей осени будетъ состоять уже изъ 12 книжекъ, изъ которыхъ пока вышло три: Полланъ (Польянъ) «Физіологія ума», Бротье «Исторія земли» и названная выше книжка Заборовскаго. Названія вышедшихъ и имѣющихъ выйти въ скоромъ времени четырехъ книгъ обѣщаютъ интересное и полезное чтеніе; въ виду дешевизны всего изданія (3 руб. за 12 книжекъ) оно могло бы быть хорошимъ вкладомъ въ нашу популярную литературу, если бы выборъ сочиненій и русскій переводъ ихъ соотвѣтствовали своему назначенію. Судя по книжкѣ г. Заборовскаго, мы опасаемся, однако, что это условіе едва ли будетъ выполнено серіей г. Клюкина. Эта книжка имѣетъ три существенные недостатка: она устарѣла, не популярна и переведена не вполнѣ удовлетворительно.

Книжка Заборовскаго появилась на французскомъ языкѣ еще въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ (въ чемъ читатель можетъ убѣдиться изъ его ссылокъ, изъ которыхъ позднѣйшія относятся къ 1880 г.) и для того времени представляла не дурной, хотя и нѣсколько спеціальный сводъ по преимуществу французскихъ работъ по доисторической археологіи и антропологіи европейскаго первобытнаго человѣка. Но съ тѣхъ поръ сдѣлано въ этой области много новаго и во Франціи, и въ иныхъ странахъ Европы, и другихъ частяхъ свѣта. Можно сказать даже, что за послѣдніе годы ни въ одной научной области не происходило такой энергичной работы, благодаря соединеннымъ усиліямъ антропологовъ, археологовъ и соціологовъ. Поэтому, относящееся къ ней сочиненіе, вышедшее пятнадцать лѣтъ тому назадъ, можетъ имѣть интересъ только историческій и не можетъ служить для поученія современнаго читателя.

Книга Заборовскаго, какъ мы уже говорили, составлена по работамъ французскихъ антропологовъ и притомъ въ такое время, когда автору, ставившему себѣ цѣлью общее обозрѣніе этихъ работъ, прежде всего, нужно было собрать воедино даже самыя мелкія изъ нихъ, не приступая еще ни къ какимъ широкимъ обобщеніямъ или выводамъ. Тогда эта сводная работа была очень полезна, такъ какъ свѣдѣнія объ отдѣльныхъ находкахъ человѣческихъ череповъ, костей и орудій разбросаны были во множествѣ журналовъ и отчетовъ ученыхъ обществъ. Но нынѣшнему читателю, берущемуся за книжку г. Заборовскаго съ цѣлью ознакомиться съ доисторическимъ человѣкомъ, подробности о находкахъ въ такой-то пещерѣ такихъ-то частей скелета или орудій не могутъ не казаться утомительными, сбивчивыми и излишними. Трудно предположить, чтобы онъ выбрался собственными силами изъ множества единичныхъ, мѣстныхъ фактовъ и составилъ изъ нихъ свои выводы. Даже внимательно вчитываясь въ собраніе этихъ

фактовъ, составивъ себѣ возможно ясное понятіе о типахъ орудій различныхъ эпохъ, онъ немного подвинется впередъ, такъ какъ будетъ имѣть лишь нѣкоторыя отрывочныя свѣдѣнія о доисторическомъ прошломъ одной Франціи и Бельгіи. Какъ трудно было тогда придти къ какимъ-нибудь выводамъ, имѣющимъ значеніе не для однихъ только спеціалистовъ, легче всего видѣть изъ заключительной главы этой книжки, содержащей лишь самыя туманныя очертанія нашихъ настоящихъ свѣдѣній о доисторическомъ человѣкѣ.

Составляя свою книгу изъ подбора отдѣльныхъ фактовъ, авторъ необходимо долженъ былъ оставаться въ спеціальной сферѣ антропологіи и археологіи и говорить техническимъ языкомъ этихъ отраслей науки о человѣкѣ. Онъ, видимо, имѣлъ въ виду читателей, которые уже кое-что знаютъ изъ статей общихъ журналовъ и изъ засѣданій ученыхъ обществъ о первобытномъ человѣкѣ и которымъ нѣтъ надобности объяснять различіе между долихоцефальнымъ и брахицефальнымъ черепомъ или между Elephas anticuus и Elephas meridionalis. Для читателя, которому подобные термины неизвѣстны, въ разбираемой нами книгѣ, конечно, многое должно остаться непонятнымъ. Какъ большой недостатокъ ея, мы должны указать еще слишкомъ малое количество рисунковъ.

М. Гернесъ. Исторія первобытнаго человѣчества. Переводъ съ нѣмецкаго, съ предисловіемъ и примѣчаніями Н. Березина. Съ 45 рисунками. Приложеніе къ журналу «Образованіе». Петербургъ. 1896. Насколько наука о доисторической культурѣ человѣка развилась и выработалась послѣ того, какъ была написана выше разсмотрѣнная книга, можно видѣть, даже въ предѣлахъ популярнаго изложенія предмета, изъ сопоставленія этой книги съ книгою Гернеса, подходящей къ ней и по задачѣ, и по объему. Послѣдняя есть сокращеніе большого сочиненія того же автора, пользующагося заслуженною извѣстностью въ наукѣ. Въ это сокращеніе онъ старался внести всѣ существенныя черты своего предмета; поэтому, при всей сжатости изложенія, оно обильно матеріаломъ, и внимательное чтеніе его знакомитъ съ наиболѣе установленными научными взглядами этой области. Правда, область, которой касается Гернесъ, есть только область матеріальной культуры, знакомство съ ней не избавляетъ читателя, желающаго изучить доисторическій періодъ жизни человѣчества, отъ необходимости ознакомиться съ антропологической, палеонтологической и физико-географической сторонами вопроса. Но это знакомство уже будетъ легче, когда онъ освоится съ постепеннымъ ходомъ развитія орудій, которыми человѣкъ отстаивалъ свое существованіе и одерживалъ свои первыя побѣды надъ сильнѣйшими врагами. Исторія первобытнаго человѣка въ Европѣ, какъ только эта исторія стала открываться передъ глазами ученыхъ, излагалась съ трехъ сторонъ. Зоологи, находившіе человѣческіе останки и орудія вмѣстѣ съ костями вымершихъ животныхъ, пріурочивали первые къ господствовавшимъ типамъ послѣднихъ; они устанавливали, сообразно смѣнѣ этихъ типовъ, эпохи мамонта, сѣвернаго оленя и т. п. и

въ предѣлахъ такихъ эпохъ разсматривали относившіеся къ нимъ человѣческіе типы и ихъ орудія. Антропологи выдвигали на первый планъ анатомическіе признаки уцѣлѣвшихъ череповъ и костяковъ человѣка и, по степени большаго или меньшаго приближенія тогдашнихъ типовъ къ новѣйшимъ, устанавливали періоды господства тѣхъ или другихъ расъ. Первый изъ этихъ пріемовъ былъ оставленъ, потому что и самые господствующіе типы животныхъ и послѣдованіе ихъ были далеко не одинаковы въ различныхъ странахъ, и приноровленныя къ нимъ классификаціи человѣческихъ типовъ и орудій могли имѣть только мѣстное значеніе. Антропологическій пріемъ, хотя и наиболѣе желательный съ научной точки зрѣнія, до сихъ поръ еще не могъ получить широкаго примѣненія за недостаткомъ матеріала во многихъ странахъ Европы и въ другихъ частяхъ свѣта. Поэтому, при всей неоспоримой важности антропологическихъ данныхъ въ изложеніи доисторическаго періода жизни человѣчества, долженъ былъ получать перевѣсъ способъ изученія ея съ точки зрѣнія матеріальной культуры. Этотъ способъ имѣлъ за собой преимущество и большей доступности изслѣдованія, и большей прочности субстрата его, и большаго обилія матеріала. Какъ скоро явилась возможность сравненія орудій доисторическаго человѣка во всѣхъ частяхъ свѣта, выяснился фактъ первостепенной важности, что человѣкъ повсюду проходилъ одинаковыя ступени развитія и что даже въ настоящее время, въ нѣкоторыхъ странахъ онъ продолжаетъ еще оставаться на первобытныхъ ступеняхъ культурнаго развитія. Такимъ образомъ, явилась возможность цѣльнаго объединеннаго изложенія исторіи прошлаго человѣчества до начала его документальной исторіи. Безъ сомнѣнія, это только рамки, которыя могутъ быть наполнены лишь тогда, когда наука будетъ располагать большимъ количествомъ антропологическаго матеріала, когда она въ состояніи будетъ опредѣлить, какія именно расы пользовались извѣстными орудіями въ различныхъ частяхъ свѣта и въ какой связи эти расы находятся съ существующими подраздѣленіями человѣчества. Но это—дѣло будущаго, быть можетъ, еще весьма не близкаго. Пока мы должны довольствоваться тѣмъ, что даетъ намъ исторія матеріальной культуры, и должны быть признательны ея дѣятелямъ за то, что они даютъ намъ возможность видѣть въ доисторическомъ прошломъ человѣка не одну темную пустоту, а уже нѣкоторыя смутныя очертанія, по крайней мѣрѣ, его внѣшней жизни—съ жилищъ, одежды, орудій, украшеній, способовъ пропитанія, общественнаго союза и даже вѣрованій.

Читателю, желающему ознакомиться съ новѣйшими научными данными въ этой крайне важной и любопытной области, книжка Гернеса, какъ справедливо указываетъ переводчикъ въ своемъ предисловіи, можетъ послужить популярнымъ введеніемъ въ исторію первобытнаго человѣчества. Читатель узнаетъ изъ этой книжки не только о каменномъ, бронзовомъ и желѣзномъ вѣкахъ въ Европѣ, о которыхъ могъ знать и раньше изъ другихъ популярныхъ книгъ, принадлежащихъ къ той же научной области, но и о распро-

страненіи тѣхъ же періодовъ на культурное развитіе другихъ частей свѣта. Онъ узнаетъ, затѣмъ, какое участіе принимали извѣстные ему историческіе народы въ доисторическомъ культурномъ движеніи, какъ они жили въ бронзовомъ вѣкѣ и какимъ путемъ совершался переходъ изъ бронзоваго въ желѣзный, т.-е. историческій вѣкъ. Такимъ образомъ, книжка Гернеса освѣтитъ для него періодъ, который можетъ быть названъ полуисторическимъ, такъ какъ онъ непосредственно предшествуетъ историческому и оставилъ послѣ себя множество предметовъ, позволяющихъ возстановить многія стороны жизни тогдашняго человѣчества. Въ этомъ смыслѣ книжка Гернеса можетъ быть названа и введеніемъ во всеобщую исторію. Повторяемъ, что книга эта отличается большой сжатостью, но такого рода сжатость не можетъ быть признана недостаткомъ: ничто существенное въ ней не опущено, и она, при всей своей краткости, является цѣльнымъ конспектомъ древнѣйшей исторіи человѣчества.

Переводъ такой книжки, исполненный тщательно и съ знаніемъ дѣла, каковъ переводъ г. Березина (мы нашли въ немъ только неправильное наименованіе американской народности *чибча*, которая у него названа хибха) составляетъ весьма пріятное явленіе въ нашей популярной литературѣ, но онъ не можетъ не возбуждать желанія, чтобы у русскаго читателя, интересующагося этимъ предметомъ, поскорѣе оказался въ рукахъ переводъ большого сочиненія Гернеса. Какъ ни широко развивается у насъ литература по самообразованію, какъ ни почтенны стремленія нѣкоторыхъ издателей сдѣлать книги доступными по цѣнѣ для обширнаго круга читателей, но все-таки этой литературѣ недостаетъ еще систематичности, въ ней все еще много случайнаго и много крупныхъ пробѣловъ.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

С. Менье. «Сравнительная геологія».—*В. Зеленскій.* «Основныя начала общей зоологіи».—*А. Альмединген.* «На всякій случай».

Станиславъ Менье. Сравнительная геологія или геологія небесныхъ тѣлъ. Международ. научн. библ. Изд. «Научн. Обозрѣнія» Спб. 1896 г. Именемъ сравнительной геологіи С. Менье назвалъ науку, занимающую по своему содержанію среднее мѣсто между геологіей въ собственномъ смыслѣ этого слова и астрофизикой, т. е. той частью астрономіи, которая занимается изученіемъ физическаго состоянія небесныхъ тѣлъ. Это скорѣе сравнительная астрофизика, въ основу которой, однако, положены данныя, полученныя наукой при изученіи наиболѣе знакомаго намъ небеснаго тѣла—земли. Изучая свойства метеоритовъ, этихъ образчиковъ небесныхъ тѣлъ, падающихъ на нашу планету, французскій ученый нашелъ въ нихъ присутствіе горныхъ породъ, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ тѣмъ же причинамъ, подъ вліяніемъ которыхъ у насъ на землѣ образовались породы изверженныя, жильныя и

метаморфическія. Указанныя аналогіи были подтверждены тѣмъ же изслѣдователемъ и путемъ многочисленныхъ опытовъ. Такимъ образомъ, С. Менье наглядно показалъ, что на тѣхъ небесныхъ тѣлахъ, осколками которыхъ являются метеориты, совершались нѣкоторые изъ динамическихъ процессовъ, играющихъ первостепенную роль въ жизни земного шара. Вообще экспериментальный методъ даетъ основателю сравнительной геологіи, этого новаго отдѣла естествовѣдѣнія, много любопытныхъ результатовъ. Этимъ путемъ онъ подходитъ къ рѣшенію вопроса о происхожденіи удвоенія такъ называемыхъ «каналовъ» планеты Марсъ, удвоенія, которое, по мнѣнію автора, есть явленіе кажущееся. Тотъ же экспериментальный методъ проливаетъ нѣкоторый свѣтъ и на самое происхожденія названныхъ каналовъ, а также на происхожденіе особенностей структуры метеоритовъ и проч.

Послѣ предварительныхъ замѣчаній о единствѣ происхожденія членовъ солнечной системы, о той связи, которая существуетъ между ними и выражается въ обмѣнѣ лучеспусканій, полученіи вещества изъ небесныхъ пространствъ, С. Менье дѣлаетъ подробное сравненіе физической географіи, или, выражаясь точнѣе, астрографіи планетъ этой системы, ихъ спутниковъ и самого солнца, причемъ въ 1-ой части онъ разсматриваетъ внѣшній ихъ видъ, состояніе поверхностей, обладаніе атмосферой, а во 2-ой—явленія круговорота въ атмосферахъ и океанахъ, эруптивныя явленія и горообразовательные процессы. 3-я часть посвящена звѣздной эволюціи, т. е. исторіи развитія небесныхъ тѣлъ отъ состоянія туманности до состоянія, въ которомъ теперь находится луна.

Подобно тому, какъ палеонтологія на основаніи ископаемыхъ остатковъ животныхъ и растеній, опираясь на сравнительную анатомію, можетъ реставрировать исчезнувшіе организмы и по нимъ судить о прежнихъ фаунахъ и флорахъ, точно также и астрофизикъ, изучая вещество метеоритовъ, можетъ дѣлать нѣкоторыя заключенія о строеніи того небеснаго тѣла, кускомъ котораго является данный метеоритъ. Поэтому, тотъ отдѣлъ своей «сравнительной геологіи», предметомъ котораго служатъ метеориты, С. Менье называетъ «звѣздной палеонтологіей» и посвящаетъ ему 4-ю часть книги. Изъ этого короткаго перечня вопросовъ, разсматриваемыхъ въ сочиненіи французскаго автора, читатель можетъ судить о томъ, до какой степени интересно содержаніе «Сравнительной геологіи». Прибавимъ къ этому, что изложеніе отличается популярностью, хорошимъ языкомъ, описанія поясняются рисунками, изъ которыхъ, впрочемъ, въ русскомъ переводѣ помѣщены нѣкоторые, числомъ 16. Что касается самого перевода, то его можно назвать только сноснымъ, такъ какъ мѣстами попадаются тяжелые обороты, какъ, напр., на стр. 100: область, удаленная «отъ всѣхъ центровъ притяженія, образующихъ звѣзды». Надо думать, что здѣсь рѣчь идетъ о звѣздахъ, образующихъ центры притяженія. Неудачно выраженіе также «рудиментъ планеты», употребленное, очевидно, вмѣсто «Зачатокъ планеты». На стр. 121 и друг. переводчикъ пользуется старымъ геологическимъ выраженіемъ «формація», которое со времени Болоньскаго геологиче-

скаго конгресса оставлено и замѣнено словомъ «система». Если самъ авторъ употребляетъ старый терминъ (мы не имѣемъ подъ руками оригинала), то переводчику ничто не помѣшало бы или замѣнить его, или сдѣлать надлежащую оговорку въ сноскѣ, тѣмъ болѣе что, онъ, вообще говоря, не избѣгаетъ примѣчаній. Встрѣчаются между этими примѣчаніями и довольно наивныя. Такъ, на стр. 35, говоря объ удвоеніи каналовъ Марса, авторъ сообщаетъ, что нѣкоторые параллельные каналы «удалены другъ отъ друга на 15°». Переводчикъ по поводу этой фразы замѣчаетъ, что «рѣчь идетъ о градусахъ, отсчитываемыхъ на Марсѣ». Неужели же кому-нибудь можетъ придти въ голову, что рѣчь идетъ о градусахъ, отсчитываемыхъ на небесномъ сводѣ? Вѣдь, это $^1/_{12}$ часть половины круга! По внѣшности изданіе принадлежитъ къ категоріи сѣробумажныхъ.

В. Заленскій. Основныя начала общей зоологіи. Публичныя лекціи, читанныя въ 1895 г. въ Императорскомъ новороссійскомъ университетѣ. Принципы строенія и развитія животныхъ. Теорія эволюціи. Съ 18 ю рисунками. Изд. Г. Шлейхера. Одесса. 1896 года 203 стр. Ц. 1 р. 20 к. Въ 12 публичныхъ лекціяхъ, изданныхъ теперь отдѣльной книжкой, проф. Заленскій изложилъ своимъ слушателямъ тотъ отдѣлъ зоологіи, который принято называть введеніемъ въ эту науку. За исключеніемъ нѣкоторыхъ общихъ біологическихъ вопросовъ, какъ, напр., явленій симбіоза, полиморфизма, общественной жизни и друг.,—вопросовъ, которые лекторъ имѣетъ въ виду разсмотрѣть въ будущемъ при обозрѣніи отдѣльныхъ группъ животнаго царства, въ настоящей книжкѣ читатель найдетъ все существенное, что въ руководствахъ зоологіи помѣщается въ введеніи, а именно: строеніе клѣтки, яйца, разные типы развитія яйца, строеніе главнѣйшихъ тканей, обзоръ органовъ растительной и животной жизни, основанія классификаціи, понятіе о видѣ, исторія эволюціоннаго ученія, наслѣдственность и разныя теоріи ея, борьба за существованіе и половой подборъ, возраженія противъ теоріи естественнаго подбора, доказательства справедливости этой теоріи и проч. Въ отличіе однако отъ обыкновенныхъ руководствъ по зоологіи, въ описаніи клѣтки, тканей, развитіи яйца и т. д. авторъ останавливается на фактической сторонѣ вопроса лишь по стольку, по скольку это надо для пониманія общихъ идей и въ частности теоріи эволюціи, которая и составляетъ центръ тяжести всего содержанія лекцій. Кромѣ того, проф. Заленскій сообщаетъ сущность новѣйшихъ наблюденій и опытовъ, о которыхъ не упомянуто въ наиболѣе распространенныхъ руководствахъ по зоологіи, предназначенныхъ для слушателей высшихъ учебныхъ заведеній, и которыя, вмѣстѣ съ тѣмъ, проливаютъ много свѣта при рѣшеніи общихъ біологическихъ вопросовъ. Такъ, въ лекціи, посвященной описанію клѣтки, онъ довольно обстоятельно разсматриваетъ тактическія свойства протоплазмы, т.-е. отношеніе ея къ свѣту, теплу, химическимъ реагентамъ и проч., а также описываетъ опыты Квинке и Бючли надъ такъ-называемой «искусственной амёбой».

Въ лекціи о сегментаціи яйца проф. Заленскій излагаетъ ре-

зультаты опытовъ Ру, Дриша и другихъ ученыхъ по экспериментальной эмбріологіи, опытовъ, которые лежатъ въ основѣ различныхъ теорій дробленія яйца. Въ двухъ лекціяхъ о наслѣдственности приведены опыты Гипа, Бовери, довольно подробно изложена сущность теоріи Вейсманна и указаны достоинства и недостатки этой теоріи. Изъ этого короткаго изложенія содержанія разсматриваемой книжки видно, что лекціи почтеннаго профессора носятъ характеръ философскій; это скорѣе философія зоологіи, нежели введеніе въ эту науку. Хотя различнаго рода общіе выводы и теоріи въ курсахъ зоологіи для слушателей высшихъ учебныхъ заведеніяхъ принято излагать въ отдѣлѣ введенія, но такой порядокъ изложенія едва ли оправдывается педагогическими соображеніями. Всякая философія должна опираться на факты, поэтому всѣ или, по крайней мѣрѣ, многія общія идеи зоологіи полезнѣе было бы развивать слушателямъ лишь послѣ того, какъ они достаточно обстоятельно познакомятся съ фактами, т.-е. въ концѣ курса. Вотъ почему намъ кажется, что и большую часть матеріала, вошедшаго въ книжку проф. Заленскаго, лучше было помѣстить въ заключеніи его публичнаго курса зоологіи, но такъ какъ выпущены въ свѣтъ только 12 лекцій, составляющихъ введеніе, остальныя же, если онѣ были прочитаны, могутъ и не дождаться напечатанія, то нашъ упрекъ лишается почвы; напротивъ того, мы должны благодарить автора за его «основныя начала общей зоологіи». Книжка въ одинаковой мѣрѣ полезна какъ для обыкновеннаго читателя, интересующагося научными вопросами, такъ и для учащагося. Первый найдетъ въ ней популярное и прекрасное изложеніе главнѣйшихъ выводовъ философіи зоологіи, второму она можетъ послужить хорошимъ пособіемъ, откуда, помимо названныхъ выводовъ, онъ познакомится со многими фактами, добытыми въ новѣйшее время и не вошедшими, какъ мы уже сказали, въ наши распространенныя руководства.

Книжка иллюстрирована 68 недурно исполненными рисунками, много облегчающими пониманіе прочитаннаго. Изданіе опрятно.

Александръ Альмедингенъ. На всякій случай! Научно-практическіе совѣты по полеводству, садоводству, огородничеству, домоводству, по борьбѣ съ вредными насѣкомыми, грибами и паразитами, а также съ фальсификаціей пищевыхъ и другихъ веществъ. Часть I. С.-Петербургъ 1896. 2-е изд. Ф. Павленкова. Цѣна 50 коп. Въ послѣднее время появилось не мало книжекъ, носящихъ болѣе или менѣе бойкія заглавія. Всѣ эти книжки имѣютъ цѣлью спасать обывателей отъ фальсификаціи, отъ вредныхъ насѣкомыхъ, давать обывателямъ полезные совѣты и проч. И обыватель, нуждающійся въ совѣтахъ, покупаетъ такія книжки въ надеждѣ найти въ нихъ какія-либо дѣйствительно полезныя указанія. Къ сожалѣнію, ему приходится испытывать, чаще всего самое горькое разочарованіе. Авторы «совѣтовъ», въ большинствѣ случаевъ, невѣжественные люди, переписывающіе подобные совѣты изъ газетъ, иногда иностранныхъ, иногда русскихъ; безъ малѣйшаго признака критики—да она при полномъ невѣжествѣ и невозможна—они выбрасываютъ въ публику свои жалкія книжонки,

въ составленіи которыхъ ножницы играли бо́льшую роль, нежели голова составителя.

Во главѣ такихъ «авторовъ» безспорно стоитъ г. Александръ Альмединген̈ъ, авторъ книжки «На всякій случай!» и тому подобныхъ подозрительныхъ трудовъ.

Постараемся показать, до какой степени беззавѣтно предался г. Альмединген̈ъ переписыванію.

На 1-й страницѣ приведенъ способъ борьбы съ жучкомъ долгоносикомъ—рекомендуется разстилка овчинныхъ шкуръ. Казалось бы, тутъ и слѣдуетъ указать на всѣ способы борьбы съ долгоносикомъ. Такъ нѣтъ же: на страницѣ 24 читаемъ: «Новый способъ борьбы съ долгоносиками». Описаніе этого способа начинается словами: «мы сообщали уже о средствахъ борьбы съ долгоносикомъ... По послѣднимъ наблюденіямъ оказывается... и т. д.». Для борьбы съ долгоносикомъ г. Альмединген̈ъ рекомендуетъ крѣпкій уксусъ.

Что значитъ это «мы сообщали уже...», и если по новѣйшимъ наблюденіямъ оказывается уксусъ лучшимъ средствомъ, то для чего писать объ овчинахъ, какъ средствѣ? Затѣмъ, неужели между тѣмъ какъ г. Альмединген̈ъ писалъ первую и двадцать четвертую страницу своей книжонки прошло столько времени, что уже появились новѣйшія наблюденія? Если это такъ, то почему же то, что написано о долгоносикѣ на 1-й страницѣ, не было совсѣмъ выброшено, какъ нѣчто негодное или неудобное? Затѣмъ, гдѣ это г. Альмединген̈ъ «сообщалъ уже»?

А дѣло оказывается весьма простымъ. Въ газетѣ «Новое Время» постоянно печатается такъ-называемая «Обиходная рецептура». Авторъ ея писалъ нѣсколько разъ маленькія замѣтки о долгоносикахъ. Вырѣзывая эти замѣтки изъ «Новаго Времени», г. Альмединген̈ъ такъ и оставилъ ихъ въ неизмѣнномъ видѣ со словами «мы сообщали уже»!..

То же самое наблюдается и въ статейкѣ «Истребленіе сусликовъ при помощи сѣрнистаго углерода». Эта статейка помѣщена на стр. 49 и въ ней указано, какъ употреблять сѣроуглеродъ. На стр. 73-й опять дается способъ истребленія сусликовъ помощью сѣроуглерода, причемъ оказывается, что способъ, рекомендованный на стр. 49, неудобенъ, а удобенъ способъ, рекомендуемый на стр. 73-й. И опять то же замѣчаніе: «мы уже указывали»...

На стр. 47-й, говоря о верблюдѣ, г. Альмединген̈ъ сообщаетъ: «Пища верблюдомъ лучше ассимилируется чѣмъ лошадью, потому что верблюдъ имѣетъ *очень длинный пищеводъ*».

Такимъ образомъ, по мнѣнію г. Альмединген̈а, пища, должно быть, переваривается въ пищеводѣ?!

На стр. 49—50 г. Альмендингенъ описываетъ обыкновенный психрометръ, служащій для опредѣленія влажности воздуха, приписываетъ этому прибору способность предсказывать, понизится ли температура до 0° въ ближайшую ночь, способность, которой психометръ никогда не имѣлъ. Но, кромѣ того, авторъ обнаруживаетъ совершенно непростительное невѣжество, говоря, что шарикъ термометра, обтянутый батистомъ, нужно погрузить «въ ста-

канчикъ съ водою такъ, чтобы шарикъ висѣлъ въ водѣ. Съ поверхности шарика вода будетъ испаряться»...

Пусть бы г. Альмединген прочиталъ учебникъ физики, даже предназначенный для женскихъ институтовъ! Онъ узналъ бы изъ такого учебника, что разъ шарикъ погруженъ въ воду, съ поверхности его вода испаряться не будетъ.

На стр. 89 въ книжкѣ г. Альмедингена помѣщена статейка подъ названіемъ «домашній барометръ». Вотъ какъ авторъ описываетъ приготовленіе домашняго барометра: «Берутъ 15 золотниковъ 96° спирта и растворяютъ въ немъ 2 золотника камфоры, 1/2 золотника селитры и столько же кристаллическаго нашатыря. Растворъ сливаютъ въ стеклянный высокій цилиндръ, который плотно закрываютъ пробкой. Если жидкость въ цилиндрѣ остается прозрачной, это показываетъ хорошую, ясную погоду; если же въ жидкости показываются бѣленькіе кристаллики, въ видѣ нѣжныхъ звѣздочекъ, то это предвѣщаетъ перемѣну погоды. Помутнѣніе всей жидкости предвѣщаетъ вообще бурю и сильный дождь съ вѣтромъ».

Да проститъ меня читатель за то, что я привелъ всю эту безсмыслицу in toto. Но г. Альмединген, очевидно, считаетъ, что послѣднее слово науки произносятъ лица, торгующія на вербахъ въ разносъ. Они продаютъ вмѣстѣ съ «американскимъ жителемъ» и «домашній барометръ» того устройства, какое описывается г. Альмединженомъ. Но человѣкъ, берущійся давать публикѣ совѣты, долженъ былъ бы, по крайней мѣрѣ, знать, что барометръ предназначается для измѣренія давленія воздуха и что приборъ, не имѣющій никакого сообщенія съ внѣшнимъ воздухомъ, не можетъ указать давленія воздуха. Съ другой стороны, если бы г. Альмединген хоть немножко былъ «осторожнѣе», то онъ понялъ бы, что выдѣленіе кристалликовъ зависитъ отъ измѣненій температуры, ничего общаго не имѣющихъ съ предсказаніемъ погоды, если, въ особенности, приборъ стоитъ въ комнатѣ.

Не менѣе интересны признаки хорошей воды, приводимые г. Альмединженомъ на стр. 104.

«Хорошая вода для питья даетъ муть отъ прибавленія къ ней растворовъ слѣдующихъ веществъ: щавелевокислаго аммонія, фосфорно-кислаго аммонія, хлористаго барія, азотно-кислаго серебра».

Не знаю, согласился ли бы г. Альмединген пить такую «хорошую» воду?..

На стр. 121-й господинъ Альмединген сообщаетъ:

«Чистый ромъ есть продуктъ перегонки тростниковаго сахара».

Не дурное понятіе имѣетъ господинъ Альмединген о способахъ полученія рома!

Разсматривая подобную книгу невольно задаешься воспросомъ, неужели господину Альмединген трудно было хоть переписать-то правильно изъ порядочныхъ книжекъ, если уже самъ онъ не способенъ къ критической оцѣнкѣ того, что переписываетъ?

Г. Александръ Альмединген указываетъ на способы борьбы съ фальсификаціей пищевыхъ и другихъ веществъ. Не найдетъ ли онъ нужнымъ написать книжку и указать на способъ борьбы съ фальсификаціей... науки?..

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«*Here and There Memories*» *by H. R. N.* (*T. Fisher Unwin*) *London.* (*Разныя воспоминанія*). Авторъ этой книги, заключающей разнаго рода любопытныя воспоминанія и анекдоты, прежде служилъ въ ирландскомъ войскѣ и хорошо знакомъ съ ирландскимъ политическимъ движеніемъ отъ временъ О'Коннеля вплоть до настоящаго времени. Его разсказы и воспоминанія объ ирландскихъ дѣятеляхъ очень интересны, особенно тѣ, которые относятся къ Исааку Берту, и о Парнеллѣ, къ которому, впрочемъ, авторъ не питаетъ глубокой привязанности, но, тѣмъ не менѣе, находитъ, что Парнелль призванъ былъ играть важную роль въ событіяхъ и долженъ оставить послѣ себя имя въ исторіи. Другіе разсказы и воспоминанія касаются разныхъ людей и событій въ болѣе или менѣе отдаленныхъ мѣстностяхъ земного шара. Безъ всякаго предувѣдомленія авторъ переноситъ читателя въ Калифорнію, Австралію или Африку и т. п. мѣста и разсказываетъ о людяхъ, которыхъ онъ тамъ встрѣчалъ. Разсказы автора написаны очень увлекательно, тѣмъ болѣе, что онъ умѣетъ соединять художественность изложенія съ извѣстною долею реализма тамъ, гдѣ говоритъ о событіяхъ, въ которыхъ ему приходилось такъ иначе участвовать самому, и о людяхъ, съ которыми онъ встрѣчался во время своихъ странствій. (Daily News).

«*The Scenery of Sivitzerland, and the Causes to whict it is due*» *by the Right Honor. Sir John Lubbock* (*Macmillian and C°*). (*Швейцарскій пейзажъ и отъ чего онъ произошелъ*). Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, авторъ впервые провелъ лѣтнія вакаціи, вмѣстѣ со своимъ другомъ, профессоромъ Тиндалемъ, въ Швейцаріи. Тогда еще конфигурація этой мѣстности крайне заинтересовала его и онъ принялся изучать проблемы, стоящія въ связи съ этимъ вопросомъ. Личныя изысканія, изученіе геологической карты и разныя научныя изслѣдованія Швейцаріи дали ему возможность составить себѣ болѣе точное понятіе о тѣхъ процессахъ природы, которые обусловили появленіе Швейцаріи въ томъ видѣ, въ какомъ она намъ представляется въ настоящее время. Въ книгѣ Леббока можно найти чрезвычайно много новыхъ и интересныхъ данныхъ о Швейцаріи, и, безъ сомнѣнія, книга, соединяющая научность съ популярностью изложенія, еще долго будетъ признаваться авторитетомъ въ этой области. (Daily News).

«*Tales of Transvaal*». (*Fisher Unwin*) *London* (*Трансваальскіе разсказы*). Неизвѣстный авторъ книги, очевидно, хорошо изучилъ трансваальскую жизнь. Его разсказы, касающіеся различныхъ періодовъ новѣйшей исторіи Трансвааля, очень занимательны и даже поучительны, такъ какъ знакомятъ читателей со страной и народомъ, вызвавшимъ въ Европѣ довольно бурную полемику въ послѣднее время. (Daily News).

«*A Final Edition of Young Ireland*» *bi Sir Charles Gavan Dnffy* (*Fisher Unwin*) (*Молодая Ирландія*). Очень интересно составленные очерки и отрывки изъ новѣйшей исторіи Ирландіи съ портретами ея дѣятелей и иллюстраціями. (Daily News).

«*L'Année psychologique*» (*Félix Alcan*). *Paris.* (*Психологическій ежегодникъ*). Успѣхи, достигнутые психологіей за послѣдніе годы, побудили французскихъ ученыхъ Бинэ и Бони издавать ежегодное обозрѣніе всѣхъ сдѣланныхъ открытій и изслѣдованій въ этой научной области. Такой ежегодникъ служитъ какъ бы оффиціальнымъ органомъ психологической лабораторіи въ Сорбоннѣ, но въ немъ, кромѣ того, помѣщаются оригинальныя статьи выдающихся ученыхъ по всѣмъ вопросамъ психологіи, вмѣстѣ съ краткимъ резюме всѣхъ работъ, сдѣланныхъ въ психологической лабораторіи. Успѣхъ ежегодника лучше всего доказывается необыкновенно быстрымъ израсходованіемъ перваго

изданія. Въ настоящее время вышелъ въ свѣтъ ежегодникъ 1895 года, заключающій нѣсколько интересныхъ оригинальныхъ научныхъ статей Рибо, Бурдона, Бинэ и др. ученыхъ.

(Revue des Revues).

«*The Stories of Great Americains for litle americans*» (*Electic School Readings*) (*Исторія великихъ американцевъ, написанная для маленькихъ американцевъ*). Изданіе школьной библіотеки, имѣющее цѣлью внушить юному американскому поколѣнію чувство уваженія къ великимъ героямъ американской націи и воспитать гражданскія доблести и чувства.

(Popular Science Monthly).

«*Hypnotism, Mesmerism and the New Witchcraft*» *by Ernest Hart.* (*Appleton and C°*) *With 20 illustrations.* (*Гипнотизмъ, месмеризмъ и новая магическая сила*). Очень интересная книга, авторъ которой, практикующій врачъ въ одномъ изъ лондонскихъ госпиталей, много занимался вопросами гипнотизма и пришелъ къ убѣжденію, что въ терапевтическомъ отношеніи гипнотизмъ не приноситъ никакой особенной пользы, тогда какъ въ соціальномъ отношеніи онъ можетъ принести даже большой вредъ. Авторъ старается разрушить многія предвзятыя воззрѣнія о гипнотизмѣ и его значеніи, до сихъ поръ распространенныя въ обществѣ. Сообщаемые имъ наблюденія и факты очень любопытны.

(Popular Science Monthly).

«*La Société americaine*» (*Moeurs et caractère; la famille; Role de la femme; Ecoles et Universités*) *par M. Dugard* (*Librairie Hachette*) (*Американское общество; нравы и характеръ. Семья; роль женщины. Школы и университеты*). Въ нашъ вѣкъ соціальныхъ реформъ Америка болѣе чѣмъ когда-либо возбуждаетъ любопытство и вниманіе. Мы съ возростающимъ интересомъ слѣдимъ за успѣхами этого новаго міра и за могучими взмахами молодой цивилизаціи. Благодаря такому интересу въ европейской литературѣ въ послѣдніе годы появилась масса изслѣдованій, описаній и очерковъ, посвященныхъ Америкѣ. Большинство грѣшитъ, однако, односторонностью, такъ какъ авторы ихъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ проникали за предѣлы цивилизованныхъ округовъ, интересуясь исключительно лишь извѣстными сторонами американской жизни, соціальными проблемами, женскимъ вопросомъ, экономическими условіями и т. п. Авторъ же вышеназванной книги имѣлъ случай познакомиться не только съ жизнью штатовъ, но посѣтилъ и дальній Западъ (Farwest), гдѣ пріютились остатки индѣйскихъ племенъ. Въ этихъ мѣстахъ, гдѣ еще только зарождается цивилизація, рѣзче выступаютъ ея главныя характерныя черты. На основаніи ихъ авторъ старается выяснить психологію народа. Отъ дальняго Запада авторъ переходитъ къ центрамъ американской цивилизаціи, гдѣ соціальные вопросы занимаютъ болѣе высокое мѣсто; изучаетъ семью, положеніе женщины, воспитательныя системы и т. д. Въ заключительной главѣ авторъ резюмируетъ впечатлѣнія, получаемыя европейцемъ отъ этой могучей цивилизаціи, столь отличающейся отъ нашей.

(Revue des Deux Mondes).

«*Behind the Great Wall*» *by Irens H. Bornes* (*Marshall Brothers*). (*За Великою Стѣной*). Въ книгѣ заключается много любопытныхъ эпизодовъ, обрисовывающихъ жизнь и дѣятельность миссіонерскихъ обществъ въ Сѣверномъ Китаѣ. Многочисленныя иллюстраціи дополняютъ текстъ. (Daily News).

«*Madame Roland; a biographical Study*» (*Lawrence and Bullen*). (*Госпожа Роланъ*). Авторъ, американскій писатель, имѣлъ возможность воспользоваться неизданными документами, находящимися во владѣніи семьи знаменитой героини французской революціи. Но и помимо этого, написанный имъ очеркъ долженъ обратить на себя вниманіе читателей, благодаря тому, что образъ героини выступаетъ особенно ярко въ повѣствованіи автора. (Daily News).

«*Travel and Talk*» *by the Rev. H. R. Haweis* (*Chatto and Windus*). (*Путешествія и бесѣды*). Авторъ описываетъ свои продолжительныя странствованія по бѣлу свѣту. Онъ посѣтилъ Соединенные Штаты, Канаду, Цейлонъ, Австралію, Новую Зеландію, Тасманію и Тихоокеанскіе острова. Обладая огромною наблюдательностью и недюжинными познаніями, авторъ не ограничился поверхностнымъ обзоромъ посѣщаемыхъ мѣстностей, но вездѣ старался познакомиться какъ можно основательнѣе съ условіями народной жизни и природы. Книга написана очень литературно, и такъ какъ авторъ во время своихъ странствованій имѣлъ случай встрѣчаться и бесѣдовать со многими замѣчательными и выдающимися личностями, то это придаетъ его описаніямъ еще большій интересъ. Вообще, книга изобилуетъ разными любопытными эпизодами и должна занять не послѣднее мѣсто въ библіотекѣ путешествій.

(Daily News).

«*Through jungle and desert*». *Fravels in Eastern Africa. by William Astor Chanler. With illustrations and Maps.* (*Macmilan and C°*). *(Черезъ джунгли и пустыню).* Африка все больше и больше привлекаетъ взоры европейцевъ и никогда не бываетъ недостатка въ смѣлыхъ изслѣдователяхъ, желающихъ проникнуть тайны чернаго континента. Вышеназванная книга явилась результатомъ одной изъ такихъ смѣлыхъ попытокъ и заключаетъ много цѣнныхъ свѣдѣній о восточной части африканскаго материка. (Times).

«*Tales of South Africa*» *by H. A. Bryden* (*Constable and C°*). (*Южноафриканскіе разсказы*). Прекрасные разсказы, очень живо рисующіе африканскую жизнь. Авторъ провелъ много времени въ странствованіяхъ по южно-африканскимъ дебрямъ и пустынямъ и основательно познакомился съ жизнью африканскихъ дикарей, съ ихъ характеромъ, наклонностями, нравами и обычаями. Его описанія природы очень хороши, такъ какъ тутъ, рядомъ съ художникомъ, въ авторѣ сказывается натуралистъ и охотникъ. Нѣкоторые изъ разсказовъ проникнуты захватывающимъ драматическимъ интересомъ.

(Athaeneum).

«*Social England*». *Edited by H. D. Trail* (*Cassel and Company, Limited*) *London.* (*Соціальная Англія*). Это въ высшей степени серьезное коллективное изслѣдованіе по исторіи культуры въ Англіи, заключаетъ массу очень цѣннаго матеріала. Изъ отдѣльныхъ очерковъ, помѣщенныхъ въ пяти вышедшихъ уже томахъ этого сочиненія, особенно заслуживаетъ вниманія читателей: изслѣдованіе особенностей англійской земледѣльческой системы въ XVIII вѣкѣ, исторія земледѣльческихъ улучшеній и реформъ, исторія развитія крупной англійской промышленности, реформа тюремнаго дѣла, развитіе пауперизма и борьба съ нимъ и другъ. Только что вышедшій пятый томъ этого грандіознаго коллективнаго труда обнимаетъ царствованіе Георга I и весь періодъ до сраженія при Ватерлоо.

(Athaeneum).

«*In the Kingdom of the Shah*» *by M-r Treacher Collins* (*Fisher Unwin* (*Изъ царства шаха*). Очень занимательная книга, авторъ которой, извѣстный окулистъ, былъ приглашенъ въ Персію для лѣченія одного изъ сыновей шаха. Находясь при дворѣ шаха персидскаго въ качествѣ врача, авторъ имѣлъ полную возможность ознакомиться со страной и изучить персидскую жизнь болѣе или менѣе основательно. Хотя авторъ и не сообщаетъ ничего новаго, но такъ занимательно разсказываетъ, что увлекаетъ читателя и заинтересовываетъ картинами персидской жизни.

(Bookseller).

«*An Introduction to comparative psychology*» *by Prof. Lloyd Morgan. Contemporary Science Series* (*Walter Scott*) (*Введеніе въ сравнительную психологію*). Очень полное и основательное изложеніе современнаго положенія психологіи, опирающейся на біологію. Интересующіеся психологическими вопросами найдутъ въ этой книгѣ огромный матеріалъ.

(Saturday Review).

«*Evolution in Art*» *as illustrated by the Life Histories of Designs. By prof. Alfred C. Haddon* (*Walter Scott*) *Contemporary Science Series*) *(Эволюція искусства).* Авторъ задался цѣлью прослѣдить эволюцію искусства, посредствомъ изслѣдованія живописи, начиная отъ первобытныхъ рисунковъ и изученія ихъ исторіи. Его книга отличается не только большимъ безпристрастіемъ, но и своеобразностью взглядовъ на значеніе и роль искусства и исторію его развитія. (Athaenecum).

«*Animals at Work and Play, their emotions and activities* (*by C. 1. Cornish. Illustrated from Photographs by Gambies Wolton and others and from Drawings) (Suley and C°*) (*Животныя во время игры и работы, ихъ эмоціи и дѣятельность*). Кто любитъ животныхъ и интересуется ими, прочтетъ эту книгу съ большимъ удовольствіемъ. Авторъ, очевидно, хорошо изучилъ міръ животныхъ. Иллюстраціи, приложенныя къ книгѣ, очень хороши. (Daily News).

«*L'education populairs des adultes en Angleterre*». *Notices sur les principales institutions, par des membres de leurs comités, avec une préface de M. F. Buisson. Hachette et C°*) (*Народное воспитаніе въ Англіи*). Сборникъ свѣдѣній и фактовъ, касающихся англійскихъ воспитательныхъ учрежденій, спеціально устроенныхъ для взрослыхъ и народа. Эти народные институты, уже существующіе въ Англіи въ нѣсколькихъ городахъ и предназначенные для взрослыхъ, имѣютъ въ виду не только общее, но и спеціально техническое образованіе и, кромѣ того, стремятся поднять уровень культуры низшихъ классовъ и возбудить ихъ самосознаніе. Основательное знакомство съ дѣятельностью этихъ институтовъ, конечно, очень желательно, такъ какъ указываетъ, какіе пути наиболѣе цѣлесообразны и могутъ всего лучше содѣйствовать поднятію нравственнаго

уровня и распространенію культуры въ народѣ. (Journal des Débats).

«*Ireland; from 1494 to 1868*», *Cambridge historical Series* (*University Press*) *by I.O'Connor Morris* (*Ирландія*). Авторъ даетъ въ своей книгѣ краткую, но вполнѣ безпристрастную исторію Ирландіи, стараясь при этомъ держаться внѣ современныхъ политическихъ партій и борьбы. Интересующіеся ирландскимъ вопросомъ найдутъ, однако, въ этой книгѣ, несмотря на все ея безпристрастіе, много очень поучительныхъ данныхъ, освѣщающихъ начало и развитіе ирландскихъ затрудненій.

(Daily News).

«*Bruf History of the Transvaal and the Boers*» *by M-r Garret Fishes* (*Chapman and Hall*) (*Краткая исторія Трансвааля и боеровъ*). Трансваальское столкновеніе, возбудившее такую горячую полемику въ европейской печати, придаетъ этой книгѣ вполнѣ современный интересъ, хотя авторъ ея и не касается въ ней вопросовъ, породившихъ такую массу разногласій. Цѣль автора: написать исторію голландскихъ поселеній въ Южной Африкѣ вплоть до того періода, когда открытіе золота и алмазовъ вызвало иммиграцію чужестранныхъ элементовъ въ Трансвааль и породило условія для возникновенія трансваальскаго вопроса. Историческія данныя, сообщаемыя авторомъ, весьма интересны и поучительны.

(Daily News).

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ

съ 15-го іюня по 15-е іюля.

С. Сперанскій. *Рабочіе дома въ Россіи и за границей.* Спб. 96 г.

Педагогическая библіотека Тихомірова и Адольфова: **Иммануилъ Кантъ.** *О педагогикѣ.* Перев. съ нѣмецкаго Любомудрова съ портретомъ Канта и краткой біографіей. Москва. 96 г. Ц. 75 к.

Жанъ-Жакъ-Руссо. *Эмиль или о воспитаніи.* Перев. съ франц. П. Первова съ портретомъ Руссо и статьей о его жизни и произведеніяхъ. Москва. 96 г. Ц. 3 р. 50 к.

Землевѣдѣніе. Періодическое изданіе географическаго отдѣленія Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи. 96 г. Кн. I и II. Подъ ред. Д. Н. Анучина.

М. М. Филипповъ. *Философія дѣйствительности.* Спб. 96 г. Въ 4 выпускахъ. Цѣна полнаго сочиненія семь рублей. Подписная цѣна безъ перес. пять рублей.

Сочиненія Чарльза Дарвина. Изданіе О. Н. Поповой съ приложеніемъ 27 таблицъ и рисунковъ. Ц. каждому тому 4 р. 50 к. Спб. 96 г.

А. Брэмъ. *Жизнь животныхъ.* Перев. съ нѣмецкаго д-ра зоологіи С. М. Переяславцевой. Одесса. 96 г. Ц. каждаго выпуска 25 к. Выпуски 33—36.

Библіотека для самообразованія. Густавъ Шёнбергъ. *Положеніе труда въ промышленности.* Перев. съ нѣмецкаго М. Соболева. Подъ ред. А. И. Чупрова. Москва. 96 г. Ц. 1 р. 60 к.

Полезная библіотека. Т. Стивенсъ. *Вокругъ свѣта на велосипедѣ.* 2 части, перев. съ англійскаго. Изданіе П. П. Сойкина. Спб. 96 г. Ц. 1 р.

Александръ Тарнавскій. *Объ обязанностяхъ учителя начальнаго народнаго училища.* Изданіе К. И. Тихомирова. Москва. 96 г. Ц. 50 к.

А. Тамбовскій. *Анакреонтъ.* Первое полное собраніе его сочиненій въ переводахъ русскихъ писателей. Изданіе М. М. Ледерле. Спб. 96 г. Ц. 60 к.

Кн. А. Крапоткинъ. *Стихотворенія.* Москва. 96 г.

Въ книжныхъ магазинахъ **Карбасникова** (Петербургъ, Лит., 46; Москва, Моховая, д. Коха), **«Новаго Времени»**, **Луковникова** (Пет., Лештуковъ пер., 2), **К. И. Тихомирова** (Москва, Кузн. мостъ), **Глазунова, складъ книгъ, Д. И. Тихомирова** (Москва, Тверская, д. Гиршмана), кн. маг. **М. М. Ледерле** (Петербургъ, Невскій, 42).

ПРОДАЮТСЯ КНИГИ ВИКТОРА ОСТРОГОРСКАГО:

1) **Изъ міра великихъ преданій.** Разсказы для юношества съ рисунками Панова и Кившенко. Изд. 3-е. М. 1893 г. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к.

2) **Изъ народнаго быта.** Разсказы изъ пословицъ, поговорокъ и пѣсенъ; **Титъ, Вавило, Маланья и Маша на дѣвичникѣ.** Изд. 3-е. М. 1892 г. Ц. 20 к.

3) **Илья Муромецъ—крестьянскій сынъ,** разсказано по народнымъ былинамъ. Спб. 1892 г. Ц. 10 коп.

4) **Хорошіе люди.** Сборникъ разск. съ рисунками Шпака и Малышева. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

5) **Памяти Пушкина. Очерки Пушкинск. Руси.** Спб. 1880 г. Ц. 50 к.

6) **Этюды о русскихъ писателяхъ:** I. **И. А. Гончаровъ.** М. 1887 г. Ц. 75 к.—II. **Н. Г. Помяловскій.** Ц. 40 к.—III. **М. Ю. Лермонтовъ.** Мотивы Лермонтовской поэзіи. 1891 г. Ц. 50 к.—IV. **Художникъ русской пѣсни А. В. Кольцовъ.** 1893 г. Ц. 50 к.

7) **Русскіе педагогическіе дѣятели: Н. И. Пироговъ, К. Д. Ушинскій и Н. А. Корфъ.** М. 1887 г. Ц. 75 к.

8) **Руководство къ чтенію поэтическихъ произведеній,** Л. Эккардта съ прил. «Краткаго учебника теоріи поэзіи». Изд. 2-е. Одобрено У. К. М. Н. П., какъ руковод. Спб. 1877 г. Ц. 1 р. (готовится новое изданіе переработанное).

9) **Бесѣды о преподаваніи словесности.** Изд. 2-е М. 1886 г. Ц. 80 к.

10) **Выразительное чтеніе.** Изд. 3-е. М. 1893 г. Ц. 50 к.

11) **Русскіе писатели, какъ воспит.-образов. матеріялъ для занятій съ дѣтьми и для чтенія народу.** (Жуковскій, Батюшковъ, Крыловъ, Пушкинъ, Веневитиновъ, Баратынскій, Языковъ, Лермонтовъ, Майковъ, Мей, Плещеевъ, Кольцовъ, Никитинъ, Некрасовъ, Шевченко, Гоголь, Григоровичъ, Тургеневъ, Гончаровъ, Гр. Л. Толстой, Погосскій). Изд. 3-е. Спб. 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

12) **Родные поэты,** для чтенія въ классѣ и дома. Сборникъ стихотворныхъ произв. для юношества, указанныхъ въ книгѣ В. Острогорскаго: **Русскіе писатели** (Жуковскій, Батюшковъ, Крыловъ, Пушкинъ, Веневитиновъ, Баратынскій, Языковъ, Лермонтовъ, Майковъ, Мей, Плещеевъ, Кольцовъ, Никитинъ, Шевченко, Некрасовъ). Изд. 2-е. М. 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

13) **Двадцать біографій** образцовыхъ русскихъ писателей для юношества, съ 20-ю портретами. Изд. 3-е. Ц. 50 к.

14) **Наталья Борисовна Долгорукова.** Ц. 10 к.

15) **Изъ дальняго прошлаго. Драматическіе эскизы** (Мгла, др. въ 5 д.; Липочка, ком. въ 3 дѣйств. съ прологомъ; сцены: На однѣхъ сѣняхъ. Первый шагъ; Въ бель-этажѣ на улицу). Изд. М. М. Ледерле. Спб. 1891 года. Ц. 80 к.

16) **С. Т. Аксаковъ. Критико-біографическій очеркъ.** Изд. П. Г. Мартынова. Спб. 1891 г. Ц. 75 к.

17) **Моя библіотека. Ж. Б. Мольеръ. Мѣщанинъ въ дворянствѣ,** пер. В. П. Острогорскаго, съ предисловіемъ переводчика Изд. М. М. Ледерле. Спб. 1893 г. Ц. 50 к.

18) **Письма объ эстетическомъ воспитаніи.** Изд. журнала «Вѣстникъ Воспитанія». 1894 г. М. Ц. 40 к.

19) **Изъ исторіи моего учительства** Какъ я сдѣлался учителемъ, 1851—1864 г. Изданіе Поповой. Ц. 1 р. 25 к.

НОВЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ДѢТЕЙ ШКОЛЬНАГО ВОЗРАСТА

„ВСХОДЫ“

25 КНИГЪ ВЪ ГОДЪ.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ: а) 1-го числа—книгой большого формата—отъ 4 до 5 печатныхъ листовъ—въ два столбца, съ многочисленными рисунками и разнообразнымъ матеріаломъ, б) 15-го—небольшой книжкой—отъ 8 до 10 печатныхъ листовъ, содержащей въ себѣ одно произведеніе беллетристическое или научно-популярное.

Программа журнала: повѣсти и романы для дѣтей, оригинальные и переводные; стихотворенія; историческія повѣсти; сказки; историческія легенды; біографіи знаменитыхъ людей; очерки по естествознанію, географіи, этнографіи и проч. Ближайшее участіе въ редакціи принимаетъ извѣстная писательница для дѣтей А. Н. Анненская.

Въ журналѣ «ВСХОДЫ» будетъ помѣщаться ежемѣсячно: 1) отдѣлъ для маленькихъ дѣтей и 2) для родителей—критическій указатель дѣтской литературы.

Кромѣ того, подписчики получатъ книгу беллетристическаго или научно-популярнаго содержанія, въ видѣ безплатнаго приложенія.

Содержаніе вышедшихъ 14 номеровъ:

Отдѣлъ I. Пожаръ на кораблѣ, *К. Станюковича*; Изгнанникъ (изъ жизни средне-вѣковой Европы), *А. Анненской*; Ѣзда на собакахъ въ Сибири, *В. Сырошевскаго*; Сапожникъ-миссіонеръ, *Л. Давыдовой*; Голодовка у Сѣвернаго полюса, *Э. Пименовой*; Ужасный случай, *Д. Мамина-Сибиряка*; Другъ дѣтей. Генрихъ Песталоцци, біографическій очеркъ *А. Н. А.*; Нелло и Патрашъ, *Уйда*; Изъ монастыря въ лагерь, *А. Н. Анненской*; Исторія одного мальчика, *А. Додэ*; Черные брилліанты подземнаго царства, *А. П. Нечаева*; Фрося и Пестрянка, *В. Михѣева*; Птичьи гнѣзда, *А. Никольскаго*; Проклятое золото, *Б. Филлау*; Рыцарь Бѣлой Розы, *А. Анненской*; Стипендія, переводъ *Л. Давыдовой*; Среди австралійскихъ дикарей (путешествіе К. Лумгольца), *Э. Пименовой*; Смиренные, *А. Коваленской*; Соляное царство, *А. Нечаева*; Бѣглецы, *Клерси*, переводъ *П. Кудели*; Устройство садика, *А. Н—ва и Е. Симоновой*; За правое дѣло, *Коломба*; Избраніе на царство перваго государя изъ дома Романовыхъ; Найденышъ, *А. Анненской*; Милосердіе, *Л. Черскаго*; Прежде и теперь, *Д. Коропчевскаго*; Карлъ Линней, *А. Нечаева*; Бѣлка, *А. Терье*, переводъ *А. Юрьевой*; Въ странѣ чудесъ (путешествіе по Индіи), *П. Масля*; Воспоминанія одного американскаго школьника, *Т. Белея Олдрича*, переводъ *В. Кемница* и мн. др. **Отдѣлъ II. Для маленькихъ братьевъ и сестеръ.** Моя первая елка, *А. Анненской*; Булочникъ и трубочистъ; Финиковый садъ въ пустынѣ, *А. Нечаева*; Аленушкина сказка, *Д. Мамина-Сибиряка*; Вовка, *А. Алтаева*; Мишукъ и др. **Отдѣлъ III. Для родителей. Критическій указатель дѣтской литературы.**

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1896 ГОДЪ:

Цѣна 5 рублей въ годъ съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россіи, за границу 8 рублей. Разсрочка допускается слѣдующая: 3 рубля при подпискѣ и 2 рубля къ 1-му мая.

Безплатное приложеніе получаютъ только тѣ подписчики, которые уплатили подписную плату полностью.

Адресъ: С.-Петербургъ, Лиговка, 25, кв. 5, редакція журнала «МІРЪ БОЖІЙ».

Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать 20 к. съ каждаго экземпляра. Разсрочка черезъ книжные магазины не допускается

Издательница А. Давыдова. Редакторъ П. Голяховскій.

„МІРЪ БОЖІЙ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

(25 листовъ)

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ЮНОШЕСТВА

и

САМООБРАЗОВАНІЯ.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ—въ главной конторѣ и редакціи: Лиговка, д. 25—8, кв. 5 и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. Въ Москвѣ: въ отдѣленіи конторы—книжный магазинъ Карбасникова, Кузнецкій мостъ, д. Коха, и въ конторѣ *Печковской,* Петровскія линіи.

1) *Рукописи,* присылаемыя въ редакцію, должны быть *четко переписаны* снабжены подписью автора и его адресомъ, а также и указаніемъ размѣра платы, какую авторъ желаетъ получить за свою статью. Въ противномъ случаѣ размѣръ платы назначается самой редакціей

2) Непринятыя мелкія рукописи и стихотворенія не возвращаются, и по поводу ихъ редакція ни въ какія объясненія не вступаетъ.

3) **Принятыя статьи,** въ случаѣ надобности, сокращаются и исправляются, непринятыя же сохраняются въ теченіе полугода и возвращаются по почтѣ только по уплатѣ почтоваго расхода деньгами или марками.

4) *Лица,* адресующіяся въ редакцію съ разными запросами, для полученія отвѣта, прилагаютъ **семикопѣечную марку.**

5) Жалобы на неполученіе какого-либо № журнала присылаются въ редакцію *не позже двухъ-недѣльнаго срока* съ обозначеніемъ № адреса.

6) Иногородныхъ просятъ обращаться исключительно въ контору редакціи. Только въ такомъ случаѣ редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала.

7) При переходѣ городскихъ подписчиковъ въ иногородные доплачивается 70 копѣекъ; изъ иногородныхъ въ городскіе 40 копѣекъ; при перемѣнѣ адреса на адресъ того-же разряда 14 копѣекъ.

8) Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать за комиссію и пересылку денегъ 35 коп. съ каждаго годового экземпляра.

Контора редакціи открыта ежедневно, **кромѣ праздниковъ,** отъ 11 ч. утра до 4 ч. пополудни. Личныя объясненія *съ редакторомъ по вторникамъ,* отъ 2 до 4 час., *кромѣ праздничныхъ дней.*

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ безъ доставки **6** руб., съ доставкой и пересылкой въ Россіи **7** руб., за границу **10** руб.

Издательница А. Давыдова. Редакторъ **Викторъ Острогорскій.**

UNIVERSITY OF CALIFORNIA LIBRARY
BERKELEY

Return to desk from which borrowed.
This book is DUE on the last date stamped below.

FEB 14 1948

ICLF (N)

UCLA
INTERLIBRARY LOAN

AUG 15 1977

LD 21–100m-9,'47(A5702s16)476

U. C. BERKELEY LIBRARIES

C042636570